

ГИТЛера

застольные беседы

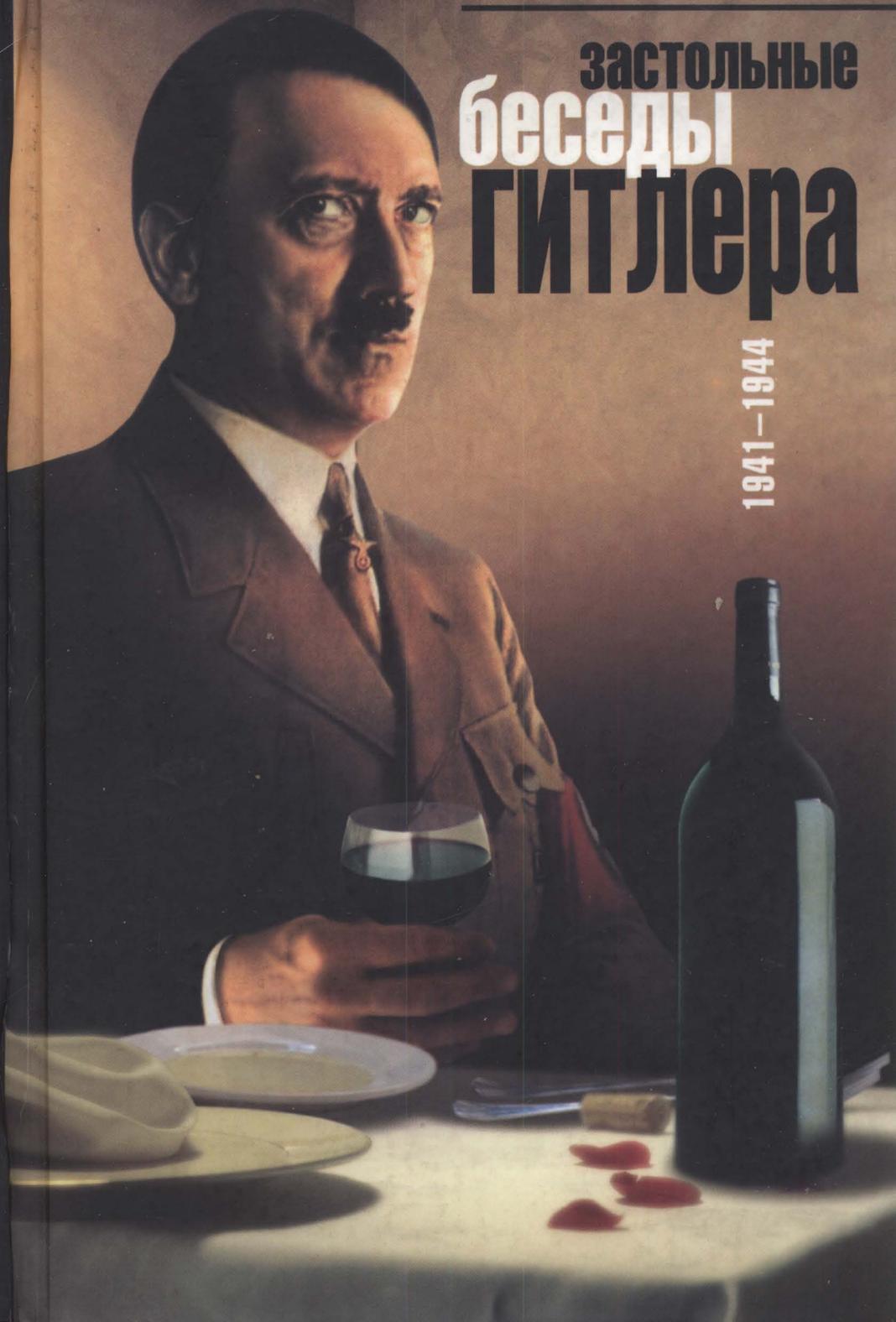
Х. Тревор-Ропер

Хью Тревор-Ропер

**застольные
беседы
ГИТЛера**

1941—1944

Хью Тревор-Ропер

**застольные
беседы
ГИТЛера**

1941—1944

H.R. Trevor-Roper

**HITLER'S
TABLE
TALK**

1941—1944

Хью Тревор-Ропер

**застольные
беседы
ГИТЛера
1941—1944**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

ББК 63.3(0)62
Т66

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Тревор-Ропер Хью
Т66 Застольные беседы Гитлера. 1941—1944 гг. / Пер. с англ.
А.С. Цыпленкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. —
655 с.

ISBN 5-9524-1353-6

В книге приводятся высказывания Гитлера в неформальной обстановке, когда фюрер, не прикрываясь идеологическими штампами, излагал мотивы своих поступков, откровенно делился видением перспектив переустройства мира и разрабатывал механизм претворения планов в действительность. Огромное количество фактического материала позволяет понять, как одинокий невзрачный плебей смог овладеть всеми темными силами человеческого сознания, сконцентрировать и мобилизовать их для обретения безграничной власти.

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-9524-1353-6

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

ОБРАЗ МЫСЛЕЙ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Кем же был Гитлер? История его политической карьеры в изобилии задокументирована, и мы не можем избежать ее ужасного влияния. В его честь может быть названо целое поколение в истории, мы говорим об эре Гитлера так же, как об эпохе Наполеона или Карла Великого. И все-таки, невзирая на жестокую очевидность его влияния на мир, как сложен его характер для описания! То, что он делал, ясно всем; каждая деталь его политической деятельности сейчас исторически установлена, благодаря захвату и использованию беспрецедентного в истории объема документов. Его личная жизнь и манеры изучены и освещены в печати. И все же, если задаться вопросом не о том, что он делал, а как он это делал, или, скорее, как он мог это делать, историки уходят от вопроса, прячась за неправдоподобными ответами. Для марксистов, которые в большинстве своем еще старой закалки, он был просто пешкой, творением умирающего капитализма в своей последней стадии. Другие часто видят его шарлатаном, воспользовавшимся рядом удобных случаев, настоящим актером и лицемером, хитрецом, жуликоватым крестьянином или гипнотизером, который лишал людей разума с помощью колдовских чар. Даже сэр Льюис Намбер согласен с характеристикой, данной одним достойным немецким чиновником, в которой Гитлер предстает всего лишь безграмотным, нелогичным, непредсказуемым плутом и дилетантом. Даже м-р Алан Буллок, похоже, не прочь рассматривать Гитлера как некоего дьявольского авантюриста, движимого единственно лишь безмерной жадной личной власти. И все же можно возразить: а смог бы простой авантюрист, продувной шарлатан и вертопрах совершить то, что сделал Гитлер, который,

начав с нуля одиноким плебеем в огромном космополитическом городе, выжил и овладел всеми темными силами, которые сумел мобилизовать, и, управляя ими, почти завоевал весь мир? На этот вопрос редко услышишь какой-нибудь ответ: историки от него уходят, и, как и в отношении героев античности, мы только знаем, что говорим с бессмертными существами, исходя из факта, что их уже нет с нами.

Мне эта проблема представляется серьезной и стоящей того, чтоб ею заняться, а не уклониться от нее. Давайте на момент оценим достижения Гитлера. Сын мелкого чиновника из австрийской глубинки, со скудным образованием и неопределенным социальным фоном, по общим отзывам, неумелый, инертный и беспомощный, безработный неврастеник, живший впроголодь в трущобах Вены, появляется в Германии как чужак и после нескольких лет жизни в самых жалких условиях объявляет, что германская нация может, опираясь на собственные силы и вопреки желанию победителей, не только вернуть утраченные провинции, но и прирастить к ним новые территории, завоевать Европу и главенствовать в ней. Далее он утверждал, что лично способен совершить это чудо. Двадцать лет спустя Гитлер был настолько к этому близок, что остальной мир счел чудом то, что перед ним удалось в конце концов устоять.

Для историков чудес не бывает. Что бы ни произошло, ими объясняется и становится, в ретроспективе, неизбежным. Но иногда полезно рассматривать события с их стартовой точки, а не с момента завершения и тем самым анализировать перспективу успеха, а не сам исход. Только так можно оценить характер лиц, которые предвидели эти события. Мы справедливо считаем признаком величия м-ра Черчилля то, что с 1933 г. он в числе немногих реально оценил опасность возникновения новой Германской империи. Можно, я думаю, считать признаком гениальности Гитлера то, что за двенадцать лет до этого, когда все представлялось куда более немислимым, он увидел шанс для такой империи и поверил (и это подтвердилось), что ее можно создать и что он, в то время одинокий демобилизованный капрал, может стать ее строителем. Я так подробно остановился на этом моменте потому, что хотел бы заявить: в противоречие общепринятому мнению Гитлер имел рассудок. Мне кажется, если простой фантазер мог в 1920 г. мечтать о какой-то революции и если мелкий авантюрист мог в 30-х гг. воспользоваться такой революцией (как Французской революцией воспользовался Наполеон, хотя ее вершили другие), то того, кто и предвидел, и сам осуществил революцию как путь к империи и саму империю после революции, кто заранее опубликовал детальный план своих намерений действовать, почти не отличавшийся от того, что произошло в реальности, нельзя считать ни простым фантазером, ни каким-то авантюрис-

том. Это был мыслитель с высокой внутренней организацией, а образ его мышления для историка столь же важен, как и проблема образа мышления Бисмарка или Ленина.

Тогда почему же историки столь мало рассказывают нам об образе мышления Гитлера, зачастую заявляя о том, что его не существовало? Несомненно, отчасти из-за его отвратительного характера. Интеллект привлекателен, если он чувствителен, ясен, богат, разносторонен, человечен. Образ мышления многих деспотов и страшных доктринеров, к целям которых мы относимся без симпатии, тем не менее представлялся нам интересными, возможно, даже симпатичным по причине этих качеств: если образ мышления Ришелье привлекает нас своей четкостью, то святого Августина — своим богатством, а Кромвеля — неуклюжей гуманностью. Но гитлеровское мышление не имело такого привлекательного вида. Оно было неясным, твердым и жестоким. Оно было направлено только на обладание властью; а духовная власть, хотя и важна сама по себе, не столь привлекательна.

Есть еще, мне кажется, другая причина, по которой мышление Гитлера так недооценивалось историками. Она состоит в том, что свидетельства, которыми мы пользовались, в основном были представлены теми немцами, которые контактировали с ним, потому что ему служили, и служили долго. Эти люди, будучи грамотными, остро ощущали вульгарность, негибкость мышления своего хозяина — качества, которые неизменно подчеркивали в своих мемуарах. Но они при этом были и слугами, которые после войны поняли необходимость найти какое-то оправдание своей службе на этого опозорившегося хозяина; а какое оправдание может быть лучше, чем представлять себя невинными простачками в руках сверхчеловеческого лицемера, ханжи, который своим высочайшим лицемерием ухитрился обмануть даже таких целомудренных и интеллигентных людей, как они сами? Такие оправдания всегда появлялись на свет в результате неудачных революций. Скомпрометировавшие себя службой Оливеру Кромвелю всего-навсего изображали его мастером лицемерия вроде Макиавелли и специалистом обмана, и в течение двухсот лет, пока Карлейль не опубликовал письма и речи Кромвеля, эта доктрина процветала. Такой ценой всегда платили за катастрофические провалы. Несомненно, если б Адам и Ева не были пойманы в момент их судьбоносного грехопадения, Змей (если б действительно была признана какая-то его заслуга в сделанном ими открытии) всеми бы считался глашатаем общих интересов, выразителем общей воли народа Рая. И так была бы спасена их репутация после катастрофического провала, придавшего Змею столь дьявольское реноме.

Таким образом, если мы намереваемся разобраться в образе мышления Гитлера, нам необходимо проникнуть за плотный занавес внешних свидетельств, который скрывает этот образ — отвратительный

характер, который сформировал это впечатление и который не может оправдать никакая сила мысли, ненадежные посредники, которые его комментировали. Нам надо иметь дело напрямую с личными высказываниями Гитлера: не с письмами и официальными речами (они хотя и ценны, но слишком публичны, слишком формальны для таких целей), а с его частными беседами, его застольными речами. Дневники д-ра Геббельса, написанные для общего употребления, имеют невысокую в историческом смысле цену; насколько живее характер мышления наиболее интеллектуальных нацистов проявляется в застольных беседах, записанных Рудольфом Землером!¹ Личные разговоры Гитлера в решающие годы захвата власти (Machtergreifung) (1932—1934), в краткой форме записанные Германом Раушнинггом², так озадачили мир (который даже в 1939 г. не мог смириться ни с такой жестокостью, ни с такими амбициями), что они долгое время считались поддельными. Это сейчас, я полагаю, их принимают на веру. Если кто-то все еще сомневается в их подлинности, то у него после прочтения книги вряд ли это мнение сохранится. Ибо здесь дается официальная, подлинная стенография застольных разговоров Гитлера почти ровно через десять лет после того, как они были записаны Раушнинггом.

Как все изменилось за десять лет! В 1932 г., когда Раушнингг только начал вести записи, Гитлер прошел первый этап своей революции. Десятью годами раньше, когда он появился на сцене в качестве революционного лидера партии в Германии лишь для того, чтобы пережить оскорбления и поражение и очутиться в баварской тюрьме, его политическая карьера, казалось, была кончена. Но вот это время борьбы (Kampfzeit), эти годы борьбы, о которых он впоследствии так часто и восторженно вспоминал, были позади; он уже стоял на пороге власти в Германии и уже на публике умиротворял своих консервативных союзников и хозяев респектабельными речами, а в частных беседах с самоуверенным наслаждением описывал следующий этап революции. Слушая это, сам Раушнингг (будучи консерваторм), этот восточнопрусский юнкер, ужасался при виде столь грандиозных амбиций и делал выводы. В 1934 г. ему удалось выбраться из этого Джаггернаута³, гигантской машины уничтожения, сумасшедшего водителя которого он до сих пор невольно подслушивал, и сбежать за границу. Таким образом, окно в душу Гитлера, которое Раушнингг вскоре после этого открыл для Запада (но сколь немногие заглянули в него или поверили увиденному!), вдру

¹ *Землер P. Saadan var Goebbels*. Копенгаген, 1947. Английский перевод «Goebbels the Man next to Hitler». Лондон, 1947.

² *Раушнингг Г. Говорит Гитлер*. Лондон, 1939.

³ *Д ж а г г е р н а у т* (джаганнатха) — одна из форм бога Вишну. Во время ритуалов его адепты бросаются под колесницу с изображением божества, считая за счастье погибнуть под ее колесами. В переносном значении мощное орудие слепого разрушения.

вновь закрылось; и в следующем десятилетии застольные беседы в штаб-квартире фюрера стали, как это всегда и предусматривалось, частными. Как же так произошло, что в 1941 г., когда Гитлер завершил второй этап своей революции и устремился к своей последней, коронной цели — завоеванию Востока, это окно вдруг вновь приоткрылось; и приоткрылось, однако, не волей случая, а намеренно, путем организации официального стенографирования? Чтобы ответить на этот вопрос, надо на время заняться оценкой обстоятельств, в которых происходили данные беседы.

Во время войны жизнь Гитлера главным образом протекала в его военном штабе. Вначале, в ходе Польской кампании, этот штаб находился в специальном поезде, стоявшем возле Гоголина; потом в той же кампании он перевел штаб в гостиницу в Сопоте. В начале Западной кампании его штаб располагался в резиденции возле Бад-Наухайма, который он называл «Орлиное гнездо» (Felsenest); позднее, когда победа следовала за победой, он переехал в Брюли-де-Пеш на франко-бельгийской границе возле Розуа. Там его штаб носил название «Волчье ущелье» («Wolfsschlucht») (у него была старая привязанность к слову «волк», которое он присвоил и себе самому, когда скрывался от полиции в дни борьбы — Kampfzeit). Именно в «Wolfsschlucht» он узнал новость о падении Франции и исполнил свою знаменитую джигу. Впоследствии он делил свое время между новым штабом в Черном Лесу (Tannenberg) и своим спецпоездом. Далее, в июле 1941 г. он переехал в Восточную Пруссию, чтобы руководить величайшей из всех своих боевых кампаний — сокрушительным ударом на Востоке. Его восточнопруссский штаб находился в Растенбурге, и Гитлер называл его «Wolfschanze» («Волчье логово»). Его временный штаб располагался в Виннице на Украине и назывался «Werwolf». Именно в «Wolfschanze» или «Werwolf» происходили все разговоры, изложенные в этой книге. Более трех лет его штаб оставался на Востоке, главным образом в Восточной Пруссии, а однажды (в период триумфального продвижения летом 1942 г.) и в самой России. Потом в ноябре 1944 г. фельдмаршал Кейтель наконец-то убедил его покинуть это нездоровое место посреди мрачного соснового леса, в котором его чуть не убили и в котором он последний год днем и ночью вел существование подземного троглодита.

Они имели место за едой: иногда за обедом, иногда за ужином, а чаще — во время его последнего приема пищи, за длинной чередой чая и пирожных, которой (в основном далеко за полночь) завершался рабочий день. И тут Гитлер раскрывался. Страстный оратор, он, казалось, своим голосом и глазами завораживал слушателей (хотя голос его был груб, а глаза — тусклы). Дело в том, что его неформальные беседы, в отличие от официального красноречия, были (и с этим соглашаются все слушатели) свежими, гибкими, иногда даже веселыми. Конечно, это был преимущественно монолог, хотя Гитлер и приветствовал возбуждающее и стимулирующее

вмешательство, и, конечно, он часто повторялся. Тем не менее его интимный круг (потому что это был только его интимный круг, включая, правда, случайных надежных гостей, которые посещали эти мероприятия), казалось, этим восхищался. Они в этом видели весь внутренний мир фюрера: автобиографические детали его недокументированных ранних лет, секретная история Kampfzeit, страшная, но волнующая философия, благодаря которой он уже выполнил три четверти своей обширной программы, а сейчас, похоже, вот-вот завершит и четвертую. Почему, витал вопрос, нельзя эти подлинные высказывания Хозяина зарегистрировать для будущих поколений? Особенно беспокоил этот вопрос Мартина Бормана, литературно мыслящего евангелиста движения, незаменимого гитлеровского секретаря, непогрешимого агента и в конце концов верного исполнителя. Но Гитлер всегда отвечал отказом. Он терпеть не мог вид регистрирующей аппаратуры или даже стенографистов в часы своего отдыха, когда он спонтанно, неблагоразумно и даже весело расслаблялся и становился самим собой. Потом, совсем неожиданно, в июле 1941 г., когда наступил апокалипсический момент и вот-вот должен был начаться великий триумф на Востоке, он уступил. Он все еще не давал разрешения на установку в комнате какого-либо механического записывающего устройства и настаивал на том, что никакая навязчивая фигура или раздражающий жест не должны отвлекать его во время изложения мыслей вслух или препятствовать его огромной свободе речи; но он согласился, что к его приему пищи можно допустить какого-нибудь партийного функционера, который мог бы незаметно в углу делать некоторые записи. А приводить их в окончательный вид и потом хранить будет Мартин Борман — единственный надежный интерпретатор мыслей фюрера.

Борман тут же дал необходимые распоряжения. Был назначен партийный функционер, и с 7 июля 1941 г. он был допущен к присутствию у Гитлера во время приема пищи. Его звали Генрих Хайм. В течение всех монологов ему полагалось сидеть в неприметном месте и делать короткие рукописные записи. Потом он уходил и на основе этих записей диктовал одному из стенографистов Бормана свою запись разговора. Машинописный экземпляр вручался Борману, который его прочитывал, иногда исправлял или добавлял разъясняющие комментарии, визировал и подшивал в папку. Хайм вел записи до 11 марта 1942 г., когда его отправили на четыре месяца со специальным заданием в Париж. Эти четыре месяца его замещал другой функционер, д-р Генри Пикер. Однако и Хайм и Пикер были всего лишь подчиненными работниками, действовавшими по приказам и под контролем Бормана, который один в качестве секретаря Гитлера отвечал за подготовку, точность и хранение записей. Иногда в интимных случаях Борман сам вел записи. Но кто бы ими ни занимался, они были официально известны как

Wogmann-Vergmerke; а в заголовке одной тысячи сорока пяти печатных страниц, которые они насчитывали в конечном итоге и которые Борман хранил лично, он собственноручно написал: «Записи фундаментальной важности для будущего. Хранить с величайшей осторожностью».

Когда Хайм вернулся 1 августа 1942 г. для возобновления своих обязанностей придворного репортера при штабе Гитлера, то обнаружил, что долго ему оставаться не суждено. Дело в том, что гитлеровский год чудес («Annus Mirabilis») близился к концу. Летом 1942 г. стратегия Гитлера на Востоке, в особенности слабеющая 6-я армия Паулюса у Сталинграда, намеревавшаяся нанести удар по еще более далеким целям на Кавказе, встретила отчаянное сопротивление со стороны Генерального штаба сухопутных войск. Начальник штаба генерал Гальдер все еще вздрагивает при воспоминании об этих сценах. Решения Гитлера, говорит он, «перестали иметь что-либо общее с принципами стратегии и тактики, признававшимися прошлыми поколениями. Они были продуктом жестокой природы, подчинявшейся сиюминутным импульсам», патологической мании величия, преступной безответственности. Гитлер обозвал офицеров Генштаба трусами, чьи мозги «окаменели в устаревших канонах мышления», а когда какой-то офицер зачитал ему данные о военной мощи русских, «набросился на него со сжатыми кулаками и с пеной у рта и запретил читать подобную идиотскую болтовню»¹. В отношении стратегии Гитлер выиграл, а последствия нам известны. Косвенным результатом этих взрывов стало снятие Гальдера с должности в сентябре 1942 г. В это же время Гитлер прекратил неформальные застольные встречи с членами Генерального штаба, которых теперь он считал своими врагами, «единственным франкмасонством, которое я не сумел сломить». Распорядок дня был нарушен; мелкобуржуазное веселье, ярая уверенность, неугасимое воображение исчезли из его высказываний; а Wogmann-Vergmerke, по крайней мере, как регулярное мероприятие прекратилось. Все еще делались и печатались случайные записи, но они были прерывистыми, случайными и редкими. Записи вел уже не Хайм, а либо Борман, либо третий репортер, сменивший Хайма.

Естественно, монологи не прекратились, но изменился их характер, и теперь они были адресованы уже более ограниченной аудитории. Сначала в атмосфере глубокой, почти маниакальной депрессии, овладевшей Гитлером после Сталинграда, он ушел в абсолютное одиночество и провел несколько месяцев в компании со своим эльзасским догом. Когда одиночество наскучило, он решил снова приглашать за свой стол случайных офицеров, но, обнаружив, что в их обществе невозможно избежать военных тем, вскоре отказался от

¹ Гальдер Ф. Hitler als Feldherr. Мюнхен, 1949. Английский перевод «Гитлер — главарь». Лондон, 1950. С. 55—57.

своего эксперимента. В итоге он обзавелся постоянной, но скучной или не понимающей его компанией женщин-секретарш, которую временами дополнял его вечно пьяный, непоседливый адъютант, его доктор-знахарь, а после июля 1944 г., когда он стал опасаться отравления и проявлять чрезмерное внимание к своей безопасности, — его вегетарианский повар¹. Одна из его секретарш описывала эти унылые поздние посиделки. «После Сталинграда, — писала она, — Гитлер больше не выносил музыки, и каждый вечер вместо этого нам приходилось выслушивать его монологи. Но его застольные речи стали заезженными, как грампластинки. Постоянно было одно и то же: его дни в Вене, Kampfzeit, история человека, микрокосм и макрокосм. Мы знали заранее, что он скажет по каждому вопросу. С течением времени эти монологи всем нам надоели. Но никогда не упоминались события в мире и на фронте: все, что касалось войны, было запретной темой». «В 1944 г. мне иногда случалось сидеть с Гитлером и в 8.00 утра, с притворным вниманием слушая его... Я до сих пор удивляюсь, почему он жертвовал своим ночным отдыхом для того, чтобы излагать свои теории аудитории, большая часть которой предпочла бы спать в это время». Иногда присутствовавшая там Ева Браун не скрывала своей скуки, время от времени бросала на Гитлера недовольный взгляд или громко спрашивала, который час. И тогда Гитлер прерывал свой монолог, приносил свои извинения и вставал из-за стола².

Данная книга не затрагивает этих последних удручающих разговоров, как и не содержит полных записей повторов, которые были часты даже в лучшие времена. В нее включены только те части застольных разговоров Гитлера, которые, по мнению Бормана, стоили этого. И даже в этом случае многое из сказанного повторяется. Многое также отражает непристойность и грубость манер, догматизм, истерию, тривиальность гитлеровского мышления. Но при всей шумности, весьма скучных и неприятных вещах она еще и содержит суть его образа мышления; это зеркало его страшного гения, — гения, которого, я думаю, можно и нужно развенчать.

Гитлер считал себя самого личностью столетий, почти (хотя он сам открыто не признавал такого религиозного титула) Мессией. Он полагал, что только он один — или почти один — понимает кризис нашего времени и может устранить его. Для него пораже-

¹ Во время войны у Гитлера было четыре секретаря: фрейлейн Йоханна Вольф, фрейлейн Криста Шредер, фрейлейн Герда Дарановски (которая в конце войны вышла замуж за генерала Кристиана) и фрау Траудль Юнге. Первые три из них иногда упомянуты инициалами (J. W., C. S., (Chr. Schr.), G.D.) как участники застольных бесед. Адъютантом Гитлера был Юлиус Шауб, доктором проф. Теодор Морель, а вегетарианским поваром фрейлейн Манциали.

² Цоллер А. Hitler Privat. Дюссельдорф, 1949. С. 44—45, 97, 146—147. Настоящим автором этой ценной книги (чья точность ныне подтверждена «Застольными беседами»), учитывая внутренние доказательства, являлась фрейлейн Шредер.

ние Германии в Первой мировой войне было не просто кризисом Германии: это был — как и для Освальда Шпенглера — кризис цивилизации, вид кризиса, который наблюдается лишь в редкие моменты истории, и его могут понять и осмыслить лишь те, кто изучает историю категориями столетий, и от него могут излечить только те, кто готов создать и держать под контролем такие катаклизмы и потрясения, в которых исчезают и рождаются исторические эпохи. Этот взгляд на историю составлял существенную часть гитлеровской идеологии, и для нас важно понять этот подход, потому что он находился в рамках, в которых Гитлер видел себя самого и миссию, которая ему была предписана, и на этом фоне он оценивал других людей как настоящего, так и прошлого. Одно из наиболее четких выражений этих взглядов было дано им не в 1941 г., когда это можно было бы легко приписать отравлению властью, а в 1924—1925 гг. в тюрьме, когда он, казалось бы, потерпел окончательное поражение. Этот пассаж я уже однажды цитировал¹, но, поскольку «Майн кампф» хотя и книга фундаментальной важности, но в основном нечитабельна и не читаема публикой, поэтому без лишних извинений я его приведу снова. «В долгих интервалах человеческой истории, — писал он тогда, — может иногда случиться, что политик-практик и политический философ окажутся одним целым. Чем теснее этот союз, тем сложнее его политические проблемы. Такой человек не трудится для того, чтобы удовлетворить требования, которые очевидны всякому обывателю; он стремится к целям, которые понятны лишь немногим. Поэтому его жизнь разрывается между ненавистью и любовью. Протест нынешнего поколения, которое его не понимает, борется с признанием будущих поколений, во имя которых он также трудится»². Успехи 1941 г., естественно, утвердили Гитлера во мнении, что он и понял, и сумел управлять поступком веков. Все более и более его мысли странствуют по истории человечества, его решающим этапам и великим людям, которые явились архитекторами данных перемен. «Человек, не ощущающий истории, — говорил он, — подобен человеку без ушей и без глаз. Конечно, он может жить, но что из этого?»

Как же Гитлер интерпретировал историю? Грубо, но ясно, и, как во всех своих взглядах, опирался на обширный набор спорно выбранных фактов, хранившихся в его удивительной памяти и которые его неутомимый, строгий и систематический ум распределил по предвзятой схеме. Далее, хотя опыт и добавляет к нему (уму Гитлера) новые детали и новые картины, он остается, по крайней мере с 1923 г., абсолютно ясным и последовательным. Гитлер, как и Шпенглер, рассматривал историю как чередование

¹ Последние дни Гитлера (2-е издание, 1950). С. 46.

² *Mein Kampf*. Английский перевод. Лондон, 1939. С. 183.

человеческих веков, каждый из которых можно охарактеризовать его «культурой», совокупностью присущих им общественных организаций и идей. К древним культурам Греции и Рима он проявлял огромный энтузиазм, хотя, как бесстрастно заметил Альберт Шпеер, «его концепции по этому предмету не базировались на каком-либо глубоком историческом анализе»; была также германская средневековая культура, которую в Ренессансе затмило современное «капиталистическое» общество Западной Европы. И это современное общество, как и у Шпенглера, по его мнению, было смертельно больно. Как, спрашивал он, эти культуры заболели и умирали? «Я часто задаюсь вопросом, — говорил он, — почему рухнул Древний мир?» И его ум перебирает ряд возможных ответов на этот запутанный вопрос. Из-за сокращения населения? Ухудшения климата? Или Римская империя сгнила изнутри под влиянием еврейского христианства? Это не академические вопросы, потому что для Гитлера ответы на них содержали решение огромной практической проблемы, с которой он решил разобраться много лет назад.

Точно так же, как Римская империя зачахла до того, как германские варвары напали на нее и уничтожили, цивилизация Запада, считал он, сейчас чахнет и медленно умрет. Стоит ли дать ей умереть? А может, лучше, как и Римскую империю, ее завоевать и поглотить новой варварской мощью, которая неизбежно ее сменит? Но где тогда эта новая варварская сила? Над этим вопросом Гитлер также долго размышлял и, следуя «железному закону исторического развития»¹, счел, что нашел ответ.

Прежде всего, было ясно, что новая держава, какой бы она ни была, должна быть сухопутной. Это решалось техническим фактом. Дни держав — владычиц морей вроде Португалии, Голландии и Британии, по его мнению, ушли в прошлое. И в самом деле, в старые времена море обеспечивало единственную бесперебойную и дешевую связь с отдаленными частями света, а огромные территории на суше являлись препятствиями, а не средствами передвижения. Но сейчас, благодаря дорогам и железнодорожным путям, автотранспорту и авиации, все переменялось: новая империя, которая завоеует, поглотит и заменит общество Западной Европы, должна быть великой сухопутной державой, соединенной не с помощью кораблей и торговли, а посредством гигантских дорог и огромных армий, т. е. истинными связями нового века.

Гитлер, конечно, был сухопутным человеком: он был не выходцем с Балтики или Средиземноморья, а как раз из самого сердца Европы, и, возможно, вообще редко видел море. Наверняка он никогда не имел правильного представления о морской державе; а эти отдаленные колонии, которые зависят от морской мощи, он вооб-

¹ Говорит Гитлер. С. 47.

ще отвергал. Его интетесовали континенты, а не острова. Посему он размышлял над картами и намечал широкие дороги и изучал новую науку «геополитику», которая, будучи созданной сэром Халфордом Макиндером в 1919 г., нашла более благожелательный прием в Центральной Европе, а не в родной Англии¹. Страсть Гитлера к дорогам, сухопутным армиям и завоеванию обширных пространств часто проявляется в его застольных высказываниях. «Никто иной, — однажды признался он, — не интересовал меня в юности более, чем Нансен и Свен Хедин»²; и даже в разгар войны он откладывает в сторону политику и стратегию, чтобы встретить старого, но пользующегося дурной репутацией пилигрима, старого Свена Хедина. И вместе они принимаются беседовать о тех степных империях, которые один из них когда-то исследовал, а другой сейчас намеревался завоевать³. Как и прежде, его мысль часто оттаивалась на великих дорогах, «зачинателях каждой цивилизации», нервах, которые должны оживлять сухопутную империю. Он представлял себе дороги прошлого — Римской империи в Европе, дороги инков в Перу и немецкие трансконтинентальные дороги будущего (Reichsautobanhen) «от Клагенфурта до Тронхейма и от Гамбурга до Крыма». А когда ему приходят на память, как это часто бывало, веселые дни Kampfzeit, то это были бесконечные автомобильные поездки по прекрасному, широкому, белому автобану. Похоже, эти воспоминания для него были наиболее яркими.

Но если новому веку было суждено стать веком гигантской сухопутной империи, владеющей, как выразился сэр Халфорд Макиндер, «сердцем континента», «цитаделью мировой империи», — территорией, неуязвимой для ударов морских держав в Центральной Европе и Азии, — тогда какой народ, какое правительство могут претендовать на эту империю? Понятно, что это не могут быть старые морские нации — и поэтому в них Гитлер решительно не был заинтересован: это должны быть — если речь идет о европейской нации — либо германцы, либо русские, потому что только эти народы обладают сухопутными армиями, территориальными амбициями, «геополитическим» мировоззрением. Германские геополитики в целом считали, что это должны быть русские, которые, прежде всего, были более многочисленными и уже находились на месте; и со стороны Германии они выступали скорее за альянс с Россией, чем за попытку ее завоевать. И все-таки Гитлер задавался вопросом, что же неизбежно на самом деле. Не являются ли немцы истинны-

¹ Макиндер Халфорд — британо-американский географ. Имеется в виду его книга «Демократические идеалы и реальность», в которой он развил и откорректировал основные положения своей концепции, изложенной в 1904 г. в статье «Географическая ось истории».

² Нансен Фритъоф — норвежский исследователь Арктики; Хедин Свен — шведский исследователь Туркестана и Тибета.

³ См.: Хедин С. Германский дневник. Дублин, 1951.

ми носителями (Kulturträger) культуры в Европе? Разве не немцы после того, как Римская империя сгнила изнутри благодаря еврейскому христианству и упадку населения, завоевали ее и унаследовали? Германские Средние века действительно разрушены «христианским» Ренессансом, появлением и развитием плутократической капиталистической цивилизации в Западной Европе; но сейчас, когда эта самая плутократическая капиталистическая цивилизация, в свою очередь, загнивает, разве не должны немцы очнуться и, пробужденные, возобновить и выполнить свою великолепную миссию? Древние германские императоры по чисто техническим причинам поглядывали на юг в сторону Италии; новый Германский рейх, по схожим причинам, должен смотреть на Восток. Разве он не в состоянии ценой героических усилий вырвать у русских господство и создать в сердце континента Германскую империю вместо Российской? Да, русские более многочисленны; но разве не бывало в прошлом, и притом часто, что меньшинства с помощью умения и целеустремленности завоевывали и поработали более крупные нации? Да, Германия только что потерпела поражение в войне, и она ампутирована, безоружна и беспомощна; но разве Россия также не была побеждена в войне, разве она не уступила Западу своих богатейших провинций, разве она не разрушена гражданской войной? Да, немцы были политически некомпетентны — Dickschädel, Querschädel, Dummköpfe — безнадежные тупицы и простофили, неспособные на политическое чутье и действие; но даже «тупые расы иногда могут что-то совершить, имея хорошее руководство». Чингисхан своим «уникальным организаторским гением» объединил татар; Карл Великий, «один из величайших деятелей мировой истории», силой свел воедино даже тупоголовых германцев. То, что однажды сделали сила и лидерство, те же сила и руководство могут совершить вновь. Да, в прошлом уже проваливались попытки Германии покорить Россию; но та Германия-неудачница была византийской, космополитической, традиционалистской, управляемой евреями монархией Гогенцоллернов, а если «монархии способны в лучшем случае на удержание завоеванного, то именно революционные державы создают мировые империи». Вот если б в Германии произошла революция... Революция, которая бы высвободила стесненную и подавленную энергию настоящей Германии, националистической и пролетарской Германии, в которой антинациональный высший класс до настоящего времени расколот и является рабом предрассудков? Да, в России уже произошла своя революция, и русские в этом смысле находятся в более выгодном положении, и геополитические пророки с готовностью соглашаются с неизбежностью русского господства; но против пораженческой доктрины неизбежности Гитлер выдвинул более вдохновляющую идеологию, которая для подавленной и разрушенной Германии 1920-х гг. казалась евангелием человеческой надежды против мрачного пессимиз-

ма его современников; доктрину конечного господства человеческой воли. Разве Ницше и Шопенгауэр не провозглашали эту доктрину? А разве Муссолини, «этот беспримерный государственный деятель», не доказал эту истину своим примером? Персональное преклонение Гитлера перед Муссолини, так огорчившее некоторых из его более дальновидных последователей, — благоговение, впервые выраженное в «Майн кампф» и существовавшее до 1944 г., когда Гитлер с большим огорчением узнал, что Муссолини говорил о нем, — первоначально проистекало из следующего факта: Муссолини показал, что процесс кажущегося неизбежным распада можно остановить и повернуть вспять. «Марш на Рим явился поворотной точкой в истории: простой факт, что это осуществимо, вдохновил нас». О собственной почти невероятной силе воли Гитлера говорят все очевидцы, да и он сам утверждал с некоторой долей правоты, что имеет самую мощную силу воли за столетия: до самого конца, даже когда вся физическая власть была утрачена, он за счет лишь силы воли имел абсолютную власть над целым народом. Тем не менее не только одной силой воли собирався Гитлер повернуть вспять кажущуюся неотвратимость истории: он намечал сделать это также и с помощью своего мышления. Своим грубым могучим умом он тщательно прочесывал столетия человеческой истории и втискивал непокорные факты в жестокую, некритичную, систематическую философию для исполнения своих обширных проектов.

Как происходят социальные революции? — задавался он вопросом. Как может быть великая империя завоевана относительно малым народом? Как раз установленная империя делается вечной? На все эти вопросы история — если читать с выборочной честностью Шпенглера или Тойнби — дает ответ. Все революции своим успехом обязаны захвату власти элитой, и создание такой элиты стало функцией национал-социализма: немцы должны быть элитой Европы, а сами управляться германской элитой, т. е. партией. Мобилизованная таким образом германская нация легко сможет, учитывая жажду власти и динамичное руководство, создать империю. Посмотрите на английскую, еще одну «чисто германскую нацию» и ее достижения под властью своей родной аристократии — этих царственных, самоуверенных лордов, чьи обширные поместья покрыли всю Англию, отчего военные маневры просто невозможны. Несколько тысяч англичан завоевали и управляют четырьмястами миллионами индусов. Вновь и вновь мысль Гитлера возвращается к английскому завоеванию Индии, причине этой раздражающей английской самоуверенности. «Чем была Индия для Англии, — говорит он, — тем станут для нас восточные территории». А потом он дает своему мозгу волю побродить по истории Англии и Индии, касаясь предметов, о которых он ничего не знал, но о которых Риббентроп, великий спе-

циалист по английским делам и сам так похожий на английского лорда, часто его информировал.

Но может ли такое завоевание стать долговременным? Конечно может. Это позволят сделать современная наука, современная энергия и современная пропаганда. Революция поработенных людей против самоуверенной расы господ, заявляет он, сейчас не вызывает сомнений; и вновь и вновь он описывает в мельчайших деталях методы, которыми следует сохранить завоеванную империю. Власти предрержащие должны признать, что подданные не имеют прав: «Кто имеет, тот имеет» — такова суть человеческой моральности в политике; а дать в руки подвластных народов оружие еще более преступно, чем предоставить им свободу: «История учит нас, что все расы господ рушились, как только позволяли вооружаться народам, которые они перед этим покорили». В плане образования пусть покоренные народы учат немецкий, чтобы не могли потом заявлять, что не понимают приказов своих хозяев, пусть учат географию, чтоб знать, что Берлин — столица мира, а кроме этого, пусть пользуются контрацептивами (даже если для этого понадобится послать евреев в качестве учителей), чтобы снизить рождаемость. И не допускать их в больницы, чтоб поднять уровень смертности так, чтоб германские колонисты, живущие в безопасности в своих новых стратегических городах и связанные с центрами власти широкими автобанами, не опасались восстания своих илотов. Таково, утверждал Гитлер, железное правило империализма. Когда все сказанное закрепится победой, оставшиеся вопросы будут несложными. Существующие до сих пор очаги сопротивления будут уничтожены: Гитлер сам доведет еврейскую проблему до «окончательного решения»; старые европейские аристократии, «мафия высшего класса» легкомысленных реакционеров без отечества — тех самых людей, которые так долго коррумпировали германскую дипломатию и все еще саботируют дуче в Италии, — будет ликвидирована; церкви будут устранены их же собственными методами (Гитлер всегда выражал восхищение этими методами, хотя и яро ненавидел доктрины Римской католической церкви); христианство с его отвратительным равноправием будет вырвано с корнем; а при первом же сообщении о мятеже в рейхе «весь асоциальный сброд», эти «несколько сот тысяч людей», содержащихся для этой цели в концентрационных лагерях, будут казнены. И так будет обеспечен тысячелетний Германский рейх.

Но это будет варварское тысячелетие! Гитлер этого не отрицал. Дело в том, заявлял он, что варварство является первоосновой всех культур, единственным средством, с помощью которого новая цивилизация сможет заменить старую. Германские завоеватели Римской империи были варварами, но они заменили старое и гниющее общество базисом новой и энергичной цивилизации. Точно так же нацисты должны быть варварами, чтобы заменить своим тысячелетием умирающую культуру Запада. «Да, — заявил он в 1933 г., — мы —

варвары! Мы хотим быть варварами! Это почетное звание. Мы омолодим мир. Этот мир близится к своему концу». Ввиду «исторической необходимости» варварские силы должны покончить с умирающими цивилизациями и «перехватить факел жизни из их заходящих костров». Последние полторы тысячи лет, как-то раз небрежно сказал он Муссолини, т. е. период между Аттилой и им самим, вся эпоха христианской цивилизации, стали всего лишь перерывом в человеческом развитии, который «вот-вот вернется к своему прежнему характеру». Что касается культуры, то она, заявлял Гитлер в «Майн кампф», должна подождать, пока ее базис не сформируется в течение варварского героического века, как, например, культура Афин и Рима расцвела на основе персидских и Пунических войн¹. Но можно задать вопрос: а на что должна быть похожа новая германская культура, чьи институты этим варварским методам предстоит оправдать?

К сожалению, ответ ясен. Гитлер, как художник, всегда стремился развивать свои идеи в сфере культуры. Данная книга полна их; узких, материалистических, тривиальных, полуготовых, отвратительных. Не стоит больше тратить на них слов. Предстояло силой навязать Европе сотни миллионов самоуверенных германских хозяев и закрепить их на властных позициях с помощью монополии технической цивилизации и рабского труда сокращающегося в численности коренного населения, состоящего из преданных забвению, больных и безграмотных кретинов, для того чтобы немцы могли насладиться быстрой ездой по бесконечному автобану, восхищаться гостиницей организации «Сила через радость»², зданием партийного комитета, военным музеем и планетарием, которые их фюрер построит в Линце (его новом Гитлерополисе)³, промчаться рысью по местным картинным галереям и прослушать за булочками с кремом бесконечные записи «Веселой вдовы». Таким предназначалось быть тысячелетнему рейху, из которого даже воображению было невозможно ускользнуть. «После того, как некоторое время просуществует национал-социализм, уже будет невозможно представить себе форму жизни, отличную от нашей».

Но гарантирована ли победа до того, как все это произойдет? Все зависело от этого важнейшего условия. Потому борьба между Германией и Россией должна стать решающей битвой в мире, подобно битве между Римом и гуннами на Каталаунских полях⁴ или не-

¹ Mein Kampf. С. 499.

² «С и л а ч е р е з р а д о с т ь» (Kraft durch Freude) — нацистская организация в составе Германского трудового фронта (руководитель Роберт Лей), отвечавшая за создание условий и сам отдых рабочих и служащих.

³ Л и н ц — город в Австрии, в котором прошла юность Гитлера. В картинную галерею Линца фюрер намеревался передать свои работы.

⁴ К а т а л а у н с к и е п о л я — в 451 г. римский полководец Аэций в союзе с германскими племенами разгромил гуннов Аттилы. В исторической литературе именуется «битвой народов».

которым другим сражениям, которые Гитлер ошибочно отнес к решающим в истории. Если немцы победят, то тысячелетие действительно будет в их руках, но если потерпят поражение, то так же рухнет и их тысячелетие. Разве в России нет другого гения из числа тех, что появляются раз в сто лет, *der geniale Stalin*, который довел до конца великую революцию, который также поставил новую элиту над покоренным народом, который также ликвидировал своих врагов миллионами, проповедовал новую религию, чтобы отравить и поработить свои народы, и мечтал о господстве в Евразии и в мире? В своей ненависти к «иудео-большевизму», своим презрением к славянскому недочеловеку Гитлер никогда не переставал восхищаться как этим гениальным варваром, «хитрым кавказцем», которого он считал единственным достойным врагом, «величайшей личностью», «животным, но животным огромного масштаба», «получудовищем, полугигантом», так и коммунистическим кредо и методами, идеологией, столь же мощной, как и его собственная. Он предпочитал коммунистов аристократам, испанских красных бесполозному Франко, этой предательской креатуре герцогов и священников, кого, в конце концов, из высшего презрения он даже отказывался замечать¹. Дело в том, что планируемая Гитлером война между Германией и Россией, между Гитлером и Сталиным, между идеологией и идеологией должна стать не просто династической или экономической. Это будет война не на жизнь, а на смерть, конец ее будет либо империей, либо гибелью, решающей судьбу столетий. Это будет война не против прошлого (которое уже мертво), а между двумя Титанами, оспаривающими его наследство. К мертвому миру и нейтралам, которые отказались от участия во Всемирном Споре, Гитлер испытывал только презрение; но к другому Титану, как к равному, он проявлял некоторое уважение. Но это вовсе не означает, что он собирался пощадить оппонента. В битве за империю никто не должен ни искать, ни давать пощады. В час своего воображаемого триумфа Гитлер готов был заявить, что Россию следует полностью уничтожить, Москву и Ленинград стереть с лица земли, а их названия и упоминания о них вычеркнуть из географии и истории². В час своего окончательного разгрома он был готов уничтожить и Германию: «Если эту войну мы должны проиграть, нация тоже погибнет. Нет необходимости рассуждать о базисе даже самого примитивного существования. Напротив, лучше его уничтожить и погибнуть нам самим. Будущее принадлежит только более сильной восточной нации»³.

Такова была решающая все борьба, борьба за историю веков, в которой Гитлер видел себя воплощением исторических перемен.

¹ *Цоллер. С. 162.*

² *Цоллер. С. 143.*

³ Это заявление сделано Шпееру в марте 1945 г. (см.: *Последние дни Гитлера. С. 92.*)

Он осмысливал эту проблему по крайней мере с 1919 г.; он создал форму, в которой она сейчас стоит перед миром, требуя решения; своими героическими усилиями он сделал возможным германское решение этой проблемы; и он, естественно, верил, что только он сможет выполнить «такую циклопическую задачу, как создание империи силами одного человека». Это означало, что она должна быть быстро доведена до конца, пока у Германии еще есть преимущество, до того как Россия станет готовой к борьбе, и, самое главное, пока он сам еще жив. «Никто не знает, как долго мне суждено жить. Поэтому, — заявил он в 1937 г., — давайте воевать уже сейчас»¹. Это было его «не подлежащее пересмотру решение, — как он сказал, — решить проблему жизненного пространства для Германии» до 1945 г. самое позднее. Посему в 1941 г. он бросил свои армии на Восток, и русские армии откатились назад от этого страшного удара. Неудивительно, что в такой момент Гитлер счел все свои пророчества сбывшимися, тысячелетний рейх не за горами, а самого себя он видел столь явно избранным историей в качестве создателя мира, что смог написать своему уважаемому союзнику и образцу для подражания, Бенито Муссолини, как титан титану при муках рождения века: «Дуче, Вы являетесь для Италии тем же, чем и я — для Германии; но чем мы оба будем для Европы, смогут когда-нибудь судить лишь будущие поколения»². Он появился в самое время — «еще десять—пятнадцать лет, и Россия будет самым мощным государством мира, и потом до новых перемен должны будут пройти два или три столетия»; но сейчас выиграл он: наступит германское тысячелетие, а не русское. Каким простаком теперь выглядит Наполеон в сравнении с ним! Наполеон стал пленником традиции, сделал себя императором, а родственников — королями и показал себя «всего лишь человеком, а не всемирным феноменом». Гитлер никогда не станет делать подобного: он никогда не забудет, что является «практическим политиком и политическим философом в одном лице», не просто Шпенглер или Наполеон, а Шпенглер и Наполеон, «всемирный феномен», а для всемирного феномена вдруг «проехать по улицам Мюнхена в качестве императора в позолоченной карете» будет просто смешно.

В сравнении с этой великой проблемой — завоеванием Востока и установлением тем самым Германской империи с новой расовой религией, чтобы навечно утвердить ее правление, — все другие проблемы представлялись Гитлеру вторичными. Даже война на Западе была второстепенной. Давным-давно он сформулировал свое отношение к Западу. Запад своей победы в 1918 г. достиг только через

¹ Суд над главными военными преступниками, Нюрнбергский процесс, 1946 г. С. 160, 172—173 и внизу с. 661.

² Hitler e Mussolini, Lettere e Documenti. Милан, 1946. С. 140.

знаменитый «Удар в спину»¹. Хотя все еще мощный на данный момент, он явно двигался к упадку, если посмотреть на дальнюю перспективу истории. Ну и пусть рушится. Гитлер не имел категорически никакого интереса к этому. Правда, он испытывал некоторое восхищение Англией, смешанное с завистью и ненавистью. Он восхищался британцами как «чисто германской нацией» и народом-завоевателем. Он завидовал Англии как выскочке, самоуверенной мировой державе — какое право имела Англия претендовать на место в истории на основе каких-то жалких трехсот лет по сравнению с тысячелетним Германским рейхом? — и он ненавидел ее, также многие германские националисты ненавидели ее, как великий Карфаген, который торговлей колонизовал весь мир и стремился задушить благородную сухопутную империю Германии. Но поскольку Англии и Западу и так было суждено в конце концов остаться позади, Гитлер ограничивался тем, что игнорировал их. Если они воздержатся от вмешательства в скорый бой, великое наземное сражение, которое в близком будущем начнется на Востоке. Англия наверняка будет держаться в стороне, ибо какие интересы могут быть у Англии на Украине? И все же Гитлер в своем милосердном позыве был готов «гарантировать» Британскую империю как элемент стабильности в ненужном ему мировом судоходстве. Правда, Францию, возможно, придется нокаутировать, потому что в дни, когда Гитлер писал «Мою борьбу», Франция была ядром системы восточных альянсов. Но к 1940 г. эти альянсы исчезли, а Франция была сокрушена. Только Англия была оставлена, чтобы залезть раны, признав реальные факты, выйти из мировой схватки и либо тихо разлагаться в своем атлантическом углу, либо принять, как и остальная Европа, немецкий патронаж. В конце концов, «лучшие» элементы в западной цивилизации, т. е. те, что приемлемы для Гитлера, будут под этим патронажем сохранены подобно тому, как греческая культура была сохранена Римской империей... К сожалению, этого не произошло. Англия, эта Англия Уинстона Черчилля, упрямо продолжала воевать и, сражаясь, воодушевлять уже завоеванный и умиротворенный Запад. В понятии Гитлера это было неинтеллигентно, безответственно и нетерпимо: его втянули в войну на море, которой он не знал, и в средиземноморскую политику, которую он не мог контролировать, и это фатально помешало реализации его восточного проекта, высшей цели в его войне. В итоге английское упрямство принесло ему гибель. Отсюда ярая ненависть, с которой Гитлер встречал имя Черчилля. Он не мог уважать Черчилля так же, как уважал своего заклятого врага Сталина. Сталин, прежде всего, понимал проблемы XX сто-

¹ «Удар в спину» (Dolchstoß) — немецкая мифологема, согласно которой поражение в Первой мировой войне было связано с «ударом в спину» армии со стороны части гражданского населения Германии. Впервые употреблено 1 декабря 1918 г. в газете «Нойе цюрихер цайтунг».

летия в том же ключе, что и Гитлер. Он тоже был новым Чингисханом. А Черчилль им не был, поэтому он являлся просто бессовестным авантюристом, пьяницей, гробокопателем Англии, а «также не джентльменом в личной жизни». Когда Запад получил подкрепление в виде объявления войны Америкой, эта истерическая брань, конечно, была распространена и на Америку, от «пьяницы Черчилля» до «преступника Рузвельта».

Англия, Америка, Индия, живопись, музыка, архитектура, ариец Иисус, большевик святой Павел, фараоны, Маккавеи, Юлиан Отступник, король Фарук, вегетарианство викингов, система Птолемея, эпоха оледенения, синтоизм, доисторические собаки, спартанский суп — не было предмета, о котором Гитлер, несмотря на свое невежество, не был готов без стеснения изрекать свое мнение. Часто было нелегко разглядеть сквозь окружающую это мнение ерунду, вульгарность, с которой оно выражалось, и страшную жестокость, которая в нем пылала, — это рациональное зерно мышления Гитлера. Однако, думаю, это рациональное зерно существует, и его можно определить тем образом, как это я сделал здесь; и кто может сказать, что его нет, несмотря на все его страшные и вульгарные черты, ужасающую силу сцепления, зловещее соответствие реальности, которую ему почти удалось создать? Для меня удивительно, что ни один историк, насколько я знаю, не пробовал исследовать историю развития мышления Гитлера, импульсы, которые толкали его на поиски и систематизацию этих грозных идей, или источник, из которого он их извлекал. Какие книги читал Гитлер? Что это были за многочисленные тома, изящно переплетенные сестрой Гесса, которые заполняли его «огромную библиотеку» в Мюнхене?¹ Нам об этом не говорят: биографы фюрера, объявив его безграмотным дилетантом, не видели смысла задаваться таким вопросом. Но если он не был простым дилетантом, если, как я предположил, он был скорее мощным классификатором идей из тех, кого именуют «ужасными» упрощенцы (он бы сам не отказался от этого титула)². Ведь его приход на политическую сцену был столь пророчески предсказан одним из самых великих и дальновидных историков XIX столетия. В этом случае нам наверняка стоит задаться этим вопросом. Потому что удивительную карьеру Гитлера не объяснить простым перечислением его деяний или описанием личного поведения: ее следует объяснить, если это возможно, духовной энергией, которую он в отдельные периоды своей жизни концентрировал на коренных вопросах истории и политики, революции и идеологии, стратегии и власти. Именно потому, что его взгляды на данные предметы были столь убедительными, он смог

¹ Гитлер говорит. С. 255.

² «Я обладаю даром, — сказал Гитлер в 1932 г., — сведения всех проблем до их простейшего основания» (Гитлер говорит. С. 16).

сплотить вокруг себя как добровольных сообщников не только ядро преданных и фанатичных революционеров, которые обеспечили его элитой, но также и миллионы рядовых немцев, которые, признав в нем пророка и исполнителя их еще неоформившихся, а потому непризнанных амбиций, пошли за ним с готовностью, даже с радостью, до конца в его чудовищной попытке установить над миром варварское господство.

Когда Гитлер размышлял над этими проблемами? Поскольку историки в этом плане не предлагают нам свою помощь и поскольку его ранние годы так плохо освещены документами (хотя существуют бесчисленные живые источники, которые, вероятно, могли бы что-то рассказать), я не буду пробовать дать здесь твердый ответ на этот вопрос. Может быть, это происходило в те ранние дни в Вене, которые для его современников казались бесплодно растраченными и банальными, — нам говорят, что он даже был активным читателем библиотек напрокат и приносил оттуда домой «чтиво килограммами». Не романы, которые (как он сам признается) он никогда не читал, а книги по истории и религии, географии и технологии, истории искусства и архитектуре¹. И мы знаем, как он читал, сначала заглядывая в конец книги, потом в середину, а затем, получив некоторое представление о ее содержании, систематически прорабатывал ее. Но мышление — не обязательно аккумуляция и запоминание, и нельзя быть уверенным, что Гитлер в Вене делал больше, чем просто накапливал данные, которые впоследствии его страшный разум раскладывал согласно мрачной, искаженной системе. Скорее всего, эта стадия наступила позднее, во время войны, когда он, как сам говорит, труды Шопенгауэра, философа нигилизма и силы воли, регулярно носил в кармане и «узнал из них много нового». От его секретаря известно, что он мог цитировать Шопенгауэра целыми страницами; и на его устах часто был другой германский философ воли, Ницше, чьи произведения он потом подарил Муссолини. Война наверняка обогатила его важным опытом в жизни и стала единственным периодом, когда он, по собственному признанию, не имел серьезных хлопот, а потому получил время для размышлений. Не исключено, что его взгляды на восточные завоевания также формулировались во время войны. Наверняка в неполном виде они сложились еще в 1920 г., когда он объявил одной из своих ранних групп слушателей, что Брест-Литовский договор, по которому Германия забрала у России пятьдесят процентов производственных мощностей, был по сравнению с Версальским договором «бесконечно гуманным»². Также возможно, что во время войны у него зародился интерес и к Фридриху Великому, типу героической силы воли, которого в 1933 г. он признал своим

¹ Цоллер. С. 36.

² Mein Kampf. С. 389.

«великим образцом для подражания»¹, и к Карлейлю, пророку поклонения героям. Не случайно в своем последнем непокорном оплоте, в осажденном Фюрербункере (Fuehrerbunker) в Берлине Гитлер сидел под портретом Фридриха Великого и слушал отрывки из автобиографии Карлейля. Но Фридрих Великий был не только военным героем Гитлера: циничные письма Фридриха о религии и его «Богословские противоречия» также входили в число любимых Гитлером книг. Еще со своих школьных дней Гитлер проявлял невротическое, дешевое отвращение к религии, которое он потом часто любить вспоминать с чувством мелкого самодовольства, а в своих застольных речах хвалил «соломонову мудрость» насмешек Фридриха и рекомендовал их (в 1940 г. они уже были отобраны и опубликованы²) для обязательного чтения печально известному своей религиозностью классу генералов и адмиралов. Взгляды Гитлера на военную стратегию (а уже в 1932 г., за восемь лет до того, как пришли его победы, чтобы, казалось, подтвердить этот гиперболический титул «величайшего полководца всех времен», он уже считал себя «великим стратегом нового типа, будущим полководцем величины, доселе миру в известном смысле неизвестной»)³, как мы знаем, в большой степени базировались на Клаузевице, чьи труды он постоянно изучал в своем военном штабе. Но его первое знакомство с работами Клаузевица состоялось до 1923 г., несомненно, во время войны. В тот же самый период он прочел «Протоколы сионских мудрецов», интеллектуальное оправдание его личного антисемитизма, и «Основы девятнадцатого века» Хьюстона Стюарта Чемберлена⁴ — признанный и явный базис его собственных расовых доктрин⁵. «Мифы двадцатого века» Розенберга, с другой стороны, произвели на Гитлера незначительное впечатление, и он признавался, что у него никогда не хватало терпения дочитать их до конца. К тому же книга вышла в свет лишь в 1930 г., когда мировоззрение Гитлера уже сформировалось и закрепилось. В этих идеологических вопросах Гитлер был более практичен, чем последователи его доктрин: он вел себя так, как мирянин в религии, — верил в общую истину доктрины, но не имел терпения выслушивать богословские тонкости жрецов. И у Гимmlера и у Розенберга было мировоззрение жрецов, и Гитлер насмехался над обоими.

Но если, как кажется возможным, мышление Гитлера подпитывалось в годы войны, то, я полагаю, в 1924—1925 гг. оно окончательно

¹ Гитлер говорит. С. 258.

² Издательством «Нордланд» (Берлин), которое специализировалось на антиклерикальных изданиях.

³ Гитлер говорит. С. 17, 19.

⁴ Чемберлен Хьюстон (1855—1927) — английский социолог, философ. В своей рационалистической концепции европейской истории сочетал элитаристский пафос с ярко выраженным германофильством, критикой христианства и антисемитизмом.

⁵ Mein Kampf. С. 544—545, 258 (Гитлер говорит. С. 235—238), 227.

но выкристаллизовалось в систематизированной форме, о чем можно сделать вывод из застольных речей. Дело в том, что в 1924—1925 гг. он просидел год в тюрьме и провел свое время, не только осуществляя контроль над своей временно разьединенной партией, но также и за чтением и записями. Он, прежде всего, читал историю. В «Моей борьбе» он приписывал появление у себя интереса к истории своему школьному учителю в Линце доктору Леопольду Петчу, которому он высказывал красноречивую, но, видимо, безответную благодарность¹. Другие не принимали на веру это заявление, считая его всего лишь ретроспективной рационализацией интереса, который Гитлер на самом деле обрел позднее². Однако вполне возможно, что именно в тюрьме Гитлер погрузился впервые или повторно в чтение исторических произведений. Именно тогда, как он говорил впоследствии, «я имел удовольствие придать моей философии исторический базис», это тогда он «углубил различные понятия, базировавшиеся только на инстинкте», это тогда понял свою миссию, «свою бесстрашную веру и непоколебимую уверенность в своем предназначении», это тогда он после изучения (как сам признался) марксистских методов разработал план, который впоследствии так умело выполнил: переворот изнутри. Доктрина Шопенгауэра о воле, ленинская теория захвата власти и преподавание д-ром Петчем истории — все вместе в течение года заключения сплывало в одну последовательную философию. Этот год, как и годы службы в армии, был свободен от насущных забот, и в данный промежуток времени вагнеровцы утешали заключенного, а Хьюстон Стюарт Чемберлен, зять Вагнера и пророк расизма, «так любезно» писал ему. Но не только это персональное утешение он получил в тот решающий год. В начале 1923 г. он впервые повстречал преданного ученика, который теперь делил с ним камеру и с которым он часто вел дискуссии, а в дискуссиях сформировал свои идеи: Рудольф Гесс. Сейчас Рудольф Гесс приходил к Гитлеру не только как компаньон, секретарь-машинист, ученик. Он уже был в некотором роде учитель. Ибо Гесс недавно учился в Мюнхенском университете и был учеником, другом и страстным последователем (а потом и помощником) профессора Карла Хаусхофера. А Хаусхофер, как глава нового Института геополитики в Мюнхене, развивал и пропагандировал в Германии те доктрины Евроазиатской сухопутной империи, которые, перенятые у Макиндера и выдвигаемые как основа русско-германского соглашения, скоро оказались применимы к решению совсем другой проблемы: германского завоевания России.

¹ Как утверждал Томас Опп, «das war Hitler». («Гитлер был») (Ревью. Мюнхен, 1952. № 41.)

Д-р Петч, получив от Гитлера две красивые экземпляра «Моей борьбы» с автографом, официально признал их получение и отдал их в монастырскую библиотеку.

² С. 53.

Результатом гитлеровского «периода беременности» в тюрьме и его связи с Гессом стала, во-первых, «Моя борьба», которую Гитлер диктовал, а Гесс записывал, и, во-вторых, неопубликованная книга Гитлера на тему иностранной политики, текст которой не увидел свет, но которая, как известно, выступала за мир с Англией и поэтому за возможную войну с Россией и которую Гитлер, вероятно, показал лишь одному человеку, Рудольфу Гессу¹. Я почти уверен, что Гесс был каналом, посредством которого геополитические идеи поступали в мозг Гитлера, а там трансформировались в доктрину жизненного пространства (*Lebensraum*). Полностью развитая, эта доктрина была помещена как «политическое завещание» в конец «Майн кампф». И она до конца оставалась политическим завещанием Гитлера. Последние его слова, зарегистрированные в письменном виде, — это напутствие, с которым он обратился к вермахту, когда в берлинском бункере готовился к смерти, а русские были у его дверей. И оно содержало призыв «завоевать для германского народа территории на Востоке». А в 1941 г., когда Гесс полетел в Шотландию с тибетским амулетом от Свена Хедина в кармане и аллегорическим сном профессора Хаусхофера в мыслях, это было, как заявляет один источник, именно знание образа мышления Гитлера, основанное на рукописи об иностранной политике. Именно оно заставило его пуститься в столь рискованное, идеалистическое и лунатическое приключение.

Тогда это считалось позитивной стороной мышления Гитлера. Но оно имело и негативную сторону, и никакой отчет либо анализ не будут полными без учета этой зияющей пустоты, которая в определенных смыслах набегает на его твердую, ясную, монолитную структуру. Ибо если мы ознакомимся с некоторыми из книг, которые Гитлер читал, и предметами, которые он изучал и из которых создал свою чудовищную, но для многих немцев неотразимую философию, то равным образом мы установим (и это почти так же важно) кое-какие из книг, которые он не читал, а также некоторые вопросы, которых никогда не касался его бродячий, хищный и ненасытный ум. «Человек, — говорил епископ Беркли, — который нечасто размышлял о Боге, человеческом разуме и о общем благе (*summum bonum*), может быть, сотворит процветающего земляного червя, но, без всяких сомнений, создаст жалкого патриота и жалкого государственного деятеля». Гитлер был патриотом и государственным деятелем именно такого жалкого типа. Он никогда не задумывался о подобных вещах. Ни одно из слов, которых он произнес так много, даже не касалось человеческого духа. Его взгляды на искусство были ничего не стоящими. Он не имел понятия о гуманности. Слабость он не выносил, а жалость тоже презирал (потому что это симпатия к слабости). Это считалось *Humanitätstuselei*,

¹ Цоллер. С. 155—156.

т. е. человеческой глупостью. А если он презирал физическую слабость, то в других он ненавидел духовную мощь. Чем он восхищался в Сталине, так это только хитростью, жестокостью и успехами, которых тот достиг в своей революционной карьере; отказ Британии признать поражение просто довел его до пароксизма ненависти от обиды. Он признавал только собственную мощь, свою волю, веру: эти качества сами по себе для него были бесценными. Любовь для него ничего не значила — это означало просто соревнование, в котором большинство нацистов-мужчин Германии получало в награду наиболее хорошо сложенных женщин-немок¹, и в этой концепции есть что-то омерзительное, не циничное, не грубое, а просто низкое, механическое, нечеловеческое. Дети для него являлись всего лишь непрерывно пополняемым (и поэтому постоянно расходуемым) средством для завоеваний и колонизации. У него действительно были свои взгляды на Природу, и он часто говорил о своем «общении» с ней, но это была страшная Природа, всепожирающая Природа, чья жестокость оправдывала его собственную: не дружеская первобытная Природа лесов с нимфами и заселенных водных потоков, а романтическая вагнеровская Природа внушающих ужас Альп, в отравляющем одиночестве которых он лучше всего мог высиживать планы своих столь же жестоких и безжалостных интервенций. А что касается цели человеческой жизни, этот пустячный вопрос, являющийся, однако, показателем гуманности, для него состоял лишь в том, что немцы должны быть хозяевами мира. Его мысли возвращаются к ранним завоевателям и колонистам, несомненно, таким же жестоким, как и германцы, — арабским армиям, франкским крестоносцам, испанским конкистадорам. Они тоже убивали и уничтожали, подавляли и порабощали, сжигали и опустошали. Но всегда (конечно, по ошибке) они подчиняли свои самые жестокие действия какой-то обезличенной цели, которая, когда оседала пыль сражения и завоеваний, устанавливала покорность даже среди завоевателей, так что сегодня, оглядываясь назад, мы забываем о сопутствовавших жестокостях и видим лишь церкви и мечети, больницы и школы, созданные не только для комфорта победителей, но и для служения абстрактному Богу или той конкретной гуманности, которой они считали себя подвластными. Гитлеру все это было совершенно чуждо; и по этой причине, я думаю, его окончательная концепция германской культуры стала столь отвратительной. Упрощенно — его заботило лишь, чтоб было больше пирожных для немцев и меньше — для остальных. Он был законченным и твердым материалистом, не испытывавшим симпатий или даже терпимости к нематериальным надеждам, страхам, воображению, иллюзиям, которые, как это ни абсурдно, проливают слабый облагораживающий свет на деяния человечества. Для Гитлера весь

¹ По этому вопросу см.: *Доллер. Частная жизнь Гитлера*. С. 105, 115.

этот нематериальный мир был просто Mumpitz [чепуха. — *Ред.*]. Моральные ценности, т. е. весь спектр добра и зла, поскольку они зависят от нематериальных критериев, для него просто не существовали. «Я пришел в этот мир не для того, — заявляет он, — чтобы сделать людей лучше, а для того, чтобы использовать их слабости», и, как Цезарь Шекспира, он явно предпочитал коррумпированных людей, чьими слабостями он мог воспользоваться, тем «аскетикам с кругами под глазами», которые «бедны и голодны», которые «слишком много думают». И только их он опасался. И для каких же целей намеревался он воспользоваться слабостями тех, кому отдавал предпочтение? Для того чтоб немцы, которых он презирал, могли быть больше, чем те, кого он презирал еще более. А что будет, когда они наедятся? Ахиллес вернет тело Гектора. Христианский крестоносец останется покоиться в своей могиле с надгробным памятником, священники будут молиться о его душе, и по его завещанию будет основана богадельня

Для отдохновения нищим и престарелым бедствующим
слабым душам, прошедшим через нелегкий телесный труд;

возможно, иллюзия будет увековечена, но проявлена гуманность, а жизнь искусства продолжена. Для Гитлера такой мир был не только непонятен, но и невероятен: «ненавидя всякий идеализм, он находил совершенно нормальным, что тела его политических заключенных сжигались, а пепел использовался его гвардией СС для удобрения своих садов». Естественно, такой человек в своем чтении и беседе не нуждался в гуманитарных науках. «Хотя он странствовал почти по каждой области человеческого мышления, — говорит его секретарь, — я, тем не менее, чувствовала, что чего-то не хватает. Даже сейчас не могу дать точного определения. Но мне кажется, что в его потоке слов отсутствовала человеческая нота, душевное свойство воспитанного человека. В его библиотеке не было классиков, ни единой книги, на которой человеческий дух оставил бы свои следы». И тем не менее этот духовный пустынный, этот вросший в землю, подлый циник называл себя художником и воображал, что образованные папы времен Возрождения нашли бы в нем близкого по духу компаньона, и изрекал свои наглые и ничтожные догмы о творениях духа, как если б он вернулся с Геликона после медитации.

Таков был, если отбросить окутывающий его разлагающийся интеллектуальный мусор, образ мышления Гитлера, каким он возник из кристаллизующего опыта года ландсбергской тюрьмы, такова его безжалостная систематизирующая мощь, такова жуткая человеческая нагота. С этой даты, как мне кажется, все было решено: в следующие двадцать лет оно себя выразило в действиях. Опыт дней борьбы, широкий спектр деятельности как до, так и после захвата власти в январе 1933 г. должны были привести важную

деталь; встреча с четкой организаторской способностью Геббельса (которого Гитлер впервые встретил в 1922 г.), несомненно, обострила очертания его образа мышления и, возможно, обеспечила более интеллектуальный базис его социальному мышлению. Один лишь повтор этих монологов должен был представить многие недостающие звенья и смазать, как это и случилось, работу его идей; но в своей базовой философии и в конечных целях этот разум остался неизменным: ужасный феномен, впечатляющий в своей гранитной жесткости и все-таки бесконечно убогий при своих различных препятствиях — подобно какому-то гигантскому варварскому монолиту, олицетворению гигантской силы и дикого гения, окруженному гниющей грудой отбросов — старых консервных банок и дохлых червей, пепла и яичной скорлупы и навоза, — интеллектуальных обломков, оставленных столетиями. Куда бы мы ни заглянули в эти годы — в «Майн кампф» в 1924 г., в версию Раушнинга застольных речей 1933 г., в случайные секретные выступления, записи которых выжили, а теперь и в полный текст застольных бесед 1941—1944 гг., — везде видим это постоянство. Самым четким из всех в смысле диапазона и триумфальных условий их произнесения являются эти «Застольные разговоры»: самораскрытие самого страшного из «ужасных упрощенцев» истории, самого методичного, самого историчного, самого философского и, тем не менее, самого грубого, самого жестокого, наименее великодушного завоевателя, какого когда-либо знал мир.

Х.Р. Тревор-Понер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1941 год

5 июля — 31 декабря

1

Суббота, 5 июля 1941 г.

Арийцы и русские. — Необходимость бронированного кулака в России. — Ухудшение качества почвы

Что нам требуется, так это коллективный взгляд на желание народа жить и его образ жизни.

Мы должны делать различие между фашистским народным движением и народным движением в России. Фашистское движение — это спонтанное возвращение к традициям Древнего Рима. Российское движение имеет существенную тенденцию к анархии.

Инстинктивно русский не склонен к более высокой форме общества. Некоторые люди живут так, что скопление семейных ячеек не образует целого; и, хотя Россия установила у себя общественную систему, которая, судя западными стандартами, подходит под определение «государство», на деле не является ни близкой ему по духу, ни естественной.

Это факт, что каждый продукт человеческой культуры, каждое произведение, наделенное красотой, может появиться на свет только в результате принуждения, именуемого образованием (просвещением).

Арийские народы — это те, которые особенно активны. Человек вроде Крюмеля¹ работает с утра до ночи; а какое-то другое лицо никогда не прекращает думать. Точно так же итальянец трудолюбив, как муравей. В глазах русского основная опора цивилизации — водка. Его идеал состоит в неделании ничего, кроме необходимого. Наша концепция работы (работай и работай!) такова, что он смотрит на нее, как на проклятие.

¹ К р ю м е л ь (*разг.* Krümel — Малыш) — прозвище повара Гитлера.

Сомнительно, чтобы можно было что-то сделать в России без помощи православного священника. Именно священник способен примирить русского с фатальной необходимостью работы, обещая ему больше счастья в ином мире.

Русский никогда не смирится с работой, если не будет принуждения извне, потому что он не способен к самоорганизации. И если, невзирая ни на что, он окажется подходящим для организованной нагрузки, то это благодаря наличию капли арийской крови в его венах. Только благодаря этой капле русский народ что-то создал и имеет организованное государство.

Для того чтобы управлять Россией, потребуется энергия. Отсюда естественный вывод: чем жестче режим в стране, тем лучше, и тогда там можно практиковать беспристрастность и справедливость. Если лошадь не держать постоянно под контролем, она забудет в мгновение ока элементарные знания, которые ей были внушены. Точно так же с русским, в котором есть какая-то инстинктивная сила, которая тянет его назад в первобытное состояние. Люди иногда приводят пример лошадей, которые сбежали с одного ранчо в Америке и через каких-то десять лет создали огромные табуны диких лошадей. Для животного так легко вернуться в свое первобытное состояние! Для русского возвращение в первобытное состояние означает возврат к примитивной форме жизни. Существует семья, женщина присматривает за своими детьми, как и зайчиха, со всеми присущими материнскими чувствами. Но русскому ничего больше и не хочется. Его реакция на принуждение со стороны организованного государства (которое всегда есть принуждение, поскольку ограничивает свободу личности) — жестокая и дикая, как и всякая женская реакция. Когда русский терпит неудачу и вынужден сдаться, он разражается плачем. Это стремление вернуться к первобытному состоянию было продемонстрировано его революцией. Для русского типичной формой революции является нигилизм.

Я считаю, нефть все еще имеется в тысячах мест. Что касается угля, то известно, что природные ресурсы сокращаются, и при этом создаем подземные пустоты. Но в случае с нефтью возможно, что озера, из которых мы ее выкачиваем, постоянно пополняются из невидимых резервуаров.

Несомненно, человек является самым опасным из всех вообразимых микробов. Он использует недра у себя под ногами и даже не задается вопросом: «А не может ли быть так, что я распоряжаюсь таким образом продуктами, которые могут быть необходимы для жизни других регионов?» Если эту проблему рассмотреть детальней, можно будет установить причины катастроф, которые периодически происходят на земной поверхности.

Ночь с 5 на 6 июля 1941 г., 23.30 — 1.50

Сокращение расстояний с помощью дорог. — Граница по Уралу. — Москва должна исчезнуть. — Сокровища Эрмитажа

Красоты Крыма, которые мы сделаем доступными с помощью автобанов, — для нас, немцев, станут олицетворять нашу Ривьеру. Крит выжжен солнцем и высушен. Кипр был бы восхитителен, но до Крыма можно доехать на машине. А на этой дороге лежит Киев! И Хорватия для нас тоже туристский рай. Я ожидаю, что после войны наступит великий всплеск радости.

Автодорога соединит людей лучше, чем железная дорога, которая в этом плане как-то безлична. Какой же будет прогресс в новой Европе! Автобаны точно так же, как они привели к исчезновению внутренних границ в Германии, упразднят границы между странами Европы.

Тем, кто меня спрашивает, достаточно ли будет достичь Урала и установить там границу, я отвечаю, что на данный момент для границы достаточно быть там, где она нарисована. Что важно, так это чтобы большевизм был искоренен. При необходимости мы возобновим наше продвижение, если где-то возникнет какой-либо новый центр сопротивления. Москва как ядро нашей доктрины должна исчезнуть с лица земли, как только ее богатства станут нашими. Вопроса о нашем сотрудничестве с московским пролетариатом быть не может. Как бы там ни было, Санкт-Петербург как город несравненно красивее Москвы.

Возможно, сокровища Эрмитажа хранятся не в Кремле, как это было в Первую мировую войну, а где-нибудь в деревнях — если их только не вывезли в города к востоку от Москвы или еще дальше по реке.

Ночь с 11 на 12 июля 1941 г.

Природное благочестие человека. — Русские атеисты умеют умирать. — Никакого атеистического воспитания

Я считаю, что человек, созерцающий Вселенную широко раскрытыми глазами, — это человек с величайшим количеством естественного благочестия: не в религиозном смысле, а в смысле внутренней гармонии с предметами.

В конце прошлого столетия научный и технический прогресс привел либерализм к заблуждению, провозгласив владычество че-

ловека над природой и объявив, что человек скоро будет господствовать в космосе. Но достаточно какого-нибудь простого шторма — и все рассыпается, как карточный домик!

В любом случае, мы научимся, как познакомиться с законами, по которым течет жизнь, а знакомство с законами природы поведет нас по пути прогресса. Что касается смысла «почему?» в этих законах, мы об этом никогда не узнаем. Просто вещь такая, а наше понимание не в состоянии представить себе другие схемы.

Человек обнаружил в природе прекрасное понятие о некоем всемогущем существе, чьим законам он поклоняется.

Практически в каждом есть ощущение этого всемогущего, которого мы называем Богом (т. е. господством законов природы во всей Вселенной). Священники, которые всегда были успешны в эксплуатации этого чувства, грозят наказанием человеку, который отказывается принять проповедуемые ими верования.

Если вызвать в ребенке страх перед темнотой, он пробудит в нем чувство атавистического ужаса. И вся жизнь ребенка будет подчиняться этому ужасу, в то время как другой, разумно воспитанный ребенок будет свободен от этого чувства.

Говорят, что каждый человек нуждается в убежище, где он смог бы найти утешение и помощь в своем несчастье. Я в это не верю! Если человечество и следует этому пути, то единственно в силу традиций и привычек. Кстати, такой урок можно извлечь из событий на большевистском фронте. У русских нет Бога, и это не лишает их способности смотреть в лицо смерти.

Мы не собираемся никого учить атеизму.

4

Ночь с 11 на 12 июля 1941 г.

Национальный социализм и религия не могут сосуществовать. —

Никаких преследований за религию, пусть она завянет сама по себе. — Большевизм — незаконнорожденное дитя христианства. — Происхождение спартанской каши. —

Латышские идиоты. — Сталин — одна из самых замечательных фигур в истории

Когда национал-социализм пробудет у власти достаточно долго, будет уже невозможно задумать форму жизни, отличную от нашей.

В далекой перспективе национал-социализм и религия не смогут существовать вместе.

В ответ на вопрос G. S., может ли это противоречие означать войну, фюрер продолжал:

Нет, это не означает войну. Идеальное решение будет состоять в том, чтобы предоставить религии возможность самоистребления, без преследований. Но в этом случае нам надо заменить церковь чем-то равноценным. Это будет ужасно! Нечего и говорить, что все это дело потребует глубокого осмысления. Всею свое время. Это просто вопрос честности, вот во что все это выльется.

В Англии статус индивидуума по отношению к церкви управляется государственными соображениями. В Америке все — чисто дело конформизма.

У германского народа есть особенное качество — терпение; и он — единственный из народов, способный осуществить революцию в этой области. Он может провести ее хотя бы по той причине, что только германская нация сделала моральный закон руководящим принципом действия.

Самым жестоким ударом из тех, которые пришлось перенести человечеству, явился приход христианства. Большевизм — это незаконнорожденное дитя христианства. И то и другое было придумано евреями. Христианство ввело в мир сознательную ложь в вопросе религии. Большевизм практикует ложь такой же сути, когда уверяет, что принесет свободу человеку, хотя на самом деле стремится только поработить его. В Древнем мире отношения между людьми и богами были основаны на инстинктивном уважении. Этот мир был освещен идеей терпимости. Христианство стало первым в мире вероучением, проповедующим уничтожение своих противников во имя любви. В этом ключевая нота нетерпимости.

Без христианства не было бы ислама. Римская империя под германским влиянием развивалась бы в направлении мирового господства, а человечество не потеряло бы одним махом пятнадцать веков цивилизации.

Не следует считать, что христианство принесло человеку духовную жизнь, потому что эта эволюция входит в естественный порядок вещей.

Результатом крушения Римской империи стала ночь, длившаяся столетиями.

Римляне не испытывали антипатии к германцам. Это видно из простого факта, что у них были в моде светлые волосы. Среди готов у многих были темные волосы.

Итальянский, испанский, французский и английский диалекты возникли в результате смешения местных языков с лингвистическими элементами, принесенными мигрирующими народами. Вначале они были просто местными, туземными до тех пор, пока какой-то поэт не изобрел язык нации. Для рождения языка потребовалось пять-шесть столетий.

Завоеватель страны вынужден приспособливаться к местному языку. Вот почему язык не предстает неким незыблемым монументом, на котором запечатлены характеристики нации. Например, то, как люди едят, является более типичным в расовом отношении, ибо каждый человек остается убежденным в душе, что его мать — лучший повар. Когда я пробовал суп у людей в Шлезвиг-Гольштейне, мне пришло в голову, что спартанская каша от него отличается немногим. Во времена великих переселений народов племена были продуктом бесконечных смешиваний. Люди, приехавшие на юг, были не теми, которые юг покинули. Можно себе представить двести молодых фрисландцев [голландцев. — *Пер.*], которые отправились на юг, прошли, как танк, через страну и привели с собой людей, принадлежавших к другим племенам. Хорваты наверняка более германцы, нежели славяне. Эстонцы также имеют в своих венах много германской крови.

Эстонцы являются элитой балтийских народов. За ними идут литовцы, а последними — латыши. Сталин использовал латышей для казней, которые были неприятны русским. Это такие же люди, как и те, что использовались в роли палачей в старой царской империи.

Сталин — одна из самых экстраординарных личностей в мировой истории. Он начал карьеру мелким чиновником и с тех пор так никогда и не переставал им быть. Сталин ничем не обязан риторике. Он руководит из своего кабинета благодаря бюрократии, которая подчиняется любому его кивку и жесту.

Бросается в глаза, что русская пропаганда, критикуя нас, всегда держится в определенных границах. Сталин, этот хитрый кавказец, очевидно, вполне готов оставить Европейскую Россию, если полагает, что провал в устранении ее проблем приведет к тому, что он потеряет все. Пусть никто не думает, что Сталин сможет отвоевать Европу, стартуя из-за Урала! Это все равно как если б меня восставили у власти в Словакии, и я смог бы оттуда отвоевать рейх. Это катастрофа, которая приведет к потере Советской империи.

5

Ночь с 21 на 22 июля 1941 г.

Благодарность иезуитам. — Протестантский фанатизм. — Сходство между Германией и Италией. — Данте и Лютер. — Дуче — один из цезарей. — Марш на Рим — поворотная точка в истории. — Восхитительные итальянские города. — Рим и Париж

С учетом всего известного мы должны быть благодарны иезуитам. Кто знает, если б не они, что было б, если б мы отказались от готической архитектуры в пользу легкой, воздушной, яркой архи-

тектуры контрреформации? Перед лицом попыток Лютера повести клерикальную верхушку, усвоившую дурные привычки, назад к мистицизму иезуиты вернули миру радость чувств.

Наверняка Лютер не имел желания формировать человечество согласно канонам Священного Писания. Он оставил целую серию размышлений, из которых видно, что он явно настроен против Библии. Он признает, что эта книга содержит много вредных вещей.

Фанатизм — это производное от климата, ибо протестантизм тоже сжигал своих ведьм. Но ничего подобного не было в Италии. У южанина более легкое отношение к вопросам веры. А у француза свой собственный легкий подход к поведению в церкви. А у нас достаточно не опуститься на колени, чтобы привлечь внимание.

Но заслуга Лютера в том, что он восстал против папы и организации церкви. Это была первая из великих революций. И благодаря своему переводу Библии Лютер заменил наши диалекты великим немецким языком!

Приятно наблюдать сходство между эволюцией Германии и Италии. Создатели языка Данте и Лютер поднялись на борьбу со всемирными вождениями папства.

Каждую из обеих наций вел к единству против династических интересов *один* человек. И они достигли единства вопреки желанию папы.

Должен сказать, я всегда наслаждаюсь моими встречами с дуче. Это великая личность. Интересно, что он в тот же период, что и я, занимался торговлей недвижимостью в Германии. Наша программа разрабатывалась в 1919 г., и в то время я о нем ничего не знал. Наши доктрины базируются на основании, подходящем для каждой из них, но результат был получен умственной работой каждого из нас в отдельности. Не думайте, что события в Италии не имели влияния на нас. Коричневые рубашки, возможно, не существовали бы без черных рубашек. Марш на Рим в 1922 г.¹ стал одним из поворотных моментов истории. Один лишь факт, что можно попытаться совершить все подобное и добиться успеха, придал нам новые силы. Через несколько недель после марша на Рим меня принял министр Швейер². В других условиях этого не произошло бы.

¹ М а р ш н а Р и м («Великий поход на Рим») — 28—30 октября 1922 г. состоялось массовое выступление сторонников Бенито Муссолини, в результате которого итальянский король Виктор-Эммануил III передал главе фашистов всю полноту власти в стране.

² Ш в е й е р Франц — министр внутренних дел Баварии (1921—1924). В ноябре 1922 г. принял Гитлера.

Я не знаю, смогли бы мы удержаться, если б марксисты обогнали Муссолини. В тот период национал-социализм был еще очень хрупкой порослью.

Если дуче придется умереть, это будет огромным несчастьем для Италии. Гуляя с ним в садах виллы Боргезе, я легко заметил сходство его профиля с бюстами древних римлян и понял, что он — один из цезарей. Нет никакого сомнения в том, что Муссолини — наследник великих людей той эпохи.

Несмотря на свою слабость, итальянцы обладают столь многими качествами, отчего они нам так нравятся.

Италия — страна, где интеллект создал понятие государства. Римская империя — великое политическое творение, величайшее из всех.

Как развито в итальянской нации чувство музыкальности, любовь к гармоничным пропорциям, красоте своей расы! Ренессанс стал восходом новой эры, в которой ариец вновь обрел себя. На итальянской земле есть и наше собственное прошлое. Человек, безразличный к истории, подобен глухому и слепому. Конечно, такой человек может жить — но какой жизнью?

Волшебство Флоренции и Рима, Равенны, Сиены, Перуджи! Как восхитительны Тоскана и Умбрия!

Самое маленькое палаццо во Флоренции или Риме дороже, чем весь Виндзорский дворец. Если англичане что-либо уничтожат во Флоренции или в Риме, это будет преступлением. В Москве это не нанесет какого-либо крупного вреда, но не в Берлине, к сожалению.

Я видел Рим и Париж и должен сказать, что, за исключением Триумфальной арки, в последнем нет ничего подобного Колизею, или замку Сан-Анджело, или собору Св. Петра. Эти монументы, являющиеся продуктами коллективных усилий, перестали существовать как нечто частное. В парижских зданиях есть что-то странное, будь то эти круглые окна, в которых плохо соблюдены пропорции, или эти фронтоны, которые уничтожают целые фасады. Если сравнить Пантеон в Риме с Пантеоном в Париже: что за жуткое здание — и что за скульптуры! Все, что я увидел в Париже, уже улетучилось из моей памяти, а Рим действительно держит меня мертвой хваткой.

Когда дуче приезжал в Берлин, мы устроили ему великолепный прием. Но наша поездка в Италию — это было нечто иное! При нашем приезде были соблюдены все церемонии. Был нанесен визит в Квиринальский дворец.

Неаполь, если не считать дворца, мог бы находиться где-нибудь в Южной Америке. Но в этом королевском дворце есть внутренний двор. Какое благородство пропорций!

Мое сокровенное желание — отправиться в путешествие по Италии в качестве неизвестного художника.

Ночь с 22 на 23 июля 1941 г.

Британская надменность. — Рождение германской индустрии. — Торговое соперничество с Британией. — Шаги в направлении долговременного взаимопонимания между Германией и Британией. — Нехватка философского и артистического чувства у британцев

Англичанин превосходит немца в одном отношении — в гордости. Лишь человек, умеющий отдавать приказы, имеет гордость.

По всему миру немцы трудятся, не получая тех заработков, которые они заслужили. Их способности признаны, но тот факт, что они живут исключительно за счет своего труда, делает их объектом насмешек со стороны людей, которых они обогащают.

В этом причина того, что в период перед самой Первой мировой войной германцы встречали так мало симпатии в англосаксонском мире.

Примерно в 1870 г. у нас наблюдался огромный избыток населения, в результате чего каждый год двести—триста тысяч наших сограждан были вынуждены настраиваться на эмиграцию. Средством для исправления этого состояния дел могло бы быть их включение в производственный цикл. Единственная форма производства, заслуживавшая внимания в то время, была связана с основными германскими материалами — углем и сталью. В этой отрасли в то время потребности рынка покрывались Англией. Англичане требовали лучшее и платили за это высокие цены. В этих условиях у любого, кто хотел заняться бизнесом, был лишь один выход — запрашивать более низкие цены.

Наша безумная страсть к работе позволила нам выпускать недорогие, массового масштаба товары, которые, тем не менее, на уровне качества могли конкурировать с английскими. Мы были новичками и не знали всех секретов производства. И в восьмидесятых годах во время Всемирной выставки в Филадельфии¹ немецкую продукцию называли «дешевой подделкой». Однако со временем мы смогли превзойти английскую продукцию в трех секторах экономики: в химической промышленности (особенно в плане фармацевтической продукции, производстве красителей и, в самый канун Первой мировой войны, — в извлечении водорода из воздуха); в производстве электротехнической аппаратуры и в изготовлении оптических приборов.

¹ Всемирная выставка в Филадельфии состоялась в 1876 г.

Англия так остро ощущала эту конкуренцию, что реагировала на нее всеми возможными средствами. Но ни ее попытки защититься с помощью тарифов, ни отдельные международные соглашения, ни обязательное использование фразы «Сделано в Германии» как ярлыка наших товаров ни к чему не привели.

Для англичан идеалом существования было общество викторианского века. В те времена Англия в своем распоряжении имела бесчисленные миллионы населения в своей колониальной империи вместе со своими тридцатью пятью миллионами жителей. И на вершине всего этого — один миллион буржуа, а еще выше эту кампанию венчали тысячи дворян, которые без каких-либо личных трудностей срывали плоды труда других народов. Для этой правящей касты появление Германии на сцене стало катастрофой. Как только мы начали свое восхождение, судьба Англии была решена. Совершенно очевидно, что в будущем Английская империя не сможет существовать без поддержки Германии.

Я полагаю, конец этой войны ознаменует начало длительной и прочной дружбы с Англией. Но сначала мы должны ее нокаутировать, ибо только после этого мы сможем жить с ней в мире, а англичанин уважает лишь того, кто его до этого нокаутировал.

1918 г. надо вычеркнуть из памяти.

Г. Д. спросила фюрера, достаточно ли у Германии сил, чтобы победить опасности слишком легкой жизни, которые угрожают Англии ее развалом.

Да, и вот почему я уделяю внимание искусству. Среди англичан культура, как и спорт, является привилегией высшего общества. Только представьте себе, ни в одной другой стране Шекспира не ставят так плохо, как в Англии. Они любят музыку, но их любовь безответна. Кроме того, у них нет мыслителей масштаба гения. Что значит Национальная галерея для простых масс? То же можно сказать об их социальной реформе. Она, в отличие от немецкой, предусматривает не удовлетворение нужд совести, а вызвана единственно потребностями государства.

В Байройте¹ можно встретить больше французов, чем англичан. Назовите мне хотя бы один театр в Англии, где постановка осуществляется на том же уровне, что и в сотнях наших театров.

Но мне встречались много англичан и французов, которых я уважаю. Давайте не будем думать слишком много о тех, кого мы знаем, с кем у нас уже были неудачные, обманчивые деловые контакты — это не люди. Несмотря ни на что, мы можем общаться только с народом.

¹ Б а й р о й т — город в Баварии. Место традиционного проведения музыкальных фестивалей.

Ночь с 24 на 25 июля 1941 г.

Качества германского солдата. — Потери войск СС оправдываются. — Слабости Германского верховного командования в 1914—1918 гг.

Могу сказать, что никогда не сомневался в качествах германского солдата, в чей адрес я могу высказать больше похвалы, чем в адрес некоторых руководителей вермахта.

Германская армия — фактически самая совершенная армия в мире; а германский солдат в момент испытаний — более надежный и рассудительный, чем любой другой солдат. Я по-настоящему счастлив, что мне было даровано в своей жизни увидеть германского солдата, благословленного Провидением. Для элитных войск, вроде наших СС, будет редкой удачей понести сравнительно тяжелые потери. В этом смысле СС имеют необходимый престиж для вмешательства, если потребуются, на домашнем фронте, хотя, конечно, в этом не будет нужды. Но приятно сознавать, что владеешь войском, которое само способно это сделать, при возможности.

Это чудесно, что наши гаулейтеры — везде, где случаются проблемы.

Не могу вам передать, как я страдал во время Великой войны при виде слабостей нашего командования. В военном отношении мы были совсем не умны, а в политическом смысле мы вели себя настолько неуклюже, что меня постоянно подмывало вмешаться. Если б в тот период я был рейхсканцлером, я б в трехмесячный срок перерезал глотки всем обструкционистам и утвердил бы нашу власть.

Если б я был лет на двадцать—двадцать пять моложе, то был бы на передовой. Я страстно любил солдатскую службу.

Пятница, 25 июля 1941 г., полдень

Румыния должна стать аграрной страной

Румыния должна приложить максимум усилий, чтобы отказаться от идеи создания собственной индустрии. Она должна направлять богатства своей почвы, и особенно пшеницу, на германский рынок. А в обмен она будет получать от нас промышленные товары, в которых нуждается. Бессарабия — это настоящая житница. А румынский пролетариат, зараженный большевизмом, исчезнет, и в стране всего будет в достатке. Должен признать, что король Кароль¹ работает в этом направлении.

¹ К а р о л ь II (1893—1953) — король Румынии (1930—1940). В 1940 г. в условиях кризиса признал решение Венского арбитража и отрекся от престола.

9

Пятница, 25 июля 1941 г., вечер

Англо-американское соперничество

В один из дней Англия и Америка будут воевать друг с другом, и война эта будет подогреваться невообразимой ненавистью. Одной из этих двух стран придется исчезнуть [с карты мира. — *Пер.*].

10

Суббота, 26 июля 1941 г., ночь

Монархия обречена

Народ нуждается в некоей точке, в которой сходились бы мысли каждого — в каком-нибудь идоле. Может чувствовать себя счастливой нация, у которой есть суверен калибра Фридриха (Великого); но если это всего лишь какой-нибудь средний монарх, то лучше установить республику. Обратите внимание, что как только институт монархии упразднялся в какой-либо стране — посмотрите на Францию и сегодняшнюю Югославию, — то с этого времени он становился объектом насмешек и никогда впоследствии не восстанавливался.

Мне хотелось бы верить, что то же самое произойдет и с церковью. Оба эти института естественным путем развивались в направлении церемониала и торжественности. Но весь этот аппарат потеряет всякое значение, когда исчезнет власть, на которой он зиждился.

11

Воскресенье, 27 июля 1941 г., вечер

Старые и молодые нации. — Никогда впредь не будет военной державы на Востоке. — Британское господство в Индии. — Никакого образования для неграмотных русских. — Колонизация Украины. — Солдаты-крестьяне

Бросается в глаза факт, что уровень значимости нации в мире является функцией ее возраста. Молодая нация обречена на постоянные успехи. Старая нация довольствуется то и дело повторяющимися поражениями. Возьмите Германию и Англию.

Мы должны позаботиться о том, чтобы впредь никогда не было военной державы, укрепившейся по эту сторону Урала, потому что наши соседи на Западе всегда будут союзниками наших соседей на

Востоке. Например, когда-то Франция вступила в союз с Турцией, а сейчас англичане ведут себя таким же образом в отношении Советов. Когда я говорю «по эту сторону Урала», я имею в виду линию, проходящую в двухстах—трехстах километрах к востоку от Урала.

У нас будет возможность контролировать этот регион к востоку, имея двести пятьдесят тысяч солдат плюс штат хороших администраторов. Давайте учиться у англичан, которые, имея в наличии всего двести пятьдесят тысяч человек, включая пятьдесят тысяч солдат, управляли четырьмястами миллионами индусов. Немцы всегда должны господствовать над этой территорией в России.

Самой серьезной ошибкой с нашей стороны будут попытки просветить местные массы. В наших интересах, чтобы народ знал настолько, чтобы различать дорожные знаки. Они и сейчас не умеют читать и должны остаться в этом состоянии. Конечно, им должно быть позволено достойное существование, и это также в наших интересах.

Мы возьмем себе южную часть Украины, особенно Крым, и сделаем ее исключительно немецкой колонией. Не будет вреда в вытеснении населения из тех мест, где оно проживает сейчас. Германский колонист будет солдатом-крестьянином, и для этой цели я буду использовать профессиональных солдат, невзирая на то, кем они были прежде. Кроме того, в этих целях мы будем использовать группу мужественных вольноопределяющихся, как только они нам понадобятся. В будущем у нас будет постоянная армия в полтора—два миллиона человек. После увольнения солдат после двенадцати лет службы у нас будет тридцать—сорок тысяч человек для этой работы. Для сыновей крестьян рейх предоставит полностью оснащенную ферму. Земля нам не будет стоить ничего, и останется лишь построить дом. Крестьянский сын уже заплатил за это двенадцатью годами службы. В течение последних двух лет он уже будет сам заниматься оборудованием для фермы. Перед ним будет поставлено одно-единственное условие: он может жениться не на городской женщине, а на деревенской жительнице, которая, насколько это будет возможно, не станет жить с ним в городе. Этим солдатам-крестьянам будет выдано оружие, так что в случае малейшей опасности они смогут прибыть на те посты, куда их вызовут. Именно так древняя Австрия удерживала в повиновении восточные народы. Под таким же знаком солдат-крестьянин станет великолепным школьным учителем. Вольноопределяющийся — это идеальный учитель для сельского мальчишки. В любом случае из этого вольноопределяющегося получится учитель лучше, чем из нашего нынешнего учителя — офицер!

Таким образом, мы вновь обретем в деревне благословение для многих семей. В то время как нынешний закон земельного наследования лишает собственности младших сыновей, в будущем каждый крестьянский сын сможет гарантированно иметь свой клочок

земли. А тридцать—сорок тысяч крестьян в год — это же огромная величина!

В странах Балтии мы согласимся использовать в роли колонистов сколько-то голландцев, сколько-то норвежцев и даже, по личным контрактам, сколько-то шведов.

12

Ночь с 27 на 28 июля 1941 г.

Первостепенная важность Восточной Европы. — Использовать все независимо от происхождения. — Роль избранного

В природе человека заложено действовать через своих наследников. Некоторые думают только о своей семье и доме. Другие более дальновидны. Со своей стороны я должен сказать, что, когда я встречаю детей, я отношусь к ним, как если бы они были моими собственными. Они все принадлежат мне.

Причина, почему меня не волнует ход боев на Восточном фронте, в том, что все, что происходит, разворачивается так, как мне всегда хотелось. С началом Первой мировой войны многие думали, что мы должны пробиваться к минеральным богатствам Запада, сырьевым материалам колоний и к золоту. Со своей стороны я всегда считал, что для нас важно иметь солнце на Востоке, и сегодня у меня нет причины менять свою точку зрения.

В начале нашего движения я действовал в основном по интуиции. Во время заключения у меня было время обеспечить свою философию природным, историческим фундаментом. С их точки зрения тогдашние правители просчитались, заперев меня в камеру. Для них было бы куда мудрее позволить мне непрерывно выступать, не давая мне никакого отдыха!

Теория национал-социализма состоит в использовании всех сил, откуда бы они ни исходили. Я понимаю, что семьи, посвятившие себя поколениями службе государству, содержат положительные элементы и что большевики совершили ошибку в своем рвении, уничтожив интеллигенцию. Но недопустимо, чтобы члены какого-то класса общества считали, что только они компетентны в исполнении каких-то функций.

Работу, которую надлежит выполнять каждому, невозможно оценить по ее объективной стоимости. У каждого есть лишь одна обязанность: взять на себя труд. Кто бы ни исполнял этот долг, становится необходимым обществу — будь это работа, посильная ему одному или доступная любому. Иначе человек, достигший чего-то значительного, эффект от которого будет сказываться десятилетиями, обретет право вознестись над всеми и презирать того, кто метет улицы.

Весьма обоснован пример, подаваемый английской аристократией, — в передаче по завещанию права на наследство самому старшему в семье. В результате младшие сыновья возвращаются в народ, а семья сохраняет свою экономическую силу, в то же самое время поддерживая связи с народом.

Когда кто-то замечает с оттенком симпатии сожаления, что такой-то изгнанник из древней семьи — бесполезное создание, бродяга и неудачник, — очень хорошо! Да, зажиточная семья должна изгнать из себя одного из своих членов, ставшего для нее бесполезным. Было бы как раз ошибкой позволить, чтобы за неудачами сохранялся привилегированный статус.

Само собой разумеется, что только плановая экономика может разумно использовать весь человеческий потенциал.

Даре сделал две хорошие вещи: закон об аграрном наследовании и регулирование рынка.

Если в будущем мы получим сырьевые материалы, нехватка которых вынудила нас пойти на их замену синтетической продукцией, — то, что мы смогли сделать благодаря нашим научным исследованиям и нашей более развитой технике, не будет причин для прекращения выпуска этой синтетической продукции.

13

Ночь с 1 на 2 августа 1941 г.

**Бюрократия. — Цена интеллигентного неповиновения. —
Континент, которым предстоит править. — Господствующая
раса**

Меня часто просят произнести что-нибудь в похвалу бюрократии, но я не могу этого сделать.

Определенно, нам надо иметь чистую, неподкупную администрацию, но это также слишком шепетильно. Она заорганизована и, по крайней мере в некоторых секторах, перегружена. Ее принципиальная ошибка состоит в том, что никто в ее среде не стремится к успеху и что в ее рядах слишком много людей, не несущих ответственности. Наши функционеры пуше всего боятся инициативы, а ведут себя, как будто они прибиты гвоздями к кабинетным креслам! В армии у нас намного больше гибкости, за исключением одного сектора вермахта, чем в этих гражданских отраслях. И это притом, что заработная плата часто несопоставима!

Бытует навязчивая идея о том, что законодательство должно быть одним для всего рейха. А почему не придерживаться дифференцированных правил для каждой части рейха? Люди воображают, что лучше иметь законы хотя и плохие, но одинаковые, чем хоро-

шее законодательство, учитывающее местные особенности. Для них важно просто, чтобы вышестоящий босс имел полный обзор деятельности администрации и мог дергать за все нитки.

Вермахт оказывает наивысший почет тому, кто, действуя против приказа, спасает ситуацию своей проницательностью и решительностью. При администрировании факт неисполнения приказа угрожает человеку самым суровым наказанием. Администрирование не признает исключений. Вот почему у администратора отсутствует мужество, необходимое тем, кто должен взять на себя ответственность.

Ввиду перемен в методе действия, которые потребуются, благоприятное обстоятельство состоит в том, что мы собираемся править континентом. Когда это произойдет, различные положения солнца не допустят единообразия!

Во многих местах нам придется контролировать огромные территории горсткой людей. Поэтому полиция там будет обязана находиться постоянно в состоянии боевой готовности. Какой шанс представляется членам партии!

Конечно, за опыт нам придется платить. Ошибки неизбежны, но зато как будет здорово, если через десять лет мне сообщат, что Данциг, Эльзас и Лотарингия теперь немецкие! Какое будет тогда иметь значение, что к этому событию добавятся три-четыре ошибки в Кольмаре и пять-шесть в других местах? Давайте возьмем на себя ответственность за эти ошибки и спасем эти провинции! За десять лет мы сформируем элиту из тех, на кого сможем опереться, какие бы новые трудности ни возникли.

Из всего этого мы создадим человека нового типа, расу господ и породу вице-королей. Естественно, не может быть и речи об использовании людей этого типа на Западе!

14

2 августа 1941 г., полдень

Плутократия и саксонский пролетариат. — Невероятно тупая буржуазия. — Кайзер и рабочий класс. — Бисмарк был прав. — Удар по некоторым коммунистам

Нет ничего удивительного в том, что коммунизм имел свой сильнейший бастион в Саксонии, или то, что нам потребовалось время, чтобы привлечь саксонских рабочих на свою сторону. Также неудивительно, что они сейчас относятся к нашим наиболее верным сторонникам. Саксонская буржуазия проявила необыкновенную близорукость. Эти люди утверждали, что мы — коммунисты. Всякий, кто провозглашает право на социальное равенство для масс,

объявляется большевиком! То, как они использовали наших рабочих, просто невообразимо! Это настоящее преступление — превратить саксонских рабочих в пролетариев. Правящая плутократия в тех смыслах была сравнима с существующей сегодня в Англии. Призыв в вермахт позволил нам отметить непрерывное снижение качества человеческого материала в этом регионе. Я не упрекаю маленького человека за то, что он стал коммунистом; но я порицаю того интеллектуала, который занимался только тем, что использовал бедность других людей в иных целях. Даже сегодня краснеешь от гнева, когда вспоминаешь об этих отбросах буржуазии.

Массы пошли единственно возможным путем. Рабочий не принимал участия в жизни нации. Когда открывался монумент в честь Бисмарка или спускался со стапелей новый корабль, делегации от рабочих даже не приглашались — присутствовали только шуртки и униформы. Для меня цилиндр — это символ буржуазии. Я иногда развлекаюсь тем, что копаюсь в старых номерах газеты «Woche». У меня их целая коллекция. Временами в самом деле полезно уткнуться в них нос. При спуске корабля — никого, кроме цилиндров, даже после революции! Если на такие празднества народ и приглашали, то только в качестве статистов. Кайзер *лишь один раз* принял делегацию рабочих. Он обрушился на них с отборной бранью, просто угрожая лишить их императорской благосклонности! Я полагаю, на своих местных собраниях у делегатов было полным-полно времени, чтобы извлечь выводы из императорской речи. Когда пришла война, ущерб уже был нанесен, и было уже поздно идти на попятную. Более того, народ был слишком малодушен для того, чтобы сокрушить социал-демократию. Это то, что хотел совершить Бисмарк, но с помощью хороших социальных законов. Если б народ двигался этим путем целеустремленно, это привело бы нас к заветной цели менее чем за двадцать лет.

Тельман — это тот самый тип посредственности, которая не способна действовать иначе, чем действовала до этого. Он совсем не так интеллигентен, как, например, Торглер¹. Это узко мыслящая личность. Вот почему я освободил Торглера, но должен был оставить под замком Тельмана, и не в виде мести, а для того, чтоб не дать ему возможность вновь творить неприятности. Как только будет устранена опасность в России, я его тоже отпущу. У меня нет необходимости держать социал-демократов в камерах. Действительно, чего я опасался с их стороны, это того, что они смогут найти поддержку за рубежом в своих нападках на нас.

Наш пакт с Россией никогда не подразумевал, что мы сможем изменить подход по отношению к опасностям, существующим

¹ Т о р г л е р Эрнст (1893—1963) — немецкий коммунист, председатель коммунистической фракции в рейхстаге (1932—1933). Был обвинен в поджоге рейхстага, оправдан. После 1935 г. примкнул к социал-демократам.

внутри страны. Для меня наши коммунисты сами по себе в тысячу раз симпатичней, чем, скажем, Стархемберг¹. Это были отважные парни. Жаль, что они не задержались в России чуть подольше. Они б тогда вернулись полностью излеченными.

15

2 августа 1941 г., во время ужина

Законники и их потенциальная жертва. — Телесные наказания. — Упрощение средств утраты

Точно так же, как владельцы болотистых охотничьих угодий за долго до начала сезона готовятся к нему, так и адвокаты заботятся о преступном классе.

Величайшее зло нашей карательной системы состоит в преувеличенной важности, которая придается первому приговору. Часто телесные наказания принесли бы больше пользы, чем срок заключения. В тюрьме и в исправительных учреждениях правонарушитель проходит хорошую школу. Старые каторжники, с которыми он там встречается, объясняют ему, что, прежде всего, он был дураком, потому и попался, а во-вторых, что в следующий раз надо умнее себя вести. Все его пребывание в тюрьме становится лишь непрерывным курсом обучения искусству правонарушения.

Только что было совершено убийство в Берлине. Об этом было много разговоров в прессе, и Шауб спросил фюрера, сколько времени потребуется, чтобы довести это дело до суда.

В подобном случае я не вижу смысла в долгом процессе с соблюдением всех его формальностей, чтобы изучить вопрос ответственности или безответственности. По моему мнению, виноват или нет, автор преступления должен исчезнуть.

16

2 августа 1941 г., вечер

Происхождение железного занавеса. — Национал-социализм не на экспорт. — Крупный рогатый скот, каучук и нефть. — Париж и Виши в оппозиции. — Европейская задача для норвежцев

Когда Россия отгородилась своими границами от внешнего мира, то сделала это для того, чтобы не дать людям возможности покинуть страну и сделать некоторые сравнения. Вот почему Ста-

¹ С т а р х е м б е р г Эрнст (1899—1956) — австрийский политический деятель, член аграрной партии. В 1934 г. был и. о. федерального канцлера.

лин был обязан укоренить большевизм в странах Балтии, чтоб его оккупационная армия была лишена каких-либо возможностей сравнивать свою систему с другой. Вначале это вовсе не было идеей Сталина.

Нам важно сформировать Германию такой, что кто бы ни посетил нас, избавился бы от предрассудков в отношении нашей страны. Я не хочу натравлять национал-социализм на кого-либо. Если бы мне сообщили, что какие-то страны хотят оставаться демократическими — очень хорошо, они должны оставаться демократическими во что бы то ни стало! Французы, например, должны сохранить свои партии. Чем больше социал-демократических партий в их рядах, тем будет лучше для нас. Наша линия поведения — совершенно справедливая. Многие французы не хотели бы, чтобы мы оставили Париж, поскольку их отношения с нами вызвали подозрения в глазах вишистских французов. Подобным образом, Виши, возможно, придерживается не слишком затуманенных взглядов на наше нахождение в Париже, потому что, если б нас там не было, ему пришлось бы опасаться революционных движений.

Как только будет достигнута конечная организация экономики, нам придется позаботиться о домашнем скоте. Также потребуется выделить 100 000 акров для выращивания каучука.

Из-за заблуждения капитализма, который учитывает только личные интересы, использование гидроэлектроэнергии в Германии находится в младенческом состоянии.

Наиболее важные гидроэлектростанции необходимо резервировать, прежде всего, для самых важных потребителей — например, для химической индустрии.

Необходимо применять все способы, которые позволят нам добавить к потенциалу хоть бы один лишний киловатт. Давайте не предавать забвению старомодные водяные мельницы. Если течет поток, то достаточно построить плотину, чтобы получить энергию. Уголь когда-нибудь иссякнет, но вода будет всегда. Просто ее можно использовать более рационально. Можно строить плотины одну за другой и использовать малейшие уклоны на земной поверхности: и так можно будет обеспечить стабильную выработку, да и можно их строить в районах за пределами досягаемости бомбардировщиков. Новый процесс Фишера¹ можно отнести к одному из лучших изобретений за всю историю.

Когда-нибудь Норвегия превратится в энергетический центр Северной Европы. В этом норвежцы, наконец, найдут для себя

¹ Имеется в виду процесс Фишера-Тропша (1923). Синтез бензиноподобных соединений из угарного газа.

европейскую миссию, которую им надлежит осуществить. Я не изучал эту проблему в отношении Швеции. В Финляндии, к сожалению, делать нечего.

Можно было бы получить огромный экономический эффект, если бы во всех наших городах использовался метод, применяемый в Мюнхене для производства осветительного газа путем его утилизации. В Мюнхене 12% газа для освещения получают этим способом.

В Вельзергейде газ поступает из-под земли. Город Вельз им обогревается. Я не удивлюсь, если там когда-нибудь найдут нефть.

Но будущее наверняка принадлежит воде — ветру и приливам. В качестве средства для получения тепла, возможно, будет использован водород.

17

Ночи 8—9 и 9—10 августа; с 10.00 до полудня, с 22.00 до полуночи и ночь с 10 на 11 августа 1941 г.

Непопулярность немецкого школьного учителя. — Организация восточных территорий. — Пусть русское население живет. — Европа как расовый организм. — Опасности безопасности. — Эвакуация немцев и изгнание евреев. — Расовая политика. — Швейцарский хозяин постоянного двора. — Борьба на истощение. — Сталинская избранная тактика. — Наглость британцев. — Армии будущего

Индия — основной источник английской гордости. Четыреста лет назад у англичан не было этой гордости. Обширные территории, на которые они распространили свое владычество, обязывают их управлять миллионами людей — и они держат эти массы в повиновении, предоставляя неограниченную власть немногим. Очевидно, они не смогли бы обеспечить продовольствием и другими предметами первой необходимости огромные европейские территории. Поэтому для них не существует проблемы с горсткой людей управлять жизнью этих новых континентов. В любом случае, лица англиканского вероисповедания никогда не выдерживали даже малейших усилий в миссионерском плане. Вот почему индусы никогда не подвергались атакам такого рода на их духовную целостность.

Немец сам заработал отвращение к себе повсюду в мире, потому что, где бы он ни появлялся, тут же начинал играть роль учителя. Это не самый лучший способ завоевания. У каждого народа свои обычаи, которых он придерживается, и никому не нужны наши уроки. Чувство обязанности, как мы его понимаем, для русских незнакомо. Так зачем нам стараться привить им это понятие?

Немецкие колонисты должны жить на красивых, просторных фермах. Немецкие службы будут располагаться в великолепных зда-

ниях, губернаторы — во дворцах. Под эгидой административных служб мы постепенно организуем все, что необходимо для поддержания определенных стандартов жизни. Вокруг города на глубину тридцать—сорок километров мы создадим пояс симпатичных деревень, связанных лучшими дорогами. Все, что существует за этими пределами, относится к другому миру, в котором мы намереваемся дать русским жить так, как им захочется. Необходимо лишь, чтобы мы ими руководили. В случае революции нам понадобится лишь сбросить несколько бомб на их города, и дело будет кончено. Раз в год мы будем проводить киргизское войско через столицу рейха для того, чтобы потрясти их воображение размерами наших монументов.

Тем, чем была для Англии Индия, будут для нас территории России. Если б я мог объяснить германскому народу, что значит это пространство для нашего будущего! Колонии — ненадежная собственность, но для нас эта земля безопасна. Европа — не географическая, а расовая общность. Сейчас становится понятно, почему китайцы спрятались за стеной, чтобы защититься от вечных налетов монголов. Иногда хочется, чтобы гигантская стена защитила эти новые территории на Востоке от толп из Центральной Азии; но это противоречит доктринам истории. Дело в том, что преувеличенное чувство безопасности ведет в долгосрочной перспективе к расслаблению сил. Думаю, всегда наилучшая стена — это когда защищаешь грудь!

Если какой-либо народ и имеет право приступить к эвакуации, так это мы, потому что нам самим часто приходилось эвакуировать свое собственное население. Только из одной Пруссии были вынуждены эмигрировать восемьсот тысяч человек. Как мы почеловечески чувствительны, видно из факта, что мы считаем максимум жестокости освобождение нашей страны от шестисот тысяч евреев. И все-таки мы приняли без взаимных обвинений как нечто неизбежное эвакуацию наших собственных соотечественников!

Мы должны впредь запретить немцам эмигрировать в Америку. Напротив, мы должны привлекать на наши восточные территории норвежцев, шведов, датчан и голландцев. Они станут членами Германского рейха. Наша обязанность — методически проводить расовую политику. Мы вынуждены это делать для того, чтобы бороться с дегенерацией, которая начинает угрожать нам по причине союзов, которые в некотором смысле родственны.

Что касается швейцарцев, мы можем их использовать, в лучшем случае, в качестве содержателей гостиниц.

Нет причин заниматься осушением болот. Мы будем культивировать лучшие земли, лучшие участки. В болотистых районах мы создадим гигантские полигоны для маневров размерами триста пятьдесят на четыреста километров, используя реки и природные препятствия.

Само собой разумеется, что для наших закаленных в боях дивизий будет несложно одержать верх над английской армией. Англия уже находится на нижней ступени по причине того, что не может тренировать свои войска на своей собственной территории. Если бы англичане захотели расчистить свободное пространство внутри своих границ, им бы пришлось пожертвовать слишком многими загородными домами.

Мировой истории известны три битвы на уничтожение: Канны, Седан и Танненберг¹. Мы можем гордиться тем, что в двух из них сражались германские армии. Сегодня можно добавить к ним наши сражения в Польше и на Западе, и те, которые мы ведем сейчас на Востоке.

Все остальные были битвами на преследование, включая Ватерлоо². Существует фальшивая картина сражения в Тевтобургском лесу³. В этом сыграл свою роль романтизм наших учителей истории. В тот период действительно не было возможно, не более чем сегодня, вести бой в лесу.

Что касается кампании в России, там налицо два конфликтующих момента: один — Сталин может избрать тактику отхода, как это было в 1812 г.; другой — нам следует ожидать отчаянное сопротивление. Я практически один верил во вторую возможность. Я говорил себе, что сдавать такие промышленные центры, как Санкт-Петербург и Харьков, было бы равносильно капитуляции, что отступление в этих условиях означает уничтожение и что по этим причинам Россия постарается удержать эти позиции любой ценой. Исходя из именно этой теории, мы начали эту кампанию, и последующие события доказали мою правоту.

Америка ничего не добьется, даже если она изо всех сил в течение четырех лет попытается работать над восполнением потерь, понесенных российской армией до сих пор.

¹ К а н н ы — сражение во время 2-й Пунической войны, в ходе которого карфагенская армия Ганнибала в 216 г. до н. э. разгромила римскую армию Луция Эмилия Павла.

С е д а н — сражение во время Франко-прусской войны, в ходе которого французская армия маршала Мари Мак-Магона 1—2 сентября 1870 г. была разбита прусской армией генерала Гельмута Мольтке.

В случае с Т а н н е н б е р г о м непонятно, идет ли речь о Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г. (в немецкой исторической традиции — битва при Танненберге), во время которой магистр Тевтонского ордена Ульрих Юнгинен был разбит объединенными польско-литовско-татарскими войсками воеводы Витовта, или же о разгроме в ходе Первой мировой войны 2-й армии генерала от кавалерии Александра Самсонова 8-й армией генерала Пауля фон Гинденбурга 16—18 августа 1914 г.

² В а т е р л о о (18 июня 1814 г.) — заключительное сражение эпохи Наполеоновских войн, в ходе которого «железный герцог» Артур Веллингтон нанес поражение Наполеону I.

³ Т е в т о б у р г с к и й л е с — в 9 г. до н. э. римский полководец Публий Квинтилий Вар был разбит вождем германских племен Арминием.

Если Америка и предоставит помощь Англии, то с тайной надеждой приблизить момент, когда можно будет сорвать плоды и получить наследство от этого.

Я до этого дня не доживу, но возрадуюсь от имени немецкого народа при мысли, что когда-нибудь придет день и Англия вместе с Германией пойдет в бой против Америки.

Германия и Англия узнают, что каждая из них может ожидать друг от друга, и тогда мы обретем союзника, в котором нуждаемся. Эти англичане беспримерно наглы! Но это не мешает мне восхищаться ими. В этом отношении нам все еще многому надо учиться у них.

Если кто-нибудь и молится за успехи нашего оружия, то это должен быть шах Персии. Как только мы дойдем до него, ему будет нечего более бояться Англии.

Первое, что надо сделать, это заключить договор о дружбе с Турцией и оставить на нее охрану Дарданелл. Никакой иностранной державе нет дела до этой части мира.

Что касается экономической организации, мы все еще пожинаем лишь первые плоды, и я представляю себе, как будет приятно взять на себя задачу организации экономики Европы. Приведу только один пример: почему бы нам не заняться утилизацией паров, возникающих при производстве осветительного газа, — паров, которые в настоящее время идут в отходы? Их можно использовать для обогрева теплиц, и всю зиму можно будет снабжать наши города овощами и свежими фруктами. Нет ничего приятнее, чем разведение цветов.

До сих пор я считал, что наша армия не может существовать без мяса. Я только что узнал, что в древние времена армии питались мясом только во время нехватки, что питание римских армий основывалось на зерновых культурах.

Если учесть все творческие силы, дремлющие в европейском пространстве (Германия, Англия, северные страны, Италия), каков тогда будет сравнительный американский потенциал?

Англия гордится волей, проявленной доминионами при защите империи. Несомненно, есть какая-то тонкость в их [доминионов. — *Пер.*] отношении, но эта воля держится до того момента, пока центральная власть способна навязать ее.

Факт, что в новом рейхе будет только одна армия, одна СС, одна администрация, произведет на власть экстраординарный эффект.

Так же как древний город, окруженный своими древними стенами, обязательно отличался по структуре от новых районов на периферии, так же и мы будем управлять новыми пространствами другими методами, а не теми, что сегодня применяются в рейхе. Естественно, однообразия быть не должно, за исключением особо важных вопросов.

Говоря об Австрии, было бы правильным уничтожить это централизованное государство в ущерб Вене и восстановить провинции. Таким способом будут устранены многие точки трения. Каждый из гау счастлив быть хозяином своей судьбы.

Армии будущего? На первом месте сухопутные войска, затем авиация и, на третьем месте, флот.

Авиация — самый молодой род войск. За несколько лет она достигла замечательного прогресса, но еще нельзя утверждать, что она достигла апогея своих возможностей.

Флот, напротив, не изменился, так сказать, со времен Первой мировой войны. Есть нечто трагическое в том факте, что линкор, этот монумент человеческой изобретательности, утратил сам смысл существования из-за развития авиации. Это напоминает одно из тех чудес техники и искусства, которым было в конце Средних веков вооружение рыцаря и коня — кираса и попона.

Более того, строительство одного линкора равно по стоимости тысяче бомбардировщиков — а как чудовищно много времени оно занимает! С изобретением бесшумной торпеды сотня самолетов будет означать смерть крейсера. Уже сейчас ни один крупный корабль не может долго оставаться в одной гавани.

18

Ночь с 19 на 20 августа 1941 г.

Достоинства войны. — Еще от десяти до пятнадцати миллионов немцев. — Война и человеческая плодовитость. — Автократия в Европе

Для блага немецкого народа мы должны желать войны каждые пятнадцать—двадцать лет. Армия, чья единственная цель — уберечь мир, только играет в солдатики. Вспомните Швецию и Швейцарию. И помимо этого она несет революционную угрозу своей собственной стране.

Если меня обвинят в том, что я пожертвовал сотней или двумястами тысячами солдат из-за войны, я могу ответить, что благодаря тому, что я сделал, германская нация выиграла до сих пор более двух с половиной миллионов человеческих жизней. Если я потребовал пожертвовать одной десятой, то я вернул 90%. Я надеюсь, что за десять лет в мире появится еще от десяти до пятнадцати миллионов нас, немцев. Не так важно, будут то мужчины или женщины: я создаю условия, благоприятные для роста.

Многие великие люди были шестыми или седьмыми детьми в своих семьях. Когда кто-то умирает, то считается, что он потерян. Но известно ли, сколько людей теряется из-за ограничения рождаемости? Человек, убитый еще до своего рождения, — это загадка природы.

Войны ведут человечество к размножению, они учат нас не впадать в заблуждение, радуясь единственному ребенку в каждой семье.

Нетерпимо, чтобы жизнь народов континента зависела от Англии. Украина, а затем бассейн Волги станут когда-нибудь житницами Европы. Мы будем пожинать много больше, чем выращивается на этих землях сегодня. Не надо забывать, что с царских времен Россия с ее ста семьюдесятью миллионами жителей никогда не страдала от голода. Мы также будем стабильно снабжать Европу железной рудой. Ничего страшного, если когда-нибудь Швеция откажется поставлять железную руду. Мы ее получим из России. Индустрия Бельгии сможет обменивать свои товары — дешевые предметы широкого потребления — на зерно из этих районов. А бедные рабочие семьи Тюрингии и гор Гарца, например, найдут там широкие возможности.

В районах, которые мы оккупируем на Украине, население ходит толпами в церкви. Не вижу ничего страшного в том, если мессы будут служить старые русские крестьяне. Другое дело, если у них будут священники, и что касается их, нам следует подумать, позволить ли им вернуться. Согласно одному прочитанному мной донесению, русская оппозиция считает, что сможет использовать духовенство как базу для отправления панславистской активности.

19

Ночь с 14 на 15 сентября 1941 г.

Преступники в военное время. — Попытки покушений на оккупированных территориях. — Привычки юристов. — Путь крайней сложности

Триумф гангстеризма 1918 г. объясним. За четыре года войны между лучшими из нас возникли огромные расколы. И пока мы были на фронте, дома процветала преступность. Смертные приговоры были очень редки, и, короче, все, что требовалось сделать, — это открыть ворота тюрем, когда понадобилось найти лидеров для революционных масс.

Я приказал Гимmlеру в случае, если когда-то возникнут опасения в волнениях в стране, ликвидировать все, что он найдет в концентрационных лагерях. Таким образом, одним махом революция лишится своих вождей.

Старый рейх знал, как надо действовать с твердостью в оккупированных районах. Например, как попытки саботажа на железных дорогах Бельгии наказывались графом фон дер Гольцем¹. Расстреляв всех мэров, посадив в тюрьму мужчин и эвакуировав женщин и детей, он сжигал все деревни в радиусе нескольких километров. В общей сложности имело место три-четыре акта насилия, а потом уже ничего не происходило. Правда, в 1918 г. население проявляло враждебное настроение по отношению к германским войскам, проходившим мимо в строю. Мне вспоминается один мэр города, который уговаривал нас не останавливаться, когда мы хотели наказать нескольких зануд, которые показывали нам языки. Войска легко могли разобраться с такими происшестввиями, но юристы всегда принимали сторону населения. Не могу передать, как я ненавидел это неестественное понимание закона.

Сегодня происходит то же самое. Во время кампании в Польше законники пытались высказать упрек войскам, потому что те расстреляли шестьдесят гражданских лиц в районе, где были убиты раненые солдаты. В этом случае юрист возбудил уголовное дело против Х. Его расследование, конечно, ни к чему не привело, потому что либо никто ничего не видел, либо, если кто-то знает виновного, предпочел не сообщать информацию о «члене Сопротивления».

Юристы не могут понять, что в исключительные времена вступают в силу новые законы. Мне было бы интересно знать, вынесут ли они смертный приговор тому сумасшедшему, который поджег Бремен, — говорят, сознательно, из пиромании. Я дал указания на случай, если его не осудят на смерть. Его немедленно расстреляют.

Прокурор обычно требует смертного приговора, но судьи в случае сомнений всегда находят оправдывающие обстоятельства. Так что, когда закон предписывает в качестве наказания либо смерть, либо пожизненное заключение, каторгу или тюремное заключение, они обычно выбирают последнее из этих наказаний.

Каждый год в Германии без следа исчезает около двух тысяч человек — это большей частью жертвы маньяков и садистов. Известно, что последние — обычно рецидивисты, но юристы стараются вынести им лишь легкие приговоры. И все же наши недочеловеки являются ферментом, подрывающим основы государства! Я не делаю различия между ними и жестокими зверьми, населяющими наши лагеря для русских военнопленных.

¹ Г о л ь ц Кольмар фон дер (1843—1916) — немецкий генерал-фельдмаршал. Во время Первой мировой войны командовал немецкими войсками в Бельгии (до 28 декабря 1914 г.).

Юристы, как правило, переключаются на законодателя ответственность за свою мягкость. На этот раз мы открыли им дорогу для крайней жесткости. Тем не менее, они выносят приговоры о тюремном заключении. Ответственность — вот чего они боятся, мужество — вот чего им недостает.

Удивительно, что тем, кто не хочет уважать законы страны, разрешается пользоваться преимуществами этих законов.

20

17 сентября 1941 г., вечер и ночь с 17 на 18 сентября

Риск и принятие решений. — Нападение на Россию. — Германский солдат — лучший в мире. — Младшие офицеры. — Тактика Антонеску¹ в Одессе. — Успех наших «ошибок». — Никакой гегемонии без обладания российскими территориями. — Рождение мира рабов. — Нет Индии без британцев. — Анархия и рабы. — Германская раса и концепция государства. — Никакого университета в Киеве. — Важность Припятских болот. — Немцы должны обрести чувство империи

Дух решимости не означает действия любой ценой. Дух решимости состоит просто в отбрасывании колебаний, когда внутреннее убеждение приказывает вам действовать.

В прошлом году мне требовалась большая духовная сила, чтобы принять решение атаковать большевизм.

Мне нужно было предвидеть, что Сталин сможет напасть в течение 1941 г. Поэтому надо было начинать без задержки, чтобы нас не опередили, — а это было невозможно до июня.

Даже чтобы воевать, надо на своей стороне иметь удачу. Когда я думаю об этом, ведь как нам повезло!

Я не мог начать пропагандистскую кампанию для создания благоприятного климата в неблагоприятной ситуации; и бесчисленные жизни были спасены тем, что ни одна газетная или журнальная статья не содержала ни слова, которое позволило бы кому-либо догадаться о том, что мы готовим. Я решил учесть риск того, что в рядах вермахта все еще могут находиться элементы, зараженные коммунизмом. Если они и были, то я полагаю, что те из них, кто видел, что происходит в России, сейчас уже излечились. Но в момент нашего нападения мы вступали в совершенно неизвестный мир — и среди нас было много людей, которые могли рассуждать о том, что у нас, прежде всего, пакт о дружбе с русскими!

¹ Антонеску Йон (1882—1946) — диктатор Румынии (1940—1944).

Германский солдат вновь доказал, что он — лучший солдат в мире. Он был им во времена Фридриха Великого, да и всегда. Когда встает задача удержаться на занятой позиции, он раскрывает свою полную эффективность. На любом уровне каждый солдат выполняет точно то, что от него ожидается. После кампании на Западе люди все еще говорили, что сегодняшний солдат не обладает выносливостью пехотинца Первой мировой войны. На Восточном фронте он доказал, что *имеет* эту выносливость.

Во время Первой мировой войны никто не уделял никакого внимания индивидуальной ценности солдата в бою. Все делалось скопом. В период активной войны в 1914 г. в бой бросались компактные соединения. В последовавшей позиционной войне боевые позиции были слишком близко друг к другу. Еще одна ошибка состояла в том, что боевыми командирами назначались пожилые люди сорока—пятидесяти лет. В пехоте физическая ловкость — это все. Поэтому вести эти боевые части должны молодые офицеры.

Фактор неожиданности — половина сражения. Вот почему невозможно неоднократно повторять одну и ту же операцию лишь потому, что она принесла успех.

Антонеску на Одесском фронте применяет тактику времен Первой мировой войны. Каждый день он продвигается вперед на несколько километров, растерев в порошок артиллерийским обстрелом территорию, которую намеревался занять. Что касается артиллерии, у него — подавляющее превосходство перед противником. Учитывая условия поверхности, очевидно, надо вести операции подобным образом!

Операция, которая идет сейчас, т. е. окружение войск противника в радиусе более тысячи километров, многими рассматривалась как непрактичная. Мне пришлось применить всю свою власть, чтобы протолкнуть эту операцию. Я ретроспективно замечаю, что огромная часть наших успехов базируется на «просчетах», которые мы имели смелость совершить.

Исход борьбы за гегемонию в мире будет решен в пользу Европы через обладание российскими территориями. И тогда Европа станет неприступной крепостью, безопасной от всех угроз блокады. Все это открывает экономические перспективы, которые, можно полагать, склонят большинство либеральных западных демократов к новому порядку.

На данный период самое главное — это завоевать. После этого все остальное станет просто проблемой организации.

Когда раздумываешь над этим примитивным миром, приходишь к убеждению, что не вытащить его из его лени, вялости, если не призвать людей к работе. Славяне — это масса прирожденных рабов, ощущающих необходимость в хозяине. Насколько это касается нас, мы считаем, что большевики оказали нам огромную услугу. Они начали с раздачи земли крестьянам, и мы знаем, что это привело к ужасному голоду. Поэтому им, конечно, для блага государства пришлось возвратиться к подобию феодального режима. Но разница в том, что, если помещик прошлого как-то разбирался в сельском хозяйстве, политический комиссар, со своей стороны, оказался в этих делах совершенным невеждой. Поэтому русские только начали соответствующим образом готовить своих комиссаров.

Если англичан изгнать из Индии, Индия погибнет. Наша роль в России будет аналогична той, какую играет Англия в Индии.

Даже в Венгрию национал-социализм экспортировать не удалось. В своей массе венгр такой же ленивый, как и русский. Он по природе своей человек степей. С этой точки зрения Хорти прав, считая, что, если он откажется от системы крупных поместий, производство быстро снизится.

То же самое в Испании. Если там исчезнут большие землевладения, воцарится голод.

Немецкий крестьянин движим своей симпатией к прогрессу. Он заботится о своих детях. Украинский крестьянин не имеет понятия о долге.

Крестьянство в Голландии сопоставимо с нашим, а также — в Италии, где ревностно используется каждый клочок земли, то же, в определенной степени, относится к Франции.

Русские просторы — это наша Индия. Как англичане, мы будем управлять этой империей с горсткой людей.

Было бы ошибкой требовать образования для местного населения. Все, что мы можем ему дать, будут половинчатые знания — только то, что необходимо для осуществления революции!

Не случайно родоначальником анархизма стал русский. Если бы другие народы, начиная с викингов, не принесли некоторые зачатки организации в русскую людскую массу, русские так бы и жили, как кролики. Нельзя превратить кроликов в пчел или муравьев. Эти насекомые обладают способностью жить в форме общества — но кроликам это не дано.

Если бы славянина предоставили самому себе, он бы никогда не вышел из примитивнейшей семейной общины.

Германская раса создала понятие государственности. Она воплотила это понятие в действительность, призвав личность стать частью целого. Мы должны постоянно будить силы, дремлющие в крови нашего народа.

Славянским народам не суждено вести чистоплотную жизнь. Они это знают, а с нашей стороны было бы неверно убеждать их в обратном. Это мы в 1918 г. создали страны Балтии и Украину. Но сегодня у нас нет интереса в сохранении балтийских государств так же, как и в создании независимой Украины. Также мы обязаны воспрепятствовать их возвращению в христианство. Это было бы серьезной ошибкой, потому что дало бы им какую-то форму организации.

Я также не сторонник существования университета в Киеве. Лучше не учить их читать. Они не полюбят нас за то, что мы мучаем их школьными занятиями. Даже предоставить им локомотив для тяги было бы ошибкой. А какой глупостью с нашей стороны было бы заняться распределением земли! Несмотря на это, мы позаботимся о том, чтобы местное население жило лучше, чем прежде. Мы отыщем среди них человеческий материал, необходимый для возделывания земли.

Мы будем поставлять зерно всей Европе, где это понадобится. Крым даст нам апельсины, хлопок и каучук (100 000 акров плантаций будет достаточно, чтобы обеспечить нашу независимость).

Припятские болота будут поставлять нам тростник.

Мы будем снабжать украинцев шарфами, стеклянными бусами и всем тем, что нравится народам колоний.

Немцы — и это важно — должны будут организоваться в закрытое, как крепость, общество. Самый незначительный конюх-немец должен быть выше любого местного жителя.

Это станет великолепным полигоном для германской молодежи. Мы привлечем на Украину датчан, голландцев, норвежцев, шведов. Армия там найдет себе районы для проведения маневров, а наша авиация получит пространство, в котором нуждается.

Давайте не будем повторять ошибок, совершенных в колониях до 1914 г. Помимо колониальной компании (Kolonialgesellschaft), которая будет представлять интересы государства, там получают шанс поднять голову только компании, занимающиеся добычей серебра.

Немцы должны обрести ощущение огромных, открытых пространств. Мы должны организовать дело так, чтобы каждый немец мог себе представлять, что они значат. Мы будем возить немцев на экскурсии в Крым и на Кавказ. Есть большая разница между знакомством с этими местами по карте и настоящим их посещением.

Железные дороги послужат для перевозки грузов, но именно автодороги откроют для нас эту страну.

Сегодня все мечтают о всемирной конференции о мире. Со своей стороны, я предпочитаю воевать еще десять лет, чем лишиться военных трофеев. В любом случае, мои требования не являются чрезмерными. Я лишь заинтересован в территориях, на которых ранее жили немцы.

Немецкий народ вырастет до уровня этой империи.

21

21 сентября 1941 г., полдень

Чехи и большевизм. — Ошибка Гогенцоллерна. — Габсбурги, иностранная династия. — Поколение 1900-х

Чехи — это народ, который более всего будет огорчен падением большевизма, ибо они всегда с тайной надеждой смотрели на магушку-Россию.

Когда стало известно о падении Порт-Артура, маленькие чехи в моем классе в школе плакали — а в это время мы, остальные, ликовали! И вот тогда во мне родилась симпатия к Японии.

Гогенцоллерны должны были монархию Габсбургов принести в жертву русским аппетитам на Балканах. Господство династии перестает быть оправданным, когда ее амбиции перестают гармонировать с долгосрочными интересами нации. Как только династия соглашается на сохранение мира любой ценой и продолжает игнорировать настроения других иностранных династий, она обречена. Вот почему я благодарен социал-демократии за то, что она смела с лица земли все эти королевства. Даже предположив, что это необходимо, не знаю, смог бы любой из нас противопоставить себя дому Гогенцоллернов. Против Габсбургов — да! Для меня это иностранная династия.

Несправедливость, совершенная кайзером в отношении Бисмарка, в конце концов внушила к нему отвращение. Как мог кайзер требовать верности от своих подданных, если он столь неблагодарно отнесся к основателю рейха? Позорно то, что немецкий народ позволил такой несправедливости свершиться. Поколение 1900-х было потеряно — в экономическом, политическом и культурном отношениях.

Члены националистской оппозиции исчерпали себя в своей правоте. Если десятилетиями проповедуешь в пустыне, а тут пришло время действовать, то теряется весь контакт с реальностью. Эти немцы старой школы были отличными парнями, но их специальностью была литература. Их аудиторией были двадцать тысяч чи-

тателей такого же рода, что и они сами. Никто из них не умел разговаривать с народом.

Будучи прав с самого начала, я понимал, что по этой дорожке далеко не уйдешь. Человек, стремящийся к действию, должен найти свою опору в вере, а вера находится только в народе. Огромные массы не знают пощады, они рвутся вперед с простотой невинности. Мы уже видели, на что способен народ, когда его ведут. В этом есть все возможности как для добра, так и для зла. Долг национал-социализма неизбежно сводится к этому: все, что есть в человеке лучшего, должно непрерывно развиваться.

22

Ночь с 22 на 23 сентября 1941 г.

Общественные классы и средства транспорта. — В армии одинаковая пища для всех. — Церемониальные банкеты и холодный буфет

Ужасно сознавать, что лишь несколько лет назад на наших трансатлантических лайнерах могла существовать такая дискриминация в отношении пассажиров различных классов. Немыслимо, чтобы никто не смущался при этой демонстрации различия в условиях жизни. В этой области Рабочий фронт¹ найдет шанс оказаться полезным.

На Востоке на железных дорогах, чтобы отличаться от местного населения, все немцы будут путешествовать в первом или втором классе. Разница между первым и вторым классами будет в том, что в одном будет по три места с обеих сторон, а в другом — четыре.

Я думаю, прекрасной идеей будет ввести одну форму общего питания в армии. Уже во время Первой мировой войны общее питание в войсках было много лучше, если им пользовались и офицеры.

Не вижу смысла в бесконечном потоке блюд, как там на церемониальных банкетах взято за правило. Один весь вечер страдает с одной и той же соседкой, а в это время другой предпочел развлечься с друзьями. Невозможно насытиться тем, что кому-то по душе! А другие блюда надоедают.

Для партийных приемов лучше всего подходит холодный буфет. Родственные души формируют группы. Можно, чтобы побеседовать, переходить из одного места в другое и из одной кампании в другую. Такая система также положит конец соперничеству за почетные места, которое существовало при классическом методе распределения мест за столом.

¹ Рабочий фронт (Германский рабочий фронт) — общенациональный профсоюз, созданный в 1933 г. Гитлером. Председатель — Роберт Лей.

23 сентября 1941 г., вечер

Границы Европы и Азии. — Успех оправдывает все. — Наше право на плодородные земли. — Русский поток надо перегородить. — Кандидаты-самоубийцы. — Национал-социализм не должен копировать религию

Абсурдно предполагать, что граница между двумя отдельными мирами Европы и Азии отмечается цепочкой не очень высоких гор, — а длинная цепь Уральских гор и есть именно это. Точно так же можно объявить, что граница проходит по одной из великих русских рек. Нет, географически Азия проникает в Европу без каких-либо резких границ.

Настоящая граница — это та, что разделяет германский мир от славянского. И наша обязанность провести ее там, где, как мы считаем, она должна быть.

Если кто-нибудь спросит нас, откуда у нас такое право расширять германские территории на Восток, мы ответим, что для нации ее знание о том, что она собой представляет, дает это право. Это тот успех, который оправдывает все. Ответ на подобный вопрос может иметь только эмпирический характер.

Немыслимо, чтобы высший народ мучительно существовал на земле, слишком малой для него, а в это время аморфные массы, ничего не давшие цивилизации, занимают бескрайние территории, относящиеся к одним из богатейших в мире. Мы с трудом отвоевываем у моря несколько метров, мы мучаемся, воздвигая болота, а на Украине неистощимые плодородные земли мощностью, местами, до десяти метров гумуса лежат, ожидая нас.

Мы должны создать для нашего народа условия, которые бы способствовали его размножению, и в то же время нам надо построить дамбу на пути русского потока.

Если бы не случилась эта война, рейх вряд бы увеличил свое население в течение следующих десяти лет, но русское население росло бы энергично.

Земля продолжает вращаться независимо от того, убьет ли человек тигра или тигр съест человека. Сильнейший отстаивает свою волю, и в этом закон природы. Мир не меняется, его законы вечны.

Некоторые заявляют, что мир полон зла и что они хотят уйти из этой жизни. Со своей стороны заявляю, что я люблю этот мир! Если это желание умереть не продиктовано любовной ссорой, я советую отчаявшемуся человеку потерпеть годик. И утешение придет. Но если у человеческого существа есть другие причины желать себе смерти, то пусть он умрет, я не собираюсь его останавливать. Я

просто привлеку внимание к тому факту, что нельзя уйти из этого мира полностью. Элементы, из которых состоит ваше тело, принадлежат природному циклу; а что касается души, возможно, что она вернется в заточение до тех пор, пока не получит возможности реинкарнации. Но меня беспокоило бы, если б каждый захотел покончить с собой.

Чтобы облегчить для людей смерть, церковь предлагает им приманку в виде лучшего мира. Мы, со своей стороны, придерживаемся политики необходимости убеждения человека в том, чтобы он строил свою жизнь достойно. Для этого ему достаточно придерживаться законов природы. Давайте вдохновляться этими принципами, и в перспективе мы одержим победу над религией.

Но никогда не должно возникать никакой возможности для попыток копировать религию путем установления формы культа.

Наш долг в том, чтобы научить людей видеть прелести и радости жизни, а не становиться преждевременно раздраженными и злобными. Мы хотим сполна наслаждаться тем, что прекрасно, придерживаться этого — и избегать по возможности всего, что может причинить вред людям, нам подобным.

Если сегодня причинить вред русским, то лишь для того, чтобы не дать им возможности в будущем причинить вред нам.

Бог не действует как-то иначе. Он неожиданно швыряет человеческие массы на землю и предоставляет каждому действовать ради собственного спасения. Люди лишают друг друга собственности, и чувствуется, что в конечном итоге всегда одерживает верх сильный. Это ли не самый справедливый порядок вещей?

Если бы было иначе, ничего бы хорошего не существовало. Если мы не уважаем законы природы, навязывая свою волю по праву сильного, придет день, когда дикие животные снова станут пожирать нас — а потом насекомые будут пожирать этих диких животных, и в конце концов ничего на земле не останется, кроме микробов.

24

25 сентября 1941 г., полдень

**Фанатизм русских лидеров. — Тупость русского солдата. —
Вечная угроза, исходящая от Азии. — Живая стена. —
Оправданные требования**

Что удивительно в русских руководителях, так это их фанатизм, с которым они цепляются за принцип — может быть, и правильный сам по себе — даже тогда, когда становится очевидно, что этот принцип фактически перестал быть верным.

Объяснение — в их страхе принять на себя ответственность за поражение. Ибо они никогда не терпели поражений из-за слабости своего командования, нехватки боеприпасов или неудержимого германского нажима. Все всегда происходило «из-за предательства». Никакого другого объяснения, кроме предательства, не давалось, и каждый командир части, не добившейся успеха в соответствии с полученным им приказом, рискует головой. Поэтому они предпочитают быть разбитыми нашими войсками.

С другой стороны, нас не удивляет атакующий порыв, охватывающий русского, когда он наступает. То же самое было во время Первой мировой войны, а объяснение этого лежит в их бездонной тупости.

Мы уже забыли яростное упорство, с которым русские воевали против нас в Первую мировую войну. Точно так же грядущие поколения увидят в разворачивающейся сейчас кампании лишь ее великолепные операции, не задумываясь о многочисленных тяжелых испытаниях, которые нам пришлось перенести из-за этого упорства.

Во время Первой мировой войны тип русского бойца нам представлялся более добродушным, чем жестоким. В нынешнее время этого типа уже нет. Большевизм его искоренил полностью.

Азия, что за тревожный источник человеческого материала! Европа не будет в безопасности до тех пор, пока мы не отбросим Азию за Урал. К западу от этой линии не будет позволено существовать никакому организованному российскому государству. Они — звери, и ни большевизм, ни царизм их не переделали. Просто они звери по самой природе. Опасность будет еще больше, если эти пространства будут монголизированы. Вдруг из Азии обрушится пенная волна и захватит Европу, парализованную цивилизацией и обманутую иллюзией коллективной безопасности!

Поскольку нет природного барьера против такого потопа, мы должны его встретить живой стеной. Перманентное состояние войны на Восточном фронте поможет создать крепкую расу людей и не даст нам впасть в мягкотелость Европы, отброшенной в свое прошлое.

Достигнутые нами рубежи проходят по местам, хранящим память об экспансии германцев. Мы уже были раньше у Железных ворот, в Белграде, на территории России.

Германское прошлое в своем целом представляет нашу собственную вотчину, какой бы ни была династия, какой бы ни была раса, из которой мы возникли. Важно собрать вместе в Германский пантеон всю славу Германии прошлого — как и у Людвиге, у меня в глазах весь мир.

Что касается меня самого, я никогда не доживу до этого, но однажды мои преемники должны быть в состоянии извлечь на свет из ящиков каждую историческую дату, которая оправдывает немецкие притязания.

Как только наше положение консолидируется, мы сможем в этой сфере вернуться к эпохе великих вторжений.

Берлин должен стать настоящим центром Европы, столицей, которая для каждого будет именно *столицей*.

25

25 сентября 1941 г., вечер

Время на стороне Германии. — Проблемы, которые надо решить. — Успех четырехлетнего плана. — Белые расы уничтожили свою мировую торговлю. — Экспорт не оправдывает себя. — Безработные в Британии и Америке. — Зов Востока

Миф о нашей уязвимости в случае, если война затянется, надо решительно отбросить. Недопустимо считать, что время работает против нас.

В данный момент мой мозг занят двумя важными проблемами:

1. Когда я понял, что для войны необходимо конкретное сырье, то не стал уклоняться от усилий, чтобы обеспечить нашу независимость в этой сфере. Нам надо свободно распоряжаться железом, углем, нефтью, зерном, скотом и лесом.

2. Экономическую жизнь надо организовать в соответствии с рынками сбыта на территориях, контролируемых нами.

Могу сказать, что сегодняшняя Европа — это абсолютная монархия, но нам надо воспрепятствовать существованию гигантского государства, способного использовать европейскую цивилизацию против нас.

Наш четырехлетний план¹ явился очень тяжелым ударом по англичанам, потому что они поняли, что мы перестали быть уязвимыми для блокады. Они бы мне дали кредит, откажись мы от нашего плана!

Легко импортировать, когда находишься в благоприятной ситуации. В противоположном случае тебе подрежут крылья. Иностранец сразу же воспользуется ситуацией и займется шантажом. Как бы мы могли платить за пшеницу, которую бы импортировали из Америки? Даже за продукты — не получится! И много меньше — за промышленную продукцию.

¹ Четырехлетний план — нацистский план экономического развития страны. Принят на партийном съезде в Нюрнберге в 1936 г.

Для Европы было бы мудро отказаться от стремления экспортировать во все страны мира. Белая раса сама уничтожила мировую коммерцию. Европейская экономика потеряла свои рынки сбыта на других континентах. Высокие производственные затраты не позволяют нам соперничать с зарубежными странами.

Где бы то ни было мы настолько отстаем, что невозможно нигде обосноваться. По немногим товарам, в которых иностранцы все еще нуждаются, идет смертельная борьба между поставщиками. Чтобы получить доступ на эти рынки, надо платить такую цену, которая несоразмерна для нашей экономики. Лишь новые изобретения еще позволяют делать маленький бизнес.

К своему несчастью, англичане осуществили индустриализацию Индии. В Англии растет безработица, а английский рабочий становится все беднее.

Подумать только, что в Америке — миллионы безработных! Что там следовало бы сделать, так это перейти к революционной новой экономической политике, отказаться от золотого стандарта и увеличить потребности внутреннего рынка.

Германия — единственная страна, в которой нет безработицы. И это сочетается с фактом, что мы не находимся в рабской зависимости от экспорта.

Страна, в которой мы воюем и которую завоюем, станет для нас источником сырья и рынком для наших товаров, но мы должны позаботиться о том, чтобы она не стала индустриальной.

Крестьянин — это существо, менее всего доступное для идеологий. Если я ему предложу землю в России, целая река человеческих существ ринется сломя голову. Для земледельца наилучшая страна та, где получают наилучший урожай. Через двадцать лет европейская эмиграция уже будет устремляться не в Америку, а на восток.

Черное море станет для наших рыбаков источником неисчерпаемого богатства. Благодаря выращиванию сои мы увеличим численность нашего рогатого скота. Мы будем получать на этих землях урожай в несколько раз больше того, что снимает украинский крестьянин сейчас.

Мы избавимся от проблемы поиска рынков сбыта для наших товаров на Дальнем Востоке. Потому что наш рынок — Россия. Мы должны это обеспечить. Мы будем поставлять хлопковую продукцию, домашнюю утварь, все товары широкого потребления. Спрос на них так велик, что мы просто сами не сможем выпускать все, что нужно.

Я там вижу величайшие возможности для создания империи всемирного значения.

Мой план состоит в том, что мы будем извлекать выгоду из всего, что попадется нам на пути. Но я настаиваю на том, что именно на своей собственной земле мы должны организовать производство жизненно необходимых предметов. Страны, которые будут работать

в гармонии с нами, будут причастны ко всем позитивным вкладам, которые они сделают. Все поставки машин, даже если они произведены за рубежом, будут идти через германского посредника так, чтобы Россия ни в коем случае не получала средства производства, кроме случаев абсолютной необходимости.

Две трети американских инженеров — немцы. За столетия нашей жизни в специфических условиях огромное число наших соотечественников пробивалось в жизнь в одиночку, и, хотя у них были души лидеров, они жили растительной жизнью. Когда мы сможем поставить перед такими людьми великие задачи, мы с удивлением обнаружим их замечательные качества.

На грядущие столетия перед нами необозримое поле деятельности.

26

Ночь с 25 на 26 сентября 1941 г.

**Эпоха, не имеющая себе подобных. — Разговор с солдатами. —
Одиночка не в счет. — Сохранение видов**

Меня будоражит наша современная кинохроника. Мы переживаем героический эпос, не имеющий в истории прецедента.

Возможно, что-то похожее происходило в Первую мировую войну, но никто не мог получить ясной картины.

Я невероятно счастлив быть очевидцем таких свершений.

Мне говорили, что моя речь производит на людей такой эффект, потому что я не придумываю риторические фразы. Я никогда не совершал такой ошибки, начиная выступления словами: «В мире нет более прекрасной смерти...» Потому что я знаю реальность и также знаю, как это воспринимает солдат.

Открытие, которое совершает молодая женщина при первой встрече с мужчиной, можно сравнить с открытием, которое делает солдат, впервые увидев войну. За несколько дней юноша становится мужчиной.

Если бы сам не был закален таким опытом, я б не смог осилить эту циклопическую задачу, каковой является строительство империи силами одного человека.

В 1914 г. я отправился на фронт, охваченный чистой романтикой. Потом я увидел солдат, тысячами падавших вокруг меня. Так я узнал, что жизнь — это жестокая борьба и не имеет иной цели, кроме сохранения видов. Одиночка может исчезнуть при условии, что есть другие люди, которые его заменят.

Полагаю, что некоторые люди хватаются обеими руками за голову в поисках ответа на этот вопрос: «Как может фюрер уничтожить такой город, как Санкт-Петербург?» Честно говоря, я от-

ношусь к совершенно другой породе людей. Я предпочел бы не видеть ни одного страдающего человека, не причинять никому зла. Но когда я осознаю, что эта порода в опасности, тут сантименты уступают место холодному расчету. Я до тонкостей знаю, каких жертв потребует будущее, примиряюсь с этими жертвами там, где другой колеблется разрешить приход сегодняшнего дня.

27

Ночь с 27 на 28 сентября 1941 г.

Нищета. — Социальная дискриминация. — Организация учебы. — Христианство и испанцы

Мы должны преследовать две цели:

1. Любой ценой удержать наши позиции на Восточном фронте.
2. Удерживать войну максимально вдалеке от наших границ.

Учитывая, что большевизм сотворил из человека, понятно, что основой всего образования должно быть уважение — уважение к Провидению (или Неизвестному, или Природе, или еще чему-то, какое бы имя ни избрать). Во-вторых, уважение, которым молодой человек обязан возмужанию. Если это уважение отсутствует, человек опускается до уровня животного. Если интеллигентность выходит из-под контроля, она превращает человека в чудовище.

Русский нашел свое место в человеческом обществе только в его коллективной форме, т. е., так сказать, он привязан к труду ужасной обязанностью. Дух общества, взаимное обсуждение и т. д. — для него вещи неизвестные.

Но кто знает? Если б мои родители были достаточно зажиточными, чтобы послать меня в художественную школу, я бы не был так знаком с нищетой, как это произошло на самом деле. Тот, кто не жил в бедности, не может познать ее в реальности, кроме как разрушив стену.

Годы, прожитые мной в нищете, которую я познал своей собственной плотью, — это благословение для немецкого народа. Но вместо них мы имеем сегодняшний большевизм.

С одной стороны, климат нехватки, в котором я жил, не оставил следов на мне. В то время я жил в воображаемых дворцах. И как раз в то время во мне зародились планы создания нового Берлина.

Нам надо обратить внимание на две вещи:

1. Чтобы все одаренные подростки учились за счет государства.
2. Чтобы для них были открыты все двери.

Поскольку я не смог получить среднее образование, офицерская карьера для меня была недоступна, даже если бы, работая, я узнал бы больше, чем полагается знать мальчику, поступившему в высшее учебное заведение.

Только офицер может получить награду *Pour le Mérite* [За заслуги. — *Пер.*]. А получить его офицеру — выходцу из среднего класса — дело весьма исключительное.

В том закрытом обществе каждый человек существует под знаком своего происхождения. У кого нет этого происхождения с университетской степенью в придачу, и мечтать не мог о том, чтобы стать, например, министром, кроме разве что короткого пути через социал-демократию.

Не так давно у нас на флоте согласно рангу или званию было четыре типа столовых. Совсем недавно это даже стоило нам корабля.

Мнение, что упразднение этой дискриминации причинит вред авторитету командования, оказалось необоснованным. Компетентный человек всегда обладает нужным авторитетом. Человек, не превосходящий других своим талантом, неизменно не обладает авторитетом, на каком бы посту он ни находился.

Скандально вспоминать, как размещается домашняя прислуга, особенно в меблированных квартирах в Берлине. А экипажи кораблей, даже роскошных лайнеров — ведь это просто оскорбительно!

Я понимаю, что все это не изменить одним росчерком пера и везде сразу. Но общепринятое отношение к вещам такого рода сегодня очень отличается от того, что было раньше.

В будущем каждый рабочий будет иметь право на отпуск — несколько дней каждый год, который он будет проводить, как ему захочется. И каждый один-два раза в жизни сможет совершить морской круиз.

Глупо опасаться, что люди утратят свой скромный образ жизни. Они его *должны* утратить, ибо этот тип скромности — враг всего прогресса.

В этом вопросе мы сходимся во взглядах с американцами, а не с испанцами, которые были бы довольны несколькими оливками в день, лишь бы не работать лишнее. Церковь извлекала выгоду из этой жизненной концепции. Она заявляет, что бедный духом вместе с другими бедными тоже окажется на небесах в раю, а богатый оплатит вечными страданиями за блаженства земного существования. Церковь договорилась до этого с молчаливого согласия между священниками и имущими, которые охотно подают церкви немного денег, чтобы та могла продолжать поддерживать бедноту в своем пресмыкательстве.

Но что за странную разновидность христианства практикуют у нас на родине! Мы должны, конечно, признать, что для нас христианство окрашено германизмом. Его доктрина гласит: «Молись и работай!»

28 сентября 1941 г., полдень

**Британская сдержанность. — Недостатки
заорганизованности. — Природа требует автократии**

Состояние наших отношений с Англией такое же, как и существовавшее между Пруссией и Австрией в 1866 г. Австрийцы зациклились на идее своей империи так же, как англичане сегодня на своем Содружестве.

Когда дела идут плохо для его страны, никакой англичанин никоим образом этого не покажет перед иностранцем. Ни один англичанин не покидает страну, не зная, как надо отвечать на вопросы, касающиеся скользких тем. Англичане — это великолепно высколенный народ. Они триста лет трудились, чтобы обеспечить себе господство над миром в течение двух веков. Причина того, почему они столь долго удерживались, состоит в том, что их не интересовало отмыwanie грязного белья подвластных им народов. А мы, с другой стороны, стараемся отмыть негра добела — как будто тот, кто не испытывает никакого желания мыться, вдруг решится отжаться кому-то его отмывать!

Надо быть осторожным и не проталкивать организацию слишком далеко, ибо малейший инцидент может заклинить всю машину. Например, было бы ошибкой декретировать, что в связи с определенным качеством земель на Украине нам не надо ничего сеять, кроме пшеницы. Нет, надо также оставить место и для пастбищ. Природа создала на земле различные регионы так, чтобы поддерживать нечто вроде самообеспечения для каждого из них, и человек должен уважать этот измененный порядок вещей.

Поэтому мы не тронем болотистые регионы не только потому, что они будут полезны в качестве полигонов, но и для того, чтобы сохранить местные климатические условия и не дать пустыне постепенно подобраться к плодородным районам. Болота играют роль губки. Без них может случиться, что весь урожай будет уничтожен тепловой волной.

1 октября 1941 г., вечер

Характеристики Вены. — Вена и провинции. — Вена и Париж

Что осложняет жизнь в Вене, так это расовое многообразие. В ней есть выходцы всех рас, которых обычно ютила старая Австрия, а потому каждый принимает сигналы на свою антенну и каждый передает сигналы на своей длине волны.

Чего нет в Австрии и есть у нас, в Германии, так это ряда городов с высоким культурным уровнем, которые поэтому не страдают комплексом неполноценности или от мегаломании.

В старой Австрии Вена обладала таким превосходством, что можно понять ненависть, какую испытывали против нее провинции. Но никаких подобных чувств никогда не проявлялось против Берлина. В Вене всегда собирались разнообразные сокровища наподобие коллекции Амбраза¹. Все в Австрии танцевали под дудку Вены, и этот принцип всегда ревностно оберегался и соблюдался. Кафедральный собор в Линце, например, не смогли достроить до запланированной высоты, потому что в этом случае башня Св. Стефана перестала бы быть самой высокой в стране². Коренные венцы зеленели, узнавая, что какая-то картина могла обосноваться в Граце или где-то еще, а не в Вене. Однако, я надеюсь, что Ширах³ не позволит себе заразиться венским вирусом.

В Вене есть такие сокровища, что каждый немец должен держать в мозгу, что они принадлежат и ему.

Оглядываясь назад, отмечу, что в Вене может быть сравнимо с тем, что я видел в Париже. Конечно, перспектива Конкорд-Тюильри великолепна. Ну а если коснуться деталей? Мы сделаем еще лучше. В Вене много памятников, которые надо классифицировать.

Вена должна объявить войну насекомым и грязи. Город надо очистить.

Такова единственная обязанность для Вены на XX столетие. Пусть она займется только этим, и тогда она станет одним из самых привлекательных городов мира.

30

Ночь с 27 на 28 сентября 1941 г. и 9 октября 1941 г.

Проблемы дуче. — Когда войска терпят неудачу. — Антонеску — прирожденный солдат. — Румынская коррупция

Дуче испытывает проблемы, потому что его армия считается королевской оттого, что целый интернационал попов пребывает в Риме, и оттого, что государство, столь отличающееся от народа, лишь наполовину фашистское.

¹ Знаменитая коллекция древностей, находящаяся в замке Амбраза близ Инсбрука.

² Имеется в виду собор Святого Стефана — памятник романо-готической архитектуры XII—XV вв. Высота его Южной башни составляет 136 м.

³ Ш и р а х Бальдур фон (1907—1974) — создатель гитлерюгенда, гаулейтер Вены (1940—1945).

Воздайте официальную похвалу боевой части, потерпевшей поражение, и вы разрушите ее военную честь. Такому подразделению надо четко показать, что его поведение было недостойным. В любой армии иногда могут наблюдаться моменты слабости. Может случиться так, что войска на фронте окажутся под мимолетным впечатлением, которое командование не учитывает при оценке фактов. Но в таких случаях надо уметь быть суровым. Часть, которая плохо воевала, надо отправить назад под огонь как можно быстрее. Можно победить смерть только через смерть: «Если отступишь, будешь расстрелян! Если прорвешься вперед, сможешь спасти свою шкуру!»

Только после того, как часть искупит свой позор, можно списать ее грехи.

Конечно, командование не имеет права бездумно действовать, бесцельно посылая солдат на смерть. Не обязательно стремиться получить, используя массу войск, то, что можно достичь более скромными методами. Тут просто рискуешь увеличить число жертв, не получив взамен ничего. Бывают случаи, когда важнее всего — подумать, чтобы найти причину поражения. Надо знать, как прибегнуть к другим средствам или изменить тактику. Когда все использовано, можно задать себе вопрос: а не лучше ли оставить позицию, которую трудно удержать, и подготовить совершенно иную операцию.

Несколько недель назад Антонеску в коммюнике обвинил одну из своих частей в том, что она является позором для всей нации. Антонеску сам немецкого происхождения, он не румын; он — прирожденный солдат. Его несчастье в том, что под его командованием — румыны. Но не будем забывать, что лишь год назад эти люди в беспорядке бежали от большевиков¹. Замечательно, что за столь короткое время Антонеску смог получить то, что имеет, из своих войск.

Несомненно, со временем он добьется успеха в обретении администраторов, не погрязших в коррупции.

И наш собственный народ не всегда был столь безупречен, как в наши дни. Вспомните сабельные удары, с помощью которых Фридрих-Вильгельм I привык управлять берлинцами своей собственной рукой. Моральная чистота — это результат длительного воспитания, постоянно акцентированного на дисциплине.

¹ Имеется в виду оккупация Советским Союзом Бессарабии и Западной Буковины (1940) в соответствии с пактом Молотова—Риббентропа.

*Ночь с 9 на 10 октября 1941 г.***Германия и азиатские орды. — Баланс сил. — Пиррова победа**

Мы, немцы, одни отвечаем за то, чтобы остановить прилив гуннов, аварцев и мадьяр в Центральной Европе.

Мы уже были великой империей, когда англичане только начинали строить свою морскую державу.

Если бы мы не были такими дураками, когда разрывались на части, выясняя, следует ли потреблять Бога в виде хлеба и вина или только хлеба, Англия никогда не смогла бы иметь свое слово в балансе сил на континенте.

Англии никогда не угрожала опасность, кроме тех случаев, когда она могла противостоять какой-либо державе, угрожавшей ее превосходству над другими странами, с которыми она склонилась играть свою игру.

Для Англии Первая мировая война оказалась пирровой победой.

Чтобы сохранить свою империю, она нуждается в присутствии на своей стороне сильной континентальной державы. И только Германия может быть такой державой.

*Ночь с 25 на 26 сентября 1941 г.
и ночь с 9 на 10 октября 1941 г.***Кинохроника содержит ценные документы для будущего**

Во имя будущего важно сохранить военную кинохронику. Это будут документы, не имеющие ценности. Будут постоянно печататься новые копии этих фильмов, а еще лучше, если их будут печатать на полосках металла, чтобы они не могли пропасть.

Мне удалось получить в свои руки несколько редких снимков Первой мировой войны. (Их собрали для уничтожения.) Но их конфисковали власти Баварии тогда же, когда была изъята и другая партийная собственность. Я так и не смог выяснить, что с ними произошло, и их надо считать потерянными.

Надеюсь, что в будущем кинохронику будут готовить наши самые лучшие специалисты в кинематографии. В этой сфере можно получить экстраординарные результаты. Они могут ограничиваться двадцатиминутными катушками, но должны быть результатом продуманной работы. Наихудшая привычка — огра-

ничивать фильмы тридцатифутовой лентой вне зависимости от сюжета: будь это землетрясение, теннисный матч, скачки, спуск корабля.

33

10 октября 1941 г.

Борьба за открытые пространства. — Отлив с Запада на Восток. — Христианство и естественный отбор

Война возвращается к своей примитивной форме. Война народа против народа уступает место другой войне — войне за обладание огромными пространствами.

Первоначально война была борьбой за пастбища. Сегодня война это война только за богатства природы. В силу неотъемлемого закона эти богатства принадлежат тому, кто их завоюет.

Великие миграции начинались с Востока. С нас начинается отлив, теперь с Запада на Восток.

Это происходит в соответствии с законами природы. Благодаря борьбе элита постоянно обновляется.

Закон отбора оправдывает эту непрерывную борьбу, разрешая выживание наиболее приспособленных.

Христианство — это восстание против закона природы, протест против природы. Учитывая его логический экстремизм, христианство будет означать систематическое культивирование человеческих неудач.

34

Ночь с 10 на 11 октября 1941 г.

Верховное командование армии в 1914—1918 гг. — Кайзер — плохой командующий. — Конрад фон Гетцендорф¹

Помимо таких великих побед, как при Танненберге и на Мазурских болотах², имперское Верховное командование показало свою несостоятельность.

¹ Г е т ц е н д о р ф Франц Конрад фон (1852—1925) — фельдмаршал, начальник штаба австро-венгерской армии.

² М а з у р с к и е б о л о т а — контрнаступление немецких войск под руководством генерала Пауля фон Гинденбурга против русских войск (1-я армия генерала от кавалерии Павла Ренненкампа, 2-я армия генерала от кавалерии Александра Самсонова).

Кайзер проявил свое присутствие в одном-единственном случае, потому что считал, что все пойдет хорошо. Во время великого наступления 1918 г. всюду трубили о том, что кайзер лично командует войсками. По правде, кайзер не имел понятия о командовании.

Тот факт, что с нашей стороны не получила должного признания необходимость в танках или, по крайней мере, в противотанковой обороне, объясняет наше поражение. Точно так же рухнет большевизм из-за отсутствия противотанкового оружия.

С другой стороны, весеннее наступление 1918 г. было преждевременным¹. Месяц спустя почва бы подсохла, и метеорологические условия были бы благоприятными. Также был неудачно выбран участок для наступления.

Каким абсурдом к тому же было отказаться от согласованного плана просто потому, что в ходе операции внимание было случайно обращено на Париж! Это то же самое, как если вместо того, чтоб в Смоленском секторе приказать войскам двигаться на юг для завершения окружения и уничтожения противника, я бы заставил их идти на Москву ради достижения престижной победы. Это бы опасно растянуло нашу линию фронта, и я бы утратил уже достигнутый выигрыш в операции, на которую решился.

Самым разумным командующим Первой мировой войны был, весьма возможно, Конрад фон Гетцендорф. Он отчетливо понимал нужды, одновременно являвшиеся и политическими, и военными. Но его искусство ему не помогло — он командовал австрийской армией.

35

13 октября 1941 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: РЕЙХСМИНИСТР ПО ДЕЛАМ ЭКОНОМИКИ ФУНК

**Европейское сотрудничество на восточных территориях. —
Тринадцать миллионов американских безработных. — Дунай —
река будущего. — Природные богатства. — Извечные тревоги. —
Менталитет эмигрантов**

Те страны, которые мы пригласим к участию в нашей экономической системе, будут иметь свою долю природных богатств российских регионов, и они найдут рынки сбыта для своих промыш-

¹ Имеется в виду последнее крупное наступление германских войск на Западном фронте 21 марта — 17 июля 1918 г. в районах Пикардии, Фландрии, Реймса и на реке Эна.

ленных товаров. Будет достаточно дать им взглянуть на возможности, и они сразу же примкнут к нашей системе. Как только этот регион будет для нас подготовлен, исчезнет вся угроза безработицы в Европе.

На экономическом уровне Америка для этих стран никогда не станет партнером. С Америкой можно расплачиваться только золотом. Торговля, основанная на товарообмене, с Америкой невозможна, потому что Америка страдает от избытка сырьевых материалов и избытка промышленных товаров. Золото, которое американцы получают в обмен на свой труд, они прячут в комнатах-сейфах — и считают, что мир подчинится этой политике, зародившейся в закоптелом мозгу еврейского мыслителя! В результате у них тринадцать миллионов безработных.

Если бы я был в Америке, я бы не пугался. Было бы достаточно привести в движение гигантскую самообеспечивающуюся экономику. С их территорией в девять с половиной миллионов квадратных километров проблему можно решить за пять лет.

Южная Америка не может предложить Соединенным Штатам ничего, кроме того, что те уже имеют в избытке.

Дунай — река будущего. Мы соединим его с Днестром и Доном по Черному морю. К нам потекут нефть и зерно.

Канал между Дунаем и Майном никогда не будет слишком длинным для строительства.

Европа сама выиграет в своей значимости. Европа, а не Америка станет страной неограниченных возможностей. Если бы американцы были разумными людьми, они бы поняли, насколько это в их интересах принять участие в этой работе.

Нет другой страны, которая бы более подходила для самообеспечения, чем Европа. Где еще есть регион, способный поставлять железо, равное по качеству украинскому? Где можно найти больше никеля, угля, марганца, молибдена? Украина является таким источником марганца, к которому обращается даже Америка. И самое главное, столько много других возможностей! Будут созданы плантации для растительного масла и гевеи. При отведенных под каучук ста тысячах акров земли наши потребности в нем будут удовлетворены.

Той стороне, которая одержит победу в этой войне, придется позаботиться лишь об экономических трюках. Да, мы все еще сражаемся за владение этой землей.

Несмотря на все свои усилия, сторона, не имеющая природных ресурсов, должна погибнуть. Богатства мира беспредельны, а на данный момент лишь четверть поверхности глобуса — в распоряжении человечества. И вот за эту четверть все бьются. И все это в натуральном порядке вещей, ибо способствует выживанию сильнейшего.

Когда человек рождает детей, не расширив предварительно основу своего существования, это свидетельствует об отсутствии у него совести. Но если он решает, что по этой причине должен отказаться от производства детей на свет, он становится дважды грешником, превратившись в должника у жизни.

Определенно наши проблемы никогда не перестанут нам досажать. Когда я был молодым, мои заботы сводились к тому, как бы найти десять, двадцать, тридцать марок. Единственный период, когда у меня не было забот, — шесть лет солдатской службы. Там не волнуешься о таких проблемах. Нас обеспечивали одеждой, и, хотя и не бог весть что, но это было уважительно. Проживание и питание — или, в отсутствие проживания, возможность переспать тут или там. Потом проблемы вернулись: заботы о партии — вначале в размере десяти тысяч марок, потом нескольких миллионов. После того как мы пришли к власти, они возросли до тысяч миллионов.

А позже появились новые проблемы. Прежде всего, как обеспечить работой безработных? Далее, когда безработица исчезла, где взять достаточно рабочих рук? Надо использовать машины! Непрерывно возникают новые проблемы, требующие разрешения. И то же самое сегодня. Мы обычно заявляли: «Давайте брать пленных!» Теперь думаем: «А что мы будем делать со всеми этими пленными?»

Все беженцы одинаковы. Они застывают в своих мыслях на каком-то важном для них поворотном моменте их истории, который рассматривают как поворотную точку мировой истории. Их не волнует то, что могло произойти с момента, самого важного для них. Только гению по силам переступить пределы этого личного взгляда на события.

Есть и психологические беженцы. Англичанин застрял на 9 ноября 1918 г.!

36

13 октября 1941 г., вечер

Возможности для всех на восточных территориях

Недавно я удивлялся, а не будет ли лучше всего собрать всех людей, ответственных за управление экономикой в следующих странах: Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Швеции и Финляндии. Мы ознакомим их с сегодняшними перспективами. Большинство из них вообще не имеет представления об огромном поле для деятельнос-

ти, открывающемся перед нами. И к тому же это люди, заинтересованные в оказании помощи, в том, чтобы что-то было сделано от имени их стран! Если они ясно представляют себе, что для их избыточного населения можно найти рынок сбыта в России и что впредь их страна сможет получать все, что нужно, я думаю, не исключено, что они могут перейти в наш лагерь, размахивая знаменами. Это стало бы первым шагом в направлении, которое бы напомнило нам о том, что когда-то значило создание Цольверейна.

Сегодня я изложил свои финансовые идеи министру по делам экономики¹. Он воспринял их с энтузиазмом. Он предсказывает, что через десять лет Германия освободится от гнета войны, не допустив потрясений в покупательной способности внутри страны.

37

13 октября 1941 г., ночь

Решения на уровне низших военных подразделений. — Безумие великих наступлений 1914—1918 гг. — Народ художников и солдат

Как-то я отменил атаку, которая позволила бы нам захватить четыре километра вражеской территории, потому что практическая польза от операции не представлялась мне стоящей той цены, которую предстояло заплатить.

Я четко осознаю в связи с этим, что еще труднее принять решение на уровне ниже Верховного командования. Как может солдат, исполняющий приказания и не имеющий полного представления о ситуации, как он может собрать у себя в мозгу все факты «за» и «против»? Должен ли он требовать жертв от своих солдат или он должен пощадить их от этих жертв?

Все, что делалось в этом отношении в Первую мировую войну, — сущее безумие. Наступление на Верден, например, — настоящий акт умопомешательства². С начала до конца на всех командиров, отвечавших за операцию, следовало надеть смирительные рубашки. И мы все еще не избавились от тех ошибочных понятий.

Возможно, за всю войну 1914—1918 гг. было бессмысленно принесено в жертву около двадцати тысяч солдат, которых посылали как бегунов на такие задания, которые могли бы быть с таким же успехом, но с меньшей опасностью выполнены ночью. Как часто я

¹ Функ Вальтер (1890—1960) — министр экономики (1937—1945), президент имперского банка (с 1938 г.).

² Верденское сражение 21 февраля — 2 сентября 1916 г. Бои за крепость Верден в ходе Первой мировой войны между войсками кронпринца Вильгельма и генерала Анри Петена.

сам попадал под мощный артиллерийский обстрел, будучи послан доставить простую почтовую карточку! Правда, позднее мой командир прекратил эту практику. С тех дней изменился сам дух, и настанет день, когда такие глупости больше не произойдут.

Военный командир должен обладать воображением и предусмотрительностью. Так что нет ничего необычного в том, что наши люди одновременно и солдаты и художники. Моя сила состоит в том, что я могу вообразить ситуации, в которых могут оказаться войска. И мне это по силам, потому что я сам был рядовым солдатом. Поэтому требуется быстро понять, какие необходимые меры надо предпринять в каждом конкретном случае.

38

Ночь с 13 на 14 октября 1941 г.

Как следует расширяться. — Как следует ожидать. — Как следует размышлять. — Как выделять существенное

У меня укоренилась привычка избегать всевозможных источников раздражения, когда наступает вечер. Иначе я не смогу освободиться от этой неприятности всю ночь.

Также у меня есть привычка давать своему курьеру отдохнуть перед тем, как его отправлю. Возможно, некоторые удивляются тому, что не получают ответа на свои письма. Я диктую свои письма, потом примерно десять часов не беспокоюсь об этом.

На следующий день я делаю первую правку, а возможную вторую еще через день. Делая так, я проявляю большую осторожность. Никто не сможет воспользоваться моим письмом со злым по отношению ко мне умыслом. Кроме того, я придерживаюсь мнения, что в век, когда существуют поезда, автомобили и самолеты, много лучше встретиться, чем переписываться, по крайней мере когда возникает необходимость обсуждения вопроса огромной важности.

Мозг легко возбуждается, когда письменно обращаешься к народу. Стремись показать свой пыл, ретивость. Вашим адресатом владеет такое же желание. Он отвечает вам в том же тоне или даже рвется увидеться с вами для того, чтоб нанести оскорбление. Не так давно один из моих коллег пришел ко мне за советом, как ему отвечать на оскорбительное письмо. Я ему просто запретил отвечать.

У нас существует смешной закон, по которому при оскорблении необходимо немедленно подать жалобу, иначе пропадает право возбудить судебное дело. Было бы много справедливее, если установить, что жалобу можно подать только через три недели. На деле, как правило, гнев жалобщика развеется как дым, и работа судов облегчится.

Черновики писем я готовлю только в отношении вопросов чрезвычайной важности. Так, например, я делал при подготовке четырехлетнего плана, а также в прошлом году, когда раздумывал о действиях против России.

В настоящее время я провожу около десяти часов в день, обдумывая военные проблемы. Итоговые приказы занимают полчаса, три четверти часа. Но каждая операция, прежде всего, требует изучения и осмысления со всех сторон. Иногда уходит до шести месяцев на разработку и уточнение деталей. Несомненно, наступит время, когда я уже не буду отдаваться анализу войны на Восточном фронте, поскольку надо будет просто выполнить то, что уже было предусмотрено и приказано. Так что, пока эти операции будут выполняться, я смогу заняться размышлениями над другими проблемами.

В чем мне повезло, так это в том, что я умею расслабиться. Перед тем как идти спать, я некоторое время занимаюсь архитектурой, рассматриваю картины, интересуюсь вещами, совершенно отличными от тех, которые занимали мой мозг в течение всего дня. А иначе я бы просто не смог бы заснуть.

Что бы случилось со мной, не имей я вокруг себя людей, которым я полностью доверяю работу, на которую не могу найти время? Это крепкие люди, работающие с такой же, как и я, энергией. Для меня лучший — это тот, который снимает с моих плеч большую часть тяжести, тот, кто на моем месте сможет принять 95% решений. Конечно, всегда есть случаи, в которых окончательное решение должен принять я сам.

Не могу сказать, укрепилось ли во время этой войны мое ощущение моей необходимости. Одно могу сказать наверняка, что без меня не были бы сделаны решения, которым сегодня мы обязаны своим существованием.

39

14 октября 1941 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: РЕЙХСФЮРЕР ГИММЛЕР

Недостатки конкордата с церквями. — Трудности компромиссов с ложью. — Никакого обмена религии на партию. — Антагонизм догмы и науки. — Пусть христианство медленно умирает. — Метафизические потребности души. — Свобода верования

Можно задать вопрос, не облегчит ли конкордат с церквями отправление нами властных функций.

На этот вопрос уместны следующие замечания.

Во-первых, в этом случае государственная власть потеряет свою действенность из-за вмешательства третьей силы, о которой невозможно сказать, как долго она будет оставаться надежной. В случае англиканской церкви этот вопрос не возникает, потому что Англия знает, что может рассчитывать на церковь. Ну а как быть с католической церковью? Не рискуем ли мы тем, что однажды она даст обратный ход после того, как будет поставлена на службу государству единственно для того, чтобы уберечь ее власть? А если однажды государственная политика перестанет устраивать Рим или духовенство и священники выступят против государства, как это они делают сейчас? История дает примеры того, которые заставляют нас проявлять осторожность.

Во-вторых, есть еще и вопрос принципа. Если обозреть проблему со всех сторон, мыслимо ли, что можно найти что-либо длительное, построенное на лжи? Когда я думаю о будущем нашей нации, я должен видеть дальше, чем ближайшие преимущества, даже если они будут длиться триста, пятьсот лет и более. Я убежден, что любой пакт с церковью принесет лишь профессиональную выгоду, потому что рано или поздно научная сущность раскроет вредный характер такого компромисса. И тогда окажется, что государство строило свое существование на фундаменте, который однажды может развалиться.

Образованный человек сохраняет в себе ощущение загадок природы и склоняется перед непознанным. Необразованный человек рискует впасть в атеизм (что есть возврат в животное состояние), как только обнаруживает, что государство в абсолютном оппортунизме использует ложные идеи в вопросе религии, в то время как в других областях оно все ставит на научную основу.

Вот почему я всегда удерживаю партию в стороне от религиозных вопросов. Тем самым я не даю моим католическим и протестантским сторонникам шанса сформировать группы для борьбы друг против друга и неумышленных драк между собой с Библией и огнетушителем в руках. Таким путем мы никогда не будем замешаны в эти разные формы богослужения. А если что-нибудь иногда на мгновение немного осложняло мою задачу, у меня, по крайней мере, никогда не было риска поставить зерно на мельницу моего противника. Та помощь, которую мы условно получим через конкордат, очень скоро станет для нас обузой. В любом случае, главное — это то, чтобы быть умным в этом вопросе и не искать борьбы там, где ее можно избежать.

Отягощенные предрассудками прошлого, люди боятся вещей, которые не могут (или пока не могут) объяснить, т. е. непознанного. Если кому-то нужна метафизика, я его не смогу удовлетворить программой партии. Пройдет время, пока наука сможет ответить на все вопросы.

Так что будет несвоевременно ввязываться сейчас в борьбу с церковью. Лучше всего будет дать христианству умереть своей смертью.

Медленная смерть в некотором роде действует успокаивающе. Догматы христианства стерлись, поблекли перед достижениями науки. Религии придется делать все больше и больше уступок. Мифы постепенно рушатся. Все, что остается, это доказать, что в природе нет границы между органическим и неорганическим. Когда знание Вселенной станет широко распространенным, когда большая часть человечества поймет, что звезды — это не источники света, а миры, возможно, обитаемые миры наподобие нашего, тогда христианская доктрина будет признана абсурдом.

Первоначально религия являлась всего лишь опорой для человеческих общин. Она была лишь средством, не целью. Только постепенно она стала трансформироваться в данном направлении, стремясь укрепить власть священников, которые все вместе могли существовать только в ущерб обществу.

Наставления гигиенического характера, которые дают многие религии, помогают созданию организованных общностей. Заповеди, приказывающие людям умываться, избегать определенных напитков, поститься в предусмотренное время, тренироваться, вставать с солнцем, подниматься на вершину минарета — все эти обязанности были придуманы умными людьми. Призывы мужественно сражаться тоже не требуют объяснения. Заметьте, кстати, что, как результат, мусульманину обещан рай, населяемый гуриями, где вино течет рекой — т. е. настоящий земной рай. Христиане, с другой стороны, считают себя удовлетворенными, если им разрешается после смерти петь «Аллилуйя!». Все эти элементы участвовали в формировании человеческой общности. И вот этим конкретным обычаям люди обязаны своими современными характерами.

Конечно, христианство в этом отношении достигло пика абсурдности. И именно поэтому когда-нибудь эта структура рухнет. Наука уже пропитала человечество насковзь. Отсюда, чем больше христианство цепляется за свои догмы, тем быстрее оно уйдет в прошлое.

Но надо не упускать из внимания еще один аспект проблемы. Можно удовлетворить потребности внутренней жизни путем тесного слияния с природой или познанием прошлого. Только меньшинство, однако, на нынешней стадии умственного развития способно испытывать уважение, вызываемое непознанным, и тем самым удовлетворить метафизическую потребность души. Среднее человеческое существо имеет те же самые потребности, но может удовлетворить их лишь элементарными средствами. Это особенно справедливо по отношению к женщинам, а также крестьянам, которые бессильно наблюдают за уничтожением их урожая. Та личность, чья жизнь характеризуется простотой, испытывает жажду к вере, и она слепо, изо всех сил цепляется за нее.

Никто не имеет права лишать простых людей их детской уверенности, пока они не обретут другую, которая более обоснованна и

разумна. В самом деле, важнее всего, чтобы в них более высокое убеждение закрепилось до того, как более низкое покинуло. И мы в конечном итоге обязаны достичь этого. Но цель не в том, чтобы просто заполнить место, оставшееся вакантным после его предшественника.

Мне кажется, что ничего нет глупее, чем восстановить поклонение Вотану. Наша древняя мифология потеряла свою жизнеспособность с внедрением христианства. Ничто не умирает, пока не омертвеет. В тот период Древний мир делился между философскими системами и обожествлением идолов. Нежелательно, чтобы все человечество выставило себя в смешном свете, и единственный способ избавиться от христианства — это позволить ему самому потихоньку умереть.

Движение как наше не должно позволить вовлечь себя в метафизические депрессии. Оно должно придерживаться духа точной науки. В функции партии не входит подмена религии.

Если в течение одной-двух тысяч лет наука придет к необходимости обновить свои взгляды, это не будет означать, что наука лжива. Наука не может лгать, потому что она всегда стремится, исходя из преходящего уровня знаний, установить истину. Если она совершает ошибку, то вовсе не преднамеренно. Это христианство лжет. И оно находится в постоянном конфликте с самой собой.

Может возникнуть вопрос, не повлечет ли исчезновение христианства за собой исчезновение веры в Бога. Это было бы нежелательно. Понятие божественности дает большинству людей возможность конкретизировать их ощущения, которые они получают при контакте со сверхъестественными реалиями. Зачем нам уничтожать эту чудесную силу, которую они получают от воплощения ощущений в нечто божественное, находящееся внутри их?

Человек, живущий вместе с природой, обязательно окажется в оппозиции церкви. И вот поэтому церковь движется к своей гибели — потому что науке суждено победить.

Я особенно не хотел бы, чтобы наше движение обрело религиозный характер и создало какую-то форму преклонения. Это для меня было бы ужасно, и я бы не хотел жить, если бы мне было суждено кончить свои дни в шкуре Будды!

Если в этот момент нам понадобится устранить религию силой, народ единодушно станет нас умолять ввести новую форму преклонения. Можете себе представить, как наши гаулейтеры вдруг отказываются от своих проделок и играют роль святых! Что до нашего министерства по делам религии, как утверждают его собственные сотрудники, сам Господь Бог отвернется от своей семьи!

Я, однако, предвижу будущее таковым: прежде всего, каждому человеку — его собственный символ веры. Суеверия не потеряют своих прав. Партия защищена от опасностей соперничества с другими религиями. В будущем следует просто запретить им вмеши-

ваться в светские дела. Еще с младенческого возраста образование будет даваться таким образом, что каждый ребенок будет знать все, что важно для укрепления государства. Что касается окружающих меня людей, которые, как и я, ускользнули тисков догм, то у меня нет причин опасаться, что церковь поймает их на свой крючок.

Мы позаботимся о том, чтобы церковь не могла распространять за рубежом учения, противоречащие интересам государства. Мы будем продолжать проповедовать доктрину национал-социализма, и молодежь уже будут учить только истине.

40

Ночь с 14 на 15 октября 1941 г.

Метеорологические прогнозы. — Реорганизация службы

Метеорологическим прогнозам совершенно нельзя доверять. Метеорологическую службу надо отделить от армии.

«Люфтганза» обладала первоклассной метеорологической службой. Я ужасно сожалел, когда эта служба распалась. Нынешняя организация и близко не подошла к качеству работы прежней. Более того, в метеорологии можно было бы сделать ряд различных усовершенствований общего характера.

Предсказание погоды — не из тех наук, которые можно механически заучить. Нам нужны люди, одаренные шестым чувством, которые живут в природе и с природой, не важно, знают ли они, что такое изотермы и изобары. Как правило, очевидно, эти люди не особенно подходят для ношения военной формы. У одного будет горб, второй — кривоногий, а третий — паралитик. Понятно, нельзя от них ожидать стиля жизни бюрократов. Им не грозит риск перевода из района, который они знают, в другой, о котором они не знают ничего: речь идет о метеорологических условиях. Они не будут подчиняться вышестоящим начальникам, которые, естественно, знают об этом предмете больше, чем они сами, и у которых появится искушение диктовать специалистам истины, которые переходят к человеку в силу его более высокой должности.

Без сомнения, лучше всего будет создать гражданскую организацию, которая бы приняла на себя существующие установки и аппаратуру. Эта организация пользовалась бы информацией, регулярно передаваемой по телефону и относящейся к конкретным районам, которой мы будем обязаны этим человеческим барометрам. Это бы стоило очень недорого. Учитель-пенсионер, например, был бы счастлив получать тридцать марок в месяц в качестве оплаты за его труды. В его доме можно установить бесплатный телефон, и ему будет лестно осознавать, что люди полагаются на его знания. Этого слав-

ного парня можно избавить от представления письменных рапортов, и ему даже можно разрешить изъясняться на своем диалекте. Может оказаться, что этот человек ни разу в жизни не выезжал из своей деревни, но разбирается в полетах мошки и ласточек, может читать признаки, чувствует колебания воздуха, ветер, ему знакомы изменения в небе. В это дело вовлечены элементы, не поддающиеся учету и неподвластные математике. Есть клочки знания, которое возникло в ходе существования человека, тесно связанные с жизнью природы, которые часто передавались от отца к сыну. Достаточно оглядеться вокруг себя. Известно, что в каждом районе есть такие индивидуумы, для которых в погоде нет секретов.

Центральному бюро останется только сравнить эти эмпирические куски информации с той, которую дает «научный» метод, и синтезировать их.

Таким образом, я думаю, мы наконец-то получим инструмент, на который можно положиться, метеорологическую службу, которой можно доверять.

41

15 октября 1941 г., вечер

Твердое ядро национал-социализма. — Штреземан¹. — Если французы... — Фон Папен² и план Юнга³. — Средства от инфляции. — Пример Фридриха Великого. — Экономисты все приводят в беспорядок

Наш приход к власти был не без трудностей. Режим использовал все свои козыри, не забыв ни одного, чтобы как можно дальше отдалить это фатальное событие. Национал-социалистическое варено оказалось несколько крепким для деликатных желудков!

Среди моих предшественников Штреземан был не самым худшим. Но ради обретения частичных выгод он забывал, что за то, чтобы низвести целый народ до рабского состояния, придется дорого заплатить.

Во время оккупации Рейнланда⁴ поездка на Запад была для меня мучительной и сложной. Я был должен избегать оккупационных

¹ Штреземан Густав (1878—1929) — глава правительства Веймарской республики (1923), лидер Немецкой народной партии.

² Папен Франц фон (1879—1969) — глава правительства Германии (1932), вице-канцлер (1933—1934).

³ План Юнга (назван по имени создателя — американского экономиста Оуэна Юнга) — принятый в 1929 г. правительством Германии план выплаты репараций.

⁴ Имеется в виду оккупация французскими войсками левого берега Рейна после Первой мировой войны.

зон. Однажды, отправившись из отеля «Дрезен» в Годесберге, я собирался пересечь одну из этих зон. В то самое утро какое-то неприятное предчувствие заставило меня отказаться от этого плана. Спустя два дня я узнал из письма из «Дрезена», что, вопреки обычной практике, в тот раз проверка на границе была очень строгой. Если б в том случае я попал в их лапы, французы меня бы не выпустили! У них имелись доказательства нашей деятельности, и они могли бы запустить против меня всю машину. Для правительства рейха¹ это было бы избавлением. Мои прежние противники спрятали бы свою радость и проливали бы крокодильи слезы, формально заявив протест, который бы не дал результатов.

Даже весьма близкие ко мне люди считали, что план Юнга принесет облегчение Германии. Помню, как приехал в Берлин на совещание. Папен, только что из Лозанны, уверял, что добился огромного успеха, снизив сумму репараций до величины пять тысяч восемьсот миллионов марок. Я заметил, что, если нам удастся собрать такую сумму, мы должны затратить ее на перевооружение Германии. После захвата власти я немедленно приостановил все выплаты, что мы могли бы сделать еще в 1925 г.

В 1933 г. у рейха было восемьдесят три миллиона марок в иностранной валюте. На следующий день после захвата власти с меня потребовали немедленно выдать шестьдесят четыре миллиона. Я стал оправдываться, что ничего не соображаю в этом деле, и попросил время на размышления. В ходе выяснения, когда было сформулировано это требование, мне сказали: «Три месяца назад». Я решил, что если люди смогли подождать три месяца, то легко подождут еще два. Мои советники разыграли детский страх, что это будет нам стоить нашей доброй репутации исправных плательщиков. А я придерживался мнения, что германский престиж не повысится, если мы будем платить под угрозой шантажа, а только возрастет, если мы прекратим платить.

Инфляцию можно было победить. Решающим элементом был наш внутренний военный долг; другими словами, ежегодная выплата процентов размером десять тысяч миллионов на долг величинной сто шестьдесят тысяч миллионов.

Сравнивая, я вспоминаю, что до войны стоимость импорта, оплаченная немецким народом, составляла пять тысяч миллионов. Чтобы выплатить проценты, народ обязали пользоваться бумажными деньгами — отсюда и обесценивание валюты. Правильным было бы: во-первых, приостановить выплаты процентов на долг; во-вторых, ввести очень тяжелый налог на скандальные военные прибыли. Я бы заставил нажившихся на войне покупать за добрую звон-

¹ Официальное название Веймарской республики (1918—1932) — Германский рейх.

кую монету государства разные ценные бумаги, которые я бы заморозил на двадцать, тридцать или сорок лет. Разве их дивиденды в 200 и 300% не были причиной того, почему наш военный долг достиг такого уровня?

Инфляция возникает не из-за циркуляции доверенного капитала. Она начинается, когда покупатель обязан платить за те же товары более высокую сумму, чем она была вчера. И в этот момент надо вмешаться. Даже Шахту¹ я был должен объяснять эту элементарную истину: что главную причину стабильности нашей валюты надо искать в наших концентрационных лагерях. Валюта остается стабильной, когда спекулянты заперты на замок. Мне также пришлось вдавливать Шахту, что избыточную прибыль надо изымать из экономического обращения.

Я не разделяю иллюзии, что смогу за все платить из своих наличных фондов. Просто-напросто я много прочел и знаю, как получать прибыль, на опыте событий прошлого. Уже Фридрих Великий постепенно изымал свои девальвированные талеры из обращения и тем самым восстановил стоимость своей валюты.

Все эти вещи просты и естественны. Единственное, это нельзя позволять евреям совать свой нос в эти дела. Основа еврейской коммерческой политики — сделать вещи непостижимыми для нормального мозга. Люди впадают в экстаз доверия перед наукой этих великих экономистов. Всякий, кто ее не понимает, обвиняется в невежестве! А суть в том, что единственная цель всех этих понятий — все привести в беспорядок.

Очень простые идеи, которым случилось быть моими, в наши дни проникли в плоть и кровь миллионов. Лишь профессора не понимают, что цена денег зависит от товаров, которые стоят за этими деньгами.

Однажды я принимал каких-то рабочих в огромном зале в Оберзальцберге, чтобы прочесть им неформальную лекцию о деньгах. Эти парни меня очень хорошо поняли и наградили бурей аплодисментов.

Чтобы снабдить людей деньгами, надо решить лишь одну проблему: изготовить бумагу. Весь вопрос в том, чтобы знать, производят ли работники товары, сопоставимые с бумагой, которая изготовлена. Если затраты труда не растут, а посему производство остается на том же уровне, лишние деньги не позволят им купить больше товаров, чем они покупали раньше с меньшими деньгами.

Очевидно, эта теория не могла дать достаточно материала для научной диссертации. Для выдающегося экономиста главное (не важно, о чем идет речь) — излить идеи в сложной, извилистой форме и использовать термины, сопоставимые по недоступности с пророчествами Сивиллы.

¹ Шахт Ялар (1877—1970) — президент имперского банка (1933—1938), министр экономики (1936—1937).

17 октября 1941 г., полдень

Падение Одессы. — Роль Антонеску. — Необходимые для Румынии реформы. — Изгнание евреев

С падением Одессы для Румынии война будет практически закончена. Все, что остается румынам сделать, это укрепить свои позиции.

Перед лицом успехов Антонеску оппозиция рухнет. Народ всегда предпочитает победоносных командиров.

Реакционеры напоминают пустые орехи. Они подхватывают слухок от какого-нибудь болвана и передают его другим идиотам, придают ему черты настоящего слуха и кончают тем, что убеждают самих себя в том, что это истинный, громоподобный глас народа. А на самом деле то, что они слышат, всего лишь усиленное эхо их собственных слабых голосов. Вот так в некоторых местах людям приписывают чувства, которые им совершенно несвойственны.

В заслугу Антонеску надо отнести его вмешательство в пользу Кодряну¹.

Кроме дуче, среди наших союзников Антонеску производит наиболее сильное впечатление. Это человек крупного масштаба, никогда не позволяющий увести себя в сторону от его курса. И он неподкупен. Более того, это человек, какого в Румынии до этого не было.

Могу утверждать, что в Румынии нет ничего, включая офицеров, чего бы нельзя было купить. Я даже не намекаю на продажность их женщин, которые всегда готовы лечь в постель с кем-то ради продвижения по службе или дел мужа или отца. Правда, зарплата этих слуг государства до смешного скудная.

Перед Антонеску сейчас стоит задача строительства своего государства на базе сельского хозяйства. Для создания промышленности ему нужны возможности, которыми его крестьянский класс (сам по себе трезвый и честный) не обладает.

С другой стороны, практичную администрацию можно укомплектовать за счет этого класса. Но она должна быть небольшой по численности, и ей надо платить соответственно.

Любого в Румынии, кто предастся коррупции, надо будет расстреливать. И нечего уклоняться от смертной казни, когда речь идет о подавлении эпидемии. Современный тип чиновника, если перед ним возникнет такая угроза, предпочтет покинуть свой пост, который потом можно будет предложить кому-нибудь более приличному.

¹ К о д р я н у Корнелиу — один из лидеров «Железной гвардии».

Нечего говорить, что офицерам надо платить столько, чтобы им больше не приходилось искать дополнительных занятий, чтобы не умереть.

Чтобы сделать порядочной гражданскую жизнь, первым условием является наличие цельного государства с неподкупной армией, полицией и администрацией, сокращенной до минимума.

Но прежде всего надо избавиться от евреев. Без этого чистить авгиевы конюшни будет бесполезно.

Если Антонеску намеревается работать в этом ключе, он возглавит процветающую страну, жизнеспособную и сильную. Для этого у него есть здоровое крестьянство (в Венгрии нет ничего подобного) и природные богатства. Более того, Румыния — это страна со слабой концентрацией населения.

43

17 октября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСМИНИСТР ТОДТ И ГАУЛЕЙТЕР ЗАУКЕЛЬ¹

Ожидания от восточных территорий. — Украина через двадцать лет. — Хлеб завоевывается мечом. — Бог признает только силу

В сравнении с красотою, собранными в Центральной Германии, новые территории на Востоке кажутся подобными пустыне. Фландрия тоже всего лишь равнина, но какая красивая! Мы заселим эту русскую пустыню. Огромные пространства на Восточном фронте станут полями величайших в истории сражений. Мы отбросим эту страну в далекое прошлое.

Мы уничтожим ее характер азиатских степей, мы ее европеизируем. И с этой целью мы ведем строительство дорог, которые приведут к самой южной точке Крыма и к Кавказу. По всей своей длине эти дороги будут усеяны германскими городами, а вокруг этих городов обоснуются колонисты.

Два-три миллиона человек, нужных для этой задачи, найдутся быстрее, чем мы думаем. Они приедут из Германии, Скандинавии, стран Запада и из Америки. Я до этого дня не доживу, но через двадцать лет Украина станет домом для двадцати миллионов жите-

¹ Тодт Фриц (1891—1942) — министр вооружений и боеприпасов (1940—1942). Создатель Организации Тодта (1933), занимавшейся улучшением инфраструктуры Германии и строительством оборонительных сооружений. Заукель Фридрих (1894—1946) — гаулейтер Тюрингии (1927—1945).

лей помимо коренного населения. Через триста лет страна будет одним из красивейших садов в мире.

Говоря о местных, мы должны тщательно их проверить. Мы изгоним евреев, этих разрушителей. Что касается самого населения, мне больше нравится Белоруссия, чем Украина.

Мы не будем жить в русских городах и предоставим им возможность развалиться на куски без нашего вмешательства. И самое главное, никакого сожаления по этому поводу! Мы не собираемся быть для них няньками; по отношению к этим людям мы не берем на себя никаких обязательств. Воевать с лачугами, уничтожать блох, поставлять немецких учителей, издавать газеты — это слишком мелко для нас! Мы, возможно, ограничимся тем, что установим радиопередатчики под своим контролем. А в остальном обучим их лишь до уровня, чтоб они понимали наши дорожные знаки, чтобы они сами не попадали под наши автомашины!

Для них слово «свобода» будет означать право помыться в праздничные дни. Если мы задумаемся дать им мягкое мыло, то симпатии не заработаем. Подобные взгляды надо полностью изменить. Есть только одна обязанность: германизировать эту страну через иммиграцию немцев и смотреть на коренных жителей, как на краснокожих. Если б эти победили нас, нам бы не было пощады! Но у нас нет ненависти к ним. Это чувство нам неизвестно. Нами руководит лишь здравый смысл. А ими, с другой стороны, владеет комплекс неполноценности. Они испытывают настоящую ненависть к завоевателю, чье сокрушающее преимущество они почувствовали. Интеллигенция? У нас слишком ее много у себя дома.

Все, кто считают себя европейцами, могут присоединиться к нам в нашем труде.

В этом вопросе я буду хладнокровно идти прямо вперед. Что могут подумать обо мне при таком стечении обстоятельств, меня совершенно не волнует. Не понимаю, почему немец, который ест кусок хлеба, должен мучаться при мысли, что земля, давшая этот хлеб, была завоевана мечом. Когда мы едим хлеб из Канады, то не задумываемся об ограбленных индейцах.

Заповедь, гласящая, что люди должны любить друг друга, — лишь в теории, а христиане — последние, кто ей следует! Негритянский ребенок, имевший несчастье умереть до того, как в него вцепится миссионер, попадает в ад! Если б это было правдой, то надо было бы искренне оплакивать такую печальную судьбу: прожить всего лишь три года, а потом гореть вечно в аду у Люцифера!

Для Лея будет трудом его жизни — вытащить ту страну из ее летаргии. Поля, сады, цветники... Пусть она станет страной, где работа тяжела, но радость окупит труды сторицей.

Мы дали немецкому народу, что ему требовалось для того, чтоб утвердить свое положение в мире: я рад, что этот зов Востока отвлек наше внимание от Средиземноморья. Наш юг — это Крым.

Было бы глупостью устремляться куда-то дальше. Давайте останемся нордическим народом.

В любом случае, у нас в стране теплый сезон иногда затягивается до ноября. В Берлине февраль приносит первые признаки весны. На Рейне в марте все цветет.

На Украине, более чем где-либо, было бы ошибкой строить мельницы, которые осушат все запасы пшеницы с огромных территорий — например, в радиусе более четырехсот километров. Лучше настроить по всему региону ветряных мельниц для удовлетворения местных потребностей и экспортировать только пшеницу, нужную крупным центрам.

Как я жалею, что не могу стать моложе на десять лет! Тогда, вы обязаны расширить свою программу. Необходимую рабочую силу вы получите. Давайте закончим дорожную сеть, и железнодорожную тоже. Нам придется заняться проблемой переделки русской колеи, чтобы привести ее к нормальным размерам. У них только одна дорога, которая в течение всех последних месяцев кампании хоть как-то служила армиям Центрального фронта — и за это я поставлю Сталину памятник. А вообще он предпочитает мастерить цепи из грязи, чем строить дороги!

Какая задача ждет нас впереди! Перед нами — сотни лет радостного удовлетворения.

44

Ночь с 17 на 18 октября 1941 г.

10 мая 1940 г. — Слезы радости. — План Шлиффена. — Генштаб в Фельзеннесте. — Париж — город со славным прошлым. — 22 июня 1941 г. — Киев, Москва, Санкт-Петербург должны быть уничтожены

Я не смыкал глаз всю ночь с 9 на 10 мая 1940 г., и то же самое — с 21 на 22 июня 1941 г.

В мае 1940 г. мне не давало спать особенное беспокойство за погоду. Я был весь в бешенстве, когда наступил рассвет, и я понял, что он наступил на пятнадцать минут раньше, чем мне обещали. А ведь я знал, что так и должно было быть! В семь часов пришла новость: «Эбен-Эмаель¹ замолк». Следующая: «Мы удерживаем один из мостов через Маас». С таким парнем, как Витциг², мы могли захватить мосты Маастрихта до того, как их взорвали. Но какая разница, пусть

¹ Эбен-Эмаель — крупный бельгийский форт, блокировавший мост через канал Альберта.

² Лейтенант Витциг командовал группой десантников, взявших форт Эбен-Эмаель.

даже их и взорвали бы, когда мы уже владели очень высоким мостом, господствовавшим над Льежем — высотой шестьдесят метров над рекой. Если бы он и был взорван, наши инженеры нашли бы время привести его в порядок. Удивительно, как все шло в соответствии с планом.

Когда поступила новость о том, что враг наступает по всему фронту, я был готов заплакать от радости: они попали в ловушку! Это была красивая работа — атака на Льеж. Мы заставили противника поверить, что остаемся приверженцами старого плана Шлиффена.

У меня были страхи в отношении продвижения армии Клюге, но все было хорошо подготовлено. Спустя два дня после нашего прихода в Аббевиль мы уже могли начать наступление на юг. Если б тогда у меня было столько же моторизованных войск, как сейчас, мы бы завершили кампанию за две недели. Как было бы здорово еще раз повторить эти операции. Несколько раз за ночь я бегал на командный пункт, чтобы еще раз внимательно изучать те рельефные карты.

Как было приятно в Фельзеннесте! Пение птиц по утрам, вид на дорогу, по которой строим двигающиеся колонны войск. Над нашими головами пронеслись эскадрильи самолетов. Там я знал, что делал.

При воздушном налете на Париж мы ограничились лишь аэродромами, чтобы пощадить город со славным прошлым. Правда, с глобальной точки зрения французы ведут себя очень плохо, но все равно они близки по отношению к нам, и мне было бы больно, если б пришлось совершать налет на такой город, как Лан с его кафедральным собором.

22 июня перед нами отворилась дверь, и мы не знали, что находится за ней. Мы должны были опасаться газовой войны, бактериологической атаки. Тяжелая неопределенность схватила меня за горло. Мы противостояли существам, нам совершенно чуждым. Большевики подавили все, что походило на цивилизацию, и у меня не было эмоций при мысли об уничтожении Киева, Москвы и Санкт-Петербурга.

То, что делают наши войска, в самом деле не поддается воображению.

Не зная главных новостей, как будут наши солдаты — которые сейчас находятся на дороге домой — чувствовать себя, когда вновь ступят на германскую землю?

По сравнению с Россией даже Польша выглядела цивилизованной страной. Если время сотрет деяния наших солдат, то монументы, которые я воздвигну в Берлине, будут продолжать прославлять их еще тысячу лет. Там будут Триумфальная арка, Пантеон армии, Пантеон немецкого народа...

18 октября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ПРОФЕССОР ШПЕЕР И ПРОФЕССОР БРЕКЕР¹

Черчилль управляет оркестром. — Еврейство дергает за ниточки. — Жадность мошенников бизнеса. — Необходимо укрепить государственную экономику

Англия сползла в войну странным образом. Того, кому это удалось, зовут Черчиллем, эту марионетку еврейства, которое дергает за ниточки. Рядом с ним — надменный Иден, клоун-стяжатель; еврей, он же министр транспорта Хор-Белиш; тогдашний серый кардинал Форин офиса, и еще несколько других евреев и бизнесменов. С последними часто случалось, что размер их богатств находился в обратной пропорции с размером их мозгов. Война даже еще не началась, а кому-то удалось убедить их, что она будет длиться не менее трех лет, а потому явится хорошим объектом для инвестиций.

Никто не спрашивал мнения народа, имеющего привилегию обладания таким правительством.

Деловой мир везде состоит из таких же жуликов. Хладнокровных стяжателей. Деловой мир становится идеалистическим лишь тогда, когда рабочие требуют повышения зарплаты.

Я полностью представляю себе, что у нас для людей такого рода до 1933 г. возможности были больше. Но пусть бизнесмены плачут — это часть их профессии. Никогда не встречал промышленника, на котором не наблюдал бы, как он надевает на себя личину измученного заботами человека. И все равно не так трудно убедить любого из них, что он систематически улучшает свое положение. Всегда тебе изображают, будто они находятся на последнем издыхании! Несмотря на все налоги, остается куча денег. Даже среднему человеку не удается истратить то, что он зарабатывает. Он больше тратит денег на кинотеатры, спектакли и концерты, чем обычно, и экономит деньги в придачу. Невозможно лишить людей развлечений; народ нуждается в них, и вот почему я не могу сократить активность театров и студий. Лучший отдых — то, что получаешь в театре и кино. Наш рабочий день намного превышает восемь часов, и мы не сможем изменить это положение сразу после войны.

Нельзя повторять одну ошибку — забывать сразу после окончания войны о достоинствах самодостаточной экономики. Мы прак-

¹ Б р е к е р Арно (1900—1991) — скульптор, представитель нацистского официоза в искусстве.

тиковали это во время Первой мировой войны, но с незначительными средствами из-за отсутствия человеческого потенциала. Производительность труда, потерянная на выпуск ненужных товаров, должна быть восстановлена. Вместо того чтобы заботиться о внутреннем рынке, мы бросились на внешние рынки: до Первой мировой войны — из жадности прибыли, а после войны — чтобы выплатить долги. То, что для удержания нас на этом пути нам предоставлялись займы, только глубже погрузило нас в болото. Мы уже достигли успеха в производстве синтетического каучука: как только закончится война, мы вернемся к натуральному каучуку. Мы импортировали бензин; все-таки процесс Бергиуса¹ себя доказал!

Наша самая срочная задача на послевоенный период — создать самодостаточную экономику.

Я оставляю в силе рacionamento мяса и жиров до тех пор, пока не буду уверен, что потребности нашего народа в основном удовлетворяются. Понятно, что эта стадия наступает, когда используются не все продовольственные карточки.

Чего англичане боялись больше всего от нашего четырехлетнего плана — это экономически самостоятельной Германии, которая уже не будет зависеть от их милости. Такая политика с нашей стороны неизбежно вела к резкому падению их прибылей в колониях.

Кофе, чай — все это нам придется импортировать. Табак будем выращивать в Европе. Также надо будет производить сою: она нас обеспечит маслом и кормом для скота в Дании и Голландии.

В этой европейской экономике в той или иной форме сможет принять участие каждый.

Если бы вопрос состоял лишь в завоевании колонии, я бы не продолжил войну ни на один день.

Чтобы колониальная политика имела какой-то смысл, необходимо, прежде всего, доминировать в Европе. В любом случае, единственная колония, которую я хотел бы вернуть, — наши оба Камеруны², и ничего больше.

46

19 октября 1941 г.

Самое главное — многодетные семьи

На будущее очень важно иметь много детей. Надо убедить всех, что семейная жизнь будет обеспечена лишь тогда, когда в этой семье будет более четырех детей — я бы даже добавил, четырех сыновей.

¹ Процесс Бергиуса — получение жидкого топлива из угля (1913).

² Согласно Версальскому миру, Великобритания получила контроль над западной частью Немецкого Камеруна, а Франция — над восточной.

Вот этот принцип не следует забывать. Когда я узнаю, что какая-то семья потеряла на фронте двоих сыновей, я немедленно вмешиваюсь.

Если бы мы в прежние времена практиковали систему семей с двумя детьми, Германия лишилась бы своих величайших гениев. Как же так случается, что исключительные люди — часто пятый, седьмой, десятый или двенадцатый ребенок в семье?

47

19 октября 1941 г., вечер

**Искусство строительства. — Новые сооружения. —
Необходимость стандартизации и единообразия. — Пусть
массы наслаждаются жилищными удобствами. — Катехизис
и печатание на машинке**

Строительное искусство — одна из самых древних человеческих профессий. Этим объясняется, почему в этой профессии более, чем в других, люди остаются приверженцами традиционных методов. Это сфера, в которой мы ужасно отстаем.

Строительство какого-нибудь дома вовсе не обязательно есть больше чем сборка материалов, из которых вовсе не обязательно вытекает единообразие жилищ. Можно менять расположение и количество элементов, но элементы должны быть стандартизованы. Если кто-то пожелает построить больше, чем необходимо, узнает сам, чего это ему будет стоить. Крез не ищет для себя «трехкомнатную квартиру» за самую низкую цену.

Какой смысл иметь сотню различных моделей умывальных раковин? Зачем нужны эти различия в размерах окон и дверей? Переезжаешь на другую квартиру, и старые занавеси уже непригодны к использованию!

Для своей машины я везде найду запчасти, но для квартиры — нет.

Эта практика существует лишь потому, что дает продавцам шанс заработать больше денег. В этом единственное объяснение такого бесконечного разнообразия. Через год-два надо будет положить конец этому скандалу.

То же самое в разнице электрических напряжений. Например, в Моабите и Шарлоттенбурге — различные напряжения в сети. Когда займемся перестройкой рейха, все приведем к единообразию.

Точно так же в области строительства надо модернизировать орудия труда. До сих пор используемый экскаватор — это доисторический монстр по сравнению с новым спиральным экскаватором.

Какой экономии можно достичь через стандартизацию в этой области!

Наше желание дать миллионам немцев более приятные жизненные условия вынуждает нас на стандартизацию и таким образом использовать элементы, построенные по стандарту, там, где нет необходимости в применении индивидуальных форм.

Если будем придерживаться единообразия, массы получат возможность наслаждаться материальными удобствами жизни. При рынке в пятнадцать миллионов покупателей вполне возможно создать дешевый радиоприемник и общедоступную пишущую машинку.

Я считаю полным абсурдом то, что сегодня пишущая машинка стоит несколько сот марок. Невозможно себе представить, сколько времени тратится на расшифровку чьих-то каракулей. Почему бы в начальной школе не давать уроки печатания на машинке? Например, вместо религиозных нравоучений. Я бы против этого не возражал.

48

19 октября 1941 г., ночь

**Две кары современного мира. — Христианство — тень
надвигающегося большевизма**

Причина того, что Древний мир был так чист, светел и безмятежен, лежит в том, что он ничего не знал об этих двух великих бедствиях: оспе и христианстве.

Христианство — это прототип большевизма: мобилизация еврейми масс рабов с целью подрыва общества. Отсюда понятно, что здоровые элементы римского мира были неуязвимы для этой доктрины.

И тем не менее, сегодня Рим позволяет себе обвинять большевизм в уничтожении христианских церквей! Как будто христианство не вело себя точно так же по отношению к храмам язычников.

49

21 октября 1941 г., полдень

Пророческое ощущение Юлиана Отступника. — Арийское происхождение Иисуса. — Извращение идей Иисуса. — Дорога на Дамаск. — Римская терпимость. — Материализм и иудейская религия. — Религия как подрывной метод. — Мобилизация рабов. — Святой Павел и Карл Маркс

Когда задумываешься о том, что думали наши лучшие умы о христианстве сто, двести лет назад, становится стыдно от того, как мало мы изменились с тех пор. Я не знал, что Юлиан Отступник вынес приговор в отношении христианства и христиан с такой про-

ницательностью. Вам следовало бы прочесть, что он говорит по этому поводу.

Первоначально христианство было всего лишь воплощением большевизма-разрушителя. Тем не менее Галилеянин, позднее названный Христом, намеревался совершить нечто иное. Его надо рассматривать как народного лидера, занявшего Свою антиеврейскую позицию. Галилея была колонией, в которой римляне, возможно, разместили легионеров-галлов, и Иисус наверняка не был евреем. Евреи, кстати, считали Его сыном проститутки — проститутки и римского солдата.

Наиболее важной фальсификацией доктрины Иисуса была работа св. Павла. Он отдавался этой работе с утонченностью и искусностью и для цели личного пользования. Целью Галилеянина было освобождение Его страны от еврейских поработителей. Он противопоставил Себя еврейскому капитализму, и вот поэтому евреи Его ликвидировали.

Павел из Тарса (до путешествия в Дамаск его звали Савл) был одним из тех, кто наиболее жестоко преследовал Иисуса. Когда он узнал, что сторонники Иисуса позволили себе перерезать глотки за Его идеи, он осознал, что, умно пользуясь учением Галилеянина, можно свергнуть Римское государство, которое евреи ненавидели. И в этом контексте мы должны понимать знаменитое «озарение». Подумать только, римляне осмелились конфисковать самую священную вещь, которой обладали евреи, — золото, наваленное горами в храмах! Как в то время, так и в это их богом были деньги.

По дороге в Дамаск св. Павел обнаружил, что может разрушить Римскую империю, приведя к победе принцип равенства всех людей перед единым Богом, а также поместив за пределами досягаемости для законов свои личные понятия, которые, как он уверял, на него снизошли от Бога. Если в придачу удалось бы навязать одного человека представителем на земле Бога единого, этот человек имел бы безграничную власть.

Древний мир имел своих богов и служил им. Но священники, вклинившиеся между богами и людьми, были слугами государства, ибо боги покровительствовали финансам. Короче, они являлись эманацией власти, которую создал народ. Для этого общества идея единого Бога была невыносимой. В этой сфере римляне были само терпение. Идея универсального Бога могла в их глазах выглядеть лишь мягкой формой безумия — потому что, если три человека сражаются друг против друга и каждый призывает на помощь одного и того же Бога, это приведет к тому, что, в любом случае, двое из них молятся впустую.

Никто не был более терпимым, чем римляне. Каждый мог молиться богу по своему выбору, и было даже отведено место в храмах для неизвестного бога. Более того, каждый молился так, как хотел, и имел право провозглашать свое предпочтение.

Св. Павел знал, как пользоваться этим состоянием дел, чтобы вести борьбу против Рима. Ничто не изменилось; метод остался здоровым и логичным. Под прикрытием притворных религиозных нравоучений священники продолжали возбуждать верующих против государства.

Религиозные идеи римлян знакомы всем арийским народам. Евреи, с другой стороны, молились и продолжают молиться не чему иному, как золотому тельцу. Еврейская религия лишена какой-либо метафизики и имеет в основании лишь самый омерзительный материализм. Это доказывается даже в конкретном представлении, какое у них существует о загробной жизни, которая для них идентифицируется с лоном Авраама.

И вот со времени св. Павла евреи стали проявлять себя в качестве религиозной общности, ибо до этого времени они были только расовой общностью. Св. Павел стал первым человеком, который учел все возможные преимущества использования религии как пропаганды. Если евреям удалось ликвидировать Римскую империю, то потому лишь, что св. Павел трансформировал местное движение арийской оппозиции еврейству в сверхмирскую религию, которая постулирует равенство всех людей между собой и их подчинение единственному Богу. Вот что вызвало гибель Римской империи.

Впечатляет, что христианские идеи, несмотря на все усилия св. Павла, не имели успеха в Афинах. Философия греков была настолько выше этого нищенского вздора, что афиняне разражались смехом, когда слушали учение апостола. Но в Риме св. Павел нашел подготовленную почву. Его эгалитарные теории содержали то, что нужно для того, чтобы склонить массы на свою сторону, массы, состоящие из бесчисленного множества людей, лишенных корней.

Однако римский раб вовсе не был таким, впечатление от которого сегодня будоражит наше воображение. В действительности эти люди были военнопленными (как мы понимаем этот термин сегодня), из которых многих освободили, и они имели возможность стать гражданами. И вот св. Павел привнес этот упадочный намек в современное представление римских рабов.

Задумайтесь о многочисленных германских рабах, которых приветствовал Рим. Разве сам Арминий, первый архитектор нашей свободы, не был римским рыцарем, а его брат — уважаемым человеком в государстве? По причине этих контактов, обновлявшихся в течение столетий, население Рима пришло к тому, что с огромным уважением приняло германские народы. Ясно, что в Риме отдавали предпочтение белокурым женщинам до такой степени, что многие римские женщины красили себе волосы. Так германская кровь постоянно восстанавливала римское общество.

Евреев, с другой стороны, в Риме презирали.

В то время как римское общество проявляло враждебность к новой доктрине, христианство в своем истинном виде побуждало

население к мятежу. Рим был большевизирован, а большевизм дал в Риме точно такие же результаты, что и позднее в России.

Только потом, под влиянием германского духа христианство утратило свой открыто большевистский характер. Оно стало, до некоторой степени, терпимым. Сегодня, когда христианство шатается, евреи восстанавливают христианство в его большевистской форме.

Евреи считают, что смогут повторить эксперимент. Сегодня, как и когда-то в прошлом, их задача — уничтожить нации путем разрушения их расовой цельности. Не случайно евреи в России систематически депортировали сотни тысяч людей, отдавали женщин, которых мужья были вынуждены покинуть, другим мужчинам, доставленным из других регионов. Они практиковали в широких масштабах смешение рас.

В старые дни, как и сейчас, происходило уничтожение искусства и цивилизации. Большевики того времени, чего только они не уничтожили в Риме, в Греции и других местах? Они ведут себя так же и среди нас, и в России.

Необходимо сравнить искусство и цивилизацию римлян — их дворцы, их дома — с искусством и цивилизацией, представленными в тот же период жалкой толпой из катакомб.

В старые дни происходило уничтожение библиотек. Разве это не случилось в России? Результат: ужасное падение уровня культуры.

Разве не увидел мир, оказавшийся прямо в Средних веках, ту же самую систему жертв, пыток, гомосексуалистов? Прежде все делалось во имя христианства. Сейчас — во имя большевизма.

Вчера подстрекателем был Савл, сегодня — Мардохай.

Уничтожив этот мусор, мы окажем человечеству услугу, о которой наши солдаты могут и не иметь представления.

50

21—22 октября 1941 г., ночь

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР

Необходимость декорума. — Один пруссак в Риме, другой — в Мюнхене. — Скромность Веймарской республики. — Роль новой канцелярии. — Безобразие Берлина. — Лицо нового Берлина. — Монумент, который будет стоять тысячу лет. — Государство и рейх превыше всего. — Как стать строителем. — Военные воспоминания увянут при мирном труде

Что касается моей личной жизни, я всегда буду жить просто, но в качестве фюрера и главы государства я обязан заметно выделяться среди всего окружающего меня народа. Если мои близкие сорат-

ники блистают наградами, я могу выделиться среди них, не надевая наград вообще.

Нам нужно впечатляющее оформление, и мы должны его создать. Нам надо все более и более придавать нашим празднествам облик, который останется в памяти.

В Англии традиционные формы, которые издали похожи на барокко, сохранили свою молодость сполна. Они остаются жизненными, потому что представляют обычаи, соблюдавшиеся долгое время и без малейших перерывов.

Считаю необходимостью, чтобы наш церемониал был разработан при моей жизни. Иначе, если у одного из моих преемников окажется простой вкус, он сможет сослаться на меня как на авторитет.

Не говорите мне о прусской простоте! Мы обязаны помнить, как Фридрих Великий заботился о состоянии финансов его страны. Кроме того, прусский дух — это вопрос характера и манеры держаться. Было время, когда можно было сказать, что в Европе был лишь один пруссак, и жил он в Риме. В наши дни можно сказать, что есть лишь один римлянин, живущий среди итальянцев. Это — второй пруссак. Он жил в Мюнхене, и это был я сам.

Одна из характерных особенностей Веймарской республики: когда глава государства принимал дипломатов, он был вынужден просить каждого министра одолжить ему на время прислугу. А что бы произошло, если бы какой-нибудь министр сам устраивал прием и не мог поделиться слугами? А сейчас мы прибегаем к услугам фирм, дающих машины напрокат, чтобы забрать моих гостей из своих домов и отвезти их назад по окончании процедуры!

Новой канцелярии необходимо иметь в своем распоряжении двести самых лучших автомашин. Шоферы могут исполнять и побочные функции лакеев. Шоферы ли, лакеи ли — эти люди должны быть абсолютно надежными с политической точки зрения — помимо того, что они не должны быть неуклюжими тушицами.

Это здорово, что у нас есть новая рейхсканцелярия. Очень многие вещи мы не могли бы сделать при старой.

Я всегда был влюблен в Берлин. Если меня и раздражает то, что не все в этом городе прекрасно, то это лишь потому, что я так сильно привязан к этому городу.

В Первую мировую войну у меня было два десятидневных отпуска. Я никогда не мечтал о том, чтоб провести эти дни в Мюнхене. Мое наслаждение было испорчено при виде всех этих попов. В обоих случаях я приезжал в Берлин и так познакомился с музеями столицы.

(Кроме того, Берлин сыграл свою роль в нашем восхождении к власти, хотя и по-иному, нежели Мюнхен. Именно в Берлине и Вюртемберге я получил финансовую поддержку, а не в Мюнхене, где мелкий буржуа правит бал.)

Более того, в Берлине есть монументы дней Фридриха Великого. Когда-то это был песчаный карьер империи. Ныне Берлин — столица рейха.

Несчастье Берлина в том, что это город с очень смешанным населением, отчего не является идеальным для культурного развития. В этом отношении нашим последним великим монархом был Фридрих-Вильгельм IV. У Вильгельма I не было вкуса. Бисмарк в вопросах искусства был слеп. У Вильгельма II вкус был, но не лучшего рода.

То, что в Берлине безобразно, мы ликвидируем. Для облагораживания Берлина все средства хороши. Когдаходишь в рейхсканцелярию, возникает ощущение, что посещаешь мастерскую мира. Пройдешься вдоль широких проспектов, на которых расположены Триумфальная арка, Пантеон армии, Народная площадь, — и у тебя дух захватывает! Только таким образом мы сможем затмить нашего единственного в мире соперника — Рим. Давайте развернем такое строительство, что в сравнении с нами собор Св. Петра и его площадь покажутся игрушками!

В качестве строительного материала будем использовать гранит. Реликвии германского прошлого, которые были обнаружены на равнинах к северу, слегка пострадали от времени. Благодаря граниту наши монументы будут стоять вечно. Они будут стоять и через десять тысяч лет, как новые, если только к тому времени море опять не покроет наши равнины.

Называемую нами германо-нордической орнаментальную тему можно отыскать повсюду на земле, как в Южной Америке, так и в северных странах. Согласно одной греческой легенде, существует цивилизация, именуемая «долунной», и мы можем заметить в этой легенде сходство с сухопутной империей Атлантидой, которая затонула в океане.

Если я попробую оценить свою работу, я должен учесть, прежде всего, что я внес в мир, который забыл это понятие, и довел до триумфа идею главенства расы. Во-вторых, я придал германскому превосходству солидное культурное обоснование. В действительности власть, которой мы сегодня пользуемся, не может быть оправдана в моих глазах иначе, чем внедрением и расширением могущественной культуры. Достижение этого должно стать законом нашего существования.

Средства, которые я применю для этой цели, далеко превзойдут те, что были нужны для ведения этой войны. Я хочу быть строителем.

Военный лидер — это то, чем я стал вопреки моему желанию. Если я стану использовать свой мозг для решения военных проблем, то потому, что в данный момент я знаю, что никто не сможет сделать это лучше, чем я. Точно так же я не вмешиваюсь в деятельность моих коллег, если я чувствую, что они решают свою задачу так же хорошо, как это сделал бы я сам.

Я реагирую так же, как крестьянин, на чью собственность кто-то напал и который хватается за оружие, чтобы защитить свою вотчину. В таком духе я веду эту войну. Для меня это средство для достижения цели.

Героические деяния наших войск когда-нибудь поблекнут. После Войны за испанское наследство никто больше не вспоминал о Тридцатилетней войне. Баталии Фридриха Великого заставили людей позабыть о других сражениях в эпоху после 1700 г. Седан занял место Битвы народов при Лейпциге¹. Сегодня битва при Танненберге и даже кампании в Польше и на Западном фронте померкнут перед сражениями на Востоке. Придет день, когда и эти сражения будут позабыты.

Но монументы, которые мы должны воздвигнуть, победят в споре со временем. Колизей в Риме пережил все прошедшие события. А у нас в Германии кафедральные соборы совершили то же самое.

Восстановление германского единства было задачей Пруссии в прошлом веке. Нынешняя задача — строительство Великой Германии и превращение ее в великую державу — могла успешно совершиться только под главенством Южной Германии.

Для выполнения своей работы строителя я особо должен прибегнуть к помощи людей с юга — я посадил в Берлине моего величайшего архитектора. Дело в том, что эти люди — выходцы из региона, который с незапамятных времен питался молоком цивилизации.

Мои действия всегда основаны на политическом типе мышления. Если Вена пожелает воздвигнуть монумент высотой двести метров, она у меня не найдет поддержки. Вена прекрасна, но я не вижу причин для продолжения прироста ее красот. В любом случае, мои преемники наверняка не предоставят никакому городу согласия, необходимого для таких работ.

В один из дней Берлин станет столицей мира.

¹ Битва народов при Лейпциге — сражение 16—18 октября 1813 г., в ходе которого войска Наполеона I были разбиты объединенными прусско-австро-русскими войсками под командованием фельдмаршала князя Карла Шварценберга.

24 октября 1941 г., вечер

**ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ФОН
РИНТЕЛЕН¹, ПРИБЫВШИЙ ИЗ РИМА**

**Деяния человека должны погибнуть. — Религия против науки. —
Церковные объяснения природных феноменов. — Французские
писатели веков классики. — Вольтер и Фридрих II. — Наука
попадает в спину. — Церковь и религиозные верования. — Сто
шестьдесят девять религий не правы. — Глупость русских
иконоборцев**

На всей земле нет существа, нет вещества и, возможно, нет человеческого института, который был бы неподвластен старению. Но это в логике вещей, что всякий человеческий институт осужден на вечность — если только в нем уже не заложено семя разрушения. Подвергается износу самая прочная сталь. Как верно то, что когда-нибудь Земля исчезнет, так и верно то, что творения людей будут низвергнуты.

Все эти проявления имеют циклический характер. Религия находится в постоянном конфликте с духом свободного поиска. Оппозиция церкви науке временами была такой жестокой, что искры летели. Церковь, четко зная свои интересы, сделала стратегическое отступление, в результате чего наука в некоторой степени утратила свою агрессивность.

Нынешняя система обучения в школе позволяет следующий абсурд: в 10.00 школьники идут на урок катехизиса, на котором Сотворение мира излагается им в соответствии с учением Библии; в 11.00 они находятся на уроке естествознания, на котором их знакомят с теорией эволюции. И это притом, что две доктрины находятся в полном противоречии друг с другом. В детском возрасте я страдал от этого противоречия и бился головой о стену. Часто я жаловался то одному, то другому учителю на то, чему меня учили час назад, — и помню, как приводил их в отчаяние.

Христианская религия пытается выбраться из этого тупика, объясняя, что картинам Священного Писания надо придавать символическое значение. Любой, кто попробовал бы заявить такое четыреста лет назад, кончил бы свою карьеру сожжением на костре под аккомпанемент осанны. Подключившись к игре в терпение, религия отвоевала почву по сравнению с ушедшими веками.

¹ Р и н т е л е н ф о н — военный атташе германского правительства в Риме.

Религия извлекает всю возможную прибыль из того факта, что наука принимает без доказательств поиски, а не определенное знание, истины. Науку можно сравнить с лестницей. С каждой новой ступеньки открывается более просторный ландшафт. Но наука не утверждает, что постигла суть вещей. Когда наука находит, что ранее считавшееся неизблемым то или иное понятие требует пересмотра, религия тут же злорадствует и заявляет: «Мы же говорили!» Сказать так значит позабыть, что науке такое поведение дано самой природой. Потому что если она примет догматический вид, то сама превратится в церковь.

Когда говорят, что Бог вызывает молнии, это в известном смысле справедливо; но что наверняка, так это то, что Бог не управляет громом, как это утверждает церковь. Объяснение церковью природных явлений — сплошное извращение, потому что церковь имеет в этом тайный интерес. Истинная набожность — это характерная черта личности, знающей о своей слабости и своем невежестве. Тот, кто видит Бога в дубе или в человеке какместилище души, вместо того чтобы видеть Его везде, не может быть истинно набожным. Он остается привязанным к призракам, — а когда небеса грохочут и ударяет молния, он дрожит просто от страха, что удар придется на него как наказание за только что совершенный грех.

Чтение полемических документов XVII и XVIII столетий или записей бесед между Фридрихом II и Вольтером вызывает стыд за наш низкий интеллектуальный уровень, особенно среди военных.

С настоящего времени можно считать, что не существует разрыва между органическим и неорганическим мирами. Недавние эксперименты позволяют удивляться, что же различает живые тела и неодушевленное вещество. Перед лицом этого открытия церковь вначале поднимет бунт, а потом продолжит учить своим «истинам». Наконец, в один день под тараном науки догма рухнет. И это будет вполне логично, потому что человеческий дух не может беспощадно срывать вуаль тайны, не заставляя людей в один прекрасный день сделать выводы.

Десять заповедей — это устав жизни, не имеющий опровержения. Его предписания отвечают бесспорным потребностям человеческой души. Они навеяны истинно религиозным духом, и тут церковь зиждется на прочном фундаменте.

Церкви появляются из необходимости придать структуру религиозному духу. Единственно, формы, в которых самовыражается религиозный инстинкт, могут меняться. Такой-то человек не ведает о человеческой ничтожности до тех пор, пока его не схватят за загривок, но такой-то даже и не нуждается в избавлении от оков элементов, чтобы научиться тому же самому. В глубине души каждый осознает свою ничтожность.

Микроскоп дал нам понять, что мы окружены не только чем-то бесконечно великим, но также и бесконечно малым — макрокосмом

и микрокосмом. К таким важным соображениям добавляются особые элементы, которые обращают на себя внимание в ходе обычного наблюдения: что некоторые гигиенические приемы хороши для человека — например, пост [воздержание от пищи. — Пер.]. Вовсе не случайно среди древних египтян не делалось никакого отличия между медициной и религией.

Если современная наука проигнорирует эти данные, она нанесет вред. С другой стороны, нельзя позволять предрассудкам мешать человеческому прогрессу. Было бы так нетерпимо в том, что касается оправдания исчезновения религий.

Когда человек стареет, его ткани теряют эластичность. Нормальный человек испытывает отвращение при виде смерти — до такой степени, что обычно считается признаком дурного вкуса рассуждать о смерти легковесно. Человек, задающий вам вопрос, приготовили ли вы завещание, лишен такта. Чем моложе он, тем меньше беспокоится о таких делах. Но старики отчаянно цепляются за жизнь. И вот среди них церковь вербует своих лучших клиентов. Она соблазняет их перспективой, что смерть ничего не прерывает, что все продолжается за пределами человеческой жизни при много более приятных условиях. А если вы откажетесь оставить церкви свои скромные сбережения? *Grosso modo*, вот как более или менее оно происходит.

Есть ли хоть одна религия, которая может существовать без догмы? Нет, потому что в этом случае она будет принадлежать строю науки. Наука не в состоянии объяснить, почему природные объекты таковы, какие они есть. И тут в дело вступает религия с ее успокаивающими несомненными фактами. При воплощении в церкви религия всегда оказывается в оппозиции к жизни. Поэтому церковь движется к катастрофе, и она это знает, если она не будет цепляться за суровую истину.

То, что противоречит очевидной истине, должно измениться или исчезнуть — таков закон жизни.

У нас перед предками, жившими тысячу лет назад, есть то преимущество, что мы можем разглядеть прошлое вглубь, чего они сделать не могли. Есть у нас еще одно преимущество, что мы можем видеть прошлое вширь, — этой способности у них тоже не было.

При населении земли два миллиарда двести пятьдесят миллионов можно насчитать сто семьдесят значимых религий — каждая из них, естественно, утверждает, что является обладателем истины. Поэтому, как минимум, сто шестьдесят девять из них — ложны! Среди практикуемых сегодня религий нет ни одной, которая насчитывает более двух тысяч пятисот лет существования. Но человеческие существа, хотя бы в виде обезьян, существовали, по крайней мере, триста тысяч лет. Дистанция между человеком-обезьяной и современным обычным человеком меньше, чем между современным человеком и человеком вроде Шопенгауэра.

Что значит период две тысячи лет в сравнении с прошедшим тысячелетием?

Вселенная в своих основных элементах имеет тот же состав, имеем ли мы в виду Землю, солнце или любую другую планету. Сегодня невозможно предположить, что органическая жизнь существует только на нашей планете.

Делает ли человека знание, данное наукой, счастливым? Этого я не знаю. Но вижу, что человек *может* стать счастливым, освободившись от ложных знаний. Я допускаю, что надо воспитывать терпимость.

Бессмысленно поддерживать человека в идее, что он — венец творения, как ученые прошлого столетия пытались его убедить. Тому же самому человеку, чтобы передвигаться быстрее, пришлось оседлать лошадь — это млекопитающее, это безмозглое существо! Не знаю более смешной претензии.

Русские имели право нападать на своих попов, но не имели права критиковать идею высшей силы. Да, мы — слабые творения, и эта творческая сила существует. Пытаться это отрицать — безумие. В таком случае лучше верить во что-то ложное, чем не верить ни во что. Кто такой — этот ничтожный большевистский профессор, утверждающий, что одержал верх над творением? Таких людей мы должны уничтожать. Будем ли полагаться на катехизис или на философию, мы имеем в запасе возможности, а они со своими чисто материалистическими концепциями могут лишь пожирать друг друга.

52

25 октября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР И ОБЕРГРУППЕНФЮРЕР СС ГЕЙДРИХ

Евреи несут ответственность за две мировых войны. — Как исчезли прошлые цивилизации. — Переписывание истории. — Библиотеки античности. — Христианство и большевизм нацелены на уничтожение. — Нерон не поджигал Рим. — Лицемерие протестантов. — Католическая церковь процветает на грехе. — Надо свести счеты. — Модернистское движение. — Проблема женского монастыря

С трибуны рейхстага я предсказал еврейству, что, если война окажется неизбежной, евреям придется исчезнуть из Европы. На совести этой расы преступников два миллиона погибших в Первую мировую войну, а сейчас еще несколько сот тысяч. Пусть никто не говорит мне, что мы не сможем поселить их в болотистые районы

России! А кто волнуется о наших войсках? А вообще, неплохо, что слухи приписывают нам намерение уничтожить евреев. Террор — полезная вещь.

Попытка создать еврейское государство закончится провалом.

Надо миллионным тиражом размножить книгу с размышлениями императора Юлиана. Какой изумительный интеллект, какая пронизательность, какая мудрость античности! Это невероятно.

С каким ясновидением авторы XVIII и особенно прошлого столетия критиковали христианство и выносят приговор эволюции церкви!

Народ сохраняет из прошлого то, что ему хочется там найти. Как виделось большевикам, история царского периода походит на кровавую баню. Но что *это* в сравнении с преступлениями большевизма?

Существует история, составленная либералом сороковых годов Роттеком¹, в которой факты рассматриваются с точки зрения того периода и Античность решительно игнорируется. Мы тоже перепишем историю с расовой точки зрения. Начав с изолированных примеров, мы приступим к ее полной ревизии. Задачей будет не только изучение источников, но и придание фактам логической связи. Есть определенные факты, которые нельзя удовлетворительно объяснить обычными методами. Поэтому мы должны применить другой подход как нашу исходную точку. Пока студенты биологии верили в спонтанную генерацию, было невозможно объяснить присутствие микробов.

Какая же жуткая характеристика духовной бедности для христианства после сожжения им библиотек Древнего мира! Греко-римское мышление было уподоблено учению Дьявола. «Если хочешь жить, не впадай в искушение».

Большевики приступили к решению своей задачи в той же манере, что и христиане, так что верующие могут и не знать, что творится в остальном мире. Целью было убедить их, что система, в которой они живут, единственная в мире с точки зрения технической и общественной организации. Кто-то рассказал мне о московском лифтере, который искренне верил, что лифтов больше нигде нет. Я никогда не видел такого изумления, когда русский посол, инженер², однажды вечером приехал ко мне, чтобы поблагодарить

¹ Роттек Карл фон (1812—1898) — историк, правовед, политик.

² Имеется в виду Георгий Астахов — временный поверенный в делах СССР в Германии, один из архитекторов пакта Молотова—Риббентропа. Был арестован в 1940 г.

за то, что я не препятствовал ему в посещении некоторых немецких заводов. Вначале я спросил себя, а не сумасшедший ли это! Полагаю, он впервые увидел вещи, какие они есть на самом деле, и воображаю себе, что он послал своему правительству неосторожный отчет на эту тему. Несколько дней спустя он был отозван в Москву, и мы узнали, что впоследствии был расстрелян.

Христианство само систематически занималось уничтожением древних культур. Что дошло до нас, было передано случайно или стало продуктом римских либеральных писателей. Возможно, мы в полном неведении о существовании бесценных духовных сокровищ человечества. Как узнать, что было тогда?

Папство было верно своей тактике даже в ведении исторических записей. Как вели себя люди в эру Великих географических открытий, путешествий к божественным сокровищам Центральной Америки?

В нашей части света евреи немедленно бы ликвидировали Шопенгауэра, Ницше и Канта. Если бы над нами в течение двухсот лет властвовали большевики, какие бы труды нашего прошлого достались бы нашим потомкам? Наши великие люди были бы преданы забвению, или их представили бы будущим поколениям как преступников и бандитов.

Я вовсе не верю в истину некоторых мысленных картин, которые сложились у многих людей о римских императорах. Уверен, что Нерон не поджигал Рима. Это сделали христиано-большевики, точно так же, как Коммуна подожгла Париж в 1871 г., а коммунисты подожгли рейхстаг в 1932 г.¹

Это просто форма лицемерия, типично протестантского, это просто наглость. Католицизм так в этом силен, что игнорирует моральную строгость евангелистов. В католических районах жизнь более терпима, потому что сами священники легче поддаются человеческим слабостям. Поэтому он позволяет пастве не драматизировать грех. Как бы церковь зарабатывала себе на жизнь, если б не грехи верующих? Она себя объявляет удовлетворенной, если люди идут на исповедь. Индальгенции по установленной расценке обеспечивают церковь ее хлебом насущным. Что касается плодов греха, душа, которая боится преддверия ада, прямой кандидат на крещение, так сказать, еще один клиент, и бизнес продолжается! Ведь это факт, что в католических краях мира незаконно-рожденных детей много больше, чем в протестантских.

В Австрии протестантство свободно от всякого фанатизма. Это было истинно движение протеста против католицизма. Более того, эти протестанты целиком преданы германскому делу.

Скандално то, когда верующий покидает конкретную веру, он еще целый год вынужден платить церковную пошлину. Простого

¹ Неудачная попытка поджога рейхстага произошла 27 февраля 1933 г.

заявления было бы достаточно, чтобы сразу же освободить его впредь от каких-либо долгов. Мы все это выправим, как только наступит мир.

Возьмем, например, Геббельса. Он женился на протестантке. И ему церковь тут же объявила анафему. Весьма естественно, он заявил, что прекратит платить церковный налог. Но церковь смотрела на этот вопрос по-другому. Исключение — это наказание, которое не освобождает от обязанности платить налог!

Меня же церковь обвиняет в том, что я был свидетелем на этой свадьбе. Они бы и мне объявили анафему, если бы вычислили, что это может прибавить новых симпатий ко мне.

Каждый брак, заключенный в результате развода, рассматривается церковью как незаконный. В результате в Австрии, например, никого не волнуют заповеди церкви. С этой точки зрения Австрия впереди Германии.

Самая экстраординарная известная мне история о разводе — это дело Стархемберга. Церковь разрешила ему получить развод в обмен на уплату двухсот пятидесяти тысяч шиллингов. Выдвинутый повод, по соглашению сторон, был в том, что брак был недействителен, поскольку оба супруга соединились узами, имея твердое намерение не исполнять свои супружеские обязанности. Так как денег у Стархемберга не было, эту сумму уплатил Хаймвер. Каких источников обогащения не открыла церковь на протяжении пятнадцати веков? Это какой-то замкнутый круг.

У меня на руках много счетов, которые надо уладить, но о которых сегодня я не могу думать. Но это не значит, что я забыл о них. Я их записываю. Время для опубликования этой большой книги придет!

Даже в отношении евреев я сам замечаю, что бездействую. Нет смысла бесполезно наращивать трудности момента. Действуешь более осмотрительно, когда ждешь благоприятного момента... Когда я читаю речи человека вроде Галена¹, я говорю себе, что нет смысла заниматься булавочными уколами и что на данный момент предпочтительно сохранять молчание. Почему должны существовать сомнения в отношении долговечности нашего движения? И если подумаешь, что оно продлится несколько столетий, то можешь предложить себе роскошь ожидания. Я бы не добился личного окончательного признания у марксизма, если бы не имел силу на своей стороне.

Методы убеждения морального порядка не являются эффективным оружием против тех, кто презирает истину, — когда мы имеем дело с попами, например, церкви, которые знают, что все в ней

¹ Г а л е н Клеменс, граф фон (1878—1946) — кардинал, архиепископ Мюнхенский. Неоднократно критиковал нацистское руководство за действия, несовместимые с христианской этикой.

основано на лжи, и которые живут за счет этого. Они считают, что я порчу удовольствие другим, когда я произрастаю из их среды; да, я *собираюсь* помешать им в их мелких фокусах.

С 1905-го по 1906 г., когда зародилось модернистское движение, имели место такие успехи, что некоторые священники в ответ приняли цели реформистов и стали настоящими революционерами. Их, конечно, сразу же изгнали. Мощь церкви была так велика, что эти люди потерпели крах. Люди вроде аббата Шахляйтера очень пострадали. Сегодня священник, лишенный духовного сана, может построить себе новую карьеру. Силе церкви такой рычаг давало то, что гражданская власть никак не хотела вмешиваться в эти проблемы. С тех пор многое переменялось. Сегодня огромное число священников покидает церковь. Очевидно, в ней есть ядро, и я никогда с ними даже не сталкивался. И не думайте перевоспитать святого отца. Не убедить человека, который стоит во главе такого гигантского концерна, отказаться от кормушки. Это же источник существования! Более того, я допускаю, что, выросши внутри этой структуры, он не может себе представить какой-либо иной возможности.

Говоря о монахинях, я против использования силы. Они просто не будут в состоянии вести какую-либо иную жизнь. Ведь они останутся без поддержки и погибнут. В этом плане католическая церковь взяла на себя институт весталок. Как только девушка становится женщиной, перед ней встает проблема обрести для себя мужчину. Если она не найдет жениха или если потеряет его, вполне вероятно, что в будущем она откажется вообще иметь дело с жизнью и может уйти в монастырь. Может также случиться, что родители отдадут своих детей церкви. Когда человеческое существо проводит десять лет в мужском или женском монастыре, он или она утрачивает реальное представление о реальности. Для женщины играет роль чувство принадлежности к общине, которая о ней заботится. Когда она не имеет мужской поддержки, она, вполне естественно, ищет эту поддержку в другом месте.

У нас в Германии, к сожалению, женщин на два миллиона больше, чем мужчин. Задачей девушки является (и останется) выйти замуж. Для нее лучше завести ребенка без особых хлопот, чем умереть старой девой. Природе абсолютно безразлично, нанесли ли предварительно люди, которых это касается, визит к чиновнику-регистратору. Природа хочет, чтобы женщина плодородила. Многие женщины слегка теряют голову, когда не могут рожать детей. О бездетной женщине всякий думает: «Что за истеричное создание!» Тысячу раз лучше, если у нее есть дети, а потому — и причина существования, а не медленное увядание.

26—27 октября 1941 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: АДМИРАЛ ФРИКЕ¹

Автократия и военная мощь. — Эксплуатация восточных территорий. — Британский вольт-фас. — Жульничество Рузвельта. — От европейской гегемонии должно быть приобретено преимущество. — Европа с четырьмястами миллионами жителей. — Ликвидация Британской империи

Национальная независимость и независимость на политическом уровне зависят как от экономической самостоятельности, так и от военной мощи.

Очень важно для нас не повторить ошибки, бросившись на зарубежные рынки. Наш торговый импорт морем можно ограничить до трех-четырёх миллионов тонн. Для нас достаточно получать кофе и чай с Африканского континента. Все остальное есть у нас здесь, в Европе.

Когда-то Германия была одним из крупнейших экспортеров шерсти. Когда австралийская шерсть завоевала рынки, наша «национальная» экономика вдруг переключилась и начала импортировать. Желал бы я, чтоб у нас сегодня было тридцать миллионов овец.

Никто и никогда не вырвет Восток из наших рук!

У нас почти монополия на поташ. Скоро мы будем снабжать всю Европу пшеницей, углем, сталью, лесом.

Для того чтобы нормально эксплуатировать Украину — эту новую Индийскую империю, мне нужен лишь мир на Западе. Пограничной полиции будет достаточно, чтобы обеспечить нам спокойные условия, необходимые для эксплуатации завоеванных территорий. Я не придаю никакого значения формальному, юридическому окончанию войны на Восточном фронте.

Если англичане умны, они воспользуются психологическим моментом, чтобы резко изменить политику, — и они пойдут в одном строю с нами. Выйдя сейчас из войны, Англия сумела бы выключить своего основного соперника — Соединенные Штаты — из игры на тридцать лет. Рузвельт был бы изобличен как мошенник,

¹ Ф р и к е Курт (1889—1945) — адмирал, начальник командного управления Верховного командования ВМФ.

страна оказалась бы в огромном долгу (по причине производства военных материалов, которые оказались бы бесполезными), а безработица поднялась бы до гигантских размеров.

Моя задача — использовать преимущества континентальной гегемонии. Смешно думать о мировой политике, если не добился контроля над континентом. Испанцы, голландцы, французы да и мы сами узнали это на собственном опыте. Если ты хозяин в Европе, значит, господствуешь и над миром. В рейхе сто тридцать миллионов, девяносто — на Украине. Добавьте к этому другие страны Новой Европы, и получим четыреста миллионов, в сравнении со ста тридцатью миллионами американцев.

Если Британская империя сегодня рухнет, то это случится благодаря нашему оружию, но это не принесет нам выгод, потому что мы не станем их наследниками. Россия возьмет Индию, Япония — Восточную Азию, Соединенные Штаты заберут Канаду. Я даже не смог помешать американцам прочно обосноваться в Африке.

В случае, если Англия потонет, я не получу прибыли, кроме обязанности сражаться с ее преемниками. Может наступить такой день, когда приму на себя часть этого банкротства, но на условии, что оно будет перенесено на поздний срок.

В данный момент Англия меня уже не интересует. Я интересуюсь лишь тем, что находится позади нее.

Нам нечего опасаться за свое будущее. Я оставлю после себя не только самую могучую армию, но и партию, которая будет самым ненасытным животным в мире.

54

28 октября 1941 г., вечер

Славящаяся хорошей репутацией наслаждения охота

Не вижу ничего плохого в охоте на дичь. Я просто говорю, что это тоскливый и грустный вид спорта.

Что я больше всего люблю в стрельбе — это мишень, а рядом с ней браконьер. Он, по крайней мере, рискует жизнью в этом спорте. Оленю может объявить войну самый ничтожный уродец. Поединок между многозарядной винтовкой и кроликом, который за три тысячи лет ничем не изменился, слишком неравен. Если г-н такой-то смог бы перегнать кролика, я снял бы перед ним свою шляпу.

Если я не ошибаюсь, охота — не очень популярный спорт. Если бы я был стрелком, это больше повредило моей репутации среди моих сторонников, чем какое-нибудь проигранное сражение.

29 октября 1941 г., вечер

**ОСОБЫЕ ГОСТИ: ФЕЛЬДМАРШАЛ ФОН КЛЮГЕ,
РЕЙХСМИНИСТР Д-Р ТОДТ, РЕЙХСФЮРЕР СС
ГИММЛЕР И ГАУЛЕЙТЕР ФОРСТЕР¹**

Пехота — царица полей. — Сверхлегкие танки — это ошибка. — Мир на Востоке свободен от юридических пунктов. — Верность хорватов. — Воспоминания о Ландсберге. — Рабочие Биттерфельда. — Роль учителя. — Использование старых солдат. — Монументы Парижа. — Париж в июне 1940 г.

В боевой кампании именно пехотинец, когда все средства использованы, задает темп операции. Это соображение диктует нам необходимость поддерживать моторизацию войск в разумных пределах. Вместо шести лошадей, которые обычно тащили военную технику, перешли на бесконечно более мощный мотор с единственной целью добиться скорости, которая практически не используется. В выборе между мобильностью и мощностью в мирное время решение слишком легко делается в пользу мобильности.

В конце Первой мировой войны опыт показал, что имеет ценность только самый тяжелый танк с самой толстой броней. Это не помешало, как только вновь наступил мир, приступить к конструированию сверхлегких танков. Внутри нашей собственной территории наличествует сеть отличных дорог, и поэтому мы считаем, что скорость — решающий фактор. Я хочу одного: чтобы наши командиры, имеющие фронтовой опыт, высказали свое мнение по этому поводу и чтобы это мнение встретило уважение. Чтобы продолжать, даже в мирное время, эксперименты и удерживать нашу армию на самом высоком уровне эффективности, важно иметь гигантскую равнину для маневров, сочетающую все возможные условия, характерные для военного времени. Вот почему я настраиваю себя на Припятские болота, район размерами пятьсот километров на триста.

Германская армия сохранит все свои качества, если мир, который мы заключим на Восточном фронте, не будет иметь формального юридического характера.

Если бы Хорватия была частью рейха, мы бы в хорватах имели верных помощников германского фюрера при охране наших болот. Что бы ни случилось, нельзя с ними обращаться так, как это делает сейчас Италия. Хорваты — гордый народ. Они были бы напрямую связаны присягой верности фюреру. И тогда на них можно

¹ Ф о р с т е р Альберт (1902—1952) — гаулейтер Польши (1939—1945).

было бы положиться во всем. Когда передо мной стоял Кватерник¹, я созерцал тот самый тип хорвата, какой я всегда знал: непоколебимый в дружбе человек, чья клятва дана навеки. Хорваты ревностно следят за тем, чтобы их не сочли славянами. Как они уверяют, они являются потомками готов. А то, что они говорят по-славянски, — всего лишь недоразумение.

А такое возможно только в Германии. Мой нынешний министр юстиции — тот самый человек, который, будучи министром Баварии, засадил меня в Ландсберг. Бывший начальник этой тюрьмы стал главой исправительных учреждений Баварии. В то время я распорядился, чтобы наши люди не оставляли тюрьмы, не обратив вначале в национал-социализм весь тюремный персонал. Жена начальника Ландсберга стала пылким сторонником нашего движения. Почти все ее сыновья были членами Свободного корпуса «Оберланд». Что касается отца, — которому не было дано иметь свое мнение! — ему казалось правильным в то время, когда ему полагалось беситься на меня, проводить свои ночи в тюрьме, где он укрывался от домашних склок. Никто из охранников не вел себя враждебно по отношению к нам. Когда я был осужден в первый раз за то, что представлял угрозу общественной безопасности, нас там было четверо, и мы решили превратить тюрьму в цитадель национал-социализма. Мы все организовали так, что всякий раз, когда один из нас освобождался, туда садился другой на место уходящего товарища. В 1923 г., когда посадили Брюкнера, вся тюрьма уже была национал-социалистической, включая и дочерей начальника.

Преуспеть в жизни не так легко, а на некоторых людей проблемы наваливаются просто несправедливо. При несоответствии между требованиями к работе и способностями человека, с которого эта работа спрашивается, как можно ожидать от него работы с энтузиазмом? Всякий раз, как мы приезжаем в Биттерфельд, нам хочется лишь одного — уехать оттуда. Как можно требовать от работника в подобном месте, чтобы он отдавался своей работе с радостью и удовольствием? Для этих людей жизнь началась лишь с того момента, как они надели свои коричневые рубашки. Вот почему мы нашли в них таких фанатичных сторонников. Кроме этого, когда обнаруживаешь таланты в людях, вынужденных работать в таких условиях, самое лучшее, что можно сделать, это выбраться им из этого места. Наш долг — сгладить лежащий перед ними путь, несмотря на формалистов, которые всегда одержимы идеей пергаментных бумаг. Некоторые профессии требуют меньше теоретических знаний, чем для искусной и надежной работы. И если эти люди неуклюжи в своих манерах, разве это так важно? Эту погрешность можно быстро устранить.

В партии я множество раз сталкивался с такими проблемами, случающимися даже с людьми, которых мы держим на самых вы-

¹ К в а т е р н и к Славко (1876—1947) — министр обороны Хорватии.

соких постах. Бывшие сельскохозяйственные рабочие могут пройти тесты — и все-таки какая разительная перемена в сравнении с прежней жизнью! С другой стороны, мы находим второстепенную работу для чиновников, которые прошли обычную мельницу и из которых уже ничего нельзя выжать. Наименее приспособляющиеся люди — те, кто по характеру своему выбрали профессию, не требующую воображения, профессию, в которой постоянно повторяются одни и те же операции. Например, учителю нет необходимости повторять ежегодно преподавание алфавита. Если подобную личность попросить выполнить совершенно другую работу, это может привести к самым страшным ошибкам.

Нет нужды учить учителей в высшей школе. Занятия повышенного типа, а потом тридцать пять лет учить крестьянских детей, что Б-А произносится «БА», — это же потеря времени! Человек, сформированный на курсах усложненного обучения, не сочтет себя удовлетворенным каким-нибудь скромным постом. Поэтому я распорядился, чтобы обучение в обычных школах для учителей не заходило слишком далеко. Однако наиболее одаренные ученики будут иметь возможность продолжения обучения после этого за счет государства. Я пойду еще дальше. Для сержантов, уволенных из армии, будет проблематично устроиться на работу. Большая их часть может стать учителями в деревенских школах. Легче сделать учителя из бывшего солдата, чем офицера из учителя!

Те же отставные солдаты будут отличными преподавателями физкультуры. Но естественно, мы не прекратим пропускать учителей через курсы.

Отставные военнослужащие дают армии надежное подкрепление, в котором она нуждается. Слабость итальянской и румынской армий как раз в том, что они не имеют ничего подобного. Но, поскольку нельзя заставить этих людей провести всю жизнь в армии, важно создать для них привилегированное положение. Например, поставим их руководить сервисными станциями, точно так же, как раньше в старой Австрии им давали табачные лавки.

Секрет, тем не менее, в том, чтобы дать каждому шанс преуспеть в этой жизни, даже за пределами его основной профессии. В этом отношении Древний Китай остается моделью в этом отношении, поскольку учение Конфуция там все еще процветает. Самый бедный деревенский парень мог надеяться стать мандарином.

Совершенно неверно, что вся человеческая жизнь должна зависеть от диплома, который человек либо получает, либо нет в возрасте семнадцати лет. Я сам оказался жертвой этой системы. Я хотел поступить в школу изящных искусств. Первый вопрос экзаменатора, которому я представил свою работу, был: «Вы из какой школы изобразительного и прикладного искусства?» Он не смог поверить мне,

когда я ответил, что я не учился ни в какой школе, потому что он видел, что у меня неоспоримый талант в архитектуре. Мое разочарование было тем большим, поскольку мое первоначальное желание было стать художником. Подтвердилось, что у меня дар в архитектуре, и в то же самое время я узнал, что я не смогу поступить в специализированную школу, потому что у меня нет сертификата об образовании.

Поэтому я прекратил всякие попытки действовать в статусе самоучки и решил поехать в Германию и устроиться там. И так, полный энтузиазма, я приехал в Мюнхен. Я хотел отдать три года учебе. Моей надеждой было поступить к Хайльману и Литтману в качестве конструктора. Я вступил в первое состязание и сказал себе, что покажу всем, на что я способен! Вот почему, когда были опубликованы списки кандидатов с проектами нового здания оперного театра в Берлине и я увидел, что мой собственный проект был не хуже, чем опубликованные, мое сердце затрепетало. Я специализировался как раз в этом виде архитектуры. То, что я еще помню из этого сейчас, лишь бледная тень моих знаний в те времена.

Фон Клюге задал вопрос: «Мой фюрер, каковы были Ваши впечатления во время посещения Парижа в прошлом году?»

Мне очень приятно осознавать, что есть, как минимум, один город в рейхе, превосходящий Париж с точки зрения вкуса. Я имею в виду Вену. В старой части Парижа получаешь ощущение полной индивидуальности. Огромная панорама впечатляет. Годами я посылал своих коллег в Париж, чтобы приучить их к величию — на фоне времени, когда мы приступим на новом фундаменте к переделке и застройке Берлина. Сейчас Берлин просто не существует, но когда-нибудь станет красивее Парижа. Кроме Эйфелевой башни, в Париже нет ничего такого, что придает городу его особый характер, как, например, Колизей украшает Рим.

Я испытал облегчение, что нам не пришлось уничтожать Париж. Чем с большим спокойствием я обдумываю уничтожение Санкт-Петербурга и Москвы, тем больше я страдал бы при разрушении Парижа. Всякая законченная работа имеет ценность, как образец. Пользуешься возможностью научиться новому, замечаешь ошибки и стараешься впредь сделать лучше. Ринг в Вене не существовал бы без парижских бульваров¹. Он их копирует. Глубокое впечатление производит Дом инвалидов. В Пантеоне я испытал глубокое разочарование. Только бюсты можно было бы отстоять, но эти скульптуры — какое буйство раковых опухолей!

От Мадлен [церкви. — *Пер.*], со своей стороны, веет спокойным величием.

Вмешался Кейтель: «Помните, как мы смутились в «Опера», когда Вы пожелали посетить некоторые комнаты?»

¹ Р и н г (Ringstrasse) — бульварное кольцо в Вене.

Да, ощущение было странное. Комнаты, когда-то отводившиеся императору, были переделаны в библиотеки. Республика встала на защиту своих президентов от искушений в духе величия. С юности я знал о планах для «Опера». Столкновение с реальностью заставило меня задуматься и понять, что оперные здания в Вене и Дрездене были построены с большим вкусом. Интерьер парижской «Опера» украшен в чересчур насыщенном стиле.

Я прибыл с визитом самым ранним утром, между шестью и девятью. Мне не хотелось возбуждать население своим присутствием. Первый разносчик газет, который узнал меня, застыл с раскрытым ртом. Передо мной все еще стоит вид одной женщины в Лилле, которая увидела меня из своего окна и воскликнула: «Это Дьявол!»

Наконец, мы доехали до Сакре-Кёр. Это ужасно! Но в целом Париж остается одной из жемчужин Европы.

56

30 октября 1941 г., полдень

Кровавый спорт

Чувство отвращения, которое человек испытывает к змеям, летучим мышам и земляным червям, вероятно, зародилось еще у наших прародителей. Может, оно восходит к временам, когда животные этого рода, имея чудовищные размеры, наводили ужас на доисторического человека.

Я стал ненавидеть крыс с фронта. Раненый, покинутый на полосе между окопами, знал, что его съедят заживо эти отвратительные твари.

Фюрер оборачивается к группенфюреру Вольфу¹, который вернулся с охоты в Судетах, устроенной для графа Чиано² министром иностранных дел с участием рейхсфюрера СС и министра финансов.

Ф ю р е р. Ну и на кого вы охотились? На орлов, львов...

В о л ь ф. Нет, на обычных кроликов.

Ф ю р е р. Да, сейчас, должно быть, кролики веселятся. Воздух очистился.

Г е н е р а л Й о д л ь. И вы отнесли эту охоту к разряду «диких животных»?

В о л ь ф. Да.

Й о д л ь. Не будет ли правильнее назвать их «домашними животными»?

¹ В о л ь ф Карл (1900—1984) — один из высших офицеров СС, генерал-полковник (1945), с 1943 г. командовал войсками СС в Италии.

² Ч и а н о ди Кортеллаццо, граф (1903—1944) — итальянский дипломат.

Ф ю р е р. Полагаю, вы использовали разрывные пули...

В о л ь ф. Нет, обычные свинцовые.

Ф ю р е р. Вы, случайно, не убили или ранили кого-нибудь из загонщиков?

В о л ь ф. Нет, насколько я в курсе.

Ф ю р е р. Жаль, что нельзя использовать ваши первоклассные выстрелы против русских партизан!

В о л ь ф. Министр иностранных дел наверняка принял бы приглашение войти диверсионно-десантный отряд.

Ф ю р е р. Ну и какая добыча у Чиано?

В о л ь ф. Четыреста.

Ф ю р е р. Только четыреста! Если б только в течение своей летней биографии он сбил бы вражеских самолетов хотя бы на небольшой процент от этой величины! Ваша охота закончилась только этим избиением?

В о л ь ф. Охота — отличное средство для отдыха от работы: она заставляет вас забыть о всех проблемах.

Ф ю р е р. Разве необходимо зайцев и фазанов [убивать. — *Ред.*], чтобы отдохнуть? Радость убийства сближает людей. Это здорово, что мы не понимаем заячьего языка. Наверняка они между собой переговариваются на такой манер: «Он вообще не умеет бегать, этот жирный боров!» Что может старый заяц со всем его жизненным опытом подумать обо всем этом? Наверняка все заячье племя торжествует, когда видит, как подстрелен загонщик.

Й о д л ь. Человек нуждается в отвлечении. Его нельзя этого лишать, и трудно в этом плане установить границу его пристрастия. Важно, чтобы он наслаждался, не причиняя вреда окружающим.

Ф ю р е р. Уже два или три года существует мораторий на охоту на лис. Но ведь какой при этом нанесен ущерб! С одной стороны, их сберегают для охоты, что ведет к потере не знаю скольких сотен миллионов яиц; а с другой стороны, они входят в четырехлетний план. Какое-то безумие!

57

30 октября 1941 г., вечер

Острая критика Вильгельмштрассе¹. — Определение дипломата. — Некий американский посол

(Министерство иностранных дел только что передало фюреру рапорт, составленный представителем Вильгельмштрассе в зарубежной стране. Рапорт содержал энергичные формулировки по ситуации

¹ В и л ь г е л ь м ш т р а с с е — улица, на которой располагалась рейхс-канцелярия. Общее название всего комплекса правительственных зданий.

в Англии, но без указания, отражает ли он всего лишь взгляды английской оппозиции, доложенные немецким дипломатом, либо содержит его собственные комментарии на эту тему. Фюрер обращается к Хавелю¹, представителю Риббентропа при фюрере.)

Под эгидой министерства иностранных дел мы оказываем поддержку организации, одной из функций которой является держать нас в курсе того, что происходит за рубежом, — а мы ничего не знаем. Нас от Англии отделяет канава шириной тридцать семь километров, а мы не можем выяснить, что там происходит! Если вопрос изучить детальнее, поймешь, что огромные суммы, проглатываемые министерством, — абсолютная потеря. Единственная организация, которой мы выделяем иностранную валюту — другим платим «обоями», — должна, по крайней мере, добывать для нас какую-то информацию. Дипломат, по определению, — изысканное существо, которое не смешивается с простыми смертными. Да, вы лично, конечно, исключение, потому что оказались в нашей компании! Хотелось бы знать, в какой компании были бы вы, если б...

Такое отношение типично для карьерных дипломатов. Дипломаты вращаются в узком кругу. Поэтому только они знают, о чем говорится в обществе, в которое они вхожи.

Когда мне кто-нибудь со значением ссылается на «общепринятое мнение», я не понимаю, что он имеет в виду. Надо расчлнять и анализировать ходячие слухи. Кроме того, следует знать мнения, которых придерживается та или иная группа лиц, чтобы оценить относительную ценность этих элементов информации. Немногие могут предсказать ход развития событий — но что *по силам*, это предоставить информацию, касающуюся мнения такой-то и такой-то групп, или этой и другой. В своей профессии вы меряете людей по высоте их каблуков. Какой позор, если какой-нибудь из дипломатов оказался поселенным в третьеразрядный отель или путешествует на такси! И тем не менее, иногда было бы интересно оказаться на дальнем конце стола. Молодежь разговаривает более свободно, нежели мандарины.

Хавель возразил: «Но, мой фюрер, все это уже в прошлом!»

Вы защищаете свое заведение с рвением, достойным восхищения.

Зачем содержать такой штат в дипломатических представительствах? Я знаю, чем занимаются дипломаты. Вырезают статьи из газет и склеивают их вместе. Когда я впервые появился в рейхсканцелярии, я каждую неделю получал папку, набитую старыми вырезками. Некоторым из них было уже две недели. Через д-ра Дитриха² 2 июля я уже знал то, что министерство иностранных дел собиралось доложить мне 15-го!

¹ Хавель Отто (1900—1945) — дипломат.

² Дитрих Отто (1897—1952) — статс-секретарь министерства просвещения и пропаганды (1938—1945).

Современные посольства должны включать в себя, прежде всего, полдюжины молодых атташе, которые будут заниматься влиятельными женщинами. Это единственный способ быть постоянно в курсе событий. Но если эти молодые люди сентиментальны в поисках родственных душ, то пусть лучше остаются дома. У нас был парень по имени Людеке, который считался первоклассным агентом для критических точек: Иран, Ирак! Он говорил по-французски, по-английски, по-испански, по-итальянски, как на своем родном языке. Он бы был как раз тем, что нужно, для нынешней ситуации. Ничто от него не ускользало.

Как подумаешь о наших дипломатах за рубежом, что это за бедствие! А наш посол в Бельгии! Какая скромная персона!

Ведь только подумать! Никто во всем министерстве не сумел взять в свои лапы дочку бывшего американского посла Додда¹ — а ведь она совсем не из недотрог. Ведь это их работа, и она должна выполняться. Девушку следовало бы быстро покорить. Нечему, кстати, удивляться: какого поведения можно было бы ожидать от этих стариков с Вильгельмштрассе? Только одного. В старые добрые дни, когда мы хотели организовать осаду какого-нибудь промышленника, мы атаковали его через его детей. Слабоумный старик Додд, он был бы у нас в руках через свою дочь. Но, опять, чего можно ожидать от людей вроде наших?

Кейтель задал вопрос: «Так она хотя бы симпатичная?» Фон Путткамер² ответил: «Отвратительная!» Гитлер продолжает:

Но, мой дорогой друг, надо быть выше этого. Этого требует ваша квалификация. Иначе, спрашиваю вас, за что платить нашим дипломатам? В противном случае дипломатия станет не службой, а развлечением. И все это кончится свадьбой!

58

1 ноября 1941 г., вечер

Интересы государства и личные интересы. — «Нет» для государственных служащих

Необходимо срочно, в экономических целях, выработать статут, содержащий два принципа:

1. Интересы государства выше личных интересов.
2. В случае расхождения между интересами государства и личными интересами спор разрешается посредством независимой организации в соответствии с интересами немецкого народа.

¹ Имеется в виду посол США в Германии (1933—1937) историк Уильям Додд (1869—1940).

² П у т т к а м е р Карл фон — адмирал, представитель ВМФ при ставке Гитлера.

Государство не может быть независимым и обладать неоспоримой властью, если лица, имеющие интерес в частном предпринимательстве, не отстранены от контроля над общественными делами — простого факта владения акциями в частной компании вполне достаточно. Всякая личность должна иметь альтернативу: либо вернуть их, либо оставить государственную службу. Слуги государства не должны быть никоим образом вовлечены в финансовые спекуляции. Если у вас есть деньги, купите на них недвижимость либо инвестируйте их в государственные ценные бумаги. Тогда их ценность будет связана с будущим государства. В конце концов, гарантия, предоставляемая этим инвестициям, делает их более доходными в долгосрочной перспективе, чем вложения в частный сектор, который неизбежно подвергнут взлетам и падениям.

Эти правила применимы к членам рейхстага, работникам государственного сектора, кадровым чиновникам и партийным руководителям. Эти люди должны быть полностью независимы от интересов, чуждых государственным. Мы видим, к чему приводит, если позволить себе распушенность в этом деле. Англия не вступила бы в войну, если бы у Болдуина и Чемберлена¹ не было интересов в производстве вооружений. Таким же образом начался декаданс королевских домов.

59

Ночь с 1 на 2 ноября 1941 г.

Слепая машина администрации. — Колеблющийся разум юристов. — Управление партией. — Похвала личным качествам. — СС и расовый отбор. — Реформа судебных органов

Наша государственная машина часто совершает грубые ошибки. Однажды мэр Лейпцига Герделер решил подать в отставку. Причина была в том, что он хотел организовать на улицах электрическое освещение, а Берлин был против этого: было обязательно придерживаться газового освещения. Я изучил этот вопрос и выяснил, что это ослиное по упрямству решение было принято по подказке выскочки-юриста в министерстве внутренних дел!

Не так давно чиновник из министерства пропаганды оспорил право одного человека, который построил здание оперного театра в Мюнхене, носить титул архитектора на том основании, что тот не

¹ Б о л д у и н Стэнли (1867—1947) — английский политический (консерватор) и государственный деятель, премьер-министр (1924—1929 и 1935—1937), глава сталилштейновой фирмы «Baldwins Limited». Ч е м б е р л е н Невилл (1869—1940) — английский политический (консерватор) и государственный деятель, премьер-министр (1937—1940), предприниматель.

состоит ни в одной из профессиональных организаций. Я немедленно положил конец этому скандалу.

Я не удивляюсь, что страна полна ненависти к Берлину. Министерства должны управлять сверху, не вмешиваясь в мелочи исполнения. Государственная служба достигла точки, в которой превратилась в слепую машину. Мы не выберемся из этого состояния дел, пока не решимся на массовую децентрализацию. Даже механическое расширение территории рейха вынуждает нас сделать это. Нельзя полагать, что правило, применимое к старому рейху или его части, автоматически применимо, скажем, к Киркенесу или к Крыму. Невозможно управлять этой гигантской империей из Берлина и методами, которые использовались до сих пор.

Главное условие для децентрализации в том, что надо отказаться от продвижения по старшинству в пользу назначения на посты. Первая система просто означает, что, как только какой-нибудь чиновник попал в нее, он может регулярно подниматься по служебной лестнице вне зависимости от своих личных способностей. Это также означает невозможность для особо одаренных людей перескакивать через ступеньки, когда это было бы желательно.

Что касается зарплаты, я также того мнения, что надо использовать новые методы. Доплаты к основной зарплате должны быть в обратной пропорции числу сотрудников, работающих на главу этого подразделения. Доплата будет тем выше, чем меньше работников в данном департаменте. Таким образом он избежит искушения видеть спасение только в умножении числа своих подчиненных.

Когда мы дойдем до перестройки Берлина, я расположу министерства в относительно ограниченных по площади кварталах и буду сам составлять бюджеты для их внутренних расходов. Когда подумаешь об организации партии, которая была всегда примером со всех точек зрения, или об организации государственных железных дорог, которые лучше управляются — к большому неудовольствию господина Фрика¹, — я все отчетливее вижу слабости наших министерств. Фундаментальная разница между первыми и последними состоит в том, что у первых есть достаточно квалифицированный младший персонал. На должности людей назначают только в соответствии с их талантом, а не в силу титулов, которые часто не более чем ничего не стоящие клочки бумаги.

В основе всякого успеха в этой войне лежит личная заслуга солдата. Это доказывает справедливость системы, которая при продвижении по службе учитывает только реальные способности. Для Верховного командования эта способность означает дар использо-

¹ Фрик Вильгельм (1877—1946) — министр внутренних дел (1933), один из создателей системы концлагерей, гражданский уполномоченный по вопросам администрации (1939—1945).

вать каждого человека в соответствии с его личными возможностями, пробудить в нем стремление целиком посвятить себя общему делу. Это совершенно противоположно тому, что сегодня государственная служба практикует по отношению к гражданам как в законодательстве, так и в применении законов. В имитации того, что обычно делалось в старое доброе время в нашем полицейском государстве, государственная служба даже сегодня рассматривает граждан как политически незначительных субъектов, которых положено держать на поводке.

Особенно в сфере правосудия важно располагать судебной системой, наиболее однородной по возможности. Надо придать органам правопорядка определенное однообразие с расовой точки зрения — и мы можем ожидать от магистратуры разумного воплощения концепций государства. Возьмем, например, акт насилия, совершенный под прикрытием затемнения. Скандинавский (северный) судья, национал-социалистическая тенденция сразу же определяет серьезность этого типа преступления и угрозу, которое оно представляет для общества. Судья — выходец из наших районов на востоке имеет склонность изучать факты сами по себе: выхваченный из рук рюкзак, украденные несколько марок. Невозможно выправить нынешнее состояние дел, если плодить и усложнять законы. С одной стороны, невозможно закодировать все, а с другой стороны, получить письменную гарантию, что закон будет в каждом случае применен со всей целесообразностью. Если нам удастся собрать воедино всю судебскую элиту с учетом расы, мы сможем ограничиться изданием указаний вместо того, чтобы самим залезать в смиренную рубашку кодификации. Тогда каждый судья сможет действовать в соответствии со своим собственным здравым смыслом.

Англичане, можно сказать, конституции не имеют. Ее им заменяет неписанный закон, который живет в каждом из них, укоренившись за долгое время использования. Надежность, которая ощущается за этим неписанным законом, дает каждому англичанину то чувство гордости на уровне нации, которое ни в малейшей степени не существует у какого-либо другого народа. Мы, немцы, также должны прийти в результате к тому, что каждый судья будет похож на другого судью, даже внешне.

Я ни на один миг не сомневаюсь, несмотря на скепсис некоторых, что через сто лет или около этого вся германская элита будет порождена нашими войсками СС, ибо только СС практикует расовый отбор. Как только будут выработаны условия расовой чистоты, уже не будет иметь значения, из какого региона является выходцем этот человек, приехал ли он из Норвегии или Австрии.

Вместо скамеек муниципальных судей и присяжных мы назначим единственного судью, которому будем хорошо платить. Он станет образцом для подражания и властелином молодежи, которая

захочет достичь такого же высокого социального положения. Что необходимо судье, так это характер.

Бедствие, от которого нам, в любом случае, надлежит сразу же освободить суды, — это количество дел по поводу оскорблений. Можно вынести решение, что такого рода иски будут приниматься только по истечении срока от четырех до шести недель. Тем временем стороны примирятся, и этот вид судебных дел исчезнет из реестров.

Со временем мы достигнем всего этого и другого.

60

2 ноября 1941 г., полночь

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР

Браконьеры на государственной службе. — Вербовка штурмовых отрядов. — Социальная справедливость превыше всего. — Долой кастовые привилегии. — Массы — источник элиты. — Берите лидеров оттуда, где их находите

В старой доброй Австрии было две профессии, на которые намеренно отбирали людей, отбывших наказание: офицеры таможни и егеря. Когда выносился приговор контрабандистам, им давался выбор: либо отсидеть срок, либо стать офицерами таможни. А браконьеров делали егерями. У контрабандиста и егеря есть что-то общее в крови. И это разумно — дать авантюристам возможность спустить пар. Кто-то займется журналистикой, кто-то эмигрирует. Оставшийся в стране рискует вступить в конфликт с законом.

Криминальная полиция в Австрии была вне всяких подозрений. Трудно понять, почему это было так, поскольку страна была весьма серьезно заражена балканским менталитетом. Должно быть, кто-то однажды оставил свою личную печать на австрийской полиции, и с тех пор она не стерлась.

В 1923 г. в моих штурмовых отрядах имелись необычные элементы — люди, пришедшие к нам с мыслью вступить в движение, которое быстро развивалось. Такие элементы в мирное время неприменимы, но в турбулентные периоды — совсем другое дело. На данном этапе эти веселые бандиты были для меня незаменимыми помощниками. Пятьдесят буржуа не стоят и одного из них. С какой слепой уверенностью шли они за мной! В принципе это были просто дети-переростки. А своей предполагаемой жестокостью они были обязаны большей близости к природе.

Во время войны они дрались штыками и бросали ручные гранаты. Один к одному они были незатейливые создания. Они не могли позволить продать страну каким-то мерзавцам — продуктам нашего поражения. С самого начала я знал, что партию можно построить только из подобных элементов. Как я стал презирать буржуазию! Если какой-нибудь буржуа давал мне пожертвование в сто или двести тысяч марок, то считал, что подарил мне целую Голконду. Но эти отличные парни, на какие жертвы шли они! Весь день за работой, а ночью — на задании партии, и всегда сердце у них было в нужном месте. Я специально разыскивал людей с растрепанной внешностью. Конечно, у нас были фанатики и среди хорошо одетой публики. Более того, коммунисты и мы были единственными партиями, в которых были женщины, которые ни от чего не морщились. С такими прекрасными людьми можно захватить государство.

Я всегда знал, что прежде всего надо решить социальный вопрос. Притворяться, что проблемы не существует, — значит поставить себя на место человека XVII или XVIII века, утверждающего, что не стоит отменять рабство. Людям вроде Шарнхорста и Гнейзенау¹ пришлось упорно сражаться, чтобы ввести воинскую повинность в Пруссии. На политическом уровне нам пришлось вести такую же войну. Пока существовали социальные классы, было невозможно высвободить силы нации.

Я всегда говорил своим сторонникам, что наша победа была математически выверена, потому что, в отличие от социал-демократии, мы никого не отвергали из национального сообщества.

Наша нынешняя борьба — всего лишь продолжение на международном уровне войны, которую мы ведем у себя на национальном уровне. Пусть каждый на своем месте постарается делать все возможное, зная при этом, что в любом случае мы продвигаем вперед лучших; и так люди превосходят самих себя и превосходят других. Ничто с нами не случится, если мы останемся верными этим принципам, но надо уметь продвигаться шаг за шагом, разведывать территорию и устранять одно за другим препятствия, которые там найдутся.

Если пренебречь обращением к народу, выбор будет в основном ограничен интеллектуалами. Нам будет не хватать грубой силы. Грубую силу составляют крестьяне и рабочие, потому что небезопасная повседневность удерживает их близ природного состояния. Дайте им мозги в придачу и тогда превратите их в несравнимых людей действия.

¹ Генерал Герхард Шарнхорст (1755—1813) и фельдмаршал Август Гнейзенау (1760—1831) в начале XIX в. разработали проект реорганизации армии. Осуществлен в 1813 г.

Прежде всего, мы не должны позволить нашей элите стать исключительным обществом.

Сын какого-нибудь чиновника в пятом или шестом поколении обречен стать адвокатом. Там, по крайней мере, никакой ответственности! И какую роль может сыграть нация, управляемая людьми такого сорта — людьми, которые должны все взвешивать и анализировать? Историю с такими людьми просто невозможно делать. Мне нужны грубые, мужественные люди, готовые пронести свои идеи до конца, что бы ни случилось. Упорство — чисто вопрос характера. Когда это качество сопровождается интеллектуальным превосходством, результат достигается потрясающий.

Буржуи, с которыми мы флиртовали во время нашей борьбы, были всего-навсего эстетами. Но мне нужны были патриоты, готовые отдать тело и душу, люди, готовые как разогнать митинг коммунистов, так и управлять провинцией.

На войне происходит то же самое. Интересующий меня командир — это тот, кто платит собственной шкурой. Стратег без грубой силы — ничто. Лучше грубая сила без стратега!

Интеллект находит убежище в технике: он бежит от полного покоя, когда наращиваешь жир и глупеешь. Поскольку частное предприятие приспособляется к такой же эволюции (сегодня главы фирм уже почти все — бывшие фабричные рабочие), можно прийти к следующей парадоксальной ситуации: администрация состоит из кретинов, а частные компании способны создать мозговой трест. Так что, чтобы сохранить свою роль, чиновники из-за отсутствия интеллекта будут обладать лишь властью, которую они получили вместе со своими функциями.

Военное подразделение нуждается в командире, и солдаты всегда, не колеблясь, признают качества, которые делают человека командиром. Человек, неспособный командовать, обычно не испытывает желания заниматься этим делом. Если дать власть идиоту, его подчиненные не замедлят превратить его жизнь в тягость.

Если в истории Германии никогда не было эквивалента Французской революции, то лишь потому, что когда-то существовали Фридрих Великий и Иосиф II.

Католическая церковь руководствуется принципом укомплектования своего духовенства за счет всех классов общества, не делая дискриминации. Простой пастух может стать кардиналом. Вот почему церковь остается воинствующей.

На моей маленькой родине сто лет назад епископ был сыном крестьянина. В 1845 г. он решил построить кафедральный собор. В городе насчитывалось двадцать две тысячи жителей. Собор рассчитывался на то, чтоб вместить двадцать три тысячи. Стоил он двадцать восемь миллионов золотых крон. Пятьдесят лет спустя протестанты построили свою самую большую церковь в столице провинции. Они затратили только десять миллионов.

2 ноября 1941 г., вечер и ночь со 2 на 3 ноября

Немецкий — язык Европы. — Подавление готического шрифта. — Европейская восточная граница. — Постоянство германской расы. — Обезлесение Италии и плодородие на севере. — Нордические территории в римские времена

Через сто лет наш язык станет языком Европы. Страны к востоку, северу и западу будут учить немецкий, чтобы общаться с нами. Условие для этого таково, что так называемый готический шрифт определенно уступит место тому, что мы привыкли именовать латинскими буквами, а сейчас называем нормальными. Уже видно, как были мы правы, сделав это решение прошлой осенью. Человеку, который хочет выучить русский язык (а мы *не совершим* ошибки, делая это), сложно привыкнуть к самому алфавиту, отличному от нашего. Кстати, я не верю, что мы жертвуем каким-либо сокровищем нашего наследия, отказываясь от готического написания. Нордические руны были написаны буквами, более похожими на греческие. Почему эти причудливые украшения обязаны быть неотъемлемой частью германского гения?

В старые времена Европа простиралась до южной оконечности полуострова Греции. Потом Европа стала сливаться с границами Римской империи. Если Россия исчезнет в этой войне, Европа будет простираться на восток до пределов германской колонизации.

На восточных территориях я заменяю славянские географические наименования на немецкие. Например, Крым может называться Готенланд.

Там и тут среди арабов можно встретить людей с белокурыми волосами и голубыми глазами. Это потомки вандалов, которые оккупировали Северную Африку. Тот же самый феномен наблюдается в Кастилии и Хорватии. Кровь не исчезает.

Нам нужны названия, которые закрепят наши права на две тысячи лет вперед.

Хотел бы напомнить тем, кто говорит о «необитаемых восточных территориях», что в глазах древних римлян вся Северная Европа являет собой зрелище заброшенности. Германия еще станет улыбающейся страной. Точно так же Украина станет прекрасной, когда мы примемся там за работу.

Плодородием нашей земли мы обязаны вырубкам леса в Италии. Если бы не это, теплые ветры с юга не доходили бы до нас. Две тысячи лет назад Италия была покрыта лесами, и можно себе представить, как должны были выглядеть наши некультивируемые земли.

Римская империя и империя инков, как и все великие империи, начались с сети дорог. Сегодня автомобильная дорога вытесняет железную. Автодорога побеждает.

Воистину удивительна скорость, с которой передвигались римские легионы. Дороги проложены прямо через горы и холмы. Наверняка войска находили отлично подготовленные лагеря в конце каждого перехода. Об этом дает представление древний лагерь в Заальбурге.

Я побывал на выставке Рима императора Августа. Это очень интересное зрелище. В Римской империи никогда не было ничего подобного. Суметь абсолютно править в мире! И ни одна империя так не распространила цивилизацию, как это сделал Рим.

Мир перестал быть интересным, когда люди начали летать. До того времени на карте оставались белые пятна. И загадки исчезли, все кончилось. Завтра Северный полюс превратится в перекресток дорог, а над Тибетом уже летают.

62

5 ноября 1941 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР, ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС БЛАШКЕ¹ И Д-Р РИХТЕР

Характеристики преступника. — Обычный преступник опасен в военное время. — Неверная карательная система. — Малолетние преступники и старые каторжники. — Процедура апелляции

Наша карательная система в результате ведет лишь к сохранению преступников.

В обычное время в этом нет опасности. Но когда общественное устройство под угрозой из-за войны или голода, это может привести к невообразимой катастрофе. Огромная масса народу, в целом — пассивный элемент. С одной стороны, идеалисты представляют собой положительную силу. Преступники, с другой стороны, олицетворяют негативный элемент.

Если б я потерпел сохранение преступников в то время, когда лучшие из нас погибают на фронте, я б уничтожил баланс сил во вред здоровому элементу нации. Это стало бы триумфом сброса.

Если страна потерпит поражение, она окажется под риском того, что горстка преступников, находившаяся под прикрытием, может лишить бойцов всех плодов их жертв. Это мы уже пережили в 1918 г.

¹ Б л а ш к е Гуго — профессор, личный стоматолог Гитлера.

Единственное средство в такой ситуации — без колебаний вести смертную казнь для такого типа преступников.

В Вене до войны на берегах каналов обычно обитало более восьми тысяч человек. Как только послышался грохот революции, эти крысы в человеческом облике повылазили из своих щелей и стали буяннить. В Вене до сих пор есть такие трущобные типы, каких не найти нигде еще. Опасно позволять этим отбросам собраться воедино.

Никакой судья, священник или политик не превратит закоренелого преступника в полезного гражданина. Иногда преступника можно спасти, но лишь в исключительных случаях.

Преступник очень хочет, конечно, подыграть нормальным людям, которые хотят спасти правонарушителей, ибо он видит в этом шанс спасти свою шею. А потом он все равно сбежит и вернется к прежним сообщникам.

Вся наша система наказаний — сплошной бардак. Юные правонарушители из респектабельных семей не должны отбывать наказание вместе с неисправимыми тварями. Это уже плюс, что в тюрьмах молодежь делится на группы. В любом случае, я верю в применение в отдельных случаях, как и ранее, коллективного наказания вместо тюремного заключения. Тогда молодые преступники не окажутся под риском испортиться от контакта с закоренелыми преступниками. Хорошая порка не повредит семнадцатилетнему юнцу, и часто этого будет достаточно. Мне повезло, что на своем жизненном пути я повидал многое и изучил все эти проблемы в реальной жизни. Например, в ландсбергской камере я смог проверить правильность этих мыслей.

Молодой человек из Нижней Баварии, который скорее отрезал бы себе руку, чем украл, вошел в тесную связь с одной девушкой и посоветовал ей пойти к врачу и сделать аборт. За это его осудили на восемь месяцев тюрьмы. Конечно, иногда наказание необходимо. Но если б ему устроили хорошую взбучку и отпустили, он бы усвоил этот урок. Это был приятный парень. Он часто говорил нам, что для его семьи это позор, который она никогда не испытывала, что сын сидит в тюрьме. Мы старались успокоить его. И в конце концов он написал нам письмо с благодарностью за то, что мы сделали для него, и сказал, что никогда не забудет этого, и обещал, что никогда впредь не совершит даже малейшего зла. Заканчивал письмо, сообщая, что у него есть единственное желание: вступить в партию. Подпись: «Хайль Гитлер!» Это письмо перехватила тюремная цензура и устроила детальный и надоедливый допрос.

Но там есть и по-настоящему плохие личности. Каждый из них отнимал у адвоката, как минимум, половину времени. Были и «зимники», ежегодные клиенты, которых тюремная охрана встречала даже с некоторым удовольствием, и те сами испытывали некоторую радость, вновь оказываясь в своих прежних камерах. Также я вспо-

минаю некоторые письма от заключенных, адресованные уважаемым людям, — письма, терзающие ваше сердце: «Теперь я понял, что происходит, когда перестаешь делать так, как учит религия». А далее идет ссылка на такую-то изумительную проповедь тюремного капеллана. Однажды мои люди посетили такую проповедь. Человек Бога говорил о выполнении супружеских обязанностей с дрожью в голосе!

Когда возникает вопрос о досрочном освобождении некоторых заключенных, во внимание принимается все, и эти проявления покаяния играют не последнюю роль. Благодаря этой игре многие клиенты покидают тюрьму до истечения срока приговора.

Я совершенно не согласен с процедурой, которой придерживаются в Германии касательно дел, поданных на апелляцию. Суд более высокой инстанции выносит решение на основе доказательств, полученных судом низшей инстанции, и эта практика имеет много недостатков. В десятках случаев, с которыми я был знаком, ни разу приговор низшей инстанции не отменялся. Мышление судьи высшей инстанции автоматически препятствует этому. По моему мнению, последний должен быть ознакомлен лишь с официальным документом обвинения или жалобы и должен сам пройти с самого начала через все расследование. Прежде всего, он обязан быть человеком более высокого типа. Цель судьи — установить истину. Поскольку он всего лишь человек, он может достичь этого с помощью своей интуиции — если она у него есть.

63

5 ноября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС БЛАШКЕ И Д-Р РИХТЕР

Солдаты Цезаря были вегетарианцами. — Диета и долгожительство. — Продукты первой необходимости и стерильная диета. — Рак — болезнь дегенератов. — Лишенные наследства регионы и их жители. — Привилегированная каста «охотников на львов». — Илоты Спарты. — Прогресс германской расы. — Обнищавший пролетариат Европы. — Рецидив антисемитизма в Британии. — Расовая доктрина, камуфлированная под религию. — Особенности еврейского мышления

Есть интересный документ, датированный эпохой Цезаря, из которого следует, что солдаты в те времена жили на вегетарианской диете. Согласно тому же источнику, эти солдаты прибегали

к мясу лишь в периоды дефицита. Известно, что древние философы уже рассматривали переход от черной овсяной каши к хлебу как признак декаданса. Викинги не осуществили бы свои легендарные экспедиции, если бы зависели от мясного рациона, потому что не умели консервировать мясо. Тот факт, что наименьшее воинское подразделение было отделением, объясняется тем, что у каждого солдата была крупорушка. Поставщиком витаминов был лук.

Возможно, в давние дни человек жил дольше, чем сейчас. Поворотный момент наступил, когда человек заменил сырую пищу в своей диете продуктами, которые он подвергает стерилизации при еде. Гипотезу, что человек должен жить дольше, похоже, подтверждает несоответствие между его кратким периодом жизни в зрелом возрасте, с одной стороны, и периодом роста, с другой стороны. Собака в среднем живет в восемь—десять раз дольше, чем период ее роста. При таком соотношении человеку положено нормально жить от ста сорока до ста восьмидесяти лет. Можно сказать наверняка, что в странах вроде Болгарии, где народ питается в основном мамалыгой, йогуртом и другой подобной пищей, люди живут дольше, чем в наших краях. И это притом, что крестьяне вовсе не соблюдают правил гигиены. Вы когда-нибудь видели, чтобы крестьянин открывал окна?

Все живущее на земле питается живыми существами. Так называемые «болезни цивилизации» объясняются тем, что человек подвергает свою пищу физико-химической обработке. Если сейчас средняя продолжительность жизни растет, то это благодаря тому, что люди вновь стали пользоваться чисто природной диетой. Это — крутой перелом. Я никак не верю, что жиры, извлекаемые из угля, имеют ту же ценность, что оливковое масло! Наверняка лучше применять синтетические жиры для производства, например, мыла.

Не исключено, что одна из причин рака порождена вредностью жареной и вареной пищи. Мы поставляем своему телу питание в той или иной степени пониженного качества. На сегодня причина рака неизвестна, но возможно, что его причины находятся там, где в неправильно питающемся организме для них условия наиболее благоприятны. Мы вдыхаем микробы, которые приводят к простудам или туберкулезу, но не все из нас ходят с насморком или туберкулезом.

Природа, создавая живое существо, дает ему все необходимое для жизни. Если это существо не может жить, то это либо потому, что оно атаковано извне, либо ослаблено его внутреннее сопротивление. В случае человека его делает уязвимым, главным образом, вторая вероятность.

Жаба — это дегенерировавшая лягушка. Кто знает, чем она питается? Наверняка веществами, ей неподходящими.

Удивительно, как людям не хватает логики. Менее всего логичны профессоры. Через две тысячи лет, когда они изучат происхождение человека на Украине, они заявят, что мы произошли из районов болот. Они не способны увидеть, что вначале на болотах не было никого и что мы изгнали аборигенов на Припятские болота, чтобы обосноваться на их плодородных землях.

В Баварии на плодородных землях живут внешне симпатичные люди. С другой стороны, в отдаленных долинах найдешь чахлах, низкорослых людей. Тем не менее, мужчины красивее женщин, но они удовлетворяются тем, что имеют. За неимением гербовой пишут на простой! Не помогло и то, что там прошли орды гуннов. Должно быть, фон Кар¹ — потомок этого народа. Он был вылитый гунн.

У крестьянина нет склонности к романтизму. Он придерживается земного реализма. Он ведет себя как горожанин, не интересующийся архитектурой магазинов, в которых делает покупки.

У всех нас предками были крестьяне. Среди них не было охотников; охотники — это выродившиеся крестьяне. В старое время на того, кто занимался охотой, смотрели как на бесполезное существо, если только он не охотился на медведей и волков. В Африке в племени масаев² охотники на львов считаются привилегированной кастой, и их очень почитают.

Когда население становилось чересчур многочисленным, люди уезжали в эмиграцию. Вовсе не надо было эмигрировать всем племенем. В Спарте шесть тысяч греков правили тремястами сорока пятью тысячами илотов. Они пришли завоевателями и взяли все.

В тот день, когда я отправился в лес, где обычно природа навевает сказочные картины, я изменил свои идеи толкования событий нашей мифологии. В этих лесах можно встретить только идиотов, в то время как вокруг, в долине Рейна, можно увидеть прекрасные образцы человеческой природы. Я понял, что германские завоеватели изгнали местных жителей в горные заросли, чтобы самим устроиться на их плодородных землях.

Что значат в жизни народов две тысячи лет? По очереди доминировали Египет, греческий мир, Рим.

Сегодня мы возобновляем эту традицию. Германская раса завоевывает все больше и больше. За последние двести лет значительно возросло число немцев, и это неоспоримо, что раса становится все красивее. Достаточно посмотреть на детей.

Мы не должны поддаваться миру южных стран. Это специальность итальянцев. Их климат оказывает на нас смягчающий эффект. Точно так же южанин не может устоять перед нашим климатом.

¹ Кар Густав (1862—1934), будучи генеральным комиссаром Баварии, в 1923 г подавил «пивной путч». Убит нацистами во время «ночи длинных ножей».

² М а с а и — племя, живущее на территории Танзании.

Пятьдесят лет назад в Крыму почти половина земли находилась в немецких руках. Население состояло, во-первых, из германского элемента готического происхождения; потом татар, армян, евреев, а русские были на самом последнем месте. Мы должны вкопать свои корни глубоко в эту землю.

С социальной точки зрения самыми болезненными общностями в Новой Европе являются: первая Венгрия, потом Италия. В Англии массы не ведают, в каком порабощенном состоянии они живут. Но это класс, которым надлежит править, потому что он ниже в расовом отношении. А Англия не выживет, если исчезнет ее правящий класс. Для простого человека жизнь крайне трудна. Они даже не могут сами себя прокормить. Где там искать крестьянство? В рабочем классе?

Англичане ввязались в самую идиотскую войну, какую только могли! Если она плохо закончится, среди них вспыхнет антисемитизм — сейчас он дремлет. И он разгорится с невообразимой жестокостью.

Конец войны принесет евреям окончательное крушение. Еврей — это воплощение эгоизма. И их эгоизм заходит так далеко, что они даже не способны рискнуть жизнью ради спасения своих наиболее важных ценностей.

У евреев начисто отсутствует интерес к вещам духовным. Если в Германии они притворяются, изображая склонность к литературе и искусству, то это только из снобизма и любви к игре. Евреи не воспринимают искусство, и у них нет чувствительности. Говорят, евреи достигают очень высокого культурного уровня, если не живут группой! Например, возьмите Нюрнберг: там в течение четырехсот лет, т. е., скажем, до 1838 г., не было ни одного жителя-еврея. Результат: место в первых рядах немецкой культурной жизни. Соберите евреев вместе: через триста лет они пожрут друг друга. Там, где у нас философ, у них — крючоктвор-талмудист. Что для нас является стремление постичь суть вещей, для еврея становится поводом для словесного плутовства и демонстрации ловкости рук. Его единственный талант — пережевывание идей, чтобы скрыть свои мысли. Он заметил, что ариец глуп до невероятного, принимая на веру все в вопросах религии, как только признана идея Бога. У арийца вера в загробный мир часто принимает детскую форму; но эта вера не означает стремления углубить понимание предмета. Человек, не верящий в существование загробного мира, не понимает религии. Величайший трюк еврейства состоял в том, чтобы исподволь обманным путем обосноваться среди других религий со своим иудаизмом, который в реальности вообще не религия. Короче, евреи надели религиозный камуфляж на свою расовую доктрину. Все, что они совершают, построено на этой лжи.

К чести евреев, они развратили греко-римский мир. Прежде для выражения мыслей использовали слова; евреи использовали сло-

ва и изобрели искусство маскировки мыслей. Ложь — их сила, их оружие в борьбе. Говорят, евреи — одаренные люди. Их единственный дар — плутовство с собственностью других и надувательство всех и каждого. Предположим, я найду картину, по моему мнению, нарисованную Тицианом. Я говорю хозяину, что думаю о ней, и предлагаю ему свою цену. В таком случае еврей начнет с заявления, что картина бесценна, что он переплатил за нее и продает ее с прибылью 5000%. Убедить человека, что ценная вещь ничего не стоит и наоборот, — это не признак интеллекта. Ведь они не могут преодолеть даже малейший экономический кризис!

У еврея талант запутать простейший вопрос, чтобы всех сбить с толку. И наступает момент, когда никто ничего больше не понимает в этом деле. Чтобы сообщить вам что-то совершенно незначительное, еврей затопит вас в потоке слов. Пробуете проанализировать, что он сказал, и понимаете, что все — вздор. Еврей использует слова, чтобы выставить своих соседей в смешном свете. И поэтому народ называет евреев «профессорами».

Закон жизни гласит: «Бог помогает тому, кто сам помогает себе!» Это настолько просто, что каждый в этом убежден, и никто не удосуживается запомнить это. Но еврей преуспевает в награждении самого себя за свою речистость. На момент перестаньте следить за его речью, и сразу же все подмостки рухнут. Я всегда говорил, что евреи — самые дьявольские создания из существующих и в то же время самые тупые. Они не могут произвести из своей среды ни музыканта, ни мыслителя. Никакого искусства, ничего, меньше чем ничего. Это лжецы, фальшивомонетчики, жулики. Своими успехами они обязаны только глупости своих жертв.

Если б арийцы не держали евреев в приличном виде, они были б такими грязными, что не смогли б открыть глаза. Мы без евреев прожить сможем, но они без нас — нет. Когда европейцы это поймут, они все одновременно ощутят связующее их чувство солидарности. Евреи мешают этой солидарности. Они живут за счет того, что этой солидарности не существует.

64

Ночь с 10 на 11 ноября 1941 г.

Посредственные чиновники на восточных территориях. — Ордена и награды как следствие. — Орден партии

Государственная служба — прибежище для посредственностей, ибо государство не применяет критерия превосходства при найме и использовании персонала.

Партия должна позаботиться о том, чтобы не копировать государство. На самом деле ей надо следовать противоположным путем.

Мы не хотим никакого рода статуса в партии наподобие статуса чиновников. Никто в партии не может иметь права на автоматическое продвижение. Никто не может заявить: «А теперь моя очередь!» Приоритет отдается таланту, только это правило мне известно! Придерживаясь этих принципов, партия всегда будет иметь верховенство над государством, потому что во главе себя имеет наиболее активных и решительных людей.

Среди орденов и медалей есть три, действительно имеющие ценность: Mutterkreuz (Крест матери), Dienstauszeichnung (Награда за службу), Verwundetenabzeichen (знак отличия раненых). Превыше всех — Mutterkreuz в золоте; это самая лучшая награда из всех. Она дается вне зависимости от общественного положения — жене крестьянина или жене министра. Со всеми другими наградами, даже если, как правило, они даются на очевидных основаниях, бывают случаи фаворитизма. В Первую мировую войну я не носил свой Железный крест 1-го класса, потому что видел, как им награждают. У нас в полку служил еврей по имени Гутман, отъявленный трус. И у него был Железный крест 1-го класса. Это было возмутительно. Я не решался надевать свою награду до того, как возвратился с фронта и увидел, как красные обращаются с солдатами. И тогда в знак протеста стал его носить.

В армии часто задавали этот вопрос: «Можно ли вручать подчиненному награду, которую его командир не имеет?» В наши дни мы делаем это с большей легкостью, чем это было в Первую мировую; но в этом вопросе трудно избрать правильную линию поведения. Можно быть храбрым солдатом и не иметь никаких способностей в командовании подчиненными. Можно вознаградить мужество Рыцарским крестом без последующего повышения в звании. Более того, для проявления мужества человек должен оказаться в благоприятных обстоятельствах. Командование, с другой стороны, предполагает склонность к этому делу и компетентность. Хороший командир может заработать только дубовые листья. Что для него важно, это подняться в звании. Летчик-истребитель получает мечи с бриллиантами. Командующий воздушным флотом их не имеет и не может иметь. К Рыцарскому кресту должен прилагаться пансион — на случай, если его владелец не сможет зарабатывать на жизнь. Это просто долг нации обеспечить, чтобы жена и дети отличившегося солдата не испытывали нужды. Эту проблему можно решить, наградив Рыцарским крестом посмертно.

Во избежание всякого возможного обесценивания я собираюсь учредить орден партии, которым будут награждаться только в самых исключительных случаях. И тогда поблекнут все остальные награды. Государство может жаловать чем пожелает: наша награда будет самой красивой в мире не только по форме, но и из-за престижа, который ей будет придаваться. Организация ордена партии включит в себя совет и суд, которые будут полностью независимы друг от друга, и

оба будут подчиняться непосредственно фюреру. И таким образом, данное отличие никогда не попадет лицам, этого недостойным.

Бывают случаи, в которых никто не знает, как наградить лидера, проявившего выдающиеся достоинства. Подвиги двухсот награжденных Рыцарским крестом ничто в сравнении с заслугами такого человека, как Тодт.

Поэтому в партии должна установиться традиция раздачи наград только с соблюдением крайней бережливости. Наилучший способ достижения этой цели — связать данную награду с выдачей пансиона.

Партийная эмблема, вышитая золотом, должна быть выше любой награды, врученной от имени государства. Партийные награды не могут присуждаться посторонним лицам. Когда я вижу кого-нибудь с орденом крови¹, я знаю, что этот человек заплатил за это персонально (ранами или годами заключения).

65

11 ноября 1941 г., полдень

**Антонеску и король Михай². — Эра принцев ушла в прошлое. —
Претензии королевских домов Тюрингии. — Войны ушедших
веков**

Согласно закону природы, наиболее важным лицом нации должен быть лучший человек. Если взять в качестве примера Румынию, лучший человек — Антонеску. Что можно сказать о государстве, где человек вроде него занимает вторую позицию, а во главе государства находится восемнадцатилетний человек? Даже самый исключительно одаренный человек не может играть такую роль, не достигнув тридцати лет. И кто способен в возрасте тридцати возглавлять армию? Если б ему было сорок, ему все еще было б чему учиться. Я был бы удивлен, узнав, что король Румынии уделяет учебе два часа в день. Ему следует работать десять часов в день по очень напряженному графику.

Монархия — устаревшая форма. Она имеет смысл (*raison d'être*) лишь тогда, когда монарх является персонификацией конституции, символом и если фактическая власть осуществляется премьер-министром или иным ответственным лицом.

Последней опорой неполноценному монарху является армия. Поэтому при монархии всегда существует опасность, что армия сможет подвергнуть опасности интересы государства.

¹ О р д е н к р о в и — знак, учрежденный Гитлером в 1933 г. в память «пивного путча».

² М и х а й (р. 1921) — король Румынии в 1927—1930 гг. (правил регентский совет) и в 1940—1947 гг.

Из анализа истории можно извлечь урок, гласящий, что век принцев закончился. История Средних веков становится запутанной, если ее вести как историю семьи. В течение двухсот лет мы наблюдаем распад этой системы. Королевские дома не сохранили ничего, кроме претензий. Этим они торгуют и этим живут.

Самое худшее в этом роде в Германии произошло в Мекленбурге и Тюрингии. Провинция Тюрингия была образована путем слияния семи княжеств. Семь царственных семей не прекращали предъявлять претензии к бедной провинции Тюрингии, выдвигая иски и требования довольствий и компенсаций. Когда мы пришли к власти в Тюрингии, мы столкнулись с огромным дефицитом. Я сразу же посоветовал этим князьям прекратить свои претензии. Они привыкли цепляться за низ рубашки «старого джентльмена»¹, который питал к ним слабость, как к детям. В то время мне нелегко было с ними справиться. Только с 1934 г. мои руки освободились, и я смог применить оружие, которое давал мне закон. Мне пришлось пригрозить им введением закона, обязывающего их ослабить хватку. Гюртнер² был очень точен в делах такого рода. Он сказал мне, что с точки зрения простой морали он считает требования князей наглыми, но он связан законом 1918 г.

Потом я сунул свой нос в происхождение этих семей и обнаружил, что они не были немцами. Все, что требовалось сделать, это проверить их генеалогические древа!

Если б у нас было время на это, вот было бы забавное занятие — изучить эти княжеские семьи, посмотреть, как они удерживались у власти, несмотря на внутренние распри. У их войн всегда были самые возвышенные мотивы. А на самом деле всегда стоял вопрос о лишних клочках земли, владение которыми так яростно оспаривалось. Как пришлось страдать Европе за восемьсот лет от этих проделок — и особенно и прежде всего Германии!

66

11 ноября 1941 г., вечер

Дружба церкви стоит слишком дорого. — Церковь — враг государства. — Памятники христианской цивилизации. — Лицемерие Рузвельта. — Упадок религии

Я всегда отстаивал точку зрения, что партия должна держаться в стороне от религии. Мы никогда не организовывали церковные службы для наших сторонников. Я предпочитал рисковать оказаться

¹ Имеется в виду президент Пауль Гинденбург.

² Г ю р т н е р Франц (1881—1941) — министр юстиции Баварии (1922—1932), с 1932 г. министр юстиции Германии. Умер 29 января 1941 г.

под анафемой или быть отлученным от церкви. Дружба с церковью стоит слишком дорого. В случае успеха мне могут сказать, что все это благодаря ей. Я предпочел бы, чтоб она не имела ничего общего с этим, и мне бы лучше не предъявляли счет!

Самой фанатичной из всех обычно была Россия. Там ничего не происходило без участия ортодоксальных священников. Это не помешало России быть битой. Похоже, молитвы ста сорока миллионов русских были для Господа менее убедительными, чем меньшего количества японцев. То же самое произошло и в Первой мировой войне. Русские молитвы весили меньше, чем наши. Даже на внутреннем фронте рясы показали неспособность в поддержании установленного порядка. Они допустили триумф большевиков.

Можно даже сказать, что этому посодействовали реакционные и клерикальные круги, устранившие Распутина. Тем самым они устранили силу, которая была способна поощрять здоровые элементы в славянской душе.

Но перед национальными добровольцами 1919—1920 гг. в Германии духовенство точно так же пало бы жертвой большевизма, как произошло в России.

Ермолка представляет опасность для государства, если дела идут плохо. Клерикалы испытывают тайное наслаждение, собирая врагов установленного порядка, и тем самым делят ответственность за возникающие беспорядки. Только подумать о трудностях, которые папы непрерывно создавали для германских императоров!

Я бы с удовольствием прибегнул к использованию парикмахеров, если бы они могли помочь в перехвате английских и русских самолетов. Но на данный момент солдаты, обслуживающие наши зенитки, более полезны, чем парни, работающие с разбрызгивателем одеколona.

В латинских странах мы часто оказывались на волоске от большевистского триумфа и тем самым смертельного удара по обществу, всегда находившемуся на волоске от коллапса.

Когда в Древнем Риме христиане мобилизовали плебс, интеллигенция утратила связь со старыми формами богослужения. Сегодняшний человек, сформированный под влиянием научных дисциплин, также перестал принимать всерьез религиозные учения. То, что противоречит законам природы, не может идти от Бога. Более того, молнии не шадят и церковь. Система метафизики, извлеченная из христианства и основанная на устаревших понятиях, не соответствует уровню современных знаний. И в Италии, и в Испании кончат плохо. Там перережут друг другу глотки.

Не хочу, чтобы что-либо подобное произошло у нас.

Мы можем радоваться, что все еще стоит Парфенон, а вместе с ним римский Пантеон и другие храмы. Не так уж важно, что практиковавшиеся там формы богослужения уже для нас ничего

не значат. Воистину жаль, что этих храмов осталось так мало. В итоге нам не грозит удариться в преклонение перед Зевсом.

Среди нас лишь кафедральные соборы являются свидетелями нашего величия в Средние века. Было бы достаточно позволить религиозные преследования, и исчезли бы все монументы, которые наша страна построила с V по XVII века. Какая пустота и как намного обеднел бы мир!

Я ничего не знаю о потустороннем мире и честно признаю это. Другие знают о нем больше меня, и я не смогу доказать, что они ошибаются. Я и не мечтаю подчинить своей философии какую-нибудь деревенскую девочку. Хотя религия и не стремится к истине, это все же вид философии, которая в состоянии удовлетворить простаков, а это не причиняет никому вреда. Все сводится к вопросу ощущения, возникающего у человека от своей беспомощности. Сама по себе эта философия не вредна. Важно, в самом деле, что человек должен знать, что спасение состоит в усилении, которое каждая личность совершает, чтобы понять Провидение и принять законы природы.

Поскольку все насильственные перевороты — бедствие, я бы предпочел, чтобы приспособление проходило без шока. Что должно оставаться как можно дольше нетронутым, так это женские монастыри. Ощущение внутренней жизни неизмеримо обогащает людей. Что нам надо сделать, это извлечь из религий яд, который они содержат. В этом отношении в последние века был совершен громадный прогресс. Церковь надо заставить понять, что ее царство уже не этот мир. Какой пример подал Фридрих Великий, когда ответил на требование церкви разрешить ей вмешиваться в дела государства! Заметки на полях, написанные им собственноручно на призывах, адресованных ему пасторами, равноценны решениям Соломона. Они точны и окончательны. Нашим генералам следовало бы поупражняться в их ежедневном чтении. Оскорбительно наблюдать, как медленно развивается человечество.

Дом Габсбургов произвел Иосифа II, бледную копию Фридриха Великого. Династия, способная произвести даже один интеллект класса Фридриха Великого, оправдана в глазах истории.

У нас есть такой опыт со времен Первой мировой войны: из воюющих стран лишь одна была по-настоящему религиозной — Германия. Это не помешало ей проиграть войну. Какое отвратительное лицемерие проявляет этот масон Рузвельт, когда говорит о христианстве! Против него должны восстать все церкви — потому что он действует по принципам, диаметрально противоположным той религии, которой он хвастается.

Религии перевалили критический возраст; они в упадке. В нынешнем состоянии они могут оставаться еще несколько веков. Чего

не хотят делать революции, сделает эволюция. Можно лишь сожалеть, что живешь в период, когда невозможно сформировать представление о том, какой вид примет мир в будущем.

Но одно я могу предсказать любителям мяса: мир будущего будет вегетарианским!

67

12 ноября 1941 г., полдень

Большевицкий рабочий рай. — Возвратные азиатские атаки. — Подготовка к немецкому господству. — Подачки для местных жителей

Для нашей партии было большим облегчением узнать, что миф о большевистском рае для рабочих на Востоке рухнул. Такова судьба всех цивилизованных государств — подвергаться атаке из Азии в моменты, когда их жизненная сила ослабевает.

Самыми первыми стали греки, на которых напали персы, потом карфагеняне устроили поход против Рима, гунны — Каталаунские поля, войны с исламом начались битвой при Пуатье, и, наконец, нашествие монголов, от которых Европу спасло чудо, — спрашивается, какая внутренняя проблема остановила их. А сейчас мы противостоим самому худшему из всех наступлений — атаке из Азии, организованной большевизмом.

Народ может оказаться хорошо приспособленным для сражения, хотя и плохо приспособленным для цивилизации. С точки зрения боевых качеств армии Чингисхана были не хуже сталинских (при условии, что мы отберем у большевизма то, чем он обязан материальной цивилизации Запада).

Европа достигает конца на Востоке, в крайней точке, до которой дошли лучи германского духа.

Большевицкое господство в Европейской России было в конечном итоге всего лишь подготовкой (длившейся двадцать лет) для немецкого господства. Пруссия времен Фридриха Великого походила на восточные территории, которые мы сейчас покоряем.

Фридрих II не допускал евреев в Западную Пруссию. Его еврейская политика может служить образцом.

Мы дадим коренным жителям все, что им нужно: полным-полно еды и дешевой выпивки. Если они не будут работать, потопают в лагерь и будут лишены алкоголя.

В той стране мы сможем выращивать все — от апельсинов до хлопка.

Ее труднее завоевать еще и потому, что там нет никаких дорог. Какое счастье, что *они* не добрались до нас на своих машинах по *нашим* дорогам!

12 ноября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС БЛАШКЕ И Д-Р РИХТЕР

Мы должны оставаться верными автократии. — Конец безработице. — Проблемы с министром экономики. — Золото не нужно. — Финансовое плутовство швейцарцев. — Сельскохозяйственный потенциал Украины. — Работа Гимmlера. — Война с экономистами

Мы совершили серьезную ошибку, сразу после последней войны вернувшись на орбиту мировой экономики, когда нужно было придерживаться принципа самообеспечения. Если бы в то время мы использовали в рамках автаркии [самообеспечения. — *Пер.*] шестнадцать миллионов человек в Германии, которые занимались непродуманным трудом, у нас бы не было никакой безработицы. Успех моего четырехлетнего плана объясняется именно тем, что я каждого поставил на рабочее место в экономике с замкнутым циклом. Проблему безработицы я решил не с помощью перевооружения, потому что в первые годы я практически ничего не делал в этой области.

Фоглер мне только что прислал проект производства синтетического бензина, но проект не утверждало министерство экономики. Выдвигалось возражение, что, поскольку зарубежный рынок предлагает бензин по цене девять пфеннигов, глупо производить его дома за двойную цену. Не помог мой ответ, что наши безработные стоят нам тысячи миллионов и что мы сэкономили бы эти тысячи, если б устроили этих безработных на работу. Мне ответили ошибочными аргументами. Было выявлено, или так мне было сказано, что технология производства еще не разработана. Как будто наши промышленники при их хорошо известной осторожности решились бы на производство, не зная до конца его тонкостей! Позднее я проклинал себя за то, что не выбросил всю эту команду за борт. Я, кстати, порвал с Федером¹, потому что он не проявлял энергии в этом проекте.

Затем настала очередь Кеплера². Его одурачил шарлатан из Дюссельдорфа. Таким образом, мы потеряли девять месяцев. Все ученые утверждали, что тут что-то есть. То было время, когда каждый шарлатан считал своим долгом представить мне свой проект. Я за-

¹ Ф е д е р Готрид (1883—1941) — один из идеологов НСДАП. В 1933 г. статс-секретарь министерства экономики. С 1934 г. в отставке.

² Возможно, речь идет о Вильгельме Кеплере, промышленнике, который в 1936—1938 гг. участвовал в разработке четырехлетнего плана.

явил алхимикам, что не интересуюсь золотом — ни природным, ни искусственным.

Наконец, мы начали строить заводы. Как был бы я рад в 1933 г. найти ту или иную возможность создать рабочие места! День и ночь я напрягал свои мозги в поисках способа, чтобы вновь привести в движение эту громадную машину экономики. Я освобождал от налогов тех, кто открывал новые фирмы. Когда бизнес идет хорошо, деньги плывут назад в государственную казну!

Наши оппоненты все еще не постигли нашей системы. Мы были спокойны по этому поводу; они окажутся в жутком кризисе, как только закончится война. А в то время мы будем строить крепкое государство, неподвластное кризисам и не имеющее ни одной унции золота за спиной. Всякий, кто будет продавать товар выше установленной цены, загремит в концентрационный лагерь! Вот каков бастион денег. Другого пути нет. Эгоиста не волнуют общественные интересы. Он набивает свои карманы и сваливает за границу со своей валютой. Прочность денег не построишь на здравом смысле граждан.

Голландцы живут за счет своих колоний. У швейцарцев нет иных источников, кроме их мошеннических манипуляций. Они сходят с ума, стараясь перевести все свои деньги в Америку. Но они их больше не увидят!

Только что закончившиеся наши переговоры с датчанами были весьма эффективны. Недавно в Дании была создана компания для совместной эксплуатации восточных территорий. Так что мы создаем базу в Европе.

Как-то у меня был с визитом один бельгийский промышленник, который не видел выхода из возникших перед ним проблем. Если проявить обычный здравый смысл, заявил он, я должен закрыть завод. Он оказался перед дилеммой: желанием продолжать бизнес, созданный его отцом, и боязнью обвинений, которые нахлынут на него, если он станет упорно продолжать дело. В Бельгии, Голландии, Норвегии не будет безработных.

Англия начинает обращать внимание на ситуацию. Если мы увеличим производство сельскохозяйственной продукции на Украине лишь на 50%, мы сможем накормить хлебом дополнительно от двадцати пяти до тридцати миллионов человек. Поднять производство на Украине на 50% — пустяки, потому что оно все равно будет на 30% ниже среднего производства на землях Германии. Та же точка зрения применима и к странам Балтии и Белоруссии, в которых также есть излишек продукции. Было бы глупо не навести какую-то видимость порядка на этом континенте.

Наша экономика должна быть организована со всей тщательностью. Но следует быть осторожным, чтоб не зайти слишком далеко в моторизацию. Решение проблемы мяса и жира в одно и то же время зависит от решения проблемы выделанных кож и удобрений.

С одной стороны, у нас в Европе высоко цивилизованные народы вынуждены заниматься трудом в каменоломнях. И с другой стороны, в нашем распоряжении эти тупые массы на Востоке. Именно они обязаны заниматься нашим примитивным трудом. И тогда коренное население Востока будет лучше питаться, чем когда-либо до сих пор — и оно также получит домашнюю утварь, в которой будет нуждаться.

Осадочные отложения на побережье Северного моря — лучшее удобрение в мире. Да, есть проблемы: транспорт дорог и, кроме того, кто туда поедет и займется этими месторождениями? Да у меня есть сто пятьдесят тысяч осужденных, которые делают комнатные туфли из обрезков! Когда-нибудь Гиммлер станет нашим самым богатым промышленником.

При нашей новой экономической организации политический центр Европы смещается. Англия превратится в какую-нибудь обширную Голландию. Континент вновь оживает.

На следующие десять лет важно будет запретить все кафедры политической экономии в университетах.

69

16 ноября 1941 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР, ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС БЛАШКЕ И Д-Р РИХТЕР

**Оплошности центральной администрации. — Чиновников в два
раза больше. — Соблазн бумажной работы. — Судебные
сомнения**

Среди нас концепция монолитного государства предполагает, что все должно управляться из центра. Логическая крайность такой позиции в том, что самый скромный из чиновников будет, в конце концов, важнее, чем мэр Эссена. Англичане в Индии делают прямо противоположное. Сто сорок пять тысяч человек правят ста пятьюдесятью миллионами. На их месте нам бы потребовались миллионы чиновников!

У французов нет административной автономии. Для нас они — самый худший пример, но с точки зрения наших юристов и адвокатов это идеальное государство!

Нам надо реорганизовать нашу администрацию так, чтобы она наилучшим образом использовала наиболее эффективных людей. В этом единственная возможность преодолеть трудности, о которые должно споткнуться государство юристов. В этой реорганизации самое главное — изгнать юристов из министерств. Мы найдем для них второстепенную работу.

Такая же глупость — пытаться контролировать все расходы провинций, сидя в Берлине. Что было бы неплохо — это продолжать следить за расходами, разрешенными центральной властью. Продвигать ли какого-нибудь чиновника второго разряда на первый, должно решаться на месте, а не в Берлине министерством внутренних дел по согласованию с министерством финансов. И еще, если театр в Веймаре намерен обновить свое оборудование, ему не надо делать запрос в Берлин. Это местная проблема.

Действовать иначе — поощрять людей к отвыканию от чувства ответственности и поощрять развитие сатрапского менталитета. Наши чиновники не обучены проявлять какую-либо инициативу, отдавать отчет за все сделанное и привыкли к тому, что все, что они делают, покрывает их вышестоящий начальник. Для Берлина это идеальный тип чиновника!

Мы должны безжалостно отсекаать подобные вещи. Можно легко избавиться от двух третей наших чиновников.

Давайте рассматривать юриста как адвоката и не давать ему никакой власти приказывать другим. Как может человек, прошедший всю жизнь, уткнувши нос в папки, что-нибудь вообще понимать в жизненных проблемах? Ведь он ничего не знает.

Я никогда не упускаю возможность проявить грубость по отношению к юристам. Это потому что я надеюсь разубедить молодых людей, намерившихся добиваться такой карьеры. Надо эту профессию обесценить до такой степени, чтобы в будущем такое желание появлялось лишь у людей, не имеющих других идеалов, кроме бюрократии.

Какое значение имеют юридические угрызения совести, когда необходимо что-то предпринять в интересах нации? Германский народ жив не благодаря юристам, а вопреки им.

Я не первый, кто считает этих людей культурной средой для бактерий. У Фридриха Великого было такое же мнение.

70

16 ноября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСЛЕЙТЕР РОЗЕНБЕРГ И РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР

**Изгнание партий. — Обычные права дней древности. —
Злоупотребление формализмом. — Приборка в юридической
профессии. — Общественный совет обороны. —
О предательстве. — Право на амнистию. — Серрано Суньер**

Меня всегда охватывает нервное раздражение при виде того, в каком духе судьи выносят свои приговоры. Авторы преступлений против морали, как правило, рецидивисты, и они обычно венчают

свою карьеру каким-нибудь грязным преступлением. Почему бы сразу же не уничтожить эти особы? Когда я размышляю над вопросом ответственности, я не считаю, что быть ненормальным может быть оправдывающим обстоятельством — наоборот, это отягчающее обстоятельство. Какой вред в том, если ненормальный человек понесет такое же наказание, что и нормальный? Общество должно предохраняться от таких элементов. И у животных, живущих группами, есть свои изгои. Животные их отвергают.

Популярный судья прошлого, применявший закон, установленный обычаем, постепенно трансформировался в профессионального судью. Первоначально королевская власть отождествлялась с законом. Теоретически так оно и до сих пор — поскольку самым высоким судьей является глава государства.

Закон должен учитывать, с одной стороны, условия данного периода, а с другой стороны, особые случаи.

Наши предки были особенно терпимы к фактам кражи продуктов питания. Если правонарушитель мог доказать, что единственным мотивом у него был голод и что он украл только то, в чем нуждался, чтобы утолить голод, он избегал наказания. Существовало различие в том плане, угрожало ли преступление жизни группы людей. По нынешнему закону может случиться так, что человек, убивший зайца, будет наказан более сурово, чем убийца какого-нибудь ребенка.

Я ставлю свою подпись под каждым новым законом, но всего лишь короткое время назад я не имел права отклонить его с помощью простого письменного заявления. Такое досталось мне наследство. Нет, надо было, чтобы еще и нотариус отметил, чтоб я мог заявить в юридически имеющем силу стиле, что таково мое желание. Одна моя подпись юридической силы не имела. И тут я пришел к компромиссу. С тех пор документы стал вместо нотариуса удостоверять Ламмерс¹, т. е. подтверждать, что такова моя воля.

Это напоминает мне фантастическую историю, которая случилась в начале войны. Я сам готовил собственноручно свое завещание (которое передал Ламмерсу), когда мне доложили о следующем деле. Какой-то гамбургский бизнесмен завещает свое состояние одной женщине. Потом он умирает, а его сестра оспаривает законность завещания. Ее иск при первом слушании был отклонен. По апелляции суд решил, что, хотя в намерениях завещателя нет сомнений, завещание должно быть аннулировано из-за нарушения формы: завещание было правильно и собственноручно составлено, но название места на бумаге напечатано, хотя должно быть написано от руки. Я сказал Гюртнеру: «Я прикажу арестовать весь Апелляционный суд!» Если руководствоваться этим приговором, может оказаться недействительным мое собственное завещание...

¹ Л а м м е р с Ханс (1879—1962) — немецкий партийный и государственный деятель, министр без портфеля, глава имперской канцелярии (1933—1944).

Когда подобные вещи случаются с одним из нас, мы можем защититься. А что делать человеку с улицы? Он упрется в стену и наверняка подумает, что справедливости не существует.

Такая концепция закона может родиться только в атрофированных мозгах.

В своих судебных делах я сталкивался с такими вещами, что волосы вставали дыбом.

Профессия адвоката в принципе грязная, потому что адвокату дано право лгать суду.

Какого уровня достигла дурная слава этой профессии, видно из того факта, что они поменяли себе имя. Только две профессии сменили название: учителя и адвокаты. Первые будут впредь известны как народный педагог (Volksbildner), а вторые — под именем хранитель закона (Rechtswahrer). Пусть адвокаты остаются адвокатами, но пусть эта профессия станет чище! Пусть она используется на службе общественных интересов. Как есть общественный обвинитель, так пусть будет и общественный защитник, и пусть он будет обязан под присягой действовать в интересах истины. Нам нужно обновленное судопроизводство: меньше судей, но на них будут возложены огромные обязанности и высокое чувство ответственности.

Сегодня нет среднего пути. Либо преувеличенно суровые приговоры (когда чувствуется, что их поддерживает общественное мнение), либо неуместная снисходительность. Когда мне говорят о каком-нибудь предателе, меня не интересует, как он предавал, или было ли его предательство успешным, или чего оно касалось. Для меня существует лишь один вопрос: «Действовал ли он за Германию или против Германии?»

Что касается некоторых правонарушений, совершенных при отягчающих обстоятельствах порочности, то это то же самое. Ловить преступника, запира́ть его, отпускать, охранять его, снова ловить — какой во всем этом смысл? В самом деле, юристы заботятся о подонках общества с такой же любовью, как владельцы охотничьих угодий — о своей дичи во время мертвого сезона. Как только подумаешь о приговорах, вынесенных лицам, виновным в нападениях во время затемнения!.. Всегда найдется один из таких юристов, который будет передергивать факты до тех пор, пока не наступит момент, когда он обнаружит смягчающие обстоятельства. Свинья всегда останется свиньей. Я приберегу свою жалость для храброго человека из моих соотечественников. Мой долг — защищать их от подонков общества.

Воображаемый мир юридических понятий — это мир, в который нам не войти.

Суд просит меня проявить милосердие к человеку, который сделал одну девушку беременной и утопил ее в Ванзе. Мотив: он действовал из страха перед появлением незаконного ребенка. По этому случаю я отметил, что все совершившие аналогичное преступление

были прощены. В сотнях случаев. И разве это не одно из самых мерзких преступлений? Я ответил Гюртнеру: «Я никогда не прощал ни одного из преступников такого рода. Бесплезно обращаться ко мне за этим».

Однажды Мейснер¹ попросил меня простить одну молодую девушку, которая провинилась в предательстве. Но почему ее прощать? Потому что она изучала философию! Я спросил Мейснера: «Ты сумасшедший?» Если молодой человек совершает ошибку, и я могу убедиться, что он просто слабоумный, — тогда все в порядке! Но только не в этом случае.

При такой системе законов наш рейх пришел бы в полнейший упадок, если б я не решил, что сегодняшнее общество находится в состоянии законной обороны, и не снабдил бы поэтому законы, как они применяются, необходимыми коррективами.

Офицер и судья обязаны быть защитниками нашей концепции общества. Но условия этой предоставленной на собственное усмотрение власти, которая дана судье, состоит в том, что судебный аппарат должен быть расово таким однородным, что малейшего знака должно быть достаточно, чтобы мы это поняли.

Зять Франко стал министром иностранных дел². Не так часто встречается, чтобы одна семья монополизировала все таланты. Непотизм, тем не менее, — счастливая формула; и вот так работа, сценарированная кровью народа, может систематически уничтожаться.

71

19 ноября 1941 г.

Тупость буржуазных партий. — Борьба за власть и международная борьба. — Неверно адресованная жалость к буржуазии. — Провидение и отбор самых достойных. — Никакой вялости в партии

Прежде всего, было важно, чтобы партия не дала себя заполнить буржуазией. Я, применяя соответствующие методы, позаботился, чтобы в нее попадали только истинно фанатичные немцы, готовые пожертвовать своими личными интересами в пользу общественных интересов.

Буржуазные партии в своей тупости зашли так далеко, что уже заявляют, что всегда приносит плоды тот, кто более смышлен. А я,

¹ Мейснер Отто (1880—1953) — юрист, статс-секретарь Президентской канцелярии (1924—1945).

² Суньер Рамон (1901—2003) — министр иностранных дел Испании (1940—1942).

с другой стороны, всегда стремился к единственной цели: отстоять свои требования любой ценой, в любую погоду, в любую бурю.

Основные понятия, которые служили нам в этой борьбе за власть, доказали свою правоту и являются теми самыми, что мы используем в сегодняшнем сражении, которое ведем в мировом масштабе. И в этом предприятии мы тоже победим: потому что фанатически сражаемся за победу и потому что мы верим в нашу победу.

Хныканье, в которое впадают некоторые буржуа сегодня, по причине, что евреи должны очистить Германию, просто типичное старание быть святее папы римского. Плакали ли они, когда каждый год сотни тысяч немцев были вынуждены эмигрировать из-за невозможности найти себе средства на жизнь на своей собственной земле? У этих немцев не было родственников в разных частях света; им оставалось уповать только на милость Божью, они уезжали в неизвестное. Ничего подобного не происходило с евреями, у которых везде есть дяди, племянники, кузины. В этих условиях жалость, проявляемая нашими буржуа, особенно неуместна.

В любом случае, мы, что ли, создали природу, установили законы? Вещи таковы, какие есть, и мы никак не можем их изменить. Провидение наделило живые существа ограниченной плодовитостью; но оно не расположило всю необходимую им пищу в такой близости, что они смогли бы взять ее без всяких на то усилий. Все это очень правильно и закономерно, ибо в этом — борьба за существование, которая производит отбор наиболее приспособленных.

Партия обязана оставаться такой же твердой, какой была в период захвата власти. Необходимо, чтобы фюрер в любое время был уверен, что может опереться на неколебимую поддержку членов партии, и чтобы он мог рассчитывать на это, тем более что некоторые соотечественники под весом обстоятельств оказались отступниками. Партия не может тянуть с собой балласт, она ничего не сможет совершить, если проявит вялость. Если среди нас найдутся такие, их надо исключать!

Тем, в чьих руках находится судьба страны, может быть безразлично, что не все буржуа позади них; но они должны быть уверены, что партия образует твердую как гранит опору для поддержки их власти.

72

20 ноября 1941 г.

Немецкое чувство долга

Если б духовная картина, на которой христиане изображают Бога, была верна, бог муравьев должен бы быть муравьем и то же самое — для других животных.

Даже для большевиков понятие коллективной собственности имеет свои пределы. Брюки, рубашка, носовой платок — для тех, у кого он есть, — считаются частной собственностью.

У нас, немцев, есть замечательный источник силы — чувство долга, которым не обладают другие народы. Убеденность, что, подчиняясь голосу долга, работаешь для сохранения породы, помогает принять серьезнейшие решения.

Что бы случилось, если б Италия вместо того, чтоб стать фашистской, стала коммунистической? Мы должны быть благодарны дуче за то, что он отвел от Европы эту опасность. Эта оказанная им услуга никогда не должна быть забыта. Муссолини — это человек, сотворенный в масштабе столетий. Место в истории ему обеспечено.

Чем только Италия не обязана Муссолини! Как многого он достиг в каждой сфере! Даже Родос, этот уснувший захолустный остров, он создал из ничего. Сравните этот плодородный остров с греческими островами, и вы поймете, что сделал Муссолини для своей страны.

73

30 ноября 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР И ГЕНЕРАЛ ДИТЛЬ¹

**Национал-социалистическая демонстрация в Кобурге. —
Успешный мятеж. — Разгон красных. — Дьявол теряет клыки.
— Возврат к прошлому от Бисмарка. — Капитуляция
тред-юнионов. — Новая эра. — Партийный печатный станок. —
«Фёлькише беобахтер». — Роль Дитля. — Национал-социализм
не подходит для Франции**

Кобург. Впервые мы получили положительное приглашение. Я немедленно согласился. Такую возможность упускать нельзя. Я взял с собой восемьсот человек. Другие должны были присоединиться к нам из Саксонии и Тюрингии.

В Нюрнберге состоялась наша первая встреча. Наш поезд, увешанный флагами, был не по вкусу некоторым евреям, находившимся в поезде, остановившемся рядом с нашим. Шрек² прыгнул прямо в центр их толпы и стал раздавать удары направо и налево.

¹ Д и т л ь Эдуард (1890—1944) — генерал-полковник вермахта (1942), участник боев на Кольском полуострове (1941).

² Ш р е к Юлиус (1891—1936) — создатель и руководитель ударной группы «Адольф Гитлер» — прообраза СС.

На Кобургском вокзале нас ожидала комиссия по встрече. Ко мне, прихрамывая, подошел Дитрих¹, чтобы сообщить мне, что он заключил соглашение с профсоюзами, по которому мы не будем маршировать строем с флагами и музыкой перед колонной. Я заметил, что у него не было полномочий давать обещания от моего имени и что для меня они не имеют значения. Я приказал выдвинуть вперед флаги и музыку, и колонна была сформирована. Когда я появился, меня приветствовали единодушным криком тысяч глоток: «Жулики, бандиты!» Настоящая чернь!

Я сразу же вышел вперед. Нас повели, но не на стрельбище, а к Хофбраухаус. Вокруг нас бурлила бесчисленная кричащая, ревушая и угрожающая толпа. Когда мы уже вошли внутрь, Дитрих сообщил мне, что нам пока невозможно идти к отведенным для постоя местам. В этот момент полиция перекрыла ворота пивного зала. «Отлично!» — воскликнул я. Подошел полицейский и сказал мне, что нам запрещено покидать здание, поскольку полиция не может гарантировать нашу безопасность. Я ответил, что их протекция меня не волнует, что мы способны защитить себя сами и что я приказываю ему открыть ворота. Он подчинился, но объяснил, что я вынуждаю его склониться перед силой.

Я подумал: «Если увижу, что хотя бы один из моих парней дрогнет, я сорву с него нарукавную повязку!» Как только мы оказались снаружи, мы им устроили такую порку, что через десять минут улица опустела. Все подручные средства оказались полезными: духовые трубы наших музыкантов вышли из драки погнутыми и помятыми. Красные были рассеяны и бежали во всех направлениях.

Мы спали на соломе. За эту ночь я узнал, что была атакована группа моих сторонников. Я послал нескольких человек на помощь, и вскоре ко мне привели трех красных — трех красных, чьи лица уже не были человеческими. И в этот момент полицейский признался мне: «Вы не можете представить мне, как мы страдаем под господством этих собак. Если б только мы знали, что вы устроите из них такую окрошку!» Я сказал ему, что это особое угощение, которое мы припасли для этого сброда.

На следующий день повсюду только и говорили, что о «баварских гангстерах», ворвавшихся в город. На улице раздавали листовки, приглашая население на контрдемонстрацию. В назначенный час мы были на месте. Мы заметили около ста пятидесяти красных, но при виде нас они улепетнули. И мы пошли строем до Цитадели

¹ Непонятно, о ком идет речь. Возможно, об Отто Дитрихе или же Йозефе («Зеппе») Дитрихе (1892—1966), генерал-полковнике СС (1944), так же как и Отто, поддерживавшем НСДАП с 20-х годов.

и назад от нее. Я приказал своим людям бить первого же, кто заколеблется. После нашего возвращения нас приветствовали из каждого окна. Буржуазия вновь обрела храбрость. Тем вечером в Хофбраухаусе граждане радовались при мысли, что у дьявола были вырваны клыки.

Юрген фон Рамин там был. Я сказал ему: «Этот типичный мир вашей буржуазии. Трусы в момент опасности и хвостуны — после». — «Мы сражались оружием духа», — ответил он. «Да, оно наделало много хорошего, ваше духовное оружие», — со смехом заметил Дитрих. «Извините, — ответил Рамин, — вы забываете, что я — потомок Бисмарка». На это я заметил, что нельзя корить Бисмарка за такого отпрыска.

Профсоюз железнодорожников отказался предоставить нам транспорт для возвращения в Мюнхен. «Очень хорошо, — ответил я его делегатам. — Для начала я возьму вас заложниками и устрою облаву на всех, кто попадет в наши руки. Среди моих людей есть машинисты, они повезут нас. А всех вас я заберу с собой. Если ничто не случится, я провожу вас в потусторонний мир!» Вслед за этим я организовал облаву, а полчаса спустя «пролетариат» решил отпустить нас.

На тот день было необходимо действовать без колебаний. Это было началом новой эры.

В Мюнхене против нас было выдвинуто обвинение под предлогом, что в Кобурге мы серьезно ранили ряд демонстрантов. Даже утверждалось, что мы применяли пулеметы. В действительности кто-то перепутал пюпитр для нот с пулеметом. Дело было шито белыми нитками. Потом красные, которых мы избили, стали нашими лучшими сторонниками.

Когда фаланга сажает своих оппонентов в тюрьму, она совершает серьезнейшую ошибку. Разве моя партия в то время, когда я выступал, не состояла на 90% из левых элементов? Мне были нужны люди, умеющие драться. Для меня были бесполезны скромные доктринеры, которые шепчут на ухо свои подрывные планы. Я предпочитаю людей, которые не стесняются запачкать руки.

Помня о нашем начале, можно прийти в изумление при результатах, полученных за четыре года. В моих руках был Мюнхен, и я контролировал газету. Враждебная нам пресса выходила тиражами, в десять раз превышавшими наш. Наш печатник Адольф Мюллер, человек бесконечной гибкости взглядов, печатал всех их. В его аппарате было несколько коммунистов, и у него была привычка говорить им, что, если им что-то не нравится в работе фирмы, он заплатит им недельную зарплату за ортодоксальные мнения. Этот Мюллер был всем обязан самому себе. Был период, когда он посто-

янно приходил к нам просить деньги. Мы были убеждены, что он эксплуатирует нас. По этой причине Аман¹ еженедельно устраивал войну с ним, размахивая ножом, с целью заставить того снизить свои расценки.

Лучший трюк, который я с ним сыграл, — принятие крупного формата для газеты «Фёлькише беобахтер». Мюллер считал себя хитроумным, ибо полагал, что, будучи единственным с машиной для нашего нового формата, он привяжет нас к себе. На самом же деле это он сам привязался к нашей газете и был очень рад продолжать печатать для нас, ибо никакая другая газета не требовала нового формата. Мюллер превратился в раба своей машины. Более того, наша газета была единственной, тираж которой никогда не падал. Это была удача, что мы не держали своей собственной типографии, потому что товарищей по партии, бывших нашими читателями, пришлось бы много уговаривать, чтобы они заплатили за газету. «А как насчет партийной солидарности?» — стали бы спрашивать они.

По-своему Адольф Мюллер был неплохим парнем. Он заботился о благосостоянии своих работников и всегда защищал их интересы. Сам выходец из народа, он знал, как на практике «жить самому и давать жить другим».

И в тот период мы заложили первые кирпичи в фундамент нашего нынешнего рейха. Как только подумаешь, как нас преследовали! Приостанавливали выпуск газет, запрещали или саботировали митинги. Глядя в ретроспективу, это был золотой век нашей борьбы. Мой вход в Канцелярию ознаменовал конец этой вдохновенной жизни². До тех пор девять из десяти, с кем я имел контакты, были из народа. А с того момента девять из десяти стали принадлежать достойному обществу. Мой весь опыт был перевернут с ног на голову. Сегодня я вновь восстанавливаю старые связи с людьми на народных собраниях.

Обращаясь к Дитлю, фюрер продолжает:

Всем этим я обязан вам, потому что в начале движения именно ваши люди помогали мне действовать. Сказать по правде, вы помогли рождению Третьего рейха.

Я понимаю, почему буржуа поднимаются дыбом против перспективы оказаться под нашим правлением. В сравнении с нами социал-демократы имеют в своих рядах людей с много большими внешними достоинствами — с точки зрения буржуа, я имею виду.

¹ Аман Макс (1891—1957) — председатель Германского объединения издателей газет (1933), президент палаты печати (1943).

² В 1933 г. Гитлер стал канцлером Германии.

Буржуа только придут в ужас, когда станут свидетелями прихода этого нового общества. Но я знаю, что единственный полезный для нас человек — тот, кто способен подняться на баррикаду.

Обернувшись к Хавелю¹, фюрер продолжает:

1923 год. В то время вы уже ходили в великолепной форме. Но 1920-й, 1922 годы! Форма была необходима. Когда некоторые одеты хорошо, а другие — по-нищенски, нельзя построить сцепленное пониманием общество. Сегодня трудно вообразить подобные вещи. Это потому, что я знаю обо всем этом, что я также знаю, что наше движение неподражаемо. То, что произошло в нашей среде, — нечто уникальное, немислимое для Франции, например. А у французов никогда не будет такого руководителя, как дуче.

74

Ночь с 1 на 2 декабря 1941 г.

Немецкие женщины, вышедшие замуж за евреев. — «Порядочные» евреи. — Евреи и четвертая заповедь. — Общественный долг евреям. — Особенности еврейско-арийских полукровок. — Микрокосм и макрокосм. — Законы природы. — Сохранение расы. — Важность красоты

Вальтер Хавель задал вопрос, справедливо ли обвинять женщину, не принявшую после 1933 г. решение получить развод от еврейского мужа. Он спросил, между прочим, не будет ли желание получить развод в таких обстоятельствах означать конформизм, который с человеческой точки зрения не был бы похвальным. Г. Д. вставила свое замечание, заявив, что факт, что немецкая женщина смогла выйти замуж за еврея, доказывает отсутствие у нее расового инстинкта и что из этого можно сделать вывод, что она перестала быть частью общества. Фюрер прервал ее:

Не говорите так. Десять лет назад наш класс интеллектуалов не имел ни малейшего представления о том, что такое еврей.

Очевидно, наши расовые законы требуют большой строгости от отдельно взятой личности. Но чтобы судить об их ценности, нельзя позволять себе делать выводы по специфическим случаям. Необходимо помнить, что, так действуя, я избегну бесчисленных конфликтов, которые могли бы возникнуть в будущем.

Я убежден, что в Германии есть евреи, которые ведут себя правильно — в том смысле, что неизменно воздерживаются от иссле-

¹ Х а в е л ь Вальтер — постоянный представитель МИДа при ставке Гитлера.

дования, что есть германская идея. Трудно подсчитать, сколько их точно, но что я также знаю — никто из них не вступил в конфликт со своими товарищами по расе, чтобы защитить от них германскую идею. Я вспоминаю одну еврейку, которая выступала против Айснера¹ на страницах «Байришер курьер». Но не в интересах Германии было, чтоб она стала противником Айснера лишь из оппортунизма. Она привлекла внимание к тому факту, что, если народ будет продолжать упорно идти по пути Айснера, это может вызвать репрессалии против евреев. Та же песня, что и в четвертой заповеди. Как только евреи устанавливают этический принцип, то это с целью получения каких-то личных выгод!

Возможно, многие евреи не ведают о деструктивной мощи, которую они представляют. Но тот, кто уничтожает жизнь, сам рискует смертью. Таков секрет того, что случилось с евреями. Кто виноват в том, что кошка пожирает мышь? Виновата ли мышь, которая никогда не делала ничего плохого кошке?

Эта деструктивная роль евреев, до некоторой степени, имеет predetermined объяснение. Если природа пожелала, чтобы евреи были ферментом, вызывающим разложение народов, тем самым предоставляя этим народам возможность для проявления здоровой реакции, в таком случае наиболее ценными, с нашей точки зрения, будут св. Павел и Троцкий. Самим фактом своего присутствия они провоцируют защитную реакцию атакованного организма. Дитрих Экарт² однажды сказал мне, что за всю свою жизнь знал только одного хорошего еврея: Отто Вейнингера³, который покончил с собой, узнав, что евреи существуют для разложения народов.

Это замечательно, что еврей-полукровка, второго или третьего поколения, имеет тенденцию вновь начать флирт с чистыми евреями. Но начиная с седьмого поколения, похоже, чистота арийской крови восстанавливается. В долгосрочной перспективе природа избавляется от пагубных элементов.

Можно оказаться отвергнутым этим законом природы, требующим, чтобы все живые существа совместно пожирали друг друга. Муху ловит стрекоза, которую саму проглотит птичка, а она, в свою очередь, станет жертвой большей птицы. А последняя, когда вырастет, станет жертвой микробов, которые кончат тем, что съедят ее лучшие куски. А микробы, в свой черед, найдут свой predetermined конец.

¹ Айснер Курт — один из лидеров немецкой социал-демократии. Участник волнений 1918—1919 гг.

² Экарт Дитрих (1868—1923) — поэт, переводчик, журналист. Один из основателей НСДАП.

³ Вейninger Отто (1880—1903) — австрийский философский публицист-компилятор. Анализировал отношения полов. Антисемит.

Если б у нас были более мощные микроскопы, мы б открыли новые миры. Сверх того, в абсолюте ничто — либо огромное, либо маленькое. Вещи велики или малы по выбранному стандарту. Что в любом случае наверняка — то, что ничего нельзя изменить во всем этом. Даже человек, лишающий себя жизни, в итоге возвращается к природе — телом, душой и мыслями.

Жаба ничего не ведает о своем прежнем существовании на стадии головастика, да и наша собственная память служит нам не лучше в том, что касается нашего предыдущего состояния. Вот почему у меня есть ощущение, что полезно бы знать законы природы — ибо это нам позволяет им подчиняться. Действовать наоборот — значит поднять мятеж против небес.

Если б я мог принять божественную заповедь, то это была бы такая: «Оберегая род свой».

Не следует приписывать жизни отдельной личности слишком высокую цену. Если бы эта личность была важна в глазах природы, природа бы позаботилась о ее сохранении. Из миллионов яиц, которые откладывает муха, выводятся единицы — и, тем не менее, ее раса разрастается. Для нас, людей, сумма знаний менее важна, чем поддержание условий, которые позволяют науке постоянно обновляться.

Никого не принуждают оценивать жизнь с точки зрения, которая делает ее несостоящей. Человек обладает даром улавливать красоту. А какие неистощимые богатства содержит мир для человека, умеющего пользоваться своим разумом! Более того, природа наделила человека желанием поделиться с другими радостью, которую он чувствует. Прекрасное всегда требует свое право первенства. А иначе как можно объяснить факт, что в периоды неудач столь многие существа готовы пожертвовать своими жизнями просто для того, чтоб обеспечить непрерывность своей расы?

Для нас катастрофа то, что человек привязан к религии, которая восстает против всех радостей ощущений. Кстати, лицемерие протестантов еще хуже, чем католиков. Протестантизм такой же теплый, как и айсберг. Католическая церковь, при своих тысячах лет опыта не потерявшая связи со своим еврейским происхождением, очевидно, более искусна. Она разрешает оргии на карнавале, во-первых, потому, что бессильна их предотвратить, а во-вторых, потому, что возвращает обратно грешника в среду поста. Рисуя картины мучений в аду, она успешно побуждает его быть надлежаще щедрым. После периодов покаяния есть место для развлечения!

13 декабря 1941 г., полдень

**ОСОБЫЕ ГОСТИ: РИББЕНТРОП, РОЗЕНБЕРГ, ГЕББЕЛЬС,
ТЕРБОВЕН¹ И РЕЙХСЛЕЙТЕР БАЛЕР²**

Время решать религиозные проблемы. — Осуждение организованной лжи. — СС и религия. — Св. Павел и добольшевизм. — Рай: как его видят христиане и мусульмане. — Негритянское табу и Евхаристия. — Японцы и религия. — Муссолини делает ошибку

Когда-нибудь война закончится. И тогда я займусь своей последней задачей жизни: решением проблемы религии. Только в таком случае жизнь простого немца будет гарантирована раз и навсегда.

В вопросы веры я не вмешиваюсь. Поэтому я не позволю церковникам вмешиваться в дела мирские. Организованная ложь должна быть уничтожена. Государство должно оставаться абсолютным хозяином.

Когда я был моложе, я полагал, что эти вопросы надо решать с помощью динамита. С тех пор я понял, что здесь есть место для проявления тонкости ума. Сгнившая ветвь отпадет сама по себе. Окончательное состояние дел должно быть таким: на престоле св. Петра — дряхлый священник; напротив него — несколько зловещих старух, таких же слабоумных и бедных духом, как можно было бы ожидать. На нашей стороне — молодые и здоровые. Я ничего не имею против церкви, которая отождествляет себя с государством, как это имеет место в Англии. Но даже в таком случае невозможно вечно удерживать человечество в крепостной зависимости ото лжи. В конце концов, лишь между VI и VII веками нашим народам было навязано христианство князьями, имевшими общность интересов с «бригоголовыми» [монахами. — *Пер.*]. До этого наши народы прекрасно жили без этой религии. У меня есть шесть дивизий СС, укомплектованных людьми, абсолютно безразличными к вопросам религии. Но это им не мешает идти на смерть со спокойствием в душе.

Христос был арийцем, а св. Павел использовал его учение для мобилизации преступного мира и тем самым создал прообраз большевизма. Это вторжение означает конец долгого царствования, т. е. светлого греко-латинского гения.

¹ Т е р б о в е н Йозеф (1898—1945) — руководитель оккупационного режима в Норвегии.

² Б а л е р Филипп (1899—1945) — глава партийной канцелярии.

Что это за Бог, который испытывает наслаждение, видя людей, пресмыкающихся перед ним? Попробуйте мысленно нарисовать себе следующую незамысловатую историю. Бог создает условия для греха. Потом Ему удастся с помощью Дьявола спровоцировать человека на грех. Затем Он использует девственницу, которая дает миру Сына, Своей смертью искупающего грехи человечества!

Я могу себе представить людей, которых приводит в восторг рай Магомета, но какой бесцветный и неинтересный рай у христиан! Живя, привыкаешь слышать музыку Рихарда Вагнера. После смерти не будет ничего, кроме «аллилуйя», шелеста пальм, детей грудного возраста и покрытых белым пушком стариков. Человек с островов платит дань уважения силам природы. Но христианство — это изобретение больных мозгов: нельзя себе представить ничего более бессмысленного, ничего более недостойного для превращения идеи божества в насмешку. Любой негр с его табу обладает сокрушительным превосходством над человеком, всерьез верящим в переселение душ.

Я начинаю терять всякий респект к человечеству, когда думаю, что некоторые среди наших — министры или генералы — могут верить, что мы не можем одержать победу без благословения церкви. Такое понятие извинительно для маленьких детей, которые больше ничего не знают.

В течение тридцати лет немцы рвали друг друга на части, просто чтобы узнать, принимают ли они причастие в обоих видах. Нет ничего недостойнее, чем религиозные понятия вроде этого. С этой точки зрения можно позавидовать японцам. Их религия очень проста и дает им связь с природой. Они даже сумели использовать христианство и превратить его в религию, менее шокирующую интеллект.

Чем вы мне замените христианскую картину загробного мира? Что естественным образом нисходит на человечество, это ощущение вечности, и это чувство лежит в душе каждого человека. Душа и разум мигрируют точно так, как тело возвращается к природе. И таким образом, жизнь вечно возрождается из жизни. Что касается всех этих «почему?», мне не надо напрягать мозги на этот счет. Душа непроницаема.

Если есть Бог, то вместе с жизнью Он дает человеку и интеллект. Управляя моей жизнью согласно пониманию, которое Он мне даровал, я могу ошибаться, но действую из добрых побуждений. Конкретное лицо загробного мира, которое мне навязывает религия, не выдерживает проверки. Подумать только о тех, кто смотрит сверху на то, что происходит на земле: какая жертвенность с их стороны видеть человеческие существа, неумышленно повторяющие те же самые жесты и, неизбежно, те же самые ошибки!

По моему мнению, Х.С. Чемберлен ошибался, принимая христианство как реальность над человеческим уровнем.

Человек судит обо всем, сравнивая с собой. Больше то, что больше его самого, меньше то, что меньше его самого. Только одно можно утверждать наверняка: то, что он является частью спектакля. Каждый имеет свою собственную роль. Радость существует для каждого. Я мечтаю о таком времени, когда каждый человек будет знать, что он живет и умирает ради сохранения рода. Наш долг — поощрять эту идею: позволить человеку, отличившемуся на поприще сохранения рода, быть достойным высших наград.

Что за воодушевляющая идея: изгнать духовенство из партии! 21 марта 1933 г. в Потсдаме был поднят вопрос: с церковью или без нее? Я захватил страну, невзирая на проклятие, объявленное нам обеими верами. В тот день мы направились прямо к гробнице королей, в то время как другие посещали религиозную службу. Предположим, что в тот период я заключил бы сделку с церквями, тогда я бы разделял участь дуче. По природе дуче — свободомыслящий человек, но предпочел избрать путь уступок. Со своей стороны, я на его месте ступил бы на путь революции. Я бы вошел в Ватикан и всех бы выбросил оттуда, оставив за собой право на последующие извинения: «Простите меня, это была ошибка». Но результат был достигнут: они были б снаружи!

Когда все средства использованы, у нас нет причин желать, чтоб итальянцы и испанцы освободились от наркотика христианства. Давайте станем единственными людьми, иммунизированными против этой болезни.

76

14 декабря 1941 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РОЗЕНБЕРГ, БУХЛЕР, ГИММЛЕР

Несовместимость национал-социализма и христианства. — Папы Ренессанса. — Отравленный источник

Керрл¹ с самым благородным намерением хотел синтеза между национал-социализмом и христианством. Не верю, что это возможно, и вижу препятствие в самом христианстве.

Думаю, смог бы достичь понимания с папами Возрождения. Очевидно, их христианство было опасно на практическом уровне —

¹ Керрл Ханс (1887—1941) — руководитель министерства по делам церкви (1935—1941).

а на уровне пропаганды продолжало быть ложью. Но папа, даже преступный, защищающий великих художников и распространяющий среди них красоту, тем не менее, мне более симпатичен, чем протестантский священник, пьющий из отравленного источника.

Чистое христианство — христианство катакомб — связано с превращением доктрин в факты. Это совсем просто ведет к уничтожению человечества. Это просто искренний, идущий от всего сердца большевизм под показным блеском метафизики.

77

17 декабря 1941 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: Д-Р ГЕББЕЛЬС И ГИММЛЕР

Сторонники пангерманизма и австрийские христианские социалисты — Шонерер¹ и Люгер². — Великий мэр. — Антисемитизм в Вене. — Оппозиция Габсбургам. — Рихард Вагнер и мэр Лейпцига. — Другие мэры

До Первой мировой войны был в Вене один человек, выступавший в пользу взаимопонимания с антисемитской Румынией, — и в этом он видел лучший способ помешать Венгрии обрести слишком большое значение. Это был Люгер.

Люгер также придерживался мнения, что можно защитить Австрийское государство, но на условии, что Вена вернет себе все верховенство. С другой стороны, Шонерер избрал в качестве своей отправной идею, что Австрийское государство должно исчезнуть. Его отношение к дому Габсбургов было крайне радикальным. К тому времени относится первая попытка противопоставить германскую расовую общность монархии. На этом пункте Люгер и Шонерер разорвали кампанию между собой.

Люгер, принадлежавший пангерманскому движению, перекинулся в христианско-социальную партию, ибо считал, что антисемитизм является единственным средством спасения государства. Сейчас в Вене антисемитизм уже не может иметь никакой почвы, кроме религиозной. Ибо с расовой точки зрения около 50% населения Вены — не немецкое. Число евреев среди восьмисот тысяч было близко к тремстам тысячам. Но чехи в Вене были антисемитами. Люгеру удалось заполнить антисемитами тридцать шесть из ста сорока восьми мест в Венском муниципальном совете.

¹ Ш о н е р е р Георг фон (1842—1921) — один из создателей движения пангерманизма в Австрии, сторонник радикальных процессов в демократии.

² Л ю г е р Карл (1844—1910) — бургомистр Вены, один из создателей католической партии христиан-социалистов.

Когда я приехал в Вену, я был ярким противником Люгера. Как пангерманист и как сторонник Шонерера, я, естественно, был врагом христиан-социалов. И все же в течение моего пребывания я не мог избавиться от чувства огромного уважения лично к Люгеру. Впервые я услышал его выступление, находясь в городской управе. Мне пришлось бороться с самим собой, потому что я со всей решимостью питал отвращение к Люгеру, и, тем не менее, не мог удержаться от восхищения им. Это был непревзойденный оратор. Наверняка немецкая политика пошла бы в ином направлении, если б Люгер не скончался до Первой мировой войны в результате отравления крови после того, как последние годы жизни провел в слепоте. Христиане-социалы были у власти в Вене до своего крушения в 1918 г.

У Люгера были королевские замашки. Если он устраивал в ратуше празднество, то это было восхитительно. Никогда не видел его на улицах Вены, чтобы кто-нибудь не остановил его поприветствовать. Его популярность была огромной. На его похоронах двести тысяч венцев проводили его до кладбища. Процессия шла целый день.

Люгер был величайшим мэром из тех, кого мы когда-либо имели. Если наша палата общин получила определенную автономию, то это благодаря ему. То, что в других городах было ответственностью частных фирм, он в Вене превратил в общественные службы. Тем самым он смог расширить и украсить город, не вводя новых налогов. Еврейские банкиры однажды придумали идею урезать его источники кредита. Он основал муниципальный сберегательный банк, и евреи тут же уступили, завалив его предложениями денег.

Шонерер и Люгер до самого конца оставались оппонентами, но оба были великими немцами. В своих деловых отношениях с домом Габсбургов они оба вели себя, как одна великая держава ведет себя с другой. Из них более логичным был Шонерер, потому что он был намерен взорвать Австрийское государство. Люгер, с другой стороны, верил, что можно сохранить это государство в рамках немецкой общности.

Город вроде Гамбурга отлично управляется.

До низжайшего уровня дошли в Лейпциге в то время, когда мэром там был крайслейтер¹ Доники. Он был великолепным крайслейтером, но просто ничтожеством как мэр.

У меня есть несколько ляпсусов Рихарда Вагнера, которые были таковы, что их не смог не заметить даже Доники. В результате однажды в ходе церемонии под аккомпанемент речей на саксонском диалекте я принял из невинных рук Доники литографский оттиск — пример абсурда Вагнера, который он по простоте своей спутал с рукописью. Доники сиял от удовольствия. Примерно таким было

¹ Крайслейтер — руководитель районной организации НСДАП.

начало речи, которую он произнес перед целым университетом: «В Лейпциге родился знаменитый композитор Рихард Вагнер, создавший среди других опер оперу «Тангейзер». Профессора смущенно переглядывались. Я сам искал заднюю дверь, куда можно было бы скрыться от неловкости. Уезжая, я сказал Мутшману: «В течение недели сообщите мне имя нового мэра!»

Вне всяких сомнений, наш лучший муниципальный администратор — Филер², но...

Либель³ — это личность. Он еще не знает, что я нашел для него бокал Ямнитцера⁴. Он полагает, что тот все еще в Эрмитаже. Евреи его продали, а я выкупил в Голландии в одно время с предметами коллекции Мангеймера. «Праздник в розарии» Альбрехта Дюрера все еще находится в Праге. Поэтому Либель не упускает возможности напомнить мне, что обладает рамой к этой картине. «Очень хорошо, — сказал я ему в последний раз, — мы получим ее копию!»

Всякий раз, когда что-то происходит в пражской округе, мне поступают более-менее завуалированные намеки на то, что следует удалить такую-то и такую-то работу в безопасное место. Только что пал Краков, а Либель уже успел с помощью какой-то уловки, никого не известив, снять со своих пьедесталов скульптуры Вайт Штосса⁵ и перевезти их в Нюрнберг. Если б от него зависело, город Ферт был бы уничтожен. Не имея на это возможности, ему пришлось довольствоваться аннексией!

Прекрасным мэром в Ротенбурге и Линдау был Зиберт. Зиберт — величина первого порядка. Он был противовесом Вагнеру⁶, который, со своей стороны, имел большой дар к пропаганде. Зиберт, кроме того, способен чувствовать прекрасное. Это именно ему мы обязаны восстановлением копии цитадели Нюрнберга. Либель дал ему этим заниматься, не говоря ни слова, а потом, когда работа была завершена, предложил Зиберту подарить ее мне (но Либель знал, что я никогда не приму такой подарок). Посему Зиберт приехал ко мне и торжественно предложил эту цитадель. На следующий день ко мне прибыл Либель и сказал, что был очень рад, узнав, что я согласился. «Вы ошибаетесь, — возразил я. — Я не принимаю этот подарок». Тогда Либель спросил меня, может ли он меня попросить вернуть эту копию ему от имени древнего и благородного города Нюрнберга.

¹ М у т ш м а н Мартин — гаулейтер Саксонии.

² Ф и л е р Карл (1895—1969) — обер-бургомистр Мюнхена (1938).

³ Л и б е л ь Вилли (1897—?) один из руководителей военной промышленности, начальник центра управления министерства вооружений и боеприпасов.

⁴ Возможно, речь идет о «немецком Челлини» Венцеле Ямнитцере (1508—1585) или одним из его продолжателей (Георге или Кристофе).

⁵ В а й т Ш т о с с (Вит Ствош) (1455—1533) — польско-немецкий скульптор. Работы Штосса выполнены в готическом стиле.

⁶ В а г н е р Адольф (1890—1944) — заместитель министра-президента Баварии и министр внутренних дел Баварии (1933).

Зиберт приезжал ко мне вновь, но на этот раз — чтобы поплакаться в жилетку. Он жаловался, с некоторыми на то основаниями, на не очень правильную практику, используемую Либелем. В конце концов, ведь сам Зиберт давал ему все эти деньги... Если не ошибаюсь, проблема была решена так, что Нюрнберг в конечном итоге получил эту цитадель!

Великолепен мэр Регенсбурга. Это наш величайший строитель городов для рабочих.

Я всегда огорчаюсь, когда вижу, что некоторые города с величайшим прошлым управляются не первоклассными администраторами. Властью наделяется рейх, но администрация должна быть децентрализована. Иначе мы получим царство государственных чиновников, а таланты, пускающие ростки на местах, будут систематически предаваться забвению.

78

Ночь с 17 на 18 декабря 1941 г.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: Д-Р ГЕББЕЛЬС

Новый календарь? — Военные традиции. — Флаги и штандарты рейха

Этот вопрос встал передо мной, когда мы захватили власть. Стоит ли нам сохранить христианскую хронологию или мы откроем новую эру? Я размышлял, что год 1933-й всего лишь обновил нашу связь с военной традицией. В то время понятие рейха было, так сказать, утрачено, но снова навязалось нам и всему миру. Когда говорят о Германии, кто бы это ни был, уже упоминают только о «рейхе».

Армия рейха должна постепенно окунуться в старые традиции — особенно Пруссии, Баварии и Австрии.

Достойно сожаления, что мы до сих пор не пришли к единому стилю орлов и штандартов наших различных родов войск. Как он прекрасен, военный флаг рейха! Но он используется только флотом. Редер знал, что, когда корабль поднимает свой флаг, он поднимает флаг нации. Фрич¹, с другой стороны, хотел придать армии независимый вид, вот почему сейчас наши полковые флаги, в каком-то смысле, являются флагами ассоциации. Они подчеркивают, что бы ни персонифицировал каждый род войск, что бы он ни хотел подчеркнуть, это должно напоминать, что они принадлежат рейху. Крестonosцы в своих битвах с сарацинами воевали под эмблемой христианства. У римлян также был тот же самый штандарт.

¹ Ф р и ч Вернер фон (1890—1939) — генерал-полковник, командующий сухопутными войсками Германии (1934—1938).

18 декабря 1941 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Англичане ничего не понимали. — Голландцы горюют. — Япония и белые расы. — Кяочоу

Нынешние события на Дальнем Востоке происходят не по моему желанию. Годами я неустанно повторял всем англичанам, с которыми встречался, что они потеряют Дальний Восток, если вступят в войну в Европе. Они не отвечали, но принимали высокомерный вид. В искусстве надменности они мастера!

Я был тронут, когда Муссерт¹ сказал мне: «В этот час Вы меня наверняка поймете. Результаты усилий трех столетий исчезают как дым».

Вмешивается Гиммлер: «Мы должны учитывать как компенсацию, что таким образом голландский народ сохранит свою целостность, потому что ранее ему угрожал риск испортить свою кровь малайской». Гитлер продолжил:

Японцы оккупируют все острова один за другим. Они доберутся и до Австралии. Белая раса исчезнет из этих регионов.

Эта эволюция началась в 1914 г., в момент, когда европейские державы позволили Японии наложить свои лапы на Кяочоу.

Ночь с 23 на 24 декабря 1941 г.

Музей в Линце. — Принижение достоинств великих картин еврейскими критиками. — Некомпетентность буржуазных лидеров. — «Венера» Бордоне² (Джорджоне)

Мне пришло на ум, что музей в Линце уже можно сравнивать с каким угодно музеем в Нью-Йорке.

В промежуток с 1890-го по 1900 г. все еще можно было собрать великие коллекции. После этого стало практически невозможно заполучить воистину великие творения. Евреи установили охрану и монополизировали дело. Если б я раньше получил деньги, я б смог удержать в Германии немало работ, эмигрировавших за границу.

¹ Муссерт Антон (1894—1946) — основатель и лидер национал-социалистического движения в Нидерландах.

² Бордоне Парис (1501—1570) — итальянский живописец (венцианская школа).

Просто удача, что я их в конце концов нашел. Иначе б у нас остался всякий хлам, потому что евреи делают свой бизнес на творениях огромной ценности.

Для достижения этого они используют литературу. Вина в этом, во-первых, лежит на трусости буржуазии, а потом — на состоянии общества (за которое буржуазия равным образом отвечает), в котором только незначительная доля населения интересуется искусством. Еврей смог сказать самому себе: «Эти немцы, принимающие извращенные картины распятого Христа, способны проглотить и другие ужасы, если можно будет убедить их, что эти ужасы красивы!» Народ о таких вопросах не заботится. Это все прерогатива так называемой элиты, которая верит в свою компетентность, хотя в реальности она не способна отличить прекрасное от уродливого. Такая ситуация была выгодна для меня в период, когда, хоть и не имея денег, я начал покупать. Еще что было для меня полезного в Англии, это то, что некоторые работы по причине их персонажей не соответствовали конформистской морали общества. Так я смог стать обладателем восхитительной «Венеры» Бордоне, которая прежде принадлежала герцогу Кентскому. Я был в восторге, что сумел получить в Англии несколько работ самого высокого уровня в обмен на ужасы, которые расхваливали еврейские критики. Со стороны евреев это была настоящая тактика фальшивомонетчиков, ибо они прекрасно знали, что работы, которые они превозносят, не стоят ничего.

Они используют эту переоценку ценностей, чтобы скупить тайком и по выгодной цене шедевры, которые они сознательно обесценили.

81

Ночь с 28 на 29 декабря 1941 г.

Диета, лишенная биологической ценности. — Обсерватория в Линце. — Все зависит от человека. — Дело Юлиуса Штрейхера¹. — Штрейхер идеализировал евреев. — Истина одному из старых товарищей. — Дитрих Экарт и его зад. — Любовь Зеверинга к письмам. — Помощь благородным врагам

Когда я был молодым, доктора обычно говорили, что мясная диета необходима для формирования костей. Это неверно. В отличие от людей, которые едят мамалыгу, у нас плохие зубы. Мне

¹ Ш т р е й х е р Ю л и у с (1885—1946) — немецкий политический деятель, гаулейтер Франконии (1925), издатель газеты «Sturmer» («Штурмовик»), руководитель центральной комиссии по противодействию еврейским проискам (1933), член СС (1934). За критику «непоследовательного антисемитизма» Гитлера смещен со всех постов (1940).

пришло в голову, что это как-то связано с диетой, которая более или менее богата дрожжами. Наш рацион на девять десятых состоит из продуктов, лишенных своих биологических качеств.

Когда мне говорят, 50% собак умирает от рака, этому должно быть какое-то объяснение. Природа предназначила собаке питаться сырым мясом, разрывая на части других животных. Сегодня собака ест почти исключительно смешанную хлебную и приготовленную пищу.

Если я дам ребенку сделать выбор между грушей и куском мяса, он быстро выберет грушу. Это в нем говорит атавистический инстинкт.

Деревенские жители проводят четырнадцать часов на свежем воздухе. И все равно они старятся к сорока пяти годам, а смертность среди них огромная. Это результат ошибки в их диете. Они едят только приготовленную пищу.

Неверно думать, что человек должен руководствоваться своей жадностью. Природа спонтанно исключает все, что не имеет дара жить. Человек, единственный среди живых существ, пытается отвергнуть законы природы.

Великая трагедия для человека в том, что он понимает механизм вещей, но сами вещи остаются для него загадкой. Мы способны различить составляющие части молекулы. Но когда возникает необходимость объяснить «почему?», слов нам не хватает. И вот это приводит людей к ощущению существования сверхъестественной силы. Если у меня будет обсерватория в Линце, я прикажу выгравировать на ее фронтальной части следующие слова: «Небеса провозглашают славу вечности». Великолепно, что именно так у человечества сформировалась идея Бога. Всевышний, который сотворил миры, наверняка разрешил каждому существу быть мотивированным знанием своих функций. Все в природе происходит в соответствии с тем, что должно произойти.

Человек непременно сошел бы с ума, если б вдруг сто тысяч лет назад узнал то, что мы знаем сегодня.

Человеческое существо развивается не только через обязанности, которые жизнь возлагает на него, но и через особенности, слагающие климат его периода. Посему сегодняшняя молодежь считает совершенно естественными различные понятия, которые поколением назад выглядели революционными.

Я совсем потерял из виду партийные организации. Когда я сталкиваюсь то с одним, то с другим достижением, я думаю: «Боже мой, как все развилось!»

Потому неверно, когда мне говорят, например: «Это только благодаря Вам, мой фюрер, гаулейтер такой-то смог сделать то-то». Нет, это зависит, главным образом, от людей, которые делают эту

работу. Я ясно представляю себе это сегодня в военных вопросах. Все зависит от людей. Без них я не смог бы сделать ничего.

В наши дни некоторые малые народы имеют больше способных людей, чем вся Британская империя.

Сколько раз я слышал, как в партии говорили, что на такой-то пост надо поставить нового человека. К сожалению, я мог отвечать лишь: «Но кем вы замените нынешнего его держателя?»

Я всегда готов заменить несоответствующего человека другим с лучшими качествами. Фактически если что-то и можно сказать об узах лояльности, то на окончательное решение влияют качества человека, на которого возлагается ответственность.

Одно несомненно, это то, что Штрейхера никогда не заменяли. Несмотря на все его слабости, он обладает духом. Если желаем сказать правду, надо признать, что без Юлиуса Штрейхера в Нюрнберге национал-социализм никогда бы не победил. Он сам отдал себя в мое подчинение в то время, когда другие еще колебались, и полностью завоевал этот город наших митингов. Это незабываемая услуга.

Не один раз Дитрих Экарт говорил мне, что Штрейхер был школьным учителем и лунатиком в придачу со многих точек зрения. Он всегда добавлял, что невозможно было бы надеяться на триумф национал-социализма, не помогая таким людям, как Штрейхер. Несмотря ни на что, Экарт очень его любил.

Штрейхера упрекают за его «Штюмер». Истина противоположна тому, что говорят: он *идеализировал* евреев. Еврей на деле — ниже, ожесточенней, более дьявольский, чем его описывал Штрейхер.

Это не преступление — высказываться публично о делах государства, потому что государство нуждается в народной поддержке. Конечно, бывают случаи, когда несвоевременно говорить о некоторых вопросах. Всякий, кто так поступает, совершает, как правило, преступление ничем не хуже, чем нарушение дисциплины.

Фрик как-то сказал мне, что акционерный капитал Штрейхера резко упал в Нюрнберге. Я ездил в Нюрнберг, чтобы помочь сложить какое-то мнение. Штрейхер пришел ко мне в номер, и забушевал ураган энтузиазма!

Как-то я побывал на женском собрании. Оно проходило в Нюрнберге, и меня предупредили, что Эльсбет Цандер — очень серьезный соперник Штрейхеру. Митинг проходил в зале «Геркулес» для велосипедных гонок. Штрейхера встретили с неопишуемым энтузиазмом. Все старейшие приверженцы партии высказывались в пользу Штрейхера и против Эльсбет Цандер. Мне ничего не оставалось делать, кроме как отбыть.

Само собой, организация этого гау была очень несовершенна. Если взять в качестве критерия государственного чиновника, то

сравнение будет явно не в пользу Штрейхера. Но я должен напомнить, что в 1919 г. Нюрнберг взял для меня не функционер.

В конце концов, сами гаулейтеры попросили меня быть снисходительным к Штрейхеру. При всех обстоятельствах не было никакого сравнения между совершенными им ошибками и его признанными заслугами, которые были блестящими.

Как обычно, надо искать женскую сторону вопроса!

Кто избегает критики? Я сам, если сегодня исчезну, ясно понимаю, что придет время, может, через сто лет, когда на меня будут яростно нападать. История для меня не станет делать исключений. Ну и что тут такого? Достаточно еще одной сотни лет, чтоб все тени стерлись. Я не беспокоюсь о таких вещах, а иду своим путем.

Это дело Штрейхера — трагедия. В основе конфликта лежит ненависть, возникшая между двумя женщинами.

В любом случае, я могу заявить лишь одно: Штрейхер незаменим. Его имя выгравировано в памяти народа Нюрнберга. Нет вопроса о его возвращении, но я должен отдать ему должное. Если когда-нибудь я стану писать мемуары, я буду должен признать, что этот человек сражался за наше дело, как бык. Завоевание Франконии — его работа.

Меня мучает совесть, когда я чувствую, что был к кому-то несправедлив. Когда я еду в Нюрнберг, всегда ощущаю какое-то чувство горечи. Не могу не думать, что при столь многих услугах причины для отстранения Штрейхера в самом деле очень незначительны.

Все эти разговоры о его якобы болезни — ложь. У Штрейхера только одна болезнь — это нимфолепсия [стремление к недостижимому. — *Пер.*].

Так или иначе, нам надо найти решение. Я не могу мечтать о созыве митинга в Нюрнберге, на котором будет запрещено присутствовать человеку, который дал Нюрнберг партии.

Я могу посадить на место Штрейхера какую-нибудь посредственность. Он будет прекрасно управлять гау, пока будет нормальная ситуация. Если произойдет катастрофа, посредственность исчезнет.

Лучший совет, какой я могу дать своим преемникам, — быть лояльным в таком случае.

Фрау Штрейхер в этом деле не замешана. Фрау Либель — женщина амбициозная.

Возможно, никто из нас не является полностью «нормальным». Иначе мы бы проводили все свои дни в кафе за углом. Католики, буржуа — все обвиняли меня в том, что я сумасшедший, потому что в их глазах нормальный человек — тот, кто каждый вечер пьет три стакана пива. «Почему такая шумиха? Это, очевидно, доказательство того, что он сумасшедший».

Когда я анализирую ошибки, за которые бранят Штрейхера, я ясно понимаю, что ни один великий человек не пройдет через это

сито. Рихарда Вагнера критиковали, потому что он носит шелковую пижаму: «Расточительность, бессмысленная роскошь, непонимание ценности денег. Человек сошел с ума!» Что касается меня самого, достаточно того, что меня можно корить за то, что вверяю деньги всем и вся, не имея никакой гарантии, что деньги будут разумно истрачены. Человек, который хочет убить мою собаку, начинает с того, что заявляет, что у нее бешенство! Меня несколько не волнует, что меня самого могут судить таким образом. Но мне было б стыдно, если б я использовал такие критерии, вынося суждение о других.

Никто не имеет права фотографировать человека, застигнутого врасплох. Слишком легко выставить человека в смешном свете. Задайте любому вопрос, что он будет делать, если ему не повезет и его вдруг заснимут без его ведома в деликатной ситуации? Эти фотографии были сняты из дома напротив. Это отвратительно, и я запретил всякое использование подобного рода фотографий.

Несправедливо требовать от человека больше, чем он может дать. У Штрейхера нет дара великого руководителя. Доверил бы я работу редактора крупной газеты Дитриху Экарту? С финансовой точки зрения там была бы ужасная путаница. Один день газета выходила бы, другой — нет. Если б для дележа нашлась свинья, Экарт пообещал бы ее налево и направо и раздал бы не менее двадцати четырех окорков. Эти люди так устроены, но без них невозможно было б начать ни одно дело.

У меня самого нет талантов великого руководителя, но я знаю, как окружить себя людьми, в которых я нуждаюсь.

Дитрих Экарт, например, не может быть директором национального Института искусств. Это все равно что попросить меня посвятить себя сельскому хозяйству. Я на это совершенно не способен.

Как-то у меня на руках была целая куча писем от Зеверинга. Если б их опубликовать, его бы уничтожили. Это были излияния помощника лавочника мануфактуры. Я сказал Геббельсу: «Мы не имеем права их использовать». Чтение этих писем приблизило Зеверинга ко мне, сделало симпатичнее, и, возможно, это была одна из причин, почему впоследствии я его не преследовал.

Точно так же у меня в государственных архивах есть фотографии Матильды фон Кемниц¹. Я запретил их публикацию.

Не думаю, что человек должен умереть от голода из-за того, что он был моим противником. Если это был подлый противник, тогда ему дорога в концентрационный лагерь! Но если он не мошенник,

¹ К е м н и ц М а т и л ь д а ф о н — «народная» писательница, супруга Эриха фон Людендорфа.

я его отпускаю и слежу за тем, чтобы у него было на что жить. Так я помог Носке¹ и многим другим. Вернувшись из Италии, я даже увеличил им пенсии, сказав себе: «Хвала Господу, благодаря этим людям я избавился от аристократических отбросов общества, которые все еще разваливают Италию». Поправьте меня, если ошибаюсь, их пенсия сейчас составляет восемьсот марок в месяц.

Правда, что я бы не мог разрешить, это чтобы они устраивали какие-то финансовые сделки в мою пользу — как Зеверинг, например, предлагал мне это не раз. Я бы купил их. В случае одного из них я помню, что он говорил о нас: «По пути к социализму результаты превзошли все, о чем мы мечтали».

С самим Тельманом хорошо обращаются в его концентрационном лагере. У него есть свой маленький домик.

Торглера отпустили на свободу. Он мирно занимается своим трудом над социализмом XIX века. Я убежден, что он ответствен за поджог рейхстага, но доказать не могу. Лично я против него ничего не имею. Кроме того, он полностью успокоился. Жаль, что я не встретился с этим человеком десятью годами раньше! По природе это разумный парень.

Какое безумие со стороны Испании, которая занимается преследованием истинных фалангистов.

Слава богу, я всегда избегал преследовать своих врагов.

82

29 декабря 1941 г.

ОСОБЫЕ ГОСТИ: Д-Р ТОДТ И ГЕНЕРАЛ-ДИРЕКТОР ПЛЕЙГЕР²

Индустриализация рейха. — Уголь и железо. — Работа, совершенная русскими пленными. — Заглянем вперед

Индустриализация рейха началась с добычи угля в Рурском бассейне. Затем последовало развитие сталелитейной промышленности и, как следствие, тяжелой индустрии — которая сама стала источником химической индустрии и других отраслей.

Главная проблема сегодня — проблема рабочей силы. За ней идет проблема основных сырьевых материалов: угля и железной руды. С людьми, углем и железной рудой можно решить транспорт-

¹ Н о с к е Густав (1868—1946) — немецкий политический (крайне правый социал-демократ) и государственный деятель. Один из руководителей подавления событий 1918—1919 гг. и Капповского путча 1920 г. Известные слова в его адрес «кровожадная собака» являются самохарактеристикой.

² П л е й г е р Пауль (1899—?) — один из руководителей германской промышленности, председатель Имперского угольного объединения (1940).

ную проблему. На этом этапе выполнены все условия для функционирования гигантской экономики.

Как нам добиться увеличения производства угля и руды? Если будем использовать русскую рабочую силу, это позволит нам переключить своих немцев на другие задачи. Лучше потратить время и обтесать русских, чем привлекать итальянцев с юга, которые скажут «до свидания» через шесть недель! В конце концов, русский не настолько туп, чтобы не суметь работать в шахте. В любом случае, мы целиком и полностью за стандартизацию. Более того, мы будем все меньше и меньше использовать токарные работы. Прессы впредь займут место токарных станков.

С помощью этого колоссального человеческого материала — я насчитываю два с половиной миллиона работоспособных русских — мы сможем производить те станки, которые нам потребуются.

Можно отказаться от строительства новых заводов, если успешно внедрим систему двухсменной работы. То, что ночная смена не производит столько же продукции, что дневная, не такое уж непреодолимое неудобство. Компенсация в том, что мы экономим на материалах, требуемых для строительства новых заводов. Надо заглядывать вперед.

83

30 декабря 1941 г.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Поврежденные корабли. — Британский пример. — Саботаж

Англичанам удастся очень быстро восстановить мореходные качества своих кораблей, поврежденных в боях. Это наводит на мысль, что они знают, как ограничиться необходимым объемом ремонта, а мы в это время относимся к этому с мелочной требовательностью, отчего теряем драгоценное время.

Во многих областях мы остаемся верными старым привычкам всегда и везде добиваться наилучших результатов. Я вас спрашиваю, какой смысл в том, что корабль, нужный для одного конкретного момента, построен из стали, которая переживет века? Кроме того, в войну и в мирное время главное в том, чтоб какая-то вещь выполнила требуемую работу в тот момент, когда это нужно.

Очень часто люди цепляются за старые правила, потому что боятся взять на себя ответственность. И каждый уповает на Бога: это правило лишает возможности взять на себя инициативу! Это нечто вроде пассивного сопротивления, вызванного вялостью и леностью мышления. Я думаю, есть случаи, в которых верность букве правил схожа с саботажем.

*Ночь с 31 декабря 1941 г. на 1 января 1942 г.***Белая раса и Дальний Восток. — В Японии нет социальных проблем. — Голландия и Япония. — Неминуемое падение Сингапура¹**

Дальний Восток можно было бы удержать, если бы великие державы белой расы объединились для этого в коалицию. Если б все было так устроено, Япония бы никогда не смогла успешно материализовать свои претензии.

Японцы не нуждаются в национал-социалистической революции. Если они сами избавятся от некоторых излишних элементов влияния Запада, они избегут необходимости решения социального вопроса в своем обществе. Принадлежит ли какой-то японский завод государству или частному лицу — чистая формальность. В Японии нет класса крупных собственников, только мелкие хозяева. Становой хребет населения — средний класс.

Социальный вопрос мог бы встать в Японии, лишь если бы страна обрела огромное богатство. Осима придерживается мнения, что нам повезло, потому что русские пространства, которые мы сейчас завоевываем, отличаются диким, суровым климатом. Он заметил, что, с другой стороны, архипелаги, на которых хотя бы обосноваться его соотечественники, имеют климат помягче.

Если б голландцы связались с Японией каким-нибудь торговым соглашением, это было бы умным ходом с их стороны. Под давлением англичан в течение последних нескольких лет они сделали совершенно противоположное. Возможно, голландцы решатся на такое соглашение, как только падет Сингапур.

Благодаря немцам, которых японцы наймут для работы на архипелаге, мы обретем в этих районах отличные рынки.

¹ С и н г а п у р — английская колония (1819—1959). Капитулировал 18 февраля 1942 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1942 год

1 января — 5 февраля

85

1 января 1942 г.

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ГИММЛЕР, РЕЙХСМИНИСТР ДОРПМЮЛЛЕР И ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА КЛЕЙНМАН¹

Я за обширные общественные работы (строительство туннелей и т. д.), которые в период войны ведутся военнопленными. Можно поставить любого дурака, чтобы командовать ими. Посылать на такие работы немецкую рабочую силу было бы пустой ее тратой.

86

1 января 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Разрешение на азартные игры в Баден-Бадене

Я никогда не обращал внимания на цену вещей, кроме тех случаев, когда имеешь дело с покупателями со скромными возможностями. Что касается богатых, надо бы придумать, как заставить их тратить свои деньги!

Однажды гаулейтер Бадена поделился со мной своими опасениями, касающимися Баден-Бадена, который, как он мне сказал, те-

¹ Д о р п м ю л л е р Юлиус (1869—1945) — министр транспорта (1937), один из создателей автобанов. К л е й н м а н Вильгельм (1876—1945) — генеральный директор железных дорог (1933), статс-секретарь министерства транспорта (1934).

ряет источник доходов. Евреи, ранее составлявшие главную часть его клиентуры, покидают, начиная с 1933 г., курорт.

С предоставлением Баден-Бадену субсидий нет проблем. Курорт жизнеспособен на условии, если обладает каким-нибудь казино. Я ни секунды не колебался и разрешил карточную игру в этом месте.

87

Ночь с 1 на 2 января 1942 г.

Нельзя избежать Бога. — Свадебная церемония. — Чиновник, который не думает. — Монсеррат...¹

Обсуждая письмо фрау фон Ойенхаузен, Chr. Schr. исследовала возможность замены религиозного обучения в школах курсом общей философии, чтобы дети не утратили чувство уважения в присутствии вещей, которые превышают пределы нашего понимания. Кто-то предложил не называть этот новый курс обучения «философией». Он будет более похож на толкование национал-социализма. Фюрер изложил свое мнение на этот счет:

От проблемы Бога уйти невозможно. Когда найду время, я разработаю доктрины, которые будут применяться к большим событиям. Нам надо найти что-то совершенное как по идее, так и по форме.

Я считаю, что надо проводить бракосочетание таким образом, чтобы пары не представлялись одна за другой перед представителем гражданской власти. Если каждая пара соберет для сопровождения десятков родственников и друзей, то на пятьдесят пар будет пятьсот участников — все они составят элементы величественной церемонии!

Сейчас перед представителем гражданской власти стоит невозможная задача. Как можно ожидать от человека вдохновенную речь десять раз в день? Но какую бесцветную чушь они иногда несут! Выражение «представитель гражданской власти» само по себе не очень поэтично. Когда я слышу это, оно мне напоминает моего отца. Я иногда говаривал ему: «Папа, только подумай...» И он тут же прерывал меня: «Сынок, мне не надо думать, я — чиновник».

Гитлер стал перелистывать иллюстрированную книгу на испанском:

Монсеррат! С этим словом оживает легенда. Оно напоминает о схватке между маврами и римскими католиками. Восхитительная страна. Можно вообразить себе, что там находится замок со священным Граалем.

¹ М о н с е р р а т — гора в Каталонии.

Ночь со 2 на 3 января 1942 г.

**Воспоминания об Оберзальцберге. — Профессор Гофман¹. —
Картины Ротмана. — Животные**

Когда я еду в Оберзальцберг, меня туда влечет не только красота пейзажа. Там я ощущаю себя вдали от мелочей жизни, и разжигается мое воображение. Занимаясь какой-нибудь проблемой в ином месте, я вижу ее менее четко, я погружаюсь в детали. Ночью в Бергхофе я часто не смыкаю глаз часами, созерцая со своей постели горы, залитые лунным светом. И вот в такие моменты ясность входит в мои мысли.

Во время предвыборной кампании встал вопрос, как выиграть депутатские места. Только имеющие какое-то значение партии могут надеяться на это. У меня для этой кампании не было оригинальной формулы. Я поехал в Оберзальцберг. В четыре часа утра я уже встал и сразу же четко себе представил, что должен делать. В тот же день я подготовил всю серию плакатов. Я решил подавить соперника весом его собственных аргументов. И какое оружие он нам предоставил с их помощью!

Все мои великие решения были приняты в Оберзальцберге. Это там я задумал наступление мая 1940 г. и нападение на Россию.

Когда Гофман уезжал на несколько дней, я скучал по нему.

Chr. Schr. восклицает: «Мой фюрер, как был бы счастлив профессор Гофман, если б знал это».

Но он это отлично знает. Не так давно он хотел дать мне Менцеля². Это было действительно очень любезно с его стороны. Я отказался принять. Хотя она мне и нравилась, я не стал лишать его этой картины. Кроме того, что я с ней буду делать? В Линце для нее нет места. А для дома Гофмана это настоящее сокровище. Гофман мог бы мне оказать услугу, отыскав, например, Ротмана для моей коллекции.

Греческие и римские ландшафты Ротмана³ в Пинакотеке обладают какими-то необычайными световыми эффектами. В Линце у нас есть только одна из его картин. Но в конце концов, нельзя иметь все на свете. Если кому-то захочется изучать Ротмана, ему надо только поехать в Мюнхен.

¹ Гофман Генрих (1885—1957) — личный фотограф Гитлера.

² Менцель Адольф фон (1815—1905) — немецкий живописец и график (реалистическая школа).

³ Ротман Карл (1797—1850) — австрийский живописец и график.

Почему крик совы так неприятен человеку? Этому должна быть какая-то причина.

Воображаю себе гул голосов в девственном лесу. Животные громко ревут, когда голодны, когда чувствуют боль, когда испытывают любовь. Язык птиц наверняка более сложен, чем мы считаем. Мы говорим, что кошки — игривые создания. Возможно, то же самое они думают о нас. Они терпят нас, сколько могут, а когда устают от нашего ребячества, просто царапают своими когтями!

89

3 января 1942 г., полдень

Великобритании следовало избежать войны. — Номура и Курусу, два японских дипломата. — Как обмануть

Если и есть страна, у которой были особенные причины избежать войны, то это наверняка Великобритания. Единственный способ для нее сохранить свою империю — это иметь сильную авиацию и сильный флот. Это все, что ей надо.

Осима говорил мне, что, чтобы обмануть американцев, были посланы N. и K.¹, потому что были печально известны симпатии обоих к взаимопониманию с Соединенными Штатами.

Когда хочешь обмануть противника, демонстрируя показную слабость, какой ошибкой будет использовать храброго человека и просить его симулировать слабость! Лучше уж подобрать такого, кто совершенно слаб.

90

Ночь с 3 на 4 января 1942 г.

Набор новобранцев в ряды СС. — Ценность Гимmlера. — Происхождение СС и СА. — Зепп Дитрих. — Семьсот мест в рейхстаге. — Школьные учителя. — Геринг и немецкая честь. — Похвала оптимизму. — Женщины любят самцов. — Сорок градусов ниже нуля. — Танки Роммеля. — Ассамблея в Вормсе. — Происхождение германского приветствия. — Объяснение термина «фюрер»

Не следует вести слишком широкий набор в войска СС [*Schutzstaffel* — букв. защитный строй. — *Ред.*]. Важно сохранить их на качественно высоком уровне. Это формирование должно созда-

¹ Имеется в виду миссия Номура—Курусу (1941). Посол Японии в США Кисабура Номура и специальный посланник Сабура Курусу вели переговоры с госсекретарем Корделом Хэллом о возможности мирного решения геополитических проблем между двумя странами (проникновение Японии в Китай, нефтяное эмбарго США).

вать вокруг элитных солдат ореол любви. Народ должен знать, что войскам вроде СС приходится выполнять палаческие обязанности больше, чем кому-либо еще, — чтобы тем самым отсеять ту молодежь, которая хочет только покрасоваться. Войска, воодушевленные свирепой волей, войска с неотразимой экипировкой — воплощенное чувство превосходства!

Как только вернется мир, СС снова получают свою независимость — полную независимость. Всегда существовало соперничество между полевыми войсками и гвардейцами. Вот почему хорошо, что СС создадут по отношению к другим совершенно иной мир. В мирное время это элитная полиция, способная сокрушить любого противника. Было необходимо, чтобы СС участвовали в войне, иначе бы их престиж понизился. Я горд тем, что армейский командир может мне доложить, что его «войска в основном состоят из бронетанковой дивизии и дивизии СС «Рейх».

У Гимmlера есть экстраординарное качество. Я не верю, что кто-то еще выполнял обязанности развертывания своих войск в таких постоянно тяжелых условиях. В 1934 г. «старый джентльмен» был все еще там. Даже потом возникли тысячи проблем.

Будучи убежден, что всегда существуют обстоятельства, для которых предусмотрены элитные войска, в 1922—1923 гг. я создал штурмовые отряды «Адольф Гитлер». Они были укомплектованы из людей, которые были готовы на революцию и знали, что в тот или другой день придет время для крутых драк. Когда я вышел из Ландсберга, все было расколото и рассеяно на иногда соперничающие банды. Я тогда подумал, что мне нужна охрана, пусть даже небольшая, но состоящая из людей, которые будут на моей стороне без ограничений и даже пойдут в бой против своих братьев. Только двадцать человек на город (при условии, что на них можно абсолютно положиться), а не подозрительная масса.

Морис, Шрек и Хайден¹ сформировали в Мюнхене первую группу «крепких парней», став тем самым основателями войск СС. Но уже при Гимmlере² СС стали той экстраординарной организацией людей, преданных идее, верных до смерти. Я вижу в Гимmlере нашего Игнатия Лойолу. С интеллектом и настойчивостью, навстречу ветрам и течению он ковал это орудие. Руководителям СА, с их стороны, не удалось вдохнуть в свои войска душу. В настоящее время мы уже убедились, что каждая дивизия СС понимает свою ответственность. СС знают, что их работа — показать пример, быть им, а не прикидываться, и что все глаза устремлены на них.

Роль Зеппа Дитриха уникальна. Я всегда давал ему возможность вмешиваться в горячих точках. Это человек, который одновремен-

¹ М о р и с Эмиль (1897—1979) — один из первых членов НСДАП, личный охранник фюрера; Х а й д е н Эрхард был рейхсфюрером СС в 1927—1929 гг.

² Генрих Гимmlер руководил СС в 1929—1945 гг.

но хитер, энергичен и жесток. Под внешностью головореза Дитриха скрывается серьезный, честный, педантичный характер. А как он заботится о своих войсках! Он — феномен из разряда таких людей, как Фрундсберг¹, Цитен² и Зейдлиц³. Это баварский Врангель, некто незаменимый. Для немецкого народа Зепп Дитрих — национальное учреждение. Для меня лично также установленный факт, что это один из моих старейших товарищей по борьбе.

Одна из трагических ситуаций, в которых мы побывали, сложилась в 1930 г. в Берлине. Однако как Зепп Дитрих мог утвердить свою личность! Это было как раз перед выборами, от которых зависело все. Я ожидал в Мюнхене результаты подсчета голосов. Приехал очень взволнованный Адольф Мюллер и объявил: «Думаю, мы победили. Мы можем получить шестьдесят шесть мест». Я ответил, что, если немецкий народ способен думать правильно, он нам даст больше чем 66. Про себя я думал: «Если б получить сто мест!» Вдруг оказалось, что сто мест достижимы. Мюллер предложил выпить за это. Дошло до ста семи мест! Как выразить то, что я чувствовал в этот момент? Мы взлетели с двенадцати до ста семи мест.

Терпеть не могу школьных учителей. Как всегда, исключение подтверждает правило, и вот почему молодежь все более становится приверженной к исключениям.

После Первой мировой войны ситуация в университетах была сложной. Молодые офицеры, короткое время назад бывшие на фронте, превратились в неловких учеников.

Однажды у меня была возможность послушать выступление Гейринга, в котором он решительно объявил себя на стороне германской славы. Я обратил на него внимание. Он мне нравился. Я сделал его главой моих СА. Он — единственный, кто нормально руководит СА. Я дал ему растрепанный сброд. За очень короткое время он организовал дивизию из одиннадцати тысяч человек.

Молодой Лютце⁴ ушел добровольцем на фронт. Давайте надеяться, что с ним ничего не случится. Он в самом деле образец того, чем должен быть молодой человек, — совершенен во всех отношениях. Когда он пройдет достаточно длительный период подготовки на

¹ Фрундсберг Георг (1473—1528) — немецкий полководец, предводитель ландскнехтов, разграбивших Рим (1527).

² Цитен Ганс (1699—1786) — прусский полководец, участник Семилетней войны.

³ Зейдлиц Фридрих Вильгельм (1721—1784) — генерал кавалерии Фридриха Великого.

⁴ Очевидно, речь идет о сыне обенгруппенфюрера СА Викторе Лютце.

фронте, я возьму его к себе в свой штат. В нем видна порода. Однажды Инга и он приезжали в Оберзальцберг. Им, вероятно, было тринадцать и четырнадцать лет. Инга сделала что-то, несомненно, не совсем приличное. Он повернулся к нам и заметил: «Вот до чего в наши дни доходят молодые люди!»

Однажды я присутствовал на похоронах некоторых убитых товарищей национал-социалистов. Я был тронут достойным поведением их семей. Некоторое время спустя в Нюрнберге хоронили австралийского солдата, Шумахера, который также был убит. Все рыдали и стонали — ужасный спектакль.

Пожалейте пессимиста. Он портит наше существование. Фактически, жизнь выносима, лишь если человек — оптимист. Пессимист бесцельно осложняет вещи.

В моем отделении царило откровенное веселье. Кроме курьеров, не было никакой связи с внешним миром. У нас не было радиоприемника. Что бы случилось с нами, боже, если бы мы были кучкой пессимистов!

Самое худшее — это командир-пессимист. Такой человек может все парализовать. На такой стадии человек уже не пессимист, это пораженец.

Как бы я смог преуспеть без дозы оптимизма, который никогда меня не покидал, и без веры, которая двигает горы?

Чувство юмора и склонность к смеху — качества, необходимые в боевой части. Перед самой отправкой в бой на Сомме мы смеялись и шутили всю ночь.

Молодые люди — оптимисты по натуре. Эту склонность надо поддерживать. Надо верить в жизнь. Всегда полезно уметь делать сравнения между событиями. Тогда в трудной ситуации я всегда вспоминаю, каково было наше положение в 1933 г. Недостаточно быть расположенным к оптимизму, надо еще в придачу иметь заряд молодости. К счастью, я пришел в политику в тридцать лет, стал рейхсканцлером в сорок три, а сегодня мне только пятьдесят два.

Один рождается оптимистом, а другой — пессимистом. С возрастом оптимизм ослабевает. Пружина распрямляется. Когда в 1923 г. я потерпел поражение¹, у меня была лишь одна мысль: вернуться вновь в седло. Сегодня я уже не способен на усилие, которое для этого требуется. Осознание, что ты уже не в состоянии совершить это, как-то деморализует. Я слепо верю в мой народ. Если я потеряю эту веру, нам ничего не останется делать, кроме как прикрыть лавочку.

¹ Провал «пивного путча».

Бедняга вроде Видемана¹, что ему теперь осталось делать? Каждый кризис приходит к концу. Единственный вопрос, переживешь ли ты этот кризис. Зимы, в которую термометр остается на отметке 50° ниже нуля, просто не существует! Важно не уступать ни при каких обстоятельствах. Приятно видеть человека, выбравшегося из безнадежной ситуации. Но не каждому дано справиться с враждебной судьбой.

Всю мою жизнь это был мой хлеб насущный. Прежде всего, в юности я испытал бедность. Потом иногда безвыходные ситуации в партии. Далее, правительство страны. Но к счастью, ничто не длится вечно — и это утешает. Даже в лютую зиму знаешь, что весна придет. И если в этот момент люди превращаются в глыбы льда, это не помешает апрельскому солнцу сиять и возрождать жизнь в этих безлюдных просторах.

На юге таяние начинается в мае. В Крыму тепло уже в феврале. В конце апреля как будто кто-то взмахнул волшебной палочкой: за несколько дней снег тает, и все вновь становится зеленым. Этот переход от одного сезона к другому происходит, так сказать, без промежутков. Мощное бурление жизненных сил. Ничто не может сравниться с тем, что происходит в нашей части света.

Человек мгновенно забывает о вещах, из-за которых он страдал. Иначе он бы жил в постоянной тревоге. Через девять месяцев женщина забывает об ужасных болях деторождения. Рана забывается сразу же. Что действительно странно — что в момент ранения человек испытывает просто шок, но не мгновенную боль. Кажется, что не произошло ничего серьезного. Боль начинается лишь тогда, когда раненого несут. Все это доводило до невероятных сцен, особенно в 1914 г., в период, когда формализм еще не уступил свои права. Раненый, едва способный стоять на ногах, должен был дожидаться, чтобы спросить у своего капитана разрешения на эвакуацию!

Вообще-то все прекрасно в нашей расе. Также прекрасно для немецкой женщины; ибо женщины обожают самцов. Мужчины нордических стран смягчились до такой степени, что их самые красивые женщины застегивают свои чемоданы, когда появляется возможность подцепить на крючок какого-нибудь мужчину в наших краях. Так и произошло у Геринга с Карин². Против такого наблю-

¹ В и д е м а н Фриц (1891—1970) — дипломат, в 1939—1941 гг. генеральный консул Германии в Сан-Франциско. Выслан из страны. В 1944—1945 генеральный консул в Шанхае.

² Г е р и н г К а р и н (1889—1931) — супруга Германа Геринга. Из семьи полковника шведской армии барона фон Фока.

дения нет возражений. Это факт, что женщины любят настоящих мужчин. Это им подсказывает инстинкт.

В доисторические времена женщины искали защиты у героев. Когда двое мужчин сражались за обладание какой-то женщиной, она ждала, когда ее сердце заговорит, пока не узнает, кто из двоих оказался победителем. Проститутки обожают браконьеров.

В это время на Восточном фронте я предпочел бы командовать отделением из браконьеров в наступлении, чем отделением из тех юристов, что судят браконьеров.

На меня производит впечатление мнение японцев, считающих, что английский солдат намного лучше, чем американский. Факт, что англичанин был бит нами, не мешает ему верить в свое превосходство. Это просто вопрос воспитания.

В начале Первой мировой войны англичане были непривычны к артиллерийскому обстрелу. После четырехчасовой бомбардировки они не выдерживали там, где наши парни могли простоять недели. Особенно чувствительны англичане к угрозам флангового охвата.

С учетом всего английский солдат со времени Первой мировой войны не стал лучше. То же самое можно сказать и обо всех наших противниках, включая русских. Можно даже утверждать, что в Первую мировую русские воевали лучше.

Я намеревался атаковать на Западе еще осенью 1940 г., но сезон затянулся.

В настоящее время битва в Африке — это битва материальной части. У Роммеля нет танков, а у тех все еще есть. Этим все объясняется. А у Роммеля нет танков, потому что мы не можем их туда доставить.

Выражение «блицкриг» изобретено итальянцами. Мы подхватили его из газет. Я только что узнал, что всеми моими успехами обязан внимательному изучению итальянской военной теории.

В прежние дни, когда я приезжал на автомашине в какой-нибудь город, где меня ожидали, я всегда стоял с непокрытой головой — и так я стоял часами, даже в ненастную погоду. Я искренне сожалею, что возраст и здоровье больше мне не позволяют делать этого. Я мог бы вынести много больше, чем другие, включая тех, кто ждал меня под открытым небом, невзирая на погоду.

Военное приветствие — это неудачный жест. Я ввел немецкое приветствие по следующим причинам. Как-то я отдал вначале распоряжение, чтобы в армии меня не приветствовали немецкой формой отдания чести. Но многие позабыли об этом. Фрич сделал свои выводы и наказал всех, кто забыл отдать мне честь, посадив их в казармы на две недели под арест. Я, в свою очередь, сделал *свой* вывод и ввел подобным образом немецкое приветствие в армии.

На парадах какое жалкое зрелище являют собой конные офицеры, отдающие честь! Поднятая рука в немецком приветствии — совсем другое дело! Я сделал это приветствием в партии много позже после того, как это сделал у себя дуче. Я прочел описание заседания на Вормсской ассамблее, в ходе которой Лютера приветствовали немецким салютом. Цель жеста — показать ему, что в руках нет оружия, что к нему пришли с мирными намерениями.

В дни Фридриха Великого люди все еще салютовали своими шляпами с помпезными жезлами. В Средние века крепостные смиренно снимали свои шапки, а дворяне приветствовали немецким салютом. Впервые такой тип приветствия я увидел в 1921 г. в винном погребе при ратуше в Бремене. Его следует рассматривать как пережиток древнего обычая, который первоначально означал: «Смотри, у меня в руке нет оружия!»

Я ввел это приветствие в партии на нашем первом митинге в Веймаре. СС сразу же придали ему военный стиль. И с того момента наши противники окрестили нас эпитетом «собаки фашистов».

Возвращение в мыслях к тому времени напоминает мне жертву Шебнера-Рихтера¹. Какое достоинство проявила его жена!

У меня разрывается сердце от печали, что Дитрих Экарт не дожил до дней взлета нашей партии. Каким бы реваншем и каким достижением было бы это для всех тех, кто был с нами еще в 1923 г.! Наши старые наци были великими парнями. Они, идя с нами, могли все потерять и ничего не обрести.

Через десять лет выражение «фюрер» обретет безличный характер. Для меня будет достаточно дать этому титулу официальное освящение, потому что титул рейхсканцлера надо упразднить. Даже в армии сейчас говорят «фюрер». Этот титул впоследствии будет распространяться на лиц, которые не будут иметь всех достоинств лидера, но поможет им установить свою власть. Вообще любой может стать президентом, но титул фюрера невозможно дать никому. Еще что хорошо, это то, что каждый немец может сказать «мой фюрер» — другие могут говорить только «фюрер». Невероятно, как быстро эта форма стала популярной. Никто не обращается ко мне

¹ Ш е б н е р-Р и х т е р Макс фон (1884—1923) — друг Гитлера, член НСДАП. Застрелен в Мюнхене.

в третьем лице. Любой может написать мне: «Мой фюрер, я Вас приветствую». Я убил третье лицо и нанес смертельный удар последним остаткам подобострастия, дожившим до нас со времен феодализма. Не знаю, как родилось это выражение, я с этим не связан. Оно вдруг вселилось в народ и постепенно вошло в общее употребление. По какому счастливому вдохновению я отказался от титула президента рейха! Вы можете себе представить: президент Адольф Гитлер!

Нет более прекрасного титула, чем фюрер, потому что он спонтанно зародился в народе. А выражение «мой фюрер», я думаю, обязано своим появлением женщинам. Когда я хотел оказать влияние на «старика», я обычно обращался к нему как «господин генерал-фельд-маршал». Только в официальных случаях я обращался к нему «господин президент». Кстати, президентскому титулу придал значительность Гинденбург. Эти нюансы могут показаться мелочью, но они имеют свою важность. Это то, что придает прочность рамке.

Судьба слова может стать экстраординарной. В течение двух тысяч лет выражение «цезарь» означало высшую власть. У японцев тоже есть свое выражение, служащее признаком высшей власти: «тенно», что переводится как «сын неба». Японцы все еще там, где мы были шестнадцать веков назад, до того, как церковь ввязалась в эту историю.

Никогда не следует соглашаться с тем, что государственная власть и авторитет партии — две разные вещи. Контроль народа и контроль государства должны сочетаться в одном лице.

91

4 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ЗЕПП ДИТРИХ И ПОЛКОВНИК ЦЕЙТЦЛЕР¹

**Итальянское Верховное командование совершило три ошибки. —
О рекламе. — Пивные демагоги. — Первые громкоговорители. —
Воздушное путешествие и прогноз погоды**

Итальянское Верховное командование допустило в стратегии три крупные ошибки. Понесенные в результате поражения лишили итальянскую армию прежней уверенности. В этом объяснение нынешнего неважного состояния.

¹ Цейтцлер Курт (1895—1963) — начальник штаба группы армий «А», генерал-полковник (1942).

Прежде всего, было ошибкой бросить лучшие полки берсальеров против серьезно укрепленных французских позиций, планы которых были совершенно неизвестны итальянскому командованию, и делать это при снеге высотой три метра и именно в то время, когда авиация не могла оказать помощь. Неудивительно, что эти полки подверглись жестокому испытанию. В подобных условиях мы бы сами не достигли никаких результатов. Если б они послушались меня, то зашли бы в тыл французам по долине Рейна.

Вторая ошибка — Африка. У итальянцев нет защиты от британских танков, и их стреляли, как кроликов. Много старших офицеров пало возле своих орудий. Вот к чему привел их панический страх перед танками.

Третья ошибка — фатальная операция против Албании. Для этого нападения использовались войска из Южной Италии — как раз то, что требовалось для зимней кампании в горной стране, без нужного оснащения, на непроходимой местности и без какой-либо организации в глубину боевого порядка.

Говоря об этом, Кейтель, мы должны позаботиться о том, чтоб полк берсальеров, который мы ожидаем, был немедленно послан в дело. В этом сезоне они не смогут вынести длинный переход в таких условиях. Не позволим этим берсальерам утратить боевой дух еще до того, как они придут на фронт.

Гитлер оборачивается к Зенну Дитриху:

Гофман часто изъявляет желание организовать мое посещение его образцовой фермы. Могу отсюда рассказать, что это будет такое. Он сфотографирует меня входящим в сарай. Какая реклама для его молока на рынке! Мои фото вывешат во всех молочных магазинах.

Если б я согласился сфотографироваться с сигарой в зубах, думаю, Ремтсма¹ немедленно предложила бы мне полмиллиона марок!

А почему бы не сделать рекламу для скорняка? Мантилья на спине, муфта в руке на наблюдательном пункте во время охоты на кроликов!

Однажды я причинил себе непоправимый вред, послав открытое письмо хозяину гостиницы. Я обвинил его в коммерческой демагогии пивоваров, превративших себя в благодетелей простого человека, рвущихся обеспечить ему его ежедневную кружку пива. Очень скоро примчался взбудораженный Аман и сообщил, что крупные

¹ Р е м т с м а — известная табачная фирма.

пивные залы разорвали свои рекламные контракты с этой газетой. Это привело к немедленной потере семи тысяч марок и двадцати семи — на более долгий период. Я торжественно поклялся самому себе, что впредь никогда не напишу статью, находясь под влиянием гнева.

Когда мы начинали, еще не было громкоговорителей. Первые, которые появились, были худшее из того, что можно придумать. Как-то в Шпортпаласе в Берлине была такая какофония, что я решил выключить микрофон и продолжал говорить примерно час, надрывая голос. Я остановился, когда понял, что вот-вот упаду от изнеможения. Вот у кого из всех нас был мощный голос, так это у Кубе. Это был рев носорога. *Он мог выдержать только двадцать минут.*

В другой раз, в Эссене, произошел полный провал. На наш митинг пришло все население города. И никто не понимал ни слова. Мной восхищались лишь из-за моей стойкости. У меня есть свидетели. Ваша жена, Брандт, сама призналась мне, что было невозможно ничего разобрать.

Только постепенно мы осознали необходимость размещения громкоговорителей по всему залу. Их требовалось около сотни, а не один, помещенный позади трибуны, как это было в Шпортпаласе. Каждое слово слышится дважды: один раз из моего рта, а затем отраженное громкоговорителем.

Мне также вспоминается Германский день в 1923 г. в Нюрнберге. Тогда я впервые выступал перед залом, в котором находились две тысячи человек. У меня не было опыта оратора. Через двадцать минут я потерял голос.

Гитлер вновь обращается к Зенну Дитриху:

Обремененный ответственностью, как в данный момент, я не прибегаю к ненужному риску и не пользуюсь при поездках воздушным транспортом. Но вам известно, что в героические дни я ничего не пугался. Лишь однажды мне пришлось покинуть самолет и прервать полет, и это произошло не по моей воле. Это было в конце предвыборной кампании. Я выступил во Фленсбурге и собирался вернуться в Берлин, прервав свой маршрут в Киле.

Вмешивается капитан Баур: «Да, мой фюрер, это я настоял на том, чтоб вы отказались от полета. Прежде всего, это был ночной полет, а у нас по курсу было полным-полно сильных бурь. Кроме того, у меня не было уверенности в метеоданных. В чем я был уверен, так это в том, что некоторые с радостью узнали бы о том, что мы сломали себе шеи».

4 января 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ЗЕПП ДИТРИХ И ПОЛКОВНИК ЦЕЙТЦЛЕР

Пустыня — идеальное место для танков. — Снабжение Роммеля. — Никогда не прекращающийся спрос на новое оружие

Всегда предполагалось, что использование танков зависит от наличия дорог. Но вот только что мы дошли до мысли, что пустыня — это для них идеальное место. Роммелю достаточно было бы иметь еще двести танков. Если б нам удалось нейтрализовать Мальту и доставить новые танки в Африку, Роммель смог бы перехватить стратегическую инициативу. Не стоит преувеличивать, мы не так уж много потеряли. В любом случае, вопрос не стоит — совсем наоборот — о сдаче игры. По моему мнению, победа англичан заставит их вывести часть своих войск из Африки. Это вполне вероятно, потому что ни у кого в этой войне нет достаточных резервов авиации, чтобы держать их без дела на тех участках фронта, где в них нет нужды. С их стороны особенно все их силы постоянно на передовой — фактически, только у нас есть небольшие резервы. Единственная наша проблема в том, чтобы пробить проход между Сицилией и Триполитанией. С их стороны им приходится плыть вокруг всей Африки. Они знают о нашей мощи в Средиземноморье и не осмеливаются пользоваться классическим путем в Индию. Как только они обнажат этот участок, я пришлю Роммелю то, в чем он нуждается.

Кумулятивный заряд — смерть для танка. Танки закончат свою карьеру еще до конца этой войны. Мы пока не использовали кумулятивные заряды, но уже нет причины выжидать, поскольку Италия предложила нам подобное оружие. Итальянцы плохо хранят секреты, и то, что у Италии есть сегодня, скоро будет у всех на свете! А если это оружие появится и у других, то нам ничего не остается, кроме как упаковать свои танки. С помощью этого оружия всякий сможет подорвать танк. Когда русские опять начнут шевелиться весной, их танки будут выведены из строя.

Два года назад у меня была новая тяжелая противотанковая пушка. А за это время на фронте появились новые вражеские танки. Необходимость учит людей не только молиться, но и непрерывно изобретать и прежде всего принимать те изобретения, которые им предлагают. Каждое новое изобретение настолько снижает ценность предыдущего материала, что происходит бесконечно возобновляемая борьба за внедрение новинок.

Ночь с 4 на 5 января 1942 г.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ЗЕПП ДИТРИХ

**Евреи и новая Европа. — Евреи и Япония. — Два
мошенника, Черчилль и Рузвельт. — Мужество испанских
солдат**

Евреи не верили, что будет рождена новая Европа.

Им никогда не удавалось обосноваться в Японии. Они всегда не доверяли этому миру, уйдя в самоизоляцию, они всегда видели в нем страшную опасность для себя — и вот поэтому они постоянно стараются держать Англию и Америку подальше от Японии.

Как всегда было две Германии, так всегда было и две Японии: одна капиталистическая, и потому англофильная; другая, Япония восходящего солнца, — страна самураев. Самых близких к себе людей мы найдем среди моряков.

Например, Осима — какая замечательная голова! С другой стороны, некоторые лица, принадлежащие окружению микадо, произвели на меня впечатление декаданса.

За период в две тысячи шестьсот лет Япония никогда не воевала на своей территории. За что можно быть благодарным Риббентропу, так это за понимание всей важности нашего пакта с Японией и извлечение последствий из него с большой ясностью. Наш флот вдохновлен теми же самыми идеями, а вот армия предпочла бы союз с Китаем.

Я очень рад, что недавно высказал все, что думаю о Рузвельте. Нет никаких сомнений, у него мозги не в порядке. Шумиха, которую он поднял на своей пресс-конференции, — типично еврейская. Нет людей глупее, чем американцы. Какое же это для них оскорбление! Чем дальше они падают, тем глубже будет разочарование. В любом случае, не бывает, чтобы из двух англосаксонцев один был лучше, чем другой. Трудно увидеть, как они смогут отыскать промахи друг у друга! Черчилль и Рузвельт, что за мошенники! Можно ожидать исключительно экстравагантных последствий.

В глубине души южноамериканцы презирают янки.

Я не верю, что американцы нападут на Азорские острова. Они упустили нужный момент.

С этого момента голландцы, нравится им это или нет, связаны с нами своей судьбой.

Сегодня Цейтцлер сообщил мне, что итальянский танковый полк совершил очень острую контратаку.

Как войско испанцы — это толпа оборванцев. Они считают винтовку инструментом, который не надо чистить ни под каким предлогом. Их часовые существуют только в принципе. Они не стоят на посту, а если и делают это, то во время сна. Когда приходят русские, местные жители вынуждены их будить. Но испанцы никогда не уступали ни пяди земли. Невозможно представить более бесстрашных парней. Они вряд ли побегут в укрытие. Они презирают смерть. Знаю, в любом случае наши солдаты рады иметь испанцев соседями на своем участке.

Если почитать, что Гебен писал об испанцах, поймешь, что за сотни лет ничто не изменилось. Чрезвычайно храбрые, жестокие к недостаткам, но дико недисциплинированные. Что вызывает в них сожаление, это различие в отношениях между офицерами и солдатами. Испанские офицеры живут припеваючи, а солдаты вынуждены вести самое жалкое существование.

Венгры для нас хорошие помощники. При надлежащей жесткости они будут нам очень полезны.

Что касается Румынии, то у нее лишь один мужчина — Антонеску!

94

5 января 1942 г., полдень

**ОСОБЫЕ ГОСТИ: Д-Р ТОДТ, ЗЕПП ДИТРИХ, ГЕНЕРАЛ
ГАУЗ И ПОЛКОВНИК ЦЕЙТЦЛЕР**

**Потеря Британией Дальнего Востока. — Индия или Триполи. —
Британский грохот**

Положение англичан на военном уровне скомпрометировано на двух жизненно важных участках.

Одна из их крупнейших баз — Иран, Ирак и Сирия. Там заправляется их флот. Другая — Малайский архипелаг, где они теряют все

пункты заправки горючим. Они могут трубить за рубежом о своих планах в отношении Европы, но хорошо понимают, что существование их империи зависит от обладания Индией.

Будь я на их месте, сказал бы: «Если потерять Индию, то отвоевать ее будет невозможно». Моей главной заботой было бы направить туда все, что есть в наличии, даже одну дивизию. У меня создалось четкое представление, что они шарят по шкафам, пытаясь спасти свои позиции на Дальнем Востоке. Проекты — это одно дело, но тон задают события. Было бы понятно, если бы англичане перебросили свои индийские соединения в Европу — но это перемещения ради перемещений, поскольку они снижают эффективность армии. Они проиграли бы в одном месте, не выиграв в другом. Если дела пойдут таким образом, через четыре недели японцы будут в Сингапуре. И это станет ужасным ударом. А территория там настолько обширная, что не может быть и речи о том, чтобы удержать ее силами одной дивизии.

Ситуация была бы совершенно иной, если бы у англичан в резерве было несколько тысяч тонн горючего.

Некоторое время тому назад, когда мы перевозили грузы с Сицилии в Триполитанию, англичане избегали сражений самым невыгодным образом. И все же для них это вопрос жизни и смерти — помешать снабжению наших войск в Африке. Если нашему сегодняшнему конвою удастся прорваться, это будет для них плохим предзнаменованием. Если бы мы стояли перед выбором потери либо Триполи, либо Индии, я без колебаний сдал бы Триполи и сосредоточил все силы на Индии.

Генерал Гаузе заявил: «Мы с облегчением узнали о том, что Япония вступила в войну».

Да, это было облегчение, огромное облегчение. Но также и поворотный момент в истории. Он означает потерю целого континента, и об этом надо сожалеть, ибо именно белая раса — проигравшая сторона.

В 1940 г. англичане нам заявляли, что «летающие крепости» превратят Германию в порошок. Они заявляли японцам, что Токио будет стерт с лица земли за девять часов. На основе этого хвастовства мы имели право предполагать, что в 1941 г. они умножат свои усилия в воздушной войне. Чтобы справиться с этой угрозой, я укрепил нашу противовоздушную оборону и, прежде всего, заставил создать огромные запасы боеприпасов. Но на самом деле в 1941 г. мы использовали лишь одну четверть боеприпасов по сравнению с предыдущим годом.

Я считаю, что американский солдат может воевать как герой.

Ночь с 5 на 6 января 1942 г.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ЗЕПП ДИТРИХ

Сталин — наследник царей. — Немцы спасли Европу в 1933 г. —

Причины нашего нападения на Россию. — Материально-техническое снабжение русских. — Азиатская неполноценность

Сталин претендует на роль глашатая большевистской революции. Фактически он отождествляет себя с царской Россией, и он всего-навсего возродил традиции панславизма. Большевизм для него — всего лишь средство, наряд, предназначенный для обмана германских и латинских народов. Если бы мы в 1933 г. не захватили власть, на наши головы обрушилась бы волна гуннов. Была бы затронута вся Европа, потому что Германия оказалась бы бессильна остановить нашествие. Никто об этом не подозревал, но мы были на грани катастрофы.

У меня есть некоторые свидетельства того, до какой степени люди об этом не ведали. За несколько дней до нашего вторжения в Россию я сказал Герингу, что нам предстоит выдержать суровейшее испытание на право существования. Геринг аж сел на месте, потому что он рассматривал нашу военную кампанию в России как еще одну формальность.

Что утвердило меня в решении напасть без промедления, так это информация, которую доставила одна германская миссия, только что вернувшаяся из России. Мне было сообщено, что один русский завод производит больше танков, чем все наши заводы, вместе взятые. Я понял, что это — предел. И даже в этом случае, если бы кто-нибудь сказал мне, что у русских есть десять тысяч танков, я бы ответил: «Вы совсем сошли с ума!»

Русские никогда ничего не изобретали сами. Все, что у них было, они получили от других. Все приходило к ним из-за границы — инженеры, станки. Дайте им самые совершенные бомбовые прицелы. Они способны скопировать их, но не изобрести. У них производственная технология упрощена до предела. Отсталая рабочая сила вынуждает их разбить трудовой процесс на ряд приемов, легких для исполнения и, конечно, не требующих умственных усилий.

Они списывают в расход невероятное количество тракторов, потому что не способны произвести малейший ремонт.

Даже чехи, самые квалифицированные из славян, не имеют изобретательского дара — и все-таки они трудолюбивы и аккуратны. Именно австрийцы и немцы запустили завод «Шкода».

Уничтожьте их заводы, и русские не смогут их восстановить и снова запустить в работу. Им едва удастся поддерживать завод в рабочем состоянии, когда он уже сам работает. Хотя они всегда

скупали лицензии на самые современные самолеты, их «Рата» — настоящий провал. Их самые последние модели все равно далеки от того, чтобы соперничать с нашим 107 [«Ме-107». — Пер.]

Японцы способны улучшить то, что уже существует, хватая слева и справа все, что для этого годится.

Во времена пакта русские проявляли желание обладать спецификацией всех наших кораблей. Нам не оставалось ничего делать, кроме как передавать им изобретения, некоторые из которых стоили нам двадцати лет исследований.

Эти люди всегда были ниже нас по культурному уровню. Сравните греческую цивилизацию с японской или китайской того же периода: это все равно что сравнивать музыку Бетховена с кошачьим мяуканьем. В области химии, например, доказано, что все к ним пришло от нас. Но японцы, по крайней мере, скрытны. Они хранят секреты, которые им доверены. Наши два флота всегда работали в приятной атмосфере сотрудничества. Японцам мы обязаны драгоценной информацией.

Что мне было неприятно, так это вынести визит русской торговой делегации.

Русские, вероятно, вызнали секрет о ракетах через акты предательства, имевшие место до нашего прихода к власти. Фактически, они остались на той же ступени развития того периода и не воспользовались прогрессом, совершенным нами за это время. Тем не менее, они применили направляющий рельс, который, возможно, получили от французов.

С нашей стороны, никто в армии не знал, что у нас есть ракета.

Русские придавали значение факту, что эта ракета взлетает без шума. Наши тяжелые ракеты производили такой дьявольский грохот, что его было невозможно вынести. Тем самым создавался психологический эффект в дополнение к эффекту материальному. Не имеет смысла скрывать от врага запуск снаряда, потому что в любом случае от него нет защиты.

Я не догадывался, что стрельба рикошетом имеет такой разрушительный эффект. Кейтель всегда был сторонником этой методики.

Снаряд одной из наших полевых пушек, весящий всего лишь шестнадцать килограммов, производит на врага эффект тяжелого снаряда.

В области боевой техники мы всегда были впереди других. Но нам надо извлечь урок из истории и позаботиться после войны о том, чтобы не позволить другим проникать в наши секреты. Ни одно новое изобретение не может быть опубликовано без специального разрешения, выдаваемого созданным для этого органом, — это касается даже тех стран, с которыми мы связаны договорами.

6 января 1942 г.

Коррупционированность масонов. — Даладье, Чемберлен и поджигатели войны. — Фиктивная ценность золота. — Катастрофа 1940 г. — Козел отпущения

Я осознал одну вещь. Худшее в масонстве не столько в философской стороне, а в том, что это громадное предприятие, завязанное на коррупции. Это кучка людей, ответственных за развязывание этой войны.

Предопределенным судьбой оппонентом Черчилля был Ллойд Джордж. К сожалению, он на двадцать лет старше. Критическим моментом было возвращение Чемберлена и Даладье из Мюнхена. Они оба достаточно ясно видели, что прежде всего следовало распустить их парламенты. И весь народ тогда бы одобрил их мирную политику. Но это была только передышка, и агитаторы не замедлили вновь поднять свои головы.

Англия и Франция занимаются тем, что теряют то, что в наших глазах является фиктивным богатством, — так сказать, золотые и заграничные авуары. Их истинное богатство, которое у них никто не в состоянии отнять, — их человеческий потенциал (но при условии, что он используется так, чтобы эксплуатировать природные ресурсы страны).

Эта война поможет зарождению одного из величайших в мире переворотов. И последствия будут такими, к каким мы не стремились, — например, расчленение Британской империи. Кто в этом виновен? Евреи. Им совершенно безразлично то, что происходит с Англией. Гор-Белиша, выросший в гетто, не может обладать теми же рефлексами, что и англичанин.

Опыт нас учит, что после каждой катастрофы находится козел отпущения. В Англии, возможно, таковым будут евреи. Но пусть они в этом разбираются сами. Не наше дело — решать еврейский вопрос в странах других народов!

6 января 1942 г., вечер

ГОСТЬ: ГЕНЕРАЛ ДИТЛЬ

Порядок и чистота. — Педантизм административных служб

В мирное время надо будет руководить, придерживаясь духа экономии. Для этого существует одно условие: должен господствовать порядок. Другое условие в этом плане: должна господствовать чистота.

В каждой организации искусство состоит в отыскании формулы, при которой необходимая строгость правления умеряется щедростью, которую требует ситуация. Мы никогда не избавимся полностью в административных службах от духа педантизма, парализующего всякую инициативу. В важных случаях нам принимать меры для вмешательства третьей власти, наделенной необходимыми полномочиями для принятия решений.

Действительно впечатляет, когда видишь то, что происходит как раз сейчас в ходе сбора шерсти для русского фронта. Граждане лишают себя самых дорогих вещей. Но они должны быть убеждены, что все происходит без малейших трюков и что каждый предмет дойдет до места его назначения. Поэтому надо дать знать всем, кто может попытаться вмешаться в нормальный ход и перехватить, скажем, какую-нибудь роскошную шубу, которую, возможно, будет носить самый простой из наших солдат!

98

Ночь с 6 на 7 января 1942 г.

Смена караула в Риме. — Трудности дуче. — Отпор Браухичу

Я думаю, смена караула в Риме — не очень хорошая новость. По моему мнению, слишком частая смена ведущих лиц — ошибка. Ответственный руководитель, знающий, что у него, может быть, не будет времени, чтобы выполнить работу, к которой он приступил, в принципе привержен рутине. Я не понимаю, зачем надо создавать такие ситуации. Так просто усложняешь свои собственные проблемы.

Причина того, почему я могу исполнять свои новые обязанности, в том, что я постепенно освобождаюсь от некоторых обязанностей с помощью коллег, которым я даю шанс раскрыться и тем, кому удалось заслужить мое доверие. Возможно, дуче не может найти среди своих советников того сотрудничества, в котором он нуждается. Со своей стороны, я в этом более удачлив.

Если бы Браухич оставался на своем посту хотя бы еще несколько недель, дело бы кончилось катастрофой. Он не солдат, он просто ничтожество и ненадежный человек. Потом глаза у людей раскроются и они поймут, чем были для меня эти четыре недели.

7 января 1942 г., вечер

Черчилль на жалованье у американцев. — Сепаратный мир с Британией. — Последствия потери Сингапура. — Границы между Востоком и Западом. — Оппозиция Черчиллю. — Японское господство на Тихом океане. — Пороки американизма

Никогда не встречал англичанина, который бы не высказывался о Черчилле без осуждения. Не было таких, кто бы не заявлял, что тот не в своем уме.

Предположим, что мы проиграли войну в самом начале, тогда все равно на континенте сохранялась бы гегемония. Гегемония большевизма. И за это бы воевали англичане!

Тот факт, что Америка настаивает на том, чтобы Англия оставила Дальний Восток, очевидно, не вызовет никаких перемен в отношении Черчилля к Америке: этот человек куплен.

Может показаться невозможным, но для меня это не невозможно — то, что Англия может выйти из войны. Дело в том, что, если б сегодня каждой стране пришлось оценить свое положение, Англия на сегодня все равно бы находилась в наихудшем статусе. Если и есть хоть одна страна, которой нечего выигрывать в этой войне и которая может все потерять, так это Англия.

После того как Англия оставила Сингапур, я вообще не вижу, как они могут воевать с Японией с какими-либо шансами на успех. Благодаря своим базам Япония господствует как на море, так и в воздухе. Единственная надежда для Англии в том, что ей поможет Россия из Владивостока. Если б англичане знали заранее, что из всего этого получат лишь синяк под глазом, я думаю, они бы ни на минуту не колебались. Как только пал Сингапур, Индия, являющаяся лишь сухопутной державой, прекратила представлять для них какой-либо интерес на стратегическом уровне.

Люди вроде Идена уже больше не сражаются за свои карманы, а воюют лишь в надежде спасти собственную шкуру. Кроме этого, на сцене по-прежнему все виновники, кроме Гор-Белиши. Если все закончится дурно, их соотечественники сведут с ними счесть.

Англичане были щедрыми, пока дело касалось распределения богатств других народов. Сегодня они сражаются не только за новые прибыли, но и за то, чтобы спасти собственную империю. До сих пор они были в состоянии воспринимать вещи философски, поскольку Европа не была предметом их прямых забот, поскольку завоеванные страны не были их. Но после падения Сингапура все стало по-другому. Где, на самом деле, должна проходить граница между Востоком и Западом? В состоянии ли Англия удержать Ин-

дию? Это будет зависеть от поддержания морских коммуникаций, поскольку по суше связи нет.

Черчилль — развязный журналист. В Англии набирает силу оппозиция Черчиллю. Его долгое отсутствие навлекло ее на него. Если какой-то стране предстоит выйти из войны до ее окончания, я всерьез думаю, что это может быть Англия. Не буду говорить об этом определенно, но для меня это кажется возможным.

Англия и Америка теперь решили заняться производством синтетического каучука. Дело не только в строительстве заводов — им также нужен и уголь! Проблема станет воистину острой для них в ближайшие шесть месяцев. В этот момент всем странам предстоит преодолеть подобные трудности и перебиваться со дня на день. Но можно сказать наверняка, что для Англии ее нынешние трудности будут иметь неисчислимые последствия.

Одна гарантия на будущее — это то, что японцы никогда не отдадут тот перевес, который получают на Тихом океане. Для Англии важный вопрос в том, сможет ли она удержать Индию. Возможно будет обговорить сепаратный мир, по которому Индии останется Англии.

В таком случае что будет с Соединенными Штатами? Территориально они будут нетронутыми. Но в один из дней Англии придется заняться подходами к континенту. И тогда немецко-британская армия выгонит американцев из Исландии. Я не вижу для американцев особенного будущего. По моему мнению, это разлагающаяся страна. И у них существует расовая проблема, да и проблема социального неравенства. Такие проблемы привели к падению Рима, а ведь Рим был солидным сооружением, чего-то стоящим. Кроме того, римляне были вдохновлены великими идеями. Ничего подобного нет в Англии сегодня. Что же до американцев, такого рода вещей там не существует. Вот почему, несмотря ни на что, англичанин мне нравится в тысячу раз больше, чем американец.

Вполне понятно, что у нас нет родства с японцами. Они слишком чужды для нас из-за своего образа жизни, из-за своей культуры. Но мое восприятие американизма — это чувство ненависти и глубокого отвращения. Мне ближе любая европейская страна, не важно какая. Все в поведении американского общества говорит о том, что одна половина его еврейзирована, а вторая половина — африканизирована [подвержена влиянию негров. — *Пер.*]. Как можно ожидать от такого государства, что оно выстоит, — государства, в котором 80% доходов сливается на общественные нужды, страны, где все построено на долларе? С этой точки зрения, я полагаю, Британия стоит намного выше.

Ночь с 8 на 9 января 1942 г.

Воспоминания детства. — Религиозное обучение. — Аббат Шварц. — «Садитесь, Гитлер!» — Подготовка к исповеди. — История Петронеллы

В Австрии религиозное обучение велось священниками. Я вечно задавал вопросы. Поскольку я отлично владел материалом, со мной ничего нельзя было поделаться. У меня всегда были лучшие оценки. С другой стороны, я был менее безупречен в отношении поведения.

Меня особенно увлекали деликатные вопросы Библии, и я испытывал озорное удовольствие, задавая смущающие вопросы. У нашего учителя, отца Шварца, хватало ума давать уклончивые ответы. Но я продолжал настаивать, выводя его в конце концов из терпения. Однажды — я уже забыл, в связи с чем — он спросил меня, молюсь ли я утром, в обед и на ночь. «Нет, господин учитель, я не молюсь. Кроме того, я не вижу, как Господу Богу могут быть интересны молитвы ученика средней школы». — «Ладно, садитесь!»

Когда отец Шварц входил в класс, атмосфера сразу же преобразилась. Он приносил с собой революцию. Каждый ученик начинал заниматься чем-то своим. Со своей стороны, я обычно возбуждал его, размахивая карандашами цветов Великой Германии. «Немедленно оставьте в покое эти отвратительные цвета!» — заявлял он. И весь класс отвечал ему долгим ворчанием недовольства. Затем я поднимался и объяснял ему, что это символ нашего национального идеала. «У вас в сердце не должно быть другого идеала, кроме нашей любимой страны и нашего любимого дома Габсбургов. Тот, кто не любил императорской семьи, не любит церковь, а кто не любит церковь, тот не любит Бога. Садитесь, Гитлер!»

У отца Шварца был огромный синий носовой платок, который он часто вытаскивал из-под подкладки своей сутаны. Можно было слышать, как он похрустывал, когда отец его расправлял. Однажды он уронил платок в классе. Во время перерыва, когда он разговаривал с кем-то из учителей, я подошел к нему, держа платок в вытянутой руке, и, скрывая отвращение, сказал: «Вот ваш платок, господин учитель». Он схватил его, зло взглянув на меня. В этот момент другие ребята, собравшиеся вокруг меня, разразились громким, нарочно затянувшимся смехом.

На Штайнштрассе у отца Шварца была родственница с такой же фамилией, державшая небольшой магазинчик. Мы стали навещать ее группами и спрашивать у нее самые глупые товары: женские спортивные брюки, корсеты и т. п. Естественно, у нее

таких товаров не было. Мы с недовольством покидали магазин, громко его высказывая.

Напротив школы, на Герренгассе, был женский монастырь. К нам приехал из Вены какой-то симпатичный новичок, чистый негодяй. Проходя мимо окон, он регулярно посылал воздушные поцелуи монашкам. Однажды одна из них улыбнулась ему в ответ. И сразу же подошла какая-то старая ханжа и резко задернула занавеску. Мы даже услышали плач. Полчаса спустя наш ректор обругал нас, выразив удивление отсутствием у нас всякого уважения.

Если бы не нашлось нескольких учителей, заступившихся за меня в этом эпизоде, дело закончилось бы для меня плохо.

Перед Пасхой у нас были уроки, посвященные подготовке к исповеди. Это было ужасное шутовство. Когда нам надо было приводить примеры грехов на исповеди, мы выбирали их так. Чтобы подразнить отца Шварца, один мальчик признался, что у него были дурные мысли о своем учителе, а другой сказал, что сознательно раздражал его, и т. д. Священник заявил нам, что мы виновны в серьезном грехе, потому что не погружаемся глубже в себя самих, а ограничиваемся поверхностными признаниями. И мы договорились, что станем признаваться в ужасных грехах. Во время перерыва я написал на классной доске страшное признание, озаглавленное словами: «Скопировать». Я был занят этим делом, когда услышал свист. Это был сигнал от мальчика, которого мы поставили на страже. Я перевернул доску и бросился к своему классу. Прошли каникулы, и каждый, включая и меня самого, забыл об этом.

В начале следующей четверти какой-то мальчик отвечал на серьезные вопросы. Он исписал свободную сторону доски и, когда дошел до низа, перевернул ее. И в поле зрения появились слова, написанные мной ранее: «Я совершил плотский грех, внебрачный...» Учитель рассмотрел почерк, посчитал, что это был мой, и спросил, я ли написал это. Я объяснил ему, что это был пример глубокого внутреннего анализа — отец Шварц сказал нам, что мы должны быть очень точны в данном вопросе. «Вы, Гитлер, придерживите свои примеры для себя. Или я сделаю пример из кого-то...»

Я часто обещал себе умерить свой пыл, но не мог сдержаться, потому что не мог вынести всего этого лицемерия. Я больше не мог видеть этого Шварца с его длинным носом. Я бесился, когда смотрел на него. И я отвечал ему изо всех сил! Однажды в школу пришла моя мать, и он воспользовался возможностью наброситься на нее и объяснить, что я — пропавший человек. «Ты, несчастный мальчик...» — риторически обращался он ко мне. «Но я не несчастен, господин учитель». — «Ты поймешь, кто ты есть, в ином мире». — «Я слышал об одном ученом, который сомневается о существовании иного мира». — «Что ты хочешь сказать?» — «Должен сообщить вам, господин учитель, что вы обращаетесь ко мне на «ты». — «Ты не попадешь в рай». — «Даже если я куплю индугенцию?»

Мне очень нравилось ходить в собор. Еще не осознавая этого, я уже любил архитектуру. Должно быть, кто-то сообщил отцу Шварцу об этих визитах, и он предположил, что я хожу туда по какой-то секретной причине. Дело же было в том, что я был полон уважения к величию этого сооружения. Однажды, уходя оттуда, я столкнулся лицом к лицу со священником. «А я думал, что ты — пропадающая душа, сын мой! Теперь вижу, что ничего подобного». Это случилось в тот момент, когда мнение Шварца имело для меня какое-то значение, потому что это было за день до экзаменов. И я старательно воздержался от того, чтобы просветить его. Но он так и не понял, что думать обо мне, и это его раздражало. Я прочел множество книг о свободных мыслителях, и он это знал. Когда я смело атаковал его своими трудноперевариваемыми научными вопросами, я почти доводил его до бешенства.

В Линце была ассоциация лиц, «разделенных физически», потому что в то время в Австрии не существовало даже гражданского развода. Вышесказанная организация обычно устраивала демонстрации против этого варварства. Общественные демонстрации были тогда запрещены, но разрешены частные митинги при условии, что присутствовали только члены ассоциации. Я пришел на один из этих митингов, подписал членскую анкету у дверей и был охвачен целомудренным возмущением, когда услышал рассказ выступавшего о ситуации. Он описывал мужчин, бывших образцами позора, чьи жены по закону никак не могли уйти от них. Я сразу же убедился, что моим долгом является распространять истину в обществе, и написал пьесу на эту тему. Поскольку мой почерк был неразборчивым, я диктовал эту пьесу своей сестре, шагая по комнате. Пьеса состояла из нескольких сцен. Я воспроизвел бурное возмущение. В то время мне было пятнадцать лет.

Сестра сказала мне: «Знаешь, Адольф, твою пьесу не поставят». Я не смог убедить ее, что она не права. Она даже упорствовала в своем мнении до такой степени, что однажды объявила забастовку, и тут пришел конец моему шедевру. Но мысли, возникшие у меня в связи с этим сюжетом, оказались полезными, поскольку прибавили горячего в моей беседе со Шварцем. При первой же возможности, все еще пылая негодованием, я затронул эту проблему. «Я на самом деле не понимаю, Гитлер, как вам удастся раскапывать такие вопросы». — «Потому что они меня интересуют». — «Они не должны интересовать вас. Ваш добропорядочный отец умер...» — «Но мой отец ничего с этим не имел общего. Это я являюсь членом ассоциации физически разделенных лиц». — «Что, что? Садитесь!»

И у меня был Шварц в течение трех лет. До него (вспомнил его имя) был отец Силизко — величайший наш недруг.

Один из моих учителей, некий Кениг, был комендантом, ответственным за котельную. Однажды произошел взрыв, и от шока у него было дефектное произношение. Он уже не мог произносить букву «г». Когда он зачитывал наши фамилии в классе на своем первом уроке, я делал вид, что не слышу, хотя сидел прямо перед ним. Он повторил ее несколько раз, но без результата. Выяснив, что это я, он спросил, почему я не отвечаю. «Меня зовут не Йтлер, господин учитель. Меня зовут Гитлер».

Я всегда удивлялся, почему наши учителя были так беспечны в отношении себя.

В Штайре у нас был учитель-еврей. Однажды мы заперли его в его лаборатории. В его классе все шло так же, как в еврейской школе, — во всем царил анархия. Этот учитель не имел никакого авторитета. Поначалу мальчики его, похоже, побаивались — потому что он ревел как сумасшедший. К несчастью для него, однажды его застали смеющимся сразу же после приступа злости. Мальчики догадались, что его припадки гнева были просто игрой, и тут пришел конец его авторитету.

В доме у своей домохозяйки я обнаружил огромный шарф, который одолжил у нее. Я обвязал его вокруг шеи и пошел в школу в такой экипировке. Учитель спросил меня, в чем дело, и я ответил что-то неразборчивым бормотаньем, навевая его на мысль о том, что я не могу говорить. Он испугался возможной инфекции, полагая, что я серьезно болен, и тут же воскликнул: «Уходи, уходи! Иди домой, полечись!»

У меня всегда была привычка читать во время урока — читать, конечно, книги, не имеющие ничего общего с темой урока. Както, когда я читал книгу о заболеваниях, вызываемых микробами, на меня накинулся учитель, вырвал книгу из моих рук и швырнул ее в угол. «Бери пример с меня и читай серьезные вещи, если уж читаешь».

Штайр был неприятным городишком — противоположность Линцу, полному национального духа. Штайр в черном и красном — город духовенства и марксизма. Я проживал на Грюнмаркт, 9 вместе со школьным товарищем в маленькой комнате, выходящей окнами во двор. Мальчика звали Густав, а фамилию я забыл. Комната была весьма приятной, но вид во двор был ужасен. Я часто практиковался в стрельбе из окна по крысам. Наша хозяйка была в нас влюблена. Она регулярно вставала на нашу сторону в спорах со своим мужем, который был, так сказать, пустым местом в своем доме. И она нападала на него, как змея.

Помню одну из ссор, которые часто случались. За несколько дней до этого я попросил свою хозяйку — притом очень вежливо — при-

носить мне на завтрак кофе чуть похолоднее, чтобы у меня было время проглотить до ухода. Наутро после этой ссоры я заметил ей, что уже полчаса, как я жду свой кофе. Она стала спорить, что еще не поздно. И тут вмешался ее муж. «Петронелла,— заявил он, — уже без двадцати пяти». При этом замечании, сделанном кем-то, не имеющим права голоса, она взорвалась. Уже наступил вечер, а Петронелла все не успокаивалась. Наоборот, спор достиг своего апогея. Муж решил уйти из дому и, как обычно, попросил одного из нас пойти с ним — потому что он боялся крыс, и его надо было провожать до светлого места. Когда он ушел, Петронелла заперла дверь на замок. Мы с Густавом сказали друг другу: «Готовься к буре!» Муж сразу же разбил себе нос о запертую дверь и вежливо попросил жену открыть. Поскольку она не реагировала, а только что-то бубнила, он приказал ей сделать то, что ей сказано, но не добился никакого результата. От угроз он перешел к самой унижительной мольбе и закончил обращением ко мне (на что я только смог ответить, что его очаровательная супруга запретила мне подчиняться ему). В результате он провел ночь за дверями и смог вернуться в дом только на следующее утро вместе с молочницей, жалкий и страшный. Как мы с Густавом презирали эту мокрую крысу! Петронелле было тридцать три. Ее муж был бородат и неопределенного возраста. Он был членом немногочисленного дворянства и работал служащим в муниципалитете.

В то время в Австрии было огромное количество благородных семей, находившихся в стесненных обстоятельствах. Интересно, жива ли еще Петронелла? Мы были влюблены в нее. Она за нами присматривала всеми возможными способами, никогда не упускала возможность набить наши карманы лакомствами. В Австрии добрых женщин, предоставлявших жильё студентам, обычно называли латинским словом *сгух* [крест. — *Пер.*].

После экзаменов мы устроили громкую вечеринку. И вот тогда единственный раз в своей жизни я напился. Я получил свой аттестат, а на следующий день мне предстояло покинуть Штайр и вернуться к своей матери. Мы с товарищами тайно набрали свыше кварты вина. Я совершенно забыл, что происходило той ночью. Я только помнил, что меня разбудила наутро молочница на дороге из Штайра в Карстен. Когда я вернулся в дом моей сгух, я был в плачевном состоянии. Я принял ванну и выпил чашку кофе. И тогда Петронелла спросила меня, получил ли я свой аттестат. Мне захотелось показать его ей, и я стал шарить по карманам и вывернул их наизнанку. Никаких следов моего аттестата! Что я с ним мог сделать и что я покажу своей матери? Я уже придумал объяснение: я развернул его в поезде, сидя у открытого окна, и порыв ветра унес его! Петронелла со мной не согласилась и предложила мне попросить в школе дубликат документа. И поскольку я пропил все свои деньги, она простерла свою доброту настолько, что одолжила мне пять гульденов.

Директор заставил меня ждать довольно долгое время. Кто-то принес мой аттестат в школу, но был он разорван на четыре части и находился в несколько позорном состоянии. Было похоже, что, потеряв рассудок от опьянения, я перепутал этот драгоценный диплом с туалетной бумагой. Я был потрясен. Не могу сказать вам, что мне выговорил директор. Мне до сих пор стыдно. И я дал себе обещание, что никогда больше не напьюсь. И я держу свое обещание.

Мне было пятнадцать—шестнадцать лет — возраст, когда все молодые люди пишут стихи. Мне нравилось бывать в музее восковых фигур, и я ходил за взрослого, проходя в дверь, над которой была табличка «Только для взрослых». В этом возрасте хочется узнать все и ничего не упустить. Помню, как ходил в кино возле Южного вокзала в Линце. Что за ужас эти фильмы!

Говоря о кино, я как-то присутствовал на показе, устроенном с благотворительными целями. Что было странно, так это выбор фильмов, более чем сомнительных с точки зрения морали. Австрийское государство проявляло в этой сфере терпимость! И тут я столкнулся вплотную с учителем по имени Сикстель. Он сказал мне со смехом: «Так вы тоже ярый сторонник Красного Креста!» Это замечание мне показалось шокирующим.

G.D. спросила, были ли какие-либо учителя Гитлера свидетелями его восхождения по ступенькам власти.

Да, некоторые из них. Я не был образцовым учеником, но никто из них меня не забыл. Каково доказательство моего характера!

101

Ночь с 9 на 10 января 1942 г.

Здоровье и болезнь. — Воздушные путешествия и предвыборные кампании. — Заговор фюрера. — Условия для путешествий на восточных территориях

Я не болел с шестнадцати лет. Последний раз я находился в кровати в 1918 г., это было в военном госпитале. Факт, что я никогда не болел, наводит меня на мысль, что, когда какая-нибудь болезнь со мной приключится, она повлияет на меня более резко. У меня такое впечатление, что она не будет затягиваться!

Лишь десять лет назад я мог лететь на самолете на высоте 6000 метров без кислородной маски. Два Дитриха потеряли сознание. Несомненно, было бы другое дело, если б мне пришлось двигаться. Тем не менее, хорошо, что все так сложилось, потому что никогда масок не хватало для всех.

Другой раз мы летели на высоте только 4000 метров, но Бауру¹ пришлось ринуться вниз на всей скорости, чтобы уйти от шторма, что бушевал под нами. От этого у меня жутко болела голова, и боль не утихала весь день. Вот почему я так восхищаюсь пилотами «Штук».

Недавно Геринг выразил мне свое недовольство тем, что Баур летает на «хейнкеле». Он настаивает на том, чтобы Баур летал на том же самом типе самолета. Если он всегда будет летать на «хейнкеле», это будет другое дело. Что касается самого Баура, он восхищен тем, что у него новый «кондор».

В полетах всегда присутствует элемент опасности. Попросту зависишь от одного человека. Достаточно, чтоб этим человеком вдруг овладела слабость, и все кончено. Кроме того, существуют еще и атмосферные условия. Если вдруг начнется обледенение крыльев, то ничего не останется, кроме аварийной посадки, которая не всегда бывает простой.

Раньше я летал очень часто. Теперь стараюсь, чтоб со мной ничего не случилось. Когда ситуация улучшится, я буду меньше внимания обращать на эту сторону.

Я совершил две вынужденные посадки в тумане. Спускаешься и не знаешь, на что налетишь. Однажды дело было в Мюнхене. Красные огни аэродрома были еле видны. Отличавшийся невероятной скоростью принятия решений Баур сразу же спикировал, не задумываясь о направлении ветра. Мы летели на старом «рорбахе». У меня было такое ощущение, что мы снижались на сумасшедшей скорости. И вдруг перед нами выросла земля. Баур выровнял машину в самый последний момент. Шасси уже было выпущено. Но все еще оставался риск налететь на какое-нибудь препятствие. Бауру удалось в нескольких метрах отвернуть от ангаров.

Другой раз мы пробовали выбраться из такой же ситуации в Бремене. В тот период «Люфтганза» была наводнена евреями. Они разрешили мне вылет, когда были запрещены полеты над всей территорией рейха. Очевидно, у них было одно желание — чтоб я закончил свою карьеру авиационной катастрофой! Мы вслепую снижались, когда появилась земля. Баур еле успел выровнять самолет и тем самым врезаться в стадо скота.

А еще другой раз нам пришлось пробиться сквозь три шторма подряд. Мы летели в направлении Брунсвика. Сколько раз мы совершали вынужденную посадку на полях! Например, 29 июля 1932 г. в Ульме.

Как-то я сказал Бауру: «Надо лететь, нас ждут в Мюнхене». Самолет не был приспособлен для ночных полетов. Поэтому Бауру пришлось установить импровизированную систему освещения. Прилетев в Мюнхен, мы сделали круг над стадионом. Это было во время выборов Папена, когда мы получили двести девяносто

¹ Б а у р Ханс (1897—1955) — личный пилот Гитлера.

семь мест. На тот же день у меня были намечены митинги в Констанце, Фридрихсхафене и Кемптене. На митинге в Мюнхене я еле мог говорить. У меня кружилась голова. Как только я вернулся домой, то почувствовал, что теряю сознание. Ничто мне не давалось легко в те дни! Помню, однажды выступал в Штральзунде в три часа ночи.

Эти быстрые, непрекращающиеся перелеты были вызваны необходимостью моих выступлений в огромных залах, а иногда и на открытом воздухе, и мы не всегда могли выбирать время выступлений. Например, мой день рождения в 1932 г. За день до этого я провел в Кенигсберге шесть митингов, последний закончился в половине третьего ночи. В пять я был в постели, а в половине девятого я вновь был на аэродроме. Молодая девушка восхитительной красоты предложила мне букетик цветов, и я счел это счастливым предзнаменованием. Митинги в Шнейдермюле, в Касселе, потом в Геттингене, где в ночи, под проливным дождем нас ждали от сорока до пятидесяти тысяч человек.

На следующий день в три часа утра мы отправились на машине в Висбаден, Тир и Кобленц. Организация этих турне была очень трудной, потому что нам приходилось в основном учитывать возможности аренды залов. Часто мне приходилось пользоваться одномоторным «юнкерсом», принадлежавшим Зеппу Дитриху. Это был весьма ненадежный самолет, и нас часто трясло в ненастную погоду. Однажды Баур произвел посадку на ипподроме. Он совершил еще больший подвиг, потому что сумел взлететь в чернильной тьме. В принципе у нас не было защиты со стороны метеорологов.

Мой самый первый полет из Мюнхена в Берлин был таким неприятным, что я потом несколько лет не поднимался на борт самолета.

Автомшины — моя слабость. Им я обязан некоторыми лучшими часами моей жизни. Вид Рейна с воздуха не впечатляет. Из машины он смотрится лучше. Но лучше всего — на корабле.

Что касается Востока, единственным средством передвижения там является авиация. Тут нам нечего терять. Когда мы построим наши первые автобаны, через каждые сто километров испещренные маленькими городками, которые будут напоминать нам Германию, тогда уже будет лучше. Эти автобаны будут отличаться от наших. К тому же путешественники окажутся в плену у скуки от поездки и будут переживать приступы боязни открытой местности. Уже сейчас трудно перенести дорогу от Кельна до Бонна. Когда я еду из Берлина в Мюнхен, мне непрерывно предстают красивые виды. Но тысяча километров по голой равнине — это просто ужасно! Нам надо будет заселить эту пустыню. Автобаны на Востоке надо будет строить на гребнях холмов, чтобы их не заносило в зимнее время. Ветер постоянно будет их продувать.

102

9 января 1942 г., вечер

Китовый и растительный жиры

В наше время человечество в плане потребления жиров зависит в основном от китов. Я склонен считать, что количество китов в мире скорее уменьшается, чем растет. Восток будет снабжать нас растительными жирами, которые заменят китовый.

103

10 января 1942 г., вечер

**Неожиданный взлет Японии в овладении богатствами. —
Капиталистическая эксплуатация Индии. — Кровопийцы
вдов. — Индия или контроль над Европой**

Япония сейчас на пути обеспечения своей независимости во всех областях. Это гарантирует ей поставки каучука, нефти, цинка, вольфрама и ряда других материалов. Япония станет одной из богатейших стран мира. Какое превращение! И это страна, которая не далее как несколько недель назад считалась одной из беднейших! В мировой истории найдется немного примеров более быстрого и полного поворота в ситуации.

Богатства Великобритании — менее результат совершенной организации, чем капиталистической эксплуатации трехсот пятидесяти миллионов индийских рабов. Британцев хвалят за их всемирно известную мудрость в уважении обычаев подвластных им стран. В действительности такое отношение не объяснить ничем иным, нежели намерением не повышать уровень жизни коренного населения. Если взять Индию, то индийцы наверняка не испытывали бы восторга и не стали бы сожалеть о старых добрых днях британского правления! Кульминация этого циничного поведения англичан в том, что это дает им престиж либерализма и терпимости.

Запрещение англичанами самосожжения вдовы вместе с трупом мужа и темниц, где узники умирали с голоду, было продиктовано стремлением сохранить рабочую силу, а также, возможно, желанием сэкономить дрова. Они так ловко представили эти меры внешнему миру, что вызвали волну восхищения. И в этом сила англичан: позволить коренному населению жить, при этом эксплуатируя его до крайности.

На данный момент не найдется ни одного англичанина, который бы постоянно не думал об Индии. Если б ему предложили выбор:

либо сохранить Индию и отказаться от Европы в пользу Германии, либо потерять Индию, сохраняя при этом контроль над Европой, я уверен, что 90% выбрали бы Индию. Для них Индия стала неким символом, потому что на Индии Англия построила свою империю. У короля Англии из четырехсот пятидесяти миллионов подданных — триста пятьдесят миллионов индусов.

Соперничая с Америкой, самое лучшее, что мы можем сделать, — это сражаться против нее до конца.

104

Ночь с 12 на 13 января

Подтверждение приказов. — Проблемы поставок на Восточный фронт. — Максимально использовать возможности. — Внезапность русской зимы. — Устаревшая политическая концепция. — Баланс сил в Европе. — Лгун Галифакс¹. — Дафф-Купер и Гор Белиша. — Индийский бумеранг. — Решение Мосли

В вермахте до сих пор существует привычка не считать себя обязанным, за исключением низших чинов, подтвердить выполнение приказа. Я просто изменил эту ситуацию. Без такого обязательства возможен риск, что в войсках могут посчитать приказ выполненным просто потому, что он был отдан. Необходимо получать подтверждение, чтобы быть уверенным в исполнении.

Поставки на фронт создают громадные проблемы. В этом вопросе у нас есть доказательства самых изумительных проявлений импровизации. Среди непредвиденных проблем, в которых нам приходится импровизировать, оказалась эта катастрофа резкого падения температуры за два дня с -2°C до -38°C . В результате все было парализовано, потому что никто не ожидал подобного. Сами местные жители были удивлены; они подтверждают, что на этот раз зима пришла в самом необычном виде.

Учитывая нынешние условия военного времени, можно задать вопрос, где должны находиться наиболее знающие офицеры: на передней линии или в тылу. Я считаю, они должны находиться

¹ Г а л и ф а к с Эдуард, барон (1881—1959) — английский государственный деятель. В ноябре 1937 г., будучи министром иностранных дел, вел переговоры с Гитлером.

впереди. Во время Первой мировой войны у нас было в общей сложности сорок тысяч моторизованных транспортных средств. Сегодня столько же имеет одно наше войсковое соединение. Какой была ситуация восемь лет назад? У нас было семь пехотных дивизий и три кавалерийские. Теперь у нас есть только бронетанковые и моторизованные дивизии. Вот почему мне нужны офицеры, и с каждым днем все больше офицеров.

Весной 1938 г. мы вошли в Австрию. На пути от Линца до Вены вдоль дороги мы насчитали более восьмидесяти неподвижных танков — и это на такой несложной дороге! Нашим солдатам не хватало опыта. Год спустя мы вошли в Чехословакию, и ничего подобного уже не произошло.

Для решения внутренних проблем нам необходима подходящая организация. Мы вынуждены возлагать на какого-нибудь офицера ответственность за временное хранение военных материалов. Это могут быть и лейтенант запаса, и дантист, и учитель. Естественно, эти парни не имеют понятия о хранении материалов, и им приходится начинать с обретения нужного опыта. Не надо забывать, что германская армия на сумасшедшей скорости ушла вперед. Мы сейчас испытываем те же трудности, что и в 1938 г., когда шли на Вену. На следующую зиму ничего этого не повторится. Мы не найдем ни одного застывшего на месте грузовика или паровоза. Я имею в виду, по причине погодных условий.

Как только эти регионы вольются в нашу дорожную сеть, мы создадим локомотивы, приспособленные к местным условиям. В этой области я никого не упрекаю. Такие вещи не создашь заклипаниями, их надо строить, но до сих пор у нас не было повода для изготовления машин, предназначенных для не нашего климата.

Даже в этом году зима не принесла нам никаких проблем, если б не нагрянула столь внезапно. И все-таки хорошо, что она пришла так внезапно, потому что иначе мы бы продвинулись еще на двести—триста километров. В этом случае было бы невозможно переделать железные дороги на нашу ширину колеи. При таких температурах нам бы пришлось прибегнуть к помощи тяглового скота.

На фронте под Ленинградом при температуре ниже -42°C с нашей стороны не стреляет ни одна винтовка, ни один пулемет, ни одна полевая пушка. Но мы только что получили масло, которого, к сожалению, так не хватало два месяца назад.

Нам недостает двух вещей: меховых шлемов и целлулоидных масок. Геринг говорит мне, что на охоте он носил такие же теплые штаны, какие носят русские солдаты.

Как долго я еще буду требовать создания двигателя с воздушным охлаждением? Это все равно что горохом об стенку. Самая мощная стена состоит из человеческой глупости. Военные от него

отказываются так же, как поначалу сопротивлялись «фольксвагену». Ведь как нам дорого обходится специальный бензин, используемый для запуска двигателя! И говорить нечего, что было б совсем другое дело, если б у нас под каждым капотом был обогреватель, работающий на катализе. Я приказал, чтоб в будущем двигатели выпускались только с воздушным охлаждением. Почти все, чего нам сегодня не хватает, было у нас в Первой мировой войне. Странно наблюдать, как быстро человек забывает. Приходится все повторно изобретать.

Черчилль — человек устаревшей политической идеи, идеи европейского баланса сил. Ее уже не отнести к области реального. И тем не менее, из-за этого предрассудка Черчилль втянул Англию в войну. Короче, политика, которую представляет Черчилль, никого, кроме евреев, не интересует. Но *этой* войной был избран Иеговой из-за своей тупости. Вступать в эту войну было бы менее всего в интересах самих евреев. Все, что они от этого выиграют, — это будут выброшены из Европы, но чем дольше тянется война, тем более жестоко будут народы обращаться с евреями.

В основе всего этого потрясения находятся несколько болванов. Фактически, надо видеть вещи такими, какие они есть. Что *есть* этот марокканский еврей, которого Великобритания сделала своим военным министром? Генералы в конце концов сломали его — как это только что сделал Вавелл с Дафф-Купером¹. Я считаю Галифакса таким же высшим лицемером, как и лжецом. В целом, заметно, что симпатии между англичанами и американцами вовсе не растут как на дрожжах. Среди англичан растет антипатия, это точно. Но при вступлении Японии в войну их отношения сбалансировались, хотя сейчас определенно Англия платит за разбитые горшки. Неужели красивых речей Рузвельта будет достаточно, чтобы возместить потерю Индии?

Не думаю, чтобы японцы приступили к завоеванию Индии. Они наверняка ограничатся ее блокадой. А если будут нарушены коммуникации с Индией, какой смысл для англичан оставаться там хозяевами? Кроме того, их положение весьма своеобразно. У них для того, чтобы управлять тремястами пятьюдесятью миллионами, имеется триста пятьдесят тысяч человек. А если эти триста пятьдесят миллионов вдруг заявят, что не будут больше воевать, что будут тогда делать англичане? Я считаю, если бы во времена Веймарской республики была решительно использована

¹ Д а ф ф К у п е р Альфред — военный министр и первый лорд адмиралтейства. Ушел в отставку в знак протеста против мюнхенских соглашений 1938 г.

всеобщая забастовка, что бы смогла против нее армия в сто тысяч человек?

Сегодня в Индии не наблюдаются кровавые восстания, но индийцам трудно примирить несовпадающие интересы столь разнообразного населения. Как можно объединить в едином фронте этих принцев и брахманов, индусов и мусульман, все эти многоступенчатые и расчлененные касты? Если какая-то британская газета сегодня публикует статью с нападками на Черчилля, то лишь потому, что она не может сделать ничего другого, иначе потеряет всех своих читателей. Пресса не дает точной картины всей реальности. В Индии восстание — это эндемическое свойство [характерное для данной местности. — *Пер.*]. Ганди пытался достичь успеха ненасильственными методами, но, какие бы методы ни выбирать, индийцы единодушны в своем стремлении сбросить британское иго. Кто-то из них захочет испробовать для этой цели большевизм, кто-то применит наши методы. А другие предпочтут не иметь ничего общего с иностранцами. В общем, цель одна и та же — свобода, и никого не волнует, что после ухода англичан в Индии воцарится анархия.

Если обращаешься с народом так, как англичане всегда обращались с индусами, непростительной глупостью будет посылать молодежь этой страны на учебу в университеты, где преподают такие вещи, какие лучше было бы не знать.

В конце концов, Сингапур — не Крит¹. Пробую представить себе, что бы *мы* делали, если бы на нас обрушился такой удар. Но тут сравнивать нечего, поскольку у нас нет всемирной империи.

Как они собираются реагировать на это? Конечно, у них есть в резерве люди наподобие Мосли². Я не могу спокойно думать о том, что Мосли и еще девять тысяч его сторонников — включая некоторых выходцев из благородных фамилий — находятся в тюрьме, потому что они не хотели этой войны!

Отметьте мои слова! Борман, я собираюсь стать очень религиозным.

Борман: «Вы всегда были очень религиозны».

Я собираюсь стать религиозной личностью. Скоро я стану предводителем татар. Арабы и марокканцы уже упоминают мое имя в своих проповедях. Среди татар я стану ханом. Единственное, что я не могу, это есть баранину вместе с шейхами. Я вегетарианец, и они должны избавить меня от своей мясной пищи. Если они не станут слишком долго ждать, я накинусь на их гаремы!

¹ Имеется в виду воздушно-десантная операция германских войск по захвату Крита (20 мая — 1 июня 1941 г.).

² М о с л и Освальд (1896—1980) — лидер британских нацистов.

13 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: Д-Р ПОРШЕ И ЯКОБ ВЕРЛИН¹

Двигатель с воздушным охлаждением

Двигатели с водяным охлаждением должны исчезнуть полностью. Вместо того чтобы получать бензин из угля с применением сложной технологии, будет лучше, если мы заставим некоторые категории пользователей работать на автомашинах, оборудованных газогенераторами.

13 января 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ФЕЛЬДМАРШАЛ ЛЕЕБ² И ТЕРБОВЕН

Пронемецкие чехи и приверженцы Бенеша³. — Чехи в Австро-Венгерской империи. — Гаха⁴ и прививка Морелля

Я знаю чехов. Сейчас они в растерянности. Некоторым из них хотелось бы взаимопонимания с Германией. Другие являются сторонниками Бенеша. Слабая политика в Чехословакии с нашей стороны была бы равносильна намеренному поиску катастрофы на свою голову. Если б Австрийское государство энергично действовало в их отношении, можно было бы избежать расчленения страны.

Мое первое вмешательство имело место два с половиной года назад. Нам пришлось расстрелять девять агитаторов, а две тысячи пятьсот отправить в концентрационные лагеря. Порядок был мгновенно восстановлен.

Поведение чехов в отношении старой Австрии полностью можно описать так: «пассивное сопротивление». Самые наглые всегда те, к кому относятся с величайшим уважением. В их глазах уважительность является признаком слабости или глупости. Пусть меня лучше принимают за грубое животное, чем за идиота.

Я убежден, что чехи кончат тем, что станут считать Гаху одной из величайших политических личностей в их истории!

¹ П о р ш е Фердинанд (1875—1951) — автоконструктор, создатель знаменитого «жука»; В е р л и н Я к о б — директор «Даймлер-Крайслер».

² Л е е б Вильгельм Риттер фон (1876—1956) — фельдмаршал (1940), военный теоретик. С 1942 г. в отставке.

³ Б е н е ш Эдуард (1884—1948) — президент Чехословакии в 1935—1938-м и 1946—1948 гг.

⁴ Г а х а Эмиль (1872—1945) — глава Богемского протектората (Чехословакия) в 1939—1945 гг.

В 1939 г. я предъявил им ультиматум, по условиям которого они были обязаны до шести часов принять мои предложения — в противном случае германская авиация появится в небе над Прагой. Я бы безвозвратно потерял лицо, если б мне пришлось исполнить эту угрозу, потому что в указанный час туман над нашими аэродромами был настолько плотный, что наши самолеты вообще не могли подняться в воздух. В три часа встреча с Гахой была закончена. Он проинформировал свое правительство, и через час нас известили, что приказ был выполнен. Германские войска вошли в Чехословакию, не нанеся удара. Чехи держали свою армию под строгим контролем. Приказ, отданный Гахой, был подготовлен моими советниками. Визит Гахи вызывал у меня тревогу, потому что это был очень дряхлый старый джентльмен. Вообразите рев возмущения в иностранной прессе, случись с ним что-нибудь! Утром он был весь охвачен духом сопротивления, что не вязалось с его обычным поведением. Особенно он возражал против предложения, чтобы его министр иностранных дел скрепил своей подписью наш договор. Я подумал про себя: «Смотри-ка! А я, оказывается, имею дело с законником!» Возможно, тут была какая-то предварительная договоренность в Чехословакии о том, что договор такого рода приобретает законную силу лишь в случае, если он подкреплён подписью упомянутого министра?

На следующий день в Праге Гаха спросил меня, что мы с ним такое сделали, что он чувствует себя совсем по-другому. Он сам удивлялся неожиданному проявлению такого своего упрямства. Не исключено, что оно было результатом инъекции, которую ему сделал Морелль¹, чтобы укрепить его физическое состояние. Его обновленная энергия обернулась против нас!

Сейчас я получаю от Гахи самые теплые послания симпатии. Я их не публикую, чтобы не создать впечатление, что мы нуждаемся в поддержке какого-то неудачника.

107

Ночь с 13 на 14 января 1942 г.

Композитор Брукнер². — Брамс в своем расцвете. — Вагнер и Горинг. — Великие архитекторы. — Талант необходимо поддерживать

После прослушивания Седьмой симфонии Брукнера:

Это произведение основано на народных мелодиях Верхней Австрии. Они воспроизведены не текстуально, но неизменно я узнаю в них мимолетные тирольские танцы моей юности. Просто удиви-

¹ Морелль Теодор (1890—1948) — личный врач Гитлера, ученик нобелевского лауреата Ильи Мечникова.

² Брукнер Антон (1824—1896) — австрийский композитор.

тельно, что он сумел извлечь из этого фольклора. Получается так, что мы обязаны отдать дань уважения какому-то священнику за то, что тот защитил этого великого мастера. Архиепископ Линца часами сидел в своем соборе, слушая, как Брукнер играет на органе. Он был величайшим органистом своего времени.

Можно себе представить появление этого незаметного человека в венском изнеженном обществе. Недавно в какой-то газете было опубликовано высказывание Брукнера о Брамсе, которое только увеличило мою симпатию к нему: «Музыка Брамса очень красива, но я предпочитаю свою собственную». В этом осознание собственной значимости, полное одновременно и скромности, и гордости, как это может ощущать крестьянин во всей простоте. Когда его вдохновляет собственная убежденность. Критик Ханслик описывал жизнь Брукнера в Вене как сущий ад. Когда пришло время, когда уже было невозможно игнорировать его произведения, его засыпали наградами и почестями. А что все это для него значило? Не лучше ли было его понять и оценить значительно раньше?

Еврейство вознесло Брамса на вершину. С ним носились в салонах, и это был пианист театральных жестов. Он использовал эффекты жестикуляции, эффекты бороды и прически. В сравнении с ним Брукнер был смущенным, конфузливим человеком.

Вагнер тоже имел пристрастие к жестам, но у него это было врожденным. Вагнер был человеком Возрождения — как и, в некотором смысле, Горинг (и было бы глупо бранить его).

Нет ничего более жестокого, чем жить в среде, которая не понимает ценности уже созданного произведения или того, что зреет в композиторе. Невозможно вспоминать о таких людях, как Шиллер или Моцарт! Моцарт, которого швырнули в общую могилу неизвестно где... Какой позор!

Если б меня не оказалось на месте, думаю, то же самое бы случилось с Троостом¹. Этот человек революционизировал архитектуру. Возможно, еще бы несколько лет, и он умер бы, но никто б не имел ни малейшего представления о его гении. Когда я узнал о нем, он был подавлен, озлоблен, и жизнь была ему отвратительна. Часто бывает так, что архитекторы оказываются сверхчувствительными людьми. Только вспомните Ханзена², самого одаренного из архитекторов Вены. А Хазенауэр?³ Критики так яростно на него нападали, что он покончил с собой еще до того, как было завершено его величайшее творение — и все равно венский Оперный театр, невероятно красивый, затмил парижскую «Опера». Знать, что

¹ Т р о о с т Пауль (1878—1934) — немецкий архитектор, входил в ближайшее окружение Гитлера.

² Х а н з е н Теофил фон — архитектор, построивший здание парламента Вены.

³ Х а з е н а у э р Карл фон — австрийский архитектор, один из создателей венской Рингштрассе.

способен создавать такое, что не по силам никому другому, — и не иметь возможности доказать это!

Вероятно, люди, как само собой разумеющееся, должны жертвовать ради своих великих современников. Великие люди — это единственное истинное богатство нации.

Великий человек стоит больше, чем сто миллионов в государственных кофрах. Человек, наделенный привилегией быть главой государства, не может лучше использовать свою власть, чем отдать ее на службу таланту. Если б только партия видела своей главной обязанностью раскрывать и поддерживать таланты! Именно великие люди выражают душу нации.

Мне невероятно повезло, но немецкому народу повезло еще больше. Семь пехотных дивизий и три кавалерийские не остановили бы в 1933 г. вал с Востока.

108

15 января 1942 г., вечер

Возвращение Черчилля из США. — Чудес не бывает. — Перенаселенность и прививки

По возвращении в Англию¹ Черчилль не встретит трудностей в том, чтобы надуть палату общин, — но люди, чьи богатства находятся в Индии, не позволят себя одурачить. Уже нашлась какая-то смелая английская газета, написавшая: «Отправьте все в Индию, не заботясь о России или Северной Африке». В наши дни у класса имущих только одна мысль: «Как нам спасти империю?» Вполне возможно, что произойдет чудо, и Англия выйдет из войны. Год назад она могла бы заключить мир и сохранить весь свой престиж. В этой войне в случае победы преимущество может получить только Америка. В случае поражения единственным проигравшим будет лишь Англия.

Сегодня я читаю, что в Индии живет триста восемьдесят восемь миллионов человек, т. е. ее население за десять лет увеличилось на пятьдесят пять миллионов человек. Это тревожит. То же самое явление мы наблюдаем в России. Там женщина каждый год рожает ребенка. Главной причиной снижения смертности является прогресс, достигнутый службами здравоохранения. О чем думают наши доктора? Не хватит ли делать прививки белым? Тем хуже для белых, которые не дают себя прививать! Пусть подыхают! Самое главное, из-за этих одержимых мы не можем стерилизовать всех коренных жителей!

¹ Имеется в виду состоявшаяся 12 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г. встреча в Вашингтоне между Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом (кодовое наименование «Аркадия»).

Борман вставил, что из пятидесяти семей в Оберзальцберге в 1941 г. в двадцати четырех были дети.

Это приближает нас к русскому уровню рождаемости! Я всегда говорил, что наша единственная проблема — это проблема жилья. Дети будут появляться сами по себе. Огромным удобством для родителей станут блоки домов с общими садами внутри, где дети смогут свободно играть и быть при этом под наблюдением. Их уже невозможно оставлять одних на улице. Когда они все вместе, будет легче создать из них общественные личности. В Регенсбурге я видел район, кишачий детьми. В Германии также растет уровень рождаемости.

109

Ночь с 15 на 16 января 1942 г.

В старой Австрии никуда без протекции. — Коррупция прежних дней. — Гениальная женщина. — Искусство надо защищать

В старой Австрии ничего нельзя было сделать без покровительства. Это частично объясняется тем, что девять миллионов немцев в силу неписаного закона были там фактическими правителями пятидесяти миллионов немцев. Этот правящий немецкий класс строго заботился о том, чтоб для немцев всегда находилось место. Для них это было единственным средством сохранить для себя такую привилегированную ситуацию. Точно так же по отношению к славянскому населению вели себя и прибалты немецкого происхождения.

В Австрии ничего нельзя было сделать без рекомендательного письма. Приехав в Вену, я имел при себе такое письмо от Роллера, но не воспользовался им. Если б я кому-то представился с этой рекомендацией, меня сразу же приняли бы. Несомненно, это лучше, что дела пошли по-другому. Для меня было неплохо, что пришлось пережить тяжелые времена.

В прежние дни коррупции было в десять раз больше, чем сегодня. Разница лишь в том, что о ней не говорили так много. Если мы осуждаем мошенника, вовсе не обязательно громко кричать по этому поводу. У нас нет никакой эпидемии, только отдельные случаи.

Я убежден в том, что у фюрера не должно быть протеза и что он должен не допускать вокруг себя никакой системы фаворитизма. Я сам никогда к этому не прибегал. В своей работе я обязан быть абсолютно глухим в этом отношении. А иначе знаете, куда мы зайдем?

Допустим, например, у меня спонтанно возникло желание сделать что-то для кого-то. Будет достаточно кому-нибудь из моих

приближенных попросить у меня что-то подобное, и мне придется отказаться от своей идеи, потому что люди подумают, что не свободен в своих действиях, а я не хочу создавать впечатления, что на меня можно оказывать влияние.

В вермахте уходит пять дней на то, чтобы мой приказ был приведен в действие. В партии все делается быстро и просто. Именно в партии мы черпаем свою мощь действий.

Если б итальянцам раньше удалось прибрать к рукам Эрцберг¹, их потребности в железной руде были бы обеспечены на двести лет вперед. Именно эти стратегические запасы влекут их к себе. Но у нас уже есть легкие металлы, которые прочнее стали. Уголь тоже кончится. И мы его заменим другими природными ресурсами: воздухом и водой.

Есть две опасные профессии: сапера и моряка.

Утверждают, что женщины — не творческие личности. Но есть одна экстраординарная женщина, и меня раздражает, что мужчины не отдают ей должного. Анжелика Кауфман² была великим живописцем. Самые яркие из ее современников восхищались ею.

Для музея в Линце я могу придумать только один лозунг: «Немецкому народу — то, что ему принадлежит».

Мюнхенская Пинакотека — одно из самых изумительных творений в мире. И это произведение одного человека. Невозможно определить, сколь много должен Мюнхен Людвигу I. И как многим ему обязан весь немецкий народ! Дворец Уффици во Флоренции делает честь не одной Флоренции, но и всей Италии.

Я обязан что-то сделать для Кенигсберга. На деньги, которые дал мне Функ, я построю музей, в котором мы соберем все, что найдем в России. А еще я построю великолепный оперный театр и библиотеку.

Я предлагаю объединить музеи Нюрнберга. В результате появится замечательная коллекция. И в этом же городе я построю новый Германский музей. На нынешних местах, чего я всегда боюсь, может вспыхнуть пожар.

¹ Эрцберг — гора с богатым железнорудным месторождением на юге Австрии (земля Штирия).

² Кауфман Анжелика (1741—1807) — немецкая художница, портретист, автор работ на классические сюжеты.

В прошлом столетии немецкий народ наслаждался музеями Берлина, Мюнхена, Дрездена, Вены и Касселя. Нет ничего прекраснее, чем предлагать нации памятники, посвященные культуре.

И еще я хочу позаботиться о новом Тронхейме.

Со временем войны забудутся. Останутся только творения человеческого гения.

110

Ночь с 16 на 17 января 1942 г.

Дикая территория. — Открытие Оберзальцберга. — Приключения Дитриха Экарта. — Гитлер инкогнито. — Совещания в Пассау и Берхтесгадене. — Местные истории. — Строительство Бергхофа¹. — Первое Рождество в Оберзальцберге. — Поездка в Бюкстехуде. — Пожар провидения. — Дитрих Экарт-учитель. — Живописные ссоры. — Первый из правоверных

Хохленцер был построен в 1672 г. В этом районе сохранились следы древних поселений человека. Для этого была причина, потому что там пролегал старый соленый тракт из Галейна в Аугсбург, проходивший через Зальцбург и Берхтесгаден. На этом пути примечательной точкой был Галлтурм.

Не думаю, что нашим предкам этот район казался очень привлекательным. Каждый год, примерно на Рождество, дети надевали на себя ужасные маски — наследие периода, когда люди полагали, что таким образом смогут отогнать злых духов. Злые духи собираются в дремучих и заброшенных местах! Представьте себе эту узкую дорогу, которую торговцам приходится преодолевать в постоянном страхе нападения либо со стороны диких животных, либо разбойников. Им требовалось за день покрывать расстояние, на которое у нас уходит двадцать минут.

В месте, где стоит мой дом, до 1917 г. не было ничего. Кругом одни поля. Кажется, в 1917 г. семья Винтер из Бюкстехуде построила небольшой домик, на месте которого я построил свой.

Оберзальцберг я посетил и получил глубочайшее впечатление как раз в то время, когда строился мой дом. Это был мой первый визит за несколько месяцев, и он меня наполнил волнением откры-

¹ Б е р г х о ф — поместье Гитлера в Оберзальцберге, недалеко от города Берхтесгаден.

тий. Основные работы только что закончились. Размеры дома меня немного пугали, так я опасался, что он не впишется в пейзаж. Но с радостью обнаружил, что, напротив, он в него очень хорошо вписывался. По этой причине я уже себя сдерживал — ибо на мой вкус ему следовало быть побольше.

Всеми превозносился дом, принадлежавший Корнелиусу, — Зонненкепфль. Бехштайны¹ хотели, чтоб я его купил. Но меня, возможно, из-за тоски по моей маленькой родине слишком привлекал вид в сторону Зальцбурга. Кроме того, летом в Зонненкепфле слишком жарко. А Бергхоф находился в воистину идеальном месте. Как бы мне хотелось побывать там! Будет славно, если мы сможем опять туда подняться. Но как это далеко, ужасно далеко!

Короче говоря, с Оберзальцбергом меня познакомил Дитрих Экарт. В то время был издан ордер на его арест, и мы искали, куда б его спрятать. Вначале он прятался в Мюнхене у Лаубоков. Но не мог удержаться от искушения болтать по телефону направо и налево. Уже на второй день он стал требовать, чтобы к нему приехала его подружка Анна. «Я не способен прятаться», — обычно заявлял он. В целях предосторожности наши патрули наблюдали за его домом. То тут, то там виднелся силуэт торчавшего полицейского, но его коллеги были слишком трусливы, чтобы ввязаться в драку с нами. Меня навестил Кристиан Вебер² и рассказал о Бюхнерах из Оберзальцберга, которых я еще не знал. Вебер останавливался у них на постой и полагал, что это было бы подходящим местом, чтобы укрыть Дитриха Экарта. Бюхнеры управляли пансионом «Мориц».

Как-то мне позвонил Рем, попросив немедленно приехать в контору нашей военной администрации. В то время параллельно с полицией существовала служба «разыскиваемых преступников». Рем сообщил мне, что этой ночью будет предпринята попытка арестовать Экарта, и посоветовал переправить того куда-нибудь. Я уже сам заметил, что дом начали окружать полицейские. Чуть позже в тот же день я узнал от Рема, что все дороги вокруг Мюнхена перекрыты. «Перевезите его в Инглиш-Гарден, — сказал он мне. — Там найдете автомашину рейхсвера, которую я даю в его распоряжение». Я критически высказался Рему, что Экарт наверняка будет недоволен, если ему придется отправиться одному. «Тем лучше, — ответил Рем. — Будет отлично, если машина будет полна людей». Я заехал к Дрекслеру³ и спросил его, не хочет ли он выехать на несколько недель вместе с Дитрихом Экартом.

¹ Б е х ш т а й н ы — владельцы известной фирмы по производству роялей «Bechstein Pianofortefabrik AG», друзья Гитлера.

² В е б е р К р и с т и а н (1883—1945) — один из первых членов НСДАП, бригадефюрер СС, партийный функционер. Друг Гитлера, один из немногих, кто называл фюрера на «ты».

³ Д р е к с л е р Антон (1884—1942) — один из основателей НСДАП. После провала «пивного путча» вышел из партии.

Тот с энтузиазмом воспринял это предложение. Экарт заколебался, узнав об этой идее, но вечером позволил увезти себя. Все это происходило зимой 1922/23 г. Итак, они добрались до Оберзальцберга, где все еще было полным-полно снега. Детали этой поездки остались мне неизвестны.

На следующий день ко мне домой пришла полиция. Агенты, конечно, ничего не знали. Этот факт напомнил мне, как мы обычно очень грубо вели себя с парнями из полиции. Когда мы разговаривали по телефону и подозревали, что линия прослушивается, мы обычно сразу же восклицали: «Боже мой, еще кто-то из этих шимпанзе интересуется нами!»

Кристиан Вебер регулярно сообщал нам новости. Все, что я знал, это то, что они остановились в каком-то пансионе возле Берхтесгадена.

Однажды в апреле я в сопровождении своей младшей сестры поехал в Берхтесгаден. Я ей сказал, что у меня назначено деловое свидание наверху в горах, и попросил ее подождать меня. Я отправился вверх пешком вместе с Вебером. Наша дорога круто подымалась и никак не кончалась: всего лишь узкая тропинка в глубоком снегу. Я спросил у Вебера, не принимает ли он меня за верблюда, и пригрозил ему, что поверну назад, чтобы вернуться вниз засветло. Потом перед нами возник дом — пансион «Мориц». Вебер сказал мне: «Только не стучите в дверь; мы войдем так». Из предосторожности мы не стали представляться. Из постели подняли Экарта, который вышел к нам в ночной рубашке, демонстрируя пятки, заросшие волосами, как колючей проволокой. Он был очень взволнован.

Я спросил Экарта, во сколько мне надо будет проснуться завтра, чтобы полюбоваться ландшафтом. Он ответил, что будет отлично, если я встану в 7.30. Он был прав — что за чудесный вид открылся на долину! Местность была неописуемой красоты.

Экарт был уже на нижнем этаже. Он представил меня Бюхнерам: «Это мой младший товарищ, герр Вольф». Никому бы в голову не пришло связать эту личность с сумасшедшим чудовищем Адольфом Гитлером. Экарт в пансионате был известен под именем д-ра Гофмана. В полдень он повел меня в трактир «Турецкий», пообещав настоящий гуляш. К нему обращались «господин доктор», но я сразу же заметил, что всем было известно его настоящее имя. Когда я намекнул ему об этом, он ответил, что в Оберзальцберге нет предателей. На митинге в Фрайлассинге он выступал под именем Гофман, но во время речи позволил пылу увлечь себя до такой степени, что заявил: «Что за чепуху вы несете? Ведь я лучше вас информирован об этом. Я — Дитрих Экарт!»

Я там оставался недолго и вернулся в Мюнхен. Но всякий раз, когда у меня выдавалось несколько дней, возвращался в эти места. Мы часто ходили на экскурсии. Однажды в приюте «Пуртшеллер»

нас застигла ужасная метель, такая сильная, что временами казалось, что хижину снесет ветром. И Дитрих Экарт бранился: «Что за глупость запереть меня в этой гнусной лачуге!» В другой раз Бюхнер повез Экарта на своем мотоцикле. У меня все еще перед глазами картина, как они взбираются на полной скорости по трудной, продуваемой ветром дороге на Оберзальцберг. Какой отличный дуэт!

Наступил день, когда Экарта уже нельзя было держать в пансионе. Кругом шли разговоры, что вот-вот придет сюда орда полицейских, чтоб его арестовать. Как-то после полудня мы перевезли его в маленький домик Геля. Как обычно при всех переездах, Экарт взял с собой свою постель и кофемолку.

Я тут же привязался душой к Оберзальцбергу. Я полюбил его пейзажи. Единственными, кто знал, кто я такой, были Бюхнеры, и они хранили секрет. Все другие принимали меня за господина Вольфа. Так что было очень забавно слушать, что люди говорили о Гитлере.

Как-то я решил отправиться на митинг в Пассау. В нашем пансионе был постоялец, у которого была очень симпатичная жена. Мы как-то беседовали с ним, и вдруг он говорит мне: «Я приехал аж из Хольштайна, который так же далеко, как и Берхтесгаден. И я не хочу упустить возможности увидеть этого Гитлера. Поэтому я поеду в Пассау». Мне это показалось неблагоприятным и грозящим потерей моего инкогнито. Я сказал ему, что тоже собираюсь туда, и предложил место в своей машине. Когда мы добрались до Пассау, там меня ждала машина. Я пошел вперед и предупредил товарищей, что я — господин Вольф, и попросил их избегать каких-либо оплошностей с этим хвастуном, которого я оставляю на их попечение. Я предложил этому человеку пойти на митинг с моими товарищами, сказав ему, что встречу с ним в зале. Дело было в том, что мне надо было сбросить одежду, скрывавшую мою униформу.

Я сразу же заметил моего парня по тупо искажившемуся лицу. Увидев меня, поднимающегося на трибуну и начавшего говорить, он уставился на меня, как будто я — привидение. Митинг закончился ужасной потасовкой, в ходе которой был арестован Шрек. Я отвез своего компаньона назад в Оберзальцберг. Он был просто ошеломлен. Я попросил его хранить в тайне секрет, сказав, что мне придется сменить убежище, а это было бы большой неприятностью. Он дал мне слово.

На обратном пути за рулем сидел Геринг. Он вел машину, как сумасшедший. На одном из поворотов перед Титмонингом мы врезались в навозную кучу. Морис снова сел за руль и довез нас до Берхтесгадена без проблем.

На следующий день, видя, как на меня смотрела жена хвастуна, я сделал вывод, что он ей все рассказал. Но по отношению к другим он слово держал.

Как-то в Берхтесгадене митинг организовывался долгое время. Наконец, наступил момент, когда уже было невозможно избежать его. «Немецкий день в Берхтесгадене. Присутствует товарищ Адольф Гитлер». Для Оберзальцберга это было огромной сенсацией. Весь пансион, от сорока до пятидесяти человек, спустился вниз в долину, чтоб посмотреть на это явление. Ужин был перенесен так, чтобы постояльцы смогли приехать туда вовремя.

Я приехал на мотоцикле. В гостинице «Корона» меня приветствовали оглушительной овацией. Перед входом собрался весь пансионат, — но эти добрые люди вовсе не удивились, поскольку считали, что всякое новое появление приветствуется таким оглушительным манером. Когда я поднимался на помост, они смотрели на меня, как будто я сошел с ума. Когда же они осознали реальность, я понял, что это их сбило с толку.

Когда Вольф вернулся в пансион, там царила жуткая атмосфера. Те, кто плохо отзывался в моем присутствии об Адольфе Гитлере, чувствовали себя страшно неудобно. Какая жалость!

Хорошо было, когда меня не знали в лицо, и я мог спокойно путешествовать по всему рейху. Как мне было приятно, когда меня принимали за кого угодно!

Одна из моих эскапад после выхода из тюрьмы в 1925 г. состояла в посещении Берхтесгадена. Я сказал Бюхнерам, что мне надо работать и я нуждаюсь в абсолютном покое. По этой причине я обосновался в маленькой пристройке.

Потом Бюхнеры уехали. Я всегда буду с интересом следить за переменами в их жизни. Я сужу о людях по тому, как они относились к нам в период нашей борьбы. Бюхнеры превосходно относились к нам, когда мы были слабы. Бюхнер был очень приятным человеком, а его жена — очень энергичной персоной. Они оставили свое место Дресселю, саксонцу. Какая же это была перемена! Дрессель был ужасно ленив, дом — неухожен, а пища несъедобна. К тому же еще и пьяница-племянник. Кафе содержалось симпатичной девушкой, которая сегодня работает у Амана и с которой Дрессель плохо общался. Она была дочерью фарфорового заводчика Гутшенройтера, чей бизнес оказался неприбыльным. Каким облегчением для него стало то, что Аман забрал ее к себе! Дрессель даже удерживал у своего персонала 10% за услуги, на которые эти люди имели право. Все это было так отвратительно, что мы решили больше там не останавливаться.

После этого я останавливался в «Маринехайм». Там были Бехштайны, и они попросили меня составить им компанию. Но атмосфера была невыносимой. Бехштайны, бывшие людьми компанейскими, сами это признавали. Обществу совершенно не доставало непринужденности, личности распухали от показухи, квинтэссенции всего, что вызывало у нас отвращение! После происшествия с багажом господина Модерсона я съехал оттуда.

Я уже не мог оставаться в доме, который населяли подобные марионетки.

И я выбрал «Дойче Хаус» в Берхтесгадене. Там я прожил около двух лет с перерывами. И жил там, как боевой петух. Каждый день я поднимался в Оберзальцберг, что отнимало два с половиной часа туда и обратно. И там я написал второй том своей книги. Мне очень нравилось бывать в «Драймедерльхауз», где всегда были приятные девушки. Для меня это было истинное удовольствие. Одна из них была настоящей красавицей.

В 1928 г. я узнал, что «Вахенфельд» будет сдаваться в аренду. Мне это показалось прекрасным выходом, и я решил поехать и посмотреть. Там никого не было. Старый Расп, которого я там встретил, сказал мне, что только что уехали две дамы. Винтер, у которого дом был построен, в то время считался в Бюкстехуде крупным промышленником. Он дал дому девичье имя своей жены, т. е. «Вахенфельд».

Эти две дамы вернулись. «Извините меня. Вы — владелицы этого дома. Мне сказали, что вы хотели сдать его в аренду». — «Вы — господин Гитлер? Мы — члены партии». — «Тогда все великолепно». — «Входите, и выпьем кофе». И я посетил этот дом и полностью был им очарован. Мы сразу же пришли к соглашению. Хозяйки были в восторге от возможности сдать весь дом на год по цене сто марок в месяц. Они сочли, что я им оказываю услугу, не давая дому пустовать. Они были настолько любезны, что добавили, что в случае продажи, которая была невозможна, они давали мне право первого выбора.

Я тут же позвонил своей сестре в Вену, сообщил новость и попросил ее взять на себя обязанности хозяйки дома. Поскольку моя сестра часто оставалась одна с маленькой девочкой-служанкой, я прислал ей двух охранников. И с ней ничего не случилось.

Как-то раз я поехал в Бюкстехуде. Поскольку я вложил много денег в этот дом, я хотел знать его цену, чтобы в случае продажи зафиксировать ее у адвоката. Для меня лучше всего было бы купить его сразу, но фрау Винтер еще не была готова продать дом, который перешел к ней от покойного мужа. Мы приехали на машине из Гамбурга. Когда я спросил, где находится фабрика Винтера, мне сообщили, что только вчера она сгорела. И мне подумалось, что я приехал в самый подходящий момент.

Я приехал домой к фрау Винтер. Вначале меня приняла ее дочь. Затем, сияя, вошла, мать. «Какое совпадение! — воскликнула она. — Вы приезжаете, а прошлой ночью фабрика сгорела дотла. Две удачи сразу!» Дело в том, что во время инфляции, воспользовавшись беспомощностью вдовы, два еврея купили фабрику за бесценок. Она добавила: «Для меня это такой хороший день, что я согласна продать вам дом».

Она подвела меня к фотографии. «Посмотрите на этого негодяя! — произнесла она. — Он уже три недели в армии, а я не получила

от него ни одного письма». Я попробовал объяснить ей, что, возможно, молодой человек находится на учениях и не может написать. Она пришла в восторг, что я подбросил ей повод считать себя несправедливой по отношению к мальчику. Я был целиком покорен этой восхитительной старой женщиной восьмидесяти лет. Она мне напомнила фрау Гофман — правда, чуть выше, тоньше и более проворная.

Я немного прогулялся со старой леди и узнал, что она может проживать только в доме, принадлежащем фабрике. По счастливому случаю, хотя молния ударила в фабрику, жилой дом она пощадила!

Вот так я стал владельцем имущества в Оберзальцберге.

Да, столько связей существует между Оберзальцбергом и мной. Так много там родилось и осуществилось. Там я провел лучшие часы своей жизни. В душе я остаюсь верен своему первому дому. Там зародились и созрели все мои великие проекты. В те дни у меня были славные часы досуга, а сколько очаровательных друзей нашел я там! Сейчас это безумно тяжелая работа и оковы. Все, что мне осталось сейчас, это несколько этих часов, которые я провожу с вами каждую ночь.

Для баронессы я был интересен. Экарт так представил меня: «Вот молодой человек, который когда-нибудь станет очень важной личностью». Как ей хотелось узнать, чем я занимаюсь! Я сказал ей, что я писатель.

Как мне нравилось бывать в квартире Дитриха Экарта на Франц-Иосиф-штрассе. Какая удивительная атмосфера царила в этом доме! Как он заботился о своей маленькой Анне! Когда он умер, она мне сказала со слезами горя, что уже никогда не встретит такого же беспристрастного человека, как он.

Все мы сделали шаг вперед по дороге жизни, и мы уже не можем представить себе точно, чем был для нас Дитрих Экарт. Он светил перед нашими глазами, как Полярная звезда. Все, что писали другие, было настолько плоско. Если он выговаривал кому-то, это делалось так мудро. В то время интеллектуально я был сосунком. Но что меня утешало — даже у него не все прорастало само по себе, все в его работах было результатом терпеливого и разумного труда. Есть вещи, написанные мною десять лет назад, которые я не могу сейчас читать.

Наша компания в пансионе состояла из Дитриха Экарта с его подругой Анной, Ганссера, баронессы Абегг, Генриха Гофмана и Дрекслера. Помню, как баронесса приобрела в Бертхесгадене и привезла в корзине бюст, который все приписывали Донателло. Я сожалел об усилиях, потраченных мной на то, чтоб вытащить его из корзины, поскольку оказалось, что это плохая копия из глины. Мы часто проводили приятные вечера в «Дойче Хаус»,

иногда в кафе, иногда в той или иной из наших комнат. Ганссер обычно наполнял дом гулом своего голоса и своим баварским акцентом. Ему везде чудились следы заговора.

Майзель была чудесной девушкой. К тому времени я знал много женщин. Некоторые из них привязались ко мне. Так почему же я не женился? Чтобы оставить после себя одинокую жену? При малейшей неосторожности я рисковал вновь оказаться в тюрьме на шесть лет. Поэтому для меня не существовало вопроса о женитьбе. И мне пришлось отказаться от определенных возможностей, которые возникали сами по себе.

Д-р Ганссер заслуживает вечной благодарности от партии. Я обязан ему целым рядом очень важных знакомств. Если б я, благодаря ему, не познакомился с пшеничным бароном Рихардом Франком, я б не смог продолжать выпускать «Беобахтер» в 1923 г. То же самое можно сказать и о Бехштайне. Целые месяцы я разъезжал на его машине, нагруженной динамитом. Он обычно так успокаивал меня: «Я не могу использовать никакого другого водителя, потому что это такая тупица, что в его присутствии я могу говорить все, что угодно. Ну а если он налетит на другую машину, тут уж ничего не поделаешь; мы все взлетим на воздух!»

Когда возникала необходимость поездки, Экарт был самым ценным человеком на земле, а Ганссер — самым бесценным. Экарт приезжал на вокзал за полтора часа до отхода поезда. А Ганссера там никогда не было. И Экарт говорил мне: «Что слышно о Ганссере? Боюсь, он опять опоздает. Вы, пожалуйста, не уходите, потому что мне будет одиноко!» Поезд уже вот-вот отойдет, и тут появляется Ганссер с кучей чемоданов, которому удается последним прыжком вскочить в последний вагон. И тут Экарт обращается к нему: «Да, ты человек, родившийся после своего времени. И этим все сказано!»

Экарт родился протестантом. В присутствии Ганссера он обычно защищал католицизм. «Но если бы не Лютер, давший католицизму новую энергию, мы бы покончили с христианством намного быстрее». Ганссер, сын пастора, как правило, защищал Лютера. Как-то Экарт привел их традиционный спор к такому заключению: «Я тебе вот что должен сейчас сказать. Ты всего лишь побочный продукт протестантской сексуальности — так сказать, сексуальности, которая не в ладу с приличным обществом».

В Мюнхене у меня огромное множество верных сторонников. Избрав эту позицию, они могли все потерять и ничего не приобрести. Сегодня меня очень трогает, когда доводится встретиться с кем-то из них. Они проявляли истинно душевную привязанность ко мне. Мелкие лавочники часто подбегали ко мне, чтобы поднести «пару

яиц господину Гитлеру». Были среди них такие заметные люди, как Пешль, Фесс и Гар, но также и совсем маленькие, которые сегодня уже заметно постарели. Я так влюблен в этих скромных парней. Остальные, десять тысяч элиты, что бы ни делали, все по расчету. Некоторые из них смотрят на меня как на средство привлечения в их гостиные, другие ищут иных выгод. Наши продавцы газет часто подвергались бойкоту и избиениям. Одним из моих самых верных, с 1920 г., сторонников был Джегг. Мои самые счастливые воспоминания относятся к тому времени. Меня никогда не покинет чувство привязанности, которую я испытываю к этим людям. Меня с ними связывают такие узы, что я могу разделять с ними горести и радости. Иногда я стихийно ставлю себя на их место. Годами я существовал на тирольских яблоках, то же самое — Гесс. Можно сойти с ума, на чем мы сэкономили. Каждая сбереженная марка шла на нужды партии. Еще одним верным сторонником был маленький Нойнер, служащий Людендорфа. Были и дворяне: Странски, Шобнер-Рихтер, фон дер Пфордтен. Я ясно себе представлял сходство противоположностей. Мои товарищи вначале приходили из всех частей Германии. В фундаменте партии ничто не изменилось. Я все еще опираюсь на те же самые силы.

Это великое время, когда совершенно неизвестный человек намеревается покорить нацию, а после пятнадцати лет борьбы он может в действительности стать главой этой нации. Мне посчастливилось перечислить некоторые известные личности среди своих сторонников.

111

Ночь с 17 на 18 января 1942 г.

Сокрушительные удары кампании в России. — Немецкие и американские самолеты. — Муки Мальты¹. — Серьезные итальянские ошибки

«Вначале снег, а потом мороз!» Это все, что можно прочесть в книгах о России. И тут самому Хильгеру нечего добавить. Доказано, что всем этим наблюдениям доверять нельзя. Понятно, легко вычислить среднюю температуру по результатам нескольких лет, но

¹ М а л ь т а — остров в Средиземном море. Контроль над ним позволял англичанам серьезно нарушать коммуникации противника как на европейской территории, так и связь с Африканским корпусом Эрвина Роммеля. Неудачные попытки итальянских, а затем и германских ВВС разрушить английскую базу привел к значительным потерям среди итальянских и немецких военнослужащих.

к этому надо добавить, что в некоторые годы вариации температуры могут быть больше, и даже много больше, чем позволяют предположить расчетные средние значения.

Ошеломительным ударом для нас стало то, что ситуация оказалась совершенно неожиданной и что наши солдаты не были оснащены, приспособлены для температур, в которых им приходится воевать. Более того, наше командование не смогло сразу же приспособить свою тактику к новым условиям. Сегодня мы позволяем русским проникать в наш тыл, а сами в это время остаемся там, где есть, даже не пошевелившись. Они уничтожаются позади нашей линии фронта или постепенно ослабевают в деревнях из-за отсутствия снабжения. Для реализации такой тактики требуются крепкие нервы. Я даже могу открыто сказать, что мой уважаемый предшественник не обладал нужными для такой работы нервами. Генералы должны быть жесткими, безжалостными людьми, цепкими, как мастифы, — несговорчивыми людьми, такими, как у меня в партии. Вот такие солдаты навяжут свою волю в данной ситуации.

Если б не наступили морозы, мы бы продолжали нестись вперед — в некоторых местах до шестисот километров. Мы были на волоске от этого. Но вмешалось Провидение и спасло нас от катастрофы.

Нефть, которая была нужна в тот момент, мы уже имеем — и все, что для этого потребовалось, так это вмешательство. Какой идиот наградил нас этим бензином «для всех температур»! Ненавижу работу этих специалистов. Все, что исходит от теоретиков, я считаю пустым и ненужным.

Эстетические формы, механическая отделка — давайте придержим эти заботы для мирного времени. Что мне сейчас нужно, так это локомотивы, способные проработать пять-шесть лет. Все эти тонкости, связанные с машиной, которая будет трудиться еще десяток лет, для меня абсолютно пустой звук.

Недавно один из наших новых «мессершмитов» попал в руки противника¹. Враг был ошеломлен. Один американский журнал писал, что широко распространено мнение, что у немцев в наличии только посредственное сырье, но теперь надо согласиться с фактом, что Соединенные Штаты, по крайней мере, только через три года смогут произвести самолет сопоставимого качества. «Противостоять немцам имеющимся ныне на вооружении самолетами, — добавляет он, — равносильно тому, что посылать наших пилотов на самоубийство».

Касаясь этой темы, следует заметить, что немецкий самолет требует в шесть раз больше рабочих затрат, чем американский. Итальянские истребители тоже превосходят «харрикейны».

¹ Имеется в виду одна из последних модификаций серии «F» или первой серии «G» bf-109.

На Мальте наша тактика заключается в атаках без передышки так, чтобы англичане были вынуждены отстреливаться без перерыва.

Итальянцы только что провели еще одну торпедную атаку на гавань Александрии. По мнению англичан, эта атака — дело рук очень смелых людей.

То, что мы только что испытали в России из-за погоды, — неудача, от которой на короткое время оказываешься в состоянии грогги, — нечто подобное итальянцы испытали до нас как результат серьезных ошибок, совершенных ими в размещении войск. Мы от этого оправились быстро, но смогут ли оправиться *они*?

112

18 января 1942 г., вечер

**Убеждать других людей. — Гинденбург, «старый джентльмен».
— Первые встречи с маршалом. — Проснись, Германия! —
Миллиарды фон Папена. — Версальский шантаж. — Если б
французы оккупировали Майнц**

Всю мою жизнь можно было бы обобщить, как непрерывное личное стремление убедить других людей.

В 1932 г. я беседовал с Мейснером в «Кайзерхофе». Он заявил, что он если и демократ, то, вероятно, несколько иного рода, чем мы себе представляем, — и что на деле мы не так далеки друг от друга. Он пообещал мне, что, в любом случае, добьется от фельдмаршала Гинденбурга для меня всего, что в его силах. «Это будет нелегко, — добавил он, — потому что образ мышления «старого джентльмена» и его ощущения противоречат всему, что представляете вы».

Должен признать, что Мейснер был первым, кто помог мне понять истинное состояние Гинденбурга. В ком мог фельдмаршал найти поддержку? Во всяком случае, не среди германских националистов, этого сборища некомпетентных лиц. Он не был намерен нарушать конституцию. И что нам было делать? От него потребовалось большое усилие, чтобы начать сотрудничать с социал-демократами и некоторыми центристами. Он испытывал отвращение к Гугенбергу (который однажды обозвал его «предателем» за то, что фельдмаршал оставил Мейснера на своем посту).

Гинденбург пригласил меня: «Господин Гитлер, я хочу услышать из ваших уст краткое изложение ваших идей». Ведь почти невозможно, находясь по разные стороны глубокого ущелья, передать другим чью-то собственную концепцию мира. Я попробовал установить с фельдмаршалом контакт, прибегнув к помощи сравнений

военного характера. Связь с солдатом была быстро установлена, но трудности возникли с того же момента, когда стал обсуждаться вопрос расширения нашего появляющегося на свет понимания политики. Когда я закончил свой обзор, почувствовал, что растрогал Гинденбурга и что тот сдаётся. Тут же он воспользовался моментом, чтоб упрекнуть меня за инцидент, происшедший в Восточной Пруссии: «Но ваша молодежь не имеет права так вести себя. Не так давно в Танненберге они выкрикивали, чтобы я услышал: «Проснись, проснись!» А я ведь не сплю!» Некоторые милосердные души дали «старому джентльмену» понять, что эти выкрики относятся к нему лично, в то время как в действительности наши сторонники кричали: «Проснись, Германия!» [«Deutschland, erwache» — нацистский лозунг. — *Пер.*].

Вскоре после этой беседы Гинденбург сообщил мне, что известит меня, когда будет принято решение. Но влияние врагов, которых я насчитывал вокруг себя, все еще оставалось таким сильным, что даже в 1933 г. я мог с ним встречаться только в присутствии фон Папена. Однажды, когда Папен отсутствовал, я сам появился у фельдмаршала.

«Почему это фон Папен всегда вместе с вами? — спросил он меня. — Ведь я хочу говорить с *вами!*» Когда Папен возвратился, он, должно быть, сожалел о поездке, которая отвлекла его на это время.

«Старый джентльмен» характеризовал Папена как какую-то борзую, но мне кажется, что он любил его. Папен великолепно знал, как надо обращаться с Гинденбургом. Мы должны быть благодарны Папену, кстати, потому что он первый пробил брешь в священной конституции. Очевидно, большего от него нельзя было ожидать.

Если Антонеску не завоюет внимание своего народа, он погиб. Командир, не имеющий за собой войск, долго не продержится. Ататюрк¹ обеспечил свое правление благодаря Народной партии. То же самое в Италии. Если Антонеску вдруг сегодня уйдет со сцены, в армии разгорится страшная борьба между претендентами на наследство. Этого не произошло бы, если бы существовала организация, способная назначить его преемника. На его месте я бы сделал Легион² основой власти, но вначале расстрелял бы Хориа Сима.

Без прочной политической основы невозможно ни решить вопрос о преемственности, ни гарантировать нормальное управление государством. С этой точки зрения румыны отстали от венгров. Венгерское государство имеет преимущество в виде парламента.

¹ А т а т ю р к Мустафа Кемаль (1881—1938) — первый президент Турецкой республики, основатель Народной республиканской партии.

² Легион Михаила Архангела — религиозно-национальная организация К. Кодряну.

Для нас такая вещь была бы нетерпимой, но их парламент таков, что его исполнительная власть на практике независима.

Несчастье Папена состояло в том, что у него не было опоры. Мы еще не были настолько сильны, чтобы поддержать его. Но, так или иначе, я бы этого не стал делать, потому что Папен не был нашим человеком.

Общая сумма годового дефицита рейха и немецких провинций достигала пяти с половиной тысяч миллионов. И при этом мы были обязаны выплатить пять тысяч миллионов нашим врагам. «Изумительный результат!» — сказал мне Папен, вернувшись из Женевы и говоря о ста пятидесяти тысячах миллионов, появившихся на бумаге. — Тогда на 30 января у нас в погребах рейха будет восемьдесят три миллиона!» И между нами состоялся следующий диалог: «Чем вы предлагаете платить?» — «Но мы *обязаны* платить, иначе они сделают нас банкротами». — «И как же они это сделают? Им не на что накладывать арест!»

Когда я потребовал три тысячи миллионов на перевооружение, снова столкнулся с возражением, что мы должны за границе. Я ответил: «Вы хотите отдать эти деньги иностранцам? Давайте лучше используем их в собственной стране!»

Я довел свою точку зрения до сведения британского посла, когда тот вручал свою верительную грамоту. Ответ его был таков: «Вы хотите сказать, что новая Германия не признает обязательств предшествующих правительств?» Я ответил: «Свободно заключенные соглашения — да! Но шантаж — нет! Все, что имеет заголовок «Версальский договор», я рассматриваю как вымогательство». — «Ну а я — нет! — ответил он. — Я немедленно доведу это до сведения моего правительства».

И с того дня уже Англия и Франция не считали себя вправе требовать от нас даже малейших выплат.

Англичане меня не волновали. Но я боялся, что французы воспользуются этим предлогом, чтобы, например, оккупировать Майнц.

113

Ночь с 18 на 19 января 1942 г.

Программа партии. — Бездумная публика. — Русская зима. — Риторика и здравый смысл. — О неандертальском человеке. — Наши предки — греки

Меня иногда спрашивают, почему я не изменю программу партии. И на это я отвечаю: «А почему я *должен* ее изменять?»

Эта программа принадлежит истории. Она уже была нашей на день основания партии, 24 февраля 1919 г. Если что-нибудь по-

надобится изменить, то для этого сама жизнь проявит инициативу. Я не должен отождествлять себя с медицинским обзором или военной публикацией — вещами, которые должны обсуждаться в своей самой последней стадии.

Какое счастье для правительств, что народы, которыми они управляют, ни о чем не думают! Обдумыванием занят человек, отдающий приказы, а потом тот, кто их выполняет. Если бы было иначе, состояние общества было бы невозможным.

Трудность ситуации не столько в самой зиме, сколько в том, что есть солдаты, но неизвестно, как доставить их на место; в том, что боеприпасов в избытке, но непонятно, как их перебросить; в том, что все необходимое оружие имеется, но не знаем, как передать его в руки бойцов. Вопрос о железных дорогах я оставляю на потом. Если они не заработают лучше, мне есть что им сказать!

Все же было бы лучше, если бы 30-го выступил я, а не Геббельс. Когда речь заходит о поднятии боевого духа, я знаю, как соблюсти золотую середину между здравым смыслом и риторикой. В своем последнем обращении Геббельс заклинал солдат на фронте оставаться стойкими и спокойными. Я бы не стал выражаться таким образом. В такой ситуации солдат не спокоен, а решителен. Чтобы разбираться в этих вопросах, надо самому пройти через это.

Вырыли случайно какой-то череп, и каждый восклицает: «Вот так выглядели наши предки!» Кто знает, а если так называемый неандерталец в действительности не был обезьяной? В любом случае, я могу сказать, что это не *наши* предки, жившие здесь в доисторические времена. Земля, на которой мы живем, наверняка была такой необитаемой, что наши предки если и проходили по ней, то не останавливались. Если нас спрашивают, кто наши предки, нам всегда надо показывать на греков.

114

19 января 1942 г.

Нелепость дуэльных традиций. — О некоторых дуэлях. — Деревенские драки. — Честь — не кастовая привилегия

У меня всегда была куча проблем в удержании своих людей от дуэлей. В конце концов мне пришлось запретить дуэли. Из-за этого глупого обычая мы потеряли некоторых из наших лучших товарищей. Только представьте себе, по каким причинам вспыхивают некоторые из дуэлей!

Как-то мы были в «Рейхсадлере» [ресторан в Мюнхене. — *Ред.*]. Там был Гесс с женой и золовкой. Тут появляется полупьяный студент, позволивший себе несколько наглых замечаний о них. Гесс предложил ему выйти вместе из трактира и пояснить свои замечания. На следующий день к Гессу пришли двое неуклюжих подростков и потребовали объяснений за оскорбление, нанесенное вчера их другу! Я запретил Гессу вмешиваться в это нелепое дело и попросил направить ко мне этих секундантов. Я им сказал: «Вы ищете ссоры с человеком, который четыре года сражался с врагами. Да как вам не стыдно?»

Наш друг Хольцшухер оказался замешан в одном деле, которое могло закончиться дуэлью. Повод был абсурдный. Я сказал тем, кому надо: «Я знаю кое-какие коммунистические логова, где для любого из наших парней только появиться там означает рисковать жизнью. Если кому-то из вас жить надоело, пусть отправляются туда и погуляют по этим местам!»

Мне не известна ни одна дуэль, которую следовало бы принимать всерьез.

Мы понесли невосполнимую потерю в лице Штрукна¹ — нашего единственного журналиста международного класса. Была оскорблена его жена, а убит был он. Где же логика?

В 1923 г. Дитрих Экарт был одновременно вызван на дуэль хилыми шестнадцати- или семнадцатилетними юнцами. Я вмешался и все уладил. В моем присутствии никто и бровью не шевельнул.

Вероятно, бывают случаи, в которых конфликт между двумя особами не способен разрешить никакой суд. Допустим, они поссорились из-за женщины. Должно быть найдено решение. Один из двоих должен исчезнуть.

Но во время войны смотреть на такие вещи сквозь пальцы никак нельзя. Страна не может себе позволить такие ненужные смерти.

К деревенским дракам я склонен относиться крайне снисходительно. Юноша, чья честь задета, не может показаться на людях, пока не сразится за свою возлюбленную. И в делах такого рода нет ничего трагического.

Иногда случается, суд находит человека виновным в убийстве, хотя он заслуживает снисхождения. Достаточно того, что обвиняемый когда-то в порыве напускной храбрости угрожал убить кого-то. И люди тут же объясняют происшедшее как исполнение хорошо задуманного плана. Что бы было, если бы всех тех, кто в деревне раздает угрозы, рассматривали как убийц? В подобных случаях и если я вижу, что обвиняемый — порядочный парень, то закрываю на это глаза. Прежде всего, приговор смягчается тюремным заключением. Через некоторое время он меняется на условное освобождение.

¹ Ш т р у н к Роланд — был убит на дуэли в 1936 г. адъютантом главы гитлерюгенда Бальдур Шираха Хорстом Крисчиной.

Кому в Германии разрешено воздавать должное самому себе, даже в вопросе чести? Я не считаю, что честь — это кастовая привилегия. Когда Рабочий фронт требовал, чтобы его членам было дано право на дуэли, то в Германии скоро бы не осталось никого, кроме выкидышей, без чувства чести.

В принципе я был бы не против разрешить дуэли между священниками и между юристами.

Для порядочных людей есть более благородные и более эффективные способы служения своей стране. В этой сфере настало время ввести шкалу ценностей, имеющую какую-то связь с реальностью. В сравнении с важными моментами жизни эти инциденты выглядят всего лишь пустяками.

Как много семей носят траур из-за этой нелепой традиции?

Кроме того, дуэль ничего не доказывает. В дуэли важно не быть правым, а лучше целиться, чем твой соперник.

115

20 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР

Рабочий и немецкое общество. — Люди, достойные командовать. — Возраст офицеров

В старой императорской армии лучшие стояли плечом к плечу с худшими. И на флоте, и в армии все делалось для того, чтобы исключить рабочего из германского сообщества, а это расчищает дорогу социал-демократии. Такое отношение причиняло большой вред.

Учреждение звания уоррент-офицера¹ или мичмана, исполнявшего офицерские обязанности, явилось крупной ошибкой. В каждом полку есть офицеры особо одаренные, а потому заслуживающие быстрого продвижения по службе. Многочисленные уоррент-офицеры заслуживали бы тех же самых шансов на продвижение, но путь для них перекрыт, а присутствие какого-нибудь унтер-офицера в офицерской касте практически невозможно. С другой стороны, самый младший учитель может автоматически стать офицером. А что такое учитель?

Не следует обобщать либо в одну, либо в другую сторону, и, лишь когда человек проявил себя, можно выяснить, заслуживает ли он право командовать. Если да, то ему надо дать права, соответствующие его функциям. Человек, командующий ротой, обязательно должен быть в звании капитана. Это его право, если только дать ему

¹ У о р р е н т - о ф и ц е р — в некоторых армиях звание, соответствующее прапорщику (мичману во флоте).

власть, в которой он нуждается. Нередки случаи уоррент-офицеров, которые командовали ротой два и более года, и лейтенантов, командовавших батальонами. Просто необходимо по отношению к солдатам давать им командиров в ранге, который отвечает их функциям. Конечно, если они этого заслуживают. Но, если какой-нибудь майор поставлен командовать полком, недопустимо отказывать ему под явно бюрократическим предлогом в присвоении звания полковника, на которое он имеет право. Очевидно, в мирное время все возвратится на круги своя.

Я не доверяю офицерам с излишне теоретическим образом мышления. Хотелось бы посмотреть, что станется с их теориями, когда придет время действовать.

В современной войне абсурдом выглядит командир роты возрастом старше сорока. Во главе роты нужен человек примерно двадцати шести лет, бригады — около тридцати пяти, а дивизии — примерно сорока лет. Все эти люди чересчур стары. С данного момента, когда дело коснется назначения на должность, я не стану обращать внимание на табель о рангах.

116

22 января 1942 г.

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР И ГАУЛЕЙТЕР РАЙНЕР¹

**Проблема национальностей. — Чехи, венгры и румыны. —
Чешский комплекс. — СС как колыбель лидеров**

Совсем не исключено, что по прошествии двухсот лет правления мы сумеем решить проблему национальностей. Эта проблема была решена в начале Тридцатилетней войны.

Где-то в 1840 г. чех стыдился своего языка. Его гордостью было умение говорить на немецком. Вершиной его гордости было, когда его принимали за венца. Введение в Австрии всеобщего голосования с неизбежностью привело к крушению немецкого превосходства. В принципе у социал-демократов были одни с чехами идеи. Точно так же вела себя высшая аристократия. Для этих типов немецкий народ был слишком интеллигентен. Они всегда предпочитали отсталые народы с окраин.

Чехи были лучше венгров, румын и поляков. Среди них выросла трудолюбивая и сознательная мелкая буржуазия, вполне осведомленная о своих пределах. Сегодня они опять будут склоняться перед нами с тем же смешанным чувством бешенства и

¹ Р а й н е р Фридрих — гаулейтер Каринтии.

восхищения: «Люди вроде нас, люди из Богемии не предназначены править», как они обычно заявляли.

Имея обычай править, учишься командовать. Возможно, чехи избавились бы от своего комплекса неполноценности, если бы постепенно стали соблюдать превосходство по отношению к другим народам, которые, как и они сами, находились на задворках империи Габсбургов. Уже немыслима ситуация, существовавшая до марта 1939 г.¹ Как все это было возможно?

После стольких многих столетий удаления важно, чтобы мы вновь осознали самих себя. Мы уже доказали, что можем править народами. Австрия — лучший этому пример. Если бы Габсбурги не связывались так тесно с внешними элементами своей империи, девять миллионов немцев свободно продолжали бы править остальными пятьюдесятью миллионами.

Говорят, что индусы сражаются за англичан. Это правда, но и с нами было то же самое. В Австрии все сражались за немцев.

Дар командования приходит каждому в Нижней Саксонии естественным путем. Разве не оттуда Великобритания обрела свой правящий класс?

Благодаря своему методу рекрутирования войска СС станут колыбелью правителей. Через сто лет мы будем управлять всей этой империей, не напрягая свои мозги в поисках нужных кадров. Важно избавиться от мелочности местнического духа. Вот почему я так рад тому, что мы обосновались в Норвегии и повсюду в тех краях.

Швейцарцы — это лишь боковые побеги от германского дерева.

Мы потеряли некоторые наши германские племена! Это берберы Северной Африки и курды Малой Азии. Одним из них был Кемаль Ататюрк, который с расовой точки зрения не имел ничего общего со своими соотечественниками.

117

22 января 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: АДМИРАЛ ФРИКЕ

Баварцы и флот. — Рыба как пища. — Плотоядные и вегетарианцы. — Вегетарианский атавизм. — Алкоголь и курение

Из всех областей рейха в Баварии наибольшее относительное число моряков. Даже в самых маленьких книжных лавках Мюнхена часто можно увидеть книги о флоте. Главный издатель книг о

¹ 15 марта 1939 г. части вермахта оккупировали Чехословакию.

флоте устроил свою штаб-квартиру в Мюнхене — я имею в виду И.Ф. Лемана.

Германия в среднем ежегодно потребляет двенадцать килограммов рыбы на душу населения. А в Японии в среднем от пятидесяти до шестидесяти килограммов. Мы все еще здорово отстаем от них! Рост потребления рыбы, прежде всего, зависит от организации и формы упаковки, ибо это весьма скоропортящийся продукт. Перед Первой мировой войной было несравненно легче найти рыбу в Мюнхене, чем, например, в Вене. Кажется, с тех пор условия в Австрии намного улучшились.

Очень трудно убедить каннибала не есть человеческую плоть. В его понимании это закон природы.

Гитлер обращается к адмиралу Фрике:

Прежде всего, не верьте, что я издам указ, запрещающий употребление мяса на флоте! Допустим, если б запрет на мясо стал статьей морального кодекса национал-социализма, то наверняка наше движение не имело бы успеха. Нас бы сразу спросили: «А для чего тогда была создана телячья голень?» Сейчас основой нашей диеты является картофель, а всего лишь 1% территории Германии используется для выращивания картофеля. Если б их было 3%, мы бы выращивали больше, чем съедали. Пастбищами занято 37% территории нашей страны. Так что не человек ест траву, а скот. Среди животных плотоядные показывают много худшие результаты, нежели травоядные. Лев не в состоянии бежать четверть часа, а слон может бежать восемь часов! Обезьяны, наши предки из доисторических времен, — исключительные вегетарианцы. Японские борцы, числящиеся среди сильнейших людей планеты, питаются целиком овощами. Точно так же турецкий носильщик, способный в одиночку перетаскать пианино. В те времена, когда я потреблял мясо, я обильно потел. Обычно за время митинга выпивал четыре кружки пива и шесть бутылок воды и ухитрился потерять четыре килограмма веса! Когда я стал вегетарианцем, глотка воды время от времени было достаточно. Если предложить ребенку на выбор кусок мяса, яблоко или пирожное, он никогда не выберет мясо. Тут работает инстинкт далеких предков. Точно так же ребенок никогда не начнет пить и курить, если бы не подражание другим. Потребление мяса сразу упадет, если рынок предложит больший выбор овощей и когда соразмерно своим возможностям каждый человек позволит себе роскошь первых фруктов.

Я считаю, человек стал плотоядным, потому что к этому его вынудили условия ледникового периода. Они также заставили его готовить пищу, что, как сегодня известно, имело вредные послед-

ствия. Наши крестьяне никогда не ели пищу, если она не была приготовлена или подогрета, и тем самым лишали себя всех ее ценностей. Мне прекрасно жилось в Италии. Не знаю другой страны, которая представляет больший интерес, чем Италия. А римская пища, как она восхитительна!

Не так давно я впервые в жизни выпил по-настоящему хорошее вино с необычайным букетом. Пившие рядом со мной говорили, что оно чересчур сладкое. Я знаю таких, кто внешне выглядит нормально, но вдруг набрасывается на напитки, которые на меня действуют, как купорос. Если б Гофмана вдруг укусила змея, думаю, она бы мгновенно рухнула, окаменев от мертвецкого опьянения.

Когда я захожу в трактир, где курят, то через час чувствую простуду. Микробы просто набрасываются на меня! Они хорошо себя чувствуют в атмосфере дыма и жары.

118

Ночь с 22 на 23 января 1942 г.

История собаки Фоксль

Сколько раз в Фромелле во время Первой мировой войны я наблюдал за своей собакой Фокслем! Когда пес возвращался с прогулки с огромной сукой, бывшей его подружкой, он был весь покрыт укусами. Мы не перевязывали его и перестали о нем заботиться, и он сам избавился от этого нежеланного бремени.

Начинает гудеть муха. Фоксль лежит, растянувшись подле меня, положив морду на лапы. Муха приближается к нему. Он дрожит и не сводит глаз, как загипнотизированный. Морда сморщилась и обрела старческое выражение. Вдруг он прыгает вперед, лает и возбуждается. Часто я наблюдал за ним, как за человеком — им поочередно овладевали прогрессивные стадии раздражения. Это было прекрасное существо.

Когда я ел, он садился передо мной и следил глазами за моими жестами. Если после пятого-шестого куска я ему ничего не давал, он садился на крестец и смотрел на меня, как будто желая сказать: «А как же я, *меня* здесь нет вообще, что ли?» Я любил это животное до безумия. Никто не мог до меня дотронуться, не приведя Фокслея мгновенно в состояние злобы. Он шел толь-

ко за мной, и ни за кем больше. Когда начались газовые атаки, я уже не мог брать его с собой на передовую. Мои друзья кормили его. Когда я возвращался после двухдневного отсутствия, он отказывался отходить от меня. Все в окопах любили его. На маршах он бегал вокруг нас, замечая все, не упуская ни малейшей детали. Я с ним делился всем. По вечерам он обычно лежал подле меня.

И только подумать, его украли у меня! Я планировал, что если вернусь с войны живым, то найду ему подружку. Я не мог с ним расстаться. Никогда в жизни я не продал ни одной собаки. Фокслей был настоящей цирковой собакой. Он знал все трюки.

Помню, это случилось перед тем, как мы прибыли в Кольмар. Железнодорожный служащий, который жаждал Фокслея, снова подошел к нашему вагону и предложил мне за него двести марок. «Я тебе не отдам его и за двести тысяч!» Когда я сходил с поезда в Харпсхайме, вдруг обнаружил, что собака исчезла. Колонна уходила, и я не мог задерживаться! Я был вне себя от отчаяния. Свинья, украшая мою собаку, даже не представляла, что она причинила мне.

Я поймал Фокслея в январе 1915 г. Он был занят преследованием крысы, запрыгнувшей в наш окоп. Он отчаянно сопротивлялся, пытался укусить меня, но я его не отпустил и повел его в тыл. Он то и дело пытался удрать. С примерным терпением (он не понимал по-немецки ни слова) я постепенно приручил его. Вначале я кормил его одними бисквитами и шоколадом (он усвоил эту привычку у англичан, которых кормили лучше, чем нас). Потом я начал дрессировать его. Он ни на сантиметр не отходил от меня. В то время мои товарищи не видели от него никакой пользы. Я не только был влюблен в это животное, но мне захотелось изучить его реакции. Наконец, я обучил его всему: преодолевать препятствия, взбираться по лестнице и спускаться по ней. Важно, чтобы собака всегда спала подле хозяина. Когда мне надо было отправляться в окопы, а вокруг шла ожесточенная стрельба, я часто брал его с собой в окоп. Мои товарищи говорили мне, что в мое отсутствие он ни на кого не обращает внимания. Он узнавал меня еще издали. Какая буря восторга разразилась вдруг в мою честь! Мы называли его Фокслем. Он прошел с нами через всю Сомму, битву под Аррасом. Он вовсе не был впечатлительным. Когда меня ранило, за ним ухаживал Карл Ланцхаммер. Когда я вернулся, он неистово набросился на меня.

Когда собака смотрит перед собой с рассеянным видом и прикрытыми глазами, кто знает, какие картины прошлого гонятся одна за другой сквозь ее память.

23 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ЛАММЕРС, ГИММЛЕР И ПОЛКОВНИК ЦЕЙТЦЛЕР

Признательность чехам. — Внутренняя политика Габсбургов. —
Когда папы изводили евреев. — «Порядочные» евреи

Человек, сформировавший старый рейх, не имел ни малейшего представления о том, что такое люди. Они росли в атмосфере тупости. Они ничего не понимали в Австрии. От них ускользнул факт, что Австрия — это не государство в нашем понимании этого слова, а фруктовый салат народов. *Sancta simplicitas* [святая простота. — Пер.]. Честно говоря, в узком смысле слова не было такой вещи, как Австрийская армия, а была армия, состоящая из чешских, хорватских, сербских и т. д. частей.

Каждый чех — это прирожденный националист, который естественным образом увязывает все со своей точкой зрения. В отношении его не надо заблуждаться: чем больше он себя сдерживает, тем более он опасен. Немец старого рейха позволяет одурачить себя кажущейся любезностью чеха и его подобострастием. Сам Нейрат¹ был полностью обманут чешским благородством. Еще шесть месяцев того режима, и производство упало бы на 25%. Из всех славян чех наиболее опасен, потому что он — работник. У него есть чувство дисциплины, он методичен, он больше монгол, чем славянин. Он знает, как прятать свои намерения под верхним слоем некоторой лояльности. Сейчас они работают, потому что знают, что мы безжалостны и жестоки. Я не презираю их, у меня нет к ним отвращения. Это судьба пожелала, чтобы мы были соперниками. Короче говоря, чехи — инородное тело в среде германского сообщества. Там нет места для нас с ними. Один из нас должен уступить.

Что касается поляков, нам повезло, что они бездельники, тупые и тщеславные. Чешское государство — и это благодаря обучению, которое прошли чехи, — было моделью честности. У них практически не существовало коррупции. Чешскими чиновниками обычно двигало чувство чести. Вот почему люди вроде Гахи более опасны, чем мошенник-журналист. Он — честный человек, который не станет обогащаться на крону, исполняя свои обязанности. Люди, подверженные коррупции, менее опасны. Таковы были проблемы, оставшиеся непонятыми во Втором рейхе. Его политика по отношению к полякам привела к плачевному поражению. Она пре-

¹ Нейрат Константин (1873—1956) — протектор Богемии и Моравии (1939—1942), министр иностранных дел (1933—1938).

успела лишь в укреплении их чувства патриотизма. Наши соотечественники в прифронтовых районах, которые знали, как вести дела с соседними народами, были подавлены доброжелательными немцами из внутренних областей — которые, со своей стороны, полагали, что доброта — это способ завоевать для Германии чужие сердца. Во времена Марии-Терезии¹ все шло нормально, и можно сказать, что в сороковых годах не существовало вопроса польского патриотизма. С приходом к власти буржуазии завоеванная территория была вновь потеряна.

Однажды царь Болгарии Фердинанд² сказал мне: «Знаете, кто самый опасный человек? Бенеш. Титулеску продажен, но Бенеш, думаю, нет». Фердинанд в самом деле был очень умным человеком.

В течение предстоящих пятисот лет партии предстоит решить эти вопросы раз и навсегда. Габсбурги обломали об них свои зубы. Они полагали, что все смогут сгладить добротой. Чехи не считали, что ведут себя предательски. В любом случае, это одна из неразрешимых загадок истории, почему баварцы ушли из этих земель, а чехи на них обосновались. С геополитической точки зрения такая ситуация нетерпима. И в результате мы имеем поляков под рукой, а между ними и чехами — ничего, кроме узкой полоски Силезии.

Вывод пятидесяти тысяч немцев из Волыни — трудное решение, потому что оно повлечет за собой страдания. То же можно сказать и об эвакуации Южного Тироля. Если я думаю о перемещении евреев, наша буржуазия тут же расстраивается: «Что же с ними случится?» Скажите мне, а та же самая буржуазия беспокоилась о том, что происходило с нашими соотечественниками, которых вынуждали эмигрировать?

Надо принимать радикальные меры. Когда удаляешь зуб, это надо делать одним рывком, и боль быстро утихнет. Евреев надо изгнать из Европы. Иначе между европейцами невозможно никакое взаимопонимание. Это евреи всему мешают. Когда я думаю об этом, то четко осознаю, что чрезмерно гуманен. Во времена правления пап с евреями в Риме обращались плохо. До 1830 г. ежегодно по улицам Рима проводили ослов, на которых усаживали восемь евреев. Со своей стороны, я ограничился тем, что заявляю им, что они должны уйти. Если они сорвут дыхание во время путешествия, я ничем помочь не могу. Но если они откажутся уйти добровольно, я не вижу иного решения, кроме их уничтожения. Почему я обязан видеть в евреях что-то иное по сравнению с русским военнопленным? В лагерях для военнопленных многие умирают. Это не

¹ Мария-Терезия (1717—1786) — австрийская эрцгерцогиня (с 1740), провела ряд административных реформ.

² Фердинанд I (1861—1948) — болгарский князь (1887—1908) и царь (1908—1918). С 1918 г. в эмиграции.

моя вина. Я не хотел ни войны, ни лагерей для военнопленных. Зачем евреи спровоцировали эту войну?

Пройдет добрых триста—четыреста лет, пока евреи вновь обоснуются в Европе. Они вернуться, прежде всего, как торговцы, потом постепенно осмелятся устроиться жить здесь — чтобы лучше нас эксплуатировать. На следующем этапе они станут благотворителями, создадут фонды. Когда еврей делает это, вещь особенно заметна — потому что известно, что они — грязные собаки. Как правило, такими вещами занимаются наиболее жуликоватые из них. И тут услышите этих несчастных арийских болванов: «Видите, ведь они хорошие евреи!»

Предположим, когда-нибудь национал-социализм претерпит изменения и будет использоваться кастой привилегированных лиц, которые станут эксплуатировать народы и делать деньги. Надо надеяться, что в этом случае появится новый реформатор и очистит конюшни.

120

24 января 1942 г., вечер

Сырье, синтетические материалы и четырехлетний план. — Две возможности для британцев. — Долой Черчилля и Рузвельта!

Когда вооружаешься, даже в мирное время важно сосредоточиться исключительно на том сырье, которое, как известно, потребуется в военное время.

Когда в 1936 г. задумывался четырехлетний план, обстоятельства вынуждали нас прибегнуть к помощи заменителей.

Можно даже не иметь понятия, что понадобится, пусть даже в области оптических приборов, чтобы оснастить армию из нескольких миллионов человек.

Когда-нибудь англичане поймут, что им нечего искать в Европе. Шестнадцать тысяч миллионов долга с Первой мировой войны, к которым с того времени добавились почти двести тысяч миллионов! Консерваторы должны принять во внимание, что для того, чтобы достичь быстрого успеха, например, в Северной Норвегии, они должны заплатить за это уходом из Индии. Но они не настолько сумасшедшие, чтобы предусматривать такое решение! Если им охота спасти Новую Зеландию и Австралию, они должны расстаться с Индией.

У англичан есть две возможности: либо уступить Европу и удержаться на Востоке, либо *vice versa* [наоборот. — Лер.]. Они не могут делать ставки на обоих столах. Когда встает вопрос о самой

богатой стране мира (с капиталистической точки зрения), понятна важность этой дилеммы. Для них было бы достаточно понять это, ибо все изменится. Мы знаем, что буржуазия становится героической, когда ее карманы оказываются под угрозой.

С решением оставить Европу в Англии будет связана смена правительства. Черчилля будут держать у власти только до тех пор, пока не иссякнет желание продолжать войну. Если бы они были действительно умными людьми, они бы положили конец этой войне, нанеся тем самым Рузвельту смертельный удар. И могли бы использовать такой повод: «У нас не хватает сил для продолжения войны, а вы не можете нам помочь. Это вынуждает нас пересмотреть наше отношение по отношению к Европе». И это привело бы к крушению американской экономики, а также к личному падению Рузвельта. Одновременно Америка перестала бы быть опасностью для Англии.

121

24 января 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

**Реорганизация административных служб. — Налоги. —
Необходимо понизить важность бюрократии. — Министерство
пропаганды. — Диалог с фон Папенom. — Дань уважения
природе**

Геринг хотел получить от меня указ, которым бы Штуккарт и Рейнхардт¹ получали полномочия на проведение реорганизации наших административных служб с целью их упрощения. Я отказался. Зачем поручать эту миссию данным людям, если это обязанность как раз министерства финансов и внутренних дел, чьи административные органы разбухли сверх всяких пределов?

Есть два пути перестройки администрации: сокращение бюджета или сокращение персонала.

Налоговая система осложнена до бессмыслицы. Еще с тех времен, когда народ платил десятину, не было конца приросту дополнительных налогов к этой десятине!

Простейший метод состоит в ограничении до следующих четырех налогов:

1. Налог на предметы роскоши.
2. Гербовый сбор. (Каждый приобретает нужные ему марки. Это не требует какого-либо дорогого административного аппара-

¹ Ш т у к к а р т Вильгельм (1902—1953) — статс-секретарь МВД; Р е й н х а р д т Фриц (1895—1969) — статс-секретарь минфина.

та. И это не тягостный налог. В старой Австрии был этот налог. Никакой торговец ничего не мог продать вообще без марок. Он покупал их на почте, которая отчитывалась только в суммах от реализации марок.)

3. Налог на личное состояние.

4. Налог на коммерческую прибыль.

Что касается прямых налогов, самое простое — это принять за основу сумму, уплаченную в прошлом году. Налогоплательщику говорят: «Ты будешь платить столько же, сколько уплатил за последний год. Если в этом году твои доходы будут ниже, ты сообщишь об этом. Если будут выше, ты немедленно уплатишь пропорциональную сумму. Если забудешь объявить о приросте в своих доходах, тебя строго накажут».

Когда я объясняю эту систему министерству финансов или Рейнхардту, после короткого размышления следует ответ: «Вы правы, мой фюрер». Но через шесть месяцев они наверняка все позабудут!

Благодаря этому методу можно было бы на треть уменьшить нынешнюю значимость бюрократии. Загвоздка в том, что налог, который легко собирать, не устраивает этих джентльменов из администрации. Какой смысл тогда учиться в университете? А где отыскать работу для юристов? Для них уже не будет работы, потому что все будет выполняться посредством крайне простой аппаратной структуры, а китайская шарادا декларации налогов уйдет в небытие.

Ламмерс сказал мне: «Мой фюрер, я использую этот упрощенный метод с самого начала, и он работает. Все другие системы чресчур громоздки».

Если я сейчас поручу юристу разработать упрощенный механизм управления, первой его заботой будет создать контору, которой он будет руководить, а в перспективе позволит ему добраться до министерского портфеля. Я сталкивался с тем же самым в партии. Решается вопрос о создании группы гитлерюгенда в Зальцбурге. И вдруг понадобилось здание с пятьюстами комнатами — это сейчас, когда я руковожу партией из восьмисот тысяч членов и размещаю всю свою администрацию в нескольких мансардах. (Шварц невозмутимо слушает сформулированное требование, затем вмешивается в разговор: «Мы начнем с двенадцати комнат».)

Я целиком в пользу размещения министерств в монументальных и величественных зданиях, но на условии, что все будет рассчитано наперед так, что будет невозможно никакое расширение и даже увеличение высоты. В этих обстоятельствах министерство научится разумно применять свои исполнительные органы. Оно ограничится функциями контроля и будет избегать прямого администрирования.

Республика Венеция, правившая Адриатическим морем, располагалась во Дворце Дожей, в котором и сегодня размещается вся городская администрация.

Я создал министерство пропаганды для того, чтобы оно служило каждому. Сам я могу обойтись без пропагандистских услуг. Для меня достаточно снять телефон с крюка аппарата и задать вопрос: «Герр доктор, как мне решить такой-то вопрос?» И тем не менее, сегодня нет практически ни одного министерства, которое не имело бы собственной пресс-службы. А они должны удовлетворяться услугами министерства пропаганды. Поскольку я сам даю указания министерству пропаганды, зачем мне содержать частный сектор прессы?

Во времена, когда существовала вице-канцелярия, ее бюджет составлял шестьсот тысяч марок. Однажды я спросил Ламмерса: «Что это за заведение?» Он ответил: «Это надувательство». Ламмерс провел расследование и выяснил, что все, кого я уволил из канцелярии, нашли себе работу в вице-канцелярии.

Когда Папен предложил мне должность вице-канцлера, я ему объяснил: «Вице-канцлер действует, лишь когда канцлер болен. Если я буду вице-канцлером, вы никогда не заболите. Поэтому я отказываюсь от поста вице-канцлера».

Папен лично был безобидным человеком — но по какому-то несчастью окружил себя людьми, у каждого из которых было на совести что-то плохое.

Вмешивается Йодль: «В вермахте бюрократизм стал ужасающим. Для военного министра стало делом чести копирование других министерств как в стиле работы, так и в практике. За административными структурами исчезла человеческая индивидуальность, и я считаю, что это недостойно солдата. Никто уже не говорит от первого лица. Каждый выражается от имени какой-то организации. Это просто триумф безличности».

В свою очередь, вступает Гиммлер: «Я организовал таким образом, что каждый мой подчиненный обязан подписывать все, что выходит из нашей структуры, своим именем и в юридической форме. Таким образом, каждый знает, с кем имеет дело, и никто не может спрятаться за абстракциями. Но наш административный аппарат избрал скандальный тон в своих отношениях с обществом. Каждая судебная повестка, каждое налоговое требование в общем своем действии представляют оскорбление гражданина. Я отменил все существовавшие формы наших повесток и приказал заменить их. Сейчас первая повестка имеет следующую форму: «Я прошу Вас от имени президента полиции быть столь любезным... Если Вы не в состоянии прийти, буду благодарен, если Вы проинформируете меня письменно по вопросу, указанному выше». Если получатель не реагирует, к нему поступает второе письмо следующего содержания: «Вы не ответили на мою повестку. Обращаю Ваше внимание на то, что Вы обязаны...» Фюрер ответил:

¹ Йодль Альфред (1890—1946) — генерал-полковник (1944), начальник оперативного отдела вермахта.

Вот почему я никогда не мог себя заставить сказать похвальное слово чиновничьему аппарату. Все это надо пересмотреть сверху донизу.

Лучшее, что вы совершили, Гиммлер, это переделали поджигателя в пожарника. Теперь пожарник живет под угрозой, что его повесят, если где-то вспыхнет пожар.

Я иногда задумываюсь, а нельзя ли заменить денежный налог, который платит крестьянин, на налог его продукцией. В России будет абсолютно необходимо это сделать. Там будут казармы, в которых будут собираться налоги. Крестьянину легче платить продукцией, чем щеголять готовыми деньгами.

Крестьянская жизнь очень тяжела. Для крестьян хороший урожай означает больше работы, но не больше денег. Плохой урожай — это просто катастрофа. А прибыли прикарманивает посредник.

122

Ночь с 24 на 25 января 1942 г.

Происхождение «Тристана и Изольды». — Козима Вагнер¹. — Ванфрид². — Стиль Макарт. — Байройт. — На Нюрнбергском конгрессе

Что бы ни говорили, «Тристан и Изольда» — это шедевр, и мы обязаны Тристаном любви, которую вызвала в нем Матильда Везендонк³. Это была мягкая, любящая женщина, но далеко не обладавшая качествами Козимы. Никому, как Вагнеру, не повезло быть так целиком понятым женщиной. Это вещи, которые жизнь не обязана давать человеку, но становится изумительной, когда такое случается. Ни Моцарт, ни Бетховен, ни Шиллер, ни Гете не имели и частицы такого счастья. Вдобавок ко всем вагнеровским дарам Козима была само воплощение женственности, а ее шарм оказывал влияние на всех, кто побывал в Ванфриде. После смерти Вагнера атмосфера в Ванфриде осталась той же, что была при его жизни. Козима не утешилась и никогда не снимала траура. Она хотела, чтобы ее пепел был развеян над могилой ее мужа, но ей было в этом отказано. Тем не менее, ее пепел был собран в урну, а эта урна помещена на могиле. Так что смерть не разлучила эти два существа, кому было суждено жить друг с другом!

¹ Вагнер Козима (1837—1930) — жена Рихарда Вагнера, дочь Ференца Листа.

² Дом Ванфрида, в котором Вагнеры жили в Байройте.

³ Везендонк Матильда — поэтесса. На ее стихи Рихард Вагнер сочинил музыкальный цикл.

У Вагнера с Мейербером¹ были сходные жизненные пути!

Тем, какова опера сегодня, она обязана Вагнеру. Великие певцы, оставившие после себя свое имя, прославились как интерпретаторы Вагнера. Более того, начиная с его времени появились великие дирижеры. Вагнер по образу жизни был типичным князем. Взять, например, только его дом в Ванфриде! Говорили, что интерьер в стиле макарт² был перегружен. Но стоит ли путать дом с галереей произведений искусства? Разве это, прежде всего, не жилище, не обрамление для частной жизни при всем своем размахе и блеске? Если бы я владел галереей предков, должен ли я выкинуть ее под предлогом, что не все картины в ней — шедевры? Дома того периода — и это замечание в равной степени относится к художественным мастерским макарт — были полны личных памятных вещей. Насколько касается меня, я искренне сожалею, что студио макарт не была сохранена в том виде, в каком была при жизни художника. Уважение к реликвиям, пришедшим к нам из прошлого, когда-нибудь принесет пользу тем, кто сегодня юн. Никто уже не может даже представить, на что была похожа макарт. Современники превозносили ее до небес.

В начале этого столетия были люди, называвшиеся вагнерианцами. Другие не назывались как-то по-особому. Какую радость доставляла мне каждая работа Вагнера! И я вспоминаю свои ощущения, когда впервые посетил Ванфрид. Сказать, что я был взволнован, было бы недостаточно! В самые тяжелые моменты они меня никогда не переставали поддерживать, даже «Зигфрид» Вагнера. (Когда я был в тюрьме, Хьюстон Стюарт Чемберлен писал мне такие приятные письма.) Я был с ними на «ты». Я любил их всех, и я также люблю Ванфрид. Поэтому я испытываю особенную радость от того, что могу поддержать традицию Байройтских фестивалей даже в период их неудач. Война дала мне возможность исполнить заветное желание Вагнера: чтобы люди, избранные из народа, — рабочие и солдаты — могли посещать его фестиваль бесплатно. Десять дней Байройтского сезона всегда были благословенными периодами моей жизни. И я заранее радуюсь при мысли, что когда-нибудь смогу возобновить этот пилигримаж!

Традиция Олимпийских игр поддерживалась около тысячи лет. Мне кажется, это проистекает из той же загадки, которая лежит в происхождении Байройта. Человеческое существо ощущает необходимость расслабиться, покинуть привычные рамки, приобщиться к идее, которая выше его. Той же необходимости отвечает съезд партии, и вот почему сотни лет люди будут приезжать со всего мира, чтобы раз в год вновь погрузиться в необыкновенную атмо-

¹ Мейербер Джакомо (1791—1864) — создатель стиля героико-романтической большой оперы.

² Макарт — стиль художественного ателье, псевдонеоклассицизм. Назван по имени австрийского живописца Ханса Макарта (1840—1884).

сферу Нюрнберга. Они приедут и увидят бок о бок доказательства величия, которые мы оставим, и в то же время реликвии старого Нюрнберга.

На следующий день после окончания Байройтского фестиваля, а также во вторник, которым знаменуется конец Нюрнбергского съезда, меня охватывает великая грусть — то же испытываешь, когда с рождественской елки снимают украшения.

Для меня съезд — это громадная работа, наихудшее время года. Мы удлиним его до десяти дней, чтобы мне не пришлось непрерывно выступать. От меня потребовалось сверхчеловеческое усилие, чтобы зачитать вслух вступительное слово. Я уже не могу выступать так же долго, как прежде. Поэтому я уйду, когда ясно увижу, что уже не способен проводить эти торжества в стиле, который им соответствует. Самое тяжелое наступает при проведении церемониального марша, когда надо часами оставаться неподвижным. Несколько раз я испытывал головокружение. Кто может представить, что это за пытка — так долго оставаться стоя, без движения да еще со сжатыми коленями? Да еще приветствовать всех с вытянутой рукой? Последний раз мне пришлось прибегнуть к маленькому обману. Мне также приходится стараться заглянуть в глаза каждому проходящему человеку, потому что все марширующие мимо меня пытаются поймать мой взгляд. В будущем мне надо будет устроить навес от солнца.

Папа, как правило, хилого здоровья старик. Поэтому его носят под балдахином. Вокруг фараонов махали пальмовыми листьями, чтобы обеспечить приток свежего воздуха.

После войны, вероятно, лучше всего будет формировать колонны марширующих по шестнадцать человек в ряд, а не двенадцать, как сейчас. И церемониальный марш будет длиться четыре часа вместо пяти — и от этого всегда будет большой выигрыш!

123

Ночь с 24 на 25 января 1942 г.

Шоферы фюрера. — Вождение машины. — Некоторые инструкции

Моя жизнь находится в руках нескольких человек: моего водителя, моих ординарцев, а также, возможно, повара.

Кемпка весной умолял меня отпустить его в бронетанковые войска. Я хотел бы знать, что полезней для нации: человек, который подобьет несколько вражеских танков — что могут на его месте

сделать другие, — или человек, остающийся водителем, который пользуется моим полным доверием? Он служит у меня девять лет, и я могу только похвалить его. Его предшественник Шрёк был товарищем по годам борьбы. Когда дела для нас шли плохо, в нем просыпался солдат-фронтовик. Вероятно, в этих ситуациях Кемпка упал бы в обморок! Но он ведет машину с необычайной осторожностью — всегда, кроме случаев, когда он страдает от безответной любви, и я *это* замечаю сразу же.

В конце концов, не могу я тратить свое время при нынешнем положении дел на обучение нового шофера. Я б, возможно, уступил, если б знал, что Кемпка вернется целым и невредимым. Сколько моих шоферов потеряло голову просто потому, что я сидел рядом с ними! Кемпка — само спокойствие. Кроме того, я привык беседовать с ним. Экенберг ведет машину хорошо, но мне пришлось учить его. Он ведет чисто машинально, но не проявляет инициативы. Я проехал на машине более двух с половиной миллионов километров без малейшего инцидента. Когда я еду с водителями, за обучение которых я не несу ответственности, просто везение, что ничего не случилось. Я со своими водителями Морисом, Шреком и Кемпкой всегда настаивал, чтоб они держали такую скорость, которая позволила бы в любых обстоятельствах вовремя остановиться. Если б кто-нибудь из моих водителей вдруг убил бы ребенка и попытался оправдаться тем, что сигналил, я бы сказал ему: «Ребенок не может правильно сориентироваться, это тебе надо думать». Мне неприятно, когда машина забрызгивает грязью людей, выстроившихся у края дороги, особенно когда люди одеты в праздничные костюмы. Если машина обгоняет велосипедиста, я не позволяю водителю продолжать ехать на той же скорости, если только ветер не рассеет немедленно поднятую нами пыль. Когда пронзительно скрипят задние шины, этот значит, что шофер плохо сделал поворот. Существует правило: увеличивать скорость можно только на повороте, но не до него. Чем лучше наши шоферы в целом водят машины (хотя не всегда так, как мне хотелось бы), тем ужаснее водит наш правящий класс. Конечно, не я изобрел теорию вождения, но я могу судить по опыту других людей. Однажды Адольф Мюллер взял меня с собой на своей машине. Благодаря ему я узнал за несколько часов больше, чем за предшествующие годы.

В прежние времена я старался регулярно читать публикации, относящиеся к автомобилям, но сейчас уже нет времени на это. Тем не менее, я продолжаю интересоваться всеми новинками в этой области. Я беседую о них с Кемпкой. *Этот человек* знает все автомашины в мире! Приятно видеть — поскольку заботиться об этом в его обязанностях, — как хорошо содержится наш автомобильный парк.

Юнге тоже просил меня позволить ему возвратиться на фронт. Если б у меня было ощущение, что он не хочет проводить свою жизнь возле меня, я б разрешил ему покинуть меня в его собствен-

ных интересах. Для его будущего это было бы лучше. Юнге намного одареннее моих остальных ординарцев. Я этого не знал до тех пор, пока не поехал в Фельзеннест. Там во время воздушной тревоги у меня часто выпадала возможность беседовать с ним. Вы не имеете представления, насколько образован этот мальчик.

Линге¹ — хороший парень, но менее смысленый и очень рассеянный к тому же. Что касается Бушмана, он явно более низкого класса. У Краузе ужасная привычка рассказывать пустые байки. Это не входило в круг его обязанностей. И он часто врал абсолютно без какой-либо причины. Я — очень терпимый наниматель, и я охотно признаю, что можно иногда быть невнимательным. В таких случаях я ограничиваюсь тем, что обращаю внимание глупого парня на его промах и прошу его в следующий раз быть более сосредоточенным. Но терпеть не могу лжи.

124

Ночь с 25 на 26 января 1942 г.

О женитьбе. — Некоторые прекрасные женщины

Как хорошо, что я не женат. Для меня женитьба была бы катастрофой.

Есть точка, к которой стремится непонимание между мужем и женой; это тогда, когда муж не в состоянии отдать своей жене все время, на которое она претендует. Пока это касается только других семейных пар, можно слышать, как женщины высказываются: «Не понимаю фрау такую-то. Я бы себя так не вела». Но когда дело касается ее самой, каждая женщина ведет себя нелогично до той же самой степени. Необходимо понимать эту требовательность. Женщина, любящая своего мужа, живет только ради него. Вот почему в свою очередь она ожидает от супруга проводить свою жизнь только ради *нее*. Только став матерью, женщина обнаруживает, что в жизни для нее существуют и другие реальности.

Мужчина, с другой стороны, является рабом своих дум. Им правит мысль о его обязанностях. У него неизбежно бывают моменты, когда ему хочется выбросить все за борт, в том числе жену и детей. Когда я задумываюсь об этом, я понимаю, что в 1932 г., если б я женился, я б едва ли провел несколько дней в своем доме. И даже в течение этих немногих дней я бы не был хозяином самим себе. Жена жалуется не только на отсутствие мужа в доме. Она также недовольна тем, что его мысли заняты, они где-то в другом месте. В женщине печаль разлуки связана с некоторым наслаждением. Ведь

¹ Линге Гейнц — камердинер Гитлера.

после разлуки снова радость встречи! Когда моряк возвращается домой после долгого плавания, он как будто вновь женится. После месяцев отсутствия он наслаждается несколькими неделями полной свободы. Со мной никогда не было бы такого, и моя жена просто скучала бы до смерти. Мне б от женитьбы досталось только сердитое лицо покинутой жены, или мне пришлось бы урезать свои обязанности.

Вот почему лучше вообще не жениться.

Плохая сторона брака в том, что он создает права. В этом смысле значительно лучше иметь любовницу. Тем самым облегчается бремя, и все располагается на уровне подарка.

Фюрер заметил двух гостей, которые выглядели удрученными: J. W. и Chr. Schr. Он оборачивается к Schr. И объясняет:

То, что я сказал, относится, конечно, только к мужчинам высшего типа!

Повеселевшая Schr. восклицает: «Как раз об этом я думала, мой фюрер!»

Не верю, что W. H. когда-нибудь женится. Он создал себе какой-то идеальный образ женщины, взяв для нее силуэт от одной, волосы от другой, ум от третьей, а еще от одной — глаза; и вот с этой картиной в уме он подходит к каждой женщине; но в природе ничего подобного нет. Надо считать себя удовлетворенным, если найдешь в женщине хотя бы *одну* совершенную деталь. Девушка восемнадцати—двадцати лет податлива, как воск. Какой бы ни была избранная им женщина, для мужчины должна быть возможность оставить на ней свой собственный отпечаток. Это, кстати, все, что просит женщина.

Дора — приятная девушка, но не думаю, что они с Карлом Кемпкой будут счастливы. Для девушки вроде нее этот Кемпка слишком увлечен механикой. А она слишком образованна для него!

Какие удивительные бывают женщины в мире!

Как-то мы сидели в погребке ратуши в Бремене. Вошла какая-то женщина. Действительно подумалось, что Олимп открыл свои врата. Сияющая, ослепительная. Ужинавшие все, как один, положили свои ножи и вилки, все взгляды были устремлены на нее.

В другой раз, в Брунсвике, к моей машине бросилась какая-то молодая девушка, чтобы поднести мне букет. Это была энергичная, изумительная блондинка. Все вокруг меня были поражены, но ни одному из этих идиотов не пришла в голову мысль спросить у этой девушки адрес, чтоб я мог отправить ей слова благодарности. Я всегда клял себя за это.

Еще по одному случаю я был на приеме в *Bayrischer Hof*. Там были великолепные женщины, элегантные, покрытые драгоценностями. Вошла женщина, которая была настолько красива, что за-

тмила всех других. На ней не было драгоценностей. Это была фрау Ханфштангль. Потом я ее видел всего раз вместе с Мари Штюк у Эрны Ханфштангль. Три женщины вместе, и одна прекраснее другой. Что за картина!

В юности в Вене у меня было много красивых женщин.

125

Ночь с 25 на 26 января 1942 г.

Еще о собаках. — Происхождение человеческой расы. — Красота и древние греки. — Значение мифологии. — Мысли на доисторические темы. — Космические теории Горбигера¹. — Человеческий гений и политика

Я люблю животных, и особенно собак. Но не очень люблю, скажем, боксеров. Если б мне пришлось взять новую собаку, это была бы только овчарка, и предпочтительно сука. Я бы чувствовал себя предателем, если б привязался к собаке какой-нибудь другой породы. Что за необычайные животные — оживленные, верные, умные, храбрые и красивые!

Собака-поводырь слепого — одно из самых трогательных существ в жизни. Она больше привязана к своему хозяину, чем к какому-то из своих сородичей. Если она позволит сучке на момент отвлечь ее, то вряд ли в любое время, и будучи с нечистой совестью. С сучками дело сложнее. Когда у них период течки, их нельзя удерживать.

Зимой 1922/23 г. мне предлагали овчарку. Она была такой печальной при мысли о своем прежнем хозяине, что не могла привыкнуть ко мне. И поэтому я решил расстаться с ней. Ее новый хозяин сделал несколько шагов, как она удрала от него и прибежала ко мне, положив лапы мне на плечи. Поэтому я оставил ее у себя.

Когда Граф² подарил мне Мука, процесс привыкания был короче. Собака весьма неохотно поднялась по лестнице. Увидев Блонди, она бросилась к ней, размахивая хвостом. На следующий день произошло неопишемое. Собака привыкает к новому хозяину быстрее, если в доме уже есть другая собака. Достаточно даже, чтобы она по запаху определила, что хозяин недавно держал собаку: и она проникается доверием. Собака — самое старое из домашних животных. Она была другом человека более тридцати тысяч лет. Но человек в своей гордыне не способен осознать, что даже между

¹ Г о р б и г е р Ганс (1860—?) — австрийский инженер-изобретатель, создатель космогонической теории, согласно которой в основе развития Вселенной лежит столкновение «льда и пламени».

² Г р а ф Ульрих (1878—?) — ближайший соратник Гитлера, один из основателей НСДАП.

собаками одной и той же породы есть чрезвычайные различия. Есть глупые собаки и такие, что поразительно умны.

Когда-то у меня был какой-то труд о происхождении человеческой расы. Я часто и много задумывался над этими вопросами и должен сказать, что если проанализировать древние предания, сказки и легенды поближе, то придешь к неожиданному заключению.

Поразительно, каких ограниченных взглядов на прошлое мы придерживаемся. Самые древние рукописи, которые имеются в нашем распоряжении, уходят максимум вглубь на три или четыре тысячи лет. Ни одна легенда не дошла бы до нас, если б те, кто создал и передал их, не были бы людьми вроде нас. Откуда мы взяли право верить, что человек не всегда был таким, какой он есть сегодня? Изучение природы говорит нам, что в царстве животных, как и в растительном царстве, происходят вариации. Они происходят внутри биологического вида, но никакое из этих изменений не сравнимо по важности с тем, которое разделяет человека и обезьяну, — при допущении, что эта трансформация действительно имела место.

Если рассмотрим древних греков (которые были германцами), то обнаружим в них красоту, много превосходящую ту, что широко распространена сегодня, — я также имею в виду красоту в царстве мыслей, а также в области формы. Чтобы понять это, достаточно сравнить голову Зевса или Афины-Палладу с головой какого-нибудь крестonosца или святого! Если глубже погрузиться в прошлое, вновь столкнешься с египтянами — людьми того же сорта, что и греки. Со времени рождения Христа на глобусе сменилось едва ли сорок поколений, а наши знания уходят вглубь лишь на несколько тысяч лет до христианской эры.

Легенда не появляется из пустоты, она не может быть беспричинным вымыслом. Ничто не мешает нам предположить — и я даже верю, что это в наших интересах, — что мифология есть отражение событий, когда-то происходивших и о которых человечество сохранило туманные воспоминания. Во всех преданиях, будь то устные или письменные, присутствует упоминание о какой-то гигантской космической катастрофе. Что на этот счет говорит Библия, не принадлежит исключительно евреям, а наверняка было позаимствовано ими у вавилонян и ассирийцев. В нордических легендах мы читаем о битве между гигантами и богами.

По моему мнению, это дело объясняется только гипотезой о катастрофе, которая полностью уничтожила человечество, уже находившееся на высокой ступени цивилизации. Фрагменты нашей предыстории, возможно, являются копиями предметов, принадлежавших более отдаленному прошлому, и с их помощью, несомненно, была вновь открыта дорога к цивилизации. Зачем нам доказывать, что каменный топор, который мы вторично открыли в своих краях, был на самом деле изобретением тех, кто им пользо-

вался? Мне представляется более правдоподобным, что этот предмет — копия в камне топора, который ранее существовал в каком-то ином материале. Кстати, какие доказательства того, что помимо предметов, сделанных из камня, не было подобных предметов, изготовленных из металла? Жизнь бронзы коротка, и этим объясняется, что в некоторых пластах отложений находят только предметы, сделанные из камня. Более того, нет доказательств, что цивилизация, существовавшая до катастрофы, процветала именно в нашем регионе. Три четверти Земли покрыто водой, и только одна восьмая земной поверхности практически доступна. Кто знает, какие открытия были бы сделаны, если бы мы могли исследовать территории, ныне покрытые водой?

Я весьма склонен согласиться с космическими теориями Горбигера. Совсем не исключено, что за десять тысяч лет до нашей эры произошло столкновение между Землей и Луной, после чего Луна оказалась на нынешней орбите. Точно так же возможно, что Земля притянула к себе атмосферу, которая тогда была на Луне, и это радикально изменило условия жизни на нашей планете. Можно себе представить, что до этого инцидента человек мог жить на любой высоте — по простой причине, что он не был в оковах атмосферного давления. Также можно вообразить себе, что, когда Земля раскололась, вода хлынула в образовавшиеся трещины, и последовали взрывы, а потом дождь, как при потопе — от которого человеческие пары могли спастись, лишь убежав в очень высокие районы. Мне кажется, что эти вопросы доступны для решения тогда, когда человек интуитивно установит связь между этими фактами, тем самым подсказав точной науке путь, которым надо следовать. А иначе мы никогда не отбросим завесу между нашим нынешним миром и тем, что нам предшествовало.

Если взглянуть на наши религии в самом их начале, в них можно обнаружить более гуманный характер, чем они обрели впоследствии. Я думаю, религии берут свои истоки в поблекших картинах другого мира, от которого человеческая память сохранила слабое изображение. Человеческий мозг смешал эти картины вместе с понятиями, выработанными разумом, и таким образом церковь создала идеологическую рамку, все еще обеспечивающую ей власть сегодня.

Период, простирающийся между серединой III и серединой XVII столетия, определенно самый худший из всего, что знало человечество: кровожадность, бесчестье, ложь.

Не думаю, что все это было неизбежно по простой причине, что все это происходило. Провидение наделило человека разумом как раз для того, чтобы дать ему возможность поступать осмысленно-

но. Моя пронизательность подсказывает мне, что должен быть положен конец царству лжи. Точно так же оно мне говорит, что момент сейчас не самый удачный. Чтобы избежать личного сообщничества во лжи, я держу монахов подальше от партии. Я не боюсь борьбы. Она произойдет, если мы пока должны продвигаться. И я займусь этим, как только сочту это возможным.

Я посвятил себя политике вопреки своим наклонностям. Однако я не вижу в политике ничего иного, кроме как средства для достижения цели. Некоторые думают, что меня глубоко огорчило бы, если б я прекратил заниматься тем, что делаю в данный момент. Они глубоко ошибаются, потому что самым прекрасным днем в моей жизни станет тот, когда я уйду из политики со всеми ее горестями и мучениями. Когда закончится война и я почувствую, что выполнил свои обязанности, я уйду в отставку. И тогда я хотел бы посвятить пять—десять лет на то, чтоб разобраться в своих мыслях и изложить их на бумаге. Войны проходят. Единственное, что остается, это творения человеческого гения.

Таково объяснение моей любви к искусству. Музыка и архитектура — не эти ли науки мы находим увековеченными на пути восхождения человечества? Когда я слышу Вагнера, мне кажется, что до меня доносятся ритмы ушедшего мира. Я воображаю себе, что когда-нибудь наука откроет в волнах, приводимых в движение *Рейнгольдом*, секрет взаимных отношений, связанных с мировым устройством. Восприятие мира, постигаемое органами чувств, предшествует знанию, которое дает точная наука вместе с философией. Насколько воспринимающее познание приближается к истине — вот что имеет ценность.

Определение, гласящее, что космос бесконечен, во всех смыслах должно быть выражено в доступном виде. Он бесконечен в том смысле, что бесконечно велик, но также и в смысле, что бесконечно мал. Было бы ошибкой в начале позитивистской эры рисовать космос, ограниченный пределами досягаемости для приборов. Следует размышлять сегодня тем же образом, несмотря на прогресс, достигнутый в методах измерений, — и это применимо как в микроскопическом, так и в макроскопическом масштабе. Под микроскопом микроб обретает гигантские размеры. В этом направлении также нет конца.

Если б кто-нибудь нашел день, чтобы завершить работу, которой я себя посвятил, я бы никогда не вступил на путь политики. Я бы выбрал искусство и философию. Тревога, которую я испытываю за существование немецкого народа, вынудила меня заняться этой деятельностью. Культура может процветать, только когда обеспечены условия жизни.

26 января 1942 г., вечер

**Женщины в политике. — Американские методы производства. —
На пути к новому экономическому краху**

Ненавижу женщин, занимающихся политикой. И если их вмешательство простирается до военных проблем, это уже становится исключительно невыносимым. Ни в одной местной секции у партии нет женщины, которая когда-либо имела право занимать малейший пост. Поэтому часто говорилось, что мы — партия женоненавистников, которые видят в женщине только машину для производства детей или игрушку. Но это далеко не так. Я придавал большое значение женщинам в области воспитания молодежи, а также хороших служанок. В 1924 г. наблюдался неожиданный скачок в количестве женщин, привлеченных политикой: фрау фон Трейенфельс и Матильда фон Кемниц. Они хотели попасть в рейхстаг, чтобы, как они заявляли, поднять моральный уровень этого учреждения. Я сказал им, что 90% вопросов, которыми занимается парламент, — дела мужские, по которым они не могут иметь никакого мнения, представляющего ценность. Они стали протестовать против этой точки зрения, но я заткнул им рты, заявив: «Вы не будете утверждать, что знаете мужчин так же, как я знаю женщин». Кричащий мужчина производит не очень приятное впечатление. Но если это женщина, то зрелище просто шокирующее. Чем больше она использует свои легкие, тем более резким становится ее голос. И тут она вся, готовая вырвать волосы, показывающая все свои когти. Короче, галантность запрещает позволять женщинам оказываться в ситуациях, которые им не подходят. Все, что связано с боем, является исключительно мужским делом. Есть столько других областей, в которых надо полагаться на женщину. Например, устройство дома. Немногие мужчины обладают талантом фрау Троост в вопросах, касающихся внутреннего украшения. Есть четыре женщины, которым я отвел бы роль звезд: фрау Троост, фрау Вагнер, фрау Штольтц-Клинк и Лени Рифеншталь¹.

В области массового производства американцы восхитительны, когда речь идет о выпуске одиночной модели, повторяемой без изменений в огромном числе копий. К счастью для нас, их танки показывают свою непригодность. Хотелось бы пожелать им выпустить в этом году еще шестьдесят тысяч таких же боевых машин. Не верю в чудеса, и я убежден, что, когда они появятся со своими двадцативосьмитонниками и шестидесятитонниками, наши самые маленькие танки превзойдут их.

¹ Штольтц-Клинк Гертруда (1902—?) — руководитель имперского женского нацистского движения; Рифеншталь Лени (1902—2003) — немецкая киноактриса и режиссер, автор «Триумфа воли» (1936) и «Олимпии» (1938).

Есть у них некоторые люди, которые чувствуют приближение экономического кризиса, значительно превосходящего катастрофу 1929 г.¹ Если не имеешь заменителей для таких материалов, как, например, медь, скоро окажешься на конце поводка-привязи.

127

27 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Кровь других. — Британцы и капиталистическая система. — История, если бы не было прихода христианства. — Константин Великий и Юлиан Отступник. — Возвращение Чемберлена в Мюнхен. — Сэр Сэмюэл Хор². — Привилегированное положение Мосли. — Классовые предрассудки в Германии и Британии. — Процесс отбора. — Вера немецкого народа

Солдаты, которых Британия использовала в своих войнах, большей частью были немецкой крови. Первое крупное кровопускание, которое можно было бы считать английским, произошло в Первой мировой войне. И как понятно, какой отпечаток этот «суд божий» оставил на них!

Поэтому чтобы не страдать от последствий нынешней войны на уровне экономики, англичанам следует отказаться от своей капиталистической системы, а также сбросить бремя долгов, которые достигли миллиарда четырехсот тысяч. Они сделали скромную попытку в этом направлении, применяя классический метод: снизив до минимума расходы на вооружение, чтобы получить возможность выплатить процент по своим долгам. Их положение после Наполеоновских войн было схоже с тем, что сложилось после 1918 г. Они прошли через длинный период истощения и пришли в себя только во время правления Виктории.

Нация не может претендовать на мировое господство, если не готова расплачиваться за это своей кровью. Римская империя, когда собственная кровь истощилась, прибегла к услугам наемников. На самом деле только после 3-й Пунической войны у Рима появились легионы наемников.

Но кто знает, как бы развивалась Европа, если б не было христианства? Рим завоевал бы всю Европу, а нашествие гуннов было бы отражено легионами. Это христианство привело к крушению Рима, а не германцы или гунны.

¹ Великая депрессия 1929—1933 гг.

² Х о р С э м ю э л — министр иностранных дел Великобритании (1935).

Того, чего достигает сегодня большевизм на материальном и техническом уровне, христианство достигло на уровне метафизики. Когда корона видит, что трон шатается, она нуждается в поддержке масс.

Было бы лучше называть Константина предателем, а Юлиана Верным, чем Константина — Великим и Юлиана — Отступником. То, что христиане писали об императоре Юлиане, примерно того же калибра, как то, что евреи пишут о нас. С другой стороны, писания императора Юлиана являются продуктом его высочайшей мудрости. Если бы человечество взяло на себя труд изучить и понять историю, последствия были бы непредсказуемы. Когда-нибудь церемонии благодарения будут посвящать фашизму и национал-социализму за то, что они спасли Европу от повторения триумфа преисподней.

Такая опасность особенно грозит Англии. Если пролетарии захватят власть, консерваторы окажутся перед суровым испытанием. Если б Чемберлен, возвратившись из Мюнхена, построил выборы на альтернативе между войной и миром, он получил бы подавляющее большинство в пользу мира. Когда я захватил Мемель¹, Чемберлен через третьих лиц сообщил мне, что очень хорошо понимает, что этот шаг было необходимо сделать, хотя не может его поддержать публично. В тот период Чемберлен был подяростной атакой клана Черчилля. Если б ему хватило присутствия духа, чтобы организовать выборы, он был бы спасен. В подобных случаях я всегда готовлю плебисцит. Он производит великолепный эффект как дома, так и за рубежом.

Не в данной ситуации лейбористам возвращаться в бюллетени для голосования. Евреи подкинули кошку в стаю голубей. Если Сэмюэл Хор пришел бы сегодня к власти, все, что, ему следовало бы сделать, это освободить фашистов. Англичанам надо решить некоторые социальные проблемы, требующие своего решения. Пока эти проблемы все еще можно решить сверху разумным образом. Я опасаясь, что они этого не знают. Потому что если дать народу возможность взять инициативу в свои руки, будет открыта дорога к безумию и разрушению. Люди вроде Мосли не затруднились бы в решении проблемы, найдя компромисс между консерватизмом и социализмом, открыв дорогу массам, но не лишая элиту ее прав.

Нельзя сохранять классовые предрассудки в социально продвинутом государстве вроде нашего, в котором пролетариат производит кадры такого высокого качества. Всякая разумно управляемая

¹ Отторжение у Литвы Мемеля (Клайпеды) 21 марта 1939 г. явилось последним «мирным» захватом нацистов.

организация обязана помогать развитию стоящих личностей. Моим желанием было, чтобы воспитательные организации партии способствовали самому бедному ребенку претендовать на самые высокие функции, если он проявит достаточно таланта. Партия, с одной стороны, должна заботиться о том, чтобы общество не было разделено на обособленные категории, чтобы каждый мог быстро заявить о своих способностях. Иначе возникнет недовольство, и евреи очутятся в самой выгодной для себя ситуации, чтоб воспользоваться ею. Важно придерживаться равновесия таким образом, чтобы можно было устранить закосневших консерваторов вместе с еврейскими и большевистскими анархистами.

Английская нация состоит из рас, очень отличающихся друг от друга и не смешавшихся вместе, как это произошло в других странах. И вот тут лежит опасность, что среди них классовая война может трансформироваться в расовую. Англичане могут избежать этого риска, если перестанут оценивать своих сограждан по внешнему виду и станут вместо этого обращать внимание на их истинные достоинства. Можно быть выходцем из хорошей семьи и не иметь таланта. Если б англичане поступали так, как мы это делаем в партии, они бы давали шанс на продвижение только самым достойным. Организация по профессиональному признаку хороша, но при условии, что каждый человек найдет себе место. Глупо заставлять строить дороги человека, который в лучшем случае способен их подметать. Точно так же возмутительно заставлять работать подметальщиком человека, у которого душа инженера.

Национал-социализм внедрил в повседневную жизнь идею, что надлежит выбирать занятие, к которому имеешь способности, а не к тому, что предопределено тебе по рождению. И этим национал-социализм производит успокаивающий эффект. Он примиряет людей вместо того, чтобы восстанавливать друг против друга. Смешно, когда ребенок вообще чувствует себя обязанным перенимать профессию отца. Во внимание следует принимать только его способности и дарования. Почему не может ребенок иметь склонности, которых не было у его родителей? Разве не каждый в Германии произошел из крестьянской семьи? Нельзя набрасывать узду на индивидуальности. Напротив, избегать всего, что может помешать их расцвету. Если систематически поддерживать отбор сильнейших, настанет время, когда таланты вновь станут в какой-то степени привилегией элиты. Я ощутил это особенно сильно во время спуска «Тирпица»¹. Собравшиеся на эту церемонию рабочие произвели чрезвычайное впечатление благородства.

¹ «Т и р п и ц» — линкор серии «Бисмарк»/«Шарнхорст». Спущен на воду в 1941 г. Потоплен авиацией союзников в 1944 г.

Обычно эволюция идет в одном направлении — то есть в направлении совершенствования интеллекта. Есть тенденция забывать, что потенциал энергии, который находится в народе, предназначен для жизни нации. Для поддержания общественного порядка важно, чтобы оставалось место не только для интеллекта, но и для силы. Иначе настанет время, и сила, разьединившись с разумом, вновь восстанет и сокрушит его. Поединок между интеллектом и силой всегда завершится в пользу силы. Общественный класс, состоящий только из интеллектуалов, ощущает нечто вроде угрызения совести. Когда происходит революция, этот класс боится заявить о себе; он сидит на своих мешках с деньгами; играет труса.

Моя совесть чиста. Если мне скажут, что где-то есть молодой человек с талантом, я сделаю для него все, что в моих силах. Для меня нет ничего приятнее, чем слышать, когда кого-нибудь мне представляют: «А вот человек редкого таланта. Возможно, когда-нибудь он станет фюрером нации».

Именно потому, что я за максимум равенства в установленном общественном порядке, по этой самой причине я считаю себя вправе обрушиться с безжалостной строгостью на тех, кто пытается подорвать этот порядок. Порядок, который я строю, должен быть достаточно крепким, чтоб выдержать все испытания, и вот почему мы потопим в крови любую попытку подорвать этот порядок. Но в этом национал-социалистическом обществе будет все сделано, чтобы найти соответствующее место для компетентности и таланта. Мы в самом деле хотим, чтобы каждый имел свой шанс. Пусть те, кто имеет способности к командованию, командуют, а другие пусть будут силой, которая будет выполнять эти команды. Важно без предубеждения оценить способности и ошибки каждого так, чтобы каждый мог занимать то место, которое ему подходит, для максимального блага сообщества.

В день, когда англичане освободят свои девять тысяч фашистов, эти люди вырвут кишки плутократам, и проблема будет решена. По-моему, когда в стране есть девять тысяч человек, способных смотреть в лицо тюрьме за верность идее, эта идея не умирает. И пока есть человек, несущий флаг, ничего еще не потеряно. Вера двигает горы.

В этом смысле я смотрю на вещи с хладнокровной объективностью. Если немецкий народ потерял свою веру, если немецкий народ уже не намерен отдать тело и душу для того, чтобы выжить, — тогда немецкому народу не остается ничего другого, кроме как исчезнуть!

27 января 1942 г., вечер

Капиталистическая экономика и процветание. — Саботаж синтетического бензина в 1933 г. — Детердинг¹ поддерживает Шахта. — Британцы уничтожили солидарность белой расы. — История оправдывает Ллойд Джорджа. — Евреи должны исчезнуть из Европы

Америка, должно быть, живет в изобилии. Но рационализация есть начало неопикуемой бедности. Этой бедности сопутствует оскорбительное богатство привилегированной касты. Очевидно, еврей размышляет как капиталист, а не как экономист.

Думаю, Соединенные Штаты пообещали Бразилии сккупить после войны ее урожай кофе. Должно быть, бразильцев соблазняют то так, то иначе. Странам вроде Бразилии следует понимать, что такая политика все больше и больше ведет Европу к абсолютной монархии.

В 1933 г. Феглер² предложил мне поставить два миллиона тонн синтетического бензина в течение трех лет при условии, что мы будем покупать всю его продукцию по заранее договоренной цене в продолжение десяти лет. Его предложение покрывало все наши потребности на 1934 г. Министерство экономики торпедировало эту схему. Было заранее договорено, что И.Г. Фарбен³ профинансирует строительство заводов. Более того, схема гарантировала занятость сотням тысяч рабочих.

В ответ на это торпедирование я уволил нескольких высокопоставленных чиновников в министерстве экономики и поставил туда Кеплера⁴. Потом ему подстроили гадость с мошенником из Дюссельдорфа. И так было потеряно еще девять месяцев. За Шахтом стоял Детердинг. Мне очень хотелось бы знать, кто в этой биржевой конторе *не* продается!

Эти обстоятельства заставили меня привести в действие четырехлетний план, во главе которого я поставил Геринга.

Что касается синтетического каучука, там было встречено такое же сопротивление. Что бы я ни делал, ничто не двигалось. Изменения к лучшему в министерстве экономики произошли, когда за него взялся Функ.

¹ Д е т е р д и н г Генри (1866—1939) — генеральный директор нефтяной компании «Роял Датч Шелл».

² Ф е г л е р Альберт — генеральный директор Гельзенкирхенского углепромышленного общества, директор Стального треста.

³ Ф а р б е н И.Г. — глава крупнейшего химического концерна Европы «Фарбен индустри».

⁴ К е п л е р Вильгельм (1882—1960) — комиссар по экономическим делам (1933—1938).

Только после начала зимы 1936 г. я начал высказываться о государственной железной дороге. До тех пор действовали статьи Версальского договора. Я упразднил эти статьи законом, который провел через рейхстаг, так что никакой юрист не мог спорить со мной о незаконности мер, на которые я решился.

Таким образом, государственные железные дороги, Государственный банк и канал Кайзера Вильгельма перешли под наш суверенитет. Сколько было у меня проблем до того, как я смог вернуть эффективный контроль над германскими делами во всей их полноте!

Для белого человека в колониях императивом является держать местного жителя на дистанции.

У японцев нет никаких транспортных проблем, требующих решения. Где бы они ни обосновались, везде они могут жить за счет ресурсов региона. Все, что им надо, это боеприпасы. С другой стороны, американцам нужен гигантский транспортный флот.

В любом случае, то, что произошло, не было неизбежным. Конечно, англичане имеют право быть трусами, но, по крайней мере, они должны быть умными. Политика дружбы с нами могла бы повлечь с их стороны предложение нам, например, Гвинеи. Теперь из-за своей глупости они теряют целый мир — и они превратили нас в союзников Японии!

Что бы случилось 13 марта 1936 г.¹, если б во главе рейха был не я, а кто-то другой! Кого ни назовите, любой бы потерял мужество. Я был вынужден лгать, и что спасло нас, так это неколебимое упрямство и мой поразительный апломб. Я угрожал, если ситуация не разрядится в двадцать четыре часа, послать в Рейнланд шесть дополнительных дивизий. А фактически у меня было только четыре бригады. На следующий день английские газеты написали, произошла разрядка напряженности в международной ситуации.

Должен признать, что Риббентроп — не особенно приятный компаньон, но он тверд, отважен и упрям. В том эпизоде Нейрат продемонстрировал те же качества. Отступление с нашей стороны повлекло бы за собой катастрофу.

Наши представители на переговорах оказались в той же ситуации, что и в 1919 г. Они могли бы получить много более выгодные условия мира. Но было ли это в интересах немецкого народа? Это уже совсем другой вопрос. Имело ли значение, в конце концов, что

¹ Немецкие войска вошли в Рейнскую демилитаризованную область 7 марта 1936 г. Говоря о 13 марта, Гитлер, возможно, имел в виду плебисцит в Австрии (1938).

у нас будет армия из двухсот—трехсот тысяч солдат вместо ста тысяч? Важно было, будет ли нация свободной. А национал-социализм родило отчаяние немецкого народа.

Мы столкнулись с фундаментальной проблемой, и только потом можно было установить, что из зла может появиться нечто хорошее. Но само собой разумеется, задача дипломата — добиться от соперника наилучших из возможных условий. Среди социал-демократов были люди, которые высказывались в пользу энергичной политики и были готовы на риск. Это два католика, Вирт и Эрцбергер¹, которые уступили.

Если б мы имели армию из двухсот—трехсот тысяч человек, французская армия не выродилась бы, как это с ней случилось. Это обстоятельство сыграло нам на руку. Французы ударились в праздность, а мы восстановили силы много быстрее, чем они.

Человек, которого, несомненно, история оправдает, — Ллойд Джордж. В составленном в то время меморандуме Ллойд Джордж заявил, что, если был бы достигнут мир на известных заранее условиях, это способствовало бы началу новой войны. «Немцы сражались настолько героически, — писал он, — что эта гордая нация никогда не удовлетворится таким миром». Если б у Ллойда Джорджа была необходимая власть, он бы определенно был архитектором германо-английского взаимопонимания. Британский флот был главным сторонником такого понимания. Это марионетки от политики, вдохновляемые всемирным еврейством, ополчились против этого. Моряки считали, что германский флот являл собой необходимое дополнение к британскому для гарантии порядка на морях. Не конфликтуя ни с чьими интересами в Европе, германский флот выполнял бы свою миссию по охране безопасности европейских вод, чем бы освободил всю совокупность британского флота. События лишь на волосок разминулись с этим направлением.

Евреи должны упаковывать чемоданы и покинуть Европу. Пусть едут в Россию. Там, где дело касается евреев, я лишен всякого чувства жалости. Они всегда будут ферментом, который восстанавливает народы друг против друга. Они везде сеют вражду как между людьми, так и между народами.

Им также надо очистить Швейцарию и Швецию. Там, где они находятся в небольших количествах, они опасны более всего. Поселите в Швеции пять тысяч евреев — и скоро в их руках будут там все посылы. Очевидно, так их легче заметить.

¹ В и р т Карл (1879—1956) — канцлер и министр иностранных дел Германии (1921—1922); Э р ц б е р г е р Маттиас (1875—1921) — глава левого крыла немецкой католической партии «Центр».

Совершенно естественно, что мы должны проявлять беспокойство в этом вопросе и на европейском уровне. Явно недостаточным будет изгнать их из Германии. Мы не можем позволить им удерживать базы для отхода у наших дверей. Мы хотим избавиться от опасности всех видов инфильтрации.

129

28 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ФЕЛЬДМАРШАЛ МИЛЬХ И АВИАТОРЫ ЕШОНЕК И ГАЛЛАНД¹

Когда подумаешь, что Фридрих Великий устоял против сил, в двенадцать раз превосходящих его собственные, то возникает мысль: «Должно быть, великим человеком он был!»

На этот раз превосходство на нашей стороне. Я на самом деле стыжусь этого.

13

Ночь с 28 на 29 января 1942 г.

Контроль над рождаемостью и победа христианства. — Семьи из двух или трех человек во Франции. — Распространение немецкой крови. — Права, рожденные завоеванием

Знаете, что стало причиной крушения Древнего мира?

Правящий класс стал богатым и урбанизированным. С этого момента им двигало стремление обеспечить своим наследникам жизнь, свободную от забот. Такая настроенность приводит к следующему естественному результату: чем больше есть наследников, тем меньше каждый из них получает. Отсюда ограничение рождаемости. Могущество каждой семьи в некоторой степени зависит от количества рабов в ее владении. И тогда вырастает *плебс*, который вынужден размножаться на фоне сокращающегося класса патрициев. В день, когда христианство упразднило границы, до сего времени разделявшие два класса, римские патриции оказались поглощенными возникшей массой. А причиной всего было падение рождаемости.

¹ М и л ь х Эрхард (1892—1972) — фельдмаршал люфтваффе (1940), главный авиационный инспектор (1941—1944). Когда выяснилось, что Мильх еврей по материнской линии (по галахе), Геринг произнес знаменитую фразу, что у себя в штабе он сам решает, кто еврей. «Наци № 2» отправился прямо к матери Мильха и взял у нее расписку, что Эрхард является внебрачным сыном отца, после чего собственноручно заверил документ и отправил его в гестапо. Инцидент был исчерпан. Е ш о н е к Ханс (1899—1943) — генерал-полковник люфтваффе (1942), начальник Генштаба (1939—1943); Г а л л а н д Адольф (1911—96) — летчик-ас (103 победы), командующий истребительной авиацией (1941—1945).

Франция со своими семьями из двух детей обречена на стагнацию, и ситуация может лишь ухудшиться. Продукция французской промышленности невысокого качества. Но опасность для Франции состоит в том, что дух рутины возьмет верх над творческими импульсами прогресса.

Нас спасет бутылочка для кормления ребенка.

Даже если эта война будет нам стоить двести пятьдесят тысяч убитых и сто тысяч инвалидов, эти потери уже возмещены ростом рождаемости в Германии с момента нашего захвата власти. Они окупятся в несколько раз нашей колонизацией на Востоке. Население с немецкой кровью будет роскошно размножаться.

Я бы счел преступлением жертвовать жизнями германских солдат только ради завоевания природных богатств, которые будут эксплуатироваться в капиталистическом стиле.

В соответствии с законами природы земля принадлежит тому, кто ее завоевывает. Факт наличия детей, которые хотят жить, факт, что наш народ вырывается из своих тесных границ, — все это оправдывает все наши претензии на Восточные территории.

Рождаемость сверх нормы даст нам наш шанс. Перенаселенность заставляет народ самостоятельно позаботиться о себе. Нам не грозит опасность застыть на нынешнем уровне. Необходимость вынудит нас находиться во главе прогресса.

Всю жизнь приходится платить кровью.

Если кому-то не по душе такое понятие жизни, я ему советую вообще отказаться от жизни — ибо это доказывает, что он не приспособлен для борьбы. В любом случае, на грани этой непрерывной борьбы так много наслаждения в жизни. А посему зачем печалиться оттого, что это так, и не могло быть иначе!

Творческие силы найдут место в груди оптимиста. Но вера — основа всего.

13

30 января 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: Д-Р ЛЕЙ, ГЕЙДРИХ, Д-Р ВЕБЕР И БЕННО ФОН АРЕНДТ¹

**Французский агент. — Очередные злодеяния юристов. —
Тюремные воспоминания. — Гаха**

Как оратор моим самым опасным оппонентом был Баллерштедт². Что за подвигом с моей стороны было устоять против него! Его отец был из Гессена, а мать из Лотарингии. У него был дьяволь-

¹ Арендт Бенно фон — имперский театральный художник.

² Баллерштедт Отто — политический деятель Баварии, федералист.

ский диалект. Чтобы создать у своих слушателей впечатление, что он согласен с ними, он начинал с хвалебной речи пруссакам. Меня несколько раз осуждали за то, что я обвинял этого человека в предательстве, — и все-таки он действительно продался французам. В конце концов я заработал три месяца тюремного заключения за срыв одного из его митингов. Среди причин, приводимых в доказательство вынесенного приговора, приводилось утверждение, что факт оценки политики Баллерштедта как предательства по отношению к рейху не отвечает никакой объективной реальности. Суд заявил, что это всего лишь вопрос политики, которую лично я считаю предательством.

Все, что я увидел в течение своей жизни в связи с юристами, привело к тому, что они определенно упали в моих глазах. Это как раз те люди, что жгли ведьм на кострах!

Вначале я считал, что Дитрих Экарт постоянно нападает на юристов из-за своей идиосинкразии к ним. Он часто говорил, что сам факт желания стать адвокатом говорит о душевной неполноценности. И напротив, он не раз утверждал, что ментальная неполноценность появляется оттого, что человек становится юристом. Это Экарт спросил адвоката Цетшвица, которому только что был присвоен какой-то сан: «Это, наверно, в награду за то, что вы проиграли все свои дела?»

Свой первый длительный срок тюремного заключения я отбывал в Штадельхайме¹. Когда меня вели в мою камеру, охранник любезно сообщил мне, что до меня здесь сидели известные люди: Людвиг Тома², например, а также Курт Айснер.

Крибель³ в Ландсберге постоянно жаловался. В первые дни — по причине жары. Он провел свой срок, выискивая ошибки у охранников. Однажды ему пришла мысль потребовать правила тюремного распорядка, датированные 1860 г. Он внимательно прочел их и обнаружил, что заключенные, в частности, имели право на комод. В другой раз ему открылось, что узников должны посещать преподобные отцы, и он пожаловался, что до сих пор не видел и тени сутаны. Муфтий — так мы прозвали начальника тюрьмы — уже был на грани безумия, пришел ко мне и спросил: «Может быть, полковник Крибель был контужен на войне?» — «Что вы хотите этим сказать?» — «Да он просто бредит». — «По-моему, у него когда-то была малярия». — «Тогда с ним надо осторожно обращаться?» — «Полагаю, это было бы самое правильное».

¹ Штадельхайм — тюрьма в Мюнхене.

² Тома Людвиг — баварский сатирик, журналист, редактор журнала «Март».

³ Крибель — руководитель людендорфовского «Кампфбунда».

Мы обязаны представлять Гаху как одну из величайших когда-либо живших личностей, но при условии, что он оставит чехам наследство, которое уничтожит их навсегда. Нечего раздумывать и надо вознести его, по крайней мере, до короля Венцеслава — так, чтобы до конца времен все трусы могли выражать недовольство им. Его преемник? Не имеет значения кто, пока он останется распутником. Мы всегда лучше ладим с хамами, чем с людьми с характером!

Мы разберемся в чешской путанице, если будем придерживаться в их отношении последовательной политики, не позволяя случайным лицам оказывать на нее влияние. Со времени битвы при Белой Горе в 1620 г. и до 1867 г. австрийское государство осуществляло такую политику применительно к чехам¹. И тогда чехи перестали стыдиться говорить на своем языке. Огромная часть чехов имеет германские корни, и совсем не исключена их регерманизация.

132

31 января 1942 г., вечер

Бывшие германские колонии. — Британская плутократия. — Психологический момент для прекращения войны. — Возможность сотрудничества с Францией. — Эра итальянского фашизма. — Рождение СА. — Два мира бок о бок. — Окаменелости итальянского суда. — Венеция, Неаполь, Рим, Флоренция. — Третья сила

Германские колонии страдали от отсутствия квалифицированной рабочей силы. Этим объясняется, почему там не было возможности для крупных инвестиций. К тому же на этих территориях проживало три или четыре миллиона местных жителей.

В Индию англичане вложили огромные деньги: железные дороги и другие виды транспорта, заводы и портовые сооружения. Если бы каждый из трехсот восьмидесяти миллионов индусов каждый год покупал всего лишь одну бобину хлопка, представьте себе, насколько бы возрос бизнес!

Хлопковые изделия вначале производились в Англии. Только понемногу стали строиться заводы в самой Индии. Такое понятие капиталистического бизнеса ведет к таким результатам. Люди думали, что экономия на транспортных расходах и использование более дешевой рабочей силы повысит размер прибыли. Для капиталиста потерять крошку — преступление. И что в результате? Сегодня в Англии армия из двух с половиной миллионов безработных.

¹ В 1620 г. после поражения при Белой Горе Чехия утратила независимость, войдя в состав Австрии (с 1867 г. — Австро-Венгрии).

В Великобритании более чем четыреста тысяч налогоплательщиков с годовым доходом более одного миллиона фунтов стерлингов. В Германии только кайзер, Хенкель фон Доннерсмарк и Турн-унд-Таксис имели доходы от трех до четырех миллионов марок. Человек с доходом в миллион марок считался набобом.

Но и в Первую мировую войну англичане продолжали пользоваться благословением викторианского века.

Что такое для Великобритании Ливия? Еще одна пустыня. Всякая война заканчивается в тот момент, когда одна из воюющих сторон решает, что настало время сократить расходы. Кто признает себя побежденным в этой войне, так это англичане. Стратегические успехи не могут помочь опасному положению империи. Англия сможет оставаться жизнеспособной, только если свяжет себя с континентом. Она должна быть способной защитить свои имперские интересы в рамках континентальной организации. Только на этом условии она удержит свою империю.

Но нет ничего труднее, чем сойти с пьедестала. Точно так же Австрия до 1866 г. цеплялась за свою иллюзию превосходства, а потом ей понадобилось еще семьдесят лет, чтобы усвоить факты.

Завоеванием Бенгази был восстановлен британский военный престиж. И это был подходящий психологический момент для прекращения войны. Но Черчилль держит в уме Россию — и он не увидел, что, если Россия одержит верх над Германией, Европа сразу же окажется под гегемонией великой державы.

Слишком многим евреям хотелось бы видеть именно такой поворот событий. Еврей настолько туп, что сам пилит ветку дерева, на котором сидит. В 1919 г. одна еврейка писала в «Байришер курьер»: «То, что Айснер делает сейчас, рикошетом ударит по *нашим* головам». Редкий случай предвидения.

Франция остается враждебной к нам. Вдобавок к своей нордической крови она содержит еще какую-то кровь, которая всегда была нам чуждой. Кроме Парижа, более спонтанного в своей реакции, у Франции есть клерикальный и масонский юг. Подражая Талейрану в 1815 г., Франция пытается воспользоваться моментами нашей слабости, чтобы извлечь из ситуации максимальную выгоду. Но при мне их планы не пройдут. Нет никакой возможности заключить с Францией какой-либо пакт до тех пор, пока мы окончательно не обеспечим свое могущество. На данный момент наша политика должна состоять из хитроумного натравливания одной кучки на другую. Должно быть две Франции. И тогда французы, скомпрометировавшие себя в сотрудничестве с нами, будут заинтересованы в том, чтобы мы оставались в Пари-

же как можно дольше. Но нашей лучшей защитой от Франции будет сохранение крепкой дружбы, на столетия, с Италией. В отличие от Франции Италию вдохновляют политические идеи, близкие к нашим.

Я вспомнил об итальянской делегации, которую принимал вчера. Я встретился с людьми, чьи качества правителей очень мне по вкусу. Какие симпатичные личности, а какой решительный вид! Это те люди, которые способны сыграть важную роль на высшем уровне.

Фашисты заплатили значительно большей кровью, чем мы. История завоевания власти в Италии — целая героическая эпика. Мысль об этом всегда греет мне душу. Могу понять их чувства, когда они вновь переживают времена марша на Рим.

Почему же вдруг такие люди оказались бесполезными как солдаты? Просто потому, что у них нет командования. Итальянский народ идеалистичен, но кадровый состав итальянской армии реакционен.

Странно, как в течение последнего столетия двум нашим народам была ниспослана заметно схожая судьба. Прежде всего, войны за объединение, потом каждый народ был обманом лишен своих прав. И уже ближе к нашему времени — две братские революции, которые ничего не знали друг о друге.

Впервые я столкнулся с упоминанием о фашизме в 1921 г. В 1920 г. родились войска СА, но я не имел ни малейшего понятия о том, что происходило в Италии. Италия развивалась путем, который поначалу меня удивил. Я четко увидел ориентацию, которую правильной было бы придать партии, но у меня не было мыслей о полувоенной организации. Я начал с создания службы поддержания порядка и только после кровавых скандалов 1920 г. дал этим войскам название *Sturm Abteilung* (SA) [штурмовые отряды. — *Ред.*] как награду за их поведение. Я обучал их методам концентрации усилий на ограниченных задачах и как атаковать противника на митингах от стола к столу. Но они этим и ограничивались. Когда уже стало недостаточно нарукавной повязки, я экипировал их кепи специального покроя. Это произошло после Кобурга. Лыжная кепка стоила недорого. И все делалось в эмпирической манере. Ничто не продумывалось заранее.

СС начались с групп по семь-восемь человек. В них мы собирали крутых парней. События развивались непредсказуемо и обрели скорость, сравнимую с тем, что происходило в Италии. Сам дуче говорил мне, что в тот момент, когда он вступил в борьбу с большевизмом, он еще не знал точно, куда идет.

Что венчает эти две параллельных судьбы, так это то, что сегодня мы воюем бок о бок против тех же самых держав и против тех же самых персон.

В одно и то же время и дуче, и я работали в строительном бизнесе. Это объясняет наличие между нами связей на чисто человеческом уровне. Я испытываю глубокое чувство дружбы к этому необыкновенному человеку.

С культурной точки зрения мы более тесно связаны с итальянцами, чем с каким-либо другим народом. Есть у нас что-то общее с искусством Северной Италии: все чисто немецкое.

Неприятный итальянский тип находится лишь на юге, да и то не везде. И в нашей собственной стране есть такой же тип. Только подумать о них: Вена—Оттакринг, Мюнхен—Гизинг, Берлин — Панков!¹ Если сравнить эти два типа, т. е. этих дегенератов — итальянцев и наших, мне очень трудно сказать, который из них внушает большее отвращение.

Между настоящими фашистами и остальными такая же разница, как между днем и ночью. Эти люди общества, с кем мы вынуждены сотрудничать, этот мир космополитов — все они более или менее одинаковые и там и здесь. Но человек из народа полон духа и, даже физически, ведет себя совершенно по-другому. Сравните его с фашистами с учебного плаца, наводнившими посольство, — почему то же самое происходит в Германии с нашими дипломатами с Вильгельмштрассе — прошу прощения, Гевель!

Все эти люди невыносимы — обманщики, лицемеры, лгуны. Никогда не видел ничего хуже, чем эти придворные в Неаполе. То же самое и телохранитель, которого они мне так любезно предоставили, — что за отвратительные создания, что за висельники! Фашисты и остальные люди — это действительно два мира в водонепроницаемых отсеках. Фашисты называют этих куртье «лобстерами» из-за красного цвета ливреи.

На вокзале меня встречал герцог Пистойский², настоящий дегенерат. Кроме него был еще один герцог, не менее дегенеративного вида. Был там еще какой-то адмирал, похожий на дворовую жабу, фальшивую монету, лгуна. К счастью, там находилась и группа фашистов. Все они, даже Чиано, с глубочайшим презрением говорили об этом маскараде.

Во время моих экскурсий с дуче у меня дух захватывало от мастерства и смелости сопровождавших нас мотоциклистов. Какая красивая раса!

Когда я выезжал с королевским двором, меня усаживали в плохо ухоженную карету, которая ковыляла по дороге с жалким видом. Наименее унылыми людьми там оказались карабинеры, эскортировавшие нас. «Есть надежда, — сказал мне дуче, — что через пятьдесят лет двор изобретет двигатель внутреннего сгорания».

¹ Имеются в виду районы городов.

² Филиберто ди Савойя, герцог Пистойский (1895—1990) — итальянский военачальник.

Офицерский корпус принадлежит этому окаменевшему миру. Старшие офицеры не имеют связи с народом. Цейтцлер рассказывал мне, что съел пять или шесть блюд, которые подают офицерам на фронте. А в это же время другие чины получают водянистый суп. Я считаю возмутительным, что такое происходит в середине войны. От этого солдат либо возненавидит своих офицеров, либо станет безразличным ко всему. Наши собственные парни говорят, что итальянский солдат полон добродушия, готов проявить энтузиазм по любому поводу и что можно от него получить все, что угодно, если им правильно руководить.

Возможно, дуче появился на сцене со своей революцией на год-два раньше, чем надо. Может, ему вначале следовало дать красным немного проявить себя, и тогда бы они истребили аристократию. Дуче стал бы главой республики. И таким образом абсцесс был бы удален.

Когда я был вместе с Муссолини, толпа кричала: «Дуче! Дуче!», когда я был с королем, она кричала: «Фюрер! Фюрер!» Во Флоренции со мной был только дуче, и я читал в глазах населения уважение и жгучую любовь, которую они отдают ему. Простолюдины так пристально глядели на него, как будто хотели его съесть.

Рим меня покори́л. В Неаполе прежде всего меня интересовала гавань. Будучи во дворе, я знал только о враждебной атмосфере. Но во Флоренции все было совсем по-другому — просто потому, что здесь не было двора, этого чужеродного тела. У меня сохранились неприятные воспоминания о посещении флотских соединений в Неапольском заливе. Маленький король не знал, куда спрятать глаза; никто не обращал на него внимания. За столом меня окружали только придворные. Я бы лучше развлекся с маршалами.

Во время парада в Риме передний ряд был занят старыми козами, высохшими и покрытыми глазурью, в платьях с возмутительно низким вырезом, да еще к тому же с распятиями, висящими между их увядшими грудями. Генералы находились во втором ряду. Для чего надо было демонстрировать эту деградацию человеческой расы?

С другой стороны, во дворце в Венеции все кишело красивыми девушками. Но им удалось извиниться передо мной за совершенный *faux pas* [промах. — *Пер.*]. Мне сказали, что среди публики, заблудившись, оказались несколько манекенщиц из римского Дома моды!

Трудность для дуче в том, что он сделал себя неким пленником этого общества и потому до некоторой степени предал своих людей. На его месте я бы приглашал некоторых симпатичных девушек из Кампаньи на свои приемы — там все буквально кишит ими. Мне не пришлось соревноваться с королем на его собственной площадке, я бы был побежден заранее.

Такого рода недоразумения происходят из-за того, что ситуация неясна.

Бедный дуче; я часто жалею его. Все эти публичные оскорбления, которые ему приходится проглатывать. Не думаю, что смог бы их вынести.

Есть еще и третья власть — Ватикан. Не надо забывать об этом! Чему удивляться, если наши конфиденциальные письма сообщаются всему свету через несколько дней после получения адресатом?

Никогда не забуду чувство благодарности, которой мы обязаны Носке, Эберту¹ и Шейдеману за то, что они избавили нас от таких людей. Их намерения не были чистыми, и потому они были наказаны, но мы пожали все плоды!

133

1 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Подстрекатели революции 1918 г. — Отношение к бывшим противникам. — Баварская полиция. — Торговля оружием

Среди людей, ставших известными во время событий 1918 г., я делаю определенные различия. Некоторые из них, не желая этого, оказались втянутыми в эту революцию. И среди них, прежде всего, Носке, потом Эберт, Шейдеманн, Зеверинг, а в Баварии — Ауэр.

В борьбе, которую развязали против нас эти люди, я был беспощаден. Только после нашей победы я смог им сказать: «Мне понятны мотивы, которые двигали вами».

Но по-настоящему подлыми были люди из католического «центра» — например, Шпикер. Уклончивые методы и ложь. У Брюнинга совершенно отсутствовал характер, а Тревиранус был развязным человеком...²

Я полностью понимаю рабочего, который был брошен во враждебный мир и, вполне естественно, подвергся соvrращению марксизмом. Но никак не понимаю этих свиней теоретиков вроде Гильфердинга³ и Каутского. Браун⁴ был не самым худшим из них. Во всяком случае, он быстренько добавил воды в свое вино. Люппе в Нюрнберге был неплохим мэром. А Шарнагель⁵ был пекарем с головы до пят.

¹ Э б е р т Фридрих (1871—1925) — представитель правой части социал-демократов, президент Веймарской республики (1919—1925).

² Б р ю н и н г Генрих (1885—1970) — канцлер Германии (1930—1932); Т р е в и р а н у с Готфрид (1891—1971) — немецкий политический деятель, вышел из «Центра» и создал Народный консервативный союз (1930).

³ Г и л ь ф е р д и н г Рудольф (1877—1941) — лидер австрийских социал-демократов, участник 2-го Интернационала.

⁴ Б р а у н Отто (1900—?) — член ЦК КПГ.

⁵ Ш а р н а г е л ь Карл — христианский демократ.

В Баварии люди вроде Штюцеля, Швейера, Коха и других не были взяточниками, но это не мешало им быть капитально подлыми и низкими. Лерхенфельд и Лорц оказались просто плохими чертами. Матт был более дураком, чем мошенником. Некоторые из них происходили от монголов и гуннов. И кто-то преуспел улучшиться в последующих поколениях.

Я был особенно корректен по отношению к моим оппонентам. Министра, который осудил меня, я сделал своим министром юстиции. Из моих тюремных охранников несколько человек стали командирами в СА. Начальник моей тюрьмы был повышен в звании. И только одному я не улучшил положение: Швейеру. Напротив, я сократил множество его контор, ибо сверх своей пенсии министра он еще получал восемнадцать тысяч марок как управляющий «Баварского электричества».

У социал-демократии того времени не хватало только лидера. Ее самая тяжелая ошибка в том, что она продолжала упорно идти по пути, осужденному действительностью.

Я был безжалостен ко всем, кто позволил себе удариться в сепаратизм — если бы только предупреждением, и стремился вбить каждому в голову, что в таких вещах нам не до шуток. Но в общем-то могу сказать, что был полон умеренности.

Мои разговоры с Норцем, президентом полиции, были забавны. В 1923 г. за два дня до 27 января он заявил, что имеет право заставить меня провести митинг в помещении, хотя я хотел организовать его на открытом воздухе. Он сослался на безопасность государства как аргумент в поддержку своего решения, а также на то, что у него не было достаточно полицейских, чтобы гарантировать нашу безопасность. Я возразил, что мы способны обеспечить порядок своими собственными методами. Кроме того, я потребовал права провести десяток митингов подряд, а не один. И еще я добавил, что, если он будет противиться нашему решению, пролитая кровь падет на его голову. Наша торговля продолжалась, и Норц в конце концов предложил, чтобы мы поделили ребенка пополам: шесть митингов вместо двенадцати будут проведены одновременно в цирке и на Марсовом поле перед цирком (потому что я объявил, что цирк недостаточно велик, чтобы разместить всех моих сторонников). В итоге Норц разрешил мне двенадцать митингов, но в следующем виде: мы организуем одновременно шесть раз по два митинга. Для него это было шесть, а для нас — двенадцать!

Еще один раз у меня была стычка с ним по поводу одного человека, которого полиция внедрила в наши ряды. Он в любом случае был неудачно выбран, потому что от него за сто метров воняло полицией. Однажды ко мне пришел какой-то полицейский, заявивший мне, что он — мой старый товарищ по фронту. Он сказал, что

испытывает угрызения совести, потому что ему приходилось записывать под диктовку донесения этого шпиона. Я попросил товарища по фронту продолжать вести записи о том, что будет докладывать шпион, но при условии, что каждый раз он будет присылать мне копию. На самом деле этим товарищем по фронту, как я потом узнал, просто владела жажда мести. Он был жертвой нашего шпиона, который наставил ему рога!

Когда я запросил здание цирка для проведения нашей демонстрации 1 мая, Норц отказал мне под предлогом, что не имеет достаточно полицейских сил для обеспечения порядка и что мои люди постоянно провоцируют своих противников. Я вскопчил при слове «провоцируют». «Мои люди! — воскликнул я. — Но это *вы* подсылаете к нам провокаторов-агитаторов в штатском. Это *ваши* шпионы призывают невинных ягнят к незаконным действиям». Норц заявил, что я преувеличиваю. Поскольку я продолжал настаивать на своем и представил доказательства, он послал за своим коллегой Бернрейтером. Тот, будучи наверняка хорошо информированным, попытался меня успокоить. И только когда я стал угрожать им, что опубликую в своей газете копию донесений, которые имею в своем распоряжении, дело было улажено. Час спустя мы получили разрешение на проведение нашего митинга.

Ходили слухи о попытке переворота в сговоре с буржуазными партиями. Он должен был свершиться там и сям по всей Германии, особенно в Тюрингии. Буржуазия меня здорово подвела в одном деле, которое мне запомнилось как самое примечательное из всех наших промахов. Но Норц не смог помешать нашему маршу на Обервизенфельд.

В три часа утра, взяв с собой свое оружие, мы оккупировали Обервизенфельд согласно плану. Шли часы, но ничего не происходило. Наши буржуазные союзники оставались в своих постелях. По всей Германии царил покойствие, в то время как мы ждали отовсюду подтверждения ожидавшихся волнений. В шесть часов для встречи с нами собрались банды красных. Я послал нескольких человек, чтобы вызвать тех на провокацию, но красные не реагировали. Десять часов, одиннадцать часов, а рейх все еще не вышел из своего оцепенения — а мы все еще были настороже, вооруженные до зубов!

Нам пришлось смириться с необходимостью вернуться домой. На обратном пути нам повстречалось несколько безобидных красных, которых можно было бы разогнать громовым голосом из рупора. Мы побили их немножко, надеясь, что начнется большая драка, но все бесполезно.

Все уже закончилось, когда из Тельца прибыла на рысях конная батарея, за которой я не посылал. Она развернулась, как бутон цветка, прямо перед лицом полиции. Я поклялся никогда впредь ничего не предпринимать в сотрудничестве с буржуазией.

Спустя три дня меня вызвал генеральный прокурор, кроваво-красного цвета мужчина, для ответа на обвинения в угрозе общественному порядку. «Я никоим образом не нарушал общественный порядок», — ответил я. «Но была совершена попытка с этой целью». — «Кто это сказал?» — «Закон гласит, что существование вооруженных банд...» — «Кто тут говорит о бандах? Мои люди великолепно вышколены. Что до моего оружия, так оно хранилось в государственных арсеналах». — «Значит, вы имеете оружие?» — «Конечно. А вы разве не знаете, что оно есть и у других?»

Это обвинение не имело последствий. В этих обстоятельствах Штенглейн и Эхард хорошо устроились.

А вот как я добыл оружие. У некоего советника Шеффера был склад оружия в Дахау, и он предложил продать его мне. В то время я из принципа оставлял оружие в руках у гражданских гвардейцев, полагая, что они будут содержать его в лучших условиях, пока нет нужды в его использовании. А в случае необходимости они сделают не что иное, как попросят передать это оружие, чтобы мы могли занять их место в первых рядах.

Однако я подумал, что не следует отклонять предложение Шеффера. Поэтому я поехал с Герингом в Дахау. У нас сложилось впечатление, что мы попали в бандитское логово. Прежде всего, они спросили у нас пароль. Нас привели к какой-то женщине. Я ее запомнил, потому что впервые увидел женщину, причесанную, как мальчик. Ее окружала банда каких-то личностей с мордами висельников. Это была жена Шеффера. Мы стали торговаться, хотя и не обошлось без моего предупреждения, что они не увидят цвета моих денег до тех пор, пока оружие не будет у меня. Потом на аэродроме Шлайсхайм мы увидели тысячи винтовок, солдатских котелков, ранцев, груды ненужного хлама. Но если все это привести в порядок, тут можно было бы экипировать целый полк.

Я заехал к Лоссову¹ и передал ему весь материал, настоятельно посоветовав заняться этим, и сказал вдобавок, что все это мне без нужды до тех пор, пока не произойдет решительное столкновение с коммунизмом. И было официально договорено, что весь материал останется в руках рейхсвера, пока не возникнет эта ситуация. Среди кучи всяких тюков, в частности, было семнадцать орудий всех калибров.

Вторую партию я получил при особенно комических обстоятельствах: кто-то неизвестный позвонил мне по телефону и по-

¹ Л о с с о в Отто фон — генерал-лейтенант. Будучи командующим вооруженными силами Баварии, в 1923 г. подавил «пивной путч».

просил «принять ящики». Я не стал терять времени на чтение до конца этого меню, понимая, о чем идет речь. Я подумал про себя, что эти ящики стоят разговора, а также подумал, что стоит, по крайней мере, потрудиться и выяснить, что происходит. Тем не менее я спросил, как зовут моего собеседника. «Фолль, — ответил он, — зять владельца склада».

Я приехал на этот склад, который находился на Ландсбергерштрассе, и, конечно, нашел там сорок восемь ящиков, оставленных на мое имя. Фолль сказал мне, что в них находится оружие и что он не может больше держать его у себя, потому что среди его рабочих полным-полно коммунистов. Он умолял меня увезти ящики как можно скорее. Вначале я поехал к Рему попросить, чтоб он дал мне какие-нибудь грузовики. Тот ответил, что сразу же сделать этого не может. Тогда я обратился к Целлеру. Тот согласился, отказавшись при этом от какой-либо оплаты, но поставив условие, что мы поделим это награбленное добро между собой. Ладно, пойдет. Когда мы загружали автомашины, появился майор Стефании. Он заявил, что это оружие — его. «Оно пришло на мое имя, — ответил я, — и никто не помешает мне владеть им».

Три дня спустя Целлер сказал мне, что указанное оружие находилось на его собственном складе на Франц-Иосифштрассе, откуда его украли. «Так на что вы жалуетесь? — сказал я ему. — Разве вы не получили половину его?»

В те дни оружие находилось практически везде: в монастырях, на фермах, среди групп гражданской охраны. Надо похвалить граждан за то, что они собирали оружие, которое бросали солдаты, возвращавшиеся с фронта деморализованные, — а в это время другие грабили базовые склады.

134

2 февраля 1942 г., полдень

Черчилль и Робеспьер. — Сингапурская цитадель. — Слово в похвалу Франсуа-Понсе¹. — Неполющенность дипломатов. — Перестройка германской дипломатии

Черчилль — как зверь, оказавшийся в безвыходном положении. Должно быть, везде ему видятся ловушки. Даже если парламент наделит его более широкими полномочиями, для него по-прежнему будут существовать причины для подозрений. Он находится в

¹ Франсуа-Понсе Андре — посол Франции в Германии (1931—1938).

той же ситуации, что и Робеспьер накануне своего падения. На этого добродетельного гражданина сыпались одни похвалы, а потом вдруг все перевернулось. У Черчилля нет больше сторонников.

Сингапур стал символом для всего мира. До 1914 г. это была всего лишь торговая гавань. Но между двумя войнами Сингапур испытал крутой подъем и обрел стратегическую важность, которая сегодня общепризнана. Если строишь цитадель вроде Сингапура, она должна быть неприступной, а иначе это пустая трата денег. Англичане жили с идеей непобедимости, которая им виделась при упоминании магических названий типа Шанхай, Гонконг и Сингапур. И вдруг им приходится сбавить тон и осознать, что этот величественный фасад — всего-навсего блеф. Я согласен, для англичан это ужасный удар.

Мне сказали, что какой-то английский государственный деятель оставил завещание, в котором напоминал своим соотечественникам следующую святую истину: Германия — единственная опасность для Англии!

Франсуа-Понсе не хотел этой войны. Отчеты, датированные концом его пребывания в Берлине, по-моему, не имеют никакой ценности. Мелкие грубости, которые он себе позволяет в мой адрес, имели всего лишь цель доказать своим соотечественникам, что он еще не заражен нами. Если бы в своих отчетах он говорил то, что думал на самом деле, его бы сразу же отозвали. Во всех своих докладах он настаивал на необходимости пристально следить за развитием ситуации в Германии.

Понсе — самый интеллигентный из всех известных мне дипломатов, конечно включая германских. Я бы не рискнул обсуждать с ним немецкую литературу, потому что я бы потерял самообладание. Когда он прощался со мной в Гральсбурге, он был очень взволнован. Он сказал мне, что сделал по-человечески все возможное, но в Париже его считают подпавшим под наше влияние. «Французы — очень умные люди, — добавил он. — Нет ни одного француза, который не думал бы, что на моем месте он бы добился значительно лучшего результата, чем я».

Франсуа-Понсе безукоризненно говорит по-немецки. Однажды он произнес речь в Нюрнберге, которую начал так: «Сейчас, когда я возложил на себя почетное звание оратора национал-социалистической партии...» Я простил ему все его высказывания в мой адрес. Если я вновь встречу с ним, ограничусь тем, что скажу: «Опасно

высказывать свое мнение в письменном виде о людях, которых не до конца знаешь. Было бы лучше делать это *viva voce* [устно. — Пер.].

Наши разногласия по проблеме Марокко были сглажены им за два дня¹. Гендерсон² и Понсе наверняка имеют связи с индустрией. Гендерсон, со своей стороны, был заинтересован в том, чтоб война началась. Понсе владел несколькими заводами в Лоррене. Но скажите мне, знаете ли вы дипломата, который бы так же совал нос во все, который был бы связан со всеми и знал все? От него ничто не ускользало. Чего он только не разбрасывал, как конфеты! Дополнительным средством привлечения у него была его жена. Какое естественное поведение! У нее не было и тени жеманства. Поистине, это была исключительная женщина.

Как-то произошел драматический инцидент! Иностраннный государственный деятель, проезжая через Берлин, нанес визит Франсуа-Понсе. Как раз был час, когда дети приходят из школы. И вот они ворвались в гостиную с криком «Хайль Гитлер!». Рассказывая мне об этом случае, он обратился ко мне: «Я был очень смущен. Поставьте себя на мое место!»

Вскоре после этого Франсуа-Понсе поехал в Париж, а в Берлин вернулся без детей. Я спросил его, разве его детям было плохо в Берлине. «Молодые люди очень легко поддаются влиянию, — ответил он. — Только подумать, мои дети не знают, кто является президентом Республики. Я в ужасе! Однажды мы проходили мимо памятника в Париже, и вдруг они закричали: «Смотри, папа, вот Бисмарк!» Я решил отправить их в хорошую школу во Франции».

По-моему, наибольшая вина за все падает на Черчилля — потом Белишу, Ванситарта³ и кучу других. Французы позволили себя втянуть в это дело. Вообще говоря, они полагали, что Германия сразу же рухнет. Польский посол Липски⁴ имел наглость написать в докладе, что ему из надежных источников известно, что Германия продержится лишь неделю. Подобные лица несут большую часть ответственности за то, что произошло. В частности, Липски часто посещал приемы у Дирксена⁵. Если человек вроде Липски смог поверить такому — человек, посещавший все партийные демонстрации, — тогда что могли написать другие дипломаты?

¹ Имеются в виду разногласия, вызванные подавлением французскими войсками восстаний берберов в 1925—1934 гг.

² Гендерсон Артур (1863—1935) — английский политический деятель (лейборист). В 1932—1933 гг. председатель Международной конференции по разоружению.

³ Ванситарт Роберт — британский государственный деятель, заместитель министра иностранных дел (1934).

⁴ Липски Юзеф — посол Польши в Германии (1933—1939).

⁵ Дирксен Герберт фон (1882—1955) — германский дипломат. В 1938—1939 гг. посол в Великобритании.

Я не придаю абсолютно никакого значения тому, что говорят эти люди.

Каждый раз, меняя свой пост, дипломат начинает с нанесения формальных визитов в городе, в котором он обосновался. Он обменивается общепринятыми замечаниями обо всем вместе и в отдельности. Тем самым он выполняет важную часть своей миссии. После этого он переходит в закрытый мир, в котором ни одно окно не распахнуто, и не знает ничего о том, что происходит в стране, за исключением сплетен и слухов через парикмахера, маникюршу или шофера. Но последние, поскольку сами живут в узком кругу своей клиентуры, сами потеряли контакт с народом. В любом случае, они достаточно хитры, чтобы пересказать тенденциозные бабушкины сказки, если им это покажется уместным.

Чем меньше эти дипломаты знают, тем больше они болтают. Им нечем заняться, и до них никогда не доходит воспользоваться своим бездельем, чтобы что-нибудь узнать.

Франсуа-Понсе был единственным моим знакомым, который постоянно был в движении, интересуясь всем — иногда до такой степени, что немного приводил меня в смущение.

Помимо больших «мандаринов», обычно имеешь дело с убогими агентами, паразитами. Они робкие, запуганные — всегда на ощупь выясняющие, стоит или не стоит передавать какую-то информацию. При малейшей неосторожности они могут потерять работу и окажутся на обочине жизни. Во многих случаях мне кажется, что было бы лучше заменить их более скромными представителями, которые ограничатся получением и рассылкой корреспонденции.

Какую пользу приносят нам наши дипломаты? Чему они научили нас перед Первой мировой войной? Ничему! А во время Первой мировой войны? Ничему! А после Первой мировой войны? Ничему! Я считаю, что и в остальном должно быть то же самое.

Необходимо перестроить дипломатию сверху донизу. Возьмем, к примеру, Дальний Восток. Какую полезную информацию я получил от наших служб? Человек вроде Колина Росса¹, например, дал мне бесконечно больше драгоценных сведений на эту тему. И в то же время находящийся там Крибель — один из наших людей. Это он написал мне, что японцы не настолько сильны, чтобы разобраться с китайцами. Я отозвал его, и он попытался оправдаться в моих глазах, настаивая: «Но ведь так все говорят в Шанхае!» Такие вещи явно объясняются тем, какого рода компанию он там имел. То же самое характерно для многих дипломатов. С другой стороны, Колин Росс видел все. Он считал, что японцы выиграют войну, но в конечном итоге китайцы их поглотят.

¹ К о л и н Р о с с — немецкий писатель, путешественник, режиссер, психолог.

Сейчас я говорю только о дипломатах классического типа. Среди них я признаю только два исключения: Франсуа-Понсе и Бетшер — единственные, кто здесь доминирует. Люди вроде Абеца¹ всегда будут карьеристами рассматриваться как любители.

Голландский представитель знал, что собой представляет. Он упорно трудился и посылал своему правительству ценную информацию.

Бельгиец — это просто карлик!

Что касается швейцарца, он регулярно делал утреннюю зарядку, каждый день посылал отчет. Что тут сказать? Сохрани меня господь от таких бюрократов!

Я напрягаю свои мозги, как улучшить работу нашей дипломатической службы. С одной стороны, хотелось бы держать людей на том же месте долгое время, чтобы им помог накопленный опыт — знание языка и местных обычаев. С другой стороны, хотелось бы не дать им утонуть в борозде. Что тут делать?

Возможно, у англичан лучшая система. Кроме официальных представителей, у них есть множество шпионов. Для меня в данный момент, например, было бы очень полезно знать, какова ценность оппозиции в Англии, знать, к кому она относится. А так все, что я знаю на этот счет, это то, что читаю в газетах!

Кроме того, не мог бы я узнать у наших дипломатов, что есть в запасе у Вашингтона?

135

2 февраля 1942 г., вечер

Важность угля и железа. — Превосходство американской техники. — Производство и безработица. — Экономия рабочей силы. — Поражение застоя

Мы должны производить больше угля и стали — остальное получится автоматически. Почему одни страны индустриализованы, а другие — нет? Для этого существуют неизменные причины. Франция, например, всегда страдала от отсутствия угля и поэтому никогда не была великой индустриальной державой. Великобритания — противоположный пример. Мы — то же самое. Все основано на угле и стали.

До настоящего времени мы не достигли своего потолка ни в одной отрасли промышленности. До тех пор пока мы не решим

¹ А б е ц Отто (1903—1958) — немецкий дипломат, заместитель министра иностранных дел (1938—1945). В 1940—1944 гг. посол при правительстве Виши.

проблему сырья, наши заводы не будут давать 100% продукции, пользуясь непрерывно чередующимися рабочими сменами.

Еще одним фактором, который мы должны учитывать, является упрощение и улучшение производственного процесса с целью добиться экономии сырья. Снижение потерь в производстве всего на две трети дает экономию в транспортных расходах, которой никак нельзя пренебрегать. Так что улучшения, достигнутые в производстве, помогают решить жизненно важную транспортную проблему.

Огромный успех американцев состоит, главным образом, в том, что они производят количественно столько же, что и мы, но с использованием рабочей силы на две трети меньше. Нас всегда гипнотизировал лозунг: «искусство немецкого рабочего». Мы старались убедить самих себя, что таким образом мы сможем достичь недостижимого. Это просто блеф, жертвами которого оказались мы сами. Гигантский современный пресс работает с точностью, неизбежно превышающей ручной труд.

Американские машины, например, производятся с минимально возможными затратами человеческого труда. Первым немецким продуктом, близким к этому, будет «фольксваген». В этом отношении мы далеко позади американцев. Более того, они изготавливают значительно более легкие машины, чем мы. Наша машина, весящая тысячу восемьсот килограммов, весила бы только тысячу, если бы ее сделали американцы. Чтение книг Форда открыло мне глаза на эти вещи. В двадцатых годах Форд затрачивал примерно двести пятьдесят пять долларов, а в то же время самая дешевая наша машина, маленький «опель», стоит четыре тысячи шестьсот марок. В Америке все делается машинами, поэтому на своих заводах они могут использовать самых последних кретинов. Их рабочие не нуждаются в специальной подготовке, а поэтому легко заменяемы.

Мы должны поддерживать и развивать станкостроение.

Долгое время господствовал предрассудок, что такая практика неизбежно приведет к росту безработицы. Это действительно так, только если не поднимается уровень жизни населения. Вначале все люди были земледельцами. Каждый производил все, в чем нуждается, и ничего более. По мере того как методы земледелия совершенствовались, люди освобождались от труда в поле и поэтому могли посвятить себя другим занятиям. Так появился класс ремесленников. Сегодня лишь 27% населения Германии занято возделыванием земли. С классом ремесленников происходила схожая эволюция. Усовершенствования в методах производства позволили сэкономить на затратах труда.

Однажды какому-то идиоту пришла в голову мысль, что человечество достигло последней стадии, которую уже не превзойти. А ведь прогресс состоит в том, чтобы в рамках возможного делать жизнь все более и более приятной для человека. И он не состоит в стагнации. Моя идея в том, что мы никогда не добьемся достаточ-

ной экономии на рабочей силе. Если я увижу, что мне нужна только половина имеющейся рабочей силы для строительства автобана, что ж, я построю его в два раза шире.

Вся эта путаница — результат работы профессоров политической экономии. Епископ Мюнхена проповедует универсальную доктрину, которая в корне отличается от той, которую проповедует епископ Лейпцига. Однако только одна доктрина может отвечать реальности, и вовсе не обязательно, что это будет одна из тех, которые провозглашают оба епископа.

Наверняка возможно сэкономить еще 30% на нашей рабочей силе. Нужда заставит нас быть изобретательными.

136

3 февраля 1942 г., вечер

Германское масонство. — Промях Людендорфа. — Масонские маневры. — Демократический ритуал. — Бисмарка побил сапожник

В Германии всегда было много масонов, которые сами не знали точно, что такое масонство. В наших ложах это, прежде всего, воспринималось как возможность поесть, попить и поразвлечься. Организация была очень умно настроена. Людей держали в состоянии тревоги, их развлекали детской болтовней, чтобы отвлечь внимание от сути.

Мне знакомы небольшие городки, находящиеся полностью под влиянием масонства, притом в куда большей степени, чем большие города. Это, например, Байройт и Гота.

Как-то Ценц пригласил нас — Людендорфа, Пенера¹ и меня — присутствовать при парадной форме на собрании ложи Св. Джона. Я отклонил это приглашение, и Ценц обвинил меня в том, что я выношу суждение, не зная предмета. Я ему ответил: «Побереги свою слюну. Для меня масонство — яд». Людендорф и Пенер пошли туда. И Людендорфу коварно посоветовали расписаться в книге посетителей под какой-то глупой компрометирующей фразой. Несколько дней спустя я по случаю заглянул к Пенеру. Тот скалился, как обезьяна. Он рассказал мне, что с ним сыграли тот же трюк, что и с Людендорфом, и что он написал в их книге: «До настоящего времени я думал, что масонство опасно для государства. Теперь я к тому же считаю, что его надо запретить из-за угрозы крупного слабоумия». Пенер был ошарашен при виде смехотворности их ритуала, который превращает совершенно разумных и трезвых в обычной жизни лю-

¹ П е н е р Эрнст — полицей-президент Мюнхена, участник «пивного путча».

дей в обученных обезьян. Масоны попытались использовать неуклюжее заявление Людендорфа в рекламных целях — но понятно, что с Пенером они были более сдержанны.

Рихард Франк¹ — один из величайших идеалистов, мне известных. Поскольку нам была нужна штаб-квартира, он стал добывать для нас деньги. С этой целью он представил меня в Мюнхене некоему д-ру Кухло. По инициативе Франка этот Кухло создал синдикат, чтобы купить отель «Эден», расположенный возле вокзала. Понятно, покупка за партийные деньги исключалась. Дело было в 1923 г., и продавцы требовали оплаты в швейцарских франках. Когда все было готово, синдикат собрался на заседание под председательством Кухло. Тот встал и объявил, что отель перейдет в распоряжение партии за умеренную аренду. Он предположил мимоходом, что партия, может быть, исключит из своей программы пункт, касающийся масонства. Я встал и попрощался с этими любезными филантропами. Я, не ведая того, попал в сеть масонов!

Сколько раз подряд мне приходилось слышать замечания такого рода: «Зачем осуждать масонов? Почему бы не оставить евреев в покое?» Дело в том, что с помощью непрерывного шантажа они сумели обрести подпольную власть, проявляющуюся во всех секторах и каждый раз действующую соответствующими методами.

После запрещения лож я часто слышал, что среди бывших масонов было много таких, кто испытал облегчение при мысли, что мы освободили их из этих оков.

Всегда существовала не только несовместимость между членством в ложе и членством в партии, но и факт статуса масона преграждал доступ в партию. Конечно, есть люди, как известно, настолько глупые, которые вступили в масоны только по глупости. Очень редкие случаи, в которых может быть сделано исключение, подпадают под мою юрисдикцию. И я даю прощение лишь тем, чья вся жизнь свидетельствует об их неоспоримых националистских устремлениях.

Мы были обязаны созывать каждый год общий съезд партии для избрания руководящего комитета. Результаты голосования, отраженные в протоколе, должны быть занесены в регистр обществ. Но из-за этой формальности партия потеряла бы свое юридическое лицо и сопутствующие права.

От этого ежегодного съезда несло фарсом. Я подавал заявление об отставке. Два аудитора в течение двух часов успевали проверить балансовую ведомость о движении финансовых средств в размере шестисот пятидесяти миллионов. Специально избранный президент ассамблеи проводил дебаты и приступал к выборам нового комитета. Голосование открытое, поднятием рук. «Кто за, кто против?» —

¹ Франк Рихард — берлинский фабрикант кофе.

спрашивал он. Его глупые вопросы вызывали бурю веселья. Потом я появлялся лично в регистратуре суда, чтобы зарегистрировать наши документы. Антидемократические партии, как и демократические, должны пройти эту нелепую процедуру.

В других партиях практически не было членов, плативших взносы. Мы с нашими двумя с половиной миллионами членов каждый месяц набирали два с половиной миллиона марок. Многие члены платили больше, чем требовали правила (вначале полагалось платить пятьдесят пфеннигов в месяц, а потом уже одну марку). Фрейлейн Шляйфер, например, с почты, платила по десять марок в месяц. И так партия стала располагать значительными суммами. Шварц был очень щедр, когда речь шла о крупных делах, но был исключительно экономен в мелочах. Он являл собой великолепное сочетание скупости и щедрости.

Чтобы претендовать на мандат, в районе надо было набрать минимум шестьдесят тысяч голосов. Наша база была в Баварии. Там у нас для начала было шесть мандатов, которые давали нам такое же количество делегатов в рейхстаг.

В той республике было несколько необычных партий. Самой невероятной была та, что у Хауссера. Мне случилось как-то проезжать через Штутгарт. Было это то ли в 1922-м, то ли в 1923 г. Фрау Вальдшмидт предложила мне взглянуть на этот феномен, не вмешиваясь самому ни во что. Я совершенно уверен, что Хауссер был из Эльзаса. Если меня не подводит моя память, он обращался к своей аудитории примерно так: «Эй вы, грязный сброд...» И все продолжалось в том же тоне и состояло исключительно из оскорблений. В районе Мюнхена он получил больше голосов, чем Штреземан. Что до нас, то нам пришлось все пережить, прежде чем добиться избрания Эппа.

Только подумать, какие вертопрахи иногда нам противостояли! Не стоит об этом особо жаловаться — нельзя забывать, что однажды Бисмарк побил какой-то сапожник.

137

Ночь с 3 на 4 февраля 1942 г.

Воспоминания о Байройте. — Помешательство на автомобилях. — Покидая Ландсберг. — Восстановление партии. — Мир вновь будет охвачен чувством радости

Мне повезло, что никогда не попадал в аварии в автомобильных поездках.

Известна история о собаке Баскервиллей. В одну ужасную штормовую ночь я ехал в Байройт через Фихтельгебирге. Я только что

сказал Морису: «Внимательней на повороте!» Едва я успел произнести это, как на нашу машину откуда-то бросилась огромная черная собака. От удара ее отбросило. И мы еще долго слышали ее вой в ночи.

Я устроился у Бехштайнов в нескольких метрах от Ванфрида. Наутро моего приезда Козима Вагнер нанесла мне визит, на который я ответил днем. Зигфрид был там. На меня Байройт навевал все свое очарование. Мне было тридцать шесть, и жизнь была прекрасной. Я испытывал все удовольствия от популярности без каких-либо неудобств. Каждый старался быть мне приятен, и никто ничего у меня не просил. Днем я отправлялся на прогулку в кожаных шортах. Вечером я ходил в театр в смокинге или во фраке. Потом мы задерживались вечерами в компании актеров либо в театральном ресторане, либо поехав в Бернек. Мой перепутанный «мерседес» нравился всем. Мы совершили много экскурсий, съездив однажды в Луизенберг, в другой раз — в Бамберг и очень часто — в Эрмитаж.

У меня есть куча фотографий, снятых в то время, когда была жива фрау Бехштайн. Она часто мне говорила: «Ты заслуживаешь того, чтоб у тебя была самая лучшая машина в мире. Мне бы хотелось, чтоб это был «майбах».

Первое, что я сделал, покидая тюрьму в Ландсберге 20 декабря 1924 г., это купил свой «мерседес» с наддувом. Хотя я никогда сам не водил, я всегда был страстным любителем машин. Мне особенно нравился этот «мерседес». Из окна своей камеры в крепости я привык провожать взглядом машины, мчавшиеся по дороге в Кауфбейнен, и думал про себя, когда же я снова смогу поехать на машине. Свою я нашел, просматривая рекламные издания. Я сразу же понял, что либо она, либо никакая. Двадцать шесть тысяч марок — это же огромные деньги! Можно сказать, что на то, что сегодня выпускает «мерседес-бенц», я могу заявить отцовские права. За все эти годы я набросал множество эскизов с намерением усовершенствовать ее контуры.

Адольф Мюллер научил меня нормально водить машину, но я понимал, что при малейшем инциденте моя условная свобода исчезнет, и также я знал, что для правительства ничто не будет приятнее, чем это. В ноябре 1923 г. я уже был хозяином изумительного «бенца». 9-го он стоял под замком в гараже у Мюллера. Когда полиция приехала, чтобы его конфисковать, ей пришлось пробираться сквозь человеческую цепь. Но она не осмелилась использовать ее в Мюнхене, потому что все население подняло бы восстание с криками: «Похитители машины!» Поэтому полицейские отправили ее в Нюрнберг, где она тут же попала в дорожное происшествие. Я ее выкупил, а сейчас ее можно увидеть среди наших реликвий.

Это было странное ощущение, когда тюремный служитель пришел, чтобы сообщить мне со всякими иносказаниями, при этом задыхаясь от эмоций: «Вы свободны!» Я не мог поверить, что это правда. Ведь меня приговорили к шести годам!

Своим освобождением я обязан юристу Герману, хмурому, высокомерному человеку, который в течение всего судебного процесса смотрел на меня с мрачным выражением лица. Полагаю, что он, будучи членом Баварской народной партии, считал, что правительство, несомненно, назначило жюри из тех людей, которые его устраивали.

Через Германа я узнавал о деталях моего судебного процесса. Жюри хотело оправдать меня. Исходя из доказательств, представленных моей защитой, присяжные были убеждены, что в равной степени виновными должны быть признаны Кар, Лоссов и Зайсер. Им сообщили о возражении, что в случае оправдания возникнет риск того, что дело будет передано в суд Лейпцига. Это заставило членов жюри призадуматься. И они решили, что выгодней будет признать меня виновным, вдобавок к чему им было обещано смягчение приговора после шести месяцев. Тут суд немножко сплутывал, потому что у него было основание предполагать, что при апелляции прокурора дело будет передано в Верховный суд. В действительности наверняка Кар, Лоссов и Зайсер не появились бы в Лейпциге. Поскольку не было сдержано обещание условного освобождения, Герман написал властям, информируя их, что, если меня немедленно не освободят, трое присяжных обратятся к общественному мнению.

Когда я покидал Ландсберг, все плакали (и Муфтий, и другой тюремный персонал), — но не я! Мы их всех обратили в нашу веру. Муфтий пришел и сообщил мне, что Людендорф, с одной стороны, и Народный блок, с другой, изъявили желание прислать за мной машину. Поскольку он опасался демонстраций, я успокоил его, сказав: «Мне не нужны демонстрации, я только стремлюсь на свободу». Я еще добавил, что не воспользуюсь предложениями транспорта, а мне было бы приятно, если б мой издатель Адольф Мюллер заехал и забрал меня. «Вы мне позволите, — спросил он меня, — проинформировать об этом власти? Эти господа будут весьма довольны».

И поэтому приехал Мюллер в сопровождении Гофмана. Какая это была для меня радость вновь оказаться в машине! Я спросил Мюллера, не может ли он ехать побыстрее. «Нет, — был его ответ. — Я твердо намерен прожить еще лет двадцать пять». На Пазинге мы встретились с первыми посланцами на мотоциклах. Они собрались возле дверей своего дома на Тьерштрассе, в Мюнхене, и среди них были Фюэс, Гар и другие старые товарищи. Моя квартира была ук-

рашена цветами и лавровыми венками (один из них я сохранил). Вне себя от восторга, мой пес чуть не сшиб меня с лестницы.

Прежде всего, я зашел к Пенеру. Тот чуть ли не бросился меня целовать — тот, перед кем светило то, что я уже прошел. Он переговорил с Крамером Клетлем, попросив его сообщить Хельду¹, что я остаюсь тверд в своем требовании освободить также всех моих людей. Хельд назначил мне прием, и я должен признать, что он вел себя вполне корректно. А поэтому впоследствии я не стал ему причинять хлопот, в отличие от того, что было со Швейером. Хельд задал мне вопрос: если я стану воссоздавать партию, собираюсь ли я сотрудничать с Людендорфом. Я ему ответил, что это не входит в мои намерения. Тогда Хельд сказал, что из-за позиции, которой придерживается Людендорф в отношении церкви, он сам вынужден противостоять Людендорфу. Я заверил его, что программа партии не предусматривает борьбу с церковью и что дела Людендорфа меня не касаются. Хельд взял на себя миссию связаться с министром юстиции и сообщить мне о решении, которое будет принято в отношении моих людей.

До Пенера дошла новость, что министр юстиции Гюртнер не позволил себя убедить, что мое требование обоснованно. Я опять поехал к Хельду, который посоветовал мне встретиться с Гюртнером. Вот тут-то я нарвался на законника! Он возражал мне, пользуясь аргументами адвоката. Он заявил, что мои люди просидели в тюрьме не так долго, как я сам. Во всяком случае, он не может освободить их до каникул. Кроме этого, у него нет под рукой их личных дел. Мне не составило труда ответить ему, что дела не нужны, что я знаю все имена! Во время моего перечисления он резко отреагировал на имя Гесса: «Только не он, в любом случае! Он подверг министров риску! Их могла забросать камнями толпа!» — «Что же мы тут можем поделывать? Разве это наша вина, что вы так непопулярны? Кстати, с вами ничего не случилось?»

Моя точка зрения была такова: мои люди не могут оставаться в тюрьме в то время, как я, отвечающий за все, нахожусь на свободе. Хельд мне признался, что не понимает поведения Гюртнера. Последний по причине своей принадлежности к национал-германской партии должен находиться ближе ко мне, чем он сам, Хельд. И в конце концов Пенер со всей грубостью довел до Гюртнера свое личное мнение. Как-то вечером, возвращаясь домой, я нашел записку, подписанную моими тринадцатью товарищами. Их только что освободили. На следующее утро Шауб принес мою почту. Он потерял работу. И с этого момента никогда не покидал меня.

Я уже занял триста марок, чтобы уплатить за такси, которое наняли только что выпущенные на свободу товарищи, покидая Ландсберг, — но, когда я узнал об их освобождении, они уже были в Мюнхене.

¹ Х е л д Генрих — премьер-министр Баварии.

Я не знал, чем заняться в первый вечер свободы. У меня было впечатление, что в любой момент на мое плечо ляжет чья-то рука, и меня не покидала мысль, что мне надо спрашивать разрешение на все, что я хочу сделать!

Первые недели я провел в спокойствии, но мне казалось, что время тянется медленно. Я вновь обрел контакт с реальностью и начал с примирения враждующих братьев. 27 января 1925 г. я снова основал партию.

Мои тринадцать месяцев тюремного заключения казались очень долгими — более того, потому что я думал, что отсижу шесть лет. Меня охватило безумие свободы. Но без моего тюремного заключения не была бы написана «Mein Kampf». Этот период дал мне возможность углубить некоторые понятия, которые я чувствовал лишь инстинктивно. Также во время заключения я обрел эту страшную веру, этот оптимизм, эту уверенность в нашей судьбе, которую впоследствии ничто не смогло поколебать.

И также тем временем датируется мое убеждение — чего многие из моих сторонников так и не смогли понять, — что мы уже не можем взять власть силой. У государства было время для консолидации сил, и у него было оружие. Моя слабость в 1923 г. была в том, что я зависел от многих людей, которые не были в нашем стане. Я предупреждал Гесса, что потребуется два года, чтобы заложить под партией прочный фундамент, а после этого захват власти станет делом пяти—десяти лет. И в соответствии с этими предсказаниями я организовал свою работу.

В Германии есть городки, в которых напрочь отсутствует радость. Мне сказали, что такое же наблюдается в некоторых кальвинистских районах Швейцарии. В Триере и Фрайбурге женщины обращались ко мне в такой постыдной манере, что я не могу заставить себя повторить их слова. В таких случаях я постигаю глубину человеческой подлости. Понятно, нельзя забывать о том, что эти территории все еще ощущают тяжесть религиозного гнета, длившегося несколько столетий.

Возле Вюрцбурга есть несколько деревень, где буквально все женщины были сожжены. Нам известны судьи инквизиции, которые прославились тем, что послали на костер от двадцати до тридцати тысяч «ведьм». Долгий опыт этих ужасов не мог не оставить на населении неизгладимых следов.

В Мадриде тошнотворный запах от костров с еретиками стоял более двух веков, смешиваясь с воздухом, которым все дышат. Если в Испании вновь разразится революция, следует видеть в ней естественную реакцию на бесконечную цепь жестокостей. В мозгу не укладывается, сколько жестокости, бесчестья и фальши означало для этого мира вторжение христианства.

Если преступления христианства и были менее серьезными в Италии, то лишь потому, что люди Рима, увидев их воочию, все-

гда точно знали, что собой представляют папы, перед которыми христианство так распинается. Столетиями папы умирали только от удара кинжала, яда или сифилиса.

Я очень хорошо представляю, как возникло это коллективное сумасшествие.

Был найден какой-то еврей, которому привиделось, что если подать неевреям трудные для понимания идеи, то чем более запутанной будет мысль, тем больше неевреев станут ломать себе голову, пытаясь ухватить ее смысл. То, что их внимание приковано к вещам несуществующим, ослепляет людей и не дает видеть то, что существует. Это был великолепный расчет со стороны евреев. И поэтому евреи шлепают себя по ляжкам, видя, какой успешной оказалась их дьявольская уловка. Они держат в мозгу, что если их жертвы вдруг об этом узнают, то все евреи будут уничтожены. Но уж на этот раз евреи исчезнут из Европы.

Мир свободно вздохнет и вернет себе ощущение радости, поскольку эта тяжесть уже не будет больше давить на его плечи.

138

4 февраля 1942 г., вечер

Шарлемань. — Зов юга. — Пробиваясь сквозь грязь. — Генрих Лев¹. — Сладость бытия. — Улучшение жизненных условий. — За рейх никакая жертва не будет слишком великой

Тот факт, что Шарлемань² сумел объединить сварливые и воинственные германские племена, говорит о том, что он был одним из величайших людей в мировой истории.

Сегодня нам известно, почему наших предков не привлекал восток, а тянуло на юг. Потому что все лежащие к востоку регионы были тогда тем же, что и Россия для нас сегодня. Римляне питали отвращение к переходам через Альпы. Германские народы, с другой стороны, очень любили переходить их — но в противоположном направлении. Надо помнить, что в тот период Греция была прекрасным садом, в котором дубовые леса перемежались с фруктовыми садами. Только позднее в Греции стали выращивать оливки.

Климат в Верхней Баварии стал умеренным потому, что в Италии вырубали леса. Теплые южные ветры, уже не сдерживаемые растительностью, проходили над Альпами и пробирались на север.

Для развития своих качеств германцы нуждались в солнечном климате. Свою первую почву, благоприятную для своего расцвета,

¹ Г е н р и х Л е в (1129—1195) — герцог Саксонии.

² Имеется в виду Карл Великий.

германский дух находил в Греции и Италии. Потребовалось несколько столетий, чтобы в нордическом климате создать условия жизни, необходимые для цивилизованного человека. И тут помогла наука.

Любым римлянином, когда его посылали в *Germania*, это воспринималось как наказание — примерно то же, что для нас быть посланным в Познань. Можете себе представить эти дождливые серые места, превратившиеся в болота, насколько мог видеть глаз. Доисторические монументы были, скорее всего, не местами поклонения богам, а убежищами для людей, спасавшихся от продвижения грязи. В округе было холодно, сыро и тоскливо. В то время, когда другие люди уже строили дороги, у нас не было ни малейшего признака цивилизации. Исключением из этого правила, в малой степени, можно было считать лишь германцев, живших по берегам рек и на морском побережье. А те, кто оставался в Голштинии, не изменились и за две тысячи лет, в то время как перебравшиеся в Грецию поднялись до уровня цивилизации.

Что упорно сохраняется в веках в привычках людей, так это их манера есть. Убежден, что суп Голштинии произошел от спартанской овсяной каши. Я скептически отношусь к археологическим открытиям, сделанным в нашей части света. Найденные предметы, без всякого сомнения, изготовлены в совершенно других местах. Их присутствие указывает на то, что они были объектами обмена, которые германцы побережья получали за свой янтарь. Во всей Северной Европе уровень цивилизации не мог намного отличаться, скажем, от развития народа маори. Однако профиль греков и цезарей означает, что народ на этом севере был наш, и я держу пари, что смогу найти среди наших крестьян две тысячи голов такого типа.

Если бы Генрих Лев не восстал против имперской власти, наверняка никто бы не имел понятия об экспансии на восток. Предположим, он одержал бы победу и славянский мир получил бы германский правящий класс, но на этом все бы кончилось. Все эти усилия на востоке привели к потерям немецкой крови и выгоде славян.

Я предпочитаю поехать во Фландрию, чем на восток в спальном вагоне. Я всегда с восторгом ближе к марту покидал Мюнхен и ехал навстречу весне в Рейнланд. На обратном пути, когда пересекаешь горы Швабии, оставляешь позади сладость бытия. Возле Ульма все еще есть приветливая долина, а потом опять оказываешься в грубом климате верхней Баварской равнины. Мне жаль тех, кому приходится постоянно страдать от этой закаляющей процедуры.

И тем не менее, мы сделали эти суровые места обитаемыми. Точно так же мы превратим пространства на востоке в страну, где человеческие существа смогут жить. Не надо забывать, что там есть железо, уголь, зерно и лес. Мы построим там гостеприимные фермы, симпатичные дороги. И те из нас, кто доберется до этой дали, кончат тем, что полюбят свою страну и ее ландшафты — как это было с немцами на Волге.

Вы поймете, Гиммлер, что, если я хочу создать настоящую цивилизацию на севере и востоке, мне придется использовать людей с юга. Если бы мне для украшения Берлина пришлось взять официальных архитекторов правительства Пруссии, тогда лучше было бы отказаться от проекта!

В нашем стремлении играть роль на мировом уровне мы должны постоянно обращаться к имперской истории. Все остальное настолько ново, неопределенно, несовершенно. Но имперская история — это величайшая эпика, известная со времен Римской империи. Какая смелость! Какое величие! Эти гиганты о переходе через Альпы задумывались не более, чем о переходе улицы.

К сожалению, никто из наших великих писателей не обратился к этим темам из германской имперской истории. Наш Шиллер не нашел ничего лучшего, чем воспевать швейцарского лучника!

У англичан, с их стороны, был Шекспир, — но история его страны, если говорить о его героях, не дала никого, кроме идиотов и безумцев.

Необъятные перспективы открываются для немецкой кинематографии. Она найдет в истории империи — пять веков мирового господства — достаточно крупные для себя темы. Когда я встречаюсь с руководителями других германских народов, я особенно расположен — по причине своего происхождения — дискутировать с ними. Я могу им напомнить, что моя страна в течение пяти веков была могучей империей со столицей вроде Вены и что, тем не менее, я без колебаний пожертвовал моей страной ради идеи рейха.

Я всегда был убежден в необходимости приема в партию только истинно твердых парней, не обращая внимания на их количество, и исключения вялых и равнодушных. Точно так же в новом рейхе, где бы в мире ни находились здоровые германские элементы, мы будем стараться вернуть их к себе. И этот рейх будет таким прочным, что никто никогда не сможет покушаться на него.

139

5 февраля 1942 г., полдень

**Налет на Коричневый дом¹. — Мюнхенский путч. —
Заклученные в тюрьму министры**

Как-то полиция произвела налет на Коричневый дом. У меня в сейфе находились документы огромнейшей важности. Один из ключей был при мне, а сам я в это время был в Берлине. Другой был у

¹ Коричневый дом — дом в Мюнхене на Бреннерштрассе, 45, где с 1931 г. располагалась штаб-квартира НСДАП.

Гесса. Полиция потребовала от него открыть сейф. Он отговаривался тем, что не может, оправдываясь тем, что меня не было, а ключ только у меня. Поэтому полиции пришлось удовольствоваться тем, что опечатать сейф и дожидаться моего возвращения. Гесс сообщил мне по телефону об этом обыске. Два дня спустя он передал мне, что я могу возвращаться. Дело в том, что он заметил, что можно отвинтить ручки, на которые были поставлены печати. Очень ловко Гесс проделал эту операцию, открыл сейф своим ключом и снова закрыл (заменяв печати) после того, как удалил компрометирующие документы.

По моему возвращению полиция появилась для того, чтобы открыть сейф. Я очень энергично протестовал, чтобы вынудить их прибегнуть к угрозе, что они применят силу. Что же, тогда я решил открыть сейф. Дверца открылась, в сейфе ничего не было. Было просто приятно созерцать их обескураженные лица.

В другом случае я был на месте, когда полиция взяла штурмом Коричневый дом. Толпа на улице осыпала оскорблениями полицейских, стоявших с широко расставленными ногами возле ограды. В окнах дворца папского нунция на другой стороне улицы, где никогда никто не появлялся, были видны злорадствующие лица жирных попов. Ничем не увенчавшиеся поиски затянулись до полуночи.

Какая же борьба развернулась перед тем, как мы получили право поднять наш флаг над Коричневым домом! Против нас была полиция, но между ними самими не было единодушия по этому субъекту, и они даже допустили нас присутствовать на своих спорах по этому поводу. И на этот раз своей удачей мы были обязаны безмерной тупости законников. Наша ловкость восторжествовала над их аргументами. Эта деталь показывает, что ни при каких обстоятельствах нельзя полагаться на юристов. Наверняка они не защитят наш режим лучше, чем это они делали с предшествовавшим.

Мало-помалу произошли перемены в нашу пользу. Теперь уже полицейский мог подойти и прошептать на ухо, что в душе он на нашей стороне. Все больше и больше мы могли опираться на настоящих сторонников в их рядах, которые не боялись скомпрометировать себя ради партии и через которых мы узнавали обо всем, что происходило вокруг.

Особенно отвратительным типом был Герман в 1923 г. Он был одним из руководителей криминальной полиции. Веря в наш успех, он отдал себя в наше распоряжение, как только мы начали арестовывать членов правительства, предложив нам свою помощь в лов-

ле тех, кто сумел ускользнуть из наших сетей. Когда дела обернулись плохо, мы узнали, что он будет одним из главных свидетелей обвинения, и поэтому было интересно увидеть, как он себя поведет. В соответствии с тем, что он заявил, мы были готовы сказать ему, чтобы закрыть его рот: «Слушай, Герман, разве не ты передал нам Вутцельхофера?» Но он молчал как рыба.

Мы заперли членов правительства на вилле Лемана, которую без ведома хозяина открыл для нас Вебер. Мы пригрозили министрам, что, если хотя бы один из них попытается сбежать, все остальные будут расстреляны. Их паника была так велика, что они оставались под замком еще два дня после того, как революция закончилась. Когда Леман вернулся к себе домой, он был весьма удивлен, обнаружив столь блестящее созвездие.

Спустя несколько дней Леману было суждено еще раз удивиться при визите дочери одного из министров. Она пришла за кольцом с печаткой, которое, как утверждал ее папаша, тот забыл между страницами книги, взятой из библиотеки. Но вместо перстня она искала пачку банкнотов иностранной валюты, которую ее папа засунул в книгу стихов поэта Шторма!

140

5 февраля 1942 г., вечер

Прогулки с баронессой Абег. — Фальшивый Донателло. — Сомнительный Мурильо

Мне было бы не по душе жить все время на берегах Кенигзее. Слишком уныло. Ни одно из наших озер не напоминает норвежские фиорды. Напротив, после того как проедешь Химзее, чьи размытые краски так успокаивающе действуют на глаза, возникает впечатление, что въезжаешь в сказочную страну.

Баронесса Абег водила меня в горы бесчисленное количество раз. (Без нее, возможно, я бы никогда не побывал на вершине Дженнера. Она была неутомима и взбиралась вверх, как козочка.) Все это было устроено Экартом, которому можно было не идти самому, а оставаться в покое пансионата. Дитрих Экарт часто говорил, что она — самая образованная из всех известных ему женщин. Я был бы готов согласиться с ее интеллигентностью, если бы она не сопровождалась самым язвительным языком, какой можно вообразить. Эта женщина была настоящим скорпионом. Она была блондинкой цвета льна, с голубыми глазами и излишне длинными, как у англичанки, клыками. Признаюсь, она была чрезвычайно образованна. Женщина вроде фрау Брюкман. Она много путешествовала по всему свету. Она всегда была в одном

из двух крайних состояний. В первом она оставалась дома, находясь в почти полном коллапсе. Она могла растянуться на веранде, обессиленная, а в это время все должно суетиться вокруг нее и ухаживать за ней. Другое состояние — невероятная раздражительность, она приходила в бешенство, носилась как вихрь, взбиралась куда-то и ураганом обрушивалась вниз.

По моему мнению, самым привлекательным в связи с ней был бюст Донателло. Она оценивала его в сто пятьдесят тысяч марок золотом. В случае продажи половина денег пошла бы в партийную кассу, что позволило бы нам преодолеть трудности, порожденные инфляцией. К сожалению, никто не верил в подлинность этого Донателло. Когда я увидел эту работу в первый раз, мой инстинкт немедленно подсказал мне, что это подделка. Она утверждала, что штукатур, у которого она купила этот бюст, не имел понятия об истинной ценности вещи. В лучшем случае это могла быть лишь плохая копия.

Муж баронессы бросился в Кенигзее. Как хорошо я его понимаю! На его месте я сделал бы то же самое. Из двух ее верных поклонников, о которых было известно, один умер, а другой сошел с ума.

Эта история напомнила мне о Мурильо Симона Экарта. В изображении имелась ошибка в композиции, которая не могла бы ускользнуть от внимания Мурильо. Если б она была так написана на самом деле, люди из его окружения обязательно бы обратили его внимание на эту деталь. Великие художники часто работали с помощниками. Один из них рисовал Мадонну, другой — цветы и т. д. Я собирался написать пьесу на тему этого Мурильо.

Но кто взбесился, так это банкир Симон Экарт. Какое различие между этими двумя Экартами! Их разделяет целый мир. Дитрих был писателем, полным идеализма. А Симон — человеком глубоко погруженным в реалии природы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1942 год

6 февраля — 7 сентября

141

6 февраля 1942 г., вечер

Британия должна заключить мир. — Здравый смысл и французы. — Последствия японского вступления в войну. — Турция и проливы

Если б у англичан в последнюю минуту появился человек, обладающий хоть каким-то ясным сознанием, он бы немедленно попытался заключить мир для того, чтобы спасти то, что еще можно спасти.

Империя не настолько прибыльна, чтобы одновременно содержать самый крупный в мире морской флот и мощную армию. Англичане оказались в ситуации, сравнимой с той, в какой находится промышленное предприятие, которому для того, чтобы удержаться на плаву, приходится останавливать отдельные производства. То же самое справедливо и в отношении американцев там, где речь идет об их внутренней экономике.

Я допускаю, всякая страна способна на моменты коллективного сумасшествия — но где-то в тайных глубинах каждой общности благоразумие сохраняет свои неотъемлемые права.

И Даладье, и Петен, и рядовой француз были за мир. Совсем небольшая кучка сумела неожиданно заставить страну сделать опрометчивый шаг к войне. И то же самое происходило в Англии. Одни были пацифистами в принципе, другие — по религиозным убеждениям, третьи — по причинам экономического характера.

Так почему же разум не востребует своих прав? Во Франции отреагировали на это со скоростью молнии. Первое заявление Петена отличалось ослепляющей ясностью. Что касается англичан, все, чего им недостает, это силы собраться с мыслями. Кто-то должен встать в парламенте и заявить Черчиллю: «Будьте добры исчезнуть

ради того, чтобы в империи появились хоть какие-то хорошие новости!» Но ни у кого из парламентариев не хватает мужества сделать это, потому что каждый думает, что если дело плохо кончится, то его имя останется связанным с памятью об этом несчастье. И тем не менее, ни один английский парламентарий уже не верит в победу, и каждого из них ожидает конфуз. Все секретные заседания парламента благоприятны для нас, потому что они подрывают престиж Черчилля. Но он не падет до тех пор, пока его преемник не сделает положительный жест в нашу сторону. Так и произошло с французами. Их увертка была возможна лишь на основе наших предложений по перемирию. Они стали было заявлять «нет», но потом поняли, что наши условия не столь ужасны.

Настанет день, когда на одном из секретных заседаний Черчилля обвинят в предательстве интересов империи. Каждый удар, который мы наносим на Востоке, приближает этот момент. Но мы должны предотвратить попытки Черчилля провести успешную диверсию. С падением Сингапура упадет занавес на Дальнем Востоке. Постепенно улечивается надежда на то, что русская зима уничтожит нас. Черчилль призывает к общественным дебатам, потому что зависит от патриотизма английского народа, потому что рассчитывает, что никто, имеющий независимое мнение, не рискнет атаковать его в лоб. Но уже несколько его противников позволили себе смелые замечания. Влияние событий на Дальнем Востоке дает о себе знать и в банках. Сейчас правительство было вынуждено поддержать некоторые из них, чтоб уберечь от банкротства.

В любом случае, ясно одно: богатство нации — не такой уж огромный резервуар, если судить по делам, происшедшим за этот год. Допустим, страна пять лет подряд будет импортировать без предела, при этом ничего не экспортируя. Этого будет достаточно, чтобы полностью разрушить страну. Пойдем дальше и вообразим, что шесть месяцев подряд страна абсолютно ничего не производит — к концу этого периода ее богатство будет пущено на ветер.

Я не верю в идеализм, не верю, что люди согласны вечно платить за глупость своих правителей. Как только каждый в Англии убедится, что войну можно вести только с убытками, наверняка не останется никого, кто бы желал продолжать ее.

Я изучал эту проблему во всех аспектах, переворачивал во всех направлениях. Если добавить уже полученные нами результаты, я думаю, мы находимся в исключительно благоприятной ситуации. Впервые на нашей стороне находится первоклассная военная держава — Япония. Поэтому нам никогда не следует отказываться от союза с Японией, так как Япония — это страна, на которую можно опереться.

Я хорошо знаю, что Япония не станет создавать препятствий на пути к миру при условии, что ей будет отдан Дальний Восток. Переварить Индию она не способна, и я сомневаюсь, чтобы у нее был интерес к оккупации Австралии и Новой Зеландии. Если мы сохраним наши связи с ней, Япония от этого получит прочное ощущение безопасности и поймет, что ей вообще нечего и некого бояться. Нам этот альянс также дает гарантию спокойствия — в особенности в случае, если мы сможем положиться на долгую дружбу с Францией. Есть одно абсолютно общее между Германией и Японией — нам обоим понадобится пятьдесят—сто лет, чтобы переварить: нам — Россию, им — Дальний Восток.

Англичанам из всего этого ничего не выгорит, кроме обидного урока да синяка под глазом. Никому, начиная с них самих, не будет вреда, если в будущем они станут делать меньше виски. Не надо, в конце концов, забывать, что всем случившимся с ними они обязаны лишь одному человеку — Черчиллю.

Англичане ведут себя как глупцы. Реальность в итоге призвет их к порядку, заставив открыть глаза.

Вступление Японии в войну — событие, которое поможет нам изменить стратегическую ситуацию. Либо через Испанию, либо через Турцию мы получим доступ к Ближнему Востоку. Достаточно будет проинформировать Турцию, что мы возобновляем наш договор в Монтре¹ и что дадим ей возможность укрепить проливы. И благодаря этому мы избежим необходимости держать крупный флот в Черном море, которое, фактически, просто лягушачий пруд. Будет достаточно нескольких небольших кораблей, если в Дарданеллах у нас будет крепкий страж, которому мы поставим орудия. Пушек потребуется не больше, чем для вооружения одного линкора. Такое решение принесет нам наибольшую выгоду.

Мне кажется, отношение турок к англичанам изменилось в сторону охлаждения.

142

7 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ТОДТ И МИНИСТР ШПЕЕР

Маленькие дети и уровень рождаемости. — Американская технология была создана немцами

Население быстро растет, когда все младшие члены семьи в состоянии устроиться в жизни. Крестьянину нужна многочисленная рабочая сила, и, очевидно, в его интересах использовать своих детей до

¹ Договор в Монтре (1936), согласно которому Турция не имела права регламентировать движение судов в проливах.

тех пор, пока они не вырастут. Если эти дети, в свою очередь, устроятся, они не останутся обузой для своего родителя, но совсем другое дело, когда отцу приходится кормить их всю жизнь за счет своей земли. В таком случае, конечно, уровень рождаемости падает.

Население Соединенных Штатов, которое в начальный период было причастно к развитию техники, почти целиком было германского происхождения (из Швабии и Вюртемберга).

Какая удача, что сейчас все постепенно обретает очертания на Восточном фронте! Наконец-то немецкий народ вот-вот завоеует для себя свободу передвижения.

143

8 февраля 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ШПЕЕР И ГИММЛЕР

**Еще раз о правосудии. — Наказания в военное время. —
Решение религиозной проблемы**

Наша судебная система все еще недостаточно гибка. Она не осознает опасности, угрожающей ей в этот момент новой вспышки преступности.

Снова мое внимание было привлечено к тому, что многие кражи со взломом, совершаемые рецидивистами, наказываются тюремным заключением. Если мы сквозь пальцы будем смотреть на то, что налеты производятся под прикрытием режима затемнения, то меньше чем через год мы придем к уровню безопасности, который будет самым угрожающим для всего населения. Англия уже находится в такой ситуации, и англичане начинают требовать прибегнуть к немецким методам (которые, по моему мнению, недостаточно суровы для этого периода). В некоторых частях Англии количество украденных товаров достигает сорока процентов.

В Первую мировую войну дезертира наказывали заключением в крепость и понижением в звании. Ну а если это храбрый солдат? Как он сможет с этим смириться?

Гражданин, торговавший на черном рынке в тылу, выходил из этого очень мило. Либо его оправдывали, либо он прекрасно проводил в тюрьме отведенное для него время. Жертвам ограблений не оставалось ничего иного, как вновь в поте лица зарабатывать свое добро, которое у них украли, а вор мог отсиживать, заставляя многиться последствия своей кражи. В каждом полку бывали такие

негодяи, чьи преступления наказывались самое большое тремя-четырьмя годами тюрьмы. И это весьма раздражало фронтовиков.

Ведь это скандал, что, в то время как жизнь честного человека так недолговечна, эти поганые овцы могут содержаться за счет общества.

После десяти лет тюремного заключения человек для общества уже потерян. Кто захочет принять его на работу, если он отсидел за решеткой? Такого рода личностей надо либо отправлять в концлагеря на всю жизнь, либо приговаривать к смертной казни. Во время войны более уместно второе наказание, хотя бы ради показательного примера. По подобной причине с второстепенными преступниками надо обращаться таким же манером.

Вместо того чтобы поступать таким радикальным образом, наша легальная система с любовью склоняется к индивидуальным делам, наслаждается взвешиванием «за» и «против» и отысканием оправдывающих обстоятельств — все в соответствии с ритуалом мирного времени. Нам надо покончить с этой практикой.

Адвокату не следует раздумывать над практическими последствиями применения закона. Ему надо настойчиво вникать в каждое конкретное дело.

Преступник, в свою очередь, великолепно знаком с процедурой системы и пользуется своим знакомством с ней в той плоскости, в которой он совершает преступление. Он, например, знает, что за кражу, совершенную в поезде, следует наказание в виде лишения свободы максимум на столько-то лет. Он сам знает, что если дела плохо обернутся, то он будет на свободе через немного лет, во время которых он вел хорошо налаженное существование, огражденный от нужды и под протекцией министерства юстиции. У него, кроме этого, есть и другие преимущества. Его не отправляют на фронт, а в случае поражения у него есть шанс подняться до высокой должности. В случае победы он может рассчитывать на амнистию.

В подобных случаях судьи должны использовать благоразумие, имеющееся в их распоряжении. Но не все из них это понимают.

Зло, которое гложет наши жизненно важные центры, — наши попы, притом обоих верований. Я в данный момент не могу дать им ответ, которого они просят, но им ничего не стоит подождать. Я все это записал в своей большой книге. Придет время, когда я с ними рассчитаюсь и дойду до конца.

Не знаю, что следует считать более опасным: слугу религии, играющего в патриотизм, или человека, открыто противостоящего государству. Факт то, что их маневры привели меня к моему решению. Им надо всего лишь немного потерпеть, и они все от меня услышат. Я не дам юридическим сомнениям помешать мне. Только необходимость имеет легальную силу. Менее чем через десять лет все будет выглядеть совершенно иначе, я им могу это обещать.

Нам уже не удастся уйти от религиозных проблем. Если кто-то считает важным строительство жизни человеческого общества на фундаменте из лжи, что ж, в моем понимании такое общество не стоит того, чтобы его сохранять. Если, с другой стороны, верят, что истина должна играть роль необходимого фундамента, то совесть требует вмешательства во имя истины и искоренения лжи.

Народы грядущих поколений осудят периоды, когда без протеста сносились такие оскорбления. Точно так же, как были запрещены костры, на которых жгли еретиков, так, в свою очередь, будут уничтожены и эти порождения невежества и суеверия.

144

8 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ГИММЛЕР И ШПЕЕР

О формах правительств в Европе и Соединенных Штатах

Соединенные Штаты родились как республика. Этим данная страна отличается от европейских наций. Среди последних республиканская форма пришла на смену монархистской.

В Великобритании глава государства — всего лишь символ. Фактически страной управляет премьер-министр.

В Европе лишь Германия имеет форму государственности, схожую с Соединенными Штатами. В Америке палата избирателей не играет постоянной роли. Что же до Верховного суда, он не может отклонить решений президента, если они антиконституционны или нанесут ущерб прерогативам конгресса. У президента Соединенных Штатов гораздо больше власти, чем было у кайзера, потому что *тот* зависел от парламента. В Германии, если бы все осталось в норме, монархия все более бы сближалась с английской формой.

Король в Великобритании — просто страж конституции, и только прямым оказанием влияния на людей он может что-то вершить (при условии, кроме того, что он достаточно умен) на политическом уровне. Палата лордов, практически не имеющая влияния, — палата держателей бенефиций. Она действует как средство отвлечения людей в политике, чей талант становится опасным.

У нас человек, контролирующий большинство в рейхстаге, может выступать против президента. Во избежание кризиса, который мог бы возникнуть из-за этой дуэли, я объединил в одной и той же функции роль канцлера, ответственного перед парламентом, и роль главы государства. Но я не придерживаюсь мнения, что фюрера надо назначать пожизненно. По прошествии какого-то времени глава государства должен дать дорогу преемнику.

9 февраля 1942 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ШПЕЕР

Фарс противогазов. — Экономика культов. — Оберзальцберг

Общественный спектакль, на котором в Англии были выставлены противогазы, убеждает меня, что это — часть коммерческой эксплуатации, к которой причастны высшие круги. Чтобы заработать несколько тысяч фунтов стерлингов, всякий не против надеть маскарадный костюм и побродить с маской, висящей через плечо, — больше смахивающей на коробку с большим запасом сигар.

Надо четко понимать все это, чтобы правильно оценить смысл восклицания, сделанного женой Рузвельта¹, когда она говорила об американцах: «Это мир, в котором мы, вероятно, не смогли бы жить!»

Сейчас евреи и политические спекулянты, как в прежние времена трон и алтарь, образуют безмолвную ассоциацию для совместной эксплуатации демократической дойной коровы.

Если бы вместо того, чтобы выделять церкви пятьсот миллионов, мы бы давали субсидии некоторым архиепископам, предоставив им полную свободу в дележе этих денег, оказавшихся в их распоряжении, наверняка количество их коллаборационистов упало бы до минимума. Большую часть денег они наверняка постарались бы удержать у себя и лопались бы от усердия, чтобы быть полезными для нас. При десятой части бюджета, отведенной на религию, мы бы таким образом получили непоколебимо верную и преданную государству церковь. Надо покончить со всеми этими устаревшими формами. Маленькие секты, получающие каких-то несколько сотен тысяч марок, преданы нам душой и телом. Следует отменить контроль над деньгами, даваемыми церкви, в соответствии со строго христианским принципом: «Пусть твоя левая рука не знает, что делает правая». Такую манию контроля следует рассматривать как оскорбление в отношении этих честных людей. Пусть они набивают свои карманы, а нас хоть ненамного оставят в покое!

Как сладостны были те дождливые дни в Берхтесгадене! Никаких изнуряющих упражнений, никаких экскурсий, солнечных ванн — просто небольшой отдых! Нет ничего в мире приятнее, чем горный ландшафт. Было время, когда плакал от горя, покидая Берхтесгаден.

¹ Рузвельт Анна Элеонора (1884—1962) — с 1905 г. супруга Франклина Рузвельта

Проводя линии высокого напряжения, устанавливая тельферные опоры и другую подобную технику, следует, насколько возможно, избегать разрушения ландшафта. Я в пользу дорог, когда в этом есть нужда, — но что может быть безобразнее, чем фуникулер?

На праздник Нового года мне пришлось спуститься к Берхтесгадену, чтобы позвонить, потому что в Оберзальцберге телефон не работал. По правде говоря, я привык дарить своей деревне мешки пороха. Люди стреляют от души, наводя везде замешательство своими старыми ружьями и аркебузами XVI века — до такой степени, что иногда повреждали телефонные провода!

146

9 февраля 1942 г., вечер

Британская «справедливая игра». — Успешные воздушные налеты. — Технологическая война. — Открытия при нарвикском десанте

Последняя вещь, которая известна англичанам. — это вести *fair play* [игра по правилам. — *Пер.*]. Они не умеют воспринимать поражения.

Я бы господствовал повсюду, имей я бомбардировщик, способный развивать скорость более семисот пятидесяти (километров) в час. Не было бы нужды устанавливать на этом самолете вооружение, потому что он был бы быстрее любого истребителя. Поэтому в своих производственных планах вместо того, чтоб отдавать приоритет истребителям, производство которых можно быстро поднять, мы должны вначале решить проблему бомбардировщиков. Необходимо совершить такой скачок, чтобы уйти далеко вперед от наших противников. Бомбардировщик, летящий на высоте четырнадцать тысяч метров, обеспечит такую же безопасность, — но загвоздка в том, что с такой высоты трудно бомбить прицельно.

Сброшенные в беспорядке на город десять тысяч бомб не столь эффективны, как одна-единственная, нацеленная на какую-нибудь электростанцию или водокачку, от которой зависит снабжение города водой. В тот день, когда *gentry* [дворянство. — *Пер.*] потеряет свою гидротерапию, оно определено утратит какую-то часть своей самонадеянности.

Проблему бомбардировок необходимо изучить с позиций логики. По каким целям наносить удар в порядке их приоритетности? Бомба весом пятьсот килограммов, сброшенная на электростанцию, не-

сомненно, произведет нужный эффект. Вот что важно. Имея двести бомбардировщиков, выполняющих эти условия, и действуя шесть месяцев подряд, я смогу уничтожить врага — потому что он не сумеет наверстать потери в производстве, понесенные за этот период.

Новости, которые я узнал от Осимы о японской войне подводных лодок, наполнили меня и удовлетворением, и гневом. Дело в том, что нам уже несколько раз предлагались эти карманные подводные лодки с экипажем только из двух человек. И с каким видом превосходства наши специалисты отвергали их!

В войне технологий побеждает та сторона, которая прибудет в заданную точку с необходимым оружием.

Если нам удастся в этом году получить для фронта новые танки в количестве двенадцати на дивизию, мы решительно превзойдем все танки наших противников. Чтобы гарантировать преимущество, достаточно дать Роммелю двадцать четыре таких танка. Если подойдет американцы со своими танками, он раскидает их, как кроликов.

Важно иметь техническое превосходство в каждом случае в решающей точке. Знаю, что я помешан на технике. Для того чтоб постоянно владеть инициативой, мы должны встречать врага новинками, которые захватят его врасплох.

Если б три транспорта, которые мы хотели послать в Нарвик, прибыли благополучно, наши военные корабли не потонули бы, а история бы развивалась в другом направлении.

Точно зная ситуацию, я бы немедленно отозвал моих солдат из-за отсутствия смелости. Похвала и благодарность тому кретину, который проявил небрежность до такой степени, что не проинформировал нас о том, что наши транспорты не смогут прорваться. Но то, что наше предприятие, тем не менее, было успешным, стало настоящим вызовом судьбе — потому что у нас не было весомого шанса на успех.

Подобным образом уникальный случай в истории: мы ринулись атаковать порт, считая, что он укреплен, а потому надеясь использовать его как морскую базу — и, мало того, у нас была информация от министра обороны данной страны, которая оказалась ложной.

Привлекательная деталь — Черчилль сразу же послал своего сына в Норвегию — такого мальчишку! — чтобы приветствовать прибытие британских освободителей.

Наше счастье, что англичане наскочили на некоторые из наших кораблей, особенно на тот, который нес зенитные орудия. В нарушение отданным мной приказам воины этого подразделения были одеты в свою униформу. Англичане ушли туда, откуда пришли, чтобы запросить инструкции, — и благодаря этому мы сумели первыми высадиться на берег.

Наилучшее доказательство того, что эти свиньи хотели что-то попробовать на этот раз, — их состояние бешенства. Но мы расстроили их планы, опубликовав свою информацию в норвежской и датской печати.

Каким, должно быть, *post-mortem* [открытием. — Пер.] для них оказалось то, как мы были проинформированы!

Что касается их сицилийских интриг, то с прибытием Кессельринга¹ с ними было покончено в зародыше.

147

10 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Автомобили и их водители

Адольф Мюллер был тем человеком, которому я обязан своим пониманием искусства вождения.

Мюллер очень часто раздражал меня, заявляя, что моя машина — не машина, а кастрюля, что мои водители правят, как манекены, и что, если я буду продолжать так себя вести, это надолго не затянется. «Когда машина теряет одно из колес, — сказал он (и это только что случилось с моей), — ей уже место на помойке, а ее шоферу — тоже». Вот таков Мюллер.

Как-то, отправляясь в Вюрцбург, чтобы купить вращающийся пресс, Мюллер предложил мне поехать с ним. На место нашей встречи он приехал в какой-то странной одежде, а его бриджи были лишь деталью в этой экипировке. Когда он сказал мне, что поведет машину сам, повинувшись своей первоначальной реакцией, я заявил ему, что с ним не поеду. «Садитесь, — сказал он, — и поймете, что значит вести машину». Должен честно признаться, что путешествие стало для меня откровением. В отличие от большинства я всегда готов учиться.

Прежде всего, сама машина — шестнадцатисильный «бенц», и она была в совершенно безупречном состоянии. Сравнивая, я сразу же заметил несколько недостатков в моей машине. И должен добавить, что Мюллер вел машину просто изумительно хорошо.

Во-вторых, Мюллер открыл мне глаза на множество мелочей, которые ускользают от внимания большинства водителей. Каждый пешеход, усаживающийся за рулевое колесо, сразу же теряет чувство внимания, на которое, как он убежден, имел право, будучи пешеходом. Так вот Мюллер никогда не переставал думать о лю-

¹ Кессельринг Альберт (1885—1960) — маршал люфтваффе (1940), в 1941—1945 гг. командующий немецкими войсками в Италии.

дах на дороге. Он очень аккуратно вел машину через районы новостроек. Он считал, что каждого, кто задавит ребенка, надо сразу же сажать в тюрьму. Он не держался кромки шоссе, как это делают многие, а, наоборот, старался ехать почти по осевой линии, всегда помня о детях, которые могут неожиданно появиться. Когда он собирался обогнать какую-нибудь машину, вначале он старался убедиться, что водитель впереди идущей машины знает о его намерениях. Он обдуманно делал повороты, при этом задние колеса не заносило, и не брал с места в карьер — всегда мягко и плавно. Я понял, что вождение — это нечто другое по сравнению с тем, что я до сих пор предполагал, и мне было немного стыдно при сравнениях, возникавших у меня в мыслях.

В ходе этой поездки я принял два решения: я куплю «бенц» и буду учить своих шоферов правилам вождения.

Я поехал на завод «Бенц» и так познакомился с Верлином. Я сказал ему, что хочу купить какой-нибудь шестнадцатисильный автомобиль. «Вы себе выберете сами, — ответил он. — Я бы посоветовал вам попробовать десятисильный, чтобы рука к нему привыкла: он делает только восемьдесят километров в час, но лучше приехать в нужное место со скоростью восемьдесят, чем разбиться на скорости сто десять». В этом было столько кинжальных ударов по моей гордости.

Знание теории и практики — одно дело, а присутствие духа в момент опасности — другое. Шрек обладал обоими качествами в равной мере. Он был силен как бык и хладнокровно бесстрашен. Он использовал свою машину как оружие, которым он врезался в коммунистов.

Кемпка проработал у меня шофером около десяти лет, и я могу лишь похвалить его. Кроме того, он безупречно ухаживал за коллекцией автомашин, ответственность за которые лежала на нем. Если я спрошу у него в сентябре, есть ли у него запас зимнего масла и цепи на колеса для снежной погоды, я уже знаю, что он готов. Если мне надо узнать, который час, я могу положиться на часы на приборной доске. Все приборы всегда в отличном рабочем состоянии. У меня никогда не было такого честного и добросовестного водителя. В самых критических ситуациях он бы не проявил такого спокойствия, как Шрек. Он полностью поглощен в ведение машины. Когда рядом со мной был Шрек, это означало, что за рулем сидел мой старый военный товарищ.

Однажды мне понадобилось мчаться в Ганновер на большой скорости, чтобы успеть на нужный поезд до Мюнхена. Мне сняли машину с саксонским водителем. Поскольку видимость была ужасной, я предложил ему включить фары. «Они включены, —

ответил он, — но сели батареи». Мгновение спустя шина испустила дух. Смотрю, мой саксонец засуетился с машиной. Спрашиваю его, есть ли запасное колесо. «Все нормально, у меня есть одно, — отвечает он, — но оно спустило несколько дней назад». И вдруг до меня дошло, что где-то сзади должен быть Лютце¹. И точно, подъехал он — за рулем «опеля», первый из восемнадцатисильных, четырехцилиндровых моделей, т. е. самая никудышная машина из всех выпущенных заводом Опеля. И я продолжил путь с Лютце, спросив его, есть ли шанс успеть к моему поезду. Тот по натуре оптимист, как и все водители. Что плохо у Лютце, так это то, что у него только один глаз, и он плохо оценивает дистанцию. Он не стал терять времени на развилке, заблудился, и вдруг мы оказались в канаве. В конце концов мы выбрались из нее задним ходом. Я уже не волновался, так как потерял всякую надежду успеть на поезд.

Лютце на сумасшедшей скорости пронесся через Ганновер. Еще пять минут, еще две минуты езды. Мы прибыли на вокзал. И я в последний момент запрыгнул в вагон.

Были у меня и странные водители.

Горинг отличался тем, что всегда ехал по левой стороне дороги. В моменты опасности он использовал клаксон. Уверенность его была неколебимой, но какого-то загадочного происхождения.

Киллингер вообще был асом за рулем!

Однажды я был свидетелем, как Бастиан спокойно вышел из машины, сшиб с ног нескольких насмехавшихся над ним идиотов, снова сел за руль и совершенно спокойно поехал дальше.

В другой раз я был пассажиром в машине, которая везла меня назад из Майнца. Позади нас Шрек вел машину, снабженную сиреной. Мы оказались в середине толпы велосипедистов. Это были красные, и они стали выкрикивать оскорбления в наш адрес. Но когда они услышали сирену Шрека, то побросали велосипеды и рассыпались по полю. Шрек совершенно спокойно проехался, круша их велосипеды. Красные были озадачены, ломая себе голову, как это полицейская машина может вести себя таким образом. Когда же они поняли свою ошибку, снова стали оскорблять нас последними словами. «Убийцы, бандиты, гитлеровцы!» Они узнали меня, и я воспринял этот факт, как свою нарукавную повязку.

Болезненные инциденты такого рода с нами происходили часто. В то время было не шуткой очутиться посреди толпы врагов.

Когда тебя много лет возят одни и те же люди, в них уже видишь не шоферов, а товарищей по партии.

¹ Л ю т ц е Виктор — охранник Гитлера, в будущем начальник штаба СА.

17 февраля 1942 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Фашисты и аристократы. — Крыса Роатта¹. — Дуче должен пожертвовать монархией. — Евреи и природный порядок. — Нездоровые интеллектуалы Европы. — Если бы немецкий профессор правил миром

Настоящие фашисты дружелюбны по отношению к Германии, но в придворных кругах, в этой клике аристократов, ненавидят все немецкое.

Во Флоренции дуче сказал мне: «Мои солдаты — храбрые парни, но я не питаю никакого доверия к офицерам». Последний раз, когда я встречал Муссолини, его акценты были еще более трагическими.

От Пфефера я узнал, что, когда люди усваивают некоторый стереотип поведения вместе с сопутствующими жестами, это в конце концов становится их второй натурой. Слова теряют свой смысл, укоренившиеся понятия создают новые явления. У них гордость трансформируется в тщеславие, эгоизм смешивается с идеализмом.

Трудно смириться с тем, что настоящий офицер может стать гнусным шпионом. Именно это произошло с Роаттой. Он саботировал план нападения итальянских войск по долине Рейна в июне 1940 г.

Пока дуче не избавится от этой аристократической мафии, он не сможет назначать истинную элиту на высшие командные посты. Эта мафия совершенно такая же подлая, как и немецкое дно. Она состоит из кретинов, которые, однако, не настолько кретины, чтобы не обладать тем чувством, которое производит на других впечатление превосходства. Их деятельность хотя и негативна, но, тем не менее, эффективна, ибо эти люди не дают лучшим пробиться на высшие посты. И этот заговор парализует усилия дуче.

Дела в Италии не улучшатся, пока дуче не пожертвует монархией и не возьмет в свои руки эффективный контроль в авторитарном государстве. Такая форма правления может длиться веками. Республика Венеция просуществовала девятьсот шестьдесят лет. В этот период она царила в Восточном Средиземноморье, и это достигалось благодаря власти, возложенной на дожа. При монархической форме это было бы невозможно. Венеция не могла бы требовать большего — но все, чего она жаждала, и все, что лежало в пределах ее устремлений, она получила. Качество этой системы доказывает и пример ганзейских городов. Чего у них не было, так это имперской власти.

¹ Р о а т т а Марио (1886—1968) — корпусной генерал итальянской армии. Выше обыгрывается фамилия (по-немецки крыса Ratte).

Невозможно, чтобы шестьсот семей, с одной стороны, могли поддерживать вечное господство над тремястами сорока тысячами илотов, а с другой стороны, царили в Малой Азии и на Сицилии. Факт, что такое им удавалось в течение нескольких столетий, доказывает величие этой расы.

Сенсационным событием Древнего мира была мобилизация низов общества против установленного порядка. Эта акция христианства имеет общего с религией не более, чем марксизм — с решением социальной проблемы. Для римских мозгов были немыслимы понятия, созданные еврейским христианством. Древний мир отличала страсть к ясности. Там поощрялись научные поиски. Для римлян боги были знакомыми лицами. Трудно понять, имели ли они какое-то ясное представление о загробном мире. Вечная жизнь для них персонифицировалась в живых существах и состояла в вечном обновлении. Таковы были концепции, весьма близкие к тому, что царило среди японцев и китайцев во время, когда среди них появилась свастика.

И надо было евреям появиться на сцене и внедрить эту сумасшедшую концепцию жизни, которая продолжается в загробном мире! Она позволила им смотреть на жизнь, как на вещь, которой можно тут, внизу, пренебречь, — поскольку она будет процветать позднее, когда уже не будет существовать. Под прикрытием религии евреи ввели в употребление нетерпимость там, где ранее превалировала терпимость. Среди римлян культ суверенного разума был связан со скромностью человечества, которое знало свои пределы до той степени, что посвящало алтари неизвестному божеству.

Евреи, которые обманным путем внедрили христианство в Древний мир, — для того, чтоб разрушить его, — вновь пробрили эту же брешь в современную эпоху, на этот раз используя его в качестве своего предлога для решения социального вопроса. С той же ловкостью рук, что и прежде. Так же как Савл превратился в св. Павла, а Мардохай стал Карлом Марксом.

Мир может возникнуть лишь из природного порядка вещей. Условие этого порядка в том, что среди наций существует иерархия. Наиболее способные нации обязаны взять на себя бремя лидерства. При таком порядке подчиненные нации получают больше выгоды, если они защищены более способными нациями.

Но еврейство всегда уничтожало такой порядок. Оно постоянно провоцирует восстания слабых против сильных, скотства против разума, количества против качества. Христианству понадобилось четырнадцать столетий, чтобы достичь пика дикости и тупости. А потому мы допустили бы ошибку, погрешив излишком увереннос-

ти и объявив свою окончательную победу над большевизмом. Чем меньше мы оставим евреям возможностей наносить нам вред, тем надежней мы защитимся от этой опасности. Еврей в природе играет роль некоего катализатора. Народ, избавляющийся от своих евреев, спонтанно возвращается к природному порядку.

В 1925 г. в «Моей борьбе» (а также в неопубликованной работе) я писал, что мир еврейства увидел в Японии соперника, находившегося для них за пределами досягаемости. Среди японцев расовый инстинкт был так развит, что евреи поняли, что не смогут атаковать Японию изнутри. Поэтому еврей был вынужден действовать извне. В интересах самих же Англии и Соединенных Штатов было бы прийти к пониманию с Японией, но евреи приложат усилия, чтобы помешать этому взаимопониманию. Я бесполезно предупредил об этом.

Возникает вопрос. Действует ли еврей сознательно и по расчету, или он движим своим инстинктом? Я не могу ответить на этот вопрос.

Интеллектуальная элита Европы (профессора факультетов, высшие чиновники либо кто-то другой) никогда ничего не понимала в этой проблеме. Элита была напичкана ложными идеями и этим жила. Она распространяет науку, которая приносит самые огромные мыслимые убытки. У чахлах людей — философия чахлах людей. Они не любят ни силу, ни здоровье и рассматривают слабость и болезнь как высшие ценности.

Поскольку орган создается функцией, отдайте мир на несколько столетий немецкому профессору — и скоро получите человечество кретинов, состоящее из людей с большими головами и тощими тельцами.

149

17 февраля 1942 г., вечер

Большие имения в Венгрии. — Места рождения великих людей. — Книги для молодежи. — Народные танцы. — Кожаные шорты

Венгерские магнаты известны своим гостеприимством. В своих имениях они принимают до семидесяти гостей сразу. Вина там лучше, чем в Австрии, но загородные дома не так красивы. Дело в том, что большую часть времени эти дворяне проводят в Париже или на игральных курортах Лазурного Берега. Один из них — Эстергази, которому надо поставить в заслугу то, что Гайдн не кончил свои дни, как Моцарт, в общей могиле, а это произошло в Вене, на родине музыки.

По моему мнению, крупные дворянские имения надо сохранить просто ради их красоты. Но они также должны сохранить свои размеры, иначе только государство будет в состоянии содержать их как частные загородные дома. А идеальным было бы, если б они не только оставались в частных руках, но и у тех же семей, которые традиционно там проживали, а иначе имения потеряют свой характер. К тому же эти великие памятники старины, сохранившие свой характер, как живые организмы, являются также и культурными центрами. Но когда помещичий дом занят зрителем, играющим роль гида, например, каким-нибудь мелким государственным чиновником с баварским или саксонским акцентом, который с воодушевлением пересказывает свою неизменную трескучую фразу, то тут вещи уже утратили свою душу — она ушла.

Ванфрид при жизни Вагнера был обитаем. И он все еще сохраняет свой блеск и продолжает производить впечатление близкого друга. Дом Гете производит впечатление мертвечины. И как понятно, что в комнате, где он умирал, ему пришлось просить больше света — просто больше света! Дом Шиллера все еще трогает душу картиной бедности, в которой жил поэт.

Все эти мысли посетили меня, пока я размышлял о том, что станет с моим домом в Оберзальцберге. Уже представляю себе гида из Берхтесгадена, который проводит посетителей через комнаты моего дома: «Вот здесь он завтракал...» Также воображаю себе какого-нибудь саксонца, раздающего свои алчные наставления: «Предметы не трогать, не изнашивайте паркет, оставайтесь между канатами...» Короче, если невозможно передать дом кому-либо из потомства, то лучше всего сжечь его со всем содержимым — какой получится прекрасный погребальный костер!

Я только что прочел прекрасную статью о Карле Мае¹. И нашел ее восхитительной. Было б приятно, если б его труды были переизданы. Своим пониманием географии и тем, что у меня открылись глаза на мир, я обязан ему. Я часто читал его при свете свечи или при луне с помощью огромного увеличительного стекла. Первое, что я читал вроде этого, — «Последний из могикиан». Но как-то Фриц Зайдль сказал мне: «Фенимор Купер — ерунда; тебе надо прочесть Карла Мая». И первой его книгой, прочитанной мной, стала «Скачка через пустыню». Она унесла меня в другой мир. И я сразу же стал поглощать и другие книги этого автора. Это немедленно привело к падению моей успеваемости в школе.

Помимо Библии, «Дон Кихота» и «Робинзона Крузо», есть еще две самые читаемые в мире книги. Книга Сервантеса — самая блестящая в мире пародия на общество, находившееся в стадии вырож-

¹ М а й К а р л (1842—1912) — немецкий писатель, классик приключенческого жанра.

дения. В основном испанский образ жизни едва ли изменился с тех пор. Книга Даниэля Дефо в одном человеке собрала историю всего человечества. Ей часто подражают, но ни одна из историй о пустынных островах не может соперничать с оригиналом. На одно Рождество мне подарили прекрасно иллюстрированное издание. Книгу Сервантеса иллюстрировал Гюстав Доре в стиле настоящего гения. Третья из этих универсальных книг — «Хижина дяди Тома». Могут также отметить «Путешествия Гулливера». Каждая из этих книг содержит какую-то большую основную идею. К сожалению, в нашей литературе нет ничего подобного. В Германии, кроме Карла Мая, важны Жюль Верн и Феликс Дон. Все они достигли весьма высокого уровня.

Когда я был молодым, экстраординарный успех имела одна книга. Она называлась «Старый Гейдельберг». Такие произведения могут очень помочь рекламе какого-либо города или региона. То же самое случилось с Бременом и Шпессартом.

Но это настоящее несчастье, когда в городе поэт принимается воспевать красоту гор. Люди, действительно принадлежащие горам, не годятся для драматических презентаций. Их песни слышатся среди них самих. То, что воспевают другие, на деле не относится к нашему фольклору. Когда-то я носил в себе недовольство Хагенбеком за то, что он высмеивал наши обычаи. Танец, который мы называем шухплатлер, самый мужественный из всего, что можно вообразить. Он ничего не имеет общего с тем, что под таким названием исполняют наши опереточные горцы. Действительно, очень жаль, что мы не сумели популяризировать его с помощью театра. Американцы придумали танец с трещотками, стоящий показа на сцене. Это танец, рожденный в Шотландии и не имеющий отношения к Африке. А мы, со своей стороны, способны только высмеивать шухплатлер, и благодарить за это надо идиотов.

И говорить нечего, что северные немцы не могут усвоить наш фольклор. Вам известно что-либо более смешное, чем берлинец в кожаных шортах? Шотландца, одетого в свой национальный костюм, могут принимать в Лондоне в самом лучшем обществе — но всякий, кто в Берлине наденет тирольский костюм, произведет впечатление, что направляется на карнавал. С огромной неохотой я перестал надевать кожаные шорты. Для меня было чересчур сложно менять одежду по несколько раз на день, как манекену, чтобы приспособиться к психологии моих посетителей. В такой одежде меня бы не воспринимали всерьез немцы к северу от Кобурга. Всю свою юность, даже зимой, я не надевал ничего другого.

Прежде всего, я усвоил тот костюм, который идет к сапогам для верховой езды, а потом я стал склоняться к буржуазной паре брюк. Действительно, если отказываешься от самой удобной одежды, почему ее надо менять на самую неудобную? Весьма печально видеть, как постепенно отмирают старые костюмы.

Я предложил Гимmlеру одеть в кожаные шорты две-три гвардейские части. Очевидно, у них были бы симпатичные шляпы, и вовсе не обязательно все с юга. Мне нетрудно вообразить солдата с гамбургским акцентом, показывающего обожженные солнцем колени.

Помимо всего этого, кожаные шорты имеют преимущество в том, что не надо опасаться, что они запачкаются. Напротив, пятна их облагораживают, как время — скрипку Страдивари. В наши дни в Германии все молодые люди носят кожаные шорты.

Есть две вещи, которые я нахожу очаровательными, когда их надевает молодежь, — короткие брюки и лыжные брюки. Только подумать, что есть идиоты, которые хотят заставить их надевать сапоги!

Никогда не будет лишним поддерживать привычку кататься на лыжах — надо помнить о России.

150

18 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГЕНЕРАЛ РОММЕЛЬ

Портрет Черчилля

Черчилль — это тот самый тип продажного журналиста. Нет ничего хуже проституток в политике.

Он сам писал, что невозможно вообразить, что можно сделать в войне при помощи лжи.

Это крайне аморальная, отвратительная тварь. Я убежден, что у него уже готово убежище на том берегу Атлантики. Наверняка он не станет укрываться в Канаде. В Канаде его изобьют. Он поедет к своим друзьям-янки.

Как только закончится эта проклятая зима, мы все поправим.

151

19 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: МИНИСТР ШПЕЕР И ФЕЛЬДМАРШАЛ МИЛЬХ

Дурные предчувствия по поводу русской зимы

Я всегда ненавидел снег; вы знаете, Борман, я всегда его ненавидел. И теперь знаю почему. Это было предчувствие.

Ночь с 19 на 20 февраля 1942 г.

**Методы колонизации. — Порочность образования. —
Сожаления о помощи, оказанной Испании. — Театр
в Германии. — Обогащение музейных фондов**

Как только мы захватываем какую-нибудь колонию, мы тут же строим детские ясли, госпитали для коренного населения. Меня это наполняет бешенством.

Белые женщины сами деградируют, обслуживая черных. И самое главное, тут же суют свой нос бритоголовые со своей манией сотворять ангелов! Вместо того чтобы внушать аборигенам любовь к нам, вся эта ненужная забота только настраивает их против нас. С их точки зрения, все эти проявления — верх невежливости. Они не понимают причин нашего поведения и считают нас невыносимыми педантами, которые любят размахивать полицейской дубинкой.

Русские не доживают до старости. Они едва ли живут более пятидесяти—шестидесяти лет. Что за глупая идея делать им прививки! В этом вопросе мы должны решительно отодвинуть в сторону наших законников и экспертов по гигиене. Никакой вакцинации для русских и никакого мыла, чтобы они смывали свою грязь. Но надо дать им алкоголя и табака сколько их душе угодно. Во всяком случае, некоторые серьезные ученые выступают против вакцинации.

Грязь заметна на черных людях лишь тогда, когда миссионеры, чтобы научить их скромности, заставляют негров надевать одежду. В природном состоянии негры очень чисты. Для миссионера запах грязи приятен. С этой точки зрения они — самые грязные свиньи вообще. Они ужасно боятся воды.

Все эти отвратительные попы, которые опрашивают семилетнего ребенка на исповеди, именно они сами подстрекают его на грех, открывая глаза на грех. То же самое происходит, когда они одурманивают коренных жителей.

В 1917 г. в клерикальной цитадели Бреслау один баварец был осужден на две недели тюрьмы за то, что ходил по городу в кожаных шортах. В те времена такая одежда вызывала скандал. Сейчас все ходят в смешанные бани, и при этом ни у кого не возникает ни малейших задних мыслей.

В Риме есть попы, которые проводят свое время за замером длины рукавов и юбок у женщин, а также следят за тем, чтобы у каж-

дой женщины был головной убор. Если бы Господа волновали такие пустяки, он бы создал человека уже одетым! Мысль о наготы мучает только попов, потому что полученное ими образование делает их извращенцами.

Если бы не было опасности того, что красная угроза заполонит Европу, я бы не вмешался в революцию в Испании. Духовенство было бы истреблено. Если бы подобные им личности завоевали власть в Германии, Европа вновь бы погрузилась во мрак Средневековья.

В Германии не хватает театров. Правда, многие из них были построены в семидесятых годах, но их количество уже не отвечает численности населения.

Сто лет назад в Мюнхене было три тысячи пятьсот мест на население в пятьдесят тысяч человек. Уже существовали «Резиденцтеатр», Национальный театр и «Фолькстеатр» у выхода к Изару. Сегодня при населении около девятисот тысяч в Мюнхене есть места всего лишь на пять тысяч зрителей. Поэтому мои планы в отношении Линца вовсе не преувеличены.

В Берлине есть три оперы, а должно быть четыре или пять для его четырех миллионов жителей. Дрезден с его шестьюстами тысячами жителей содержит прекрасную оперу.

В Берлине ставится много чудесных комедий. На первом месте — в «Дойче театр». Первый спектакль, который я видел после Первой мировой войны, был «Пер Гюнт», который я смотрел вместе с Дитрихом Экартом в «Штаатлише Шауспильхаус». В Берлине пьесу всегда давали в переводе Экарта. В Мюнхене, с другой стороны, использовали еврейский перевод.

Не могу определиться о ценности театра в Мюнхене, поскольку я неравнодушен к этому предмету. Когда я бываю там, у меня возникает ощущение опасности. Возможно, я несправедлив. Дело в том, что мне со всех сторон жужжали, что мне следует сходить в «Штаатлише Шауспильхаус», который, вероятно, заметно улучшился под руководством Голлинга. Возможно, я схожу, когда наступит мир. Я только что прочел, Каммершпиль имел блестящий успех с «Отелло».

Так какой же концертный зал должен быть в Берлине, если вспомнить, что Лейпциг с его шестьюстами тысячами жителей обладает Гевандхаусом! Понятно, что небольшой город сможет жить интенсивной культурной жизнью, если кто-то с умом займется этим вопросом. На долю столицы можно отвести лишь самые исключительные вещи.

Я мог бы неплохо жить в городе вроде Веймара или Байройта. Большой город очень неприятен. Его жители подобны детям. Они отчаянно набрасываются на все новое и с такой же легкостью те-

ряют интерес к вещам. Человек, желающий сделать карьеру певца, наверняка больше удовлетворения получает в провинции.

Жаль, что в Дрездене нет гаулейтера, который любит искусство. После Крауса и Фюртвенглера Буш¹ стал бы самым великим немецким дирижером, но Мутшман хотел навязать ему в оркестр своих старых товарищей по партии, чтобы этот оркестр возбуждал добрый национал-социалистический дух!

Как бы мне не забыть создать в Тронхейме музей немецких мастеров.

У музеев вроде тех, что в Дрездене, Мюнхене, Вене или Берлине, бюджет должен быть не менее двух миллионов в год, чтобы они могли делать новые приобретения. Вильгельму Боду² удавалось идти своим путем. У него был необычайный дар на использование богатей. Он получал от них гигантские субсидии, а в обмен уговаривал кайзера присваивать тем дворянские титулы. И в этой области я намереваюсь навести какой-то порядок. Важно, чтобы директор музея мог без административных фокусов купить произведение быстро и до того, как оно попадет в руки перекупщиков.

153

Ночь с 20 на 21 февраля 1942 г.

Дух в опасности. — Обсерватория в Линце. — Борьба с фальшью, суевением и нетерпимостью. — Наука не догматична. — Работы Горбигера. — Проложить дорогу для талантливых людей

Эта биретта! [головной убор католических священников. — *Пер.*] Один вид этих уродцев в рясах приводит меня в бешенство!

Человеку были даны мозги, чтобы ими думать. Но если ему не удается ими воспользоваться, его тут же окружает рой черных жуков. И этот мозг обречен на аутодафе.

В своем воображении вижу обсерваторию, которую построю в Линце на Пестлингберге. Фасад будет классической чистоты. Языческий дворец я снесу до основания, а на его месте возникнет эта обсерватория. И тогда в будущем каждое воскресенье тысячи экскурсантов будут совершать туда паломничество. Таким образом они об-

¹ К р а у с Клеменс (1893—1954) — дирижер, руководитель Венской, а затем Берлинской оперы; Ф ю р т в е н г л е р Вильгельм (1886—1954) — дирижер, руководил фестивалями в Байрейте; Б у ш Фриц (1890—1951) — дирижер, с 1933 г. в эмиграции

² Б о д е Вильгельм (1845—1929) — генеральный директор берлинских музеев.

ретут доступ к величию нашей вселенной. На фронтоне будет девиз: «Небеса провозглашают славу вечному». Этим путем мы передадим людям наш религиозный дух, обучая их смирению — но без помощи попов.

Человек ухватывает кусочки истины то тут, то там, но править природой не может. Он должен знать, что, напротив, он зависит от Творения. И такая позиция ведет дальше, чем суеверия, поддерживаемые церковью. Христианство — худшая из регрессий, которые претерпело человечество, и именно евреи, благодаря своему дьявольскому изобретению, отбросили его назад на пятнадцать веков. Единственное, что могло бы быть хуже, это победа евреев над большевизмом. Если победит большевизм, человечество утратит способность смеяться и радоваться. Оно превратится в бесформенную массу, обреченную на серость и отчаяние.

Священники древности были ближе к природе, и они скромно размышляли о сути вещей. Вместо этого христианство пропагандирует свои несовместимые догмы и силой насаждает их. Такая религия несет в себе нетерпимость и преследования. Это самое кровавое из всего мыслимого.

Здание моей обсерватории будет стоять около двенадцати миллионов. Сам огромный планетарий будет стоять два миллиона. Птолемею было дешевле.

По Птолемею, Земля была центром Вселенной. При Копернике ситуация изменилась. Сегодня мы знаем, что наша Солнечная система — всего лишь солнечная система среди многих других. Что было бы лучше, чем позволить наибольшему числу людей, вроде нас, познать эти чудеса?

Во всяком случае, нам стоит благодарить Провидение, которое дало нам возможность жить сегодня, а не триста лет назад. В то время на каждом углу сжигали на костре. Как мы обязаны тем людям, которые имели мужество — первыми поступив так — восстать против лжи и нетерпимости. Восхитительно, что среди них были отцы иезуиты.

В своей борьбе с церковью русские абсолютно негативны. Мы, с другой стороны, должны практиковать культ героев, который поможет человечеству выбраться из борозды ошибок. Кеплер¹ жил в Линце, и вот почему я избрал Линц в качестве места для нашей обсерватории. Его мать обвиняли в колдовстве, и инквизиция несколько раз пытала ее.

Нет лучшего способа для раскрытия глаз народу, чем картины. Установите в деревне небольшой телескоп, и вы уничтожите мир суеверий. Надо уничтожить аргументы попов, что наука изменчива, потому что вера неизменна, поскольку утверждение, представленное в такой форме, бесцельно.

¹ К е п л е р Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном.

Конечно, бедность духа — драгоценное хранилище для церкви. Посвящение людей надо производить постепенно. Обучение может упростить реальность, но оно не имеет права сознательно фальсифицировать ее. То, чему обучают на нижнем уровне, не должно обесцениваться тем, что говорится на более высоком уровне. В любом случае, наука не должна принимать догматическую форму, и она всегда должна встречать трудности лицом к лицу. Если они существуют, то не по вине науки, а потому что исследование проведено недостаточно глубоко.

В дни Птолемея было огромным шагом вперед заявить, что Земля — круглая и что звезды вращаются вокруг нее. С тех пор по этому пути происходил непрерывный прогресс. Первым был Коперник. Он, в свою очередь, остался далеко позади, и так будет всегда. В наше время Горбигер совершил еще один шаг вперед.

Университеты заставляют меня подумать о технических услугах вермахту. Наши техники проходят мимо многих открытий, а когда случайно вновь сталкиваются с теми, которыми пренебрегли несколько лет назад, они стараются никому не напоминать о своей ошибке.

Сейчас наука утверждает, что Луна — это проекция в космос осколка Земли и что Земля является излучением Солнца. Серьезный вопрос: произошла ли Земля от Солнца и не собирается ли она к нему вернуться. Для меня нет сомнений, что спутники притягиваются планетами так же, как последние сами притягиваются определенной точкой, Солнцем. Поскольку вакуума не существует, возможно, что скорости вращения планет и их движения могут замедляться. Не исключено, например, что Марс однажды станет спутником Земли.

Горбигер детальнейшим образом рассматривает все это. Он утверждает, что элемент, который мы именуем водой, в действительности просто расплавленный лед (вместо льда, который есть замерзшая вода): то, что найдено во Вселенной, лед, а не вода. Эта теория равносильна революции, и все восстали против Горбигера.

У науки существует много трудностей при утверждении своих взглядов из-за постоянной борьбы с духом рутины. Дело в том, что люди не *хотят* знать. За последние несколько лет ситуация в науке улучшилась.

Это просто удача, когда во главе государства находятся люди, склонные к поощрению смелых научных поисков, — ибо последние редко поддерживаются официальной наукой.

По-моему, нет большей привилегии, чем играть роль патрона искусств или наук. Люди наверняка сочли бы за великую честь, чтобы им позволили способствовать карьере человека вроде Рихарда Вагнера. Слава богу, это уже большое достижение, что людей вроде него уже не сжигают заживо! Иногда можно услышать сожаления, что наше время не производит гениев такого же калибра, что и в прошлом. Это ошибка. Эти гении существуют; надо только под-

держивать их. Со своей стороны, когда я узнаю, что какой-то ученый желает посвятить себя новым исследованиям, я помогаю ему. Я не перестану думать о том, что самым драгоценным приобретением, которым может владеть страна, являются ее великие люди. Думая о Бисмарке, я понимаю, что только те, кто пережил 1918 г., могут целиком оценить его значение. На таких примерах видно, как это много бы значило, если бы можно было сгладить дорогу для талантливых людей.

Только в царстве музыки я не нахожу удовлетворения. С музыкой происходит то же, что и с красотой в мире, в котором доминируют бритоголовые, — христианская религия есть враг красоты. Еврей произвел с музыкой тот же трюк. Он создал новую инверсию ценностей и приятность музыки заменил шумом. Наверняка афинянин, входя в храм Парфенон, чтобы лицезреть Зевса, получит иное впечатление, нежели христианин, который должен заставлять себя созерцать искаженное болью лицо распятого человека.

С четырнадцати лет я был свободен от суеверия, которое прививали попы. Кроме нескольких святош, я могу сказать, ни один из моих товарищей не верил в чудо причастия.

Единственное различие между прошлым и настоящим в том, что в то время я был уверен, что надо весь этот спектакль взорвать динамитом.

154

21 февраля 1942 г.

Богатая еврейская пара

Я вспоминаю жену консула Шаррера. Ее пальцы были усеяны кольцами настолько крупными, что она не могла пошевелить пальцами. Она была из того типа евреев, которых изображают на карикатурах. Муж ее был помешан на скачках. Его единственной заботой были его жена и его лошади.

Как-то Верлин показал мне машину Шаррера. Ее радиатор был покрыт, но не никелем, а золотом. Кроме того, там была еще тысяча мелочей повседневного пользования, начиная с туалета, и все в золоте. Все еще стоит в глазах консул Шаррер, как он приезжает на воскресный концерт на авеню в цилиндре с щеками более надутыми, чем у Кристиана Вебера.

В их поместье в Бернриде были белые павлины. Хотя в своем доме он принимал прусских князей, в глубине души Шаррер оставался баварским сепаратистом. Попугай этого гения однажды совершил непростительную глупость, крича посреди блестящего собрания: «Прусская свинья!»

К своему несчастью, он содержал любовницу. Его жена пришла в бешенство и выбросила его из дома. Он умер в бедности.

А его жена была дочерью Буша, крупного пивовара, который разбогател в Соединенных Штатах. Должно быть, он был стоящим баварцем, случайно женившимся на еврейке. Что касается фрау Шаррер, она была похожа на шар. Никто не проверял, где она больше: по ширине или высоте. Когда она сидела в своей карете, руки неизбежно повторяли контур тела и свисали по бокам. Такие еврейки водятся в Тунисе. Их запирают в клетках и держат там до тех пор, пока они не сбросят вес. В конце концов она отдалась молодому любовнику. Для мужа болезненна ситуация, когда он так зависит от жены, богатой как Крез.

155

22 февраля 1942 г., вечер

**ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ДАТСКИЙ ШТУРМБАННФЮРЕР СС
(МАЙОР) ДИВИЗИИ «ВИКИНГ»**

**В похвалу Порше. — Оборона Европейского полуострова. —
Русские массы против индивидуума. — Нации должны
слиться. — Европа была спасена в 1933 г.**

Хотя, увидев его, такого скромного и незаметного, об этом и не подумаешь, но д-р Порше — величайший инженерный гений в сегодняшней Германии. У него хватает мужества дать идее созреть, хотя капиталисты всегда торопят его довести ее до производства, чтобы получить скорую прибыль. Его опыты, проводившиеся во время войны в области сопротивления материалов, позволили нам постоянно улучшать качество нашего «фольксвагена». В будущем для нас мобилизация уже не представит проблем. Правда, по-прежнему будет существовать проблема бензина, но и ее мы решим.

Не так давно, когда все еще имелось несколько акров земли на Дальнем Востоке, на которые можно было бы наложить руку, все стремились туда. Теперь перед нами русские просторы. Они менее привлекательны и грубее, но для нас более ценны. В наших руках будут лучшие земли, и мы обеспечим за собой контроль над жизненно важными точками. Мы научимся держать население в подчинении. Не может быть даже мыслей, что мы придем туда с лайковыми перчатками и как учителя танцев.

Азия не смогла за прошедшие столетия вытеснить нас с нашего полуострова, — и все, что они приобрели на сегодня как цивилизованные нации, получено благодаря нам. А теперь мы собираемся посмотреть, чья сторона сильнее.

Русский как боец всегда нам уступал. Русские существуют только в массе, и этим объясняется их жестокость. Мне всегда претила мысль, что Европа исчерпала свою миссию и что настало время России или Соединенных Штатов.

Именно континент цивилизовал Великобританию, и это позволило ей колонизовать обширные пространства в остальных частях мира. Америка без Европы была бы невысказана. Почему б нам не проявить достаточно мощи, чтобы стать одним из мировых центров притяжения? Сто двадцать миллионов человек немецкого происхождения, если они укрепят свои позиции, — это сила, против которой ничто в мире не может устоять. Страны германского мира будут только побеждать. Я сужу по своему опыту. Моя родина — одна из самых красивых областей рейха, но что она сможет сделать, если останется сама по себе? Что я могу сделать как австриец? Нет возможности развивать таланты в таких странах, как Австрия или Саксония, Дания или Швейцария. Нет основы для этого. Поэтому это счастье, что перед германскими народами вновь раскрывается потенциал новых территорий.

Я понимаю, что молодому голландцу или норвежцу может быть трудно очутиться в общем подразделении в пределах рейха вместе с солдатами других немецких корней. Но то, что с них требуется, не сложнее того, что требовалось с германских племен во времена великих перемещений народов. В те дни горечь была так велика, что вождь германских племен убивали члены их же семей. То, что требовалось от стран, сформировавших Вторую рейх, сходно с тем, что мы требуем сейчас, и с тем, что мы требовали от австрийцев.

Если б Германии не повезло и я не пришел бы к власти в 1933 г., сегодня Европы уже бы не существовало. Дело в том, что с тех пор, как я пришел к власти, у меня была одна мысль: перевооружиться. Вот почему прошлым летом я смог напасть на Россию.

Сталкиваясь с бесчисленным населением Востока, мы сможем существовать лишь при условии, что все германцы будут едины. Они должны составить ядро, вокруг которого объединится Европа. В тот день, когда мы надежно соединим Европу, мы сможем обратить взоры на Африку. И кто знает, может быть, когда-нибудь мы сможем удовлетворить и другие амбиции.

Есть три способа решения социального вопроса. Народом правит привилегированный класс. Восставший пролетариат уничтожает класс собственников. И есть еще одна формула, которая дает каждому возможность развиваться в соответствии с его талантами. Когда человек компетентен, для меня имеет мало значения, что он — сын какого-то зрителя. И кстати, я не мешаю потомкам военных героев еще раз проходить через те же испытания.

Я не чувствовал бы себя вправе требовать от каждого исключительных жертв, если б сам не прошел через всю войну 1914—1918 гг. на передовой.

Обращаясь к датскому гостю, фюрер произносит:

Для вас дела идут легче, чем для нас. Вам помогает наше прошлое. Наше начало было гнусным. И если бы я исчез до того, как мы одержали успех, все бы сразу обратилось в небытие.

156

22 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ГИММЛЕР И ДАТСКИЙ ШТУРМБАННФЮРЕР ДИВИЗИИ «ВИКИНГ»

**Организация партии. — Национал-социалистическая пресса. —
Уклонение от еврейского вируса**

Невозможно оценить, скольким партия обязана Шварцу¹. Благодаря хорошему порядку, в котором он содержал наши финансы, мы смогли так быстро развиваться и уничтожить другие партии. Для меня это великолепно. Я, так сказать, не беспокоюсь об этих проблемах, и Шварц отчитывается передо мной раз в год. В этом огромное облегчение для человека, чья обязанность — вдохнуть жизнь в движение, и при этом не беспокоиться об административных проблемах. Я высоко ценю ту привилегию, которой все время пользовался, встречаясь с людьми, которые имели склонность к ответственности и талант, необходимый для независимого исполнения доверенной им работы.

Аман — один из самых старых моих товарищей. Он мне неизмеримо дорог, потому что я не имею понятия о двойной бухгалтерии.

Мой первый казначей — бывший браконьер, потерявший руку при демонстрации своих талантов. Его звали Майер. Оставшаяся у него рука была полезна для того, чтоб звонить колокольчиком, которым мы пользовались на наших заседаниях. Он жил в будке, в которую можно было подняться по лестнице, которая предназначалась для домашней дичи.

В то время наша партия насчитывала от силы тридцать человек, и папаша Джегг был одним из наших парней. Майер был настоящим пролетарием, в хорошем смысле этого слова. То, что он был одноруким, добавляло ему уважения. Касательно его роли

¹ Ш в а р ц Франц (1875—1947) — главный казначей НСДАП, рейхс-лейтер.

казначей, инфляция лишила ее всякой ценности. На его место пришел Зингер. Это был прекрасный человек, маленький баварский чиновник, как раз то, что нам тогда было нужно. Все мои сторонники были мелкими служащими. Зингер, например, был сторожем в Баварском национальном музее. Он трогательно ухаживал за своей старой матушкой.

Пока я находился в Ландсберге, партия была распущена, и тут появился Шварц. Он начал присматривать за финансами Народного блока. Однажды ко мне пришел Эсер и сообщил, что нашел редкостного человека, которого рекомендовал бы мне для использования в новой партии. Я послал за этим человеком, и это был Шварц. Он сказал мне, что устал работать с кучей священников и что был бы в восторге поработать для меня. Понадобилось немного времени, чтобы оценить его достоинства. Как обычно, человек задыхался от посредственностей, на которые он был вынужден трудиться.

Шварц организовал на современный лад все то, что постепенно стало впоследствии гигантской партийной администрацией. Он бы вполне мог заниматься финансами Берлина и чудесно справлялся бы с обязанностями мэра этого огромного города. Но у него был недостаток — и какое это счастье — что он не был юристом, но ни у кого не было такого, как у него, здравого смысла. Он прекрасно знал, как сэкономить на малом, и в результате мы всегда получали то, что требовалось для больших дел. Именно Шварц позволил мне управлять партией, не погружаясь в мелочи. В таких случаях неожиданные активы равносильны манне небесной. Шварц централизовал руководство партией. Все пожертвования шли напрямиком в центральный орган, который далее выделял соответствующие проценты региональным отделениям. Когда мне требовалась информация по какому-нибудь — не важно какому из наших членов, — мне надо было лишь поднять трубку, и в течение двух минут, даже если я не знал имени члена, а лишь его номер. Не знаю, есть ли где еще в мире такая простая организация. Эта централизация, доведенная до крайности, тем не менее, совпадает с высшей степенью децентрализации на другом уровне. Так что гаулейтеры пользуются полной независимостью в своем секторе.

Что касается Амана, я могу положительно заявить, что это гений. Он — величайший газетный магнат в мире. Несмотря на его огромную осторожность, из-за которой он не так известен в обществе, я утверждаю, что Ротмер и Бивербрук рядом с ним — невзрачные карлики. Сегодня «Zentral Verlag» владеет от 70 до 80% немецкой прессы. Всего этого Аман достиг без малейшей показухи. Кто, например, знает, что «Münchener Neueste» — одно из наших изданий? Аман стремится сохранить индивидуальность

каждой из своих газет. К тому же он достаточно умен, когда дело касается передачи другим коммерций, которые не приносят доход. Так произошло, когда он передал газету Заукелю. Она принадлежала Динтеру, и Аман забрал ее по политическим мотивам. Спустя короткое время я спросил Заукеля, что принес ему подарок Амана. «На сегодняшний день он мне стоил двадцать тысяч марок», — ответил тот. У Амана была идея, что прибыль центральной организации должна состоять из доходов, полученных от каждого отдельно взятого бизнеса. А посему можно прийти к выводу, что любое дело, приносящее убытки, не представляло для Амана ни малейшего интереса. Это напоминает мне, как Дитрих публиковался в Кобурге в журнале «Flamme», который был еще более воинствующим, чем «Stürmer» Штрейхера. И тем не менее, я не знал человека мягче, чем Дитрих.

Никогда не надо забывать об услугах, оказанных нам «Stürmer». Без него никогда бы не появилось в печати дело о лжесвидетельстве еврея Хирша. А сколько еще других скандалов было выведено на свет божий благодаря ему!

Однажды один нацист увидел, как какой-то еврей на Нюрнбергском вокзале поспешно выбрасывал в урну какое-то письмо. Он подобрал это письмо и, прочитав, послал в «Stürmer». В этом письме содержалась угроза, что если получатель, еврей Хирш, проболтается, то все проделки станут известны кому надо. Разоблачения «Stürmer» породили расследование. И так стало известно, что какая-то деревенская девушка, работавшая по хозяйству в Нюрнберге у господина Хирша, подала на него в суд, обвиняя его в изнасиловании. Хирш заставил девушку поклясться в суде, что она никогда не имела связей с другими мужчинами, — а потом раздобыл многочисленных свидетелей, заявлявших, что имели с ней связь. До немецких судей не дошло, что евреи не знают угрызений совести, когда дело касается спасения одного из их соплеменников. А посему они приговорили служанку к полутора годам тюрьмы. Письмо, поспешно выброшенное Хиршем, было адресовано одному из подкупленных им лжесвидетелей, — что говорило, что он без проблем может к лжесвидетельству добавить и шантаж.

Сегодня-то глаза у всех раскрыты, но тогда людям трудно было поверить, что такое может произойти. Бедные девушки, работавшие в больших магазинах, были беззащитны перед своими работодателями. В такой ситуации Штрейхер оказал нам неоценимую услугу. Теперь, когда известно, что такое евреи, никто уже не считает, что Штрейхер очернял их.

Одна из величайших революций, происшедших в мире, — открытие еврейского вируса. Сражение, которое мы ведем сегодня, — то же, что и бой, который в прошлом столетии вели Пастер и Кох.

Как много заболеваний обязано своим происхождением еврейско-му вирусу!

Япония тоже заразилась бы, будь она открытой для евреев.

Мы вновь обретем здоровье, если только избавимся от евреев. Все имеет причину, ничто не происходит случайно.

157

Ночь с 22 на 23 февраля 1942 г.

Главные газеты партии. — «Тристан» и другие спектакли в Вене

Организация нашей печати воистину была успешной. Закон наш о прессе таков, что различия во мнениях между членами правительства уже не становятся достоянием общества и не дело газет. Мы исключили из употребления ту концепцию политической свободы, согласно которой каждый имеет право сказать все, что ему взбредет. У Амана под контролем более половины германской прессы.

Мне достаточно послать за Лоренцем¹ и сообщить мою точку зрения, чтобы знать, что на следующий день все германские газеты будут разносить по миру мои мысли. Наш маленький д-р Дитрих — исключительно умный человек. Он не очень хорошо пишет, но речи его часто первоклассные. Я горжусь тем, что могу считать, что, имея таких сотрудников, я могу совершить такую абсолютную перемену в политике, какую совершил 22 июня прошлого года, причем никто и мускулом не пошевелил. И такое возможно только у нас, и нигде еще.

Наши иллюстрированные газеты стали намного лучше. Но, чтобы соперничать с зарубежными англосаксонскими еженедельниками, «Leipziger Illustrierte» должна стать более привлекательной. «Berliner», «Münchener» и «Wiener» — хорошо иллюстрированные газеты — но «JB» все же лучше. Несколько лет назад «Köln» завоевала популярность благодаря документам, которые публиковала. С другой стороны, можно легко было бы обойтись без «Deutsche Illustrierte». «Das Reich» имеет огромный успех.

Когда вновь наступит мир, нам в дополнение к «Das Reich» понадобится воскресный еженедельник. Он должен быть легко читаем, иметь серийный роман — чтобы девушкам было что почитать — и быть обильно иллюстрированным.

В отношении текста и фотографических материалов английские газеты находятся в привилегированном положении. Со всех стран света к ним потоком идут материалы. Своими новыми завоеваниями мы добьемся прогресса в этой области.

¹ Л о р е н ц Хайнц — заместитель заведующего отделом печати НСДАП.

Яркость и шарм Вены объясняются ее давним прошлым. В течение пяти веков Вена была столицей империи.

В венский период своей жизни я был так беден, что был вынужден ограничить себя посещением только самых лучших спектаклей. Поэтому я видел «Тристана» тридцать—сорок раз, и всегда в исполнении лучших трупп. Также я слушал кое-что из Верди и других мастеров, не считая всякую мелочь.

158

24 февраля 1942 г., полдень

Как великие художники могут послужить своей стране

Мне сообщили, что только что на фронте погиб молодой Роллер¹. Если б я знал, что он уходит в армию! Но мне никто об этом не сказал.

Есть сотни тысяч людей, которые могут послужить своей стране, лишь рискуя ради нее своими жизнями, но великие художники должны отыскивать другой способ. Как может судьба разрешить, чтобы какие-то самые идиотические русские уничтожали подобных людей? У нас так много бойцов, предназначенных для исполнения специальных заданий! Что было бы плохого в том, что мы бы добавили к их числу пятьсот—шестьсот одаренных людей из тех, кого надо было б сохранить?

Роллер незаменим. У нас были только Зиверт, Арендт и Преториус — Австрия дала нам юного Роллера. Почему же Ширах не предупредил меня? Я видел его «Friedenstag»². Какая приятная вещь!

Юный Роллер был храбрым человеком. До аншлюса ему пришлось бы покинуть Австрию. Я убежден, что он ушел добровольцем.

Я мог бы вообще послать его куда-нибудь по личным причинам, если б он не настаивал на том, что должен остаться в Вене.

159

Ночь с 24 на 25 февраля 1942 г.

Образцовый офицер. — Группа счастливых парней

Меня глубоко опечалила смерть помощника госсекретаря Гофмана.

В 1919 г. я выступал перед его батальоном в Рассау. Что за прекрасные люди были там! Горячие патриоты. Прежде всего, Гофман

¹ Р о л л е р Ульрих — художник, сын Альфреда Роллера, главного художника Венской оперы.

² «День мира» — опера Рихарда Штрауса.

поверил мне — а ведь в то время меня так мало ценили. Гофман уже тогда был убежден, что Германию спасу я.

Во время капповского путча Гофман послал телеграмму: «Отдаю себя в распоряжение Каппа¹. Как дела в полку?» В Баварии было много таких парней. Сект от всех них избавился. Были оставлены только те, кто никогда не колебался.

Я знаю трех человек, которые, если соберутся вместе, не перестают хохотать. Это Гофман, Аман и Геббельс. Когда к ним присоединяется Эпп², все превращается в сумасшедший дом. Дело в том, что Эпп не очень скор на сообразительность. Когда другие смеются уже над третьей шуткой, до Эппа начинает доходить смысл первой, и он раздражается хохотом, который надолго затягивается.

А что за весельчак Аман! Еще когда мы были на фронте, он так нас смешил. В моем подразделении даже в самые тяжелые времена всегда находился человек, умеющий рассмешить нас.

Я очень люблю Гофмана. Это человек, который всегда надо мной подшучивает. Это юморист, сохраняющий невозмутимый вид, который всегда отыщет себе объект для шуток.

160

26 февраля 1942 г., полдень

Укрепление немецких позиций. — Британский пролетариат и угроза революции. — Три задачи в революции. — Рай на земле. — Последние кувырки христианства

Последние несколько недель у меня есть ощущение, что наши позиции стали значительно прочнее. Малые страны начинают видеть в нас гарантов порядка. Они еще больше сблизятся с нами, когда поймут, что Англия все теснее связывает себя с большевизмом.

Когда народные массы в Англии осознают свою мощь, тогда, возможно, они совершат кровавую революцию. Удержать массы можно лишь по традиции — или еще силой. Ничто не переубедит меня в том, что они держат на острове в качестве средства на случай непредвиденных обстоятельств те полки, которые были бы полезнее в другом месте. Если консервативная партия утратит поддер-

¹ Неудавшийся антиправительственный мятеж 1920 г., организованный журналистом Вольфгангом Каппом (1868—1922), при участии Э. Людендорфа.

² Э п п Франц Риттер фон (1868—1947) — генерал, штатгальтер (представитель центра) Баварии.

жку армии, ей только останется пойти на союз с девятью тысячами сторонников Мосли. Чтобы спастись, им понадобится новый Кромвель, который возьмет все в свои руки. При отсутствии такого решения революция все сметет на своем пути.

Одной из заслуг идеологии национал-социализма станет то, что она знала, как остановить революцию в нужный момент. Очень приятно видеть, как народ поднимается на борьбу, но надо быть реалистом и идти дальше революционной фразы. Все уже позабыли о революциях, которые потерпели неудачу или выродились из-за отсутствия руководства. Я не забыл трудности, которые мне пришлось преодолеть в 1933-м и 1934 гг. Революция открывает шлюзы, и часто бывает невозможно обуздать массы, тобой распушенные.

У революции есть три главные задачи. Прежде всего, уничтожить разделение на классы, чтобы дать возможность подняться каждому. Во-вторых, надо создать такие жизненные стандарты, чтобы самым бедным была обеспечена достойная жизнь. И наконец, надо действовать так, чтобы блага цивилизации стали всеобщим достоянием.

Люди, называющие себя демократами, критикуют нашу социальную политику, как будто она — предательская: как они утверждают, она подвергает опасности класс собственников. И они считают ее посягательством на свободу, ибо свобода, по их мнению, есть право власть имущих продолжать владеть ею. Я очень хорошо понимаю такую реакцию, но у нас не было иного выбора. Национальный социализм — чисто немецкий феномен, и мы никогда не собирались экспортировать революцию в остальные страны мира. Для нас достаточно будет высвободить руки в России и получить предложение нескольких колоний. И англичане смогут по-прежнему вести свое скромное приятное существование. Ясно, что в долгосрочной перспективе им не избежать некоторых социальных реформ. Нельзя, в самом деле, навести мост через провал, существующий между богатыми и бедными, одним лишь укреплением религии. Со своей стороны, я понимаю, что если бы мне был дан выбор между нищетой на этой земле (с последующим вознаграждением высшим счастьем в потустороннем мире) и земным раем, я наверняка бы не предпочел распевать «аллилуйя» до конца света.

В силу какого закона, божественного или любого иного, богатым должно принадлежать право управлять? В данный момент мир переживает одну из самых значительных революций в истории человечества. Мы являемся свидетелями последних кувырков христианства. Эта агония началась с лютеранской революцией. Революционная суть того восстания лежит в факте, что до того времени как на духовном, так и на мирском уровне существовала лишь одна власть, т. е.

власть папы, потому что именно он делегировал светскую власть. Догма не может устоять перед непрерывными атаками духа свободного исследования. Нельзя учить в десять часов утра истинам, которые будут уничтожены на уроке в одиннадцать часов.

Сегодня христианство разрушается тем же самым, что когда-то уничтожило Древний мир. Пантеистическая мифология уже больше не соответствовала условиям того периода. Как только возникла идея, что все люди равны перед Богом, мир был обречен на коллапс.

Для мира, созревающего сейчас, трагично то, что он сам подвержен опасности, в свою очередь, закоснеть в какой-нибудь догме. Если б Фридрих Великий прожил на пятьдесят лет дольше и присутствовал как простой зритель на спектакле эволюции общества, он бы в крайнем гневе непрерывно пользовался своей дубинкой. К счастью, людям везет, что у них отнимают жизнь в тот момент, когда у них появляется возможность поучаствовать в разрушении ценностей, на которых они стояли.

161

26 февраля 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ГИММЛЕР И ШТУРМБАННФЮРЕР (МАЙОР) КУММ

**Опасения за Антонеску. — Спорный король Михай. —
Продажный правящий класс. — Эрцбергер, торговец землей. —
Дороги. — Немецкие меньшинства на Балканах. — Важность
Дуная**

Я опасаюсь за Румынию, если с Антонеску что-нибудь произойдет. Кто придет ему на смену? Король Михай. Да он даже своей матери не помог выйти из кареты! Не подумалось ли ему, что он тем самым уронит свое королевское достоинство? Я видел, как он задохнулся от бешенства, когда заметил, что я посадил его мать справа от себя, т. е. там, где полагалось сидеть королю. Я отлично знаю, что это противоречило протоколу, но невозможно бесконечно придрываться этих устаревших обычаев.

Румынское крестьянство — никчемный скот. Что же до правящего класса, то он прогнил до костей. Эти балканские регионы, перевернутые с ног на голову черным золотом, прекрасно показаны в фильме «Stadt Anatol». Люди, чей счастливый шанс в виде нефтяной скважины вдруг оказался у них под ногами и которые все сразу стали сказочно богатыми, — это же противоречит всему природному порядку вещей!

Город вроде Бухареста растет только благодаря спекуляции.

Однажды я сумел доказать вину Эрцбергера в незаконных сделках — грязные махинации с недвижимостью. В результате чьей-то неосторожности он проведal о планах строительства между Панковом и Берлином. В сговоре с каким-то монсеньором он за сто тысяч марок или вроде этого купил участок, который потом продал за три миллиона семьсот тысяч марок. Вот почему мы включили в программу партии пункт, касающийся спекуляции недвижимостью. Я не возражаю, когда законный землевладелец делает в таких случаях свой маленький профит, но подобное ростовщичество необходимо пресекать.

Для строительства автобанов я учредил закон, по условиям которого компенсация, полагавшаяся лицам, лишенным их участков, устанавливается государством.

Все стратегические дороги были построены тиранами — что при римлянах, что при пруссаках или французах. И они пересекают прямиком всю страну. Другие дороги виляют, как процессии, и отнимают у людей время.

Люди любят, когда ими правят. Вот почему они так переживают утрату некоторых вождей. Это было видно, когда умер Тодт. Печаль была всеобщей. Народ любит иметь над собой выдающиеся личности.

Я в пользу нашего дорожного строительства повсюду, но не обязательно всегда придерживаться одного и того же стандарта. Ландшафт Фландрии не требует сооружения дорог вроде наших. Каждому региону надо будет сохранить свой характер. Давайте не будем убивать живописность нашего мира.

У венгров внутреннее управление лучше, чем у румын. Как жаль, что на место румын нельзя поселить хорватов! Венгры — дикие националисты. Они ассимилируют немцев с бешеной скоростью и знают, как выбирать на командные посты лучших из своей среды. Нам не удастся сохранить немецкие меньшинства в Венгрии, если мы только не возьмем управление страной в свои руки. Или нам придется вывозить свои меньшинства из Венгрии.

Немецкие меньшинства в Венгрии, кроме тех, кто живет в Трансильвании, имеют тенденцию к вырождению. Я это понял в Нюрнберге, когда увидел их делегацию, проходившую маршем мимо меня. В своих планах колонизации России мы найдем место для этих меньшинств. Для нас невыгодно репатриировать этих людей, но бу-

дет совсем другое дело, если я их поселю на территориях, которые мне ничего не стоили. Чтобы преуспеть в такой операции, правительство должно обладать большой властью. В любом случае, я полагаю, что, если мы хотим установить настоящую дружбу с Венгрией, нам надо будет убрать свои меньшинства из этой страны.

Очевидно, если нам захочется превратить Дунай в немецкую реку, надо будет вести другую политику. Тогда на берегах этой реки надо будет поселить все наши меньшинства с Балкан. Но тогда нам потребуется отдать немцам, например, Банат или землю, такую же плодородную, как Банат.

Ясно, что венгры и румыны никогда не примирятся, даже если станут рассматривать Германию в качестве общего врага.

Если я расселю пятнадцать тысяч немцев из наших меньшинств на восточных территориях, я построю автобан длиной тысяча пятьсот километров, усеянный через каждые пятьдесят—сто километров немецкими поселениями, включая некоторые крупные города.

Это будет экспериментальное решение, но Дунай останется Дунаем. Нам надо установить мощный опорный пункт в Железных воротах. К сожалению, это неблагоприятный район, и он не будет привлекателен для наших колонистов. Всегда можно будет населить эту территорию, если заняться разработкой медных рудников. Это будет отличным способом для получения меди, в которой мы нуждаемся, и для этого будет еще больше оснований, если у нас испортятся отношения с Югославией.

Дунай — это и связь с Турцией.

А империю можно построить только тогда, когда коммуникации станут безопасными.

162

Ночь с 26 на 27 февраля 1942 г.

Снижение напряженности в России. — Судьба Наполеона. — Генштаб в Вольфшанце. — Смертельный удар по мелкобуржуазным идеалам

В воскресенье будет 1 марта.

Ребята, вы представить себе не можете, что это для меня значит — как много сил отняли у меня последние три месяца, какое это было испытание нервов.

Сейчас могу сказать, что за первые две недели декабря мы потеряли тысячу танков, а из строя вышло две тысячи локомотивов. При общем отсутствии материалов я выгляжу лжецом, и все-таки я не лгу. Я говорил фронту, что поезда на подходе, но локомотивы так и были сломаны. Я говорил фронту, что танки подходят, но в каком состоянии они прибывали!

А сейчас, когда я отправляю что-то в южный сектор, я знаю, что оно прибедет по назначению. Нам уже нечего бояться проблем с погодой.

Когда январь и февраль уже позади, нашим врагам придется отказаться от надежд на то, что нас постигнет участь Наполеона. Им нечего терять, ожидая. А мы вот-вот перейдем к сведению счетов. Какое облегчение все-таки!

Наблюдая за этими событиями, я заметил, что, когда все теряли выдержку, только я оставался спокоен.

То же самое было во время борьбы за власть, но тогда мне, к счастью, было только тридцать, а мои соперники были на двадцать—тридцать лет старше меня.

Здесь, в Вольфшанце, я себя чувствую пленником в этих блиндажах, и мой дух не может бежать отсюда. В юности я всегда мечтал об огромных просторах, и жизнь позволила мне превратить мечту в реальность. Ах, если б мы были хотя бы в Берлине!

Простор придает крылья моему воображению. Часто по ночам я захожу в оперативную комнату, где находятся карты, и меряю ее шагами. Так мне приходят в голову идеи.

В конечном итоге мой самый лучший штаб был в Фельзеннесте. В Вольфшлюхте было не очень безопасно, и у меня постоянно болели глаза от едких эманаций от огнестойкого дерева, из которого были построены бараки. Третий из наших штабов был очень прост, но весьма приятен. К сожалению, там было так сыро, что мы все бы заболели, если б оставались там дальше. Четвертый, который планировался как настоящий штаб, я видел лишь на фотографиях. Делали как раз то, чего я не хотел, — крепость. И это стало главной причиной, почему я отказался обосноваться там.

Когда вернется мир, я три месяца не буду ничего делать. Наши солдаты сами устроят себе выходные. Я немедленно оставлю пост командующего вермахтом. Сразу же пошлю за Шпеером. Все наши административные службы военного времени будут максимально упрощены. Даже четырехлетний план будет сведен до более скромного спектра задач. Кстати, я передам его министерству экономики. Что важно, так это правильно организовать работу и следить, чтобы у нас был *right man in the right place* [нужный человек в нужном месте. — *Пер.*].

Буду рад узнать, что мелкобуржуазные идеалы нации, сжатой между Эльбой и Везером, получают смертельный удар. Появится новая молодежь, жаждущая познать мир, готовая продолжать (наше дело).

27 февраля 1942 г., полдень

Законы, написанные человеком и созданные природой. — Бог и религии. — Сила и пытка внедряют веру. — Истинная религия. — Истина восторжествует. — К новой концепции мира

Я считаю, что Провидение дарует победу тому, кто знает, как пользоваться мозгами, которые природа дала ему. Идеи закона, изобретенные юристами, имеют мало общего с законами природы. Мудрость народов иногда выражает истины старые, как сам мир, которые в совершенстве воспроизводят намерения самой природы. «Бог помогает тому, кто сам себе помогает!» Очевидно, что человек забывает свой неизбежный удел.

Однажды я объяснял Эльцу¹, что то, что обычно именуют творением, возможно, неподвижная вещь, что только человеческое восприятие меняется. Почему Господь не дал каждому возможность понимания истины? Каждый средне образованный человек знает, что в этот самый момент католическая религия занимает интересы лишь одной десятой населения земного шара. Ему также удивительно, что Провидение, внушающее все это, позволяет соперничать в борьбе за души верующих столь многим религиям, которые все истинны с точки зрения людей, их практикующих. Он также знает, что благодаря глубинному анализу, который позволяет ему история, христианская религия интересует лишь тех, кто жил в этот мизерный период в жизни человечества.

Бог сотворил людей. Но из-за первородного греха мы — люди в образе нашего мира, зарабатывающие свой хлеб в поте лица своего.

Пятьсот тысяч лет Бог безучастно наблюдал спектакль, автором которого был он сам. А потом в один день он решил послать на землю сына своего. Вы-то помните эту сложную историю до мелочей!

Тем, кто не верит, похоже, вера была навязана силой. Если бы Бог был вправду заинтересован в просвещении человека, тогда удивительно, почему для этого он прибегает к пыткам.

Пока мы беседуем на эту тему, добавим, что даже среди тех, которые считают себя добрыми католиками, немногие всерьез верят в этот вздор. В церковь регулярно ходят только старые женщины, от всего отказавшиеся, потому что жизнь уже ушла от них.

Все это никчемные люди, и не стоит тратить время на беспокойство о людях с подобными мозгами.

В профсоюзе, созданном церковью, у многих есть материальные интересы, чтобы их защищать, но дальше этого они ничего не видят. Видя заданный набор гримас, некоторые отождествляют их с истинной религией. После этого стоит удивляться, что эти

¹ Э л ь ц - Р ю е н а х Пауль фон (1875—1943) — министр почт и связи.

циничные эксплуататоры Бога являются истинными поставщиками атеизма.

Зачем людям сражаться, чтобы восторжествовало их мнение, если достаточно молитвы? В испанской войне клерикалы могли бы заявить: «Мы защищаем себя с помощью молитвы». Но они считали, что для спасения шкуры святой церкви безопаснее будет финансировать орду варваров.

Если я буду несчастным бедняком и умру, не успев покаяться, то ничего страшного. Но если предварительно я отдам церкви десять марок, мои дела будут выглядеть намного лучше. И этого хотел Господь Бог?

То, что под эту музыку пляшут деревенские девочки или простые рабочие, понятно. Но как интеллигентные люди могут стать сообщниками подобных суеверий, а ведь сотни тысяч человеческих существ были уничтожены из-за этих суеверий и во имя любви в ходе истории. Вот с этим я не могу примириться.

Никогда не поверю, что то, что основано на лжи, может существовать вечно. Я верю в истину. Уверен, что в перспективе истина победит.

Может быть, как считает религия, мы вступаем в эру терпимости. Каждому будет дозволено искать свое спасение тем путем, который ему наиболее подходит. Никого не будут обращать в свою веру.

Если я вхожу в церковь, то не для того, чтоб низвергать идолов. Лишь для того, чтобы поискать и, может быть, найти красоты, в которых я заинтересован.

Мне всегда будет неприятно стать для последующих поколений человеком, делавшим уступки в этой области. Я понимаю, что человек в своем несовершенстве может совершить бесчисленное множество ошибок — но сознательно посвятить себя ошибке, этого я сделать не могу. Я никогда лично не примирюсь с христианской ложью. Поступая так, я очень далек от желания позлословить. Но я восстаю, когда таким образом глумятся над самой идеей Провидения.

Мне очень приятно ощущать себя совершенно чуждым тому миру. Но я буду чувствовать себя на нужном месте, если после своей смерти окажусь вместе с людьми мне подобными на каком-нибудь Олимпе. Я буду в компании самых просвещенных душ всех времен.

Я занял определенную позицию 21 марта 1933 г., когда отказался участвовать в религиозной службе, организованной в Потсдаме двумя церквями при открытии нового рейхстага.

Я никогда не интересовался в партии, к какой церкви принадлежали или не принадлежали окружавшие меня люди. Но если бы мне пришлось умереть сегодня, я был бы шокирован, узнав, что в радиусе десяти километров от меня был хотя бы один капеллан. Сама мысль о том, что один из этих парней мог оказывать мне хотя бы малейшую помощь, привела бы меня в отчаяние.

Насколько касается меня самого, я поступаю согласно своим убеждениям. Я никому не мешаю молиться молча, про себя, но

ненавижу любое богохульство. Поэтому пусть никто не тратит на меня молитв, о которых я никогда не попрошу.

Если мое присутствие на земле вызвано Провидением, я этому обязан высочайшей волей. Но я ничем не обязан церкви, которая торгует спасением душ, и считаю это слишком ужасным. Признаю, что нельзя навязывать силой свою волю другим, но меня приводят в ужас люди, испытывающие наслаждение, причиняя страдания телам других, а также тирания над душами других.

В нашу эпоху наверняка завершится болезнь христианства. Оно протянет еще сотню, возможно, две сотни лет. Сожалею, что не смог, как один пророк, увидеть издали землю обетованную. Мы вступаем в концепцию мира, предвещающую солнечную эру, эру терпимости. Человек должен иметь возможность свободно развивать способности, которые даровал ему Бог.

Самое важное — нельзя позволить, чтобы еще большая ложь сменила ту, которая исчезает. Мир иудеобольшевизма должен рухнуть.

164

27 февраля 1942 г., вечер

Губернатор для Бельгии. — Голландско-германская солидарность. — Антипатия к монархам. — Второе французское правительство. — Лозунги для британцев

В Голландии, Дании и Норвегии есть движения, чьи лидеры предпочитают питать амбиции, что с нашей помощью однажды они станут президентами советов, а без нас были бы всего лишь мэрами в отставке или чем-то вроде этого.

Мне нужен человек для Бельгии. Трудно подобрать такого. Не может быть и речи о посылке туда какого-нибудь северогерманца, жестокого, сторонника железной дисциплины. Мне нужен необычайно умный человек, гибкий, как угорь, любезный и в то же время толстокожий и твердый. В Голландии в Зейсс-Инкварте¹ я имею человека, обладающего данными качествами. Должен подчиниться неизбежному, но я снова склоняюсь к мысли опереться на своих австрийских соотечественников. Когда я пытаюсь определить, кто среди моих гаулейтеров более всего вооружен, я всегда возвращаюсь к Юри². Это умный, интеллигентный, примиряющий человек — но трудноизлечимый в основных вещах. Мой гаулейтер из Штирии был бы идеален, но он слишком молод.

¹ Зейсс-Инкварт Артур (1892—1946) — лидер национал-социалистов Нидерландов, рейхскомиссар (1940—1945).

² Юри и Гуго (1887—1945) — наместник (гаулейтер) Нижнего Дуная (1943).

Что было бы, если б мы послали людей вроде Зейсса или Юри в Россию? Да лучше было бы послать быков! Но нельзя путать гибкость со слабостью — они оба стали бы там заметными фигурами. Ширах хорошо справляется со своей работой и сейчас берет на себя любую важную задачу.

Зейсс добился успеха в поддержке в Голландии движения, в котором становится все больше сторонников, и он ведет войну с Вильгельминой, не требуя нашей помощи. Идея германской солидарности все более завоевывает умы голландцев.

Говоря о монархах — более всего мешают те, кто состарился в доспехах. Они становятся чем-то вроде табу. Чуть дотронешься до них, и все начинают скулить. Франц-Иосиф, например, был куда менее образованным, чем его наследник, но революция против него была невозможна. Сколько же оскорблений проглотил он за свою нескончаемую жизнь! В конце концов он принял стиль жизни Будды! Более полвека он созерцал события, не реагируя на них.

Если б датчанин реагировал на все, как это делает старый швед (который ничего не делает, а копит силу, играя в теннис), то он бы дожил до возраста Мафусаила. Густав V¹ говорил мне, что у него великолепная конституция, потому что, если его не будет в стране в течение четырех недель, его заменят. И вот с помощью безделья эти марионетки становятся старыми до бесстыдства. В Дании уже есть наследник. Это Клаузен².

Когда мы достигнем этой точки, у нас будут три человека, которые нагрешат настолько, что будут вынуждены оставаться нашими союзниками, что бы ни случилось. Нам надо опираться на Клаузена, а также на Муссерта.

В Бельгии есть еще этот проклятый король! Если б его убрать, как других! Я бы разрешил его симпатичной подружке уехать вместе с ним.

В Париже, возможно, у нас будет второе французское правительство. На мой взгляд, Абец слишком заинтересован в сотрудничестве с нами. К сожалению, не могу точно сказать ему, каковы мои цели, потому что у него есть жена. Дело в том, что я знаю людей, разговаривающих во сне, и иногда удивляюсь, а не делает ли Абец то же самое. Но он разумно организовал в Париже сопротивление Виши, и в этом отношении его жена полезна ему. Так что дела имеют более невинный вид.

Если нам удастся сформировать второе французское правительство в Париже, оппозиция в Виши будет желать лишь одного: чтобы мы остались, из страха, что раскроется, как многие из них были на нашем содержании. Я думаю, что чем дольше мы остаемся в Париже, тем лучше все обернется. В любом случае, мне никогда не будет

¹ Г у с т а в V (1858—1950) — король (с 1907) Швеции.

² К л а у з е н Фриц — лидер датских нацистов.

трудно найти войска для оккупации Парижа, и нет такой опасности, что когда-нибудь какое-нибудь подразделение вермахта взбунтуется и заявит: «Мы не хотим более оставаться во Франции!»

Я объяснял Гиммлеру, что, если б я был императором Священной империи, он бы угодил у меня в опалу. Я хорошо понимаю императоров, которые не испытывали искушения в завоевании Востока. На этих территориях нет дорог и нет средств для обогрева. Зима длится круглый год. Легко сказать: «Кровь и почва»¹. Но благодаря партикуляризму немецких князей нам удалось онемечить всю Северную Италию. В расовом отношении Запад в большой степени — немецкий. Теория Гиммлера нуждается в серьезном пересмотре. Мы отдаем слишком много чести Генриху Льву, потому что он помогал подрыву политики Барбароссы и Генриха VI². Если б каждый поддерживал политику императора, чего бы мы только не достигли!

Предположив, что экспансия на Запад продолжалась бы логически, мы б имели огромную Германскую империю, простирающуюся от Дании до Луары, — а Англия не имела бы того веса, который имеет сегодня.

Пришло время, когда пропаганда может сыграть важную роль в нашу пользу. Дело не в том, чтоб нападать на каждого англичанина в отдельности, чтобы побудить его на то или иное действие. Суть пропаганды в том, чтобы выставить напоказ неоспоримые факты и, следовательно, лозунги, которые упадут в хорошо подготовленную почву. Например: «Британская империя все больше становится колонией американских евреев».

На органе Вестминстерского аббатства после службы играли «Интернационал». Что могло бы это означать, если не падение христианства?

Достаточно сравнить заявления, которые делаются сейчас в Лондоне, с теми, что публиковались год назад в Лиссабоне, чтобы ощутить перемены в ситуации. Это поворотная точка в истории.

165

Ночь с 27 на 28 февраля 1942 г.

Финансовая организация партийной прессы

Аману пришла в голову великая идея обеспечить финансовое существование газеты посредством прибылей, получаемых от продажи партийных изданий. Эти прибыли накапливались так быст-

¹ «К р о в ь и п о ч в а» — мифологема, призывающая к объединению нации.

² Г е н р и х VI (1165—1197) — германский король и император Священной Римской империи (с 1190).

ро, что газета быстро переставала быть рискованным предприятием.

Аман понял, что за морока — работа издательства, пока я находился в заключении в Ландсберге. Единственный раз плутовство законников оказалось нам на пользу. Издательство было компанией с ограниченной ответственностью, и закон требовал единодушного согласия ее членов на ее роспуск. По случайности один из ее членов, господин фон Зеботендорф, всегда находился за границей (кажется, в Турции), и, конечно, Аману никогда не удалось бы его достать.

В то время я владел частью капитала (Гутберлет сделал мне подарок в виде акции в пять тысяч марок, и я купил другие акции). Фирма тридцать—сорок лет существовала под названием «Издательский дом Франца Эгера и К^о». Я сохранил за газетой название «Фёлькише беобахтер». Дитрих Экарт был взбешен. «Что означает это слово «беобахтер» [обозреватель. — *Ред.*]? — сказал он. — Мог бы понять что-нибудь вроде «разбиватель цепей!»»

Очень благодарно по причине камуфляжа Аман создал на стороне компанию «Издательский дом Гогенайхен», чье имя прикрывалось некоторыми публикациями. И он оставил прессу Адольфу Мюллеру для того, чтобы не принимать мер против товарищей по партии, не плативших свои долги.

166

28 февраля 1942 г., вечер

Кризис домостроения. — Новые конструкции

Для того чтобы покончить с нехваткой жилья, нам надо строить, как только закончится война, миллион домов в год и пять лет подряд.

На то, чтобы построить дом, надо не более трех месяцев. В этой области со всей полнотой должны использоваться достижения современной технологии. Хозяйка дома должна быть освобождена от мелкой домашней работы, на которую тратится ее время. Надо не только чтобы детские сады были вблизи от домов, но и матери не понадобится самой там появляться. Что от нее требуется, это только нажать на кнопку, и немедленно появится женщина, отвечающая за эту работу. Не надо будет таскать вниз мусор, поднимать на верхний этаж топливо. Утром механизм будильника должен включить устройство для кипячения воды. Все эти маленькие изобретения должны заработать, чтобы облегчить бремя жизни.

У меня есть человек, Роберт Лей, которого мне будет достаточно, чтобы возложить эту миссию. Мой кивок, и он заставит все загудеть и завертеться.

Каждое жилище должно иметь право на гараж, и нечего говорить, что гараж этот будет стоить сорок—пятьдесят марок в месяц. Он должен стоить одну десятую от этой суммы. Если мы не достигли этой точки до сегодняшнего дня, то опять надо благодарить этих проклятых законников. Мне сказали, что эти маньяки из гражданской службы не придумали ничего лучше, чем составить документ, в котором предусмотрены все возможные несчастные случаи, мыслимые и немыслимые. И теперь они его используют как основание для своих новых правил. У них такие запросы, что стоимость строительства жилья становится высокой до невозможности. Во многих случаях они опираются на технические особенности, которые устарели двадцать лет назад. Например, есть правило, ограничивающее угол ступенек до определенного градуса. Эти правила, если их применять, потянут за собой огромные затраты: потери времени, пространства и материалов.

Кроме того, необходимо стандартизировать необходимые для отделки интерьера элементы. Не спрашивайте, с чего начать! Если нам удастся избавить пять миллионов семей, которые будут жить в новых квартирах, от ненужных расходов, обычно связанных с переездом на новое место, уже это будет прогрессом. Все должно иметь свое начало. Так давайте сразу же и начнем!

167

Ночь с 28 февраля на 1 марта 1942 г.

Байройтский фестиваль 1925 г. — Байройт и национал-социализм. — Роль Козимы Вагнер. — Зигфрид Вагнер

В 1925 г. Бехштайны пригласили меня к себе в Байройт. Они жили на вилле на Листштрассе (кажется, так называлась улица) в нескольких метрах от Ванфрида. Я стал раздумывать, ехать ли, потому что боялся увеличить трудности Зигфрида Вагнера, который был в какой-то степени в руках евреев.

Я приехал в Байройт около одиннадцати вечера. Лотта Бехштайн была все еще на ногах, но ее родственники уже легли. На следующее утро пришла Козима Вагнер и принесла мне цветов. Какая суматоха царила в Байройте перед фестивалем! Есть несколько фотографий того периода, на которых я снят, кажется, Лоттой Бехштайн.

Днем я ходил в кожаных шортах. Вечером, чтобы отправиться в оперу, я надевал смокинг или фрак. Мы совершали поездки на машине в Фихштельгебирге и горы Франконии. Со всех точек зрения, это были чудесные дни. Когда я зашел в кабаре «Chouette», то немедленно проникся симпатией к его артистам.

Я еще не был так знаменит, чтобы моя известность мешала моему миролюбию.

Дитрих Экарт, бывший критиком в Байройте, всегда говорил мне о царящей здесь необычной атмосфере. Он рассказывал мне, как однажды утром они вломились в «Chouette» и отправились оттуда в компании артистов на луг позади театра, чтобы играть «Чудо доброй пятницы».

На первой постановке «Парсифаля», которую я посетил в Байройте, все еще пела Клевинг. Какая фигура, а какой волшебный голос! Я уже бывал на постановках «Парсифаля» в Мюнхене. В том же году я был на «Кольце» и «Мейстерзингерах». Тот факт, что еврею Шору было дозволено петь партию Вотана, произвел на меня эффект профанации. Почему бы им не взять Роде из Мюнхена? Но там был еще Браун, артист с исключительными качествами.

Несколько лет я не мог посетить этот фестиваль, и был очень этим огорчен. Козима Вагнер тоже оплакивала мое отсутствие. Она часто просила меня приехать то в письме, то по телефону. Но я никогда не проезжал через Байройт, не посетив ее.

Заслугой Козимы Вагнер является создание связующего звена между Байройтом и национал-социализмом. Зигфрид был моим личным другом, но политически нейтральным. Он не мог быть кем-то иным, иначе евреи разорили бы его. Но теперь колдовские чары разрушены. Зигфрид вновь обрел свою независимость, и снова слышны его произведения.

168

1 марта 1942 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Экзотическая личность — партийный издатель

Через Дитриха Экарта я познакомился с Мюллером. Наша первая встреча была не из приятных, и я был удивлен, зачем Экарт свел меня с этой личностью. «Согласен, он черен, как дьявол, — ответил Экарт, — и хитрее, чем самый ловкий крестьянин, но он — лучший издатель, какого я знал за свою жизнь, а также самый щедрый человек».

Это случилось задолго до того, как я начал «Фёлькише беобахтер». Мюллер вклинился в свое кресло с самоуверенностью плутократа. Он произнес: «Во избежание всяких недоразумений хочу сделать абсолютно ясным, что если нет платы, то нет и печати».

Кто бы его ни посетил, Мюллер не переставал стонать. Тем не менее становился все толще и толще. Он печатал все больше и больше. Он постоянно приобретал новые машины, но его лейтмотивом

было: «При таких тарифах я не выживу, я разорюсь». — «Так не подумаешь, глядя, какой вы жирный!» — «У меня столько проблем, что я стараюсь утопить их и от этого раздуваюсь!» Его издательство было оборудовано в самом современном стиле. Он был настоящим гением в партии. Несравненно хитрый, но в то же время и хозяин с чувством социальной ответственности. Он хорошо платил своим рабочим, а когда брал их с собой за город, на расходы не обращал внимания. Для компании такого размера, в любом случае, это было меньше чем ничто. И из «Фёлькише беобахтер» всегда можно было что-то выжать!

Я никогда не ездил с Мюллером, не посетив некоей женщины, у которой от него был ребенок. При рождении каждого из этих побочных детей он открывал счет на них в сберегательном банке, и первый взнос был пять тысяч марок. Я вправду знаю четырех его внебрачных детей. Просто интересно, как этому уродливому зануде удается заводить таких симпатичных детей! Должен добавить, что Мюллер обожает детей.

Каждую неделю он проводит два дня с Идой в Тегернзее, хотя с ней он разведен. Он женился на ней просто для того, чтоб у его детей было респектабельное имя. Также два дня он проводит со своей законной женой в Мюнхене, и, наконец, два дня занимается бизнесом. Оставшееся время он посвящает охоте.

Этот Мюллер действительно нормальный парень.

169

1 марта 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГИММЛЕР

Женская ревность. — Диспропорция между мужчинами и женщинами. — Полигамия и Тридцатилетняя война. — Демократия высшего общества. — Буржуазный брак. — Социальные предрассудки исчезают

В глазах женщины наилучший наряд сразу теряет свою прелесть, если она видит на другой женщине такой же. Я видел, как какая-то женщина вдруг покинула оперу, увидев, как в ложу вошла соперница в том же платье, что и она сама. «Какая наглость! — воскликнула она. — Я ухожу!»

В удовольствии, которое женщина испытывает в том, как она выражается, всегда есть какая-то примесь смутьянки, нечто вероломное — пробудить ревность в другой женщине, демонстрируя то, чего у той нет. У женщин есть талант, нам, мужчинам, неизвестный, дарить поцелуй подружке и в то же время пронзать ее сердце остро отточенным стилетом. Бессмысленно стараться изменить женщин

в этом смысле: женщины таковы, каковы они есть. Давайте примиримся с их маленькими слабостями. И если женщинам на самом деле надо лишь это, чтоб быть счастливыми, никоим образом не надо лишать их этой радости! Нет хуже несчастья, чем видеть их охваченными идеями. В этом отношении катастрофической степени достигли женщины-художницы, которые красоте не придают значения, когда это касается их самих!

Другие женщины крайне внимательны к своему внешнему виду, но лишь до того момента, когда найдут себе мужей. Они неотрывно следят за своей фигурой, взвешиваются на точных весах — каждый грамм считается! А потом вы женитесь на ней, и она прибавляет в весе килограммами!

Несомненно, когда мы шутим над женскими хитростями, они могут отплатить нам, указав нам на наше кокетство — наше маленькое мужское кокетство. Да, мы бреемся, стрижемся и тоже стараемся исправить ошибки природы!

Когда я был ребенком, лица брили только актеры и попы. В Лондинге только цивилильный человек, у которого не было бороды, считался самым эксцентричным из эксцентриков. Борода придает некоторым лицам характер, но по бритому лицу легче разглядеть истинную личность. Кстати, эволюция, которая произошла в плане трезвости, рассудительности, похоже, согласуется с законами природы. Разве не избавился человек постепенно, с течением веков, от части своих волос?

В странах, где женщин больше, чем мужчин, особы женского пола прибегали ко всем методам, чтобы вытеснить своих соперниц. Такова форма духа сохранения, таков закон видов. Самая нежная женщина становится диким животным, когда другая женщина пытается увести ее мужчину. Чем сильнее в женщине элемент женственности, тем дальше развивается этот инстинкт. Надо ли считать эту врожденную жестокость ошибкой? А не добродетель ли это?

Состояние общества, в котором женщина считается всего лишь рабом (как это до сих пор существует в некоторых племенах), было бы, если бы мы к нему вернулись, для человечества явным регрессом. Но это не единственно возможное состояние. В доисторические времена матриархат был весьма широко распространенной формой общественной организации. В конце концов, народ никогда не вымирает от нехватки мужчин. Вспомним, что после Тридцатилетней войны была терпима полигамия, так что нация восстановила свою мощь благодаря незаконнорожденному ребенку. Такие особенные ситуации не могут давать повод к созданию закона, — но, поскольку у нас в Германии два с половиной миллиона женщин дали обет безбрачия, мы не имеем права презирать детей, родившихся вне брака.

Мы наблюдаем процесс исчезновения социальных предрассудков. Все более и более природа требует свое. Мы движемся в правильном направлении. Я больше уважаю женщину, у которой незаконнорож-

денное дитя, чем старую деву. Мне часто рассказывали о незамужних женщинах, которые воспитали своих детей в истинно трогательной манере. Такое нередко происходит особенно среди служанок. Женщины, у которых нет детей, обычно теряют разум.

Впечатляет факт, что у большинства народов число женщин больше, чем мужчин. Так что же тогда зазорного, если каждая женщина исполняет предписанное ей судьбой? Мне нравится созерцать в своем окружении проявление здоровья. В противном случае я стал бы человеконенавистником. И я им бы стал на самом деле, если бы все, что мне пришлось видеть, — это зрелище так называемой элиты из десяти тысяч человек. К счастью для меня, я всегда сохранял связи с народом. Среди народных масс моральное здоровье — обязательный элемент. Дело зашло так далеко, что у нас никогда не осуждают священника, вступившего в связь со своей прислугой. Люди даже видят в этом некую гарантию: деревенским женщинам и девушкам не надо защищаться. В любом случае, женщины из народа полны понимания; они признают, что молодой священник не в состоянии избавиться от спермы силой своих мыслей.

Среди этих десяти тысяч обязательно найдутся демагоги. Это там встречаются пуритане, которые могут осуждать своего соседа за любовные похождения, забывая, что сами женаты на разведенных женщинах. Каждому следует извлечь из собственного опыта причины, чтобы проявить снисходительность к другим. Брак, как он практикуется в буржуазном обществе, — вещь противоестественная. Но встреча двух существ, дополняющих друг друга, которые созданы друг для друга, в моем понимании почти граничит с чудом.

Я часто задумываюсь о тех женщинах, которые населяют женские монастыри, — потому что они не встретили мужчину, с кем бы пожелали разделить свою жизнь. За исключением тех, кто был обещан Богу своими родителями, большинство из них фактически — женщины, обманутые жизнью. Человеческие существа созданы, чтобы покорно страдать. Редки те люди, которые в ладах со своим существованием.

170

3 марта 1942 г., полдень

Дорога к независимости. — Британские тори правы. — Никаких германских педагогов для восточных территорий. — Мысли о школьном расписании

Если б мы даже позволили завоеванной нами стране иметь собственную армию, это стало бы концом наших прав на эту страну, ибо автономия — это путь к независимости.

Невозможно с помощью демократических методов удержать то, что было завоевано силой. В этом плане я разделяю точку зрения английских тори. Нелогично покорять независимую страну с мыслью вернуть ей впоследствии свободу. Пролитая кровь дарует право владения.

Если англичане вернут Индии свободу, через двадцать лет Индия снова ее потеряет. Есть англичане, осуждающие самих себя за то, что плохо управляли этой страной. Почему? Потому что индусы не проявляют энтузиазма к их правлению. Я утверждаю, что англичане очень хорошо правили Индией, но ошибочно ожидать проявлений энтузиазма со стороны народа, которым они правили.

Если правда то, что англичане эксплуатировали Индию, то и правда то, что Индия извлекала выгоду из английского господства. Без англичан население Индии наверняка не достигло бы трехсот восьмидесяти миллионов.

Прежде всего, никак нельзя давать свободу рук немецкому педагогу на восточных территориях! Это будет самым верным способом сразу же потерять данных ему учеников, а вместе с ними и их родителей. Идеальным решением было бы научить этих людей элементарным правилам имитирования. С них спрашивается меньше, чем с глухонемых. Никаких специальных книг для них! Радио будет достаточно, чтобы дать им наиболее важную информацию. Музыки они, конечно, могут иметь, сколько им угодно. Могут заниматься тем, что слушать, как журчит бегущая из крана вода. Я против того, чтобы доверять им любую работу, требующую даже минимальных умственных усилий.

Скажите, пожалуйста, как Россия отплатила Европе за перенятую европейскую культуру! Они использовали ее для изобретения анархизма. Чем больше им позволить бездельничать, тем они счастливее. А любое иное отношение пробудит против нас свирепых врагов.

Логика наших педагогов доведет их до мысли о строительстве университета в Киеве. И это будет их первым открытием.

В любом случае, я не верю, что есть, вообще-то говоря, какой-то смысл учить их чему-либо другому, кроме того, что им необходимо знать. Просто будешь перегружать их неинтересным ни для них, ни для других. Лучше пробудить человеческий инстинкт к красоте. Именно это греки считали важной вещью. Сегодня люди упорно вбивают в голову детям кучу ненужных понятий.

Школьная подготовка должна формировать фундамент, на котором впоследствии можно будет продолжить, если там есть место, специальное обучение. В любом случае, обучение должно соответствовать тому, какие вещи есть на самом деле. Что сегодня важнее,

чем всякие мелочи, это история рейха. Просто потеря времени и бесполезная нагрузка мозгов — затягивать с этим, преподавая им пункт за пунктом все то, что волнует деревню, город и страну. Не будем забывать, что события, которых мы являемся очевидцами, когда-нибудь будут пересказываться наизусть во всех школах рейха. Мозг маленького крестьянского мальчика не может охватить всего.

Кроме того, где смысл в преподавании ребенку начальной школы иностранного языка в дополнение к немецкому? Восемьдесят процентов детей дальше не продвигнутся. Какую пользу принесут им зачатки иностранного языка? Лучше дать им какие-нибудь общие знания. Вместо того чтобы учить французскому в течение четырех лет по три часа в неделю, почему бы не подождать до последнего года? И даже в течение последнего года им хватит одного часа французского в неделю. Этого вполне достаточно, чтобы подготовить хорошее начало для тех, кто намеревается продолжать обучение.

Видите ли вы необходимость в преподавании геометрии, физики и химии молодому человеку, который собирается посвятить себя музыке? Если у него нет особого дара к этим областям знаний, что у него от них останется потом? Для меня абсолютно нелепа эта мания в принуждении молодежи поглощать столь много фрагментарных понятий, сколь они смогут усвоить.

В мои дни с учащимися не требовалось достигать заданного уровня, но в определенных предметах их отметки не должны были опускаться ниже минимального уровня. Если ученик особо одарен в своем предмете, зачем смущать его, заставляя усваивать понятия, лежащие за пределами его возможностей усвоения? Не лучше ли будет помочь ему продвинуться в направлении, которое близко ему по природе?

Сорок лет назад преподавание истории ограничивалось сухим перечислением дат. Принципы полностью отсутствовали. Что происходило, если у учителя к тому же отсутствовал дар, необходимый для того, чтобы вдохнуть душу в мертвые вещи? Такое обучение было настоящей пыткой.

У меня был учитель французского, чьей единственной заботой было поймать нас на ошибках. Он был мелочным педантом и сутенером.

Когда я вспоминаю о своих учителях, то понимаю, что большинство из них были слегка сумасшедшими. Редким исключением были те, кого можно было бы считать хорошими педагогами. Прискорбно думать, что такие люди имели власть перегородить дорогу молодому человеку.

Некоторые дети настолько энергичны, что не могут сидеть смирно и сконцентрировать свое внимание. Мне кажется, бесполезно как-то заставлять их. Конечно, я понимаю, что такое поведение раздражает преподавателей. Но разве справедливо лишать ребенка

тех возможностей, что жизнь ему предоставляет, просто потому, что он непослушный?

Вспоминаю, что я в среднем тратил на приготовление уроков десять процентов времени от того, сколько на это уходило у моих товарищей. Моим любимым предметом была история. Мне жаль тех товарищей, у которых не было ни минуты для игр. Некоторые дети начинают учебу в школе, будучи огромными любителями чтения. Они блестяще проходят град экзаменов. Им кажется, весь мир — у их ног. И каким сюрпризом для них становится то, что преуспевает товарищ, который умнее их, но на которого они привыкли смотреть как на тупицу.

171

7 марта 1942 г., полдень

**Особенности немецкого языка. — Излишество согласных. —
Заемствованные слова. — Лицензия — только великим
писателям**

Если сравнить немецкий язык с английским, а потом — с итальянским, сразу же в уме возникают некоторые замечания.

В английском нет возможности выражения мыслей, которые превосходят порядок конкретных вещей. А немецкий язык обладает такой возможностью, потому что Германия — страна мыслителей.

Итальянский язык — это язык нации музыкантов. Я убедился в этом в Оберзальцберге, когда однажды слушал речь одного итальянца, ослепшего в войне. Когда перевели его речь, не осталось ничего — пустота.

Мы, немцы, не склонны говорить ради того, чтоб говорить. Звуки речи нас не опьяняют. Если мы открываем рот, то для того, чтобы что-то сказать. Но наш язык беден гласными, и с этой тенденцией надо бороться.

Сегодня в Германии нет поэтов, и наша литература пытается возместить этот недостаток исследованиями в стиле. Не стоит придавать слишком много значения словам. Форма — лишь средство. Всегда важнейшим было вдохновение.

Если дать волю нашим реформаторам языка, то немецкий потеряет всю свою музыку. К сожалению, мы уже ограничены гласными *a*, *e* и *i*. Кроме того, у нас слишком много шипящих. Когда я произношу *Kurzschrifler* вместо *Stenograf*, у меня возникает ощущение, что я говорю по-польски. Да к тому же и само слово глупое. Почему не придерживаться крещеного имени, данного его автором?

Лингвисты, рекомендующие эти германизации, — смертельные враги немецкого языка. Если мы пойдем за ними, скоро не сможем точно выражать свои мысли, а наш язык будет все беднее и беднее

гласными. Это кончится тем, что — страшно сказать — он станет похож на японский: этакое кудахтанье да карканье! Как себе представить, что на таком языке можно будет петь?

Давайте возрадуемся тому, что наш словарь достаточно богат, чтобы допускать бесконечные градации в нашем мышлении. И давайте воспримем с благодарностью иностранные слова, вошедшие в наш язык, хотя бы за их звучность и высокопарность.

Что бы произошло, если б мы исключили из немецкого языка все слова иностранного происхождения, которые он уже ассимилировал? Прежде всего, мы бы не знали точно, где надо остановиться. Во-вторых, мы бы глупо пожертвовали огромными богатствами, которыми мы обязаны своим предшественникам.

Логика потребовала бы от нас при отказе от какого-нибудь слова также отказаться от предмета, который оно обозначает. Было бы нечестным сохранять предмет, отвергая это слово. Мы бы, например, исключили слово «театр» — и станем утверждать, что именно мы изобрели театр (ныне нами переkreщенный!). Хватит таких детских выходов.

Только писатели, осененные гением, имеют право изменять язык. В прошлом поколении, я думаю, практически лишь Шопенгауэр мог осмеливаться на это. Язык живет лишь тогда, когда он развивается, он остается нужной средой для выражения новых мыслей и понятий.

Хотелось бы пожелать, когда мы заимствуем какое-то слово из иностранного языка, его немецкое написание должно соответствовать произношению так, чтоб любой мог произнести это слово одинаково. Примеру английского в этом отношении следовать не стоит. Если в языке есть буква для каждого звука, неразумно требовать того, чтоб точное произношение слова зависело от знания языка, из которого взято это слово. Слово должно писаться так, как оно произносится!

172

Ночь с 10 на 11 марта 1942 г.

Женская ревность есть защитная реакция. — Некоторые истории о женщинах

Для женщины ревность является защитной реакцией. Наверняка она имеет наследственное происхождение и уходит в те времена, когда женщина просто не могла обойтись без мужской защиты. Прежде всего, это реакция беременной женщины, которая в своем состоянии более всего нуждается в опеке. Она чувствует себя в этих обстоятельствах такой слабой, такой робкой, беззащитной — из-за себя и ребенка, которого она носит. И сам этот ребенок, сколько лет понадобится, чтоб он обрел свою самостоятельность! Без муж-

ской опеки женщина будет подвержена всем опасностям. Поэтому так естественно, что она привязана к своему герою, к человеку, который обеспечивает ей наибольшую безопасность. А как только опасность гарантирована, вполне понятно, что она будет отчаянно защищать свою собственность — вот откуда происходит ревность.

Мужчина к женщине, которую любит, привязан сходными чувствами, но царство женской ревности неизмеримо обширней. Мать ревнует свою невестку, сестру своей невестки.

Как-то я присутствовал при сцене, которую устроила Ева Чемберлен своему брату, Зигфриду Вагнеру. Это было совершенно немыслимо, к тому же оба они были семейные люди. Молодую жену Зигфрида, Винифред, едва выносила ее золовка. Тем не менее в день катастрофы ее присутствие считалось особенно своевременным. Это была женщина безупречного поведения. Зигфрид был обязан ей четырем симпатичными детишками, все они были явно его и все — Вагнеры!

Однажды я обнаружил неожиданную реакцию даже у фрау Брюкман. Она пригласила к себе домой одну очень приятную женщину из мюнхенского общества. Когда мы покидали ее, фрау Брюкман заметила в манере своей гостьи признак какого-то интереса, который она, несомненно, сочла неуместным. В результате она никогда более не приглашала нас вместе. Как я сказал, женщина была красива и, возможно, испытывала ко мне какой-то интерес, но ничего более.

Мне была знакома одна женщина, чей голос становился хриплым от волнения, когда я в ее присутствии заговаривал с другой женщиной.

Мир мужчины огромен в сравнении с миром женщины. Мужчина захвачен своими идеями, хлопотами. Лишь случайно, между прочим он посвящает все свои помыслы женщине. Женский мир, с другой стороны, — это мужчина. Она ничего не видит, так сказать, и вот почему способна так глубоко любить.

Интеллект для женщины не обязателен. Моя мать, например, бледно выглядела бы в обществе наших воспитанных женщин. Она глубоко любила своего мужа и своих детей. Они составляли всю ее Вселенную. Но она подарила сына Германии.

Браки, основанные на безрассудной страсти, обычно непрочны. Такие узы легко рвутся. Разводы особенно болезненны, когда между женщиной и его женой было настоящее товарищество.

Считаю неверным, что женщина обязана представлять перед судом для дачи свидетельских показаний по интимным вопросам. Я это отменил. Терпеть не могу подглядывание и шпионаж.

Это напоминает мне особенность Фридриха Великого. Как-то он пожаловался своему начальнику полиции, что является наименее информированным монархом в Европе в том, что происходит в его

собственном королевстве. «Нет ничего легче, ваше величество. Позвольте мне использовать те же методы, что и мои коллеги, и я точно буду работать так же хорошо, как и они». — «За эту цену, — ответил король, — мне информация не нужна». Я сам никогда не пользовался этими методами и никогда не давал аудиенции кляузникам. В таких личностях есть что-то отталкивающее. А о женщинах-шпионках лучше вообще не говорить! Эти женщины не только проститутки, но они еще и превращают мужчину, которого готовят к предательству, в жертву самой грязной комедии.

В дни моей юности я был вроде отшельника и очень легко обходился без общества. Я намного изменился, потому что сейчас уже не выношу одиночества. Что я больше всего люблю, это пообедать с приятной женщиной. И потому чаще ухожу и обедаю, чем остаюсь дома один.

Я никогда не читал романов. Такого рода чтение меня раздражает.

«Augsburger Abendzeitung» — самая старая в Европе газета. Это здорово, что Аман помог ей продолжить существование. Но жаль, что «Fliegende Blätter» исчезла, а «Jugend» деградировала.

Когда невозможно удержать на плаву две компании одновременно, я за то, чтобы закрыть более новую и поддерживать старую.

173

Ночь с 11 на 12 марта 1942 г.

Пороки курения. — Три фартинга в день. — Берлин — столица мира

В Байройте я познакомился с одним деловым человеком, неким Мекелем, который пригласил меня к себе в Нюрнберг. На двери висело объявление: «Курящим вход воспрещен». Со своей стороны, у меня на двери нет такой таблички, но курить не разрешаю.

Некоторое время тому назад я спросил Геринга, действительно ли он считает хорошей идеей фотографироваться с трубкой во рту. И добавил: «Что бы вы подумали о скульпторе, который бы обесмертил вас с сигарой в зубах?»

Совершенно неверно полагать, что солдат не перенесет тягот фронтовой жизни, если его лишат табака. Эту ошибку надо отнести на счет Верховного командования, когда с самого начала войны солдату выделялся дневной рацион сигарет. Конечно, не идет речи об отмене этого распоряжения. Но как только восстановится мир, я отменю этот рацион. Можно с большей выгодой использовать нашу валюту, чем проматывать ее на импорт табака.

Необходимое перевоспитание я начну с молодежи. Я ей скажу: «Не следуйте примеру ваших старших коллег».

В Вене я испытал такую нужду! Долгие месяцы проходили без глотка горячей пищи. Я жил на молоке и черством хлебе. Но тратил тридцать крейцеров в день на сигареты. В день я выкуривал от двадцати пяти до сорока сигарет. Правда, в то время крейцер для меня значил больше, чем сегодня десять тысяч марок. Как-то я подумал, что за пять крейцеров я могу купить немного масла, чтоб положить на свой хлеб. И выбросил свои сигареты в Дунай, а с того дня никогда больше не курил.

Я уверен, что, если б я продолжал курить, я бы никак не выстоял в этой жизни непрекращающихся проблем, которую я так долго вел. Может быть, германский народ обязан этой незначительной мелочи, что сохранила меня для него.

Так много из моих знакомых умерло от чрезмерного курения. Прежде всего, мой отец. Затем Дитрих Экарт, Троост. А скоро придет и твоя очередь, Гофман.

Берлин как столица мира наводит на мысль о Древнем Египте, его можно сравнить только с Вавилоном или Римом.

А что могут символизировать в сравнении с этой столицей Лондон или Париж?

174

24 марта 1942 г., за ужином

Информация в распоряжении врага. — Улучшить использование рабочей силы в вермахте. — Защита частной собственности. — Лимиты частной собственности. — Права государства. — Этика лотерей и азартных игр. — Индустриальная мощь монополий. — Капиталистические интересы

Несмотря на их пристрастие к критике всего, что мы делаем, демократии не теряют возможности копировать нас, когда мы принимаем меры, направленные на упрощение нашей организации. Вот почему будет лучше в будущем не делать достоянием публики

наши новинки в этой области, потому что тем самым мы выдаем врагам полезную информацию и позволяем им извлекать пользу из нашего собственного опыта. Даже рассматривая факты такого рода, сегодня необходимо соблюдать молчание.

Что касается использования рабочей силы, генерал Йодль заметил, что в вермахте наблюдается явное улучшение дел в этом плане в сравнении с армией в годы Первой мировой войны — в которой рыбак превращался в солдата горных войск [егеря. — Пер.], а мясник — в чиновника под предлогом обучения солдат. В нынешнее время, с другой стороны, принимаются все возможные меры для наилучшего использования человеческих талантов для наибольшей пользы обществу. Гитлер прервал его:

Надо рассматривать проблемы не под узким углом зрения вермахта, а с точки зрения всей нации. Возьмем, например, офицера запаса. Полагаю, в гражданской жизни он занимает важный пост, даже с точки зрения ведения войны. Очень естественно, что этот человек окажется перед соблазном оставить свою работу и предложить свои услуги армии — даже из патриотизма или из страха, что его будут считать уклоняющимся от призыва. Тем самым вермахт получит человека и назначит его в офис, раздувая и без того излишнюю администрацию, а этот человек будет потерян для той области, где он был для нас наиболее полезен. Не проще ли надеть на него униформу и мобилизовать его на своей работе?

Я категорически настаиваю на защите частной собственности.

Это естественно и полезно, чтобы личность была готова отдать часть своего дохода от работы на строительство и расширение семейного имущества. Предположим, это имущество представлено заводом. Для меня самая обычная аксиома, что этот завод будет лучше управляться одним из членов его семьи, чем каким-нибудь государственным чиновником — конечно, при условии, что эта семья остается здоровой. В этом смысле мы обязаны поощрять частную инициативу.

С другой стороны, я безусловно против собственности в форме анонимного участия в акционерных обществах. Этот тип пайщиков не предпринимает никаких усилий, кроме инвестирования своих денег, и тем самым он становится основным пользователем результатов труда других людей: активности рабочих на их рабочих местах, идей какого-нибудь инженера или гения, мастерства опытного администратора. Этому капиталисту достаточно доверить свои деньги нескольким хорошо налаженным фирмам, и он делает беспроигрышную ставку. Получаемые им дивиденды настолько высоки, что могут компенсировать любой ущерб, который может ему принести одна из этих фирм. Поэтому я всегда был против доходов

чисто спекулятивного происхождения, не требующих усилия со стороны тех, кто на них живет.

Эти доходы по праву принадлежат народу, который единственный может извлекать из них законную выгоду. Поэтому, по крайней мере, те, кто создал эти прибыли — инженеры и рабочие, — имеют право быть бенефициарами. По моему мнению, акционерные компании должны целиком и полностью перейти под контроль государства. Ничто ему не мешает заменить эти акции, которые приносят нестабильный доход, облигациями, которые оно гарантирует и которые дают фиксированную прибыль в форме, полезной для частных лиц, желающих инвестировать свои сбережения. Не вижу более подходящего способа пресечь аморальную форму дохода, основанную лишь на спекуляции, наиболее впечатляющим примером которой на сегодня является Англия.

Такое отношение к акциям влечет, в смысле компенсации с нашей стороны, обязательство поддерживать курс денег, что бы ни случилось, и препятствовать какому бы то ни было буму в продуктах первой необходимости.

Человек, который в рамках такой организации согласен платить тысячу марок за персидский ковер, стоящий лишь восемьсот марок, докажет, что он — сумасшедший, но его никак не остановить. Точно так же нельзя помешать игроку проиграть свои деньги за карточным столом или покончить с собой, когда он остался без денег. И удивляешься, а не государство ли, больше всего выигрывающее от азартных игр, должно взять на себя расходы на похороны самоубийцы! Надо держать в уме, что более половины от доходов от азартных игр — будь то лотереи или игры на риск в казино — идет в государственную казну.

Вдобавок к материальному доходу, который государство из этого извлекает, можно сказать, с чисто философской точки зрения, лотереи имеют свою светлую сторону. Для гарантии человеческого счастья недостаточно осязаемой реальности. Это было неплохой идеей — поддерживать в человеке вкус иллюзий, и большинство людей живет надеждами, которые в массе своей не могут стать реальностью. Поэтому мне кажется, что наилучшее свойство лотереи не в том, что немедленно объявляется список победителей. Напротив, опубликование результатов надо затягивать, если можно, на год — год, в течение которого игрок наслаждается своими иллюзиями и мечтами о счастье. Австрийское государство это знало и очень тонко использовало эту систему. Отсюда понятно, что даже в самые тяжелые времена в той стране всегда было так много счастливых людей.

Происхождение лотерей, несомненно, датируется началом XVIII века, когда какой-то проницательный министр задумался, а почему это доходы от азартных игр не идут в казну, а наполняют частные кошельки. Когда государство использует деньги, которое оно, таким образом, выигрывает, в благородных целях — например,

для строительства больниц, — дело окрашивается в цвета идеализма. Игра, прежде всего, подкрепляет надежды игрока. Когда судьба выносит свой приговор и если игрок низводится до статуса человека, сделавшего неудачную ставку, у него все еще есть утешение, что он сделал вклад в доброе дело.

Я занимался проблемой азартных игр в отношении Висбадена вместе с гаулейтером Вагнером¹. То, что придает лотерее ее приятность, к сожалению, не присуще рулетке и другим играм на риск, которые играют в казино. Но если бы мы отняли у Висбадена разрешение на проведение азартных игр, это бы нанесло серьезный вред этому термальному курорту без малейшей пользы для закоренелых игроков, кого эта мера никак бы не исправила. Они просто переехали бы и играли где-то в другом месте, по ту сторону границы — к выгоде, так сказать, французов. Я поинтересовался, как много валюты приносят нам игры в Висбадене, и выяснил, что, когда ты беден, даже сто тысяч марок (не так уж много, когда ты богат) в иностранной валюте — деньги. Я пришел к выводу из всего этого, что игроки, проигрывая свои деньги, могут быть полезны для государства — и особенно иностранные игроки, когда проигрывают собственную валюту.

Опыт показал, что в сохранении игр в немногих казино мы сделали разумный расчет. В дополнение к иностранной валюте, которую мы таким образом получаем, это позволяет нам сохранить для германского общества такие курорты, как Висбаден. Нечего и говорить, что узаконивание игр, которые дают огромные прибыли просто потому, что это монополия, а посему не требует никакой оплаты труда работников, должно использоваться для обогащения государства, а не частных лиц.

Борман заметил, что этот принцип был бы справедлив и в области промышленной выработки энергии. Гитлер продолжил:

Очевидно, что монополия на энергию должна принадлежать государству. Это не исключает участия частного капитала. Государство предоставит свои гарантии для инвестиций общества, которое, таким образом, будет заинтересовано в эксплуатации этой монополии или, скорее, в благоприятном развитии государственного бизнеса. Дело в том, что, если дела государства неважные, владельцы сертификатов могут поставить крест на своих незаработанных доходах — потому что они не смогут отделать свои интересы от интересов государства. Преимущество нашей формулы в том, что она позволяет каждому ощущать тесную связь с состоянием дел в государстве. Сегодня, к сожалению, большинство еще недостаточно дальновидно, чтобы осознать близость этой связи.

¹ В а г н е р Роберт (1895—1946) — гаулейтер Бадена (до 1940 г.), затем Эльзаса.

То, что применимо к энергетике, также справедливо и в отношении всех основных первостепенных материалов — так сказать, это применимо к нефти, углю, стали и гидроэнергии. Из этого вида экономики надо исключить капиталистические интересы. Конечно, мы не собираемся помешать какому-нибудь единоличнику использовать энергию небольшого ручья, который приводит в движение его маленькую мастерскую.

Вот типичный факт, доказывающий нечестность коммерческих процедур, к которым прибегают акционерные компании. Это дело бывшего баварского министра Швейера, который обязан своим министерским назначением только своему исключительному слабому — и в этом все были единодушны! Он получал от «Bavaria electricity», председателем которой являлся, годовую пенсию в тридцать восемь тысяч марок. Несмотря на все юридические препоны, я сумел отменить эту пенсию, поскольку этот человек не приносил пользу в размерах этой суммы — даже и близко! Нынешний закон разрешает канцлеру рейха получать пенсию в тридцать четыре тысячи марок, и это сравнение позволяет оценить скандальную чудовищность привилегий типа тех, что имел Швейер.

Меня с детства интересовала проблема монополий, переданных капиталистам. Я был поражен примером Дунайской пароходной компании, которая получала ежегодно четыре миллиона субсидий, четверть которых сразу же делилась между двенадцатью директорами компании. В этой августейшей корпорации каждая из крупных партий была представлена по меньшей мере двумя ее членами, каждый из которых ежегодно прикарманивал около восьмидесяти миллионов крон! Можно быть уверенным, что эти мандарины следили за тем, чтобы эти товарищи пунктуально голосовали за продление субсидий! Но социалисты стали набирать все больший вес, и случилось так, что никого из их банды не оказалось в этом совете директоров. Вот почему разразился скандал. На компанию напали в парламенте и в прессе. Оказавшись под угрозой лишения субсидий, компания ответила отменой пассажирских перевозок. А поскольку политиканы в совете уже позаботились о том, чтоб вдоль Дуная не строилось никаких железных дорог, то прибрежное население стало главной жертвой этого произвола. Довольно быстро было найдено решение этого конфликта — и попробуйте догадаться какое! Очень просто — число членов совета было увеличено до четырнадцати, и два новых места были предложены двум хорошо известным социалистам — которые поспешно согласились с предложением.

Англия такая хрупкая потому, что вся ее экономическая система основана на подобной практике.

С момента нашего захвата власти, имея в голове собственные идеи по этому поводу, я принял меры предосторожности, запретив всякому директору компании быть членом рейхстага. Поскольку люди, имеющие интересы в частной компании, не могут быть объективны-

ми в целом ряде вопросов, я также запретил должностным лицам в партии участвовать в бизнесе капиталистического аспекта. Кстати, то же запрещение касается всех государственных служащих. Поэтому я не могу разрешить какому-либо чиновнику, служит ли он в армии или в гражданской администрации, инвестировать его сбережения в промышленность, кроме компаний, принадлежащих государству.

175

27 марта 1942 г., полдень

Влияние Стаффорда Криппса¹. — Британские консерваторы и немецкий средний класс. — Лейбористская партия нуждается в Кромвеле. — Волнения в Индии. — Еврейское влияние на немецкое искусство. — Изобразительное искусство в Германии. — Женщины в политике. — Мадам Чан Кайши². — Лола Монтеcs³

Бесспорно одно: в Стаффорде Криппсе в качестве дублера Черчиллю Англия обрела государственного деятеля, чьим влиянием не стоит пренебрегать. Симптоматично, если не сказать больше, что английские профсоюзы недавно смогли составить программу национализации земли, предложить законопроект о собственности на здания и еще один — об органичной реформе в индустрии и на транспорте. Все это должно отразиться на внутренней ситуации в стране. Нам уже трудно поверить, что такие реформы можно провести со дня на день, а эти рассудительные англичане полагают, что это возможно. Не будем забывать, что русским понадобилось более десяти лет, чтобы довести эксперимент до конца. Несомненно, Англия находится в состоянии кризиса, и мы с этим должны считаться. Экономика убыточна, государственные учреждения в приискорбном состоянии, английский средний класс вынужден подчиниться пайковому ограничению, и к тому же поражения на фронте. В конечном итоге все это скажется на духе нации.

Но всегда стоит опасаться преувеличения важности этих признаков. Хотя король и не имеет реального влияния на ориентацию английской политики, это не мешает ему быть важным политическим фактором — до тех пор, пока армия сохраняет свою мощь и единство. Потому что британская армия — монархистская по духу и, так сказать, целиком укомплектованная из аристократии и кон-

¹ Криппс Ричард Стаффорд (1889—1952) — английский государственный деятель, лейборист. В 1940—1942 гг. посол Великобритании в СССР, глава специальной миссии в Индии (1942).

² Сун Мэйлин (1899—2004) — жена с 1927 г. лидера Китая Чан Кайши.

³ Монтеcs Лола (1818—1868) — танцовщица, фаворитка баварского короля Людвига I.

сервативной среды. Сейчас эти люди не проявляют ни малейшего желания сделать хотя бы мизерные уступки народу. Достаточно пролистать английскую иллюстрированную периодику, чтобы убедиться в этом. Видишь только фото выходцев из аристократии, и две трети из них сфотографировано в униформе.

Нельзя сравнивать английских консерваторов со старой германской буржуазией, которая формировала националистические партии до 1933 г. Английские консерваторы отождествляют себя с империей, они представляют традиции и твердо сложившуюся форму общества — и трудно ожидать от них капитуляции перед народом, как это случилось с французской аристократией в 1789 г. Совсем наоборот, они борются с помощью гигантской организации за распространение своих идей в народе, пытаясь наполнить ее патриотическим фанатизмом, который воодушевляет их летчиков и моряков.

Чтобы выглядеть уверенным в борьбе с консерваторами, понадобится какой-нибудь Кромвель во главе лейбористской партии, потому что консерваторы без борьбы не сдадутся. И вот, хотя Криппс (который пользуется доверием Сталина) удалось посеять в Англии идеи социализма, не думаю, что у него достаточно потенциала для этой роли. С моей точки зрения, красная (а потому падшая) Англия была бы куда менее благоприятной для нас, нежели Англия консервативная. В действительности социалистическая Англия, а потому Англия, запятнанная советизмом, была бы постоянной опасностью в европейском пространстве, потому что она настолько погрузилась бы в нищету, что территории Британских островов было бы слишком мало для того, чтоб там могли прожить тридцать миллионов жителей. Поэтому я надеюсь, что Криппс провалится в результате фиаско своей миссии в Индии — самой трудной миссии, которую сейчас можно поручить англичанину. Если нет, то станет все труднее и труднее избежать гражданской войны на британской земле. Но мобилизацию масс, на которую работает лейбористская пропаганда и которая станет результатом выполнения новой программы профсоюзов, следует рассматривать как очень серьезную угрозу. Я не колеблюсь при выборе между Черчиллем и Криппсом. Я предпочитаю в сто раз более недисциплинированную свинью, которая пьет восемь часов из двадцати четырех, пуританину. Человек, расточительно тратящий деньги, старик, который пьет и курит без меры, вероятно, менее опасен, чем салонный большевик, ведущий жизнь аскета. От Черчилля можно ожидать, что в момент ясного сознания — что не так невозможно — он поймет, что империя неуклонно движется к своему крушению, если война затянется еще на два-три года. Криппс, человек без корней, демагог и лжец, будет следовать своей больной фантазией, хотя империя трещит по всем углам. Кроме того, этому теоретику, лишенному гуманности, не хватает связи с массами, которые сгруппировались за лейбористской партией, и ему никогда не понять проблем, занимающих умы низших классов.

Чтобы правильно понять Криппса и оценить опасности, которые он несет, нельзя забывать, что тори всегда были опорой империи и что, если Криппс получит власть, это будет означать конец империи. Своими демагогическими программами он наверняка выроет яму между матерью-Родиной и доминионами, особенно католическими канадцами, Австралией и Южной Африкой. Поэтому есть основания надеяться на то, что его миссия в Индии потерпит крушение. Это еще вопрос, кстати, достигнется ли Криппс до чувств индийского народа. Индийский мир уже был настолько встревожен присутствием японцев на своих границах и падением Сингапура, что Неру, человек компромиссов, оказался в тени Бхоса. Если сейчас Криппс попытается с помощью шантажа или уговоров склонить индусов к сопротивлению японцам, я сомневаюсь, сможет ли Неру, как бы он ни старался, эффективно помочь Криппсу. Неру постигнет та же судьба, что и социалистов в 1918 г., когда их смели со сцены народные массы. Вспоминаю Эберта, как тот пришел на митинг в Трептов-парке, намереваясь выступить против забастовки рабочих-оружейников. Он начал с мелких уступок толпе, надеясь, что его услышат, но его быстро захватил энтузиазм масс, и кончилось тем, что он сам стал призывать к забастовке, которую только что намеревался торпедировать. В делах такого рода всякий ведущий переговоры, всякий оратор подвергается одной и той же опасности. Я это испытал на себе в 1926 г. в Веймаре и понял, с какой осторожностью и с каким искусством надо действовать, когда собираешься сообщить публике нечто противоположное тому, что она от тебя ожидает.

Что касается индийских масс, в любом случае ясно одно: они не хотят иметь никаких дел с англичанами.

У меня часто в последние годы бывали случаи, когда я погружался в чтение ревью «Die Kunst».

Бросается в глаза, что в 1910 г. наш художественный уровень все еще был высок. Но с тех пор, увы, наш декаданс стал просто более контрастным. В области живописи, например, достаточно припомнить жалкую мазню, которую некоторые пытались во имя искусства всучить немецкому народу. Это было особенно характерно для Веймарской республики, и это явление отчетливо продемонстрировало пагубное влияние евреев на развитие искусства. Верхом на смешки была невероятная наглость, с которой евреи устраивали все это! С помощью безграмотных критиков-искусствоведов и с помощью взаимной поддержки между евреями они в конце концов предложили народу — который, естественно, верил всему, что напечатано, — концепцию искусства, согласно которой самое дерьмо в живописи становилось синонимом вершины художественного во-

площения. Сами десять тысяч элиты, несмотря на свои претензии на интеллектуальный уровень, позволили себя обвести вокруг пальца и проглотили весь этот вздор. Кульминация этой мистификации — а сейчас у нас есть доказательства этому — в том, что на деньги, которые евреи выручали обманном путем, сбывая дерьмо, они за смешные деньги скупали дорогие произведения, которые они перед этим столь хитро обесценили. Всякий раз, когда мне на глаза попадается перечень предметов, реквизированных у какого-нибудь богатого еврея, я вижу в нем поистине художественные ценности. Спасибо Провидению, что национал-социализм, захватив власть в 1933 г., смог положить конец этому безобразию.

Когда я бываю на выставке, я всегда добиваюсь, чтобы эту мазню безжалостно удаляли из экспозиции. И всякий согласится, что сегодня любой, кто бы ни посетил Музей германского искусства, уже не найдет ни одного произведения, которое было бы недостойно здесь находиться. Было просеяно все, что имело неоспоримую ценность. Я никогда не испытывал колебаний, даже если дело касалось работ художников, получивших награды академии Пруссии, и запрещал к показу эти картины в Музее германского искусства, если они не представляли ценности. Жаль, что академия не отвечает возложенным на нее требованиям, а ее члены играют меж собой в игру «ты — мне, я — тебе». Самой последней жертвой стал наш министр по делам религии, который так же разбирается в искусстве, как гиппопотам. Он попал в самую явную ловушку и присудил награду самому настоящему навозу. Евреям удалось усыпить его, пользуясь теми же методами, которые позволили им одурачить весь германский народ. По поводу образчиков этой мазни некоторые заявляют, что их нелегко понять, а чтобы проникнуть в ее глубину и значимость, надо самому целиком погрузиться в представленную картину — и прочий идиотизм с той же самой мельницы. В 1905—1906 гг., когда я поступал в Венскую академию, уже в ходу были пустые фразы для того, чтобы придать известность бесчисленной мазне под личиной художественного эксперимента.

В общем случае академии не могут сообщить мне ничего интересного. Фактически, среди действующих профессоров — либо неудачники, либо талантливые художники (но которые не могут уделить преподаванию более двух часов в день), либо уставшие от жизни старики, которые уже ничего не могут дать.

Истинные художники развиваются только в контакте друг с другом. Как старые мастера, они начинают творить в мастерской. Вспомните, что мэтры, как Рембрандт, Рубенс и другие, нанимали ассистентов, которые помогали им довершить все начатое. Среди этих помощников лишь те достигли ранга подмастерья, кто проявлял необходимый дар в технике и ловкости — и от кого можно было ожидать, что они, в свою очередь, тоже смогут создать ценные про-

изведения. Смешно утверждать, как это происходит в академиях, что сразу с самого начала карьеры гений может сотворить то, что пожелает. Такой человек должен, как и все остальные, начать с учебы, и, лишь трудясь без отдыха, он сможет достичь того, чего хочет. Если он не научился смешивать цвета до совершенства — если не может нарисовать задний план, — если для него анатомия все еще тайна за семью печатями, он наверняка далеко не уйдет! Могу себе представить, сколько эскизов пришлось сделать такому одаренному художнику, как Менцель, прежде чем он принялся рисовать «Концерт на флейте в Сан-Суси».

Было бы неплохо, если бы художники сегодня, как их предшественники в прошлом, проходили бы обучение в студии у мастера и, таким образом, проникались бы великими традициями живописи. Например, когда смотришь полотна Рембрандта и Рубенса, часто бывает трудно отличить, что мастер нарисовал сам, а что сделали его ученики. А все это благодаря тому, что ученики сами постепенно становились мастерами. Каким несчастьем стал тот день, когда государство стало вмешиваться в обучение художников! Что касается Германии, я считаю, двух академий будет достаточно: в Дюссельдорфе и Мюнхене. Или, может быть, три в общей сложности, если к этому перечню добавим Вену. Конечно, в данный момент речи не идет о том, что надо упразднить все наши академии. Но это не избавляет от чувства горечи о том, что потеряны традиции студий художников. Если после войны мне удастся реализовать мою гигантскую строительную программу — а я хочу потратить на нее тысячи миллионов, — для сотрудничества в ней будут приглашены только настоящие художники. А другие могут ждать до Судного дня, даже если они запустятся самыми блестящими рекомендациями.

Взятые из истории многочисленные примеры доказывают, что женщина — какой бы интеллигентной она ни была — в вопросах политики не способна отделить разум от чувств. И в этом отношении страшная вещь — ненависть, на которую способны женщины. Мне рассказывали, что после оккупации провинции Шанхай японцы приказали правительству Чан Кайши вывести свои войска с китайской территории, предоставляя ему следующие условия: а) оно сохраняет гарнизон на территории иностранной концессии в Шанхае; б) получает преимущество при заключении торгового договора. Кажется, все генералы одобрили это предложение и призывали Чан Кайши принять его. Но когда заговорила мадам Чан Кайши — разжигаемая своей безмерной ненавистью к Японии, — большинство генералов пошло на попятную, и, таким образом, японское предложение, хотя и очень щедрое, было отвергнуто.

То же самое можно сказать и о влиянии Лолы Монтез на Людвига I Баварского. Тот по своей натуре был рассудительным и проницательным королем. Но эта женщина положительно сбила его с панталыку.

176

29 марта 1942 г., за ужином

Торговая честность в Средние века. — Пятьсот лет честности. — Юридические ужимки. — Реформы в судебных органах. — Трое хороших юристов

Фюрер сослался на уважение, которым в Средние века пользовались купцы и князья. В бесчестье, которое им ныне приписывают, фюрер видит работу евреев.

Не следует рассматривать Ганзейский союз¹ лишь как инструмент политической власти. Он также олицетворяет на уровне отношений между личностями понятие справедливости (правосудия). Никогда, например, не позволялось провозить партию товаров, если они не были снабжены твердой гарантией веса и качества. Поэтому товары с клеймом Ганзы пользовались доброй репутацией как внутри страны, так и за рубежом. Был такой случай, когда несколько торговцев одеждой использовали посредство Ганзы для отправки тюка полотна в Берген. И вот эта партия не отвечала ганзейским стандартным требованиям, из-за чего через санкции виновный город на период в пять лет был исключен из торговой системы союза. Важно отметить, что это решение было принято не в результате какой-нибудь жалобы получателя, а всего лишь в итоге проверки, проведенной в самом начале. Было отмечено, что товар не соответствует спецификациям, в тканом полотне недоставало нескольких льняных нитей.

Не самая малая из заслуг Ганзы еще и в том, что она ввела понятие коммерческой честности, которую до сих пор еще уважают в некоторых домах Бремена и Гамбурга. Благодаря самым суровым санкциям и даже варварским наказаниям постепенно укрепилось это понятие честности. Когда Ганза отказывала в своем клейме какому-нибудь торговцу, то для последнего ввиду престижа Ганзы и размаха ее связей это означало близкое разорение.

В Средние века пример Ганзы оказывал благотворное воздействие на всю торговую и промышленную деятельность. Вот как могла держаться одна и та же цена на хлеб в течение целых четырехсот лет, а

¹ Г а н з е й с к и й с о ю з (Ганза) — объединение портовых городов Балтийского и Северного морей (с 1299).

на ячмень, и вместе с ним и на пиво, — более пятисот лет, и это не смотря на все перемены, происходившие с деньгами. Понятие честности было внедрено не только в торговые отношения. Оно стало основой мелких ремесел: гильдии и корпорации всегда заботились о поддержании этой традиции. Пекаря, например, плутовавшего с качеством муки, из которой он пек булочки, несколько раз окунали в бассейн с водой, и так, что он оставался на волосок от того, чтоб не утонуть.

Как только евреям было дозволено высунуть свои носы из гетто, чувство чести и верности стало испаряться. Ведь фактически иудаизм, эта форма духовного развращения, которое надо уничтожить любой ценой, сделал фиксирование цен зависимым от спроса и предложения — факторов, которые, так сказать, не имеют ничего общего с истинной стоимостью предмета. Создав систему *caveat emptor* [покупатель рискует качеством. — *Лер.*], еврей установил юридическую базу для своего мошенничества. И потому в течение последних двух столетий за редким исключением наша торговля угроблена до такой степени, что стало абсолютно необходимым применять средства для лечения. И самое первое условие: избавиться от евреев.

Было время, когда я страдал от свищей, и эта неприятность казалась мне более серьезной, чем была на самом деле. Опасаясь возможности рака, я однажды уселся за столом, чтобы на официальном бланке написать собственноручное завещание. Как известно, эта задача требует от меня особенных усилий, потому что за годы у меня выработалась привычка печатать на машинке или диктовать. У моего завещания не было времени, чтобы постареть, когда я узнал о решении апелляционного суда, объявившего завещание какой-то старой женщины недействительным просто потому, что название места было на бумаге напечатано, а не написано ее рукой. Я схватился за голову и стал раздумывать, что скажет закон, если завещание канцлера рейха не будет отвечать юридическим формальностям. И я пришел к заключению, что такие выкрутасы — просто насмешка и что они не прибавляют авторитета правосудию. А посему я послал за Гюртнером, министром юстиции, и попросил его устранить этот идиотизм. И для достижения результата понадобился всего лишь один декрет.

Также меня поразила еще одна глупость. Часто бывает так, что люди оставляют мне наследство. В основном я от этого отказываюсь, позволяя только NSV (организация благосостояния партии) пользоваться ими. И вот чтобы такое заявление имело законную силу, моя подпись должна быть заверена нотариусом. Похоже, если следовать логике наших бесценных юристов, подпись германского канцлера, скрепленная печатью рейха, стоит меньше, чем подпись нотариуса! Это в голове у нормального человека не укладывается.

Это всего лишь маленький пример, но я считаю в принципе, что нормальный разум не в состоянии понять никакую часть из сооружений, настроенных юристами, а я могу объяснить это духовное искривление только влиянием евреев. Короче говоря, я считаю всю нашу юриспруденцию систематизацией метода, состоящего в перекалывании своих обязанностей на плечи других. Поэтому я буду делать все, что в моей власти, чтобы изучение закона, если он и дальше будет руководствоваться теми же идеями, стало максимально презираемым. Конечно, я понимаю, что учеба в университете должна выявлять людей, приспособленных к жизни и способных обеспечить государству сохранение законов природы. Но занятия, которые я имею в виду, всего лишь воспитывают стремление к безответственности в тех, кто себя этому посвятил.

Я займусь тем, чтобы отправление правосудия было очищено от всех судей, не составляющих истинную элиту. Если надо, пусть их станет в десять раз меньше! Пора кончать эту комедию судов с присяжными. Я хочу раз и навсегда положить конец практике, когда судья может снять с себя ответственность, заявляя, что его голос перевесили голоса членов жюри, или выдумывая иные подобные оправдания. Мне нужны только такие судьи, которые обладают нужными личными качествами, — но тогда их надо и щедро вознаграждать. Мне нужны люди для работы судьями, которые глубоко убеждены, что закон не должен гарантировать интересы личности против интересов государства, их долг — заниматься этим, прежде всего, для того, чтобы не погибла Германия.

Гюртнер не сумел сформировать судей такого типа. У него самого куча проблем, он сам должен избавиться от юридических предрассудков. Получая угрозы от одних и презрение — от других, он медленно смог перейти к более разумной политике, вызванной необходимостью приведения в гармонию справедливости и императива действия.

В общении с законниками я накопил огромный опыт. В 1920 г., когда я организовывал свои первые большие ассамблеи в Мюнхене, некий советник Вагнер предоставил себя в мое распоряжение как оратор. Это был период, когда я был занят поиском накрахмаленных воротничков, полагая, что они помогут мне добраться до класса интеллектуалов. Поэтому мне предложение этого человека показалось Божьим знамением, а какая это наживка, чтобы подсесть юристов! Правда, перед тем как дать ему возможность выступить перед большим собранием, я из осторожности проверил его перед двумя десятками наших верных сторонников, собравшихся в пивном зале Штернекер. Как у них вытянулись лица, когда они слышали этого достопочтенного с дрожащими руками и тоненькой шеей, который рекомендовал перестройку государства, в котором «клан базируется на семье, род на клане и общая мать на роде». С тех пор я всегда отношусь с недовери-

ем, имея дела с юристами. В этом смысле мне известны лишь три исключения: фон дер Пффордтен¹, Пенер и Фрик. Фон дер Пффордтен, прямая противоположность Грютнеру, был человеком революционной закваски. А заявление Пенера во время нашего процесса по обвинению в предательстве я помню до сих пор: «Прежде всего я — немец и лишь после этого — официальное лицо. Как официальное лицо я никогда не был проституткой. Можете считать это уступкой. Если вы полагаете, что мои действия против узурпаторов можно квалифицировать как предательство, тогда позвольте вам заявить, что как немец я шесть лет считал своим долгом вести борьбу против узурпаторов и, таким образом, совершать — если вам так больше нравится — акты предательства!» Фрик тоже вел себя изумительно в то время. Как адъютант начальника полиции, он мог снабжать нас всевозможной информацией, которая позволила партии быстро расширить сферу своей деятельности. Он никогда не упустил возможности помочь нам и защитить нас. Даже могу добавить, что без него я бы никогда не вышел из тюрьмы. Но вот так...

К сожалению, существует особый тип национал-социалиста, который когда-то совершил подвиг для партии, но более не способен превзойти это деяние. Когда наша деятельность простирается за пределы, которые он уже не способен охватить и которые отвечают его идеям, он пугается, потому что не способен учесть логику фактов и то, что некоторые факты неизбежно требуют определенных последствий.

Дитрих Экарт всегда оценивал мир юристов с величайшей дальновидностью, к тому же он сам на нескольких курсах изучал юриспруденцию. Как он сам заявлял, он решил прекратить эти занятия, «чтобы не превратиться в законченного идиота». Кстати, Дитрих Экарт — это человек, кому принадлежит блестящая идея пригвоздить нынешние юридические доктрины к позорному столбу и опубликовать результат в форме, доступной для немецкого народа. Сам я полагал, что было бы достаточно выразить все эти вещи в сокращенной форме. И только со временем я понял свою ошибку.

Таким образом, сегодня я могу заявить без оговорок, что каждого юриста надо рассматривать как человека, неполноценного по природе или как-то деформированного при использовании. Когда я вспоминаю имена законников, известных мне по жизни, а особенно адвокатов, не могу не заметить контраста с теми цельными, благородными, с корнями в лучших традициях людьми, с кем мы с Дитрихом Экартом начинали нашу борьбу в Баварии.

¹ П ф о р д т е н Людвиг барон фон дер — баварский государственный деятель, профессор римского права, министр иностранных дел и министр-президент Баварии (1849 и 1864—1866 гг.) Возможно, впрочем, речь идет о Теодоре фон дер Пффордтене — советнике верховного суда Мюнхена.

31 марта 1942 г., за ужином

Покушение на Папена в Анкаре. — Уверенность в турках. — Недоверие к болгарам. — Немецкая восточная политика. — Карл Великий — «убийца саксонцев» и Гитлер — «убийца австрийцев». — Деяния Карла Великого. — От канцлера до фюрера. — Первый консул не должен позволить себе превратиться в императора. — Фридрих Великий более велик, чем Наполеон. — Главой государства должен стать лучший. — Примеры Ватикана и Венецианской республики. — Будущая германская конституция. — Необходимость в разделении власти

Разговор перешел на попытку убийства Папена¹, бывшего в то время послом в Анкаре.

Это покушение раскрывает менталитет его русских организаторов. У других народов при подобной попытке, считающейся необходимой в политических целях, предпринимаются какие-то усилия, чтобы спасти человека, которому дано такое задание. Со своей стороны, русские при всем их уме организовали эту акцию так, что она стоила шкуры ее исполнителю. Акция была хорошо спланирована. У этого несчастного было устройство, которое позволяло после совершения убийства создать дымовую завесу, под прикрытием которой он мог бы попробовать скрыться. Но его не предупредили, что, как только он запустит это устройство, в нем сдетонирует заряд, который разнесет его на клочки. От него потом смогли найти лишь туфли да пистолет! Сообщники покушавшегося были настолько потрясены злодейством своих хозяев, что решили рассказать все, что знают об этом заговоре.

В качестве союзников я предпочитаю турок, нежели болгар. Вот почему я готов заключить торговый договор с Турцией, по которому мы будем ей поставлять вооружение и боеприпасы. Кроме того, я был бы готов гарантировать нерушимость проливов и неприкосновенность ее границ, если у турок есть какое-то желание быть в союзе с нами.

У нас будут следующие преимущества: благодаря оружию, которое мы будем поставлять, турки смогут защитить проливы, в которых мы тоже будем заинтересованы как хозяева территорий на Черном море. Посредством этого будет консолидирован авторитарный режим в Турции — и я думаю, что такое следствие на уровне

¹ Франц фон Папен был послом в Турции в 1939—1944 гг. Покушение на него было совершено 25 февраля 1942 г.

внутренней политики будет небезразлично для турецких патриотов, желающих поддержать преемника Ататюрка.

В Болгарии, с другой стороны, все неопределенно. Я с удивлением узнал, что после заключения Трехстороннего пакта¹ президент Совета Болгарии практически не приветствовался населением Софии, хотя этот пакт имеет большое значение для Болгарии. И не меньше я был потрясен, узнав, что в то же самое время жители Софии с энтузиазмом приветствовали русскую футбольную команду. Несомненно, Болгария глубоко подвержена панславизму как на политическом, так и на духовном уровне. Ее пленяет Россия, даже советизированная. Должен признать, что царь Болгарии — очень умный, даже хитрый человек, но он не производит впечатления способности обеспечить стабильность своего режима. Он сам признавался, что не может уволить ни одного министра или снять генерала с поста, не подвергнув опасности свою корону. И он вынужден действовать весьма осторожно, как он говорит, начиная с предоставления отпусков и кончая сохранением лояльности к себе с помощью многочисленных подачек. Суммируя сказанное, что касается Болгарии и Турции, наверняка условия вряд ли изменились со времен Первой мировой войны. С нашей точки зрения, Болгарию можно считать надежной до тех пор, пока мы в союзе с Турцией. На политическом и моральном уровнях не существует препятствий для альянса между Турцией и рейхом. По причине своей приверженности исламу Турция ведет совершенно четкую религиозную политику. Это неприменимо к Болгарии, которая, поскольку практикует греческую ортодоксальную религию, находит в этом новые причины для дружеских чувств к России.

Размышления Бормана о Генрихе Р побудили фюрера к разговору о германской политике на ее восточных территориях.

Говоря о Востоке — наша нынешняя политика не имеет прецедентов в истории. Принимая во внимание, что уже в нескольких случаях на восточных границах рейха уже имели место сражения, иногда даже крупного масштаба, надо согласиться с тем, что тогда на наших границах вели войну племена. А сам рейх столкнулся с альтернативой либо воевать, либо исчезнуть. Поэтому битвы тех древних времен нельзя рассматривать как олицетворение германской политики на Востоке. Ошибались те историки, которые приписывали идею такой политики Генриху I. В том направлении Генрих I влекло лишь стремление выкроить королевство для себя самого.

¹ Болгария присоединилась к Трехстороннему пакту (27 сентября 1940 г.) 1 марта 1941 г.

² Г е н р и х I (876—936) — германский король (с 919), основатель саксонской династии, начал присоединение земель пабских славян.

В течение всего имперского периода нельзя разглядеть ни единого признака того, что рейх был заинтересован Востоком или что он вел какую-то последовательную политику с целью, скажем, колонизации восточных территорий. Расовая политика империи была четко сформулирована, и она была нацелена только на юг. Восток с его населением, совершенно отличным в смысле расы, почти не затронутый германским вкладом в высшие слои общества, оставался чуждым для рейха. Юг, с другой стороны, и особенно Ломбардия, обладал всеми особыми чертами, необходимыми для включения их в состав Священной Римской империи германской нации. Так что это всегда было одним из основных объектов забот имперской политики. До какой степени политические идеи того времени управлялись понятием расы, говорит тот факт, что еще в XIV веке во Флоренции продолжала существовать Имперская германская партия. Кто знает, не оставалась бы до сих пор в наших руках Ломбардия, если бы князья-вассалы вроде Генриха Льва не нарушили свои клятвы верности, не стали бы противодействовать политике рейха и не вынудили бы императора неожиданно прервать свою кампанию на юге, чтобы потушить пожар, вспыхнувший в его собственном доме. Политика рейха может быть успешной лишь тогда, когда она отмечается единством действий.

В этом отношении швабы наиболее заслуживают уважения, потому что они всегда понимали смысл имперской идеи и никогда не переставали доказывать свою лояльность рейху. Мы определенно допускаем ошибку, прославляя князей вроде Генриха Льва за их нонконформизм. Это люди, которые явно вели политику вразрез интересам рейха. Вот почему я привлек внимание Розенберга к тому факту, что нельзя допускать того, что великие германские императоры отодвигаются на задний план, а на их месте появляются лже-свидетели и что неверно называть таких героев, как Шарлемань, именем «убийца саксонцев». Историю надо интерпретировать так, как этого требует время. Вполне возможно, что через тысячу лет — допустим, что по той или иной причине рейху вновь придется вернуться к политике, направленной против юга, — найдется какой-нибудь педагог, который заявит, что «восточная политика Гитлера велась с добрыми намерениями», но это, однако, было неразумно, потому что «ему надо было бы нацелиться на юг». Возможно, какой-нибудь придира этого типа дойдет до того, что станет называть меня «убийцей австрийцев» на том основании, что, вернувшись в Германию из Австрии, я посадил под замок всех, кто пытался помешать этому предприятию!

Без принуждения мы бы никогда не объединили все разнообразные немецкие роды с этими тупоголовыми, местнически мыслящими типами — как во времена Шарлеманя, так и сегодня.

Если германский народ и есть дитя древней философии и христианства, то это произошло менее по его свободному выбору и бо-

лее через принуждение, которое оказали эти победоносные силы. Точно так же в имперские времена именно под империей принуждения германский народ произвел свое объединение под эгидой христианства, представлявшего универсальную церковь, — в лице Древнего Рима, который также был склонен к однородности. Наверняка человек вроде Шарлеманя не был движим одной лишь жаждой политической власти, но и стремился, в своей верности древней идее, к воплощению цивилизации. Ныне пример Древнего мира доказывает, что цивилизация может процветать лишь в тех государствах, которые надежно организованы. Что бы случилось с заводом, если отдать его анархии, при которой рабочие приходили бы на работу лишь тогда, когда им вздумается?

Без организации — так сказать, без принуждения — и, следовательно, без жертв со стороны личности ничто нормально не получается. Организованная жизнь являет собой зрелище вечного самопожертвования личности своими свободами. Чем более возвышено положение, занимаемое человеком, тем легче дается ему эта жертва. Поскольку его поле зрения шире, он сможет лучше воспринять необходимость самопринуждения. В здоровом государстве это отличает элиту от людей, остающихся смешанными с основными массами. Человек, который поднимается, должен расти вместе со своей задачей, его понимание должно расширяться одновременно вместе с его функциями. Если подметальщик улиц не способен или не желает пожертвовать своим табаком или пивом, то я считаю: «Отлично, дружок, вот именно поэтому ты и есть подметальщик, а не одно из руководящих лиц в государстве!» Вот почему из-за таких вещей нация, как коллектив, нуждается в своих подметальщиках улиц.

Руководствуясь этими весьма простыми и весьма естественными правилами, Шарлемань собрал немцев в хорошо сцементированную общность и создал империю, которая долго еще после его смерти была достойна этого имени. Дело в том, что эта империя состояла из лучшего материала древней Римской империи — так что народы Европы веками считали ее преемницей всемирной империи цезарей. Тот факт, что эта Германская империя была названа «Священной Римской империей», не имеет никакой связи с церковью и не имеет религиозного смысла.

В отличие от смысла, придаваемого слову «рейх», идея «рейхсканцлера», к сожалению, с течением столетий потеряла свое значение. В единственном случае один гигант всю прославил ее, а потом она стала ассоциироваться с уродами вроде Вирта, Брюнинга и т. д. Сейчас ввиду авторитарной формы, которую мы придали государству, она не имеет значения. Можно даже заявить, что этот титул не подходит для главы государства. Исторически не вызывает сомнений, это связано с ментальной картиной, согласно которой над канцлером есть еще одна персона, которая представляет государство в качестве его верховного руководителя, — и не

так важно, называется ли оно императором, президентом или как-то еще.

В национал-социалистической форме государства титул «фюрер» — самый подходящий. Он подразумевает, помимо прочего, идею, что глава государства избирается немецким народом. Хотя он иногда порождает излишества или дублирование, когда, например, под фотографией читаешь: «Рядом с фюрером оберфюрер такой-то», что не имеет значения, пока я жив. Но когда меня не станет, будет необходимо изменить эту ситуацию и придать понятию «фюрер» единообразный смысл.

В любом случае было бы несвоевременным менять титул главы государства, поскольку он связан с самой формой государства. Величайшей ошибкой Наполеона, помимо демонстрации семейной гордыни в политических вещах, что в то же время было свидетельством его дурного вкуса, был отказ от титула «первого консула» ради того, чтобы провозгласить себя «императором». Фактически ведь под званием «первого консула» революция — из тех, что потрясли мир, — привела его, республиканского генерала, к власти над Директорией (этим общественным комитетом). Отказавшись от этого титула и назвавшись императором, он отрекся от якобинцев, своих прежних товарищей по борьбе, и утратил их поддержку. Тем же самым росчерком пера он оттолкнул от себя бесчисленных сторонников, которые видели в нем воплощение духовного воскрешения, которое Французская революция должна была с ним принести. Чтобы понять эффект, произведенный этой своенравной акцией, достаточно представить себе эффект, который она произвела бы на народ Мюнхена и остального мира, если б я сам проехался по улицам Мюнхена в позолоченной карете.

В любом случае Наполеон ничего не выиграл, совершив эту ошибку, потому что старые монархии не преминули продемонстрировать свое отвращение к этому самоделу. Единственное, что он от них получил, это *Habsbürgertum* (игра слов с названием Габсбургской династии и словом *Bürgertum*, означающим буржуазию), которое ему всучили и чье появление неизлечимо ранило национальную гордость французов. Действительно, в глазах французов красавица Жозефина, покинутая ради *Habsbürgertum*, была образцом француженки-республиканки. Она почиталась как женщина, которая вместе с Наполеоном взбиралась по ступенькам, ведущим к высочайшему посту в государстве. Остолбнение, которое в Европе вызвал титул императора, хорошо отражено в жесте Бетховена, который порвал симфонию, посвященную им Наполеону. Он изорвал ее на кусочки, восклицая: «Да он совсем не экстраординарное существо, как я считал, он всего лишь человек!»

Что трагично в примере Наполеона, это когда он принял титул императора, сформировал двор и учредил церемониал, он не понимал, что, уподобляясь дегенератам, он всего лишь опускается на одну

ступеньку с ними. Лично я рассматривал бы как пример чистого сумасшествия, если бы кто-нибудь предложил мне, скажем, герцогство. Это было бы равносильно тому, чтобы попросить меня признать родственные узы со всеми этими карликами, носящими тот же титул.

Забываясь об интересах своих родственников, как это он делал, Наполеон впоследствии проявил невероятную слабость на чисто человеческом уровне. Когда человек занимает такое высокое положение, он обязан исключить всякие чувства семейственности. Наполеон же, напротив, поместил своих братьев и сестер на командные посты и держал их там даже после того, как они показали свое несоответствие. Все, что требовалось, это просто выбросить всех этих явно некомпетентных родственников. Вместо этого он изнурял себя, посылая каждый месяц своим братьям и сестрам письма с упреками и предупреждениями, призывая их делать это и не делать то, полагая, что он сможет исправить их некомпетентность, обещая им деньги или угрожая больше не давать таковых. Такое нелогичное поведение можно объяснить только чувствами, которые корсиканцы испытывают к своим семьям, в чем они схожи с шотландцами.

Демонстрируя свои семейные чувства данным образом, Наполеон ввел в свою жизнь разрушительный принцип. Семейственность, фактически, самая мощная защита, которую можно вообразить: защита своего эго. Но где бы она ни проявилась в государственной практике, а монархии — лучшее этому доказательство, это приводит к ослаблению и гниению. Причина: она кладет конец принципу личных усилий.

В этом плане Фридрих Великий превосходил Наполеона — Фридрих, который в труднейшие моменты своей жизни и когда ему приходилось принимать самые трудные решения, никогда не забывал, что великие дела требуют выдержки. Наполеон в подобных случаях капитулировал. Посему очевидно, что для того, чтобы довести труд своей жизни до успешного завершения, Фридрих Великий всегда мог полагаться на более стойких соратников, чем те, которые были у Наполеона. Если Наполеон ставил превыше всего интересы своей семейной клики, то Фридрих Великий искал вокруг себя *людей*, а при необходимости сам их готовил.

Несмотря на гений Наполеона, Фридрих Великий был выдающимся человеком XVIII столетия. В поисках решения важных проблем в отношении ведения государственных дел он избегал какой-либо алогичности. Надо признать, что в этой области его отец, Фридрих-Вильгельм, дал ему твердое и полное образование. Петр Великий также ясно видел необходимость семейных настроений из официальной жизни. В письме к сыну — я его недавно перечитывал — он открыто говорит тому о своем намерении лишить его наследства и исключить из числа наследников трона. Было бы прискорбно, пишет он, поставить когда-нибудь во главе России человека, который не готовит себя к государственному

труду с величайшей энергией, который не закаляет свою волю и не укрепляет себя физически.

Поставить во главе государства лучшего — это самая трудная проблема в мире.

В республике, в которой весь народ должен избрать главу государства, можно при помощи денег и рекламы привести к власти ничтожество.

В республике, в которой бразды правления — в руках клики, состоящей из представителей немногих семей, государство становится похожим на предприятие, где управление осуществляется по доверенности, где акционеры заинтересованы в избрании президентом слабого человека, а сами они смогли бы сыграть более значительные роли.

Наследственная монархия — это биологическая глупость, потому что человек действия обычно выбирает себе в жены человека с ярко выраженными феминистскими качествами, а его сын наследует мягкость своей матери и пассивный характер.

В республике, которая ставит во главе себя избранного пожизненно руководителя, есть риск, что он будет вести политику в собственных интересах.

В республике, где глава государства сменяется каждые пять или десять лет, никогда не будет обеспечена стабильность правительства, и тем самым будет скомпрометировано выполнение долгосрочных планов.

Если во главе страны поставить старика, уже не способного на глубокие мысли, то он будет всего лишь марионеткой, и неизбежно будет править кто-то другой, прикрываясь его именем. Передумав все это, я пришел к следующему заключению:

1. Шанс не поставить во главе государства полного идиота лучше при системе свободных выборов, чем в противоположном случае. Лучшим доказательством этому являются гиганты, которых избирали германскими императорами. Ни об одном из них нельзя было сказать, что это — законченный идиот. При наследственных монархиях, с другой стороны, по крайней мере, восемь королей из десяти, если бы они были обыкновенными гражданами, не сумели бы хозяйничать в любой лавке.

2. При выборе главы государства надо искать личность, которая, насколько может судить простой человек, способна гарантировать некоторую стабильность при использовании своей власти в долгой перспективе. Это условие необходимо не только для успешного управления гражданскими делами, но и для создания предпосылок для гигантских проектов.

3. Надо позаботиться о том, чтоб глава государства не подпал под влияние плутократии, чтобы нельзя было вынудить его на принятие решений под воздействием силы. Вот почему важно, чтоб он имел поддержку политических организаций, чья сила уходит кор-

ниями в народные массы и которая может дать ему перевес над частными интересами.

В ходе истории две конституции доказали свою ценность:

а) папство, несмотря на многочисленные кризисы, — самый серьезный из которых был улажен германскими императорами, — и хотя оно и базируется на буквально идиотской доктрине. Но в смысле организации на материальном уровне церковь — великолепное сооружение;

б) конституция Венеции, которая благодаря организации своего правительства позволила какому-то маленькому городу-республике править всем Восточным Средиземноморьем. Конституция Венеции доказывала свою эффективность в течение всего периода существования Венецианской республики, т. е. девятьсот шестьдесят лет.

Факт, что глава Республики Венеция избирался из семей, составлявших основу государства (их было от трехсот до пятисот), — вовсе не так уж плох. Ведь в этом случае власть предоставлялась лучшему среди представителей тех семей, которые традиционно имели тесные связи с государством. Отличие этой системы от системы наследственной монархии очевидно. При первой к власти не могли прийти ни идиот, ни какой-нибудь пострел двенадцати лет. Справедливый шанс на назначение имел лишь человек, положительно проявивший себя в жизни. Кстати, разве не смешно, что государством может управлять ребенок двенадцати, пусть даже восемнадцати лет? Ясное дело, если король — малолетка, то власть временно оказывается в других руках, в руках регентского совета. Но допустим, члены совета не приходят к единому мнению (а чем более компетентны советники, тем больше вероятность разногласий из-за сложности проблем, решаемых ежедневно), тогда чувствуется отсутствие личности, способной принять независимое решение. Восемнадцатилетний юноша не способен принять решение, требующее глубокого осмысления, — это весьма трудно и для человека, достигшего полной зрелости! Достаточно вообразить, где бы был король Михай, не имея он поддержки такого замечательного человека, как маршал Антонеску. К тому же молодой человек глуп. Кроме этого, он испорчен своим дурным воспитанием, когда отец в самый важный период развития ребенка полностью доверил его женщинам. Чтобы прочувствовать трагическую натуру этого раскола, достаточно сравнить развитие какого-нибудь человека, стремящегося что-то сделать в жизни, с формированием наследного принца. Только подумать об объеме знаний, который человек из народа должен усвоить, об упорном труде, который он должен выполнить безотрывно и без отдыха, чтобы преуспеть в своем выборе. Напротив, есть тенденция считать, что можно подготовить достойных королей к выполнению ожидающих их обязанностей, если держать их занятыми. Третью их времени отдается изучению иностранных языков, чтобы они могли изрекать банальности на нескольких языках; вторая треть посвящается спорту (верховой езде, теннису и т. д.).

Изучение политических наук занимает самое последнее место. Помимо этого, получаемое ими образование не отличается твердостью. Их преподаватели — сама слабость. Они подавляют в себе желание раздать оплеухи, которых заслужили их царственные ученики, — из страха навлечь на себя опалу со стороны будущего монарха. И результат очевиден. Вот так формируются типы вроде Михая в Румынии и Петра в Югославии.

В отношении правительства Германии я пришел к следующему выводу:

1. Рейх должен быть республикой, во главе которой находится избираемый руководитель, наделяемый абсолютной властью.

2. Однако в качестве сдерживающего, корректирующего фактора должен быть правительственный орган, представляющий народ.

3. Задача выбора главы должна быть поручена не народной ассамблее, а сенату. Но при этом важно, чтобы полномочия сената были ограничены. Его состав не должен быть постоянным. Кроме того, его члены должны назначаться согласно их роду занятий, а не индивидуально. Эти сенаторы по своей подготовке должны быть верны идее, что власть ни в коем случае не может быть отдана в руки какому-нибудь слюнтяю и что избранный фюрер всегда должен быть наилучшим.

4. Выборы главы должны проходить не открыто, а *in camera*. При выборах папы народ не знает, что происходит за занавесом. Рассказывают, что кардиналы как-то поколотили друг друга. С того времени кардиналов лишили каких-либо контактов с внешним миром на всю протяженность конклава! Такого же принципа надо придерживаться и при выборах фюрера: на время процедуры все разговоры между избирателями должны быть запрещены.

5. В течение трех часов после избрания партия, армия и официальные учреждения должны принести присягу верности новому главе государства.

6. Высшим законом для нового главы должно стать самое решительное разделение полномочий между законодательными и исполнительными органами государства. Как в партии, СА и СС выполнение решений доверено только мечу, так же и исполнительные лица государства не должны обременять себя мыслями о политике. Они должны ограничиваться исключительно исполнением законов, изданных законодательной властью, в случае необходимости обращаясь к мечу. Хотя государство, основанное на таких принципах, не может претендовать на вечность, оно может просуществовать от восьми до девяти столетий. Доказательство этому — тысячелетняя организация церкви, — хотя вся эта структура создана на чепухе. То, что я сказал, должно быть *a fortiori* [еще более. — *Пер.*] справедливо для организации, основанной на здравом смысле.

2 апреля 1942 г., полдень

**В похвалу царю Фердинанду. — Борис — болгарский лис. —
 Политические заговоры. — Мудрость Кемаля Ататюрка**

По моему мнению, царь Борис — это весомая личность. И в этом нет ничего удивительного, потому что у своего отца, царя Фердинанда, самого образованного из известных мне монархов, он прошел хорошую школу.

Если и можно упрекнуть царя Фердинанда за то, что в денежных делах он еще более жаден, чем еврей, то, тем не менее, надо признать, что он изумителен в том, что касается безрассудной смелости и решительности. Если б у нас в Германии на императорском троне вместо Вильгельма II был он, мы бы точно не стали дожидаться 1914 г., чтобы развязать Первую мировую войну. Мы б это сделали еще в 1905 г. Так же как этот хитрый лис сумел после коллапса 1918 г. сохранить трон для своего сына, он, я думаю, нашел бы какой-нибудь способ для Германии уберечься от катастрофы. Кроме того, это был исключительно образованный человек, значительно выше среднего уровня во всех областях знаний. Он, например, из года в год регулярно посещал Байройтский фестиваль.

В отличие от того что делают другие монархи, царь Фердинанд дал своему сыну Борису серьезное образование, заставляя его заниматься всем, что имеет отношение к политике и военным вопросам. Под палкой этого старого лиса сын Борис сам стал молодым лисом, способным находить выходы в запутанном клубке балканских проблем.

В 1919 г. Борис удержался на троне, пойдя в поход на Софию во главе дивизии. И политический кризис 1934 г. он смог преодолеть, всегда поступая, как настоящий солдат¹. Говоря на эту тему, он сам рассказал историю о том, как однажды ночью в казармах Софии вновь загорелся свет в одиннадцать часов, хотя в десять часов он был выключен, и продолжал гореть за полночь. Из этого факта он сделал вывод, что готовится покушение на его жизнь. И вправду, вплоть до того времени, когда намечалось покушение на Балканах, убийцы-заговорщики обычно устраивали акцию так, чтобы политик — объект покушения оказался в ночной рубашке. Поэтому Борис тут же надел свою униформу и стал дожидаться заговорщиков с саблей в руках. Он встретил их главаря словами: «Вы собираетесь убить меня! Что я вам сделал плохого? Вы считаете, что у вас получится лучше, чем у меня?» При этих словах струсившие заговорщики попросили разрешения ретироваться в казармы на совещание. Борис оставил при себе главаря, пообещав затем тому, что назначит его председателем совета

¹ Имеется в виду системный кризис в Болгарии, следствием которого стал указ от 19 мая 1934 г., запрещающий деятельность политических партий.

министров, чтобы дать ему шанс проявить свои способности на политическом поприще. Естественно, прошло менее года, и эксперимент закончился для этого человека провалом¹.

В завершение своего рассказа Борис сделал весьма разумное замечание, сказав, что в делах такого рода самой худшей ошибкой было бы звать на помощь полицию. Тем самым, сказал он, можно было бы не дать заговорщикам возможность разглядеть суть проблемы и отказаться от своего заговора. Напротив, вы поощряете их идти напролом чисто из одних эмоций.

К сожалению, и сейчас, как и раньше, надо быть настороже в отношении политических покушений. Это видно из нападения на фон Папена, нашего посла в Турции. Это покушение стало для нас уроком в том смысле, что заговорщики, что русские, их нанявшие, их же и предали. Главный исполнитель покушения получил — якобы для облегчения своего бегства с места события — некое устройство, которое, как ему сказали, должно создать дымовую завесу. А на самом деле в этой машинке находился мощный заряд взрывчатки, предназначенный для уничтожения самого убийцы. Когда сообщники узнали о предательстве со стороны своих главарей, они выдали все до мелочи, что знали о целях, преследуемых Советами.

Со своей стороны, в своей борьбе я никогда не прибегал к политическим убийствам. Этот метод в основном неудачный и может быть рекомендован только в исключительных случаях. И он не принесет какого-либо значительного успеха, если только не уничтожить того, на чьих плечах покоится вся организация и мощь врага. Но даже в таких случаях я бы отказался от использования такого оружия.

Причина, по которой политические убийства продолжают оставаться столь ужасающими на Балканах, состоит в том, что сегодня население все еще находится во власти идеи, что кровопролитием можно отомстить. Вот почему мудро поступил Кемаль-паша, который сразу же после захвата власти провозгласил новую столицу. Тем самым можно было наладить эффективный полицейский контроль.

179

2 апреля 1942 г., за ужином

Негибкость германского протокола. — Наши высокопоставленные гости утомляются. — Приятные обычаи французов. — Визит в Берлин государственных деятелей Италии

Что мне больше всего не нравится на Вильгельмштрассе, так это организация протокола. Когда в Берлин приезжает какой-нибудь официальный гость, протокол держит его в тисках с шести часов утра

¹ Правительство Кимона Георгиева ушло в отставку в январе 1935 г.

до глубокой ночи. Балканских типов возят на «Фауста» или им показывают «Тристана», когда тех интересуют лишь комедии или оперетты. Старого джентльмена, приехавшего в Берлин для обсуждения важных проблем, которому было бы желательно иметь полдня на отдых, таскают с приемов на банкеты, где он сталкивается с одними и теми же лицами. Для большинства наших гостей жесткие рамки протокола граничат с настоящей мукой. Не лучше бы было предложить им кампанию симпатичных женщин, свободно владеющих их родным языком? В Берлине, как нигде, к счастью, есть среди актрис такие женщины, как Лил Даговер, Ольга Чехова и Тиана Лемниц.

В этом плане Борис Болгарский оказался еще большим лисом, чем мы думали. Когда кто-либо приглашал прокатить его по Берлину, он отвечал, что хотел бы, чтобы его пребывание не носило официального характера. Он утверждал, что не хотел бы никому надоедать. Понятно, он желал избежать оков протокола. Он не появлялся на «Фаусте» или какой-нибудь другой опере, но посмотрел «Бедного студента», а потом «Графа Люксембурга». Так что время он провел по-королевски.

Имея дело с балканскими царственными особами, надо помнить, что они не в состоянии оставить свою страну на срок, превышающий неделю, из опасения потерять свой трон во время отсутствия.

Если еще учесть и политическую атмосферу на Балканах, постоянно пропитанную угрозой убийств и революций, то следовало бы дать возможность политическим персоналиям, приезжающим из этих стран, расслабиться. Стоит предложить им что-нибудь вроде «Веселой вдовы», например, вместо предусмотренных протоколом драм, в которых почти везде есть неизбежная сцена с кинжалом. Мне известен лишь один восточный правитель, который мог себе позволить оставаться за пределами страны дольше чем неделю, — это был старый шах Персии. До Первой мировой войны он каждый год путешествовал за рубеж. Но он действительно был исключением.

Также я считаю, что протокол сходит с рельсов, когда кто-то полагает обязательным таскать наших гостей из одного музея в другой, скрупулезно отмеряя время на созерцание каждой картины. Совсем не заботясь о личных предпочтениях высокопоставленного гостя, гид уже стучит об пол указкой с позолоченным набалдашником, намекая, что настало время перейти к следующему шедевру! Когда протокол так безразличен к гостям, он просто отравляет их пребывание у нас.

В Париже к этому вопросу подходят совсем по-другому. Как только приезжает гость, Ке д'Орсе устраивает для него восхитительную процессию с солдатами в блестящей униформе, а затем следует прием в Елисейском дворце. В последующие шесть дней гость сам распоряжается своим временем. Обычно кишащая сплетнями парижская пресса в этом случае проявляет крайнюю сдержанность — и это здорово нравится гостю. Он — а тем более если он с Балкан — уезжает домой в совершенном восторге от приема, оказанного ему в Париже, и начинает мечтать о том, как

он поедет туда на будущий год. Поскольку для такой поездки нужно какое-то оправдание, посетителю удастся обстряпать дело так, что она будет обоснована, а Франция всегда извлекала пользу от своего метода обращения с выдающимися визитерами.

Перед тем как проявить свои таланты, нашим дипломатам следовало хотя бы попробовать побывать самим в шкуре их балканских гостей. Ведь эти люди большую часть своего времени проводят в столице, которая для них становится похожей на деревню, где всякий знает друг друга. Каждый из них подобен индийскому радже, который с отроческих лет находился под каблуком законной жены. И тут, когда он наконец-то один, бедняга издает вздох облегчения при мысли, что сдержанность прессы гарантирована, а он может озираться с ног до головы без стеснения симпатичную женщину. Вот почему в городах вроде Берлина и Вены будет совершенно уместно предоставить нашим гостям некоторую свободу. На политическом уровне мы от этого только выиграем — не говоря о том, что это всегда приносит маленькую кучку иностранной валюты.

Когда я был в Риме, мне был оказан самый дружелюбный прием. Дуче позаботился о том, чтобы у меня было в достатке время, необходимое для спокойного знакомства с интересовавшими меня произведениями искусства. После этого визита, когда к нам приехали итальянские политические персоналии, я сам позаботился о том, чтобы им меньше всего досаждали протокольными обязанностями. Результат оказался потрясающим. Итальянцы один за другим с энтузиазмом принимали наше гостеприимство. И это навело меня на мысль предложить Герингу, чтобы мы с ним выделили для каждого из них хотя бы по одному часу времени, чтобы позволить им оправдать свою поездку в Германию. А великих берлинских врачей обычно было достаточно, чтоб оправдать их остальное время, проведенное в Берлине!

180

4 апреля 1942 г., полдень

Японская политическая философия. — Еврейское происхождение религиозного терроризма. — Еврейское влияние на Британию. — Элита будущего. — Правила для хорошего воспитания. — Трусость германских князей. — Красный флаг над Кентербери. — Никакой пощады слабым. — Природа лучше, чем педантизм. — Евреям всякий климат сойдет. — Я люблю твердых, самоуверенных людей. — Осуждение пессимистов. — Большинство немцев — оптимисты

Сохранив свою политическую философию, которая является одной из существенных причин их побед, японцы уберглись во времени от влияния христианства. Как и в исламе, в японской го-

сударственной религии нет терроризма, но, напротив, обещание счастья. Этот терроризм в религии, если кратко выразиться, есть еврейская догма, которую христианство сделало универсальной и чье влияние сказывается в том, что она сеет тревогу и смущение в человеческих умах. Вполне очевидно, что в царстве веры террористические учения не имеют иной цели, кроме как отвлечь людей от их природного оптимизма и развить в них инстинкт трусости.

Что касается нас, нам удалось изгнать евреев из своей среды и исключить из нашей политической жизни христианство. Вот почему сейчас в Англии и Америке можно видеть влияние такого воспитания на поведение людей. Наши меры против декадентского искусства позволили нам избавиться от грязных еврейских пятен. Но мазня, которую мы запретили у себя, сейчас в Англии и Америке стоит бешеные деньги. И никто из буржуа даже не осмелится подать голос протеста. Ведь самый повод воскликнуть: «Трусость — вот имя твое, буржуазия!» Хотя еврей и захватил в свои руки рычаги контроля в англосаксонском мире (печать, кино, радио, экономическая жизнь) и хотя в Соединенных Штатах он — предмет обожания толпы, особенно негров, буржуа обеих стран с веревкой на шее дрожат от мысли восстать против него, даже сдержанно.

То, что сегодня происходит в англосаксонском мире, абсолютно идентично тому, что мы пережили в 1918 г. Еврей при своей неосторожности не мог даже подумать, что он стоит на очереди; духовенство ограничивалось бесстыдной эксплуатацией народа; и в довершение ко всему этому король — этот законченный идиот! Король Англии ничем не лучше, чем Вильгельм II, который в 1918 г. дрожал от страха и не был способен принять ни малейшего решения, с одной лишь мыслью положить свой флаг в свой карман. При таком монархе еврей мог расширяться так, как считал нужным, и вводил свой яд в умы буржуазного мира. Вершиной всего этого является то, что происходит сейчас в англосаксонском мире, как это бывало и у нас: эти идиотские мелкие буржуа считают, что без еврея невозможна какая-либо экономическая жизнь — ибо, как они утверждают, «без еврея деньги не циркулируют». Как будто не было периодов расцвета в нашей экономике до вторжения евреев — а в Средние века, например!

Считаю, что нашей будущей элите надо будет дать суровое воспитание, чтобы у нее был надежный иммунитет от такой подлости. Я выступаю за абсолютно строгий закон наследования и заявляю, что все должен наследовать один ребенок, а остальных надо бросать в горнило жизни и заставлять самостоятельно добывать свой хлеб насущный. Отец, который по-настоящему любит своего ребенка, оставит ему здоровую наследственность и хорошее воспитание.

Хорошее воспитание состоит в следующем:

а) в формировании характера ребенка, усвоении им понятия, что такое «хорошо»;

б) в передаче ему надежных и твердых знаний;

в) оно должно быть твердым в отношении достижения цели и суровым в отношении используемых методов.

Далее, отец, у которого много денег, должен позаботиться о том, чтобы как можно меньше отдать их ребенку. Человек, желающий правильно воспитать свое дитя, не должен терять из виду пример природы, которая не проявляет особенной мягкости.

Крестьянский класс остался здоровым потому, что в деревне применяется эта форма закона. Один ребенок наследует поместье, другие не получают ничего или почти ничего. Точно такую же практику применяет английское дворянство. Титул передается только одному из наследников, а остальным — ничего. Этим самым достигается то, что бананы не падают с деревьев молодым людям в рот, и тем самым создается противоядие от трусости и безделья. Я отдал распоряжения о том, что с нынешнего времени имения, отданные нашим колонистам на восточных территориях, не подлежат дележу. Правом наследовать семейную ферму будет обладать лишь самый достойный сын, а другим детям придется отправиться в путь, чтобы зарабатывать на жизнь. Эти меры применимы к семьям в той же мере, как и к другим одушевленным предметам. Всякий человеческий организм, как бы мал он ни был, должен признавать только одного хозяина — и только тогда патриархат, принятый в семье, имеет хороший шанс на сохранение.

Поскольку уже признано, что нельзя упаковать человека на всю жизнь в коробку, набитую хлопком, прав Борман, считая суровое воспитание, даваемое в наших интернатах, образцом для подражания. Государство может опираться только на способных и мужественных людей. На руководящие посты в обществе можно назначать только тех, кто доказал свою ценность. В нижних слоях общества жизнь сама производит безжалостный отбор. Точно так же народные массы, сталкиваясь со слишком трусливыми правителями, не колеблясь, обращаются с ними с крайней жестокостью. Вот как можно объяснить то, что революция снизу снесла этот неустойчивый карточный домик монархий в 1918 г. Если б в то время имелся хоть один германский князь с качествами Бориса Болгарского, который, оставаясь во главе единственной дивизии, заявил, что не сделает и шагу назад, мы бы избежали этого ужасного крушения. В принципе судьба скорее благосклонна и добра, чем наоборот; она обрекает на дебилность только то, что уже сгнило. Если остался хоть один здоровый и сильный побег, судьба позволяет ему существовать. А вышло так, что хилые немецкие принцы в своем паническом страхе утратили даже способность здраво мыслить, иначе они бы допустили, что сообщение о капитуляции второй гвардейской дивизии могло оказаться неверным!

Доказательством того, что в Англии дела не лучше, чем здесь, что все у них прогнило до мозга костей, является то, что архиепископ Кентерберийский вывесил советский флаг на своем троне.

Нельзя проявлять никакой жалости к тем, кого судьба обрекла на исчезновение. Если уж возрадоваться тому, что такое слабое создание, как нынешний король Англии, неизбежно будет сброшен евреями, духовенством и трусостью буржуазии, мы точно так же должны радоваться, что наши сгнившие потентаты пережили подобную участь после 1918 г. Абсолютно смешно жалеть наши старые монархические дома. Напротив, это большое счастье, что с ними исчезло главное препятствие, все еще стоявшее на пути реализации германского единства. В общем, никогда не следует жалеть тех, кто утратил свою жизненную силу. Если кто заслуживает жалости, так это солдат на фронте, а также изобретатель, честно работающий в окружении жесточайших трудностей. Я бы добавил, что даже тут наши симпатии должны естественным образом ограничиться членами нашей национальной общности.

Как и во всем, природа — лучший советчик, даже в плане отбора. Нельзя себе представить более полезную активность со стороны природы, чем та, которая состоит в установлении верховенства одного творения над другим через постоянную борьбу. Пока мы ведем речь на эту тему, замечу, что интересно наблюдать, как наши высшие классы, никогда не утруждавшие себя заботой о сотнях тысяч немецких эмигрантов или об их бедности, дали волю чувству сострадания евреям, которых мы изгоняем по праву. Наши соотечественники слишком быстро позабыли, что у евреев есть сообщники по всему миру и что никакое иное существо не имеет большей способности адаптации к климату. Все эти любовь и симпатии, поскольку наш правящий класс способен на такие сантименты, было бы лучше направить исключительно — если б этот класс не был продажен — на членов нашего национального сообщества. И тут христиане дают пример. Что может быть еще более фанатичным, несовместимым и более нетерпимым, чем эта религия, которая все строит на любви к одному и единственному Господу, которого она являет? Страсть, которую правящий класс посвящает доброму соотечественнику, с верой и мужеством выполняющему свой долг на благо общества, почему же она не столь фанатична, не столь исключительна и не так нетерпима?

Мои привязанность и симпатии принадлежат, прежде всего, немецкому солдату-фронтовику, которому пришлось преодолевать тяготы прошедшей зимы. Если б стоял вопрос выбора, кто должен управлять нами, нельзя забывать, что война — также проявление жизни, что это даже самое мощное и самое впечатляющее проявление жизни. Поэтому я считаю, что единственные мужчины, подходящие для роли правителей, это те, кто достойно проявил себя на войне. В моих глазах твердость характера более ценна, чем всякое другое качество. Закаленный характер может быть присущ человеку, который в других отношениях совершенный невежда. По моему мнению, мужчины, которых надо ставить во главе армии, — это самые твердые, смелые, умные и, самое главное, самые упрямые и самые

несгибаемые. Эти же люди лучше всего подходят для постов во главе государства — а иначе все, что завоевано мечом, сгниет. Я бы даже сказал, что в своей сфере государственный деятель должен быть даже еще храбрее, чем солдат, который выскакивает из своего окопа, чтоб встретиться с врагом лицом к лицу. Правда, бывали случаи, в которых смелое решение одного лидера могло спасти жизни огромного числа солдат. Вот почему пессимизм — это чума среди государственных деятелей. Надо искоренить всех пессимистов до такой степени, чтобы в решающий момент знания этих людей не смогли повредить их способности действовать.

Последняя зима — наглядный этому пример. Она стала испытанием для того типа людей, которые имеют обширные знания, ибо все книжные черви, которых волнуют аналогичные ситуации, очень чувствительны к катастрофическим эпизодам примеров, на которые они ссылаются. Согласен, те, кто был способен противостоять этой тенденции, нуждались в значительной дозе оптимизма. Отсюда неизбежно следующее заключение: во времена кризисов книжные черви также легко переключаются с положительного на отрицательное. Это поддакиватели, которые в общественном мнении находят дополнительную поддержку своему поддакиванию. Напротив, мужественный и энергичный оптимист — хотя и не всегда обладает глубокими знаниями — всегда завершит дело и найдет выход, ведомый своим подсознанием или просто здравым смыслом.

Хвала Господу, в нашем народе оптимисты в большинстве. Опираясь, кстати, на наших людей, христианская доктрина адресуетя к оптимисту с намерением убедить его, что за нынешней жизнью последует другая, много более лучшая, но при условии, что он вовремя изберет правильную веру — я чуть не сказал «правильную сторону». Если сравнивать по естественной объективности, истинными носителями оптимизма являются женщины. В их потомстве в течение недели после рождения обнаруживаются самые удивительные качества, и они никогда не теряют эту веру.

181

5 апреля 1942 г., полдень

**Украденные германские патенты. — Защита в будущем. —
Нахальство русских. — Будущее Финляндии и Турции. —
Возможности в России. — Значение климата. — Ленинград
обречен**

Обращаясь к профессору Морелю¹:

Мы должны позаботиться о том, чтобы французы не продали наш Germanine, который стал плодом стольких многих исследо-

¹ М о р е л ь Теодор (1890—1948) — личный врач Гитлера.

ваний, под другим названием да еще и как французский товар. Совершенно необходимо внести в мирный договор пункт, запрещающий французам продолжать пользоваться нашими патентами, которые мы были вынуждены передать им по условиям Версальского *диктата*. Вообще-то это сумасшествие — продолжать информировать зарубежные страны по этим вопросам через бюро патентов. За исключением Бразилии, страны, на попрещение изобретательства ничем особенным не отличившейся, нет другой страны, которая не сочла себя вправе аннулировать защиту, связанную с патентами, и безосновательно приписывать себе право пользования нашими патентами. Я хочу, чтобы в будущем германские патенты содержались в строгом секрете.

Меня давно поражает одна вещь. Страны наподобие России или, например, Японии, не имеющие особо примечательных изобретений, чтобы защищать их, привыкли обращаться к Америке, Англии и Германии, когда существуют некоторые продукты или машины, которые они хотели бы производить сами. Они получают какой-то образец этой продукции — станок, например, — присланный из каждой из трех стран, добывают, если можно, соответствующие чертежи, а потом, когда они у них находятся перед глазами, создают четвертую машину, которая, естественно, имеет неплохой шанс стать лучшей... Год сотрудничества с Россией показал мне, как далеко может зайти наглость в этом деле. Пользуясь до крайности трудной ситуацией, в которой я оказался, Советы дошли до того, что стали требовать для себя право закупать локационное оборудование, предназначенное для артиллерии, линкоров и даже для крейсеров вместе с чертежами. В то время ситуация была такой, что мне пришлось кончить тем, что я послал им тяжелый линкор. К счастью, затягивая поставки, я сумел оставить их без снабжения артиллерийским материалом. Это дало мне урок, который будет полезен на всю жизнь. Когда русские эксперты приезжали на какой-нибудь завод покупать технику, иногда случалось, что, осмотрев все, что им было показано, они изъявляли желание изучить такую-то и такую-то машину, о существовании и месте нахождения которой им было известно. Коммунизм создал такую систему шпионажа, которая даже сегодня восхитительно действует.

После своего первого конфликта с русскими финны обратились ко мне, предлагая перевести свою страну под немецкий протекторат. Я не сожалею, что отказал им в этом. Дело в том, что героическое поведение этого народа, затратившего сто из шестисот лет своей истории на борьбу, заслуживает величайшего уважения. Но бесконечно лучше иметь этот народ героев союзником, чем влить его в состав Германского рейха, что в любом случае в перспективе обязательно вызовет осложнения. Финны прикрывают один из на-

ших флангов, Турция — другой. И для меня это идеальное решение в плане нашей политической защитной системы.

Независимо от этих соображений климат Карелии, не говоря о других районах, вообще не подходит для нас, немцев. Если мне случится навестить там наших храбрых солдат и они спросят меня, что я думаю об этих бесплодных землях (которые сами русские не пытались освоить), я смогу только разделить их чувства. Совсем другое дело с Норвегией, которая, благодаря наличию течения Гольфстрим, обладает много более благоприятными климатическими условиями. Так что рейхсфюреру СС¹ не стоит питать надежд на замену русских исправительных колоний на Мурманском канале контингентом его концентрационных лагерей. Труд этих людей в первую очередь понадобится на строительстве военных заводов, которые мы будем создавать на обширных российских территориях. Кроме того, что касается русских территорий, которые окажутся под нашим суверенитетом, проблем настолько много, что работы хватит на несколько столетий. В центральном секторе надо будет культивировать болота, которые простираются за горизонт, и их будем засаживать камышом. В будущем они создадут барьер, который остановит жуткие волны холода в русскую зиму. В других частях надо будет устроить плантации крапивы, ибо, как показывают опыты, проведенные одной из гамбургских фирм, волокно этой крапивы пригодно для производства целлюлозы много лучшего качества, чем хлопок. Кроме того, становится срочно необходимым восстановление лесонасаждений на Украине, чтобы эффективно бороться с дождями, которые являются настоящим бичом для этих районов. Наши охотники сделали действительно хорошее дело, когда ради удовлетворения своей страсти к охоте засадили лесами 37% германской территории. А тем временем на всей периферии Средиземноморья люди вырубают леса, не задумываясь о важности леса и последствиях своих действий.

Поскольку встает вопрос о будущем Ленинграда, я отвечаю, что для меня Ленинград обречен на гибель. Как сказал один из офицеров, которого я недавно награждал крестом с дубовыми листьями, голод уже уменьшил население Ленинграда до двух миллионов. Если подумать, как сообщает турецкий посол в России, что город дипломатов уже не может предложить ничего, достойного еды; и если также узнаешь, что русские по-прежнему едят мясо павших лошадей, нетрудно представить, что население Ленинграда быстро сокращается. Свою долю в уничтожение города внесли бомбы и артиллерийский огонь. В будущем Нева станет служить границей между Финляндией и нами. Пусть также сгниют порты и доки Ленинграда! Дело в том, что на Балтике может быть лишь один хозяин, а Балтика должна стать внутренним морем Германии. Вот почему мы должны следить за тем, чтобы не было места для любого крупного порта на перифе-

¹ Генрих Гиммлер.

рии нашего рейха. Для удовлетворения наших морских торговых нужд вполне хватит развития наших портов и в странах Балтики, так что мы легко сможем обойтись без порта Ленинграда, который в любом случае полгода блокирован льдами.

182

5 апреля 1942 г., вечер

Попробуем ли мы онемечить французов? — Претензии Муссерга. — Очень ограниченная автономия в Великом германском рейхе. — Пример Австрии. — Гиммлер о фрисландцах. — Германизация Голландии. — Иностранские легионы на Восточном фронте. — Смешение всех германских рас. — Нет излишней германизации. — Недоверие к полякам. — Предатели в наших рядах. — Спонтанное предательство. — Как Германии следовало показать свой дух сопротивления в 1918 г. — Колдовской трюк адмирала Дарлана. — Франция заплатит за ошибки Версаля

За ужином рейхсфюрер СС заявил, что лучшим, по его мнению, решением французской проблемы было бы ежегодно вывозить определенное количество расово полноценных детей, отобранных среди германской части населения во Франции. Необходимо устроить этих детей, пока они еще маленькие, в германских интернатах и обучать их в отрыве от их французской национальности, которая им выпала случайно, чтобы дать им понимание их германской крови и тем самым привить осознание их причастности к великой группе германских народов¹. Фюрер ответил:

Для меня все эти попытки германизации мало что значат — до сих пор, по крайней мере, не было успешных попыток обосновать их подходящей концепцией мира. Что касается Франции, не надо забывать, что военная репутация этой страны зиждется не на духовной ценности этой нации, а главным образом благодаря факту, что на континенте французы сумели использовать некоторые военные комбинации в условиях, которые были для них благоприятными (например, во время Тридцатилетней войны). Всякий раз, сталкиваясь с Германией, которая знала себе цену, они получали взбучку — например, при Фридрихе Великом, в 1940 г. и т. д. Факт, что они одержали победы мирового значения под руководством этого уникального военного гения, корсиканца Наполеона, не делает никакой разницы. В своей массе французский народ мелкобуржуазен до такой степени, что было бы триумфом, если б удалось удалить элементы германского происхождения из-под контроля правящего класса страны.

¹ «Жуткая теория!» (собственноручное примечание Бормана).

Вслед за этим рейхсфюрер СС перевел разговор на тему своего опыта работы с Муссертом, лидером голландских националистов¹. «Что меня поразило, — сказал он, — это то, что Муссерт пытается вернуть себе свой легион. Он пробовал объяснить мне, что для обеспечения военной безопасности при захвате власти в Голландии ему нужен Голландский легион, который в данное время сражается на Восточном фронте. Я дал ему понять, что на это нечего надеяться, указав, что, напротив, как только война закончится, у него в Голландии будет ровно столько солдат, сколько сейчас воюет на Восточном фронте. Для территориальной обороны федеральная голландская армия ему не нужна, так как после войны эта оборона станет исключительно нашим делом. А содержать крупную федеральную армию для показухи нет необходимости».

Фюрер изложил свое мнение:

Муссерт в моем присутствии весьма странно выражался по поводу клятвы, которую дают легионеры. Вот почему я спросил его, думал ли он, что я с легкостью на сердце разделил свою австрийскую родину на несколько гау для того, чтоб избавить ее от сепаратистских тенденций и легче инкорпорировать ее в Германский рейх. А разве у Австрии нет своей собственной истории — в пять раз более светской, — истории, которая воистину не лишена возвышенных моментов? Очевидно, обсуждая эти проблемы, надо быть очень осторожным, касаясь конфронтации между голландцами и норвежцами. Никогда нельзя забывать, что в 1871 г. Бавария ни в коем случае не согласилась бы стать частью Пруссии. Бисмарк уговорил ее только согласиться стать частью великой ассоциации, связанной родством, — то есть Германии. Не говорил ли я австрийцам в 1938 г., что хочу объединить их с Германией, но я настаивал на том, что Германия и Австрия должны объединиться, чтобы образовать Великий германский рейх. Точно так же, выступая перед германцами северо-запада и севера, надо всегда пояснять, что то, что мы строим, есть Германский рейх, или просто рейх, где Германия составляет всего лишь самый мощный источник ее силы как с идеологической, так и с военной точки зрения.

Рейхсфюрер подчеркнул эти последние слова фюрера, обратив внимание, что среди различных групп населения, собранных в Голландии, нет настоящего чувства принадлежности одной общности: «Наблюдается, например, что голландские фрисландцы в том, что касается родства, не чувствуют себя связанными с другими голландцами; также не найти в них национального голландского чувства, основанного на твердой идее государства. Похоже, голландские фрисландцы предпочли бы воссоединиться с фрисландцами по ту сторону Эмса, кому они сродни по крови».

¹ «В окружении Гимmlера Рост ван Тоннинген всегда работал против Муссерта» (примечание Бормана).

Фельдмаршал Кейтель поддержал эту точку зрения на основе своего опыта. Он полагает, что фрисландцы за пределами Эмса желают лишь одного, а именно — объединиться с фрисландцами на ближней стороне Эмса в одну административную единицу.

Фюрер после некоторого размышления заявил, что если дело обстоит так, то лучше всего будет объединить фрисландцев на обоих берегах Эмса в одну провинцию и что при случае он обсудит этот вопрос с Зейсс-Инквартом.

Затем рейхсфюрер СС заговорил о создании в Голландии интернатов для политического обучения молодежи, двух для мальчиков и одного для девочек, под названием «школы рейха» — титулом, одобренным фюрером. Треть учащихся будут составлять голландцы, а две трети — немцы. После определенного периода голландские учащиеся, в свою очередь, посетят какую-нибудь подобную школу в Германии. Рейхсфюрер СС объяснил, что для того, чтоб гарантировать, что обучение будет вестись согласно целям Германского рейха, он отказался от финансовой поддержки со стороны Голландии и попросил Шварца предусмотреть конкретную сумму исключительно для финансирования этих школ. Есть проект создания подобных школ в Норвегии. Они тоже будут финансироваться только казначейством партии рейха. «Если мы хотим оградить германскую кровь от проникновения в правящие классы людей, над кем мы господствуем и которые затем пойдут против нас, нам надо постепенно подвергать все драгоценные германские элементы влиянию этого обучения».

Фюрер согласился с этой точкой зрения.

В любом случае мы не должны совершать ошибок, зачисляя в германскую армию иностранцев, которые нам кажутся стоящими парнями, до тех пор, пока они не докажут, что исключительно преданы идее Германского рейха. Пока мы беседуем на эту тему, хочу сказать, что скептически отношусь к участию всех этих иностранных легионов в нашей войне на Восточном фронте. Нельзя забывать, что, пока иностранный легионер не убедится в своей расовой принадлежности Германскому рейху, он непременно будет чувствовать, что предает свою страну. Падение монархии Габсбургов ясно показало весь размер этой опасности. Тогда тоже считалось, что другие народы можно покорить — поляков, чехов и т. д., — отведя им место в военной структуре австрийской армии. И все же, как только пришел решающий момент, стало ясно, что именно эти солдаты стали знаменосцами восстания. Вот почему далее не имеет смысла строить Германский рейх по образцу старой Германии. Невозможно объединить германские народы под складками черно-бело-красного флага старой Германской империи — по той же самой причине, которая не позволила баварцам в 1871 г. вступить в Германский рейх под флагом Пруссии. В этом причина, почему я начал с того, что дал национал-социалистической партии в качестве символа союза всех германцев новый объединительный знак,

действующий и внутри нашей собственной национальной общности, — флаг со свастикой.

Надо избегать германизации нашего жизненного пространства в слишком больших масштабах. Давайте будем осторожными, особенно с чехами и поляками. Как говорит Гиммлер, история доказывает, что у поляков их национальность вытатуирована на их телах. Поэтому необходимо держать их под контролем, придавая им максимально возможную твердость германских офицеров и вольнонаемных, а также добиваясь того, чтобы численно германские элементы превосходили их. Было договорено с генерал-губернатором оккупированной Польши Франком¹, что район Кракова (с его чисто германской столицей), а также район Люблина будут заселены немцами. Как только эти два слабых пункта будут укреплены, станет возможным медленно оттеснять поляков. Не верю, что тут нужна большая осторожность, иначе мы обречем себя на повторение опыта, полученного нами при разделах Польши. Душа Польши оставалась живой, потому что, с одной стороны, поляки не принимали всерьез русское господство, а с другой стороны, они сумели поставить себя в политически сильную позицию по отношению к немцам. А этому способствовала их преданность католицизму, глубоко окрашенная политикой (можно даже сказать, что поляки играли решающую роль в германской внутренней политике).

Для будущего очень важно, чтобы немцы не смешивались с поляками, чтобы новая германская кровь не передавалась польскому правящему классу. Гиммлер прав, когда говорит, что польские генералы, которые оказали серьезное сопротивление в 1939 г., были, так сказать, исключительно германского происхождения. Общеизвестный факт, что именно лучшие элементы нашей расы, потерявшие понятие о своем происхождении, примыкают к правящему классу страны, которая их приняла. Что до менее ценных элементов, они сохраняют характеристики своей этнической группы и остаются верными своему германскому происхождению. Такая же осторожность нужна по отношению к чехам. Они весьма искусны в усыплении недоверия своих оккупантов и чудесно играют роль подданных. Действительно, за плечами у них пять столетий этого опыта! Я видел их за работой в Вене в дни моей юности. Приехав без гроша и волоча свои изношенные ботинки по улицам города, они быстро усваивали венский акцент — и в один прекрасный день с удивлением обнаруживаешь, что они уже устроились на ключевых позициях.

Мы не завоюем мир на расовом уровне, пока рейх не научится поддерживать определенное положение. В конфронтации с Соединенными Штатами, чье население вряд ли больше нашего, наша сила лежит в том, что четыре пятых нашего народа — германской расы.

¹ Ф р а н к Ханс (1900—1946) — генерал-губернатор Польши (1939—1944).

Поведение наших правителей после коллапса 1918 г. было просто немыслимым. Многочисленные промышленники в то самое время пытались спрятать от врага часть нашего оружия — а это оружие было тем более ценным, потому что являло собой результат усилий, терпеливо и настойчиво затраченных нашими специалистами. Совсем не поддерживая и не подбадривая этих промышленников в их попытках, наши правители, наоборот, создавали для них множество трудностей, доходя до обвинений в предательстве интересов страны. А ведь было не так трудно избежать выполнения условий Версальского диктата! Не так легко было организовать контроль, и кто бы в ходе проверки смог определить, что сдано только тридцать тысяч пушек вместо намеченных пятидесяти тысяч? А фактически их было тридцать тысяч!

Несомненно, в этот момент по Германии разгуливал дух предательства. Почему все наши правители не обращались с предателями так, как это делали Пенер и Фрик в Мюнхене? Там, благодаря встроенным в кресла микрофонам во вражеских комиссиях по разоружению, им иногда удавалось поймать предателей за работой. Когда это происходило, они тут же ловили их на крючок с помощью чинов криминальной полиции (которые выдавали себя за французов) и тут же арестовывали.

Если бы у Германии было серьезное намерение противостоять разоружению, то сам Версальский договор давал нам такую возможность. Ничто не мешало нам строить множество скоростных моторных лодок, поскольку не запрещалось строительство судов такого тоннажа. Что до военных кораблей, можно было устанавливать их водоизмещение намного выше официально признанных величин. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы кто-то заметил, что мои тяжелые крейсера вовсе не соответствуют официальным характеристикам, особенно там, где речь идет о водоизмещении? С помощью маленьких хитростей можно сотысячную армию превратить в школу для офицеров и некомиссованных офицеров. Установив короткий срок службы, можно было подготовить достаточно солдат и располагать, при необходимости, восемью или девятьюстами тысячами человек. Понятно, такие поручения нельзя было доверять трусам. Первый раз, когда я дал приказ возобновить производство 21-сантиметровых пушек, какой-то скромный парень зарегистрировал мой приказ на 6 пушек, хотя я приказал изготовить шестьдесят. Мне пришлось дать понять этим господам, что какая разница, намного или ненамного превзойдены требования договора, если они уже нарушены. Точно так же можно было бы соорудить бетонные укрепления вдоль франко-германской границы и закамуфлировать их под пещеры для детских домов, госпиталей и т. п. Тогда на случай конфликта с Францией у нас была бы система, сравнимая с нашим Западным валом.

В наше время обязанность нашего Верховного командования состоит в том, чтобы не дать французам играть с нами в эти игры.

Меня поразила формула, использованная адмиралом Дарланом¹ в его воззвании к французам. Вместе с тривиальными вещами он касается «предосторожностей на будущее», как если бы имел в виду одну из целей своей политики. К сожалению, я не имел возможности попросить его разъяснить это загадочное заявление. В любом случае я бы привлек его внимание к тому, что он, похоже, вынашивает некоторые идеи, с которыми я знаком по дням своей борьбы. И я б добавил, что трюки маленького плута не могут обмануть плута-мастера. Такова уж судьба Франции: в течение следующих пятидесяти лет искупать ошибки Версаля.

183

6 апреля 1942 г., полдень

Германские представители за рубежом. — Необходимость изменения наших методов. — Следовать примеру Британии. — Почетные награды

На Вильгельмштрассе определенно недовольны составом своих консулов. Это в большинстве своем почетные консулы, которым доверена защита германских интересов за рубежом, люди, ухитрившиеся получить почетный титул, а теперь занятые единственно личными делами, а не проблемами, которые интересуют нас, не защитой наших соотечественников, проживающих за рубежом. После войны нам потребуется полностью изменить эти категории и на практике отказаться от системы консулов, которые не сделали консульскую службу своей карьерой. Даже если это и будет дороже стоить, мы должны следовать примеру англичан и отправлять за границу дипломатические миссии, в которых будут действительно стоящие люди, и платить им соответственно. Результат будет достоин затрат. Задача дипломата в стране пребывания состоит в адекватном представлении германских интересов. Более того, он обязан с помощью подробных докладов точно информировать свое правительство обо всех целесообразных мерах. Если б наши миссии за рубежом выполняли свои обязанности, это бы значительно облегчило задачи центральной администрации. Надо, чтобы на Вильгельмштрассе было меньше людей, а их работа стала более эффективной.

Перейдя к другой мысли, фюрер стал размышлять, стоит ли вручать почетные награды иностранцам за хорошую работу. Посол Гевель ответил, что стоит, но, правда, с некоторыми ограничениями.

¹ Д а р л а н Жан (1881—1942) — адмирал, вице-президент, главнокомандующий вооруженными силами Виши.

Я часто думаю над этим вопросом. Вместо того чтобы предлагать золотые портсигары, как это мы делаем до настоящего времени, в наших интересах предлагать награды. Они, если только не украшены алмазами, стоят от двух с половиной до двадцати пяти марок, а золотой портсигар нам обходится в семьдесят марок. Видя, какой успех мы имеем с награждениями, нечего раздумывать. Сказать правду, я не очень люблю этот вид торговли. Не могу себе представить, как я объявляю, что за сто тысяч марок кто-то становится вице-консулом, за пятьсот тысяч — консулом, а за миллион — генеральным консулом. Однако в этом случае имперская Германия получает дополнительные ресурсы. Ей было специально дано право обратить титул *Kommerzienrat* [торговый советник. — *Пер.*] в наличные.

В этом вопросе стоит действовать осторожно — иначе титулы и награды потеряют свою цену. Думаю, «старый Фриц»¹ поделился бы своим умом с Прусским государственным советом — жалкая попытка воскрешения, — если б мог увидеть это собрание бездельников за работой.

184

7 апреля 1942 г., за ужином

Великие мятежи 1918—1919 гг. — Клика злоумышленников. — Наш долг перед немецкими идеалистами. — Сколько стоят клерикалы германскому государству. — Как сэкономить на церковном бюджете. — Создать трудности на пути вербовки в духовенство. — Архиепископ рейха. — Пастор Нимеллер². — Мелкие интриганы

Если внимательно изучать материалы по революции 1918—1919 гг., то можно заметить, что это ни в коем случае не было проявлением великой идеи. Это был обширный мятеж, подстрекаемый, прежде всего, подонками, только недавно вышедшими из тюрем и исправительных домов. Почитайте доклады о распространении этой революции в Кельне, Гамбурге или любом другом городе, и поймете, что это так называемое народное восстание отличалось, прежде всего, грабежами и вымогательством. Поэтому чувствуешь только презрение к тем трусам, что бежали от этой банды.

Если бы сейчас случилась малейшая попытка мятежа в любом месте всего рейха, я бы немедленно принял меры. Вот что я сде-

¹ Прозвище Фридриха II Великого (1712—1786) — короля (с 1740) Пруссии.

² Н и м е л л е р Мартин (1892—1984) — пастор, глава антинацистских Конфессиональной церкви и Пасторского союза.

лаю в таком случае: а) в тот же день все лидеры оппозиции, включая руководителей католической партии, будут арестованы и казнены; б) весь контингент концентрационных лагерей будет расстрелян в течение трех дней; в) все преступники в наших списках — безразлично, в тюрьме или на свободе — будут расстреляны в тот же срок.

Уничтожение этих нескольких сотен или тысяч человек сделало бы другие меры излишними, ибо это восстание потерпело бы неудачу из-за отсутствия главарей и сообщников. Что касается оправдания массовых казней, мне достаточно лишь вспомнить о немецких идеалистах, которые рискуют своими жизнями на фронте перед врагом или проявляют самоотверженность где-нибудь на военном заводе, какую бы работу ни выполняя, и прилагают все усилия для победы отечества.

Это в самом деле большой скандал, что мы выдаем германской церкви такие огромные субсидии. Так не делают даже в самых глубоко католических странах, за исключением Испании. Если я не ошибаюсь, наши церкви до сих пор получают девятьсот миллионов марок в год. Ныне основная деятельность священников состоит в подрыве национал-социалистической политики. Привычка эксплуатировать государство уходит в далекое прошлое. В периоды национальной напряженности католическая церковь всегда старалась занять позиции власти мирской и всегда за счет немецкого сообщества. Проблемы наших императоров никогда не представляли по-пам шанса доказать свои германские взгляды. Напротив, среди них было традицией пользоваться всяким удобным случаем, чтобы дать себе волю в своих эгоистических проделках. Так что не стоит очень сожалеть, что такая сильная личность, как Лютер, обрела лишь хилых последователей.

А иначе никогда бы не было возможно восстановить в Германии церковь на достаточно прочном фундаменте, чтобы позволить ей просуществовать до сегодняшнего дня.

Вместо того чтобы проматывать эти миллионы на церковь, я всерьез задумываюсь, а не лучше бы было большую их часть истратить на строительство ферм для наших солдат-крестьян. Гиммлер рассказал мне, что каждая из таких ферм стоит примерно двадцать три тысячи марок, включая все необходимые приспособления. Таким образом, каждый год мы можем предлагать тем нашим солдатам после двенадцати лет службы, которые захотят заняться сельским хозяйством, более трех тысяч ферм, чистых от всех долгов. Конечно, надо будет настаивать на том, чтобы эти люди женились только на деревенских девушках. Также надо будет посылать их во время двенадцатого года службы на сельскохозяйственные курсы в районе, где они собираются обосноваться,

чтоб дать им соответствующую подготовку. В рамках этого проекта важно будет создать большое количество таких школ. Ввиду разнообразия рабочих условий в будущем рейхе эти школы, чтобы оказаться по-настоящему полезными, должны учитывать особенности региона, в котором будут созданы.

По размышлении кажется, что дотаций в пятьдесят миллионов в год для католической церкви будет достаточно. Они будут выплачиваться напрямую князьям церкви, которые станут ответственными за ее распределение. Тем самым у нас появится «официальная» гарантия (поскольку это будет внутренним делом церкви) «справедливого» дележа денег. Эти пятьдесят миллионов наверняка принесут больше пользы, чем девятьсот миллионов, которые сейчас каждый год уходят на ветер. Можно спорить на что угодно, опираясь на исторические прецеденты, что князья церкви будут лизать мои сапоги за эти деньги, а еще больше, если позволить им делать с деньгами все, что им захочется. Поэтому, если можно купить высших сановников церкви за деньги, так давайте купим их! А если кому-то из них захочется наслаждаться жизнью и для этой цели он готов запустить свою лапу в кассу, ради любви к Господу, оставим его в покое! Бояться надо аскетов с кругами под глазами и фанатиков.

После войны я приму необходимые меры, чтобы максимально затруднить вербовку новых попов. В особенности я больше не позволю детям в возрасте от десяти лет и выше посвящать свою жизнь церкви, когда они совершенно не имеют понятия о том, что творят, — соглашаясь на безбрачие, например. Только человек, которому исполнилось двадцать четыре года и который завершил свою трудовую повинность¹, и военную тоже, будет способен заняться духовной карьерой. В этом возрасте уж если кто-то готов дать клятву безбрачия — что ж, пусть становится священником с божьей помощью! Кстати, это напоминает случай, когда какие-то идиоты сделали мне дурацкое предложение, чтобы ввести безбрачие для руководителей партии! Касаясь этой темы, интересно было бы знать, как им до сих пор удается заполнять женские и мужские монастыри. У женщин главная причина — сентиментального характера. С другой стороны, у мужчин обычно решающую роль играют не чувства, не разум, а более приземленные мотивы типа материальных неурядиц, например. Во время исков, предъявленных монастырям, было выявлено, что людей в многочисленных случаях превратиться в монахов заставляла бедность. Мужчин, которые пытались вырваться на свободу, попы отлавливали и возвращали назад. Так что надо радоваться, что закрытие монастырей позволит

¹ Согласно закону от 26 июня 1935 г. все немцы мужского пола в возрасте от 17 до 24 лет были обязаны до призыва в армию в течение 6 месяцев отслужить в организации «Имперская трудовая повинность» (руководитель рейхсарбайтфюрер Константин Гирль).

нам восстановить нормальную жизнь многих людей, которые способны служить обществу и желают трудиться. Эта мера не повлечет особых проблем. Дело в том, что монастыри — это в основном корпорации и, следовательно, могут быть распущены с помощью частных соглашений, достигнутых с настоятелем. Будет настоятель получать пятьсот марок, а его прямые доплаты за сотрудничество будут от ста до двухсот марок, и большинство из них будет готово отказаться от своей уединенной жизни. В старое время в Австрии таким образом было закрыто около тысячи монастырей.

Жаль, что в своем конфликте с католической церковью никоим образом нельзя рассматривать евангелическую церковь как какого-то соперника. Этот факт отражается даже в мелочах, и это меня поразило во время одного дипломатического приема. Нунций и сопровождавший его епископ в своих великолепных одеяниях имели столь высокий стиль, что никак не скажешь, что католическая церковь недостойно представлена. А напротив них у представителей евангелической церкви были накрахмаленные воротники сомнительной чистоты и засаленные сютуки. Их одеяние было настолько неуместно в этой обстановке, что я сказал им, что для следующего дипломатического приема готов прислать им приличную одежду. Эти представители евангелической церкви так мелкобуржуазны, что даже попытались дискредитировать в моих глазах протестантского епископа рейха¹, сообщив мне, что тот истратил четырнадцать тысяч марок на покупку новых костюмов и одежды для спальни и гостиной. Я возразил господам, что, если б они попросили у меня субсидию в тридцать тысяч для этого епископа (и в его лице — папы евангелической церкви), я бы сразу же дал их от государства; но, так обращаясь ко мне, как они это сделали, они вынесли свой собственный приговор. Люди такого рода не имеют вида, который бы позволил евангелической церкви достойно соперничать с католической. Предел всему — эти люди даже нечестны. Например, в период, когда возобновилась борьба за смещение епископа рейха, маршал Геринг сумел зарегистрировать телефонный звонок от пастора Нимеллера кому-то. Нимеллер, ссылаясь на разговор с Гинденбургом, похвастался в следующих словах: «Мы дали старику высшее помазание и такую навесили лапшу, что он определенно готов уволить этого сутенера из епископов!» В тот же день Нимеллер пришел ко мне и изложил это дело в самом елейном стиле, усыпав свою речь цитатами из Библии, пытаясь уговорить меня принять меры против епископа рейха. Тогда я попросил Геринга зачитать запись подслушанного телефонного разговора. Если б вы видели, как перепугались Нимеллер и представители евангелической церкви

¹ Мюллер Людвиг (1883—1945) — пастор, с 1933 г. избран имперским епископом, лидер пронацистского Германского движения за веру.

иже с ним! Они буквально рухнули, онемев и став незаметными. Некоторое время спустя я рассказал Гинденбургу об этом случае. Тот прикрыл все это дело, заметив: «Дело в том, что даже самый ничтожный из этих интриганов мнит себя папой римским!»

185

8 апреля 1942 г., полдень

Трусость средних классов. — Нацистская партия завоевывает популярность среди рабочих. — Нюрнберг, цитадель марксизма. — Германские рабочие и их еврейские хозяева

С самого начала своей политической деятельности я взял за правило не проявлять благосклонность к буржуазии. Политическая позиция этого класса содержит признаки малодушия. Это касается исключительно порядка и спокойствия, и нам известно, как *это* понимать. Я стремился, наоборот, пробудить энтузиазм мирового рабочего класса к моим идеям. Поэтому первые годы моей борьбы были сосредоточены на этой цели: отвоевать рабочий класс на сторону национал-социализма. И вот как я это делал:

1. Я следовал примеру марксистских партий, раскрашивая плакаты в режущий глаз красный цвет.

2. Я использовал пропагандистские автомашины, которые были буквально сплошь обклеены плакатами огненно-красного цвета, с укрепленными на них красными флагами и оснащенными громогласными динамиками.

3. Я заботился о том, чтобы все члены движения приходили на митинги без накрахмаленных воротничков и без галстуков, усвоив чуждый условностей стиль, чтобы войти в доверие к рабочим.

4. В отношении буржуазных элементов, которые, не являясь фанатиками, хотели вступить в ряды национал-социалистической партии, я делал все, чтобы избавиться от них, — прибегал к крикливой пропаганде, растрепанной одежде и т. д. Моей целью было самого начала избавиться от революционеров в кроличьей шкуре.

5. Я приказал нашей охранной службе бесцеремонно обращаться с противниками и выгонять их с наших собраний с такой грубостью, что вражеская печать — которая в противоположном случае игнорировала бы наши митинги — наделала много шума из ударов и ран, которые сама же спровоцировала, и тем самым привлекла к ним внимание.

6. Я засылал некоторых своих людей, чтобы они принимали участие в собраниях в школах, организованных другими партиями. Благодаря этому мы получали хороший доступ к аргументам, которые будут использованы теми, кого посылали для срыва на-

ших митингов разными выкриками, и так мы смогли заставить тех замолчать в тот же момент, как только они раскрывали рты. Я занимался с женщинами из марксистского лагеря, которые принимали участие в дискуссиях, высмеивая их, привлекая всеобщее внимание к дыркам в их чулках или к тому, что у них грязные дети. Женщину призывом к благоразумию урезонить невозможно: а если б с ними на собраниях грубо обращались наши вышибалы, то это вызвало бы возмущение в обществе, а потому лучше всего было прибегнуть к насмешке, и это давало великолепные результаты.

7. На всех своих митингах я импровизировал. Однако среди слушателей всегда было несколько членов партии с наставлением прерывать мою речь в тщательно отобранных местах, чтобы создать впечатление стихийного выражения общественного мнения, и эти перерывы весьма подкрепляли мощь моих аргументов.

8. Если вмешивалась полиция, женщинам-партийцам давалось поручение отвлечь их внимание либо на наших противников, либо на совершенно посторонних лиц, случайно оказавшихся у входа в зал. В подобных случаях полиция неизменно слепо выполняла свою работу, как свора борзых, а для нас этот метод был самым эффективным как в плане, чтобы избавиться от нежелательных элементов в аудитории, так и чтобы избавиться от самой полиции.

9. Я расстраивал митинги других партий, подсылая членов нашей партии под видом распорядителей для поддержания порядка, но на самом деле с инструкциями буйствовать и сорвать митинг.

Разумно пользуясь всеми перечисленными методами, мне удалось завоевать поддержку такого большого числа лучших элементов рабочего класса, что на последних выборах, проходивших до нашего прихода к власти, я смог провести не менее ста восьмидесяти тысяч митингов.

Особенно ценные услуги в нашей борьбе за рабочий класс оказал Юлиус Штрейхер. И сейчас мы должны быть благодарны ему за взятие Нюрнберга, этой когда-то цитадели марксизма. Население этого города — та его часть, которая как-то интересовалась политикой, за исключением еврейской колонии, — состояло из рабочего люда, бывшего либо в рядах социалистической, либо коммунистической партии.

Своими непрекращающимися атаками на евреев Штрейхер сумел отколоть рабочих от их еврейских хозяев. И все равно рабочие Нюрнберга, большей частью занятые металлообработкой, были толпой невежд и оставались самыми упрямыми приверженцами марксизма. А потому успех Штрейхера тем более примечателен, и он проявил себя мастером тактики ведения митингов. Он не только уничтожал цеховых старост градом насмешек, но и лишал их всякой возможности дать отпор и пользовался их замешательством как дополнительным оружием для убеждения рабочих.

9 апреля 1942 г., полдень

Экономические и военные промахи, которые не следует повторять. — Пример американской автомобильной промышленности. — Массовое производство и ограниченное число моделей. — Уникальный мотор с воздушным охлаждением. — Наш долг благодарности Дино Альфиери¹. — Выбросить слово «если». — Критерии оценки политиков. — Итальянский разгром в Албании. — Как восстановить порядок в бегущей армии

Эта война, как и Первая мировая, в большой степени привела к стандартизации нашего промышленного производства. Но мы не должны повторять ошибок, которые совершили в конце 1918 г.; надо сделать так, чтобы наши достижения и опыт военного времени, как экономические, так и военные, в дни грядущего мира не были утеряны из виду.

В области экономики мы многому можем поучиться у Соединенных Штатов. Автомобильная промышленность США путем стандартизации типов машин и серийного производства снизила стоимость автомашины до такой степени, что каждый их рабочий может себе позволить иметь машину. Наше собственное производство показывает совершенно противоположное. Мы постоянно вводим новые модели и модифицируем и улучшаем существующие. А в результате нам приходится производить огромное количество и разнообразие запасных частей, потому что детали различных моделей одной и той же марки автомашины не взаимозаменяемы. В Америке ничего подобного не происходит.

После окончания боевых действий нам по военным соображениям придется ограничить немецкую индустрию производством десятка моделей, а главной целью этой отрасли промышленности должно стать упрощение конструкции двигателя. Более высокую мощность можно достичь скорее увеличением количества стандартных цилиндров, чем созданием множества новых цилиндров. Также надо упростить приборную доску. Но самой важной задачей должен стать проект единого двигателя, который можно было бы использовать как в полевой кухне, так и в автомашине скорой помощи, машине разведки, буксире или тяжелом артиллерийском тракторе. Двадцативосьмисильный двигатель «фольксвагена» мог бы удовлетворить всем этим армейским требованиям. Нынешняя война доказала, что большие скорости — не для военного использования и надо избавиться от этой мании — гонки за эксплуатационными качествами. Будет вполне достаточно, если упомянутые выше военные автомашины смогут достичь скорости между десятью и двадцатью километрами в час.

¹ А л ь ф и е р и Дино — посол Италии в Германии (с 1940).

Идеальный стандартный двигатель, который я себе представляю, должен обладать двумя качествами:

- а) должен иметь воздушное охлаждение;
- б) должен быть прост и удобен для разборки и замены.

Особенно важна последняя характеристика, потому что, как показала эта война, труднее найти запасные части, чем получить укомплектованный двигатель. Очевидно, также надо предусмотреть стандартизацию и упрощение конструкции планируемого двигателя в больших масштабах.

В ответ на замечание посла Гевеля о том, что в Берлине были озвучены сомнения о способностях итальянского посла, сеньора Альфиери, фюрер сказал:

Исключительные услуги, оказанные Альфиери делу германо-итальянской дружбы, значительно перевешивают всякие мелкие слабости, которые он, может быть, сейчас проявляет. Я никогда не забуду, что во время австрийского национал-социалистического переворота в 1934 г., который привел Муссолини к одной политической ошибке¹ в его жизни, Альфиери был среди тех, кто выступил на стороне Германии. Этой маленькой группе принадлежит огромная заслуга в том, что Муссолини был предупрежден об интригах и ложной дружбе с французами и тем самым спасен от дальнейших серьезных политических ошибок. Невооруженная Германия того времени вышла бы из войны с объединенными силами Франции, Италии и Великобритании в том же состоянии разрухи и опустошения, что и после Тридцатилетней войны.

Критерии, согласно которым следует судить о политическом деятеле: во-первых, его позитивные качества, а во-вторых, его фактические заслуги перед страной. В политике имеют значение только факты, и любое жонглирование с возможными гипотезами совершенно бесполезно. Например, абсолютно верно, но бесполезно утверждать, что, если бы римляне были побеждены гуннами на Каталаунских полях, развитие западной культуры было бы невозможным, а цивилизация того времени была бы уничтожена, — как действительно в наше время наша собственная цивилизация погибнет, если Советы победят в этой войне.

В политике необходимо избегать использования этого маленького слова «если». Где были бы мы сегодня, ЕСЛИ БЫ у чехов нашлось немного воображения или ЕСЛИ БЫ поляки были реалистами и вершили бы свои дела с чуть большей честностью? Доказано, что поляк — мечтатель, а чех — совершенный реалист, что позволило нам быстро и успешно установить новый порядок на территориях, ранее известных как Чехословакия и Польша.

¹ 25 июля 1934 г., во время неудачной попытки захвата власти нацистами, Бенито Муссолини поддержал легитимное правительство Австрии.

Точно так же невозможно представить себе, что бы случилось, ЕСЛИ БЫ в Албании, благодаря Муссолини, не стабилизировался итальянский фронт. В один момент вспыхнули бы все Балканы как раз тогда, когда наше продвижение на юго-восток находилось все еще в начальной стадии. Самым серьезным аспектом в этой ситуации стал бы факт, что нам нельзя доверять торжественным заявлениям русских о дружбе. Возможно, что мы никогда не получили бы разрешения царя Болгарии на вход переодетых германских командос на территорию его страны с заданием подготовить условия к вступлению наших войск. Фактически, по своему темпераменту Борис — лис, а не волк, и он подвергает себя столь великой опасности с крайней неохотой. Лис, как мы все это знаем, предпочитает бежать такой дорожкой, которая позволит ему в случае опасности замести все свои следы.

В период итальянских проблем на Албанском фронте я некоторое время раздумывал над тем, что лучше всего предпринять, если армия начнет отступать без приказа и ее невозможно будет остановить; и я пришел к выводу, что единственным средством могут стать лишь массовые расстрелы. Но стрелять надо не в бедного пехотинца, этого несчастного парня, который выносит на своих плечах все тяготы войн, приступы голода и нашествие блох. Расстреливать надо командира отступающей части, не важно, кто бы он ни был.

187

9 апреля 1942 г., за ужином

Бог христиан защищает японских язычников. — Японская религия и культ обожествления героя. — Опасный характер христианства. — Суеверие. — Жестокость католической церкви. — Поддержание морали без помощи церкви

Очень любопытно, что набожные христиане вроде британцев и американцев, несмотря на свои непрерывные и пылкие молитвы, получают порки одну за другой от язычников-японцев! Скорее, похоже, что настоящий Бог не замечает молитв, с которыми к нему днем и ночью обращаются британцы и американцы, но бережет свое милосердие для героев Японии. Неудивительно, что так и должно быть, ибо религия японцев ценит превыше всего культ героизма, а ее герои — это те, кто, не колеблясь, жертвуют своими жизнями ради славы и безопасности своей страны. Христиане, с другой стороны, предпочитают платить дань святым, т. е., так сказать, человеку, умудрившемуся несколько лет простоять на одной ноге, или тому, кому больше нравится лежать на ложе из шипов, чем отвечать на улыбки соблазнительных девиц. В христианстве точно есть что-то нездоровое.

Еще одна особенность христианской веры, как этому учит католическая церковь, в том, что это скорее школа пессимизма, чем оптимизма. Японская религия, напротив, пробуждает в людях энтузиазм, обещая им вознаграждение в потустороннем мире, в то время как несчастный христианин не имеет перед собой иной перспективы, чем мучиться в аду.

Такой пессимизм производит заметный эффект. Еще в трехлетнем возрасте у ребенка может укорениться в мозгу страх, который останется с ним на всю жизнь. Известно много взрослых людей, испытывающих нервозность в темноте лишь потому, что в детстве им внушали, что где-то в темноте прячется домовый, грабитель или кто-либо подобный.

Избавиться от этих детских ограничений не легче, чем освободить человеческую душу от этого навязчивого ужаса ада, который церковь внушает с таким рвением в самом нежном возрасте. Обладающий минимумом рассудка человек, если возьмет на себя труд задуматься над этими вопросами, без труда поймет, насколько абсурдны эти церковные доктрины. Ибо как, спросит он сам себя, можно насадить человека на вертел, жарить и мучить сотней разнообразных способов, если по природе вещей его тело не участвует в воскресении? И что за глупость стремиться в рай, куда, как учит сама церковь, попадут лишь те, кто в жизни на земле был полным неудачником! Наверняка не очень весело будет опять встретиться с теми, которые своей тупостью, несмотря на библейский ярлык «блаженны нищие духом», уже бесили выше всяких пределов на земле! Также вообразите себе, насколько невыразимо привлекательным должен быть рай для человека, где пребывают женщины непривлекательной внешности и со слабым интеллектом! Только те, сказано нам, у кого меньше всего грехов, пройдут через врата рая; и вот, несмотря на то, что с каждым прошедшим годом бремя грехов неуклонно растет, я еще ни разу не встречал попа, который бы спешил покинуть этот мир с наименее тяжелым грузом! Но могу припомнить много кардиналов шестидесяти и более лет, которые изо всех сил цепляются за жизнь на этой грешной земле. Если внимательней рассмотреть католическую религию, то неминуемо заметишь, что она являет собой почти невыносимую смесь ханжества и деловой проницательности и с изумительным искусством спекулирует на врожденной привязанности человечества к суевериям и предрассудкам. Не укладывается в голове, что образованный священник истинно верит во всю чепуху, которую выдает церковь; доказательством тут, мне кажется, может служить факт, что сами священники всегда стараются запутать вопрос хищения церковных пожертвований и изо всех сил стараются избежать какого-либо обсуждения этой проблемы.

Невзирая на эти очевидные погрешности и слабости, есть, тем не менее, много интеллигентных людей, сохраняющих веру в цер-

ковь. Они верят, что человек нуждается в некоем тормозе в своей деятельности, и церковь, несмотря на ее многие недостатки, и является лучшим на сегодняшний день ограничительным средством. Жаль, что люди, так мыслящие, попоже, забывают, что церковь и не пытается распространять свое учение посредством логики и спокойного убеждения, а, наоборот, действует силой и угрозой. Это определенно не мое представление об образовании. Более того, очевидно, что, если бы церковь следовала исключительно законам любви и если бы она проповедовала одну лишь любовь путем многократного внушения своих моральных принципов, она бы не просуществовала так долго. Поэтому она всегда оставалась верна древней максиме, гласящей, что правая рука не должна знать, что делает левая, и склонилась перед необходимостью внедрения своих моральных принципов через исключительную жестокость, не останавливаясь даже перед сожжением на кострах тысяч достойных и порядочных мужчин и женщин. И мы сегодня во много раз гуманнее, чем эта церковь. Мы подчиняемся заповеди, гласящей: «Не убий!» — отлавливая и казня убийц; а церковь, когда в руках у нее была исполнительная власть, распинала на крестах, четвертовала и доводила людей до смерти через неопишуемые пытки.

Поддержание морали нации — задача, которую государственно-го склада человек способен выполнить не хуже любой церкви. Все, что ему надо сделать, это включить в закон страны все духовные идеи здоровых элементов народа, а потом бескомпромиссно поддерживать эти законы авторитетом силы.

188

10 апреля 1942 г., вечер

Иностранцы студенты в германских университетах

Гитлер только что просмотрел список новых болгарских министров.

В Германии много болгар, которые учатся в технических вузах или защищают ученые степени. Было бы целесообразно облегчить получение иностранцами степеней в наших университетах, и тогда мы бы сделали их после того, как они проведут часть своей молодости в нашей среде, нашими друзьями на всю жизнь. Университетам Эрлангена, Гессена и даже Вюрцбурга, ныне переживающим трудные времена, стоит разработать специальные планы для привлечения иностранцев, а Гейдельберг, у которого столь высокая репутация в англосаксонском мире, мог бы сделать все возможное со своей стороны, чтобы обеспечить приятное пребывание иностранных студентов.

10 апреля 1942 г., вечер

Методы вещания на зарубежную аудиторию. — Давать факты без комментариев

Пропаганда, нацеленная на зарубежного слушателя, ни в коем случае не должна основываться на том материале, который используется для домашнего употребления.

Передачи на Британию, например, должны содержать в изобилии такую музыку, которая популярна среди британцев. Тогда, если их собственные радиостанции перестанут поставлять им музыку в достаточном количестве, у англичан выработается привычка больше и больше прислушиваться к концертам, которые мы будем передавать для них. Что касается сводок новостей на Британию, нам следует ограничиться простым изложением фактов без каких-либо комментариев в отношении их важности. Новости о британских финансовых кругах, их интересах в некоторых отраслях военной промышленности, в руководстве и ведении войны должны даваться без комментариев, но составляться таким образом, чтобы британские слушатели сами делали свои выводы. Как утверждает старая пословица, капля камень точит.

Нашему народу мы должны сообщать не только факты, но также обширные и детальные комментарии в отношении их важности и значения. Надо стимулировать хорошую пропаганду. Поэтому наши радиостанции при каждом возможном случае должны продолжать разговор о пьянице Черчилле и преступнике Рузвельте.

11 апреля 1942 г., за ужином

Розенберг и «Мифы двадцатого века». — Неортодоксальная книга с партийной точки зрения. — За этот успех надо благодарить католиков. — Цивилизация и свобода личности. — Дух солидарности внедряется силой. — Германская политика на восточных территориях. — Ошибки, которых следует избегать. — Наше поведение по отношению к местным жителям. — Создание сети коммуникаций. — Никакого оружия коренным жителям

Я настаиваю на том, что книгу Розенберга «Мифы двадцатого века» не следует рассматривать как выражение официальной доктрины партии. В тот момент, когда книга появилась на свет, я сознательно воздерживался от признания ее в этом качестве. Прежде всего, ее название создает совершенно ложное представление. В

действительности не существует вопроса конфронтации концепций XIX века с так называемым мифом века XX. Национал-социалист твердо заявляет, что мифу XIX века он противопоставляет веру и науку нашего времени.

Интересно заметить, что среди читателей книги Розенберга можно найти сравнительно немного старых членов партии и что издатели фактически столкнулись с большими трудностями при распространении первого издания. Продажа начала расти, только когда книга была упомянута в пасторальном письме, и тут были распроданы первые десять тысяч экземпляров. Одним словом, второе издание вышло при содействии мюнхенского кардинала Фаульхабера, который достаточно бестактно покритиковал Розенберга в синоде епископов и процитировал отрывки из этой книги. То, что в результате книга была помещена в каталог как еретическое произведение от партии, только придало дополнительный стимул ее продаже; а когда церковь в конце концов опубликовала все свои комментарии с осуждением идей Розенберга, был продан двухсоттысячный экземпляр «Мифы двадцатого века». Мне весьма приятно осознавать, что эта книга была внимательно изучена нашими противниками. Я, как и большинство гаулейтеров, лишь бегло просмотрел ее. По моему мнению, она написана слишком заумным, трудным для понимания языком.

Очень большой объем свободы личности вовсе не обязательно является признаком высокой степени цивилизации. Напротив, реальным показателем степени достигнутой цивилизации является ограничение этой свободы в рамках организации, в которую входят люди одной расы.

Если людям предоставить полную свободу действий, они немедленно поведут себя, как обезьяны. Никто не сможет вынести то, что сосед зарабатывает больше, чем он сам, и чем дольше люди будут жить в едином сообществе, тем все более острой будет становиться вражда между ними. Ослабьте узду власти, дайте личности больше свободы — и поведете народ по пути декаданса.

У меня вызывает улыбку эта вечная болтовня об общественном духе, который объединяет людей по их собственной воле. В моем маленьком отечестве, когда в местной таверне встречаются парни, то под воздействием алкоголя их социальные инстинкты быстро перерождаются в потасовку и зачастую заканчиваются настоящей дракой на ножах. Только появление местного полицейского пробуждает в них воспоминание о том, что все они — сотоварищи по человеческому обществу.

Идея человеческой солидарности была силой навязана людям и может поддерживаться только такими же средствами. А поэтому несправедливо будет осуждать Шарлеманя, потому что, исходя из того, что он считал в лучших интересах немецкого народа, он построил всю государственную организацию на базе принуждения.

Равным образом Сталин в последние несколько лет применял по отношению к русскому народу меры, очень похожие на те, что использовал Шарлемань, потому что также брал во внимание очень низкий уровень культуры среди русских. Он реализовал императив необходимости сплочения русского народа в совершенно твердую политическую организацию; не сделай он этого, он, возможно, не сумел бы ни обеспечить достаточно средств к существованию для разнородной массы, которая составляет СССР, ни предоставить ей такие блага цивилизации, как медицинское обслуживание, значение которого она не могла оценить по достоинству.

Чтобы удержать господство над народом на землях, которые мы завоевали к востоку от рейха, нам необходимо всеми силами удовлетворить их любое желание личной свободы, какое только они могут высказать, и тем самым лишить их всякой формы государственности и держать на максимально возможно низком культурном уровне.

Нашим руководящим принципом должно быть следующее: эти народы имеют лишь одно оправдание своему существованию — экономическая полезность для нас. Нам надо сосредоточиться на извлечении из этих территорий всего, что можно извлечь. Для того чтобы стимулировать их поставки своей сельскохозяйственной продукции для нас и работу на наших шахтах и военных заводах, мы откроем по всей стране магазины, в которых они смогут купить такие промышленные товары, какие захотят.

Если бы мы начали заботиться о благосостоянии каждой личности, нам пришлось бы создать какую-то государственную организацию наподобие нашей собственной государственной администрации — и все, чего мы достигли бы, это ненависть масс. На самом деле чем примитивнее народ, тем более возмущается он нетерпимой уздой любого ограничения свободы личности. Другим крупным недостатком организованного общества является, с нашей точки зрения, то, что оно волеет их в единую общность и даст этим людям связующую мощь, которую они будут использовать против нас. Как административная организация, максимум, в чем мы можем уступить им, это в форме коммунальной администрации, и только в той степени, в какой это может потребоваться для поддержания рабочего потенциала, т. е. для поддержания основных элементарных нужд индивидуума.

Даже деревенские общины надо будет организовать так, чтобы исключить всякую возможность объединения с соседними общинами; например, надо избегать ситуаций, когда большие районы обслуживает одна церковь. Каждую деревню надо превратить в независимую секту, где молятся Богу по-своему. Если в каких-то деревнях пожелают практиковать черную магию на манер негров или индусов, мы никак не будем им в этом мешать. Короче говоря, наша политика на обширных пространствах России должна состоять в поддержке любой и всякой формы раскола и разногласий.

Обязанностью наших комиссаров станет контролировать экономику и руководить ею на захваченных территориях, и, как я только что сказал, это относится к каждой форме организации. Прежде всего, нам меньше всего надо, чтобы на эти территории обрушилась орда педагогов и принялась насильно обучать покоренные расы. Обучение русских, украинцев и киргизов чтению и письму в конечном итоге обратится против нас самих; образование даст более интеллигентным среди них возможность изучать историю, усваивать исторический смысл и, следовательно, развивать политические идеи, которые только повредят нашим интересам. В каждой деревне будет установлен громкоговоритель, чтобы сообщать людям разрозненные новости и, прежде всего, позволять отвлечься. Какая им польза в знании политики или экономики? Также нет смысла делать передачи о различных историях из их прошлого — все, что надо деревенским жителям, это музыка, музыка и еще раз музыка. Веселая музыка — огромный стимул в тяжелой работе; дайте им все возможности потанцевать, и селяне будут нам благодарны. Разумность этих взглядов доказана нашим домашним опытом во времена Веймарской республики.

Что важно создать на русских территориях — это эффективную систему связи, которая жизненно важна и для рациональной экономической эксплуатации страны, и для осуществления контроля и поддержания порядка. Поэтому местных жителей надо будет обучить нашему дорожному коду, а сверх этого я не вижу никакой нужды в дальнейшем обучении.

В области общественного здравоохранения не стоит распространять на покоренные расы блага наших знаний. Это лишь привело бы к огромному росту численности местного населения, и я категорически запрещаю организацию какой-либо борьбы за гигиену и чистоту на этих территориях. Обязательная вакцинация будет ограничена только немцами, а доктора в германских колониях будут находиться исключительно для целей присмотра за германскими колонистами. Глупо навязывать людям счастье вопреки их собственному желанию. Стоматология также останется для них книгой за семью печатями; но во всех этих вопросах решающими факторами должны быть осторожность и здравый смысл, и, если у кого-то из местных жителей будет жуткая зубная боль и он станет настаивать на посещении стоматолога, — ладно, в этом конкретном случае можно будет сделать исключение!

Глупейшей ошибкой из тех, что можно допустить, было бы позволить покоренным народам обладать оружием. История учит, что все завоеватели, разрешившие покоренным расам носить оружие, тем самым уготовили собственное падение. И действительно, я даже скажу, что поставки оружия побежденным есть *sine qua non* [необходимое условие. — *Пер.*] для свержения любого суверенитета. Поэтому не будет никакой местной милиции или местной полиции.

Германские войска сами будут нести ответственность за поддержание закона и порядка на оккупированных русских территориях, и там должна быть развернута система военных укрепленных пунктов, покрывающая всю оккупированную страну.

Все немцы, живущие на восточных территориях, должны находиться в личном контакте с этими укрепленными пунктами. Все должно быть тщательно продумано и организовано в соответствии с долговременной политикой германской колонизации, а наше колонизирующее проникновение должно быть безостановочным до тех пор, пока не достигнет стадии, когда наши колонисты значительно перевесят местное население по численности.

191

12 апреля 1942 г., полдень

Олимпийские игры в Берлине. — Что они стоили и какую прибыль принесли. — Если уж надо тратить, трать по-королевски. — Шахт и наш военный бюджет. — Никакой экономии, когда на чаше весов победа. — Поколение педагогов. — Засаленные воротнички и нерасчесанные бороды. — Пролетариат, лишенный всякой независимости. — Женщины-преподаватели для начальных школ. — Роль гитлерюгенда. — Победа Пруссии в войне 1866 г. — Стандарт культуры среди школьных учителей во времена Бисмарка. — Британские государственные школы и школы рейха. — Тридцать три золотые медали германских атлетов

Когда было принято решение, что Олимпийские игры¹ состоятся в Германии, министерство внутренних дел прислало мне планы строительства соответствующего стадиона. Существовало два альтернативных проекта: один стоимостью один миллион сто тысяч марок, а другой — миллион четыреста тысяч марок. Похоже, никто из имевших отношение к этому делу людей не учитывал, что Олимпийские игры представляли нам уникальную возможность привлечь иностранные кредиты и в то же время — великолепный шанс поднять наш престиж за рубежом. До сих пор вижу лица моих коллег, когда я заявил, что предлагаю предварительный грант в двадцать восемь миллионов марок на строительство Берлинского стадиона! А в действительности этот стадион обошелся нам в семьдесят семь миллионов марок — но он принес нам свыше полумиллиарда марок в иностранной валюте!

Вот хороший пример немецкого правила проявлять в делах скупость. В таких случаях надо стремиться к максимальному успеху, и

¹ Олимпийские игры 1936 г.

правильное решение проблемы требует мышления в грандиозном масштабе. Когда Валленштейну¹ приказали собрать армию в пять тысяч человек, он был совершенно прав, отказавшись что-либо делать, если армия будет менее пятидесяти тысяч. В самом деле, было бы смешно тратить даже один пфенниг на армию, которая в случае нужды окажется слишком слабой, чтобы воевать и побеждать.

Во время любой войны очень важно, чтобы вооружение мирного времени отвечало требованиям ожидаемой войны и, таким образом, было способно принести желаемые результаты. К сожалению, Шахт полностью игнорировал этот жизненно важный аспект и значительно усложнил мою задачу, когда мы приступили к собственному перевооружению. Шахт раз за разом возвращался к вопросу о затратах, уверяя меня, что германская экономика может позволить на военный бюджет максимум полтора миллиарда, если мы хотим избежать опасности полного крушения. И тогда я потребовал в сто раз больше, а наша экономика все еще продолжает отлично функционировать!

Никогда нельзя забывать, особенно в этой войне, что если мы ее проиграем, то потеряем все. Поэтому существует лишь один лозунг: победа! Если мы победим, затраченные нами миллиарды не будут значить ничего на весах. Запасов полезных ископаемых, полученных нами в России, одних будет достаточно, чтобы щедро нам отплатить.

Те, кто стали педагогами, неизменно относятся к типу людей, которые не имели шансов на успех в независимых профессиях. Те, кто чувствуют себя способными достичь успеха своими собственными силами, не идут в учителя — или, во всяком случае, в учителя начальных школ. Должен сказать, у меня сохранились самые неприятные воспоминания о педагогах, учивших меня. Их внешний вид просто излучал неопрятность; воротники их были отвратительны и засалены, а бороды нечесаны. В период междуцарствия меж двумя рейхами они являлись испорченными любимчиками социал-демократов, которые их лелеяли, придавали им внешний лоск культуры и позволяли им дерзкую наглость, для которой не было ни малейшего оправдания.

Только прочтите их литературные излияния, прислушайтесь к их политическому мнению и вечным жалобам, и поймете, что они — продукт пролетариата, лишенного всякой личной независимости мысли, отличающегося беспримерным невежеством и более всего подходящего для того, чтобы стать оплотом бесплодной системы правления, которая, слава богу, уже в прошлом. Когда эти люди имели наглость жаловаться на то, что государство недостаточно им пла-

¹ В а л л е н ш т е й н Альбрехт (1583—1634) — немецкий полководец. Будучи назначенным имперским главнокомандующим армией Священной Римской империи в 1625 г., на свои средства создал 40-тысячную армию.

тит, единственно возможный ответ был тот, что любой простой капрал в вермахте приносит больше пользы в смысле образования, чем они. В самом деле, не такое уж это большое достижение — учить азбуке множество мальчишек и девчонок. Должен отметить, для меня удивительно, что эти учителя начальной школы могут терпеть это всю свою жизнь, обреченные из года в год учить одним и тем же элементарным знаниям все новые классы, идущие нескончаемой чередой. Женщина физически и психологически больше приспособлена для этого рода работы. Мать совершенно естественно берет на себя бремя рождения одного ребенка за другим и посвящает себя воспитанию их по очереди. У секретаря-машинистки чисто механическая работа, повторяющаяся изо дня в день. По природе женщина лучше, чем мужчина, приспособлена учить детей азбуке, и, я думаю, нам следует хорошенько подумать над тем, а нельзя ли плодотворно использовать часть излишка в два миллиона женщин, которые по природе вещей обречены на безбрачие. Такая занятость, несомненно, даст им выход для материнских инстинктов.

Несколько лет назад ко мне с просьбой обратились учителя. Они хотели взять на себя воспитательную миссию, которая не ограничивалась бы лишь классными комнатами, но они также хотели принять участие в воспитании молодежи нации. Когда я сейчас вижу успех движения гитлерюгенд, то должен поздравить себя с тем, что мне хватило тогда ума отказаться от их любезного предложения!

Учителя начальных школ, за очень небольшим исключением, не обладают авторитетом, которого требует воспитание молодежи, и, по моему мнению, нам надо сформировать учительский корпус для улучшенного начального образования из числа солдат запаса. Если все они до вступления в армию пройдут через гитлерюгенд и трудовую повинность, то они все получат основу, отвечающую задаче воспитания, которую мы возложим на них. Было бы достаточно, если в течение последних двух лет достойной службы их послать на курсы подготовки учителей. Таким путем, если набор будет отвечать нашим запросам, мы получим в свое распоряжение в качестве учителей начальных классов группу людей, закаленных двенадцатью годами армейской службы, которые будут настоящими мужчинами, а не напыщенными выскочками.

Педагоги пробовали повысить свое значение, утверждая, что благодаря им была достигнута победа Пруссии в войне 1866 г.¹ Конечно, такое утверждение просто смешно. Пруссия выиграла ту войну благодаря, главным образом, превосходству новых штуцерных винтовок и, потом, других элементов, которые не имеют ничего общего со школьными учителями. Что правда, однако, так это то, что за последнее столетие стандарт образования среди немецких учителей был исключительно высок по сравнению с преподавателями в других

¹ Имеется в виду австро-прусская война 1866 г.

странах, и с моей стороны было бы несправедливо не признать это. Те, кто это оспаривают и заявляют о превосходстве британских государственных школ того периода, не должны забывать, что есть одна существенная разница между этими двумя системами; ибо, если британские *паблик скулз* доступны только детям высших классов, наши школы открыты для каждого вне зависимости от социального положения. Британские колледжи вели тщательный отбор, и их результаты, естественно, лучше, чем наши. Но как только мы проведем реформу нашей системы образования, нам не составит труда превзойти британские *паблик скулз* в любом отношении. Я уже кратко намечал направления, которыми мы должны следовать; в будущем нам надо создать институты, движимые принципами национал-социализма и наделенные титулом школа рейха.

Контингент школьников будет состоять из лучших учеников, отобранных из всех школьных классов Германского рейха. Моя цель — создать элитный корпус из людей с прекрасными физическими данными, цельным характером и гибким интеллектом, и для достижения желаемого стандарта я буду полагаться на мою новую группу инструкторов. А они сами будут участвовать во всех мероприятиях, какими бы трудными они ни были, вместе со своими учениками, включая прыжки с парашютом и моторизованные военные маневры.

Результаты, достигнутые нами на Олимпийских играх, показали мне, что школы рейха смогут поднять стандарт германской молодежи на исключительно высокий уровень. Несмотря на преимущества своей системы образования в колледжах, британцы смогли завоевать лишь восемь золотых медалей. А молодые спортсмены рейха взяли тридцать три! А подумайте, что будет, когда молодежь всего рейха будет получать образование, включая интенсивные спортивные занятия, в новых школах рейха!

192

12 апреля 1942 г., за ужином

Осторожность в предоставлении информации нашим союзникам. — Болтливость британской прессы. — Русский камуфляж в Финской войне 1940 г.

Я думаю, решая, какую информацию мы передаем нашим союзникам, надо проявлять величайшую осторожность. Отмечу с сожалением, что сам видел, как итальянцы недостаточно сдержанны в любом вопросе, который не касается их непосредственных интересов. Нередко итальянская пресса легкомысленно намекала на некоторые наши планы. Поэтому я решил в будущем ограничиться предоставлением им минимума важной информации, и даже это — по возможности в самый последний момент. Буду делать все, что в моих силах,

чтобы отклонять все запросы о точных деталях, и всегда буду давать им уклончивые ответы.

В этом отношении британцы дают нам хороший урок в том, как не надо делать. Полагаю, в мире нет другой иностранной прессы, которая с постоянными ссылками на «хорошо информированные круги» болтает более свободно, нежели британская. Не думаю, что будет преувеличением сказать, что именно общественное мнение, взбудораженное излияниями в печати, заставило британское правительство решиться на Норвежскую кампанию, которой наверняка не было в планах британского Генерального штаба. Должен признать, что русские в этом отношении много хитрее: они не только держат свою печать в полном неведении обо всех своих планах, но также систематически камуфлируют все, что связано с их армией. Война 1940 г. с Финляндией, например, была настоящим шедевром маскировки с их стороны, потому уже тогда у русских были вооруженные силы, ставившие Россию в один ряд с передовыми державами, наравне с Германией и Японией.

193

22 апреля 1942 г., полдень

Проблема перевооружения Германии в 1933 г. — Личность во главе Рейхсбанка, Шахт. — Колебания Шверин-Крозига¹. — Тупость генерала Бломберга². — И отговорки, на которые меня вынудили. — Шахт бунтует. — Мобилизация наших иностранных кредитов. — Наш запас сырьевых материалов. — Метрополитен-опера в Нью-Йорке закрывает свои двери. — У американцев нет великих артистов

Мои первые дискуссии в 1933 г. на тему перевооружения состоялись с д-ром Лютером³, тогдашним президентом Рейхсбанка. Ввиду дефицита бюджета рейха, который тогда остановился на отметке около трех миллиардов марок, и финансового состояния Ландера, которое было ненамного лучше, было невозможно даже пальцем пошевелить для целей перевооружения без сотрудничества с Рейхсбанком.

В ходе разговора я старался внушить д-ру Лютеру, что, если Германия не возродит свою военную мощь, она обречена на удушение. Лютер слушал меня в течение двух часов, а потом заверил в своих глубоко националистических симпатиях и обещал мне всю посиль-

¹ Ш е р и н - К р о з и г Лютц фон (1887—1952) — министр финансов Германии (1932—1945).

² Б л о м б е р г Вернер фон (1878—1946) — фельдмаршал (1936), военный министр (1933—1938).

³ Ганс Лютер возглавлял Рейхсбанк в 1930—1933 гг.

ную помощь. И тут он упомянул конкретную цифру, сказав, что предоставит в мое распоряжение сто миллионов марок! На мгновение мне показалось, что я, должно быть, ослышался, потому что не представлял себе, что финансист настолько несведущ в огромных расходах, связанных с политикой перевооружения. Но когда я попросил его повторить, что он сказал, Лютер снова произнес цифру в сто сорок миллионов. Дальнейшие комментарии были излишни, поэтому я просто попросил президента рейха убрать этого человека с его поста. Однако это было невозможно сделать без хлопот, потому что Рейхсбанк все еще являлся международной организацией. И тогда мне пришлось постараться достичь джентльменского соглашения. Я сказал Лютеру, что между нами никакое сотрудничество невозможно, что, возможно, у него есть какие-то юридические возможности для сохранения своего места, но что я приступил к исполнению своих обязанностей и не потерплю от него никаких возражений и что если интересы государства того потребуют, я без колебаний сломаю его, Лютера; а потом — эту идею предложил Мейснер — я предложил ему пост посла в Вашингтоне в случае, если он добровольно уйдет в отставку. Он согласился принять это предложение при условии, что я добавлю к его пенсии пятьдесят тысяч марок в год. Я все еще вижу его, сидящего со скромно опущенными глазами и уверяющего меня, что только чистый патриотизм заставил его согласиться на мои предложения!

Так что мне пришлось заплатить хорошие денежки, чтобы открылась возможность для назначения на президентство в Рейхсбанке человека с международной репутацией — д-ра Шахта. Шахт сразу же понял, что было бы смешно приступать к какой-либо программе перевооружения, если мы не готовы ассигновать на это многие миллиарды. Так я смог получить восемь миллиардов, хотя обнародование этой цифры вызвало у тогдашнего министра финансов Шверин-Крозига множество дурных предчувствий. В то время генерал Бломберг был, к несчастью, настолько глуп, что раскрыл общественности, что помимо этих восьми миллиардов для проведения предварительного этапа программы перевооружения потребуется дополнительно двенадцать миллиардов. Я гневно выбранил Бломберга за его несдержанность. В конце концов, видя, что вся банда финансистов — это шайка воров, какой смысл быть скрупулезно честным с ними? Пока лучше всего будет просто сообщать о наших нуждах мало-помалу, по мере того как они появляются. Такой способ выгоден и самим финансовым экспертам; потому что, если дела пойдут плохо, они смогут оправдаться в глазах общества, заявив, что им не сказали всей правды.

Для Шахта характерно то, что из своих первых восьми миллиардов он удержал пятьсот миллионов как банковский процент! Это человек удивительных способностей, и он считается непревзойденным в искусстве обыгрывать соперника. Но в то время его сделало

незаменимым совершенное искусство надуть других. Перед каждой встречей в Международном банке в Базеле половина мира жаждала знать, будет ли там присутствовать Шахт, и только после заверения, что он там будет, еврейские банкиры всего мира принимались паковать свои чемоданы и готовиться к участию. Должен сказать, что трюки, которые Шахту удавалось сыграть с ними, доказывают, что даже в области чистых финансов поистине интеллигентный ариец не по силам своему еврейскому сопернику. Именно Шахт был инициатором плана, впоследствии реализованного, девальвации германских акций, находящихся у заграничных держателей. Большинство из них представляло репарации, переведенные в форму акций; эти акции затем были проданы от нашего имени через посредников на открытом рынке по ценам, составляющим от 12 до 18% от их настоящей стоимости, после чего немецкая индустрия была вынуждена выкупать их у нас по номинальной цене. Таким образом, благодаря прибыли в 80% и более мы смогли организовать кампанию экспортного демпинга, которая принесла нам три четверти миллиарда марок в иностранной валюте.

В первую очередь это заслуга Шахта, что он хранил абсолютное молчание о существовании этой иностранной валюты. Было несколько случаев, когда, будь существование этих фондов известным, были бы предприняты самые отчаянные усилия, чтобы нас их лишить. Я особенно думаю о том времени, когда мы не знали, где взять денег для выплаты зарплаты нашим чиновникам, и том моменте, когда у нас совершенно не было резины. Только в 1938 г., когда война уже являлась неизбежной, я публично объявил о существовании этих запасов. Было ясно, что будущие противники, как и мы сами, предпримут самые отчаянные усилия, чтобы закупить все и вся из сырья, что мог предложить мировой рынок. Поэтому важна была скорость, если мы не хотели, чтобы наши золотые и валютные запасы вдруг превратились в бумагу и ненужный металл. И я возложил на Функа задачу закупок нашей доли сырьевых материалов. Несмотря на способность Шахта, я чувствовал, что не могу до конца доверять Шахту в этом вопросе, потому что часто был свидетелем, как загоралось его лицо, когда ему удавалось надуть кого-нибудь на сотню марок, и я опасался, что перед лицом такого искушения он, весьма возможно, испробует свои трюки и на мне!

Сообщается, что Метрополитен-опера в Нью-Йорке будет закрыта; но причины для этого приводятся наверняка фальшивые. Деньги у американцев есть; чего у них нет, так это артистов, требуемых для поддержания жизнедеятельности величайшего из лирических театров. Не надо большого ума, чтобы знать, что все самые знаменитые оперы имеют либо германское, либо итальянское, либо французское происхождение и что среди артистов, их исполняю-

щих, немцы и итальянцы — самые знаменитые. Лишившись возможности ангажировать артистов из этих двух стран, руководство предпочло закрыть двери, нежели выставлять напоказ неполноценность американских артистов.

Наши газеты не должны упустить эту возможность! Надо подготовить обширный комментарий по этому яркому показателю культурных стандартов в Соединенных Штатах.

194

23 апреля 1942 г., полдень

Как освежить кровь хиреющих наций. — Роль СС. — Рожать здоровых детей. — Нация солдат. — Война и любовь идут рука об руку. — Использование иностранной рабочей силы. — Рабление чехов. — Британские неудачи в Индии. — История Германии начинается с Арминиуса. — Личность Рудольфа фон Габсбурга

Рейхсфюрер СС Гиммлер упомянул о приказе, который он отдал два года назад об обязанности здоровых членов СС продолжать свой род. Ввиду тяжелых потерь, понесенных СС в этой войне, особенно среди молодых и неженатых членов, Гиммлер выразил большое удовлетворение тем, что отдал два года назад такой приказ. Благородная кровь этих ушедших из жизни солдат не будет потеряна целиком, а повторится в их детях. Слова фюрера были следующими:

В Берхтесгадене мы в большом долгу перед СС за вливание крови, потому что местное население отличалось своим плохим и смешанным составом. Я замечал это особенно, когда строился Бергхоф, и я весьма был озабочен тем, чтобы что-то сделать для его улучшения. Сегодня, благодаря присутствию полка «Лейбштандарт», деревни полны веселых и здоровых детей. Такую практику надо продолжать; в те районы, где тенденция к вырождению очевидна, надо отправлять отряд элитных войск, и через десять—двадцать лет порода улучшится до неузнаваемости. Мне приятно слышать, что наши солдаты рассматривают это как долг перед страной — уговорить молодых женщин растить здоровых детей. Особенно в данный момент, когда самая драгоценная часть из нашей крови проливается в таких количествах, сохранение нашей расы имеет жизненно важное значение. Я думаю, первоклассные войска надо размещать в районе озер Восточной Пруссии и в лесах Баварии.

Если в условиях военных лишений индустрия испытывает слишком большой спрос на нашу рабочую силу, тогда надо использовать человеческую силу с оккупированных нами территорий. Чтобы за-

нять свое место в истории, наш народ, прежде всего, должен быть народом воинов. Это подразумевает как привилегии, так и обязанности, обязанность подвергнуться самому суровому воспитанию и привилегия здорового наслаждения жизнью. Если от германского солдата ожидается готовность без сомнений пожертвовать жизнью, тогда он имеет право любить свободно и без ограничений. В жизни сражение и любовь идут рука об руку, а заторможенная мелкая буржуазия пусть довольствуется оставшимися крошками. Но если воин должен быть в боевой форме, ему не должны докучать с религиозными заповедями, которые предписывают воздержание плоти. Здравомыслящий человек просто смеется, когда какой-нибудь святой католической церкви вроде св. Антония приказывает ему воздержаться от величайшего наслаждения, которое дает жизнь, и предлагает ему вместо этого самоумерщвление и самобичевание.

Если мы хотим сохранить военную мощь немецкого народа, мы должны тщательно избегать того, чтобы оружие попадало в руки народов стран, которые мы завоевали или оккупировали. Один из секретов мощи Древнего Рима был в том, что во всей империи право носить оружие имели только римские граждане. Степень, до которой изменяются гордость и поведение человека при ношении оружия, можно представить, если сравнить чехов 1938 г. с той инкарнацией раболепия, которую видишь в стране сегодня!

Если Британия действительно зашла в Индии в тупик, то это из-за того, что она уже не столь сильна, чтобы действовать как господствующая раса. Британцы переоценили силу своего престижа в течение последних десятилетий; а теперь они пожинают плоды своей слабости и платят штраф за то, что не сумели оставаться верными тем мудрым принципам, что характеризовали эпоху своей величайшей славы. Так же как американцы производят впечатление скорее вульгарных выскочек, когда они начинают хвастаться своей историей, так и англичане похожи на самодовольных пуделей, когда, говоря о трехстах годах, в которые они господствовали над миром, они с презрением смотрят на Германский рейх с его тысячью лет живой истории. Наша история уходит к временам Арминия и короля Теодориха¹, а среди германских кайзеров были люди самых выдающихся качеств; в себе они носили зародыши германского единства. Этот факт часто забывается, потому что с XV века история Германии преподавалась только в Австрии. В других местах этой историей жертвовали ради историй различных династий, которые воевали друг с другом за обладание нашей землей. Наши историки обязаны преподавать нашему народу историю германских кайзеров, чтобы вновь оживить для нас драму их жизней и, прежде всего, изобразить величие их борьбы против папства.

¹ Теодорих Великий (454—526) — король остготов, основатель остготского государства в Италии.

Я думаю, например, о такой экстраординарной личности, как Рудольф Габсбургский¹. Его избиратели возвели его на трон, потому что считали, что это будет слабый монарх. И он завоевал симпатии церкви, оказав помощь священнику, садившемуся на коня, — великолепный образчик пропаганды! Но как только он обеспечил свое избрание, с какой твердостью и энергией он защищал интересы рейха и противостоял интригам церкви, без страха и колебаний! Прежде всего, он обеспечил свои наследственные права на некоторые территории, которые считал своими; потом он вынудил Отокара Богемского² примириться с ситуацией; и, наконец, он объединил Германский рейх.

Церковь таким же образом ошибалась в оценке Фридриха Сицилийского³, который, император двадцати одного года от роду, завоевал Германский рейх.

195

23 апреля 1942 г., ужин

**Мое мнение о дуче. — Человек, лучше всего понявший
большевистскую угрозу. — Судьба, ожидающая Европу. —
Трудности дуче с итальянской аристократией. — В похвалу Эдде
Муссолини⁴**

Мне доставит огромное удовольствие вновь увидеть дуче и обсуждать с ним все текущие военные и политические проблемы. Я очень высоко ценю дуче, потому что считаю его несравненным государственным деятелем. На руинах изнасилованной Италии ему удалось построить новое государство, которое является объединительным центром для всего его народа. Борьба фашистов имеет сходство с нашей собственной. Разве у них не было, например, шести тысяч шестисот погибших в Вероне?⁵

Дуче из тех людей, кто в полной мере оценил большевистскую угрозу, и по этой причине он отправил на наш Восточный фронт дивизии высоких боевых качеств. Он сам говорил мне, что не питал иллюзий по поводу судьбы Европы, если бы моторизованным ордам русских армий было дозволено беспрепятственно пронестись по континенту, и он был абсолютно убежден, что, если бы не мое вмешательство, для Западной Европы близился час заката.

¹ Рудольф I (1218—1291) — германский король (с 1273), основатель династии Габсбургов.

² Отокар II Пржемысл — король Богемии (1253—1278).

³ Фридрих II (1194—1250) — германский король (с 1212), император (с 1220), итальянский король (с 1197).

⁴ Муссолини Эдда (1910—?) — старшая дочь Бенито Муссолини.

⁵ Очевидно, речь идет о столкновениях фашистов со своими противниками в ряде городов Италии летом 1927 г. Число жертв значительно завышено.

Я всегда испытываю боль, встречаясь с дуче в Италии, видя, как его отправляют на задний план, когда присутствует кто-нибудь из дворцового окружения. Всегда исчезает радость от приема, который он устраивает для меня, из-за того, что я вынужден поддерживать контакт с наглыми бездельниками из аристократии. Однажды эти идиоты попытались уничтожить мое наслаждение при виде танца, устроенного самыми симпатичными девушками из Флорентийской академии, критикуя их танец в самых презрительных выражениях. Я, однако, набросился на них с таким бешенством, что меня оставили в покое досматривать остальную часть программы!

Мне определенно неприятно постоянно оказываться в компании дворцовых прихлебателей, особенно не могу забыть все трудности, которые королевское окружение создавало на пути дуче с самого начала. А теперь они считают, что ужасно хитры, флиртуя с Британией!

Ничто, по моему разумению, более типично не изображает немелость этих аристократических бездельников, чем тот факт, что кронпринцам Италии ни разу не удалось предложить мне горячую и хорошо приготовленную пищу! Когда мне оказывает гостеприимство какая-нибудь немецкая хозяйка, она делает это из чувства долга, какой бы бедной она ни была, дать мне не только отличную еду, но и в меру горячую. Эти дегенераты итальянской аристократии доказывают свою никчемность даже в самых элементарных вещах. Какое было удовольствие беседовать с такой интеллигентной и очаровательной женщиной, как Эдда Муссолини! Женщина такого рода показывает материал, из какого она сделана, уйдя добровольно медсестрой с дивизиями, воюющими на Восточном фронте, — и именно это продолжает делать и сейчас.

196

24 апреля 1942 г., полдень

Решающие часы войны. — Важность оккупации Норвегии. — Слабость германского Верховного командования в 1914—1918 гг. — Отсутствие народного интереса во флоте. — И как мы пробудили его

Двумя решающими событиями войны до сих пор были Норвежская операция в 1940 г. и наша оборонительная кампания на Востоке прошлой зимой. Я придаю столь большое значение оккупации Норвегии, потому что не могу понять, даже в ретроспективе, как произошло, что могучий британский флот не смог разгромить или хотя бы помешать операции, которая не имела поддержки даже скромных германских военно-морских сил. Если бы Норвежская операция провалилась, мы бы не смогли создать условия, которые были бы не-

обходимой предпосылкой успеха наших субмарин. Без норвежского побережья в наших руках мы не смогли бы организовать атаки на порты Мидленда и Северной Британии, а операции в арктических водах тоже были бы неосуществимы. Преимущества, которые нам дал норвежский успех, позволили нам увидеть в сравнении, насколько лишенным воображения и неинициативным было германское Верховное командование в Первую мировую войну. Сегодня кажется невероятным, что главным морским сражением той войны было Ютландское¹ — у этого маленького полуострова, который сегодня просто какой-то бугорок посреди наших внутренних вод.

Я вовсе не уверен, что неполноценность нашего Верховного командования в 1914—1918 гг. не была связана с безразличием всего германского народа к военно-морскому делу. Хорошо помню, как было трудно в таком городе, как Мюнхен, купить книгу о флоте или колониях. По этой причине я, отдавая приказы о строительстве первых наших боевых кораблей сразу же после моего прихода к власти, сопровождал свои действия широкой гласностью и пропагандой. И в результате наш маленький флот стал крайне популярным местом службы, и это мне очень помогло, когда я решил старые корабли, которые примерно в 1920-м подняли с морского кладбища, заменить новыми. Наши новые соединения строились согласно самым современным инструкциям, а их команды комплектовались не только за счет береговых районов, но и со всей Германии. Гордыми вехами на нашем блестящем пути стало строительство «Emden», двенадцати суперсовременных торпедных катеров, потом трех крейсеров класса «К» («Koeln», «Karlsruhe», «Königsberg»). Затем наступила очередь соединений класса «Дойчланд», а потом тех, что составили океанский флот.

197

24 апреля 1942 г., за ужином

Брак и проблемы детей. — Германские солдаты, которые берут в жены женщин в оккупированных странах. — Незамужние матери бывшей Австрии. — Воспитательная роль школ рейха. — Жены наших лидеров

Этот разговор состоялся во время поездки из штаб-квартиры фюрера в Берлин. Предметом дискуссии были брак и дети. Фюрер заявил:

¹ Ютландское сражение (31 мая — 1 июня 1916 г.) между немецким флотом Открытого моря адмирала Рейнхарда Шеера и британским Гранд-Флотом адмирала Джона Джеллико. Во время боя ни одна из сторон не добила поставленных целей.

Вообще-то говоря, история германских князей доказывает, что самые счастливые браки — не те, которые основаны только на необходимости. Во всякой человеческой деятельности шанс на выживание имеет лишь то, что истинно, и поэтому вполне естественно, что брак, заключенный по искренней взаимной любви, может стать союзом, имеющим наилучшие шансы на успех. Такой брак является гарантией метода воспитания детей, и он — бесценная гарантия будущего германской нации.

Поэтому я не считаю, что мы должны санкционировать, за исключением отдельных случаев, браки между нашими солдатами и женщинами-иностранками. Такие просьбы часто могут объясняться убедительными причинами, но все равно должны быть отклонены. Большинство подобных случаев, очевидно, порождается сексуальным опытом, который заявитель хотел бы продолжить, и ко мне поступает огромное количество таких обращений. Однако достаточно взглянуть на фотографии большинства кандидатов, чтобы понять, что в большинстве случаев такой союз нежелателен. У большинства женщин в этих случаях либо жуткая фигура, либо безобразное лицо, и с расовой точки зрения результаты не могут быть удовлетворительными. Я уверен также, что такие браки не выдержат испытания временем. Действительно счастливый брак может быть лишь там, где люди глубоко симпатичны друг другу. В любом случае, я думаю, будет значительно лучше, если мы будем закрывать глаза на некоторые маленькие проделки, чем давать разрешение на легальный союз, который наверняка принесет печаль в будущем.

Что касается самого брака, конечно, очень важно, чтобы обе стороны были абсолютно здоровы и безупречны в расовом отношении. Мне на ум приходят мысли о том, насколько решающим может быть влияние истинной привязанности между родителями на детей, когда я вспоминаю, как много людей выдающихся способностей выросло в детских приютах в тот период истории, когда люди, по-настоящему любившие друг друга, часто были вынуждены отказаться от брака по причинам социальной необходимости. Эти сиротские приюты, я думаю, были самым важным институтом. Они являли собой убежище для незамужней матери, оказавшейся под угрозой остракизма для себя и своего ребенка, где она могла незаметно и надежно устроить своего малыша, зная, что ему там будет хорошо и за ним присмотрят. Из-за духовного лицемерия XIX столетия эти бесценные институты, это благословение Средних веков, исчезли, а одинокие матери, многие из которых пережили настоящую и благородную любовь, оказались тем самым подвержены позору и бесчестью.

Что до нас, наши школы в состоянии разумно разобраться с этой проблемой. В национал-социалистических центрах воспитания, как и в интернатах, сделано все необходимое для приема расово здоровых незаконнорожденных детей и получения ими образования в соответствии с их способностями. Эти школы рейха также являют-

ся идеальным приютом для детей от неудачных браков; будет значительно лучше, если убрать их из атмосферы распавшегося семейного очага, которая оставляет свой отпечаток на всю жизнь. Уверяю вас, это самое лучшее, когда родители, уже не любящие друг друга, стараются поддержать видимость счастливой семьи ради своих детей; но такое редко удается. Я сталкивался со столь многими случаями среди членов нашей партии, чьи жены не были в состоянии идти в ногу со своими мужьями, поднимающимися по карьерной лестнице. Уцепившись за шанс, эти мужчины видели расцвет своих талантов в исполнении задач, которые я им поручал; обремененные женами, которые перестали быть достойными их, подвергаясь бесконечным домашним склокам, они постепенно начинали воспринимать как неизбежное мысль о разрыве. По моему разумению, очевидно, что мужчина ищет в женщине качества, которые дополняют его собственные на пути к полнокровной и идеальной жизни. Но невозможно установить твердые и незыблемые правила, и всегда существует много исключений. Я перечисляю случаи, в которых было бы несправедливо до крайности требовать от женщины, чтобы она систематически приносила себя в жертву на алтарь семьи. Но я и не симпатизирую мужчине, который плохо обращается со своей женой и который подвергает ее либо моральным пыткам, либо материальным затруднениям.

198

Рейхсканцелярия, 25 апреля 1942 г., полдень

Побег генерала Жиро¹. — Чего Франция в действительности хочет от нас? — Мы сохраним во Франции опорные пункты. — Мясо и вегетарианская диета. — Ценность сырой пищи

Фюрер отвечает на вопрос министра Фрика в отношении недавнего бегства генерала Жиро:

Надо сделать все возможное, чтобы перехватить этого человека. Насколько мне известно, это генерал с большими способностями и энергией, который легко может присоединиться к силам сопротивления де Голля и даже принять командование над ними. История вновь и вновь доказывает, что не только молодые люди тридцати с небольшим лет способны на яркие подвиги — некоторые блистают даже еще раньше, как, например, Наполеон или Александр, которому было всего двадцать лет от роду. Но часто

¹ Ж и р о Андре (1879—1949) — французский генерал. В мае 1940 г. попал в плен. Бежал на территорию, контролируемую правительством Виши. Установил контакт с представителями США.

даже в шестьдесят и даже семьдесят лет многие люди совершают свои величайшие достижения.

Со своей стороны, в бегстве этого генерала, которому была предоставлена каждая возможность для облегчения тягот плена, я вижу важный показатель истинного отношения французов к нам. А поэтому надо сохранять хладнокровие в сделках с ними как сейчас во время перемирия, так и потом, когда будет оформлен мирный договор; и мы должны держать в уме все исторические прецеденты и принимать решения, в которых сантименты не играют никакой роли. Нельзя ограничиваться контролем над атлантическими островами. Если мы хотим обеспечить господство над континентом, мы должны также оставить за собой укрепленные пункты там, где раньше было Атлантическое побережье Франции. Нам нельзя забывать, что старое королевство Бургундия играло выдающуюся роль в германской истории и что с незапамятных времен это — германская земля, которую французы отхватили у нас в период нашей слабости.

Доктор Геббельс спросил, имеет ли фунт картофеля такую же питательную ценность, что и фунт мяса. Фюрер ответил:

Как известно, пища солдат Древнего Рима состояла в основном из фруктов и зерновых культур. Римский солдат приходил в ужас при виде мяса, и мясо, очевидно, включали в обычный рацион, если трудности с поставкой остальных продуктов делали это неизбежным. На многочисленных картинах и скульптурах видно, что у римлян — великолепные зубы, а это, похоже, противоречит утверждению, что хорошие зубы только у плотоядных животных. Последующие столетия, кажется, не принесли каких-либо изменений. Приезжающие в Италию отмечают, что в массе своей народ питается все так же и что у людей по-прежнему отличные зубы.

Надо лишь держать глаза открытыми, чтобы увидеть, какое невероятное отвращение испытывают маленькие дети к мясу. Также интересно, что среди негров дети преимущественно вегетарианских племен развиваются более гармонично, нежели тех, где по традиции матери кормят детей грудью до четырех-пяти лет. Что касается животных, собака, т. е. плотоядное животное, не может сравниться по качествам с лошадью, т. е. вегетарианским животным. Точно так же лев проявляет признаки усталости, пробежав каких-то два-три километра, в то время как верблюд шагает шесть-семь дней до тех пор, пока язык у него не вывалится. Вообще говоря, эксперты не уделяют этим фактам должного внимания. Было доказано, что вегетарианская диета — а особенно диета из картофельных очистков и сырого картофеля — излечивает болезнь бери-бери за неделю.

Тот, кто придерживается вегетарианской диеты, должен помнить, что наибольшую питательную ценность овощи имеют именно в сыром состоянии. Муха питается свежими листьями, лягушка проглатывает муху, так сказать, а аист съедает живую лягушку. Тем

самым природа показывает нам, что рациональная диета должна основываться на потреблении продуктов в их сыром состоянии. Научкой также доказано, что приготовление пищи уничтожает витамины, которые являются наиболее ценной частью нашей еды. Еще не установлено достоверно, уничтожает ли приготовление только некоторые химические частицы, или оно также уничтожает важные ферментные соки.

Сегодня наши дети много здоровее, чем их ровесники, жившие во времена империи или Веймарской республики, потому что матери сейчас понимают, что куда больше будут способствовать укреплению здоровья ребенка, если будут его кормить сырыми овощами и корнями, которые можно жевать, чем если будут давать кипяченое молоко.

199

Рейхсканцелярия, 26 апреля 1942 г., полдень

Люди искусства и политики

Второных завтракая в канцелярии перед заседанием рейхстага, д-р Геббельс рассказал фюреру о некоторых своих наблюдениях над артистами и политиками. Он сказал, что недавно был вынужден вновь выразить протест Яннингсу¹ за то, что последний позволил себе замечания, враждебные правящему режиму. И с неохотой Яннингс в конце концов согласился, что из своей любви к оживленной дискуссии он мог произнести слова, которые могли быть неправильно поняты и раздуть в ущерб престижу государства. Фюрер на это ответил:

Я давно понял, что актеров и художников часто посещают такие фантастические идеи, что время от времени приходится грозить им пальцем и опускать их на землю.

200

Берлин, 28 апреля 1942 г., за ужином

Художественное наследие городов. — Политика в отношении произведений искусства. — Притязания Вены. — Будапешт и Линц. — Борьба с лженаукой церкви. — Планы создания нового Линца. — Отплатить венграм той же монетой

Гаулейтер Форстер² повернул разговор на тему произведений искусства, которые принадлежали Данцигу, но в настоящий момент находятся в Кракове, и задал вопрос, следует ли их теперь вернуть в Данциг. Фюрер на это ответил:

¹ Я н н и н г с Эмиль (1886—1950) немецкий актер театра и кино.

² Ф о р с т е р Альберт (1902 г. р.) — гаулейтер Данцига после 1948 г.

Должен сказать, что в принципе я против этой идеи. Если мы начнем этим заниматься, то никогда не кончим; мы затратим все время на рассмотрение претензий, каждый город будет требовать ту или иную картину, и они все будут этим наслаждаться, стараясь доказать существование какой-то связи между собой и некоторыми произведениями искусства. После Французской кампании и оккупации Сербии и русских территорий мэр Нюрнберга Либель обратился ко мне с просьбой вернуть Нюрнбергу все произведения искусства, на которые он сможет претендовать.

Если удовлетворить все подобные запросы, музеи, в которых сейчас находятся упомянутые произведения искусства, не будут ничего стоить; не только эти, но и многие другие картины будут разлучены со своим привычным окружением, в котором художник желал их поместить, и потому потеряют всякое значение. Когда я приезжал посмотреть произведения искусства из коллекций, конфискованных у евреев Вены, я настаивал на том, чтобы они оставались в Вене, потому что в этом городе для них уже были намечены места. В противоположность тому, что мне предлагали, я даже настоял на том, чтобы некоторые другие работы были переданы туда, где они сформировали бы ядро для новых коллекций — например, работы Франса Халса¹ — в Линц, а тирольские ландшафты — в Инсбрук. Хотя мое предложение было не по душе моим дорогим венцам, я тем более упорствовал, потому что знал, что за пять веков своего правления Габсбурги собрали в подвалах и хранилищах Вены столько картин, что их хватило бы, чтобы заполнить три новых музея. Одних гобеленов в хранилищах Вены было не менее трех тысяч, и все — ручной работы, и все одинаково великолепно и никогда не появлялись на публике. Я знаю своих венцев до кончиков ногтей! Когда мы стали рассматривать одного или двух Рембрандтов, отобранных у евреев, они тут же мягко и наивно старались уговорить меня оставить все работы великих мастеров в Вене, утверждая, что произведений менее известных художников будет вполне достаточно, чтобы осчастливить музеи Линца или Инсбрука. А какой шум они подняли, когда я объявил свое решение о том, что все шедевры, которые не требуются, чтобы заполнить пустые места в венских музеях, должны быть распределены между музеями Альпийской и Дунайской провинций!

Фюрер оборачивается к Шпееру:

Будапешт — бесспорно, самый красивый город на Дунае. Но я намерен сделать из Линца немецкий город на Дунае, который его превзойдет, и тем самым доказать, что художественный вкус у немцев развит значительно более, чем у мадьяр. Я не только застрою берега этой реки великолепными сооружениями, но также хочу по-

¹ Х а л с Ф р а н с (1581—1666) — голландский живописец. Работы Халса выполнены в стиле барокко.

строить ряд жилых домов, которые станут образцом в своем роде. На берегах Дуная будут стоять гигантский отель, предназначенный для организации «Сила через радость», муниципальные здания, спроектированные профессором Гислером¹, Дом партии по проекту архитектора Фика, здание штаба армии, Олимпийский стадион и много другого. Что касается мостов, я хочу, в противовес Будапешту, построить один подвесной мост в Линце. На противоположном берегу я возведу обсерваторию как ответ псевдонауке католической церкви, где будут представлены три великие космогонические концепции истории — Птолемея, Коперника и Горбигера. В куполе этого сооружения будет находиться планетарий, который не только удовлетворит жажду посетителей к знаниям, но и будет пригоден для целей научных исследований. Внутренняя отделка будет в основном навеяна идеями профессора Трооста². В связи с этим было весьма забавное непредвиденное происшествие. Я сам развлекался, делая вчерне наброски для внутренней отделки, пользуясь красным, синим и зеленым карандашами в своем кабинете, и по ошибке отправил этот самый эскиз фрау Троост вместо открытки с поздравлением с днем рождения, которую я сам для нее приготовил!

Что касается Дома партии и парламента провинции, рейхслейтер Борман сделал приятное предложение, которое мне очень понравилось. Как только он узнал, что проекты подготовлены, он добровольно вызвался обеспечить деньги для этих проектов. Поскольку казначей партии уже обязался оплатить эти расходы, я не счел правильным принять предложение Бормана; но, тем не менее, я ему благодарен.

Через десять лет после окончания войны Линц должен стать новым метрополисом на Дунае. С каждым днем во мне разгорается все больший энтузиазм сделать Линц прекраснее, и я думаю, это отзывается во мне художественное чувство. Этот город имеет качество, которое никакая архитектура не могла ему дать, но, тем не менее, оно великолепно — его уникальное географическое положение. Несмотря на узы привязанности, роднящие меня с Линцем, я должен честно сказать, что именно его удивительное расположение побуждает меня осуществить этот проект. Венцам совершенно нечего беспокоиться, что это может нанести ущерб их монополии или культурным интересам Альпийской и Дунайской провинций. Я меньше всего стремлюсь преуменьшить важность Вены, поскольку она зиждется на здоровом и солидном фундаменте. Но если вспомнить о поистине уникальном расположении Линца, невозможно, даже учитывая чувства венцев, отказать от мысли превратить Линц в метрополис на Дунае. Это было бы преступлением.

¹ Г и с л е р Герман — главный архитектор Линца.

² Т р о о с т Пауль (1878—1934) — немецкий архитектор, друг Гитлера.

Далее, ради того лишь, чтобы взбесить венгров, надо сделать все, чтобы разукрасить и добавить прелести самой Вене. Тут мы только оплатим венграм той же монетой, как только закончится война, за то, что они везде и столь быстро пользовались обстоятельствами и таскали свои каштаны из огня.

201

Мюнхен, 27 апреля 1942 г., полдень

Ценность восточных территорий. — Строительство гигантской сети автомобильных и железных дорог. — Второстепенное значение водных путей

Фюрер обсуждал с профессором Гислером и министром Эссером¹ проблему системы коммуникаций на восточных территориях.

В этих районах потребуются весьма значительное расширение существующей системы железных дорог, но это нельзя планировать, исходя из местных интересов. Для нас быстрая связь с Константинополем так же важна, как и быстрое и удобное сообщение между Верхней Силезией и Донецким бассейном. Я планирую ввести в эксплуатацию транзитные поезда, покрывающие расстояния со средней скоростью двести километров в час, а наш имеющийся подвижной парк для этой цели непригоден. Потребуются более крупные вагоны — возможно, двухэтажные, которые дадут пассажирам верхнего этажа любоваться пейзажем. Это, по-видимому, повлечет за собой строительство значительно более широкого пути, чем используется сейчас, а количество трасс должно быть удвоено, чтобы справиться с любой интенсификацией движения. Две из этих дополнительных трасс в каждом направлении будут зарезервированы для перевозки грузов. Надо с самого начала планировать в больших масштабах, и я предусматриваю для нашей основной линии сообщения — т. е. в Донбасс — систему из четырех железнодорожных трасс. Она одна позволит нам реализовать наши планы эксплуатации восточных территорий.

Нет нужды упоминать, что при воплощении в жизнь этого обширного плана мы столкнемся с множеством трудностей, но мы не должны падать духом.

Все разговоры о внутренней водной сети, по-моему, просто чушь; на востоке семь месяцев в году — зима, и строительство любого внутреннего водного пути практической ценности не подлежит обсуждению.

¹ Э с с е р Герман (1900—1981) — статс-секретарь управления туризма министерства народного просвещения и пропаганды.

Бергхоф, 30 апреля 1942 г., за ужином

Германские теноры. — Политика в отношении наших оперных театров. — Ужас Бруно Вальтера¹ и Кнапперцбуша. — Фюртванглер² — единственный настоящий дирижер

Я очень сожалею, что в данный момент в Германии есть лишь два первоклассных тенора, и к тому же эти двое несчастных вынуждены разрываться на всю страну, выступая то в одном городе, то в другом и не имея никакого отдыха. Вина в этом лежит на директорах оперных театров и дирижерах, которые не прилагают нужных усилий для поисков и заключения контрактов с новыми талантами. Из-за такого отсутствия интереса новички вынуждены выступать только в провинциях, и чем большим талантом они обладают, тем более растянутым становится их репертуар. Это вызывает сожаление, потому что никакой молодой певец, как бы талантлив он ни был, не может осилить многообразие ролей, не нанеся вреда своему голосу. Совсем не имея возможностей для развития своего таланта и совершенствования голоса, они перегружаются и разрушают себя преждевременно. Эти соображения заставили меня отдать распоряжение директору Мюнхенской оперы отбирать и готовить рациональным методом группу артистов, предназначенных для работы в будущей Опере Линца. Я приказал ему действовать с максимальным старанием и отвести на это столько времени — от двух до пяти лет, если надо, — сколько он сочтет необходимым. Я выбрал такой метод, потому что, полагаю, он позволит талантливым артистам развивать свой дар до максимума, вместо того чтобы зарабатывать на жизнь, исполняя всякое старье на задворках. В период их подготовки я с радостью буду платить пособие отобранным артистам и, думаю, эти деньги будут затрачены с выгодой, если в конечном итоге у меня появится группа артистов, достойных ролей, которые им суждено исполнять.

Надеюсь, что директора других опер последуют этому примеру и что через несколько лет у нас появятся артисты, в которых нуждается германская сцена. В связи с этим я хотел бы подчеркнуть, что одного лишь хорошего голоса недостаточно; этих артистов надо научить выступать, и у них должна быть приятная внешность. Взгляд тоже должен участвовать в наслаждении оперой; иначе можно вообще не ставить оперу, а дать певцам исполнить свои арии.

Прежде всего, пора покончить с этой распутной системой приглашения «гостевых артистов» для отдельных спектаклей. Почему надо приносить в жертву артистов постоянного состава, не давая им

¹ В а л ь т е р Б р у н о (1876—1962) — немецкий дирижер, композитор, писатель.

² Ф ю р т в а н г л е р Вильгельм (1886—1994) — немецкий дирижер.

возможности проявить свой талант? Справедливее будет поддерживать тех артистов, которые входят в труппу театра, и любой ценой удерживать тех, кто показывает способности выше средних, и удерживать их от ухода в Берлин или куда-нибудь еще, где все, на что они могут рассчитывать, это работа дублера.

Великие дирижеры столь же важны, как и великие певцы. Если бы было достаточно хороших дирижеров во времена Веймарской республики, мы были бы избавлены от возмутительного зрелища восхождения на такую высоту человека вроде Бруно Вальтера, который в Вене считался совершенным ничтожеством. Именно еврейская печать Мюнхена, которой поддакивали ее венские коллеги, привлекла внимание к этой личности и вдруг провозгласила его величайшим дирижером Германии. Но это обернулось против самой Вены, ибо, когда его наняли дирижером великолепного Венского оркестра, то все, что он смог породить, это музыку пивных залов. Его, конечно, уволили, и лишь после этого Вена начала понимать, что такое нехватка хороших дирижеров, и послала за Кнапперцбушем.

Ну этот, с его светлыми волосами и голубыми глазами, наверняка был немцем, но, к несчастью, он верил, что даже без слуха с его темпераментом он все же сможет сотворить хорошую музыку. Ходить в Оперу, когда он дирижировал, было просто наказанием божьим; оркестр играл слишком громко, духовые инструменты забивали скрипки, а голоса певцов были еле слышны. Вместо мелодии раздавалась серия прерывистых воплей, а несчастные солисты были похожи на толпу головастиков; сам дирижер погружался в такую буффонаду жестикуляции, что на него лучше было не смотреть вообще.

Единственный дирижер, чьи жесты не кажутся смешными, — это Фюртванглер. Его движения исходят из глубин его существа. Несмотря на скудную финансовую поддержку, которую он получал, ему удалось превратить Берлинский филармонический оркестр в ансамбль, далеко превосходящий его аналог в Вене, и в этом в основном его заслуга. Некоторые приписывают это превосходство тому, что в Берлине есть несколько подлинных Страдивари, но такое объяснение следует принимать с оговорками. Дело в том — и это, на мой взгляд, важнее, — что Берлин пользуется услугами двух исключительных солистов. Одному двадцать три года, а второму лишь девятнадцать. Когда попадаешь в плен обаяния их кристально чистого исполнения, понимаешь, что смычок двадцатилетнего обладает большей легкостью, нежели смычок шестидесятилетнего скрипача.

Намереваясь найти человека выдающихся способностей на должность директора музыки будущего в Линце, я поручил Клеменсу Краусу¹ отыскать и подготовить музыканта, который докажет, что достоин этой чести.

¹ К р а у с К л е м е н с (1893—1954) — немецкий дирижер, художественный руководитель Мюнхенской оперы.

Бергхоф, 1 мая 1942 г., полдень

Архитектурные проблемы. — Наши архитекторы обязаны планировать в гигантских масштабах. — Байройт, Веймар и Дрезден. — Человечество в этих городах. — Развитие культурной жизни

Я очень благодарен профессору Гислеру за то, что успешно переделал «Шлосс Клессхайм», который станет нашей гостиницей для высоких гостей и который впервые сыграл эту новую роль во время визита дуче. Мне особенно понравилась общая планировка, которая так близка к моим собственным представлениям об объемности. Там нет ничего от скупости или дурного вкуса, как это видишь в домах некоторых мелких монархов. «Шлосс Клессхайм» — это гостиница великой нации. Гислер распланировал ее в гигантском масштабе. Ему удалось оставить широкие пространства между порталами и лестницей и между лестницей и входом в приемные залы.

Ощущение объемности важно, и я был в восторге, видя, что наши архитекторы планируют по широким и объемным линиям. Только так сможем мы избежать сходства с многими городами, в которых дома чуть ли не громоздятся на крыше друг у друга, если посмотришь на Цвиккау, Гельзенкирхен и т. д. Если б меня выслали в такой город, лишенный всякой красоты, я бы потерял сердце и радость в такой же степени, как если бы меня лишили моего отечества. И поэтому я намерен добиться того, чтобы какая-то доля культуры и красоты проникала даже в эти скромные наши городишки и чтобы шаг за шагом комфорт и удобства в этих городах поднимались на более высокий уровень. Есть большая доля правды в утверждении, что культура города зависит от его традиций. Байройт, Веймар и Дрезден являют собой классические примеры. Вполне возможно, что не каждому городу по силам достичь вида, радующего наши эстетические чувства, пока какой-нибудь великий человек не передаст его стенам свое вдохновение. Но надо, по крайней мере, заботиться о том, чтобы из рядов наших партийных уполномоченных даже самой маленькой деревушке был дан достойный носитель не только факела национал-социалистического превосходства, но и его культурного образа жизни. Если не всегда возможно найти подходящего человека на место каждого крейслейтера, тогда с помощью партии и ее организации надо обеспечить, по крайней мере, чтобы крейслейтер стал отправной точкой для измерения цивилизованного быта. Как только это будет достигнуто, дорога к дальнейшему прогрессу по пути цивилизации и культуры открыта.

Недостаточно иметь в городе музей, который по случаю посещают студенты; наш представитель должен позаботиться, чтобы работники трудовой повинности и вермахта считали стоящим посещать

его и чтобы таким образом в массах тоже постепенно пробуждался интерес к искусству. Взгляд ребенка надо отлучить от убожества и приучить к грандиозности, ибо только так они научатся ценить как ансамбли, так и более тонкие места всякого произведения искусства.

204

3 мая 1942 г., полдень

Заговор Бюргербрау. — Швейцарец пробует приложить руку к убийству. — Меры против убийц. — Некоторый неизбежный риск

В двух по-настоящему опасных покушениях с намерением убить меня я обязан своей жизнью не полиции, а чистой случайности.

9 ноября 1939 г. я покинул Бюргербрау на десять минут раньше намеченного времени из-за срочной конференции в Берлине, на которой мне крайне необходимо было присутствовать.

В другом покушении моя жизнь была спасена, потому что потенциальный убийца, швейцарец, отслеживавший меня три месяца в окрестностях Бергхофа, постоянно упускал меня, когда я выходил из дому. А когда он попытался продолжить свою слежку в Мюнхене, его раскрыл какой-то железнодорожный служащий. Этот человек, вероятно, ехал за Мюнхен, имея на руках билет от Берхтесгадена до Мюнхена, и этот самый железнодорожник потребовал от него объяснений. Рассказ о том, что он провел несколько месяцев в Берхтесгадене, пытаясь передать мне какое-то письмо, вызвал у железнодорожника подозрения, и он задержал мужчину для допроса. Когда человека обыскали, при нем был найден запечатанный конверт, адресованный мне, но сам конверт был пуст, и это обстоятельство вынудило швейцарца признаться во всем.

Его признание заинтересовало меня, потому что оно подтверждало мое убеждение, что ни единая душа не сможет справиться с убийцей, который из идеалистических побуждений был готов совершенно безжалостно рисковать своей жизнью для достижения своей цели. Я хорошо понимаю, почему 90% исторических покушений были успешными. Единственное, чем можно обезопаситься, это вести нерегулярную жизнь — ходить, ездить и путешествовать не в одно и то же время и внезапно. Но это, в конце концов, всего лишь нормальная предосторожность, а не предупреждение покушения.

И теперь, насколько это возможно, я везде езжу на машине, выхожу неожиданно, не предупреждая полицию. Я также отдал командиру моей личной охраны Раттенхуберу¹ и моему шоферу Кемпке

¹ Р а т т е н х у б е р Ханс — начальник «сопроводительной команды», личной охраны Гитлера, штандартенфюрер СС.

строжайший приказ сохранять абсолютную секретность в отношении моих приездов и отъездов, а еще больше подавил их, сказав, что этому приказу надо будет следовать, даже если станут задавать вопросы самые высокие чиновники страны.

Как только полиция прослышит, что я куда-то собираюсь, ее люди бросают всю текущую работу и принимают срочные меры, которые, как минимум, тревожат простых людей, а до полицейских все еще не доходит, что как раз эти чрезвычайные меры подозрительны и привлекают внимание как раз там, где никакого внимания не нужно. На этот случай у меня есть прекрасный пример, когда во время аншлюса я ехал из Вены в Прессбург. Полиция подняла тревогу по всей трассе от Вены на Никольсбург и на Прессбург — действие само по себе еще более опасное, потому что в их распоряжении просто не было необходимых сил для охраны этих дорог. Помимо этого, работники гестапо в штатском напялили на себя такую потрясающую коллекцию одежды — шерстяные пальто грубой вязки, кепки конюхов и тому подобное, — что я и любой слабоумный идиот тут же могли догадаться о том, кто они на самом деле. Когда я приказал поехать по дороге, не согласованной заранее, и мы, как и все остальные граждане, останавливались в деревнях у светофоров, тогда я смог продолжать поездку незамеченным и никем не потревоженным.

Полицейская охрана имеет важное значение лишь тогда, когда точно обговорены дата, время и место. И даже в таких случаях деятельность полиции производит вызывающий беспокойство эффект, потому что собирается толпа и возникают бесконечные проблемы. С этим, тем не менее, можно смириться в таких случаях, как празднование Первого мая, Девятого ноября¹, Праздник урожая в Бюкербурге, где собираются несколько сотен тысяч человек, и мой день рождения. Какому-нибудь фанатику, вооруженному винтовкой с оптическим прицелом, посреди такой толпы легко будет выстрелить в меня из-за какого-нибудь угла; поэтому ко всякому отверстию или углу надо относиться внимательно. За ночное время полиция должна установить прожектора так, чтобы их лучи просвечивали все опасные места, а не концентрировались все время, как это случилось со мной в Гамбурге, только на моей собственной машине. При официальных мероприятиях следует, по возможности, избегать узких улочек; переулок пятиметровой ширины, ведущий к «Кроль-опере» в Берлине, например, — потенциально один из самых опасных участков дороги, мне известных.

Поскольку невозможно достичь абсолютной безопасности против фанатиков и идеалистов при официальных церемониях, я всегда предпочитаю спокойно стоять во весь рост в моей машине, и этот метод раз за разом доказывает правоту поговорки, что «мир

¹ П е р в о е м а я — национальный день труда, Д е в я т о е н о я б р я — дата начала «пивного путча».

принадлежит храбрым». Если какой-нибудь фанатик пожелает застрелить меня или поразить бомбой, я буду не в большей безопасности, если буду сидеть; и в любом случае число фанатиков, желающих моей жизни из идеалистических соображений, становится все меньше и меньше. Среди буржуазии и марксистов трудно найти потенциального убийцу, готового, если надо, рисковать собственной жизнью. Единственными по-настоящему опасными элементами являются либо те фанатики, которых подстрекают к действию трусливые и подлые попы, либо националистически настроенные патриоты из одной из оккупированных нами стран; и мои много лет опыта серьезно осложняют дело даже для таких, как вторые. Когда я путешествую ночью в своей машине, например, я не думаю, что те, кто следует за нами в другой машине, смогут без помех выстрелить в меня или моего шофера из удобного положения, когда мы делаем поворот. Дело в том, что, усвоив уроки заговора [против. — *Ред.*] Ратенау¹, я в задней части автомашины установил прожектор, который позволит мне ослепить водителя любой идущей сзади машины, когда мне захочется.

205

3 мая 1942 г., за ужином

Уважение завещания умершего человека. — Дело Людендорфа². — Художественные сокровища и общество. — Проблемы с министерством образования. — Привилегии должны соблюдаться. — Статус Брунсвика. — Римские школы. — Берлин не должен монополизировать ресурсы рейха. — Сохранить музеи провинций. — Берлинская бюрократия. — Администрация и децентрализация. — Берлин — не город художников. — Выбор Нюрнберга

Я вынужден настаивать на том, чтобы не было никакого вмешательства в исполнение последней воли и завещания личности, при условии, конечно, что завещание явно не противоречит интересам государства или народа. Если же государство путается в интерпретации последней воли усопшего, оно может оказаться более в нем замешанным, чем ожидалось. Я это понял, когда скончался Людендорф. Он четко изъяснил в своем завещании, что желает быть похороненным не на кладбище Инвалидов в Берлине и не в склепе Танненбергского мемориала, а в Татцинге. Хотя это пожелание глу-

¹ Имеется в виду происшедшее 24 июня 1922 г. убийство во время следования на работу министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау.

² Людендорф Эрих — военачальник, генерал пехоты, скончался 20 декабря 1937 г. в Татцинге.

боко меня разочаровало, я не желал создавать прецедента, а потому уважил последнее желание великого солдата.

По тем же самым причинам (это мое твердое убеждение) права собственности, удерживаемые от имени народа легально созданными органами (например, муниципалитетами, гау и ландер), должны уважаться без всяких условий. Любое вмешательство, всякий легкомысленный эксперимент исключают один из важнейших стимулов в человеческой деятельности и повредят будущим усилиям и устремлениям. Возьмем, например, какую-нибудь общину людей, которая собирает коллекцию произведений живописи. Если при отсутствии документов, подтверждающих право собственности данной общины, появится какой-нибудь могущественный человек, распродаст и рассеет эти сокровища во все стороны, эффект на общественное понятие справедливости будет ужасным, а общественные организации, истратившие часть своих средств на приобретение произведений искусства, наверняка больше этим не станут заниматься.

К несчастью, наш министр образования, отвечающий за культурную жизнь страны, слабо разбирается в такого рода вещах. Он совершенно легкомысленно предложил мне недавно закрыть Академию горного дела в Леобене, чтобы потом ее передать будущей Академии технических наук в Линце. Этот добрый малый, похоже, не дал себе труда задуматься о том, что такой план не только принесет разруху в город Леобен, который своим процветанием во многом обязан данной академии, но и о том, что в Линце и вокруг него просто нет шахт, которые элементарно необходимы для существования этой академии.

Такую же непроходимую тупость проявил министр внутренних дел, с высоты своей бюрократической отчужденности предложивший мне лишить город Линдау статуса центра округа. Линдау — это культурный центр района озера Констанс и должен оставаться таковым.

Даже город вроде Брунсвика разорился бы, если его лишить статуса места пребывания администрации данного региона, не дав взамен равного отличительного признака, и я заявил Герингу самым категорическим образом, что, случись со мной что-нибудь, он ни под каким предлогом не должен дать уговорить себя разрешить какое-либо изменение в статусе этого города.

Министерство внутренних дел систематически проявляет узость мысли в этом вопросе. Его юристы упускают из виду факт, что, хотя город в двадцать пять тысяч жителей может быть обычным сельскохозяйственным центром, в пределах прямой административной компетенции центральной власти, он в то же время может быть центром традиций и культуры со своими особенными административными запросами, которые можно нормально удовлетворить только через независимое муниципальное управление.

В этом отношении мы опять могли бы многое почерпнуть у древних римлян. Они следовали принципу концентрации власти в руках немногих во время кризисов, но децентрализации власти — в обыч-

ное время. В организации и управлении городов они позволяли себе руководствоваться потребностями момента, но, однако, не теряя из виду политические и культурные аспекты дела. Нам перед тем, как приступать к региональной реформе любых крупных масштабов, тоже было бы неплохо самым тщательным образом изучить все соответствующие факторы. Из-за этого я через Бормана запретил до окончания войны всякие упразднения или слияния разных районов, существующих на сегодня. Я также принял меры к тому, чтобы Берлин в условиях нехватки материалов в военное время не пользовался своими преимуществами и захватывал для себя все имеющиеся строительные материалы и тому подобное за счет других городов. Чем больше город, тем больше искушение играть роль метрополиса в любом смысле слова и стараться ухватить все для себя. Именно этим столетиями занималась Вена; она собрала за своими стенами все произведения искусства, на которые сумела наложить свою лапу, оставив нищими Альпийскую и Дунайскую провинции и лишив их всякого смысла в культурном и художественном существовании. Надо позаботиться, чтобы то же самое не произошло с Линцем, когда станем воплощать планы развития этого города. Не ставится, например, цель опустошить музеи Мюнхена для того, чтобы заполнить музеи Линца. По правде говоря, я немного беспокоюсь, что именно так и может произойти, и по этой причине я начал скупать на рынке сокровища искусства, которые в конечном итоге будут предназначаться для музеев Линца. Не хочу видеть, как музеи одного города процветают за счет музеев других городов.

Предположим, мы сделали для Линца исключение и, с целью создать в нем исключительную коллекцию, приступили к разорению всех меньших провинциальных музеев — и каков будет результат? Прежде всего, будет нарушен юридический базис, на котором зиждется собственность на эти произведения; а потом таким возможностям не будет конца. По справедливости, нам следовало удовлетворить претензии Либеля, мэра Нюрнберга, и вернуть в Нюрнберг все произведения искусства, созданные художниками этого города, и тогда началась бы борьба за право обладания шедеврами, которая никогда бы не закончилась. В любом случае абсурдно утверждать, что произведения искусства должны оставаться там, где они были созданы. Шедевр не знает местных границ, и, куда он ни отправляется, он приносит известность и славу как художнику, так и его родному городу. Муссолини это ясно осознал, и, держа это в уме, он подарил мне знаменитого «Дискобола».

Величайшая опасность, с которой, как я считаю, сталкиваются наши художественные центры, состоит в росте бюрократического контроля, который уже осуществляют над ними берлинские министерства. Берлинская бюрократия мешает работать местной администрации, чьей собственной задачей является намечать перспективы и вмешиваться, если нужна помощь, в борьбу с проявлением

унитаризма, которое налагает свою холодную, несущую смерть руку на деятельность во всей стране. Эта опасность весьма реальна, потому что за последние двадцать лет министерская бюрократия выросла и расширилась исключительно внутри орбиты собственного круга; и отсюда, например, мы видим человека исключительной посредственности вроде Сурена, которого повысили до ранга заместителя государственного секретаря просто потому, что он отслужил такое-то количество лет в министерстве внутренних дел, но при этом абсолютно не принимая во внимание, что за всю свою деятельность он в общем-то сделал больше вреда, чем пользы.

В качестве противовеса бюрократам администрации надо нанимать на работу в местные административные органы действительно работающих людей в больших количествах. Этим людям, однако, надо дать возможность проявить свою ретивость, пыл на независимой управленческой работе. Чем больше будет децентрализована администрация рейха, тем легче будет отыскать работоспособных людей на ключевые посты в центральной организации, людей, наделенных умением дать необходимые детальные инструкции и пониманием, когда их вмешательство действительно необходимо.

Если позволить бюрократам продолжать идти своим путем, через несколько лет мы обнаружим, что нация утратила веру в администрацию. Умелые и деятельные люди, твердо стоящие обеими ногами на земле, не потерпят, чтобы результаты труда, который они потратили за годы долгой и беспокойной работы, скажем, мэрами, вдруг были отвергнуты и уничтожены решением какой-нибудь ничтожной канцелярской крысы в Берлине.

В любом случае, когда чиновники центральной администрации вмешиваются в дела на местах, они редко находят взаимопонимание с местными властями, которые изучили данную проблему на месте и которые хорошо знают, какое решение следует здесь принять. Чиновники наших министерств — люди с ограниченными взглядами, потому что они преодолевали служебную лестницу шаг за шагом с должностей на побегушках до постов, которые, как им кажется, имеют огромную важность и ответственность, но для действительно способных людей они кажутся смешными. Вы думаете, действительно одаренный человек согласится на должность театрального советника при министерстве пропаганды — с зарплатой семьсот—восемьсот марок, которую платят правительственным советникам? Эти бюрократы живут в маленьком мире собственного самомнения, а все остальное проходит мимо них.

Когда я вспоминаю Байройт, я неизменно беспокоюсь, что когда-нибудь придется обратиться к государству за финансовой помощью на содержание культурных институтов и передачу административного контроля в городе в руки министерских бюрократов. Это одна из причин, почему я так заинтересован в двух сыновьях фрау Винифред Вагнер. Я очень надеюсь, что они окажутся способными продолжать

великое дело их родителей. Пока я жив, я буду делать все, что в моей власти, для поддержания престижа города Рихарда Вагнера.

Не вижу более подходящего способа спасения культурных центров, нежели отдать их на попечение городов, где они находятся.

Как ни блестящ город Берлин, я сомневаюсь, что из него можно будет создать метрополис искусств. Как метрополис политической и военной мощи он идеален, и я это понял во время процессии, организованной в честь моего последнего дня рождения. Но атмосфера Берлина — это не атмосфера какого-нибудь города искусств.

Нет причины позволять какому-нибудь другому городу достигнуть положения Берлина. Рейху вполне достаточно одного города с пятью миллионами жителей, т. е. Берлина, двух городов — Вены и Гамбурга — с двумя миллионами и еще нескольких, приближающихся к миллионной отметке. Было бы крайне глупо еще больше расширять наши крупные города и канализировать в их направлении всю культурную деятельность. Однажды я сказал Кристиану Веберу, что было бы неумно вливать Штарнберг в Мюнхен. Ради сохранения собственного лица Мюнхен должен оставаться таким, какой он есть.

Если б я пожелал, то смог устроить, чтобы Мюнхен был постоянным местом проведения партийных съездов. Но поскольку я хотел, чтобы как можно больше городов — больших, средних, малых — принимали участие и становились центрами немецкой культурной жизни, я предложил комитету партии избрать Нюрнберг для наших съездов, и наши ежегодные собрания там должны, я думаю, создать в городе на десять дней атмосферу фестивалей Олимпийских игр древних дней.

По этой же причине я отказался перенести Верховный суд из Лейпцига, но приветствовал предложение о размещении в Вене Верховного трибунала по административным делам. Когда война закончится, я должен буду обсудить с Гиммлером вопрос о наших медицинских факультетах и медицинских исследованиях. Явно нежелательно, чтобы медицинская профессия расщеплялась на бесчисленные группы — армейский медицинский корпус, медицинская служба СС, частная практика и т. д.

206

4 мая 1942 г., за ужином

Возмещение затрат на войну. — Интеграция двадцати миллионов иностранных рабочих в индустрию Германии. — Ни один народ не был разорен своими долгами

Я уже говорил, что выплата накопившихся за время войны долгов не представляет проблем. Прежде всего, завоеванные силой оружия территории дают прирост в национальном богатстве, далеко

превосходящий затраты на войну; во-вторых, интеграция в германскую промышленную систему по дешевым расценкам двадцати миллионов иностранных рабочих дает экономию, которая опять же превышает все долги, сделанные государством. Простые расчеты, которые непонятным образом ускользнули от внимания наших экспертов по экономике, покажут верность этого утверждения; иностранный рабочий зарабатывает примерно одну тысячу марок в год, а средний заработок немецких рабочих — две тысячи марок. Подсчитайте, сколько получится *in toto* [в целом. — Пер.], и увидите, что конечный выигрыш огромен.

При оценке национального богатства мне пришлось объяснять даже Функу, который прежде всего — министр экономики рейха, как уровень жизни немецкого народа значительно поднялся благодаря введенной нами системе использования иностранной рабочей силы. Только сравните стоимость местной рабочей силы с тем, что стоит германская рабочая сила за рубежом, и убедитесь, что именно так и должно быть.

История показывает, что еще ни одна страна не была разорена своими долгами. Положитесь на меня, а наши экономисты могут спать спокойно и изучать проблемы военных расходов и долгов с исключительным оптимизмом.

207

5 мая 1942 г., полдень

Валлония и Северная Франция действительно германские провинции

Фюрер в шутку сказал, что прошлой ночью он с огромным интересом читал книгу Петри, которую ему одолжил журналист Френц, озаглавленную: «Germanisches Volkserbe in Wallonien und Nordfrankreich» [«Германское национальное наследие в Валлонии и Северной Франции». — Пер.]. Далее он продолжал:

Эта работа, опубликованная в 1937 г., все более укрепляет мое убеждение, что Валлония и Северная Франция — в действительности немецкие земли. Изобилие по-немецки звучащих географических названий, широко распространенные обычаи германского происхождения, сохранившиеся формы идиом — все это доказывает, по моему мнению, что эти регионы систематически отделялись, если не сказать вырывались, от германских территорий.

Если где-то и есть территории, которые мы по праву можем востребовать, так это они.

Май 1942 г.

Частые перемены в окружении дуче. — Отсутствие умелых и заслуживающих доверия коллег. — Не перемещать человека, хорошо исполняющего свою работу. — Бальдур фон Ширах, Аксман¹, Лаутербахер и Тербовен. — Ламмерс — юрист со здравым смыслом. — Важность плодотворного сотрудничества

Борман отметил, что всякий раз, когда дуче приезжает с визитом, он окружен новыми лицами, из чего он заключает, что дуче постоянно меняет своих сотрудников. Фюрер возразил:

Если дуче так поступает, значит, несомненно, у него нет иного выбора, потому что он хорошо знает, как и я, что для воплощения долгосрочного плана надо иметь возможность опереться на длительное сотрудничество с людьми на ключевых позициях. Причины для этих постоянных перемен, совершаемых дуче, как я понимаю, должны быть следующими: во-первых, в его распоряжении недостаточно первоклассных людей, и, должно быть, поэтому он все время убирает тех, кто не отвечает стандарту. Во-вторых, самым способным людям из фашистов неизменно предлагают назначения на должности префектов — если этого не делать, король, владеющий монополией назначений, воспользовался бы шансом оскорбить Муссолини, назначив нефашиста.

Я слишком хорошо знаю, как трудно найти нужного человека на важный пост. Приходится вновь и вновь обращаться к одним и тем же личностям. Когда я занимался отбором комиссаров для оккупированных восточных территорий, я продолжал возвращаться к уже знакомым мне именам моих старых гаулейтеров; сразу у меня в мозгу всплыли, например, имена Лозе и Коха². Тем не менее я изо всех сил стараюсь держать людей на тех местах, где они себя проявили, ибо тем самым я обеспечиваю по-настоящему плодотворное сотрудничество. Борман совершенно прав, когда говорит, что временная работа не дает шанса показать свои способности. Если гаулейтер не уверен, что долго проработает на своем месте, его планы неизбежно будут страдать, а сам он будет трудиться, испытывая серьезные помехи. Он волей-неволей будет задавать себе вопросы: а что будет думать о моей проделанной работе мой преемник? Завершит ли он проекты, которые я начал? Не скажет ли он, что я неверно выбрал место для строительства? что я истратил деньги, не принеся пользы обществу? И так далее.

¹ А к с м а н Артур (1913—1996) — лидер гитлерюгенда (1940—1945).

² Л о з е Генрих — гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна; К о х Эрих (1896—1961) — гаулейтер Восточной Пруссии.

Хотя я добивался успеха в поисках людей на ключевые посты СС, Национал-социалистического механизированного корпуса и Государственной трудовой повинности — и на них у меня находятся люди наивысших способностей, — я не смог подыскать нужного человека, чтобы поставить его во главе СА. Это показывает, насколько редки люди истинных достоинств. Что касается СА, наших штурмовых войск до прихода к власти, там наблюдается тенденция превратиться в силу, которая зачастую либо вовремя не понимает, в чем состоят ее обязанности, либо делает свою работу кое-как. Думая об этом вырождении СА, не могу не поздравить себя с тем, что нашел в Ширахе идеального человека для руководства национал-социалистическим молодежным движением. Именно Шираху, несомненно, мы должны быть благодарны за то, что он основал и организовал на самой солидной базе самое важное молодежное движение в мире. Ширах пришел ко мне очень молодым, но уже тогда он отличался от своих товарищей-студентов. Какие прекрасные люди его сотрудники и преемники — Аксман и Лаутербахер! Я точно знаю, что имеет Борман в виду, когда говорит о выдающейся работе, проделанной Лаутербахером в качестве гаулейтера Ганновера, и я с удовольствием соглашаюсь с ним, когда он дает Лаутербахеру высокую оценку как президенту. Аксман, которого молодежь всегда считала великим идеалистом, сейчас ею же ценится еще более высоко, поскольку он вернулся с фронта так тяжело раненным, но с такой славой; в глазах гитлерюгенда Аксман — это олицетворение военной доблести. В Тербовене я рад видеть человека, способного взять на себя контроль над Норвегией, самым трудным комиссариатом рейха. Как он мне сказал в тот самый день, если он ослабит свою власть хотя бы на мгновение, он почувствует, как будто стоит на зыбучих песках. Он, например, был вынужден арестовать ряд норвежских учителей, которые попытались саботировать некоторые меры, предпринятые германским Верховным командованием, — и сейчас он использует на строительстве оборонительных сооружений. Я только сожалею о том, что традиционная немецкая щедрость морских властей, на которых была перевозка этих людей, еще раз приняла дурацкие размеры; транспортные власти поначалу отказались перевозить этих пассажиров под предлогом недостаточности спасательных жилетов для них! Наверняка эти норвежцы были бы обрадованы, если б их торпедировали обожаемые англичане и послали на дно морское!

Не менее важной из причин, почему мне удавалось заполнять ключевые посты людьми, способными исполнять свои обязанности, является тот факт, что их подбирали не по признаку наличия юридической подготовки, а потому, что они успешно прошли школу жизни. Единственный среди моих сотрудников юрист, который чего-то стоит, — Ламмерс. Ламмерс знает, что он нужен для того, чтобы отыскать легальные обоснования под требования государства, и он не путает практическую необходимость с юридической теори-

ей. Несмотря на его юридическую подготовку, он обладает глубоким знанием человеческой природы.

Без помощи этих умелых и полных энергии коллег я наверняка бы не достиг политических успехов, выпавших на мою долю. К тем из них, кто в своем энтузиазме и стремлении обновить нацию зашел так далеко, что объявил меня пророком, вторым Магометом или вторым Мессией, могу лишь возразить, что не вижу ни малейших следов сходства с Мессией.

209

6 мая 1942 г.

Проникновение евреев в мир прессы и кино. — Их влияние на Гугенберга и Ротмера¹. — Безразличие национал-социалистической печати. — Финансовые источники партии. — Как Шварц добывал деньги. — Организация «Фёлькише беобахтер». — Аман — практичный деловой человек

Как явствует коммюнике из Анкары, Турецкое информационное агентство уволило значительное число своих еврейских сотрудников. Фюрер заметил, что во всех ныне воюющих с Германией странах общественное мнение формировалось евреями и что так же было и в Германии даже в дни Веймарской республики. Он продолжил:

С незапамятных времен евреям всегда удавалось прокрасться на посты, с которых можно было влиять на общественное мнение; например, они держали многие ключевые позиции в прессе и в кинопромышленности. Но они не довольствовались тем, что осуществляли прямое, открытое влияние; они понимали, что достигнут цели скорее, если будут оказывать свое влияние через так называемые агентства и другими окольными методами. Самое опасное оружие — это еврейское рекламное агентство, потому что, урезая доходы от рекламы, они могут довести до грани краха даже крупнейшие газеты. Считаю исключительно важным рассмотреть, как и Гугенберг, и лорд Ротмер были вынуждены отказаться от попыток поддерживать здравую национальную политику, потому что евреи пригрозили им урезать их доходы за счет рекламы. Лорд Ротмер, который в то время только что опубликовал две статьи в поддержку движения Мосли, сам мне описывал в Бергхофе, как евреи принялись за свое дело и как было невозможно, имея в своем распоряжении так мало времени, принять какие-либо эффективные контрмеры. С самого начала один из моих самых мощных источ-

¹ Г у г е н б е р г Альфред — предприниматель, финансировал НСДАП; Р о т м е р Дэвид — британский газетный магнат.

ников силы был в том, что сделал все газеты НСДАП, в отличие от других газет такой же важности, полностью независимыми от еврейских рекламных агентств и тем самым невосприимчивыми к экономическому давлению такого рода.

Этот удачный ход с прессой партии подвиг меня на организацию всей партии, в каждой сфере ее деятельности таким образом, чтобы она была неуязвимой экономически. Мне тем более легко было выполнить все это, найдя в лице Шварца, тогдашнего казначея рейха, коллегу, настолько искусного в распоряжении доходами партии, получаемыми от подписки, сборов и тому подобного, что наше движение смогло приступить к решающей кампании 1932 г. за счет собственных ресурсов.

Помимо Мутшмана, д-р Лей собирал больше всех денег для партии. Описывая меня как настоящее чудовище, он настолько возбуждал любопытство в промышленниках и их леди, жаждавших меня лицезреть, что они были готовы заплатить до двухсот марок за место на одном из моих собраний. К сожалению, большая часть денег, заработанная таким образом, впоследствии была потеряна в результате деятельности д-ра Лея в газетной индустрии, потому что он не сумел понять, что печатные станки, принадлежащие партии, разоряют газеты партии. Для всех наших пропагандистских поездок партийным печатным станкам приходилось размножать все памфлеты без какой-либо гарантии возмещения расходов. Человек вроде Мюллера, который управлял печатными машинами для «Фёлькише беобахтер» от своего имени и ради своей собственной выгоды, никогда не испытывал проблем в этом плане. Он только принимал заказы на памфлеты против оплаты наличными и всегда отказывался от сомнительных заказов, заявляя, что его работники питаются не политическими убеждениями, а зарплатой, которую он им платит. Наши местные лидеры, с другой стороны, придерживались теории, что там, где речь идет о партийных типографиях, идеализм должен заменить платежи — теория экономически настолько неумная, что угрожала разорить упомянутые типографии.

Тому факту, что я смог удержать «Фёлькише беобахтер» на ногах через весь период нашей борьбы — и невзирая на три неудачи, которые она потерпела до того, как я забрал ее в свои руки, — я обязан, прежде всего, сотрудничеству с рейхслейтером Аманом.

Он, как разумный бизнесмен, отказывался взять на себя ответственность за любое предприятие, если оно не обладало экономическими предпосылками потенциального успеха. Благодаря его правилу издательство «Эгер», владелец «Фёлькише беобахтер», развилось в один из самых мощных газетных трестов в мире, рядом с которым американский «Пресс Лордс» выглядит пигмеем. Этот успех тем более примечателен, когда осознаешь, что, когда я прибрал ее к рукам, «Фёлькише беобахтер» имела не более семи тысяч подписчиков, ни единого контракта на рекламу в кармане

и ни пенни в кассе до того, как будет продана печатаемая сейчас газета!

Если б у меня не было проблем с партийной прессой, я бы, возможно, оставался без понятия о методах ведения бизнеса, но этот опыт дал мне хорошую школу. Мои самые трагические моменты пришлось на 1932 г., когда для финансирования нашей избирательной кампании мне пришлось подписывать всякого рода контракты. Их я подписывал от имени партии, но с постоянным чувством, что, если мы не победим, все будет потеряно. Точно так же сегодня я подписываю контракты от имени рейха, будучи совершенно уверенным в нашей конечной победе, но также понимая, что, если война будет проиграна, германский народ неизбежно и невозвратно погибнет. Поэтому никакие расходы не будут слишком большими, если они укрепляют уверенность в нашей финальной победе.

210

7 мая 1942 г., за ужином

Потеря британского крейсера «Эдинбург»¹. — Британское лицемерие. — Немецкое уважение к истине

Только что поступило сообщение агентства Рейтер, в котором говорится о потере британского крейсера водоизмещением десять тысяч тонн, корабля его королевского величества «Эдинбург».

Я считаю, мы можем утверждать, что очень умно извлекли эту информацию из британцев. Поскольку командир подводной лодки, совершившей это, не смог наблюдать действительное потопление, он ограничился докладом о том, что в «Эдинбург» попала одна торпеда. Поэтому пришлось наше официальное коммюнике изложить в осторожных выражениях. Детальный доклад почти не оставил у нас сомнений, что этот корабль на самом деле был потоплен, и в следующем официальном бюллетене новостей и был сделан намек на потопление. Таким образом, мы вынудили британцев признать их потерю.

Из этого эпизода можно извлечь два урока:

1. Германия честна в отношении истины. Но ей не следует быть слишком педантичной там, где дело касается истины. Ко мне часто поступают доклады с фронта о том, что в войсках, читая осто-

¹ Легкий крейсер «Эдинбург» (серия «Белфаст»), перевозивший груз золота, являвшийся частью советских выплат по ленд-лизу, был атакован 29 апреля 1942 г. подводной лодкой «U-456». Получив серьезные повреждения от двух попаданий (корабль лишился кормы), крейсер на буксирах двигался в Мурманск. 2 мая «Эдинбург» вступил в бой с нацистскими эсминцами (группа «Арктика»). Ценой гибели флагманского корабля «Герман Шеманн» (серия «Леберехт Маас») немцам удалось потопить крейсер.

рожные и тщательно взвешенные фразы официальных сообщений, часто возникает впечатление, что в Генштабе не оценивают до конца полные размеры их усилий.

2. Как только убедитесь в правдивости какого-нибудь факта — будь то политического происхождения либо военного, — необходимо объявить об этом на весь мир. Только так можно заставить таких законченных лицемеров, как британцы, признаваться в истине.

211

8 мая 1942 г., полдень

Роль Крита. — В Средиземноморье нет германского флота

Я не собираюсь превращать Крит в германский опорный пункт. Если бы я это сделал, мне пришлось бы держать на Средиземном море германский флот, а это создало бы вечную опасность конфликта с Турцией. Удержание нами Крита, в глазах турок, было бы просто началом гамбита в борьбе за контроль над Дарданеллами. В этих обстоятельствах самое лучшее, что мы сделаем на Крите после войны, это создадим центр для нашей организации «Сила через радость».

212

8 мая 1942 г., вечер

Секретные заседания британского парламента

Фюрер привлек внимание к тому, что британский парламент провел уже около двадцати секретных заседаний. Он добавил:

Мы до сих пор не слышали ни слова о том, что происходит на этих заседаниях. Это мощное проявление солидарности, объединяющей британский народ.

213

11 мая 1942 г., за ужином

Национальный храм для наших великих людей. — Немецкое чувство семьи

Совершенно естественно, что народ желает видеть великих людей нации, покоящихся в каком-нибудь национальном пантеоне. Согласно личному пожеланию Людендорфа он был похоронен в

Татцинге, но я надеюсь, что когда-нибудь его жена даст согласие на перенос его останков в Зольдатенхалле в Берлине. Правда, я сомневаюсь, даст ли она это согласие, если не получит гарантий, что, когда придет время, ей будет дозволено покоиться рядом с ним. Подобным образом семья Гинденбурга согласилась с гробницей для «старого джентльмена» в монументе Танненберга на условии, что там будет оставлено место и для его жены. Эти чувства созвучны немецкому понятию семьи, и их необходимо уважать до малейших деталей. Для многих из наших великих жены были идеальными компаньонами в течение всей жизни, их товарищами, верными до смерти, их непробиваемым щитом сквозь все превратности жизни и их неистощимым источником силы.

214

11 мая 1942 г., за ужином

Производство меда

Германские пчеловоды могли бы увеличить сбор меда в десять раз. Мед в древние времена и Средние века был основным осветлителем и даже использовался для осветления вина. Старый немецкий напиток мет, который во времена моей юности продавался на всех ярмарках, тоже сделан из меда. Первыми пирожными, отправленными нами на экспорт, были медовые пирожные из Нюрнберга.

215

12 мая 1942 г., за ужином

Разумные экономические принципы. — Проблема животного и китового жира. — Ошибки прусской колонизации. — Сто миллионов немцев на восточных территориях. — Труд военнопленных. — Германская миграция на восток. — Оправдание применения силы. — Урок от французов в Эльзасе. — Проблема Эльзаса—Лотарингии. — Политика осторожности. — Евреи с голубыми глазами и светлыми волосами. — Расовая регенерация и вопросы морали. — Испытательный брак. — Ностальгия и поэтическое чувство нордических рас. — «Духовный каннибализм»

Если мы хотим удовлетворительно решить проблемы продовольственного и промышленного планов, нам надо вернуться к здоровым экономическим принципам. К сожалению, они исчезли с того момента, когда наши экономисты начали влиять на политиков. Наше положение было бы сейчас совсем другим, если бы в нужный мо-

мент мы уделили должное внимание китовому промыслу и его рациональному ведению. Китовый жир обладает не только противорахитными свойствами, но у него еще есть то преимущество, что может храниться бесконечно долго. Сегодня существует технология, позволяющая использовать до 80% китовой массы; кроме жира, можно хранить мясо, из шкуры можно выделывать кожу, а поверхность плавников послужит основой для многоцелевого материала высокой стойкости. Поэтому организация китобойного промысла является для нас самой животрепещущей проблемой.

Гаулейтер Форстер напомнил, что в 1830 г. население города Торн было преимущественно немецким, но к 1939 г. германский элемент сократился до совершенно незначительных размеров. Это навело фюрера на следующие мысли:

Промях был допущен в политике, которую вела Пруссия в течение последних ста пятидесяти лет. В этот период прусское правительствo превратило германские восточные территории в настоящие колонии для отбывания наказания, посылая туда только тех учителей, которые так или иначе попали в опалу у германских чиновников и должностных лиц или кого понадобилось лишить функций, в данный момент исполняемых.

Надо извлечь уроки из совершенных Пруссией ошибок, и сделать это надо в течение следующих десяти лет. В конце этого периода, я полагаю, мои гаулейтеры смогут доложить мне, что эти районы вновь стали немецкими.

Форстер согласился, что это может быть достигнуто в Данциге — провинции Западной Пруссии. Для достижения успеха потребуются, считает он, обратиться к лучшим составным частям старого рейха и ограничить прием на работу возрастом не старше пятидесяти лет. К тем, у кого этот возраст выше, применима поговорка: «Старые деревья пересаживать нельзя».

Согласен. Для перезаселения наших восточных территорий надо, прежде всего, обратиться к молодому поколению. Надо привить им чувство гордости за то, что их позвали отправиться в страну, где они не найдут аккуратно для них заправленных кроватей, а будут вынуждены все начинать с самого начала, — и мы должны объяснить им, что ожидаем, что они создадут нечто воистину великолепное. Что наверняка должно привлечь молодежь, так это то, что, уезжая таким образом, они обретут возможности для продвижения бесконечно быстрее, чем их менее предприимчивые товарищи, которые остаются в спокойствии дома, готовые идти по проторенной дороге.

Моя долговременная политика нацелена на то, чтобы на этих территориях в конечном итоге обосновалось сто миллионов немцев. А поэтому очень важно создать аппарат, который обеспечит постоянное нарастание этого количества и будет заботиться о том, что-

бы германское проникновение расширялось миллион за миллионом. Надо, чтобы через десять лет мы смогли заявить, что двадцать миллионов немцев проживают на территориях, уже инкорпорированных в рейх и на тех, которые в настоящее время оккупируют наши войска.

В части того, что можно сделать для жителей этих регионов в плане цивилизованных удобств, можно кое-что позаимствовать у поляков, которые сумели проложить в самом центре города Готенхафен (Гдыня) ряд широких и красивых магистральных дорог.

Вмешался гаулейтер Форстер. Даже во время войны, сказал он, существуют некоторые культурные аспекты, которыми нельзя пренебрегать. Взяв в качестве примера Готенхафен, он отметил, что в этом городе есть три небольших кинотеатра, но ни одного крупного. И в результате, когда в порт заходят на отдых военные корабли, моряки, чье наслаждение — это сойти на берег, не могут отыскать тех мест для развлечений, которых так жаждали. Наверняка можно найти на месте материалы, необходимые для строительства большого концертного зала, который потом можно было бы переоборудовать под кинотеатр. Но к строительству нельзя приступить, потому что в предоставлении необходимой рабочей силы, т. е. каких-то шестидесяти русских военнопленных, было отказано. Фюрер продолжил.¹

В подобных случаях надо обращаться к здравому смыслу; и нельзя позволить провалить такое нужное дело по причине недостатка рабочих-военнопленных. Если у гаулейтера Форстера есть нужный материал, тогда надо дать ему пленных, в которых он нуждается для завершения этого строительства.

Вообще-то говоря, я придерживаюсь мнения, что в таких случаях практические соображения должны играть определяющую роль, и особенно когда это вопрос строительства на восточных территориях. Надо решительно закрывать глаза на советы умеренности, звучащие в Берлине в беседах за чашкой чая. Ошибки, совершенные на этих территориях прусским правительством, которые мы пытаемся исправить, слишком многочисленны, чтобы мы могли ограничиваться теретическими эдиктами.

Из беглого анализа причин сокращения населения германского происхождения вырисовываются две. Они таковы: дворянство и духовенство. Мы весьма хорошо знаем, до какой степени близки римская католическая церковь и Польша в политической борьбе. Что менее известно, это факт, что в этих районах немецкое дворянство проявляло полнейшее безразличие и ничего вообще не предпринимало, чтобы поставить германские интересы превыше всех

¹ Примечание Бормана: «На этих страницах много неточностей. При записи очень продолжительного разговора д-р Пикер не сумел точно указать, кто были говорившие и кто озвучил различные мнения».

остальных. Напротив, для этих джентри важнее всего был вопрос касты, даже когда речь шла о польской знати. Совершенно прав гаулейтер Форстер, когда говорит, что эта тенденция в основном питается общим пристрастием к охоте, что представляет собой образчик явного масонства. Делалось все возможное, чтобы лишить собственности мелких немецких землевладельцев и заменить поляками немецких сельскохозяйственных рабочих. В самом деле, не будет преувеличением сказать, что германское дворянство нанесло смертельный удар по германской идее и подорвало все усилия, предпринимавшиеся для ее поддержки.

Не сумев принять мер противодействия этим тенденциям, прусское правительство доказало свое полное невежество в исторических ценностях. Германские императоры наверняка имели достаточно причин, когда занимались проблемой формирования и сохранения ряда небольших немецких колоний на этих юго-восточных территориях. Это делалось сознательно, и это было целью их политики, чтобы на этих болотах рейха жило и их зарабатывало население германского происхождения с максимальной плотностью. Если мы намерены исправить ошибки прошлого столетия в этом плане, нам надо действовать решительно. Надо помнить пример, который подавали рыцари германских орденов, совсем не отличавшиеся деликатностью. В одной руке они держали Библию, а в другой — меч. Точно так же наших солдат на Востоке должна воодушевлять национал-социалистическая вера, и они не должны колебаться относительно применения силы, если надо, чтобы достичь цели.

Можно даже извлечь урок из того, как французы ведут себя в Эльзасе. Не обращая ни малейшего внимания на поколения людей, которым от этого придется страдать, они принялись за искоренение в Эльзасе всяких признаков и следов германского влияния, грубой силой навязывая его жителям обычай и культуру Франции. Поступая так же, как они, мы безжалостно изгоним с этих территорий двуязычие, и радикальные методы, к которым мы прибегнем, сами докажут свою эффективность даже на населении, враждебном германизации. Мы быстро достигнем четкой ситуации, так что во втором поколении или в крайнем случае в третьем эти регионы будут полностью умиротворены.

Что касается Эльзаса и Лотарингии, если мы собираемся переделывать их в настоящие германские провинции, надо будет изгнать всех, кто не хочет добровольно согласиться с фактом, что они — немцы. Гаулейтер Бюркель¹ уже принял в этом отношении суровые меры, — но нам еще предстоит избавиться от четверти миллиона «офранцузенных» эльзасцев. Отправить ли их во Францию или послать для колонизации восточных территорий? В принципе это

¹ Б ю р к е л ь Йозеф (1895—1944) — гаулейтер Вены (1939—1940).

не так важно. Это просто дело случая. И вовсе не будет проблемы, чтобы заполнить пустоту после их отъезда. Один Баден может дать бесчисленное количество крестьянских сыновей, желающих устроиться в Эльзасе и Лотарингии, особенно если для них не хватает земли на их собственной родине. Действительно, фермы в Бадене слишком малы, чтобы немецкая семья, в которой более двух детей, могла их там растить и воспитывать.

Германизацию восточных территорий мы сможем осуществить лишь с применением самых суровых мер. Тем не менее, я убежден, после пятидесяти лет национал-социалистической истории эти земли будут носить глубокий отпечаток!

Гаулейтер Форстер сослался на проблемы, возникающие в многочисленных отдельных случаях. Он упомянул дело одного поляка, работавшего в театре в Грауденце, который пожелал стать германским гражданином и в поддержку своей просьбы заявил, что его бабушка была немкой. Надо ли в делах такого рода давать отказ без всякого обсуждения? Одно было бесспорно — никакой немец не станет выполнять ту работу, которую делал в театре этот поляк. Также, добавил Форстер, были проблемы с католическими сестрами милосердия, которые великолепно работали с жертвами инфекционных заболеваний, и польской женщины, работавшей в домашнем хозяйстве одного тяжело раненного немца. По мнению Форстера, если какой-либо поляк пожелает принять немецкое гражданство, решение должно выноситься на основании общего впечатления, которое оставит этот кандидат. Даже в случаях, когда было невозможно точно проследить предков индивидуума, тем не менее, оставались некоторые этнические характеристики, которые вкупе с характером и уровнем интеллекта являлись надежной подсказкой. Как говорит Форстер, похоже, что профессор Гюнтер, специалист в этих вопросах, был совершенно прав, заявив после десятидневного турне по провинции Данциг, что четыре пятаков поляков, живущих на севере этой провинции, могут быть онемечены. Принимая решения по таким случаям, сказал Форстер, нельзя забывать, что реальная жизнь всегда сложнее, чем теория, и поэтому надо вести германизацию, имея в виду прошлый опыт и полагаясь на здравый смысл. В южных и юго-восточных частях провинции было бы лучше расположить гарнизоны для того, чтобы «привести в сознание» население, и только потом заняться изучением возможности германизации. Во всех этих районах и в течение переходного периода надо воздерживаться от подключения немецких священников. Было бы много лучше поддерживать польское духовенство. Польские священники под нашим давлением будут более уступчивы. Можно положиться на то, что каждую субботу они будут приходить к губернатору и спрашивать у него, что сделать темой завтрашней проповеди. А еще лучше уговорить польского епископа оставаться в тесном контакте с германским гаулейтером и тем самым обеспечить передачу через него всех инструкций, которые желатель-

но донести до священников в его подчинении¹. Тогда, заключил Фор-стер, можно будет поддерживать порядок в стране даже в переходный период.

Взгляды гаулейтера Форстера встретили сильную оппозицию, особенно со стороны рейхслейтера Бормана. Тот признал необходимо эмпирический характер некоторых решений, которые предстоит принять, но утверждал, что там, где речь идет о поляках, надо проявлять осторожность, не германизовать их в чересчур широких масштабах из-за опасности, что они могут заразить германское население слишком большой дозой своей крови, что может иметь опасные последствия. В этом месте вновь заговорил фюрер:

Невозможно делать обобщения о степени, до которой славянские расы восприимчивы к немецкому наследию. Что касается фактов, царская Россия в рамках своей панславянской политики пропагандировала квалификацию славян и навязала ее широкому спектру народов, не имевших связи со славянской расой. Например, чистый нонсенс именовать болгар славянами; первоначально они были туркоманами. То же самое применимо и к чехам. Для чеха достаточно отрастить усы, чтобы по тому, как они свисают, увидеть, что его происхождение — монгольское. Среди так называемых южных славян преобладают динары. Обращаясь к хорватам, должен заметить, что с этнической точки зрения крайне желательно их германизовать. Однако есть политические причины, совершенно исключающие подобные меры.

Есть один кардинальный принцип. Вопрос германизации отдельных народов не следует изучать лишь в свете абстрактных идей и теории. Необходимо рассматривать каждый конкретный случай. Единственный вопрос — это убедиться, хорошо ли отпрыск какой-либо расы смешается с германским населением и улучшит ее или, напротив (как в случае, когда еврейская кровь смешивается с германской), результаты будут отрицательными.

До тех пор пока полностью не убедишься, что иностранцы, которых предполагается ввести в германское общество, произведут положительный эффект, я думаю, лучше воздержаться, как бы сильны ни были сентиментальные побуждения, которые предлагают нам так поступить. Есть полным-полно евреев с голубыми глазами и светлыми волосами, и немало среди них людей с внешностью, которая убедительно подкрепляет идею германизации этого типа. Но было бесспорно установлено, что в случае евреев если в одном-двух поколениях физические характеристики расы еще могут отсутствовать, то в следующих поколениях они неизбежно проявятся. Когда я посещал Арсенал в Граце, меня поразила одна вещь. Среди тысяч доспехов, которые там выставлены, сегодняшний штириец не смог бы надеть ни один, потому что все они слишком малы. Для

¹ Заметка на полях почерком Бормана: «По мнению Форстера, которое совершенно ошибочно».

меня это доказательство того, что представители германских племен, ранее обосновавшихся в Штирии, не только влили новую силу в кровеносный поток коренных жителей, но также в силу своей более мужественной крови привили свои собственные качества местным и тем самым создали новый расовый тип. Это укрепляет меня в намерении размещать этнически здоровые войска в районах, где раса плохого качества, чтобы улучшить кровь населения.

Можно возражать, что такая практика может серьезно подорвать моральный дух немецкого народа. Мой ответ будет таков: это просто встревоженное возражение, которое можно ожидать от какого-нибудь духовного лицемера и претенциозных высших десяти тысяч. Этих людей шокирует мысль, что турок может иметь четыре законных жены, но они мирятся с тем, что прусские правители за свою жизнь имели по сорок, а часто и больше любовниц. Прусский государь, если ему начинает надоедать его очередная возлюбленная, мог выбросить ее, как ненужный мусор, а среди нас все еще есть мерзавцы, которые считают этих людей благородными. И эти же самые ренегаты осыпают сарказмом честного германского гражданина, который, не обращая внимания на сословие, женится на девушке, с которой у него есть ребенок! Именно эти лицемеры виновны в массовых абортах и существовании всех этих здоровых женщин, лишенных мужей просто по причине царящих предрассудков. Бывает ли более красивое освящение любви, чем рождение симпатичного ребенка, излучающего здоровье? Хотя и любому здравомыслящему человеку ясно, что природа благословляет любовь двух существ, наделяя их ребенком, эти низкие дегенераты утверждают, если вам нравится, что статус мужчины или женщины зависит от скрепленного печатью документа, выдаваемого государством, — как будто это имеет какое-то значение в сравнении с узами, связывающими двух любящих людей!

По моему разумению, настоящий идеал — это когда два существа объединяются на всю жизнь и когда их любовь освящена присутствием детей. Если наши фермы часто оставались веками, а иногда до семисот лет, во владении одной и той же семьи, то это происходило, главным образом, потому, что браки заключались лишь тогда, когда приближалось рождение ребенка. И католическая церковь столетиями склонялась перед этим обычаем и терпела то, что именовалось «испытанием». Когда рождение ребенка было неминуемо, священник напоминал будущему отцу о его обязанности жениться. К сожалению, протестантская церковь уничтожила этот здоровый обычай и с помощью писаных или неписаных законов проложила путь лицемерию, целью которого было заклеить как нечто позорное брак, вызванный близящимся рождением ребенка. И не будем забывать, если мы собираемся быть честными до конца, что большая часть прусского дворянства обязана своим существованием *faux-pas* (фр.) — нарушению супружеской верности девушками из буржуазии.

Более того, эти предрассудки действуют только наоборот, и в направлении наших желаний нет логики — потому что юридически признана приемлемость развода по причине несовместимости. Если требование сохранения союза, в котором партнеры не могут прийти к согласию, противоречит закону природы, то не менее ошибочно воздвигать барьеры на пути брака, оправданного по причине совершенного взаимного согласия. Мой возраст ограждает меня от подозрений, что я, возможно, защищаю свои интересы (pro domo), и потому могу привлечь внимание к важности этой проблемы.

Я никогда не успокоюсь, пока не преуспею в насаждении семян нордической крови там, где население испытывает нужду в регенерации.

Если во времена переселения народов, когда огромные расовые потоки оказывали свое влияние, наш народ получил такое разнообразие качеств, то эти качества расцвели в полную силу только благодаря присутствию нордических расовых клеток. Так у нас появилось чувство поэзии, тенденция к ностальгии, которая находит свое выражение в музыке. Но именно благодаря этим качествам, присущим нашей расе и которые сохранились в Нижней Саксонии, мы способны гармонично впитывать посторонние характеристики, потому что мы обладаем свойством, которое вбирает в себя все остальные. И это есть имперский кругозор, способность делать выводы и спокойно, бесстрастно строить.

В примечаниях, которыми испещрены мысли Фридриха Великого, я с удовольствием вновь и вновь находил мнения, сходные с теми, что я только что изложил. Например, когда «старый Фриц» клеймит словами «моральный каннибализм» оппозицию его здоровой расовой политике, которая на все 100% сейчас наша, и когда он высказывается в пользу браков, основанных на присутствии незаконнорожденного ребенка, мне ничего не остается делать, кроме как согласиться.

216

13 мая 1942 г., за ужином

Политическая нестабильность Виши. — Французские альтернативы. — Неуместность Петена. — Недоверие Лавалья¹. — Опасности иллюзорного правительства. — Что Германия сохранит

Что меня поражает более всего в сегодняшней политике Франции, это факт, что, стремясь усидеть на обоих стульях одновременно, они не могут прочно сесть ни на один из них. Объяснение

¹ Л а в а л ь Пьер (1883—1945) — премьер-министр правительства Виши (1942—1944).

тут в том, что душа этой страны разорвана на куски. В одном вишистском правительстве очевидна целая куча тенденций — анти-семитский национализм, клерикальный просемитизм, монархизм, революционный дух и т. д. И последнее несчастье, если энергичный человек совершает ошибку, кажется, в политическом плане нет предпосылки, посредством которой можно достичь четкого и ясного решения. Тем не менее есть только два возможных курса, которыми может следовать Франция, и Франция должна выбрать одно из двух:

а) она должна отказаться от своей метрополии [столичной территории. — *Пер.*], передать свое место правительству в Северной Африке и продолжить войну с нами, используя все ресурсы своей колониальной африканской империи, или

б) присоединиться к державам оси и тем самым спасти большую часть своей территории. Она должна вторгнуться в Центральную Африку и обеспечить себе там территориальные завоевания, которые скомпенсируют ей потерю территорий, которые она так или иначе была бы вынуждена уступить Германии, Италии и Испании, когда будет подписываться мирный договор.

Принимая вторую альтернативу, Франция не только будет иметь шанс принять активное участие в войне против Британии и Соединенных Штатов и тем самым реализовать свои амбиции в Африке, но она также завоюет доброе расположение держав оси. Если Франция примет такое решение, наши коммуникации с Северной Африкой станут детской игрушкой. Далее, такое решение ускорило бы вступление Испании в войну, а французский флот немедленно стал бы важным фактором в текущих военных операциях. И тогда ее судьба была бы поставлена на карту. Однако, если она пойдет с нами, она должна четко понимать, что для нас важно удержать стратегические позиции, которые мы сейчас занимаем на побережье Ла-Манша. В то же время она должна примириться с идеей удовлетворения территориальных притязаний Германии, Италии и Испании как в Европе, так и в Тунисе. Она сможет компенсировать свои потери завоеваниями в Центральной Африке.

С другой стороны, если она примет первое решение или будет упорно продолжать вести себя двусмысленно, как сейчас, тогда может потерять все. Так или иначе американцы наложат лапу на Мартинику, а Британия не будет не только задумываться о возвращении Мадагаскара, но и наверняка постарается изо всех сил возместить свои потери на Дальнем Востоке продвижением в Южную и Западную Африку с целью создания там новых доминионов. Испания не откажется от своих требований, точно так же Италия. А Япония наверняка не имеет желания вернуть Индокитай Франции, где у последней сейчас не более чем карикатура на правительство.

Страна, чье будущее зависит от такой трагической альтернативы, нуждается в руководителе, способном хладнокровно противостоять последствиям нынешней ситуации. Маршал Петен — не тот человек. Да, он имеет экстраординарную власть над французами, но она, главным образом, связана с престижем, который ему придает его преклонный возраст. Когда надо принимать решения, от которых зависит все, абсолютно все будущее страны, я думаю, опыт столь старого человека — лишь помеха. В своем случае я признаю, что теперь я дважды думаю перед тем, как принять решение, а десять лет назад я бы тут же решил без колебаний. Ситуация такова, что я чувствую, любая встреча с маршалом Петеном будет лишена всякого интереса, несмотря на уважение, которое я питаю к этому честному человеку, который, находясь в Испании, всегда поддерживал дружеские отношения с нашим послом и, более того, непрерывно советовал своему правительству договориться с Германией. Для сравнения скажу, что это было бы равносильно дать главную роль в опере какому-нибудь знаменитому старому певцу, покрытому славой, а потом, получив жуткий результат, утешаться тем, что двадцать или тридцать лет назад у него был золотой голос. Очень жаль, что среди коллег Петена нет никого, способного принять нужное решение. Лаваль, например, всего лишь парламентская кляча. А результат таков, что правительство в Виши не имеет реальной власти. Призрачное правительство всегда источник опасности. Если Франции в данный момент не грозит развал и она защищена от угрозы *coup de main* [внезапного нападения. — *Пер.*] или гражданской войны, то этим она обязана присутствию наших оккупационных войск, представляющих единственную реальную силу на территории этой страны.

Во время посещения строительства Атлантического вала ко мне подошел один из рабочих. «Мой фюрер, — сказал он. — Я надеюсь, мы не собираемся уходить отсюда. Было бы жаль это делать после такой громадной работы». Какая бездна мудрости в замечании этого человека, ибо оно показывает, что он не хочет бросать это место, на котором так упорно трудился. Нет нужды говорить, что ничто на свете не заставит нас бросить такие надежные позиции, как на берегу Канала, захваченные в ходе боев во Франции и укрепленные организацией Тодта, и отойти в узкие пространства Северного моря!

И Крым надо обустроить таким образом, чтобы даже в туманном будущем нас никто не вынудил оставлять другим все плоды работы, совершенной нами в этом месте. Надо модернизировать порты Крыма и построить мощные укрепленные пункты в проливах, господствующих над подходами к полуострову. Эти укрепления должны быть настолько мощными, что рабочие, их строившие, будут сами убеждены, что в этом месте наши позиции неприступны. Будет достаточно иметь только одну такую базу в Крыму, потому что

Черное море имеет для нас чисто экономический интерес. А поскольку у нас нет интересов на Средиземном море, это даст нам после войны шанс на установление по-настоящему дружеских отношений с Турцией.

217

14 мая 1942 г., за ужином

Расцвет «Фёлькише беобахтер». — Подавление свободы печати. — Национал-социалистический журналист. — Роль национальной прессы. — Притягательная сила власти. — Задача команды

Если «Фёлькише беобахтер», у которой первоначально было всего несколько тысяч подписчиков, стала ныне гигантским предприятием, чему свидетельств миллион, мы этим обязаны, прежде всего, выдающемуся промышленнику рейхслейтеру Аману. Благодаря почти военной дисциплине ему удается получать от своих коллег максимум возможного, при этом он особенно пресекает все контакты между персоналом редакции и администрации. Я не желаю знать, как часто Аман, рассказывая мне о великих достижениях газеты, умоляет меня не говорить об этом главному редактору Розенбергу или другим членам редакции. Иначе, как утверждает он, они замучают его требованиями повысить зарплату. Какой дисциплины при совершенно уместной строгости сумел добиться Аман у своих коллег! Он ведет себя так, как будто редакционный персонал и редакторы не что иное, как необходимое зло. И все-таки — какую задачу огромного воспитательного значения он решил! Он сформировал как раз тот тип журналиста, какой нам нужен в национал-социалистическом государстве. Нам нужны люди, которые, разрабатывая какую-нибудь тему, не думают прежде всего об успехе, который им принесет эта статья, или материальных выгодах, которые она им даст; для формирования мнения общества нам нужны люди, осознающие факт, что они выполняют миссию, и ведущие себя как добрые слуги государства.

Являясь сторонником этой точки зрения, я пытался с тех пор, как пришел к власти, сделать всю германскую прессу по одному образу и подобию. Для этого я не колебался, если надо, принимать радикальные меры. Для меня было очевидным, что государство, имеющее вдохновенную прессу и журналистов, преданных своему делу, обладает в этом смысле величайшей силой, которую только можно себе представить.

Как бы там ни было, но фетиш свободы печати являет собой *par excellence* [в основном. — *Лер.*] смертельную опасность. Более того, то, что называется свободой печати, ни в малейшей мере не озна-

чает, что пресса свободна, а просто некоторые правители свободны управлять ею, как пожелают, в поддержку своих личных интересов и, если надо, в противоречии с интересами государства.

Поначалу не так легко объяснить все это журналистам и вложить им в голову, что, как члены корпоративной общности, они имеют определенные обязательства перед обществом в целом. И надо было бесконечно повторять до того, как я помог им увидеть, что, если пресса не смогла ухватить эту идею, кончится тем, что она только себе навредит. Предположим, в каком-нибудь городе есть десяток газет; каждая из них излагает различные темы по-своему, и читатель в конце концов приходит к выводу, что имеет дело с бандой курителей опиума. Таким способом пресса постепенно теряет всякое влияние на формирование общественного мнения и всякий контакт с человеком с улицы. Британская пресса являет собой такой великолепный пример, что стало совершенно невозможно оценить британское общественное мнение, читая английские газеты. Часто доходит до того, что ни одна из газет не имеет никакого отношения к тому, что думает народ.

Точно то же самое происходило в Вене до 1914 г. во времена бургомистра Люгера. Несмотря на то что вся венская пресса была в руках еврейства и оплачивалась либералами, Люгер, лидер христианско-социальной партии, регулярно завоевывал приличное большинство — факт, слишком четко показывающий пропасть между печатью Вены и общественным мнением.

Как в наше время авиация стала боевым оружием, так и пресса стала подобным оружием в области мышления. Нам часто приходится реверсировать мотор и за пару дней менять весь тренд передаваемых новостей, иногда совершая при этом полный вольт-фас. Такая гибкость была бы невозможной, если бы мы не держали твердо в своих руках этот необычайный инструмент власти, именуемый прессой, — и знали, как им пользоваться.

Годом раньше, когда был подписан Русско-германский пакт, перед нами стояла задача выполнить реверс на 180° тех, кого мы с самого начала превращали в фанатичных противников России, — маневр, который, должно быть, выглядел настоящей путаницей для старых национал-социалистов. К счастью, партийный дух солидарности восторжествовал, и наш внезапный разворот был воспринят всеми без недоверия. Потом, 22 июня 1941 г. снова разворот: «Разворот!» В одно прекрасное утро отдать приказ стрелять без малейшего предупреждения! Успеха в операциях такого рода можно достичь лишь тогда, когда владеешь прессой и знаешь, как ее использовать тактически.

Если посмотреть на роль прессы под этим углом, сразу же поймешь, что сейчас профессия журналиста очень отличается от той, что была в старые времена. Было действительно время, когда профессия журналиста не имела особой важности, ибо редко какой-либо жур-

налист имел возможность проявить личный характер. Сегодня журналист знает, что он не просто из пишущей братии, но еще и человек, наделенный священной миссией защиты высших интересов государства. Эта эволюция происходила непрерывно в годы, следовавшие за нашим приходом к власти, и сегодня журналист осознает свою ответственность, а его профессия видится ему в новом свете.

В таком ракурсе пресса должна руководствоваться определенными принципами, которые должны решительно применяться.

Например, если есть проблемы, над которыми выдающиеся люди чешут себе затылки, будучи не в состоянии найти решение, было бы крайне неумно озвучивать их на публике; много лучше будет подождать, пока все утрясется. Перед военной операцией никто и мечтать не должен о передаче приказа войскам так, чтобы рядовые могли обсуждать их между собой и выражать свое мнение о том, как лучше всего провести операцию. Действовать в такой манере равносильно тому, чтобы потерять всякое чувство ответственности, всякое чувство власти и потерять всякий рассудок. Точно так же, когда делается выбор между двумя моделями танков, никто не спрашивает у рядового состава, какие танки поставить на производственный конвейер.

В любой сфере деятельности, если эксперты сомневаются, решение должна принять высшая власть. Нации нужно руководство, и, как только она замечает, что ее вожди не знают, что предпринять, весь их авторитет летит за борт. Для тех, кто облечен властью, это честь — принимать решения и брать ответственность за полученные результаты. Люди легче прощают ошибки, сделанные правительством, которые, кстати, часто не ускользают от их внимания, чем любое проявление нерешительности или отсутствие уверенности. Когда лидер боится взять на себя ответственность за принятие решения, людей охватывает тревога.

Отсюда очевидно, что те, кто у власти, никогда не должны позволять подчиненным критиковать свои решения. А народ сам никогда и не требовал такого права. Так подумать может только закоренелый краснойбай.

Народ добровольно подчиняется власти, прежде всего, потому что у него инстинкты скорее женские, чем господствующие. В замужнем состоянии женщина иногда, возможно, проведет небольшую разведку, чтобы увидеть, сможет ли она навязать свою волю, но глубоко внутри себя она не испытывает никакого желания носить брюки. То же самое с народом. Придерживаясь военного сравнения, скажу, что рота вовсе не рассчитывает, что ее командир будет с ней советоваться по всем вопросам. Этим объясняется, почему толпа сумела отрубить голову такому трусливому существу, как Людовик XVI, — потому что поведение этого короля по отношению к своему народу было куда менее суровым, чем Наполеона. Но в последнем народ признал вождя — и человека достойного их преклонения.

Короче, народ ждет, что его вожди будут им не только править, но что также будут о нем заботиться. По той же причине офицер, обладающий величайшей властью, — это тот, кто сумел заслужить доверие своих солдат, потому что обращает внимание на их благополучие. Если он переживает за их питание, их ночлег и их маленькие семейные заботы, солдаты пойдут за ним в огонь и в воду, даже если в других отношениях это исключительно суровый и твердый надсмотрщик. Вся гамма человеческого поведения зависит от таких простых идей; меняется лишь их масштаб.

Во время показа фильма о Тибете рейхслейтер Дитрих был потрясен тем, как дикие лошади высокогорья Тибета послушно идут за жеребцом, который их возглавляет. И то, что истинно для диких лошадей, применимо и к каждому обществу живых существ, стремящихся обеспечить свое выживание. Если барана-лидера нет на месте, стадо овец разбегается. Этим объясняется, почему обезьяны приканчивают любого члена своего рода, который проявляет желание жить врозь. И то, что делают обезьяны, делают и люди, но по-своему. Бисмарк был абсолютно прав, когда сказал, что любое человеческое общество, отменившее смертную казнь, т. е. последнее выражение человеческой защиты от антисоциальных элементов, всего лишь из страха возможной ошибки правосудия, просто уничтожает само себя. Как ни жить, что бы ни делать, все равно неизбежно совершаешь ошибки. А что станет с индивидуумом и обществом, если облеченные властью люди будут парализованы страхом совершить ошибку и откажутся принимать решения, хотя для этого и были призваны?

218

15 мая 1942 г., полдень

Отношения между домом и фронтом. — Сравнения с 1914—1918 гг. — Еврейская пресса шантажировала Людендорфа. — Узость мышления буржуазии. — Сведение счетов с еврейскими ворами. — Германские почетные титулы. — Почести для иностранцев. — Новый германский орден

Отношение немецкого народа к солдатам-фронтовикам сегодня совсем не то, что было общепринято в Первую мировую войну. Сегодня рабочие, занятые в промышленности, принимают без возражений четырнадцатичасовую смену без перерывов на отдых. Такое было бы немислимо в Первую мировую войну, а иначе можно было бы в 1917—1918 гг. производить столько броневедомостей, сколько было нужно. В те дни совершенно преувеличенное уважение выказывалось не только к дезертирам, но и к тыловым спекулянтам. Их преступления воспринимались со скандальным безразличием, и как раз такое поведение во многом способствовало развалу страны. В то вре-

мы сборы пожертвований (которые сейчас ведутся партией) делались компаниями, чей первостепенной заботой было опубликовать список собранных материалов — металла, одежды, обуви и т. д. И эти компании, не задумываясь, продавали государству металлолом за двадцать—двадцать четыре марки за килограмм, который сами скупали по цене менее двух марок за кило. И не только это; эти компании — по сбору металлолома, кожи и т. п. — были таким прекрасным прикрытием для уклонявшихся от службы в армии, что в 1917 г. генерал Людендорф был вынужден отдать приказ о новой переписи наличного населения. И в этой связи он имел несчастье связаться с «Frankfurter Zeitung». Состояние развала в то время было таким, что у него не было возможностей преодолеть интриги этой газеты. «Frankfurter Zeitung» (а точнее, евреи, манипулировавшие газетой) фактически угрожала прекратить поддержку новому военному займу и даже советовала промышленникам не подписываться на него, если будет проведена перепись населения, которой грозил Людендорф. А у Людендорфа, конечно, не было сил доставить этих евреев в Берлин и повесить на глазах у публики. И это те же самые евреи, специалисты по ударам в спину, по поводу которых наша буржуазия сейчас проливает слезы, когда мы отправляем их куда-нибудь на восток! Также любопытно, что наша мягкосердечная буржуазия никогда не лила слез ни по тем двумстам—тремстам тысячам немцев, которые каждый год были вынуждены покидать свою родину, ни по тем из них, кто выбрал для себя Австралию и 75% из которых умерло в пути.

В политической области нет глупее класса, чем буржуазия. Достаточно положить конец деятельности какой-нибудь личности на основаниях ее угрозы для общества и арестовать ее из соображений безопасности, судить, приговорить и казнить, и тут же эти нежные души начинают выть и осуждать нас как грубых животных. Но когда тот же еврей с помощью своего юридического надувательства и ловкости рук не дает возможности бесчисленному количеству немцев зарабатывать на жизнь, когда он лишает крестьянина земли и домашнего очага, разгоняет его семью и вынуждает его самого покинуть свою страну, когда эти немецкие эмигранты лишаются жизни, пытаясь найти свое счастье за границей, — это, конечно, совсем другое дело! И буржуазия на самом деле считает законным государство, которое позволяет такое, просто потому, что эти трагедии имеют как предлог какое-то юридическое оправдание и истолковываются той или иной статьей какого-нибудь кодекса! Никому из тех, кто стонет, не придет в голову, когда мы отправляем на восток нескольких евреев, что еврей — это паразит и, как таковой, является единственным человеческим существом, способным приспособиться к любому климату и зарабатывать на жизнь что в Лапландии, что в тропиках. Среди нашей мелкой буржуазии есть немало таких, кто гордится чтением их Библии; но они, похоже, не знают, что,

согласно Ветхому Завету, евреи выживают с одинаковой легкостью в пустыне и при переходе через Красное море.

Часто в истории евреи становились слишком самоуверенными и сверх меры эксплуатировали страну, в которую проникали. И эти самые страны, жертвы их грабежа, одна за другой становились свидетелями урона, который терпели от еврейства; и каждая страна затем пыталась по-своему, когда представлялась возможность, решить проблемы, порожденные присутствием евреев. И телеграмма, которую мы только что прочли, показывает, с какой скоростью турки, со своей стороны, занимаются решением этой проблемы.

Факты показывают, что мы обесцениваем награды, раздавая их иностранцам. Вот почему я дважды думаю перед тем, как наградить какого-нибудь иностранца Железным крестом. Это в самом деле наша самая красивая награда (по проекту Шинкеля¹); и, кроме того, это военная награда с высокой международной репутацией. Наградить ею за подвиг, не являющийся военным в истинном смысле этого слова, значит только унижить ее великолепие.

Я, конечно, полностью осознаю, какие выгоды можно извлечь, награждая иностранцев. Везде есть, и среди дипломатов в особенности, тщеславные люди, чьи прусские сантименты резко возрастут, если им дать впечатляющий немецкий орден. Поэтому, чтобы удовлетворить их запросы, я учредил специальный орден, но при этом те наши награды, которые присуждаются за доблесть, героизм, сохраняют всю свою первоначальную ценность. Кстати, эта новая награда будет много дешевле, чем золотые или серебряные портсигары, которые ранее рейх обыкновенно дарил иностранцам, которых он желал почтить. Самые великолепные из этих знаков отличий будут стоить самое большее двадцать марок. Поэтому можно быть вполне уверенным, что наши затраты окупятся, пусть даже награда присуждается за самую посредственную заслугу.

Настоящей проблемой для меня было установить способ адекватной награды за исключительные заслуги и уникальные подвиги. Мне казалось, что для правильного отношения к таким случаям и в качестве выражения признательности нации было бы лучше учредить новый орден, к которому бы никакой иностранец ни при каких обстоятельствах не был бы допущен.

Смерть министра Тодта придала решению этой проблемы особую срочность, потому что умер человек, имевший несравнимое право на благодарность нации. В военной области и благодаря укреплениям на Западе он спас бесчисленные немецкие жизни. В гражданской области мы должны благодарить его за наши автомагистрали.

¹ Ш и н к е л ь Карл (1781—1841) — немецкий архитектор, живописец, график. Работы Шинкеля выполнены в стиле классицизма.

Орден, учрежденный мной по случаю смерти министра Тодта и которым он посмертно был первым награжден, предназначен для награждения за выдающиеся заслуги, которые человек может иметь перед рейхом. Чтобы избежать слишком большого его тиражирования, я решил, что все его кавалеры будут объединены в один капитул, как это делается в случае рыцарских орденов в Средние века. У этого капитула также будет сенат с полномочиями принять, исключить из членов или ограничить число членов капитула.

219

16 мая 1942 г., за ужином

Обращение с оружием и мужское воспитание. — Никаких армий для оккупированных стран. — Опыт общения с чехами. — Дипломатическая деятельность. — Женева и Лига Наций. — Вильгельмштрассе сама отличается!

Обучать народ обращению с оружием значит дать ему мужское воспитание. Если бы римляне не нанимали немцев в свои армии, те никогда бы не имели возможности стать солдатами и в конечном итоге уничтожить своих прежних учителей. Самый впечатляющий пример — Арминий, ставший командиром 3-го римского легиона. Римляне обучили 3-й легион искусству ведения войны, а Арминий впоследствии использовал это для того, чтобы разгромить своих инструкторов. Во время восстания против Рима самыми отважными братьями Арминия по оружию были все те германцы, что в то или иное время служили в римских легионах.

Поэтому надо ответить категорическим «нет» на все порывы чехов создать национальную армию, даже пусть это будет зародыш армии. Пока невооружен, чех выказывает раболепие, но, если ему разрешить носить форму, он становится опасно дерзок. У нас было полным-полно времени, чтобы увидеть это за двадцать лет, в которые Чехословакия наслаждалась политической независимостью. Вместо того чтобы ориентировать свою дипломатию на создание тех связей с Германией, которые единственные составили бы разумную политику, чешское государство попыталось превратить Прагу — пусть это, возможно, один из самых важных городов Европы — в некий центр мироздания. Чехи очень серьезно воспринимали свою значимость и пытались сунуть палец в каждый пирог. И ни один из их государственных мужей не видел, что чешский дипломат, устроившийся, скажем, в Копенгагене, обречен на легкую жизнь, не имеющий никаких занятий, кроме того, чтобы каждые две недели посылать отчет, составленный из газетных вырезок, которые ему накромят его пресс-атташе. Ах да! еще случайный телефонный зво-

нок в Прагу, чтобы разузнать самые последние новости насчет того, какой сейчас тренд в чешской политике! Такой маленькой стране ничто так не льстит, чем иметь столицу, в которой, видимо, бурлит дипломатическая деятельность, и оказывать гостеприимство более или менее упадочническому обществу, украшающему эту деятельность. Если хотите понравиться маленькой стране, сделайте свое консульство там посольством, и попадете в самое яблочко. В период Лиги Наций бросалась в глаза важность в международных делах, которую себе приписывали эти маленькие страны. Для них не было ничего важнее, чем в качестве членов этой иерархии голосовать против Германии. По-моему, было бы лучше, если бы они платили свои взносы! А сегодня они весьма удивлены, увидев, что мы не забыли их прежнего поведения! Должен признать, что делегаты в Женеве — это исключительное сборище дурачков. Их основным занятием было точно в срок получить свое содержание, поест и хорошо выпить и, наконец, но ни в коей мере не в последнюю очередь, отдаться душой и телом любовным приключениям! Следуя примеру, данному Советом Констанцы, где тысяча пятьсот «веселых девушек» наперегонки спешили развлечь высоких мужей церкви, в каждую сессию Женевской ассамблеи на город набрасывалась настоящая орда куртизанок.

Вообще-то говоря, профессиональные дипломаты всякой страны соответствуют этому типу. Что касается Вильгельмштрассе, я был буквально вынужден заставить их исполнить наше решение о выходе из Лиги Наций; и шесть месяцев спустя по Женеве все еще шатались германские дипломаты, очевидно неотозванные!

В 1936 г. то же самое министерство отличилось тем, что изобрело для использования дипломатами колониальную униформу, украшенную самой огромной нашивкой, какую я видел в жизни! Меня несколько успокоило, когда я познакомился с абсолютными болванами, которых Соединенные Штаты имели удовольствие прислать к нам своими представителями, а позднее появился сэр Румбольд¹, посол Великобритании, постоянно окутанный в облако отравы. Его сменил настоящий бандит, сэр Фипс². В этой галерее славных дипломатов есть и сэр Гендерсон³, последний из британских послов, который произвел на меня самое благоприятное впечатление.

Недавно я имел случай не раз отметить степень, до которой дипломаты отстранены от реальности, и их глубочайшего невежества в политических вопросах. Меня пытались уговорить обратиться с воззванием к арабам, полностью игнорируя факт, что, пока наши войска не будут в Мосуле, это воззвание будет глупостью, потому что британцы вполне готовы стрелять в любого и каждого араба, который встанет в поддержку наших действий.

¹ Румбольд Гораций (1861—1941) — британский посол в Германии (1928—1933).

² Фипс Эрик — посол в 1933—1937 гг.

³ Гендерсон Невилл (1882—1942) — посол в 1937—1939 гг.

17 мая 1942 г., за ужином

Подозрительная желтая опасность. — Полезность союза с Японией

Есть некоторые иностранные журналисты, пытающиеся создать впечатление, рассуждая о желтой угрозе и привлекая наше внимание к тому, что наш альянс с Японией смахивает на предательство наших собственных расовых принципов. Этим олухам можно возразить, что в Первую мировую войну именно британцы обратились к японцам, чтобы нанести нам смертельный удар. Не заходя слишком далеко, достаточно ответить этим близоруким натурам, что нынешний конфликт — это борьба не на жизнь, а на смерть, и самое важное — победить, а для этого мы готовы заключить союз хоть с самим дьяволом.

Глядя более объективно, японский альянс имеет для нас исключительную ценность хотя бы из-за даты, которую японцы избрали для вступления в войну. Фактически, это произошло в момент, когда сюрпризы русской зимы страшнее всего давили на моральный дух нашей нации и когда каждый в Германии был под тяжестью уверенности, что Соединенные Штаты вступят в конфликт. И поэтому японское вмешательство, с нашей точки зрения, было самым своевременным. Помимо этого, то, как Япония воспринимает свои обязательства по условиям нашего договора, делает ей большую честь и оказывает благотворное влияние на немецкий народ.

18 мая 1942 г., полдень

Два немецких дипломата, достойные почестей

Должен воздать по заслугам нашему последнему поверенному в делах в Вашингтоне, советнику посольства Томсону, а также нашему военному атташе Беттихеру. Эти два человека показали себя там, что являются дипломатами, которых нельзя провести. Доклады, которые они присылали, следует считать образцом в своем роде, потому что они неизменно давали нам четкую картину ситуации. Я хочу не только проявить сейчас свою особую признательность этим двум господам, но и также, когда закончится война, доверить им миссии, достойные их способностей. Я, в частности, назначу Томсона на пост, сопряженный с исполнением обязанностей исключительной трудности.

18 мая 1942 г., за ужином

Неизбежные характеристики войны с Россией

Ничто так ясно не демонстрирует, как наш разворачивающийся конфликт с Россией, то, как важно, чтобы глава государства был способен взять на свою ответственность быстрые, решительные действия, когда война представляется ему неизбежной. В письме, которые мы нашли у сына Сталина, написанном его другом, есть такая фраза: «Надеюсь, что смогу увидеть мою Аннушку еще раз до прогулки на Берлин».

Если, как планировали русские, они смогли предвидеть наши действия, возможно, ничто не смогло бы остановить их бронированные соединения, потому что высокоразвитая дорожная сеть Центральной Европы очень благоприятствовала бы их продвижению. В любом случае я воздаю должное тому, что нам удалось удержать русских до того самого момента, когда мы сами начали свое наступление, и что мы добились этого, вступив в договор, который был для нас благоприятен. Предположим, например, что, если бы русские вошли в Румынию, мы не смогли бы ограничить их завоевания захватом Бессарабии, тогда они одним махом захватили бы все нефтяные месторождения этой страны, и мы бы были с весны того же года совершенно лишены своих поставок бензина.

20 мая 1942 г., полдень

Национал-социализм не для экспорта. — Эффекты национал-социалистического воспитания. — Рабочие — *grand seigneurs* [главные властители. — Пер.]. — Новый человек. — Цемент Великого Германского рейха. — Обширная программа строительства. — Устранение социального неравенства. — Президент Гаха и чешская проблема

Я категорически против любой попытки экспорта национал-социализма. Если другие страны намерены сохранить свою демократическую систему и тем самым несутся к своему крушению, то тем лучше для нас. Более того, это легко представить, потому что за тот же период благодаря национал-социализму мы медленно, но верно будем превращаться сами в самое прочное народное общество. Сегодняшняя молодежь, которая через десять—двадцать лет станет олицетворением идеи национал-социализма, не узнает

никакой иной концепции мира, и она будет продуктом воспитания, которое сделает из них вышколенных и уверенных в себе людей. Мы уже видим, как совершенно изменились гильдии подмастерьев. Ученики в прошлом постоянно получали подзатыльники и были игрушкой в руках рабочих и мастера. Теперь всего лишь через шесть месяцев после приема на работу ему поручают работу, которая в его компетенции, и тем самым он обретает уверенность, соответствующую его способностям.

Такой же прогресс достигнут и в отношении девушек, которые воспитываются согласно принципам национал-социализма. Они формируют себя в соответствии с требованиями современной эпохи, работая на военных заводах, в учреждениях, госпиталях, в поле и т. д. Опираясь на полученный опыт, мы считаем, что, если наши методы воспитания применять в течение ста лет, немецкий народ станет самым монолитным блоком, когда-либо существовавшим в Европе.

При воспитании молодого мужчины не следует забывать, что труд с широчайшими горизонтами и работа, предлагающая идеал ручного труда, — там, у плавильных печей, на сталелитейных заводах, на танковых заводах — одним словом, всех заводах, где выпускается сталь и производится оружие или машины. Каждый раз, когда я бываю на заводах Круппа в Эссене, эта истина приходит мне в голову вновь и вновь. Своими внешностью и поведением эти рабочие производят на меня впечатление настоящих синьоров. То же самое я ощутил при спуске со стапелей «Tirpitz» в Вильгельмсхафене. Рабочие верфей, участвовавшие в строительстве этого огромного корабля, ныне готового к спуску на воду, большей частью были симпатичными личностями с гордой осанкой и отмеченные печатью благородства. Посещая некоторые другие верфи города, я видел немало иностранных рабочих, и не мог не заметить разницу между ними и нашими людьми.

Что справедливо для рабочих-сталелитейщиков, также применимо и к шахтерам. Наши шахтеры есть и будут элитой германского мира труда. Эти люди морально и физически сформированы своей профессией, которая сегодня полна опасностей. Только выносливые, стойкие люди, целеустремленные и готовые бороться с опасностями, которым их подвергает работа, способны работать на шахтах. А посему нельзя упускать ни одной возможности для выражения признательности нации нашим шахтерам. Когда возвратится мир, нашей особой заботой станет улучшение условий жизни этих людей, которые больше, чем кто-либо, вносят в подержание потенциала страны.

Как раз сегодня в Мозаичном зале рейхсканцелярии состоится церемония, на которой будет выражена благодарность нации своим рабочим. По этому случаю рабочим будет вручено сто Крестов военных заслуг, а один мастер с завода бронированных бое-

вых машин будет награжден Рыцарским крестом того же ордена. Эти награды будет вручать капрал, кавалер Рыцарского железного креста, вернувшийся с фронта, где он, обслуживая свою противотанковую пушку одной рукой, уничтожил тринадцать русских танков. Вчера мне было очень приятно принять у себя этого вольноопределяющегося, который являл собой типичный пример молодого национал-социалиста. Хотя на вид ему было лет семнадцать, он обладал уверенностью мужчины, которого ничто не может ушатить.

Как только закончится война и мне меньше придется заниматься военными проблемами, моим особенным занятием станет развитие в нашей молодежи этого типа человека — бдительного, умного, уверенного в себе — на образе этого капрала. Это позволит мне противостоять иностранцам, чье мужское население состоит либо из дегенератов, либо из грубых животных, либо из какого-то сорта экстремалов, наших прекрасных парней типа тех, что защищали Нарвик и Холм¹.

Точно так же как война 1870—1871 гг. стала тиглем для старого рейха, так эта война станет цементом, который скрепит в одно целое все расы Великого Германского рейха. Никто из них не вступит в конфедерацию, чувствуя себя побитой собакой, потому что каждый вступит с чувством гордости, рожденным осознанием того, что каждый и всякий пролил свою кровь и сыграл свою роль в величайшей в истории немецкой расы борьбе за свободу.

Поскольку я ожидаю, что каждый отдаст все, что может, я буду придерживаться принципа, что все немцы, каково бы ни было их происхождение, должны быть представлены в партийной канцелярии в Мюнхене. Тем же образом, когда возникнет вопрос таких крупных строек, как здания, автодороги, каналы и все, что требует особых усилий от всей нации, я хочу, чтобы каждый сыграл свою роль. Распределение усилий равнозначно распылению силы. Как и участие авиации в большом количестве решает исход военной операции, так и в огромных предприятиях во время мира решает умение концентрировать усилия всего народа на важнейших задачах. Например, Мюнхен сможет получить огромный центральный вокзал, в котором нуждается, только если сюда будет приложена вся мощь рейха. Поэтому в будущем очень важным будет здоровое планирование со стороны германского правительства; надо будет год за годом составлять планы какого-нибудь крупного дела, и эти планы надо будет штурмовать и воплощать в жизнь любой ценой.

Этот пример коллективного использования усилий всей немецкой нации неизбежно повлияет на отдельного участника. У него

¹ Н а р в и к, Х о л м — места особо ожесточенных боев во время Норвежской и Польской кампаний.

появится ощущение, что нет ничего невозможного, и, как сегодня молодой британец отбывает свой срок учения в Индии, молодой немец получит свои уроки, охраняя самые восточные территории рейха, Норвегию или какую-нибудь другую границу нашей страны. Он тоже поймет на личном опыте, что, хотя на родине необходим какой-то сорт иерархии, за рубежом не должно быть никакой разницы между немцем и немцем. Немцы все до последнего должны быть убеждены, что самый молодой из немецких подмастерьев, самый простой из немецких механиков им ближе, чем самый важный британский лорд.

О степени важности революции, которую мы совершили ради отмены социальных несправедливостей, можно судить по тому, если вспомнишь, что германские князья прошлого предпочитали уезжать и вести жизнь набоба в каком-нибудь скверном Балканском государстве, чем оставаться и зарабатывать на жизнь в собственной стране любым, даже скромным трудом — пусть даже подметальщика улиц. Если мы сможем привить немецкому народу, и прежде всего немецкой молодежи, фанатический командный дух и фанатическую преданность рейху, то Германский рейх вновь станет самым могущественным государством в Европе, как это было тысячу лет назад после крушения Римской империи. Такой дух раз и навсегда станет гарантией того, что никогда впредь Германский рейх не будет расколот на множество мелких государств с общими дипломатическими представительствами и каждое со своими дипломатами за рубежом, создавая проблемы для немецкого единства, — как это не так давно делал некий французский посол в Мюнхене. Рейх, чьи составляющие элементы спаяны в фанатической солидарности, скоро найдут также решение чешской проблемы — как сам Гаха хорошо это знает. Как юрист старой Австрии, он должен понимать, что создание независимого чешского государства было ошибкой; потому что никогда в истории чехи не проявляли своих способностей решить собственные политические проблемы и даже в своем культурном развитии во многом опирались на немецкую культуру государства Габсбургов. Правильной и очевидной для Германского рейха политикой будет, во-первых, очистить страну от всех опасных элементов, а потом обращаться с чехами с дружеской предупредительностью. Если будем вести политику такого рода, все чехи пойдут за президентом Гахой. В любом случае некоторое чувство вины в совокупности со страхом быть изгнанными из своих домов во время кампании по депортации населения убедят их, что в их лучших интересах стать рьяными сотрудниками рейха. И этот страх, наполняющий их, объясняет, почему чехи сейчас — и особенно на военных заводах — работают к нашему полному удовлетворению, делая все возможное под лозунгом: «Все для нашего фюрера — Адольфа Гитлера!»

20 мая 1942 г., за ужином

**Результаты национал-социалистической политики. —
Влияние национал-социалистического воспитания. —
Унизительное положение театральных артистов. — Поддержка
проституции**

С момента прихода к власти мы, национал-социалисты, решили много задач, о которых публика осталась в неведении. Мы, к примеру, без лишней трескотни сообщили миру, как те десятки тысяч человек, которые при Веймарской республике были вынуждены зарабатывать на жизнь самым сомнительным образом, получили от нас возможность вести достойное существование.

Мы приняли меры исключительной важности для обеспечения нормальным заработком женщин, работающих секретаршами, продавцами, артистами и т. д. Настояв на том, чтобы они получали регулярную зарплату в соответствии с квалификацией, а не какой-то подачки, что они получали раньше, мы избавили их от печальной необходимости зависеть в своем существовании от какого-нибудь дружка.

Прежде меня больше всего бесило то, как обращались с танцорами. Почему так называемые «комедианты» — в основном евреи — в таких театрах, как Берлинер Метрополь, получали за пятнадцать минут непристойностей три-четыре тысячи марок, а танцорам платили какие-то семьдесят—восемьдесят марок? И это, обратите внимание, не за пятнадцать минут, а — если они выступали на хорошем уровне — за практически всю дневную работу, включая тренировки, репетиции и т. д. Такая дискриминация просто возмутительна. Этим бедным созданиям не оставалось никакой альтернативы, кроме как пойти на улицы, а театры превратились в подобие борделей. Не устраивая много шума по этому поводу, я постарался, чтобы этим танцорам оплата была повышена до ста восьмидесяти—двухсот марок, и тем самым дал им шанс посвятить себя целиком искусству. Это произвело также существенный эффект на сам театр; во-первых, стало возможно нанимать в труппу действительно хорошо выглядящих девушек; во-вторых, театр теперь в состоянии удерживать их у себя для дальнейшего совершенствования мастерства; и в-третьих, это означает, что это решение позволило поощрять их общее образование и способствовать тому, что в возрасте примерно тридцати пяти лет они могли покинуть сцену, чтобы выйти замуж и устроить свою жизнь.

21 мая 1942 г., после ужина

Взятие власти. — Переговоры с Папеном. — Интриги Шлейхера¹. — Мое требование канцлерства и новые выборы. — Согласие принять должность только законным путем. — Опасность военной диктатуры и военного пучка. — Генерал Хаммерштайн² пытается запугать. — Политическая жадность германской национал-социалистической партии. — Гинденбург на моей стороне. — Бломберг нейтрализует вермахт. — Только два нациста в первом кабинете. — Уклончивая роль Папена. — Начальные трудности. — Мои отношения с Гинденбургом становятся более тесными. — Гинденбург дает отпор королю Швеции

Политическое напряжение достигло своего зенита, когда я напрямик отказался от какого-либо компромисса и согласился стать вице-канцлером в кабинете фон Папена, а потом провалились бесполезные и предательские попытки генерала Шлейхера при поддержке Грегора Штрассера расколоть прочное единство партии. Шлейхеру не только не удалось завоевать подавляющего большинства в рейхстаге, но в результате его политики выжидания в делах национальной экономики за первые пятнадцать дней его режима число безработных выросло не менее чем на четверть миллиона. В январе 1933 г., т. е. через месяц после вступления в должность, Шлейхер не нашел другой альтернативы, кроме как распустить рейхстаг и создать военный кабинет, пользовавшийся поддержкой лишь президента рейха.

Но, несмотря на огромную личную уверенность в генерале Шлейхере, идея военной диктатуры наполняла старого фон Гинденбурга острейшими мрачными предчувствиями. Ибо в глубине души «старый джентльмен» был против того, чтобы солдаты вмешивались в политику; и кроме этого, он не был готов идти в делегировании неограниченной политической власти дальше того рубежа, на котором его останавливала данная им конституционная присяга.

Столкнувшись с напряженной политической ситуацией, фон Гинденбург через посредничество фон Папена вошел в контакт со мной и в знаменитой кельнской беседе стал зондировать почву. Лично у меня было впечатление, что для меня все идет хорошо. Поэтому я совершенно ясно дал понять, что и слышать не хочу ни о каком компромиссе, и отдался душой и телом выборной кампании в Липпе.

¹ Шлейхер Курт фон (1882—1934) — последний канцлер Веймарской республики (1932—1933).

² Хаммерштайн Курт фон (1878—1943) — генерал-полковник, командующий рейхсвером (1930—1934).

После выборной победы в Липпе — успеха, важность которого невозможно переоценить, — советники «старого джентльмена» вновь обратились ко мне. В доме Риббентропа была устроена встреча с сыном Гинденбурга господином фон Папеном. На этой встрече я напрямую изложил свое видение политической ситуации и, не выбирая выражений, заявил, что каждая неделя колебаний — безвозвратно потерянная неделя. Я сказал, что ситуацию можно спасти только объединением всех партий, исключая, естественно, эти фрагментарные буржуазные партии, не имевшие никакого значения и которые в любом случае к нам не присоединятся. Такое объединение, добавил я, могло быть успешным лишь в случае, если я буду рейхсканцлером.

При таком стечении обстоятельств я сознательно пренебрег своей работой в партии, чтобы принять участие в этих переговорах, потому что придавал огромное значение тому, что смогу законно стать канцлером с благословения «старого джентльмена». Ибо до принятия мер по реконструкции я только в качестве законно избранного канцлера смог бы преодолеть оппозицию всех других политических партий и избежать возможности оказаться в вечном конфликте с вермахтом. На мое решение добиться власти законным путем повлияло, главным образом, мое знание отношения вермахта к вопросу канцлерства. Если б я захватил власть незаконно, вермахт стал бы опасным питомником идей государственного переворота вроде путча Рема; действуя конституционно, с другой стороны, я мог ограничить активность вермахта до его законных и строго очерченных военных функций — по крайней мере, до того времени, пока смогу объявить призыв на военную службу. Как только он будет проведен, я был уверен, что приток в вермахт массы народа вместе с духом национал-социализма в атмосфере нарастающей мощи национал-социалистического движения позволит мне преодолеть всякую оппозицию в рядах вооруженных сил, и в особенности в офицерском корпусе.

24 января 1933 г. — на следующий день после нападения СА на дом Карла Либкнехта в Берлине, которое привело к огромному падению престижа коммунистической партии и вызвало огромное возмущение в Берлине, — меня снова пригласил к себе фон Папен для совещания. Фон Папен сразу же сообщил мне, что Шлейхер официально запросил у «старого джентльмена» полномочий на установление военной диктатуры, но тот отказался и заявил, что предлагает пригласить Адольфа Гитлера в качестве лидера национального фронта принять пост канцлера и сформировать правительство с условием, что фон Папен будет назначен вице-канцлером.

Я ответил, что знаю об этом предложении, и, не опускаясь до какого-либо обсуждения деталей, объявил условия, на которых согласен принять предложение. Сюда входили немедленный роспуск рейхстага и проведение новых выборов. Под предлогом, что мне

надо отъехать из Берлина, я избежал робкого предположения переговорить десять минут со «старым джентльменом». Помня об опыте прошлого года, я старался избежать возникновения ненужного оптимизма в рядах партии, как это всегда происходило при моих встречах с Гинденбургом.

В этом разговоре с господином фон Папеном я воспользовался возможностью подчеркнуть свое преимущество и сделать шаг вперед в переговорах, начатых Герингом в пробной попытке сформировать правительство. Самыми трудными оказались переговоры с германскими националистами, потому что гехаймрат Гугенберг выказал жадность к министерским портфелям, никак не обоснованную весом его партии. А поскольку он боялся, что на новых выборах потеряет очень много голосов, то и слышать не хотел ни о каком роспуске рейхстага. 27 января, после короткого отсутствия в Берлине, я лично встретился с Гугенбергом, но мы не смогли прийти к соглашению.

Переговоры о создании правительства еще более осложнялись генералом Шлейхером и его кликой, которые делали все, что в их силах, чтобы сорвать их. Самый близкий коллега Шлейхера и главнокомандующий армией генерал фон Хаммерштайн был даже настолько туп, что набрался наглости позвонить мне и заявить, что ни при каких обстоятельствах вермахт не согласится на мое канцлерство! Если господин Шлейхер и его друзья действительно воображали, что смогут поколебать мою решимость такого рода ребячеством, то они жестоко ошиблись. Моя единственная реакция заключалась в том, что я стал настойчиво внушать Герингу, что на пост министра рейхсвера надо назначать только генерала, пользующегося моим доверием, такого, например, как генерал фон Бломберг, которого мне рекомендовали мои друзья в Восточной Пруссии.

28 января Веймарская республика окончательно пала. Шлейхер подал в отставку, а фон Папену было поручено провести зондаж различных партий с целью формирования нового правительства. Со своей стороны, я сразу же объявил, что не соглашусь ни на какие полумеры. День 29 января, естественно, весь гудел от совещаний, в ходе которых мне удалось получить от Гугенберга согласие на роспуск рейхстага в обмен на обещание дать ему ряд мест в новом правительстве, которые он первоначально требовал для своей партии, убедив его, что с рейхстагом в его нынешнем виде ничего нельзя достичь.

На следующее утро Геринг принес мне новость, что на следующий день «старый джентльмен» планирует официально предложить мне принять пост канцлера и сформировать правительство.

Во второй половине дня нас поразила совершенно безумная акция Шлейхера и его клики. Согласно информации, полученной от подполковника фон Алвенслебена, генерал Хаммерштайн поднял по тревоге Потсдамский гарнизон; во избежание вмешательства «старо-

го джентльмена» его собираются выпроводить в Восточную Пруссию, а вермахт будет мобилизован, чтобы силой не позволить НСДАП захватить власть.

На этот запланированный путч я немедленно ответил тем, что послал за командующим берлинскими частями СА графом Гелльдорфом¹, а через него поднял по тревоге все войска СА в Берлине. В то же время я дал указания майору Веке в полиции, которому я мог доверять, подготовиться к внезапному захвату Вильгельмштрассе силами шести батальонов полиции. Через господина фон Папена я информировал «старого джентльмена» о намерениях клики Шлейхера. Наконец, я приказал генералу фон Бломбергу (который был отобран для исполнения функций министра рейхсвера) немедленно выезжать, по прибытии в Берлин в 8.00 утра 30 января направиться к Гинденбургу для приведения к присяге, а потом, уже находясь в должности главнокомандующего рейхсвером, подавить все возможные попытки государственного переворота.

К 11 часам утра 30 января я смог сообщить «старому джентльмену», что сформирован новый кабинет и что требуемое для его функционирования по конституции большинство в рейхстаге достигнуто. Вскоре после этого я получил из рук «старого джентльмена» свое назначение канцлером Германского рейха.

Вначале моя задача главы кабинета была совсем не простая. За исключением Фрика, в кабинете не было ни одного национал-социалиста. Правда, некоторые, вроде Бломберга и Нейрата, обещали свою поддержку, но остальные были твердо намерены идти своим путем. Комиссар по труду Гереке², который немного погодя был арестован и признан виновным в растрате, с самого начала был моим самым упорным противником. Поэтому я был очень рад, когда подошел Зельдте³ и объявил, что жребий брошен и что впредь его партия не будет чинить мне никаких препятствий в моих усилиях.

Помимо трудностей, свойственных формированию правительства, я быстро понял, что «старый джентльмен» обратился ко мне с предложением принять пост канцлера только потому, что не видел иного конституционного выхода из этого политического тупика. Это было ясно из ряда условий, которые он поставил. Он сообщил мне, например, что в его руках остаются все вопросы, касающиеся рейхсвера, МИДа и заграничных назначений. Кроме того, он решил, что во всех случаях, когда он официально встречается со мной, должен присутствовать фон Папен; и только после долгих

¹ Гелльдорф Вольф граф фон (1896—1944) — член НСДАП, полицейский президент Берлина, участник капповского путча и заговора Штауффенберга. Узнав о «хрустальной ночи» (1938), заявил, что не остановился бы перед расстрелом погромщиков.

² Гереке Гюнтер (1893—?) — чиновник рейхсканцелярии, противник нацизма.

³ Зельдте Франц (1882—1947) — министр труда (1932—1945).

колебаний и вмешательства Мейснера «старый джентльмен» согласился подписать указ о роспуске рейхстага, который мне удалось протолкнуть на заседании 31 января.

Однако через неделю наши отношения с Гинденбургом начали улучшаться. Однажды, когда ему захотелось увидеть меня по какому-то поводу, я привлек его внимание к обычаю, им же установленному, — а именно к тому, что я не мог посетить его без сопровождения фон Папена, — и заметил, что в данный момент фон Папена нет в Берлине. «Старый джентльмен» ответил, что хотел бы поговорить со мной наедине и что впредь присутствие фон Папена не будет считаться необходимым. За три недели он ушел так далеко, что его отношение ко мне стало нежным и отеческим. Говоря о выборах, назначенных на 3 марта, он сказал: «Что мы будем делать, если вы не завоюете большинства? У нас опять возникнут те же самые проблемы». Когда позднее стали поступать первые результаты этих выборов, наши отношения достигли такой степени сердечности, что «старый джентльмен» воскликнул с настоящим удовлетворением: «Гитлер побеждает!» А когда ошеломляющая победа национал-социалистов подтвердилась, он прямо сказал мне, что всегда питал отвращение к парламентским играм и был рад, что комедия выборов позади раз и навсегда.

То, что «старый джентльмен», несмотря на преклонный возраст, все еще оставался великим человеком, хорошо продемонстрировало то, как он разобрался в ситуации, возникшей после доклада посла Надольного¹ о переговорах по разоружению. Надольный предлагал уступить предложению, по которому Германия к разоружению должна приступить сразу же, в то время остальные державы последуют за ней — через несколько лет. После того как я сразу же отверг это предложение и проинформировал «старого джентльмена» о своих действиях, Надольный, не консультируясь со мной, попросил аудиенции у Гинденбурга. «Старый джентльмен» вышвырнул его и потом сказал мне, что его ни в малейшей мере не тронули аргументы Надольного и он вправду выбросил его со словами: «Ты — московский агент! Отлично — катись отсюда!»

Этот инцидент — типичный пример того, как «старый джентльмен» сводил всякую проблему к ее наименьшему знаменателю. Он великолепно распутывал закрученные интриги, сплетенные против нас в Женеве, которые просто были равносильны тому, что мы связываем себя обязательствами, которые другие вовсе не собирались уважать. В той же прямолинейной манере через несколько минут после того, как Макдональд² вручил Германии требования Лиги Наций,

¹ Надольный Рудольф (1873—1953) — немецкий дипломат, вице-консул в Санкт-Петербурге (1903—1907), посол Германии в СССР (1933—1944).

² Макдональд Джеймс (1866—1937) — лейборист, премьер-министр Великобритании (1924—1935), занимался проблемой эмиграции из Германии.

он санкционировал публикацию главой печати рейха Функом в мировой прессе новости о том, что Германия выходит из Лиги Наций. «Старый джентльмен» был в восторге, когда немецкий народ огромным большинством в 95% одобрил это решение, а заодно и мою политику.

«Старый джентльмен» был также великолепен в своей оценке ситуации, связанной с реокупацией демилитаризованной зоны в Рейнланде, и утверждал свое мнение аурой открытой и сильной личности. Разных министров, напротив, приходилось убеждать одного за другим согласиться с идеей ввода вермахта в эту зону. Фон Папен был полон тревоги, а вдруг французы примут ответные меры против оккупации. Я сам, однако, придерживался мнения, что французам можно позволить занять Майнц при условии, что мы получим свободу действий и сможем делать то, что захотим, на остальной территории рейха, и прежде всего сможем перевооружиться. Последующие события доказали, что я был прав. Правда, чтобы успокоить нервы народа, я лично съездил в Рейнланд. Но германский народ, отдав мне 99% голосов на выборах в рейхстаг 29 марта 1936 г., окончательно показал, что понимает и поддерживает мою политику.

Не так легко было убедить «старого джентльмена», но, если уж это сделано, он всегда оказывал полнейшую поддержку, какая бы ни требовалась. К примеру, вначале он и слышать не хотел о каких-либо антисемитских мерах. Но когда за ужином в шведском консульстве, на котором мы оба присутствовали, король Швеции¹ высказал определенную критику в адрес германской политики в отношении евреев, «старый джентльмен» дал ему отпор, заявив своим глубоким звучным низким голосом, что это чисто внутреннее дело Германии, которое находится в компетенции только германского канцлера.

Правда, у меня были некоторые трудности, когда требовалось убедить «старого джентльмена» в необходимости урезать свободу печати. В этом случае я сыграл с ним маленький трюк и стал обращаться к нему не «господин президент», а как солдат: «фельдмаршал», и выдвинул аргумент, что в армии никогда не допускалась критика снизу — только наоборот. Иначе что бы вышло, если бы какой-нибудь капрал стал рассуждать о приказе капитана, а капитан — генерала и т. д.? С этим «старый джентльмен» согласился и без дальнейшего шума одобрил мою политику, заявив: «Вы совершенно правы, только старшие по званию имеют право критиковать!» И с этими словами свобода прессы была обречена.

Я ему глубоко благодарен за то, что он так преданно следовал за мной и всегда делал максимум, чтобы понять мои намерения. По его замечаниям по поводу назначения гаулейтера Хильдебрандта² на

¹ Густав V Адольф (1858—1950) — король Швеции (1907—1950).

² Х и л ь д е б р а н д т Фридрих — гаулейтер Мекленбурга (1925—1945).

пост рейхсштатгальтера можно судить, до какой степени он освободился от старых идей. «Старый джентльмен» подписал назначение, как обычно проворчав: «Парень был всего лишь работником на ферме. Неужели он не рад, что стал членом рейхстага и получает возможность провести остаток жизни в мире и спокойствии!»

Как только я завоевал его на свою сторону, заботливость «старого джентльмена» по отношению ко мне была воистину трогательной. Вновь и вновь он повторял, что обрел канцлера, который жертвует себя ради своей страны, и что часто он не мог заснуть, думая о том, что «его канцлер летает из одной части страны в другую, служа народу». Какой позор, добавлял он, что этот человек должен принадлежать одной партии.

226

22 мая 1942 г., полдень

Вербовка шпионов. — Необходимость в варварских методах. — Слабости судей. — Привычка поощряет преступление

Сегодня шпионов вербуют из двух слоев общества: из так называемого высшего общества и из пролетариата. Средние классы слишком здраво мыслят, чтобы ввязываться в подобную деятельность. Самый эффективный способ борьбы со шпионажем — это убедить тех, кто испытывает искушение заняться им, что в случае если они будут схвачены, то абсолютно гарантированно расстанутся с жизнью.

Точно так же я придерживаюсь мнения, что надо применять крайнюю жестокость против других презренных форм преступности, которые расцветают в условиях войны — например, грабежей под прикрытием затемнения. Какими еще методами, кроме варварских, можно искоренить такие преступления, когда под прикрытием затемнения вырывают из рук сумки, нападают на женщин, вламываются в дом, когда дверь в подвал оставлена открытой, и т. д.? Для всех подобных преступлений должно быть одно наказание — смертная казнь, будь то злодею семьдесят лет или семнадцать.

Если в военное время в тылу не карать за преступления с исключительной суровостью, возникнут две угрозы:

а) возрастет число преступных групп, и они станут неконтролируемыми;

б) возникнет анахронизм, когда порядочный человек теряет жизнь на фронте, а в это время преступник удирает с награбленным, потому что отлично знает, что за такое-то или такое-то преступление ему грозит, согласно параграфу такому-то, тюрьма на такой-то срок.

Надо четко понять, что в военное время население делится на три категории: совершенные идеалисты, совершенные эгоцентрис-ты и те, кто между ними.

Если позволим обращаться милосердно с негодяями в тылу, тогда как идеалисты умирают в огромных количествах на полях сражений, то тем самым откроем дорогу противоположным процессам отбора и покажем, что забыли уроки мировой войны в 1917—1918 гг. Поэтому я повторяю, что альтернативы не существует. Человек на фронте МОЖЕТ умереть, а бандит в тылу ДОЛЖЕН умереть. Любое государство, неготовое принять на вооружение этот принцип, подвергает своих идеалистов смерти на поле боя.

Сегодняшние судьи не имеют ясного представления о своих обязанностях. Большею частью они были назначены еще до того, как мы пришли к власти, и, как и духовенство, несмотря на смену режима, преуспели в сохранении своей корпоративной общности и поэтому сберегли все свои либеральные тенденции. В этих обстоятельствах я чувствую себя стесненным, чтобы вмешаться, и я без колебаний безжалостно уволю любого судью, который систематически выносит приговоры, наносящие вред нашим добрым людям и противоречащие национальному мировоззрению; я чувствую свою личную ответственность за то, чтобы в тылу не появилось племя мошенников, как это было в 1918 г., когда наши солдаты героически погибали на полях сражений. Фронтальная дисциплина требует железных законов, и будет несправедливым по отношению к фронту допускать разгул милосердия в тылу.

Что касается молодежи, методы, используемые в военное время, должны отличаться от тех, что применяются в дни мира, и среди них не может быть места для мягкости. В мирное время, конечно, можно пятнадцатилетним правонарушителям тюремное заключение заменить хорошей поркой, потому что, если у него есть хотя бы грамм порядочности, он поймет, что тюрьма запянет всю его жизнь, и, кроме этого, он там обучится у старых заключенных всяким разным криминальным трюкам. К примеру, один из молодых Зеефельдов был осужден за нарушение общественных правил приличия и, находясь в тюрьме, научился у других преступников, как разводить яд, который через двадцать минут после его использования не оставляет никаких следов. Поскольку я считал, что этот молодой преступник совершил значительно больше преступлений, чем те, в которых он признался на суде, я приказал, чтобы его передали в гестапо. После двенадцати часов пребывания в перегретой камере, без воды, он не только признался в еще ста семи преступлениях, но и показал чиновникам места, где были захоронены все тела. Опыт показывает, что необычные преступники зачастую превращаются в серийных убийц; их надо обезопасить, как бы молоды они ни были. Поэтому я всегда был в пользу самых суровых наказаний этим анти-социальным элементам.

29 мая 1942 г., полдень

Лола Монтеc и Людвиг I Баварский. — Враждебность церкви. — Личность Людвига I. — Уважение к расовым характеристикам

На предложение д-ра Геббельса снять фильм о Лоле Монтеc.

Я приветствую эту идею, но надо позаботиться, чтобы не были искажены ни судьба этой женщины, ни личность короля Людвига I Баварского.

Лола Монтеc не имела ничего общего с танцовщицами нашего времени, стриптизершами, а была она женщиной исключительно большого разума и обширного знания мира. Это была также женщина с характером, что видно из того, как она сопротивлялась нападкам церкви и, несмотря на то что подвергалась огромному давлению, отказалась преклониться перед ней.

Что касается Людвига I, тут надо быть осторожным, чтобы не изобразить его, прежде всего, «юбочником». Он был человеком великим во всех отношениях и был лучшим в Европе архитектором своего времени. Одни идея и воплощение Дома Валгаллы показывают, что это был монарх, чье видение простиралось далеко за пределы его собственного маленького государства и охватывало всю пангерманскую панораму. Помимо этого, мы должны быть ему благодарны за то, что он дал городу Мюнхену великолепный художественный центр германской нации.

То, что он, тем не менее, является одной из самых противоречивых фигур среди королей Баварии, можно приписать тому факту, что церковь никогда не переставала изводить его. Ее атаки на Лолу Монтеc были всего лишь предлогом, а на самом деле нападение было нацелено на его сильные либеральные тенденции.

Поэтому не стоит представлять Людвига I этаким королем венской школы шарма, нечто в стиле Пауля Горбигера, а надо изображать его как достойного монарха, и я думаю, Кайслер¹ лучше всего подойдет для этой роли.

С уважением относясь к расовым характеристикам, я в интересах рейха разделил свою австрийскую родину на несколько альпийских и дунайских провинций. Так же я решил поступить и с другими частями рейха. Я не позволю, например, чтобы Западная Фризия продолжала оставаться частью Голландии, ибо западные фризы точно той же расы, что и люди в Восточной Фризии, а по-сему должны быть объединены с ними в одну провинцию.

¹ К а й с л е р Фридрих — актер театра и кино.

30 мая 1942 г., полдень

**Художники и скульпторы. — Влияние эпохи на художников. —
Смерть Моцарта. — Художника надо поддерживать, пока он
жив!**

Я считаю, что «Art Review» Брукмана уступает обзорам, опубликованным профессором Гофманом и министерством пропаганды. Если говорить о скульпторах Кольбе и Климше¹, я думаю, работы первого — признанного мастера — ухудшаются по мере старения самого мастера, в то время как Климш, с другой стороны, с годами становится все более и более отточенным и весомым. Но вероятно, будет несправедливо критиковать художника за то, что его работы более позднего возраста не содержат совершенства, присущего его ранним и лучшим творениям. С возрастом глаза видят хуже, а скульптор в особенности зависит от своего зрения. Когда, как это иногда случается, скульптор превосходит себя в старом возрасте, то это, возможно, оттого, что прежде он был близорук, а с дальнозоркостью, которая сопровождает преклонный возраст, стал нормально видеть.

Вообще-то говоря, было бы несправедливо критиковать художника — будь это скульптор или певец — за то, что его способности бледнеют со временем. Вместо того чтобы подчеркивать, как много ошибок можно найти в последних работах Ловиса Коринта², лучше вспомнить с наслаждением поистине восхитительные картины его прежних дней. Всякая разумная культурная политика обязана раскрывать таланты как можно раньше, поддерживать их и лелеять, давая тем самым им возможность достичь высшей плодотворности на благо как нынешнего времени, так и будущего.

Последние несколько столетий венцы, всегда придававшие большое значение культурным стандартам своего города, с граничащей с безумием безответственностью пренебрегали этим самым важным принципом культурной политики. Например, они позволили такому гению, как Моцарт, умереть с голоду. Говорят, его даже похоронили в одной могиле с нищими, и никто не знает, где он покоится. Подобно ему, Брукнер и Гайдн тоже могли бы умереть с голоду, если б не нашлись патроны в лице епископа Линца и князя фон Эстергази.

Эти примеры показывают, что венцы, как и жители Мюнхена, обязаны накоплением у себя сокровищ искусства только своим

¹ К о л ь б е Георг (1877—1947) — немецкий скульптор, представитель символизма и модерна; К л и м ш Франц (1870—1960) — немецкий скульптор, представитель неоклассицизма.

² К о р и н т Ловис (1858—1925) — немецкий живописец-импрессионист.

правителям. Однако между жителями Вены и Мюнхена есть существенное различие, и состоит оно в том, что мюнхенцы проявляют свою признательность к своим живущим художникам, а венцы ждут до тех пор, пока художника не будет несколько столетий и тот обретет международное признание, вот тогда они признают его величие.

Из этого наша политика в области культуры может извлечь урок, что художник, создающий хорошие произведения, должен вовремя получить признание. Что именно по этой причине я распорядился организовать выставку произведений искусства в Доме германского искусства в Мюнхене, а не просто потому, что я хотел дать уже знаменитым мастерам еще один шанс выставиться там, где их работы увидит весь мир. Пока самая важная задача этой выставки — отыскать лучшее в немецком творчестве и представить на выставке перед потенциальными покупателями работы, которые эксперты признали заслуживающими поощрения, даже если художник пока еще неизвестен за пределами узкого круга.

В то же время покупатели получают гарантию, что все, что ими куплено на этой выставке, действительно стоящие вещи. Предложение профессора Гофмана стимулировать состязание между художниками через награждение золотыми и серебряными медалями с изображением Дома германского искусства, находится в полном соответствии с этой задачей и должно быть принято.

229

31 мая 1942 г., за ужином

Кайзер Вильгельм II — подлый, недостойный монарх

Поведение Вильгельма II в обществе было недостойным монарха. Он не только постоянно поднимал на смех членов своего ближайшего окружения, но и также беспрерывно испускал поток своих иронических замечаний в своих гостей, немало тем их развлекая. Его дурной вкус и фамильярность с другими монархами, как то: похлопывание по спине и т. п. — лишали Германию огромной доли симпатии. Монарх должен осознавать, что в повседневной жизни надо соблюдать личную выдержку и достоинство.

На примере Вильгельма II видно, как один плохой монарх может уничтожить династию. Точно так же те, кто желают сыграть свою роль в истории, должны понимать, что одно-единственное плохое поколение способно погубить целый народ.

2 июня 1942 г., за ужином

Применение законов природы к авиации и военно-морскому строительству. — Рыбы, птицы и конструкции самолетов и кораблей. — Новые области исследований. — Традиция — враг изобретательства

Состоялась оживленная беседа с адмиралом Канарисом о принципах, управляющих процессом создания средств транспорта. Фюрер высказался следующим образом:

Надо начать с того, что согласиться с принципом, что природа сама нам дает все необходимые указания, а потому надо следовать правилам, которые она установила. Возьмем пример велосипеда; достаточно мне в воображении удалить обода и шины с его колес, и увидим, что спица будут двигаться в точности, как шагающий человек.

В авиации также видно, что законы природы сохраняют все свое первоначальное значение. В этом отношении «Цеппелин»¹ — совершенно искусственная конструкция. Природа явно отвергла принцип «легче воздуха»; ни одной птице она не дала ничего похожего на баллон, как это сделала для рыбы. Что касается меня, я никогда не соглашусь войти в дирижабль, но никогда не испытываю и тени тревоги в аэроплане, даже если лечу во время жесточайшего шторма.

Современные конструкции кораблей определенно не отвечают законам природы; если бы было не так, тогда вместо имеющихся боковых плавников мы бы обнаружили у рыб в хвостовой части нечто вроде реактивного сопла. Природа вместо настоящей формы, более-менее отвечающей форме водяной капли, также наделила бы рыбу обтекаемой головой. Одно из самых сомнительных благодеяний, дарованных нам первыми христианскими мореходами, — это отказ от рыбьего контура и принятие в теории и на практике принципа, который и поныне оказывает влияние на конструкцию даже наших новейших кораблей класса «Nelson»², — острого носа и тупой кормы. В конструкции корабля наверняка самое необходимое — это сымитировать идеи природы и придать

¹ «Ц е п п е л и н» («Граф Цеппелин») — первый дирижабль (1900) с жесткой системой (металлический каркас). Назван по имени изобретателя графа Фердинанда Цеппелина.

² Линкоры серии «Лорд Нельсон» (1925) отличали заостренная длинная носовая часть и тупая корма. Серии немецких линейных кораблей («Бисмарк» / «Шарнхорст») и тяжелых крейсеров («Дойчланд» / «Лютцов»), напротив, характеризовались почти симметричной заостренностью носовых и кормовых частей.

кораблю форму падающей капли воды. Для утолщения носа надо уменьшить давление, создаваемое кораблем перед острым корабельным носом.

Лишь совсем недавно было выяснено, что острая лопата — не самая лучшая лопата.

Видя, что мы отошли от природы в конфигурации наших кораблей, неудивительно, что мы еще нашли форму реактивного движения, которая противоречит примеру, подаваемому нам рыбами. Установленный на хвосте винт действует всасыванием, и возникающий вакуум действует на движение корабля как тормоз, в то время как этот тормозящий эффект увеличивается из-за сопротивления, оказываемого массой воды, налегающей на нос корабля. В природе происходит совершенно противоположное: впереди всасывание силой вакуума, сзади — инертная масса воды, стремящаяся удлинить толчок вперед. Рыба движется вперед под действием своих плавников и реактивной силы воды, проходящей через ее жабры. К счастью, эти принципы не были забыты при конструировании самолетов, и винты были помещены впереди, где производимым всасыванием они тянут самолет вперед.

Невозможно отрицать, что конструкция и метод сообщения движения сегодняшним кораблям устарели. В военных кораблях мы уже дошли до той точки, где наращивание мощности двигателя не дает соответствующего прироста эффективности. Например, линкор водоизмещением более 45 000 тонн с двигателями в 136 000 л. с. плывет со скоростью 30 узлов, а авианосец в половину этого размера с двигателями в 200 000 л. с. развивает только 35 узлов! Очевидно, что-то неладно в этой математике. Ведь это полный абсурд, когда добавление 75 000 лошадиных сил кораблю с половинным тоннажем дает прирост скорости всего лишь в пять узлов, и мне остается только надеяться, что наши флотские эксперты, наконец, позволят себя убедить, что их нынешние методы конструирования кораблей устарели.

То, что мы добились куда большего прогресса в области авиации и достигли огромного роста скорости, просто изменив очертание фюзеляжа, произошло, главным образом, благодаря трудам профессора Юнкера¹, который провел глубокое изучение законов аэродинамики — иными словами, законов природы. И просто ему непостижимо, что флот обзывает идиотами таких изобретателей, как Фултон и Рассел², которые подняли целину, просто за то, что эти новые методы могли повлечь за собой революцию в искусстве мореплавания. Поэтому я приказал построить и подвергнуть се-

¹ Ю н к е р с Гуго (1859—1935) — авиаконструктор и промышленник.

² Ф у л т о н Роберт (1765—1815) — американский ученый, создатель первого парахода; Р а с с е л Джон (1808—1882) — британский ученый, автор концепции уединенной волны.

рзным испытаниям корабль «Sachsen» с его двигателем в носовой части. Далее, я приказал, чтобы были проведены испытания целесообразности приведения кораблей в движение посредством боковых винтов — как плавников у рыб, — системы, которая может придать кораблю больше возможностей для маневра и позволит развернуться на месте.

Эти мои идеи были рождены мыслью о том, что когда человек оказывается в тупике в какой-нибудь технической области, тогда надо дать свободу новым изобретателям в их поиске дороги, ведущей вперед. Например, в случае с микроскопом близится время, когда уже станет невозможно увеличивать число в этой системе, потому что каждая новая линза поглощает часть света. Поэтому прогресса в этой области можно достигнуть только с помощью какого-нибудь революционного изобретения. К сожалению, трудно до крайности обеспечить свободу принятия новых изобретений, потому что действительно редки люди с интеллектом достаточно открытым и обладающие силой характера, чтобы отказаться от работы, на которую ушла жизнь, в пользу какой-то новой идеи, особенно когда эту идею высказал кто-то другой.

Все мы знаем, с какими огромными трудностями теория Коперника одержала верх над доктриной Птолемея и какое огромное влияние она оказала на жизнь всего мира. Потому что с теорией Птолемея рухнул мир, на котором была основана вся философия церкви. В те времена требовалось большое мужество, чтобы объявить себя сторонником теории Коперника и взять на себя последствия, потому что церковь яростно защищалась. И это, конечно, можно понять, потому что чем более фанатичен человек или организация, тем более разрушительной становится ударная сила раскрытия их ошибок и, вместе с этим, уничтожения всего базиса их мышления. История показывает, что изобретатели во многом сталкивались с такой же судьбой. Почтальон, совершивший эпохальное открытие, когда обнаружил, что можно поставить машину на рельсы и приводить ее в движение с помощью пара, был громогласно осмеян своими директорами почт — т. е. экспертами. Трагедия в том, что удел изобретателя всегда таков: атаковать что-то уже устоявшееся, а поэтому считавшееся людьми незыблемым. Вдобавок к этому первоначальный эффект нового изобретения неизменно создает хаос. Война дает импульс любой форме деятельности, поэтому создает, несомненно, самую благоприятную атмосферу для изобретательства. Авиация, например, совершила за три с половиной года прогресс больший, чем за тридцать лет мира. Только вспомнить, что в 1906 г. принималось за аксиому, что аэроплан — это бесполезная штука, если не может достичь скорости двадцать пять миль в час.

3 июня 1942 г., за ужином

Технологические способы ведения войны. — Слоны Ганнибала

Удивительно, до какой степени древним удавалось приспособить технологию к военным нуждам.

Невозможно представить победы Ганнибала без его слонов или победы Александра — без его колесниц, его кавалерии и технического мастерства его лучников.

На войне лучший солдат — т. е., солдат, который добивается большего успеха, — это тот, у кого в распоряжении есть самые современные технические средства; не только на поле боя, но также и в области коммуникаций и снабжения.

Во время войны величайшей ошибкой будет ставить перед собой дилемму: нужен ли нам солдат или технический эксперт? Посему разумной стратегией будет та, которая сольет воедино имеющиеся у него (солдата) технические средства так, чтобы максимально эффективно удовлетворить его запросы.

4 июня 1942 г., за ужином

Убийство в Праге. — Неосторожность и поспешность Гейдриха¹

Фюрер комментирует убийство Гейдриха:

Я сейчас же приказываю, чтобы в будущем наши люди, особенно те, кто подвержен опасности, безоговорочно подчинялись правилам, выработанным для обеспечения их безопасности.

Поскольку этой возможностью пользуются не только жулики, но и убийцы, подобные героические жесты, как поездки в открытой, небронированной машине или прогулки по улицам Праги без охраны, представляют собой просто ужасную глупость, которая не приносит стране ни капли пользы.

Поведение, которое позволяет себе такой незаменимый человек, как Гейдрих, подвергая себя ненужной опасности, я могу только осудить как глупое и идиотское. Такие важные люди, как Гейдрих, обязаны понимать, что за ними постоянно следят, как в игре, и что есть люди, только ждущие шанса, чтобы убить их. Одна полиция при всех средствах информации в ее распоряжении не может гаран-

¹ Г е й д р и х Рейнхард (1904—1942) — шеф Главного управления имперской безопасности РСХА, заместитель рейхспротектора Богемии и Моравии.

тировать безопасность. Когда, например, машина врзается в дерево, полицейские затратят бог знает сколько времени, чтобы решить, был ли здесь чей-нибудь злой умысел. Если убивают водителя, а машина разбивается, пассажиры не могут точно знать, что произошло, потому что, когда едешь на скорости шестьдесят миль в час, пуля достигает своей цели намного раньше, чем долетает звук выстрела.

До тех пор, пока ситуация на наших территориях остается нестабильной, и до тех пор, пока немецкий народ не будет полностью очищен от иностранного сброда, наши общественные деятели должны соблюдать величайшую осторожность ради своей же безопасности. Это и в интересах нации.

233

5 июня 1942 г., полдень

**Предрасположенность финнов к умственным заболеваниям. —
Влияние на это изучения Библии. — Религиозная мания. —
Немцы должны избегать душевных болезней**

Темой разговора стало исключительно большое число случаев умственных заболеваний в Финляндии. Среди возможных причин, выдвигавшихся для объяснения подверженности финнов этим заболеваниям, были северное сияние и сильная склонность финнов беспричинно беспокоиться по религиозным причинам. В Финляндии фермы часто отстоят друг от друга на тридцать—пятьдесят миль, и жители, особенно в зимнее время, обреченные на сравнительно изолированное существование, чувствуют нужду в душевной нагрузке; отсюда понятна исключительно сильная тенденция к религиозным измышлениям. Фюрер выразил свое мнение следующим образом:

Очень жаль, что тенденция к религиозному образу мышления может не найти лучшего выхода, чем в еврейском сутяжничестве Ветхого Завета. Религиозный народ, который в зимнем одиночестве непрестанно ищет с помощью Библии свет в своих религиозных проблемах, действительно может стать духовно деформированным. Несчастливые люди стараются извлечь истину из этой еврейской софистики, где на самом деле не существует никакой истины. И в результате они застревают в какой-то глубокой колее той или иной мысли и, если не обладают исключительно отвечающим здравому смыслу умом, превращаются в религиозных маньяков.

Достоинно сожаления, что Библия была переведена на немецкий, и поэтому весь немецкий народ оказался под воздействием этого еврейского «мумбо-юмбо» [суеверий, бессмысленного бор-

мотания и т. д. — *Пер.*] Пока мудрость, особенно Ветхого Завета, оставалась исключительно на латинском языке церкви, было не так опасно, что чувствительные люди, читая Библию, станут жертвами иллюзий. Но с тех пор, как Библия стала общей собственностью, целая масса народу нашла в открытых для них строчках много религиозных мыслей, которые — особенно в связи с немецкой особенностью методичного и какого-то меланхолического размышления — зачастую превращали людей в религиозных маньяков. Когда далее припоминаешь, что католическая церковь возвела в статус святых целую кучу сумасшедших, понимаешь, почему такие движения, как флагеллантов¹, например, неизбежно появлялись в Германии в Средние века.

Для здравого немца поразительно видеть, что немецкие люди могут позволить одурачить себя еврейской мерзостью и поповской пустой болтовней, что они мало отличаются от воюющих турецких дервишей и негров, над кем мы так презрительно насмеемся. Просто в бешенство приходишь, понимая, что, пока в одних частях земного шара религиозные учения, созданные Конфуцием, Буддой и Магометом, предлагают, бесспорно, широкую базу для религиозно мыслящих людей, немцы должны быть одурачены теологическим толкованием, лишенным всякой истинной фундаментальности.

Когда пытаешься найти причину этому феномену, тут же поражаешься той степени, с которой человеческий мозг реагирует на внешнее влияние. Например, ребенок, еще в детстве напуганный тем, что в темноте прячется привидение, всю свою жизнь не раз будет переживать боязнь войти в темную комнату, в подвал и тому подобное; среди женщин подобный страх, внушенный в раннем детстве, часто сохраняется на всю жизнь. Ребенок, живущий в районе, часто подвергающемся бомбардировкам, будет воспринимать налет вражеской авиации как шумный фейерверк и, как правило, не будет проявлять ни малейших признаков страха.

Из этих рассуждений вытекает важное заключение: мы должны делать все, что в человеческих силах, для того, чтобы защитить навсегда и весь немецкий народ от угрозы умственной деформации, независимо, будет ли это религиозная мания или другой тип мозгового расстройства. По этой причине я распорядился, чтобы каждый более-менее значительный город обзавелся обсерваторией, ибо по опыту астрономия станет одним из лучших средств в распоряжении человека для увеличения его знаний о Вселенной и тем самым спасет его от любой тенденции в направлении умственной aberrации.

¹ Флагелланты (от лат. flagello — бичующиеся) — движение XIII—XV вв., религиозное братство выходцев из среды городской бедноты, стремящихся через истязания искупить грехи.

5 июня 1942 г., за ужином

Святая возведена в генералы!

Фюреру поступил доклад, в котором говорится, что каудильо¹ решил указом от 22 сентября 1941 г. присвоить все знаки отличия фельдмаршала святой Фунизилье, покровительнице Сеговии, в знак признания чуда, совершенного ею пять лет назад, когда три тысячи солдат националистов под командой де Валеро успешно отстояли этот город под ударами осаждавших его пятнадцати тысяч красных. Ему также рассказали о другом случае, в котором святой было присвоено звание генерала, потому что, когда бомба попала в церковь, патроном которой была эта святая, она помешала бомбе взорваться. Тут фюрер произнес следующее:

У меня есть самые серьезные сомнения в плане того, что из этой чепухи выйдет что-либо путное. Я слежу за развитием событий в Испании с величайшим скептицизмом и уже сложил про себя мнение, что, хотя в конце концов я смогу посетить все другие европейские страны, в Испанию я никогда не поеду.

7 июня 1942 г., полдень

Монархические настроения в Испании, поддерживаемые церковью. — Та же самая старая тактика для захвата власти. — Новая революция в Испании повлечет за собой руины. — Две «небольшие просьбы» адмирала Хорти. — Река Тиса — венгерский Рейн. — Сын Хорти. — Межсоюзные военные комиссии в 1925 г. — Предательство среди немцев. — Эмигранты 1933 г. — Взгляды на преступность и предательство. — Всех предателей надо расстреливать. — Отказывающиеся от военной службы. — Урегулирование проблемы со «студентами Библии»

Во время дискуссии о Голубой дивизии — испанской дивизии, воюющей на Восточном фронте, — разговор вновь вернулся к внутренней ситуации в Испании. Рейхслейтер Борман отметил, что нарастающие перемены в пользу монархизма получили совсем скромную поддержку духовенства. Фюрер согласился с этим и продолжил:

¹ К а у д и л ь о (букв. caudillo — хозяин) — титул главы Испании Франсиско Франко Баамонде.

Деятельность церкви в Испании не отличается от того, чем занимается католическая церковь в нашей собственной стране, да и вообще от большинства церквей в любой другой стране. Всякая церковь, если она в состоянии оказывать влияние на гражданский режим, будет в принципе поддерживать или терпеть только такой режим, который не знает и не признает никакой иной формы народной организации, кроме как под эгидой церкви, а поэтому в плане общей администрации зависит только от церкви, как единственной руководящей силы народа.

Пока она не будет готова отказаться от борьбы за власть, что присуще любой церкви, участвующей в политике, церковь в Испании не сможет признать нынешний режим, который создал в Фаланге¹ свою собственную организацию для руководства испанским народом. Вот почему единственное, что может сделать Фаланга, это установить определенные отношения с церковью и тем самым ограничить вмешательство последней в религиозные — т. е. сверхъестественные — дела. Стоит лишь позволить церкви оказывать хоть малейшее влияние на управление народом и воспитание молодого поколения, как она пожелает стать всемогущей, а потому можно глубоко ошибиться, полагая, что с церковью возможно сотрудничество на основе компромиссов.

Вся международная перспектива и политический интерес католической церкви в Испании отражают неизбежный конфликт между церковью и режимом Франко, а отсюда вполне возможна новая революция. Испания может здорово заплатить своей кровью, и в не столь отдаленном будущем, за свою неспособность осуществить истинную национальную революцию, как это было сделано в Германии и Италии.

Новый премьер-министр Венгрии Каллаи¹ приезжал ко мне с двумя «небольшими просьбами» от регента Хорти — а именно, чтобы, во-первых, Господь Бог, а во-вторых, я сам посмотрели бы сквозь пальцы, если венгры вдруг начнут войну с румынами. С венгерской точки зрения, говорит Каллаи, такая война стала бы битвой с Азией, потому что граница между Европой и Азией, как это видится венграм, проходит там, где прекращается влияние ортодоксальной церкви. В конечном итоге, сказал он, по эту сторону границы находятся только те страны, которые сыграли свою роль в европейском культурном развитии и во всех таких его великих достижениях, как Реформация, Ренессанс и т. д. Именно по этой причине Венгрия всегда была враждебна по отношению к России и

¹ Ф а л а н г а — политическая партия в Испании. Создана в 1933 г. Хосе Антонио Примо де Ривера. Оппозиционна как левым, так и правым политическим течениям. В основе лежит идеология синдикализма.

¹ К а л л а и Миклош (1887—1967) — премьер-министр Венгрии (1942—1944).

одно время терялась в догадках, как надо понимать политику рейха, когда тот подписал пакт с Россией.

Каллаи в развитии своих мыслей дошел до того, что стал утверждать, что река Тиса имеет для венгров такое же значение, как Рейн — для немцев. Рейн в глазах немцев — немецкая река; точно так же Тиса для венгров — не международная граница, а ее внутренняя река.

В области внутренней политики Каллаи упомянул о необходимости закона об аграрной реформе в Венгрии. Такая реформа, однако, как считает он, ограничится всего лишь увеличением размеров самых малых имений.

Затем Каллаи заговорил о сыне Хорти¹, которого он описал как великого охотника и кого, как он считает, в венгерских войсках, сражающихся на Восточном фронте, рассматривают как великого героя. Этому я могу поверить, потому что знаю, что его отец, регент, — человек исключительной храбрости.

Должен отметить, что Хорти, по-моему, составил очень искусный план. Ибо, если его сын завоеует славу, сражаясь за немцев, то те вряд ли станут возражать, если венгры назначат его преемником своего отца и в конце концов удостоят его славой короны Святого Стефана. Равным образом, политическая венгерская оппозиция Хорти никак не сможет придаться к деятельности Хорти-младшего, поскольку он проявил себя в борьбе против большевизма.

В дни Веймарской республики предательство приняло такие масштабы, что даже военные секреты публиковались в печати и обсуждались на открытых заседаниях рейхстага.

Когда в 1925 г. иностранные военные комиссии покидали Германию, они оставили за собой организованную разведку и шпионскую сеть, которая не только делала их дальнейшее присутствие ненужным, но и, по мнению военных атташе, аккредитованных в Берлине, также с того времени функционировала к их полному удовлетворению.

Меня раз за разом бесило состояние морального разложения, которое одно только способствовало созданию гигантской шпионской сети в Германии и которое нашло свое выражение в самой вопиющей и бесстыдной форме предательства. До сих пор я помню случай, когда член рейхстага задал вопрос на открытом заседании, знает ли правительство о том, что на улице X видели танковое отделение из четырех танков рейхсвера, чьи параметры явно противоречат условиям Версальского договора, и какие меры предполагает предпринять правительство? К сожалению, в то время я не мог сделать ничего иного, как дать указание вести список всех этих предательских элементов, чтобы, когда сможем, после прихода к власти национал-

¹ Иштван Хорти (1904—1942) — пилот люфтваффе. Погиб на Восточном фронте.

социалистической партии, по крайней мере, наказать этих мерзавцев так, как они этого заслуживают.

Если мы избавились от большинства этих подонков общества в 1933 г. без особых усилий, то благодаря тому, что не менее 65 000 граждан Германии сбежали из страны, как только мы пришли к власти. Согласен, мы не знали точно, какое преступление совершил каждый из них, но мы были недалеко от истины, допуская, что в большинстве случаев их заставила бежать за границу собственная совесть. Немного погодя довольно многие из них подумали и проявили желание вернуться в Германию. Мы быстро остановили этот нежелательный обратный поток нежелательных элементов, объявив, что все, кто вернутся, в принципе должны пройти через концентрационные лагеря и что любой, чьи преступления будут доказаны, будет расстрелян. Таким путем рейх освободился от многих тысяч антисоциальных элементов, которых иначе было бы трудно выследить и выкинуть. Гейдрих и его Служба имперской безопасности очень скоро сломали остальных — услуга, которая была тем более ценной, что министерство юстиции показало себя совершенно неспособным в решении этой задачи.

Наш департамент юстиции часто раздражал меня своим подходом к делам о предательстве. Например, в одном случае рекомендовали пощадить предателя на том основании, что он «первоначально был контрабандистом, а поэтому и должен быть осужден как таковой!» С величайшим трудом я сумел убедить д-ра Гюртнера, министра юстиции, в абсолютной необходимости применения максимальной суровости в делах о предательстве. Когда были выданы подробности об укреплениях в Восточной Пруссии, Гюртнер дошел до того, что рекомендовал мягкий приговор, потому что, видите ли, причиненный ущерб был невелик! Я сказал Гюртнеру вполне откровенно, что совершенно невозможно судить о нанесенном ущербе. Как можно знать, что в один прекрасный день эти выданные укрепленные пункты не будут в военное время заняты командиром дивизии и его штабом, а потом их уничтожат? Такое событие могло оказать решающее влияние на исход боевых действий. И этот ущерб будет «невелик»?

В конце концов я заявил Гюртнеру о своей непоколебимой решимости передавать предателей, с которыми мягко обходятся в обычных судах, в руки СС и расстреливать. Ибо предательство — это преступление, раскрывающее враждебное мышление, и каждый предатель должен быть казнен, вне зависимости от размера причиненного им ущерба.

Вначале Народный трибунал¹, созданный под эгидой министерства юстиции, не решал, по моему мнению, стоявшие перед ним

¹ Народный трибунал — учрежден в рамках министерства юстиции на основании закона от 18 апреля 1938 г. для суда по делам о государственной измене, шпионаже и др. политическим преступлениям.

задачи с той мерой суровости, которую я находил желательной. Ни в коей мере не было легко заставить законодательство приспособиться к очевидным потребностям государства, потому юристы — члены кабинета согласились лишь после долгих колебаний считать предательство преступлением, раскрывающим враждебное мышление.

Во всех дискуссиях на эту тему я неоднократно был вынужден заявлять, что такой вещи, как предательство по идеалистическим мотивам, не существует. Единственный вид предательства, который еще можно рассматривать как проистекающий из определенных моральных запретов, — это отказ вступить в вооруженные силы на основании религиозных убеждений. Но нельзя упускать возможность, чтобы напомнить элементам, отказывающимся воевать по религиозным мотивам, что они-то продолжают есть то, за что воюют другие, чтобы обеспечить их, а это противоречит духу высшей справедливости, а поэтому им остается только голодать.

Я считаю актом исключительной снисходительности то, что не исполнил свою угрозу, а ограничился расстрелом ста тридцати самозванных молодых исследователей Библии. Кстати, казнь этих ста тридцати очистила атмосферу, как это делает гроза. Когда новость о расстреле стала известна обществу, многие тысячи так же мыслящих лиц, думавшие избежать военной службы под предлогом религиозных убеждений и т. п., утратили смелость и изменили намерения.

Если хотите успешно вести войну или успешно вести народ через трудный период в его истории, надо отбросить все сомнения в одном — а именно любой индивидуум, который в такое время пытается то ли активно, то ли пассивно отключиться от деятельности общества, должен быть уничтожен.

Всякий, кто по ложным причинам милосердия уклоняется от этого принципа, сознательно или нет помогает распаду государства. Сегодня можно видеть начало этого процесса в такой стране, как Швеция.

236

7 июня 1942 г., за ужином

Процессия в Барселоне. — Преследование Фаланги. — Мое недоверие к Серрано Суньеру. — Исключительное сопротивление итальянцев церковной ереси. — Германские императоры и церковь. — Заупокойная месса по протектору Богемии и Моравии

Фюреру сообщили, что по случаю процессии в день праздника Тела Господня в Барселоне губернатор города своим указом запретил лицам, участвующим в процессии, ношение униформы Фаланги, фалангистской милиции или любой их части. Единственное исключение было

сделано региональному командиру Фаланги и его сопровождению. Из отчета возникает впечатление, что этот запрет был получен националистами через посредство церковных властей. В связи с этим упоминается, что несколько недель назад произошли столкновения между националистами и членами Фаланги, которые, однако, представляют официальную государственную партию. Еще более важно, что мадридская газета «Arriba» критикует этот запрет и открыто заявляет, что ношение голубой рубашки является обязанностью, которую фалангисты почитают за честь, и что все, кто противостоит им, презренные личности.

Фюрер изложил свое мнение по этому поводу:

Из этого слишком ясно видно, как испанское государство стремится к новой трагедии. Попы и монархисты — те же самые смертельные враги, которые стояли на пути возрождения нашего собственного народа, — объединились, чтобы захватить власть в Испании. В случае, если разразится новая гражданская война, я не удивлюсь, если увижу, что фалангисты вынуждены объединиться с красными, чтобы избавиться от клерикально-монархической мерзости. Жаль лишь, что кровь, пролитая во время войны фалангистами вместе с фашистами и национал-социалистами, не дала более приличных результатов! Но в Испании, к несчастью, всегда найдется кто-то, желающий служить политическим интересам церкви. Серрано Суньер, нынешний министр иностранных дел, — один из них. На моей первой встрече с ним я испытал чувство отвращения, несмотря на то, что наш посол, проявив глубочайшее незнание фактов, представил мне его как самого пылкого германофила в Испании.

Фашисты избежали второй гражданской войны потому, что это движение, начавшись в Риме, сумело объединить итальянскую нацию, невзирая на сопротивление церкви. Более того, фашизм четко определил, что относится к сфере влияния церкви, а что — государства. Когда церковь отказалась признать закон о создании фашистской молодежной организации, фашисты ответили безжалостным разгоном всякого религиозного шествия, начиная с Рима и до самого юга Италии. В итоге церковь за три дня была поставлена на колени.

Вообще-то говоря, история Италии свидетельствует о том, что итальянский народ относится к церкви много более реалистично, нежели испанцы и, увы, немалое число немцев! Разве не грустно думать, что всякий раз, когда итальянцы выгоняют того или иного папу, всегда находится германский кайзер, готовый восстановить порядок в Ватикане? Я должен честно признаться, что сам небезгрешен в этом отношении. Создавая пост епископа рейха, я пытался внести небольшую ясность в запутанную ситуацию в евангелической церкви. Когда я вижу, что происходит сегодня в Испании, я поздравляю себя с провалом моей попытки. Вновь Провидение не дало мне совершить ошибку, которую я собирался сделать. Дей-

ствительно, кто даст мне гарантию, что в один прекрасный день протестантский епископ рейха не договорится с папой против меня!

Укоренившиеся религии и, особенно, католическая церковь являются мастерами в изображении невинной мины и в лести человеку у власти. Я сам это испытал, когда вскоре после прихода к власти я принимал у себя епископа Бертрама. Он выражал мне добрые пожелания и почтение католического духовенства с такой елейностью, что я, если б не знал другое по своему горькому опыту, не поверил бы, что возможно, чтобы хоть один национал-социалист мог быть отлучен от церкви или подвергаться преследованиям и даже проклятию после смерти.

И вот с такой видимостью смиренности церковь всегда пробиралась к власти и завоевывала лестью расположение германских императоров, начиная с Шарлеманя. Такую же технику используют умудренные опытом женщины, которые вначале излучают обаяние, чтобы завоевать доверие мужчины, а затем постепенно затаягивают узы, пока не добьются того, что мужчина начинает танцевать, как марионетка, повинувшись их прихотям. При небольшом дипломатическом такте таким женщинам даже удастся убедить своих мужей — точно как между церковью и германскими императорами — в том, что именно они правят в курятнике, и это несмотря на кольцо в носу, за которое их водят!

Совсем недавно церковь попыталась сыграть новый трюк. Епископ Богемии и Моравии испросил разрешения на проведение заупокойной мессы под колокола по обергруппенфюреру СС Гейдриху. Я прямо сказал этому джентльмену, что было бы много лучше, если б он до этого предложил свои молитвы о безопасности и здравии протектора рейха!¹

237

8 июня 1942 г., за ужином

Роль будущих поколений. — Распространение пангерманской идеи. — Новое название для столицы рейха. — Молодежь должна вести молодежь. — Странные аномалии в религиозных отступлениях. — Влияние национал-социалистической молодежи внутри семьи. — Жалкая некомпетентность школьных учителей. — Пропаганда. — Роль печати в воспитании нации

За ужином по кругу ходили фотографии лидера молодежи рейха в компании с руководителями молодежных групп, мужчин и женщин, из Норвегии, Дании, Голландии и т. д. Фюрер выразился следующим образом:

¹ Гейдрих был заместителем рейхспротектора.

Это великолепно, что Аксман побывал на фронте солдатом. Несомненно, потеря в бою одной руки поднимет его престиж в глазах молодежи не только в Германии, но и в других странах. Я также очень рад приветствовать усилия Аксмана и видеть, как он непрерывно стремится связать молодежь германских стран более тесными узами с национал-социализмом и немецким образом мысли. Как только молодежь будет охвачена идеей, этот процесс пойдет как на дрожжах. Молодежь будет в ударе и будет работать и работать ради идеи, невзирая ни на что, как бы там ни старалось старшее поколение остановить ее. Даже в Дании оппозиция старого поколения не помешает молодежи во все большем количестве переходить на немецкий образ мысли, потому что она чувствует, что имеет те же самые расовые корни. Методически поддерживая развитие этого движения, я выбиваю почву из-под ног старого короля Дании¹ и отнимаю у него его людей точно так же, как мне удалось в свое время медленно, но верно оторвать народ Австрии от режима Дольфуса—Шушнига².

Следуя примеру Бисмарка, который никогда не переставал проповедовать пангерманскую идею баварцам, пруссакам и т. д., надо систематически вовлекать германские народы континентальной Европы в германский канал мышления. Я всерьез подумываю, что, переименовав Берлин в столицу нашего рейха Германия, мы могли бы дать очень заметный толчок этому движению. Название «Германия» для столицы рейха в ее новой представительной форме было бы весьма кстати, потому что оно даст каждому члену немецкого сообщества, как далеко от столицы он бы ни находился, ощущение единства и близости. Технически нет никаких трудностей для переименования Берлина, как это видно из германизации Гдыни в Готенхафен и изменения названия Лодзь в Лицманштадт.

Школу, как и печать, надо использовать для воспитания народа, а потому надо ее организовать и управлять ей так, чтобы не вмешивались никакие частные интересы.

Правда, одной школы как инструмента воспитания молодежи недостаточно, потому что она чересчур склонна отдавать приоритет чисто академическим достижениям.

Вот по этой причине я создал вспомогательную организацию гитлерюгенд и наделил ее дерзновенным девизом «Die Jugend von Jugend gefuehrt werden soll» («Молодежь должна вести молодежь»). Этим я запустил, начиная с их самых юных лет, процесс отбора среди молодых людей, посредством которого скоро выделится небольшая группа лидеров. К школьным оценкам, которые обычно ограничиваются точными схоластическими достижениями, гитлерюгенд тем самым

¹ Кристиан X (1870—1947) — король Дании (1912—1947).

² Имеются в виду Д о л ь ф у с с Энгельберт (1892—1934) — канцлер Австрии в 1932—1943 гг., и Ш у ш н и г Курт (1897—1977) — министр юстиции в правительстве Дольфуса и канцлер Австрии в 1934—1938 гг.

добавляет оценки молодежных лидеров, которые в первую очередь делают акцент на характер — т. е. на чувство товарищества, выносливость, смелость и качества лидера.

Эффективность школы и гитлерюгенда как инструментов воспитания зависит от качества инструкторов. При выборе лидеров для гитлерюгенда и учителей в министерство образования наш главный принцип должен состоять в том, чтобы эти инструктора обоих видов отбирались из мужчин, которые останутся на всю жизнь примерами для молодежи, точно так же, как преподаватели гимназии в Древней Греции, которые подавали пример телесного и духовного совершенства для молодежи, отданной под их ответственность. В возрасте между десятью и семнадцатью годами молодежь проявляет величайший энтузиазм и величайший идеализм, и вот в этот период их жизни мы должны предоставить ей лучших учителей и лидеров, потому что только самые лучшие смогут гарантировать высокие стандарты воспитания, к которым мы стремимся.

Преступное безрассудство, совершенное во времена Веймарской республики в области образования, наиболее четко для меня проявилось в докладе об условиях, существовавших в Бадене в период нашего прихода к власти. Раскол на фракции в молодежном образовании в Бадене дошел до того, что там существовали даже отдельные туалеты для детей протестантов и католиков! Правительство в то время находилось в блаженном неведении относительно губительного яда, который подобное разделение систем образования впрыскивало в душу молодежи.

К тому же в эти годы созревания детская чувствительность наиболее обострена. Как много наших ведущих членов пришло в национал-социалистическое движение под влиянием своих собственных детей! Вновь и вновь нашим молодым людям, охваченным энтузиазмом национал-социалистической идеи, удастся вначале убедить свою мать, затем с ее помощью сделать отца сторонником НСДАП.

Поэтому важнее всего, чтобы среди преподавателей школ прививалось и укреплялось правильное восприятие требований молодежи. Чтобы обеспечить непрерывный поток школьных учителей, нельзя упускать из виду обращения тех, кто в силу своего окружения или профессиональной деятельности особенно подходит для этой цели. Я в первую очередь благодарен женщинам и отставным солдатам.

По моему мнению, для работы в начальных школах более всего подходят женщины-учителя и солдаты запаса. Нет нужды давать им какую-то дополнительную подготовку или набивать их головы до тех пор, пока они не поглупеют от духовного несварения; все, что требуется, это снабдить их знаниями, важными для начальной школы. Учитель, которому суждено провести всю свою жизнь в деревне, не нуждается в академических знаниях.

Но это вовсе не означает, что учителя, хорошо проявившие себя, не должны иметь шансов на продвижение по службе. Не стоит веч-

но держать способного работника на одном и том же натаскивании новобранцев; иначе он просто повесится! Точно так же самым лучшим учителям надо дать шанс на продвижение на более высокие должности по своей профессии, а не быть им осужденными вечно преподавать в начальной школе. И в особенности надо облегчить им продвижение из начальной школы в среднюю.

Рейслейтер Борман только что рассказал мне, что в Вартегау царит такая нехватка учителей, что необходимо сократить период подготовки и сделать его даже короче, чем в Австрии. Лично я не думаю, что это имеет большое значение. Те, кто внутри себя ощущает призыв к высоким вещам, будут использовать свободное время в поисках нужных знаний. Важно, чтобы все, кто считает себя готовым для среднего и высшего образования, знали, что государство подготовит им почву для учебы.

Затем разговор перешел на вопросы управления, сложности его организации и нередко случающееся дублирование усилий. Фюрер сказал следующее:

По моему мнению, ошибочно устраивать отдел пропаганды в каждом министерстве и даже в некоторых высших административных органах. Министерство пропаганды и пресс-служба рейха для того и существуют, чтобы удовлетворять все потребности. Я сам подал пример в канцелярии, воздержавшись от организации какого-либо отдела пропаганды или прессы, и не думаю, чтобы это каким-то образом помешало немедленному исполнению любых инструкций в плане печати или пропаганды, которые я давал. Когда я путешествую, я могу остановиться на любой железнодорожной станции, дать любую инструкцию, которую сочту необходимой, и буду уверен, что в печати или по радио на следующее утро общественное мнение будет правильно подготовлено к любому политическому заявлению, которое мне доведется сделать, — даже о русско-германском пакте!

Единое управление прессой может быть обеспечено только с помощью концентрации всего аппарата печати и пропаганды в одной организации. А объединенная пресса — это необходимое условие, если она хочет пользоваться доверием народа и, тем самым, стать эффективным инструментом народного воспитания. Ибо только единая пресса свободна от тех противоречий в новостях, сообщениях о политической, культурной и т. п. жизни, которые вызывают смех у публики, лишают печать всякого престижа как проводника истины, а также всякой ценности как инструмента для формирования общественного мнения.

То, как плохо все это было понято в кругах так называемой национальной печати, дошло до меня в 1920 г. в ходе препирательств с преподобным Траубом, редактором «Eiserne Blätter». Когда я с максимальной открытостью заявил этому преподобному джентльмену, что свободная пресса должна уступить дорогу единой и конт-

ролируемой прессе, потому что первая представляет собой всего лишь какой-то свободный форум для распространения еврейских нелепостей, он весь сморщился. Менталитет так называемых националистов типа преподобного Трауба был очень точно описан Дитрихом Экартом, когда тот заявил, что «Eiserne Blätter» [«Железные страницы». — Пер.] было бы точнее назвать «Blecherne Blätter» [«Свинцовые страницы». — Пер.].

Каким неизмеримо важным инструментом для формирования общественного мнения может стать пресса, так называемые националисты так никогда и не понимали. И все-таки, какой другой инструмент так хорошо подходит для этой цели? Я лично ставлю прессу на одну доску с министерством образования и в обоих случаях утверждаю, что частные интересы не должны играть никакой роли как в их организации, так и в управлении ими.

238

22 июня 1942 г., полдень

Популярность Роммеля и Дитля. — Прекрасная британская реклама для Роммеля. — Моторизованная война в пустыне. — Триумф «фольксвагена»

Д-р Геббельс перевел разговор на генерала Роммеля. Он заявил, что популярность генералов вроде Браухича, Рундштедта¹ и других далеко несравнима с той, какой пользуются Роммель и Дитль. Если бы печать вдруг перестала писать о людях вроде Браухича, Рундштедта, то публика скоро вообще забыла бы о них. В то же время Роммель и Дитль настолько высокопочитаемы в обществе, что их имена стали олицетворением германской военной доблести; и это в еще большей степени применимо, возможно, к Роммелю, чем Дитлю. Фюрер выразил свое мнение в следующих словах:

Дитль популярен не только дома, но и в Финляндии. Что касается Роммеля, есть две главные причины, объясняющие, почему он находится в центре общественного интереса в Германии:

а) большинство нашего народа сейчас достаточно хорошо понимает подоплеку этой войны, чтобы от души радоваться каждой отдельной победе над Британией;

б) британцы сами, как справедливо говорит д-р Геббельс, организовали Роммелю огромную рекламу, потому что, расписывая его исключительные военные способности, они надеялись сделать для своего народа более приятными поражения, понесенные от Роммеля.

¹ Браухич Вальтер фон (1881—1948) — фельдмаршал (1940), в отставке с 1941 г.; Рундштедт Герд фон (1875—1953) — фельдмаршал (1940), начальник штаба западной группы войск (1942—1945).

Естественно, эффективность и умение Роммеля вне сомнений. С самого начала нынешнего наступления он предсказывал с почти фотографической точностью это продвижение к побережью и атаку на Тобрук¹. Потом он добавил, что британцы наверняка попадут в ловушку, которую он для них приготовил, и займут треугольник, который им покажется благоприятной позицией, но в действительности поражается огнем немецкой зенитной артиллерии, где они будут расстреляны на кусочки.

Кроме того, победы Роммеля стали возможными благодаря нашему своевременному признанию факта, что война в пустыне — это война машин. А враг, со своей стороны, придерживался совершенно ошибочной концепции войны в пустыне, потому что британцы пришли к совершенно ложному заключению о возможностях моторизованных войск в пустыне. Как часто в истории войн какой-нибудь офицер Генерального штаба или кто-то еще — не обремененный каким-либо практическим опытом — разрабатывал тезис о том, что автомашины в пустыне могут действовать только вдоль автомагистралей. И как часто этот тезис считался аксиомой!

Я имел обыкновение настаивать на том, что теоретические тезисы такого рода должны проверяться на практике, и на этом основании я приказал начать производство «фольксвагена». И этот же самый «фольксваген», который сейчас так великолепно показывает себя в пустыне, убедил меня в бесплодности вышеупомянутого тезиса. «Фольксваген» — а я думаю, наш военный опыт позволяет нам так считать, — это машина будущего. Надо было только посмотреть, как эти «фольксвагены» проносились с ревом через Оберзальцберг, обгоняли мой огромный «мерседес» и удирали, как горные козлы, чтобы получить от этого неизгладимое впечатление. После войны, когда в нем будут воплощены все изменения конструкции, продиктованные войной, «фольксваген» станет основной машиной для всей Европы, особенно благодаря тому, что у нее воздушное охлаждение и она не подвержена влиянию зимних условий. Я не удивлюсь, если годовой выпуск достигнет миллиона — полутора миллиона машин.

239

23 июня 1942 г., полдень

Минимальные ограничения для народа. — Страх перед полицейским. — Черный рынок. — Понимание ситуации у крестьян. — Люди среднего класса. — Транспортный хаос

Гаулейтер Форстер сказал, что кафе Данцига после обеда буквально забиты людьми. Поскольку замечается, что большинство среди них составляют женщины с обильной косметикой и без видимого занятия,

¹ 20 июня 1942 г. внезапной атакой Эрвин Роммель взял Тобрук.

полиция спрашивает у Форстера разрешения взять эти кафе под контроль. Сам он не склонен давать такое разрешение.

Тут вмешался фюрер:

Совершенно правильно! Действительно, в рейхе за очень небольшим исключением сегодня каждый включен в генеральный план работы — в том числе и женщины. Если полиция будет ходить по пятам за каждым гражданином, мы превратим Германию в трудовую тюрьму усиленного режима.

Обязанность полиции — держать под наблюдением и обезвреживать по-настоящему антисоциальные элементы. Но это не означает необходимости надзора за местами общественного отдыха. Понятно, женщины, поддерживающие связь с какими-то иностранцами, не выбирают для randevу кафе, а скорее, приглашают их в так называемые салоны. А те женщины, что часто посещают кафе, в большинстве своем — труженицы — почтовые работницы, учителя, медсестры и тому подобное, — которые не на работе и поэтому пользуются моментом для отдыха. Есть также некоторые домохозяйки, в данный момент свободные от забот по дому, но вынужденные трудиться много интенсивнее, чем когда-либо им приходилось в мирное время; они имеют право поискать маленькие развлечения. Что касается остальных, то если запретить доступ в кафе всем ветреным женщинам, то, прежде всего, пострадают парни, прибывшие в отпуск с фронта. Ради бога, не стоит нестись в полицию всякий раз, когда случится какой-нибудь маленький грешок. Не будем забывать, прежде всего, что мы, национал-социалисты, завоевали доверие народа не страхом полиции, а тем, что старались показать людям свет и тем, что просвещали их.

Тот же самый принцип применим к контролю над продовольствием. Надо с максимальной суровостью преследовать и наказывать профессиональных дельцов черного рынка, но при этом нет нужды останавливать поезда, автомашины и изводить людей, потому что они купили пару яиц «сверх лимита». И не надо полиции вести слежку за крестьянином, который, выполнив возложенные на него обязательства, помогает другу, делясь с ним небольшим из своего излишка продуктов. Единственно возможный отсюда результат: он будет съедать весь излишек сам.

Те, кто взял на себя инициативу обыскивать пассажиров в поездах и машинах, должны помнить об условиях, существующих на севере, в районе больших земельных имений. Они наверняка забыли, что даже во время мира скромная крестьянская женщина обычно ездила в город на рынок, чтобы продать немного яиц, несколько фунтов масла — продукты, считавшиеся слишком дорогими, чтобы их можно было съесть за собственным столом. Но если считается, что такой вид маленького черного рынка обрета-ет слишком большие пропорции, до той степени, что может как-

то повлиять на цены, тогда государство обязано вновь вмешаться и скупать все излишки на месте, но по ценам чуть выше официальных рыночных.

В этом случае надо действовать осторожно, не забывая, что крестьянин, выполнивший возложенные на него обязательства, имеет право распоряжаться своим излишком по своему усмотрению. Это побуждает его работать усерднее, а также помогает укрепить цену денег. Фактически, в то время как крестьянин стремится накопить, горожанин, напротив, старается, особенно в трудные времена, перевести свои деньги в товары.

Д-р Геббельс сказал, что идея фюрера подключить государство в качестве дополнительного покупателя — решение на манер Колумба и яйца. Когда фюрер задал вопрос, когда станет возможно подготовить соответствующие правила, Борман ответил, что необходимые меры уже были приняты и скоро вступят в силу и что также разворачивается система контроля цен, отвечающая ситуации. Фюрер продолжил:

В самом деле, можно взбеситься, когда подумаешь, что народ лишен основных продуктов просто из-за мелочности некоторых правил — и что продукты все время гниют на складах. Я, например, был взбешен, услышав, что нашим солдатам запрещено покупать то, что им нравится, во французских магазинах. Могучие умы, придумавшие этот запрет, очевидно, не способны поставить себя на место солдата, который хочет послать домой посылку — несколько пар чулок, немного шоколада и т. д., — или представить огромную радость, которую эта посылка принесет в семью. Потребовалось личное вмешательство Геринга, чтобы отменить это идиотское правило.

Что касается фруктов и овощей, Форстер сообщил, что он решил прямую продажу от производителя потребителю во избежание потери скоропортящихся продуктов, пока они проходят через руки посредников. Форстер, например, полагал, что глупо пытаться угрозами заставить людей отказаться от покупки спаргагуса и клубники прямо от хозяина. Эта критика направлена на неуместность мер, введенных министерством продовольствия с общего согласия, и фюрер объявил, что они хорошо обоснованы.

Господ в министерстве надо заставить понять, что эту чепуху пора прекратить. Столь неуместные концепции являются просто результатом упрямой концентрации на условиях, в которых развивается бизнес в Северной Германии. Наверняка на этот раз они обязаны увидеть, что многократное разнообразие условий, существующих в области снабжения продовольствием и его распределения, само по себе подчеркивает важность ограничения правил всеобщего применения до абсолютного минимума.

Д-р Геббельс выразил опасение, что, с берлинской точки зрения, при неограниченных прямых закупках потребителем у производителя рабочие наверняка окажутся в невыгодном положении. Может произойти так, что зажиточные люди будут посылать своих слуг, а бездельники отправятся сами в деревню и скупают все фрукты и овощи, в то время как берлинский рабочий не найдет ничего в овощных и фруктовых лавках на местном рынке. Отвечая на вопрос Фюрера, Борман заявил, что прямые закупки контролируются гаулейтерами согласно местным условиям. На некоторых западногерманских территориях, например, и в районе Мучмана это запрещено. Фюрер сделал следующее заключение:

Очень важно прекратить перевозки вперед и назад фруктов и овощей с огромной потерей скоропортящихся продуктов. Перевозка картофеля туда-сюда по всей Германии, как мне недавно это доказал Шпеер на огромных графиках, также сплошной идиотизм. Кроме того, Шпеер сообщил, что также бесцельно перевозятся пиво и сигареты. Этому хаосу должен быть положен конец. Это просто нонсенс, что сигареты, произведенные в Дрездене, должны посылаться для распределения в Берлин, а потом часть их, т. е. рацион для Саксонии, торжественно будет отправлена в Дрезден. Такая несерьезность для нас недопустима.

Необходимо подойти к этой проблеме перевозок со строгой логикой. Те продукты, которые не требуются для местного потребления, надо отправлять в БЛИЖАЙШИЙ район, в котором испытывается нехватка именно этих продуктов. Индустриальные города должны обеспечиваться поставками соседних сельских округов. Надо поощрять создание больших концернов, потому что их не только легче контролировать, но они и производят во много раз больше продукции, чем несколько мелких предприятий, занимающих такую же площадь.

Надо впредь обеспечить более систематическое использование продовольственных товаров в больших городах, увеличивая число столовых для рабочих и служащих и количество общественных кухонь. Это позволит гражданам два-три раза в неделю есть приличную пищу и в то же время экономить продовольственные карточки.

Первостепенным принципом должно стать то, что вся сельскохозяйственная продукция, выращенная на территориях под германским контролем, должна поступать в распоряжение потребителя. Если, например, производство яиц на Украине идет неважно из-за отсутствия транспортных средств, тогда надо использовать несметные резервы соломы, имеющейся в этой стране, для производства дополнительного топлива для средств транспорта, работающих на газе, что помогло бы решить проблему. Как правильно сказал Шпеер, если мы перестанем бесполезно возить пиво по стране, у нас появятся для других целей огромные рефрижераторные вагоны.

24 июня 1942 г., за ужином

**Нужный человек на нужном месте. — Выбор лидеров. —
Свобода действий для региональных руководителей. —
Децентрализация и единство. — Выборы главы государства. —
Императоры по выбору**

С того времени, как я начал создавать партию, я сделал за правило никогда не делать назначений до тех пор, пока не найду нужного человека для этого. Я применил этот принцип к посту гаулейтера Берлина. Даже когда старые члены партии бомбардировали меня жалобами на партийное руководство в Берлине, я воздержался от того, чтобы прийти к ним на помощь, пока не смог заверить их, что в д-ре Геббельсе я нашел того человека, которого искал. Потому что д-р Геббельс обладает двумя качествами, без которых никто не сможет справиться с ситуацией в Берлине: у него есть интеллект и ораторский дар. Кроме того, он — типичный сын Рура, т. е. тот тип человека, который, благодаря тесным связям с процессами переработки железа и стали, является для нас человека исключительной ценности и достоинств.

Когда я пригласил Геббельса изучить организацию партии в Берлине, он в надлежащий срок доложил мне, что слабость коренится в младшем руководстве, и попросил меня дать ему свободу рук для осуществления необходимых перемен и избавления партии от всех непригодных элементов. Я никогда не сожалел, что дал ему те полномочия, о которых он просил. Когда он начал, то не нашел никакой политической организации, способной оказать ему помощь; однако он завоевал Берлин в буквальном смысле слова. Он работал, как буйвол, невзирая на все стрессы и все напряжение, которому подвергся со стороны скрытой оппозиции людей вроде Стиннеса¹.

Сегодня уже невозможно настаивать на том же самом элитном корпусе из таких лидеров партии, каких мы могли бы найти в годы борьбы. Потому что в те дни настоящие идеалисты рвались вперед, фанатически готовые отдать себя целиком для Идеи.

Совершенно прав рейхслейтер Борман, когда упоминает в этом отношении майора Динклагге — «майора Рюкзак», как его прозвали. День и ночь Динклагге был в пути, выступая и вербуя в члены НСДАП. Когда он возвращался домой, то задерживался там лишь настолько, сколько нужно было, чтобы уложить немного продуктов в рюкзак, и снова уезжал. И в то время это было типично для многих людей.

Когда я задумываюсь над вопросом отбора лидеров, то часто вспоминаю, что произошло в Восточной Пруссии. Пока партийное

¹ Стиннес Гуго — предприниматель.

руководство в Восточной Пруссии оставалось в руках некоторых простофиль, местные землевладельцы решительно высказывались в пользу партии. Потому что они воспринимали наших людей как самонадеянных чиновников, от которых можно будет легко избавиться, когда придет для них время взять власть в свои руки. Но когда я посадил им на шею гаулейтером Коха — и они скоро поняли, что это совсем другое дело, — они немедленно вступили в лагерь противников НСДАП.

Сейчас, когда в своих руках я держу организацию всего рейха, мне играет добрую службу опыт, полученный во время создания партии в годы борьбы. Если в то время я превращал гаулейтеров в королей своих гау, получавших сверху самые общие по возможности инструкции, то теперь я намерен предоставить нашему рейхсштатгальтеру такую же свободу, даже если это иногда заставит меня вступить в конфликт с министерством внутренних дел.

Вяснить, в чем состоят реальные способности, можно, лишь дав гаулейтеру и рейхсштатгальтеру свободу действий. Иначе там расцветет флегматичная, тупая бюрократия. И, только возлагая на региональных руководителей ответственность, найдешь людей, желающих взять ее, и сформируешь ядро, из которого можно выбрать лидеров на высшие посты в государстве.

Предоставляя своим гаулейтерам и рейхсштатгальтерам максимально возможную свободу рук, я в то же время требовал от них наистрожайшей дисциплины подчинения приказам сверху, и это надо, конечно, понимать так, что центральное правительство не волнуют детали, которые в широких пределах варьируют в различных частях страны.

В связи с этим я хочу особо подчеркнуть один момент — а именно то, что нет ничего более вредного для организации государства, чем сверхцентрализация и ограничение прав местной власти. Адвокаты среди нас постоянно жаждут таких ограничений. Но, как справедливо отметил Бисмарк еще в 1871 г., Францию к падению привела излишняя централизация; мелкие *Départements*, не имея вообще никаких полномочий, были лишены всякой инициативы и тупо сидели, ожидая указаний из Парижа.

Могу просуммировать свои взгляды: надо предоставлять местным властям максимально широкие полномочия для самоуправления, но в то же время обеспечить строгое подчинение приказам сверху. Если вмешивается вышестоящая власть, ее приказы должны считаться окончательными.

Бок о бок с единым законодательным органом должен находиться исполнительный как прочно оформленный инструмент национальной воли; и эта исполнительная власть во главе с вермахтом, вместе с полицией, трудовой организацией, юношеским воспитанием и т. д. должна быть под контролем одного-единственного человека. Эти две ветви, законодательная и исполнительная, образуют це-

мент, который связывает государство в единую корпоративную сущность. Государству, которое сумеет добиться этого, нечего бояться.

Величайшая опасность возникает, когда исполнительная власть одновременно обладает законодательными правами — или домогается их. Это неизбежно ведет к соперничеству между составными частями вермахта, между провинциями и т. д., что в прошлом привело к падению ряда самых процветающих государств.

Что касается главы государства, если вдруг что-то случится со мной, было бы неразумно выбирать моего преемника всеобщим голосованием, как, например, выбирают папу голосованием среди верующих, или венецианского дожа — голосованием всего населения города. Если созвать массу народа для участия в таком голосовании, весь процесс выродится в пропагандистское сражение, и пропаганда за или против какого-либо из кандидатов расколется на части.

Если оставить право выбора небольшому органу — например, сенату — и если вдруг возникнут разногласия, я не думаю, что это очень страшно, при условии, что никакие намеки об этих разногласиях не станут достоянием гласности. Но как только голосование закончилось, тот, кто получит большинство, автоматически становится впредь высшим руководителем государства. Кроме того, надо организовать так, чтобы в течение трех часов после получения результатов голосования новому главе страны принесли присягу вермахт, партия и все соответствующие чиновники, и тогда можно считать общественный порядок и закон гарантированными.

Однако я не питаю иллюзий на тот счет, что таким методом отбора всегда будет определяться абсолютно выдающаяся личность. Но так, по крайней мере, можно быть уверенным, что выбранный человек будет настолько выше средней массы, что, пока государственная машина нормально функционирует, стране не будет грозить никакая опасность.

Старый германский способ выбора императора был идеальным для формирования правительства. Он, к сожалению, был нарушен, тем не менее, потому что царственные выборщики сами были наследными принцами. Поскольку Германия веками была олицетворением западного мира, даже не подвергаясь какой-либо угрозе извне, эти наследные суверены, занятые в основном внутренними делами своих княжеств, полагали, что могут себе позволить в виде роскоши иметь слабого императора — и, следовательно, минимум вмешательства в их собственные дела со стороны центра.

Поэтому абсолютным и фундаментальным принципом национал-социализма должно быть то, чтобы место в любом гау, провинции или партии никогда не было наследственным.

Я считаю, каждый гаулейтер должен иметь заместителя. Возможная опасность того, что последний может затеять интриги против своего начальника, устраняется правилом партии, что никакой за-

меститель не может занять место своего начальника в том гау, где он работал у него заместителем.

Таким способом мы, национал-социалисты, защищаемся от удара в спину. Заместитель гаулейтера может, конечно, желать назначения на пост гаулейтера в другой провинции, но обязательно при условии, что он никогда не затевал интриг с целью свалить своего начальника. Критерием оценки качеств заместителя гаулейтера является уровень процветания гау; потому что если в гау все идет хорошо, то не только благодаря труду и личности гаулейтера, но и благодаря вкладу его заместителя, у которого также есть свои задачи.

Для надежной защиты от превращения гау когда-либо в наследственную вотчину я принял за основу систему переводов, применимую к тем гаулейтерам, которым своими силами не удалось добиться в своем гау победы национал-социализма. Например, я перевел гаулейтера Зальцбурга в Штирию, а в Зальцбурге заменил его членом партии, который до сих пор работает совершенно по-другому. С другой стороны, я никогда не пошлю в такой город, как Вена, человека, на которого я возлагаю высокие надежды в более позднее время в других сферах деятельности. Короче говоря, никогда сын не будет наследовать отцу. Можете вы представить себе меня, назначающим какого-нибудь семнадцатилетнего юнца начальником Генерального штаба!

Борман вмешался, заявив, что обычно сын профессора математики не проявляет склонности следовать стопами отца.

Да, и это неудивительно. Как правило, сын наследует качества своей матери, а не отца. Я знаю сына одного промышленника, который ни за какие деньги не согласился заниматься делом своего отца. Наследовав идеализм своей матери (которая разошлась с его отцом и вышла замуж во второй раз), он решил стать солдатом, да и парашютистом в придачу.

241

27 июня 1942 г., за ужином

Доказательства Дегреля¹. — Изумительное поведение фламандцев. — Три фазы «судьбы Бельгии и Голландии». — Римские дороги и виадуки. — Наша дорожная сеть на Востоке. — Тобрук: счастливое предзнаменование. — Черчилль и Рузвельт совещаются. — Британия в западне

Пресс-секретарь рейха д-р Дитрих обратил внимание фюрера на жалобу Дегреля, лидера роялистов Бельгии (в настоящее время воюющего легионером на Восточном фронте) в связи с тем, что при недав-

¹ Дегрель Леон (1906—1994) — бельгийский политический деятель, лидер партии «Рех».

нем обмене военнопленными не был обменян ни один из бельгийских монархистов. Как утверждает Дегрель, бельгийские члены комитета по обмену военнопленными — закоренелые реакционеры, которые упорно игнорируют существование монархистов. Фюрер на это ответил следующим образом:

Я приказываю, чтобы были немедленно приняты меры, наделяющие Дегреля правом решающего голоса при отборе бельгийских военнопленных для освобождения. Само собой разумеется, что те, кто рискуют своими жизнями ради завтрашней Европы, должны иметь первостепенное право на симпатии в Германии. Позвольте мне добавить, что мы действовали чересчур мягко по отношению к бельгийским реакционерам. Было ошибкой не взять короля Леопольда¹ в плен, потому что за него ходатайствовали его итальянские друзья, которые уговаривали позволить ему жить в Бельгии. Поскольку этот бельгийский король не является интеллектуальным светилом, у него есть неограниченные возможности плести интриги и быть центром привлечения всех реакционеров.

В качестве противовеса этим реакционным элементам мы имеем великолепное поведение фламандцев на Восточном фронте. Фламандцы на самом деле проявили себя на Восточном фронте более прогерманцами и более беспощадными, чем голландские легионеры. Определенно это происходит от факта, что фламандцев столетиями притесняли валлоны. Отсутствие гармонии между фламандцами и валлонами не ускользнуло от внимания дуче. Когда он говорил о Европе будущего, он обычно объединял фламандцев и голландцев, с одной стороны, и валлонов и французов — с другой.

Что касается статуса валлонов, я склонен считать, что дуче не совсем прав в своей оценке проблемы Северо-Западной Европы. Решение, которым он соблазнительно машет перед глазами незначительного меньшинства валлонов, вряд ли применимо в рамках Великого Германского рейха. Поэтому мне приятно, что ни в Голландии, ни в Бельгии не существует никакого правительства, с которым нам бы требовалось вести переговоры. Это позволит нам навязать то, что мы сочтем политически разумным и очевидно полезным. Я предлагаю решение проблем этих маленьких государств посредством коротких и решительных деклараций.

Начало каждой цивилизации находит свое выражение в состоянии строительства дорог. Под началом Цезаря и в течение первых двух столетий германской эры именно с помощью новых дорог и путей римляне отвоевали земли у болот и прокладывали пути в лесах Германии. Следуя их примеру, нашей первой задачей в России будет строительство дорог. Начать со строительства

¹ Леопольд III (1901—1983) — король Бельгии (1934—1951).

железных дорог означало бы поставить телегу впереди лошади. По моему мнению, потребуется построить не менее семисот пятидесяти до одной тысячи миль главных артерий, притом только для военных целей. Потому что пока у нас не будет отличных дорог, мы не сможем прочесывать обширные российские пространства или сделать их безопасными навсегда. Та рабочая сила в России, которая не требуется для сельскохозяйственных работ или военной индустрии, должна быть брошена на строительство дорог.

Когда начнем выбирать места для новых поселков в России, не стоит ограничиваться чисто военной целесообразностью, а надо выбирать так, чтобы нарушить однообразие этих огромных, открытых дорог.

Захват Тобрука — победа, такая же великая, как и немыслимая, и в этот момент она пришла как настоящий подарок фортуны для немецкого народа. Как вступление Япсчии в войну обрушилось на нас в критический момент боев на Востоке, так и победа Роммеля над британским Африканским экспедиционным корпусом взорвалась посреди испанских интриг. Чтобы дать некоторое представление об этих интригах, позвольте просто сказать вам, что испанский министр иностранных дел Суньер только что разрешил себе, если вам это нравится, получить почести от папы в виде подарочных четок.

То, что переговоры между Черчиллем и Рузвельтом идут целых восемь дней, надо приписать, однако, лишь тому факту, что Роммель решительно разбил вдребезги британские позиции на Средиземноморье. Когда два человека мыслят в согласии, решения принимаются быстро. Мои собственные беседы с дуче никогда не длились более полутора часов, а остальное время посвящалось различного рода церемониям. Единственный раз, когда наши переговоры длились около двух дней, — это когда плохо шли дела в Албании, и я пытался восстановить дух дуче. Поэтому легко путем сравнения представить, насколько великими должны представляться трудности союзникам. Кроме этого, чтобы впрячь в одну повозку коалицию, состоящую из Великобритании, Соединенных Штатов, России и Китая, потребуется чуть ли не чудо. Если, предположим, Литвинова постоянно приглашают посещать переговоры между Черчиллем и Рузвельтом, то, очевидно, потому, что Россия держит в руках самую сильную козырную карту против Британии в плане Индии. Теперь, когда Британия утратила Дальний Восток, для нее нет более серьезной опасности, чем то, что Россия в случае ухудшения отношений между этими странами может вознамериться найти компенсацию своим потерям в Европе за счет Индии. Думаю, очень может быть так, и из-за этого варианта с Индией Россия стремится избежать любой ценой состояния войны с Японией. Нас это не должно беспокоить,

потому что сам факт, что между Россией и Японией существует состояние невмешательства, укрепляет наши позиции по отношению к Индии в игре, которую мы ведем против Британии.

На данный момент наиболее интересная проблема — что же Британия собирается предпринять сейчас? Она уже выставила себя на посмешище всему миру, объявив войну, будучи совершенно не вооружена для этого, и теперь вряд ли она способна совершить какое-либо чудо в этом смысле. В настоящий момент британцы пытаются выкрутиться из своих проблем, распространяя самые разные и противоречивые слухи. Выяснить, что она намеревается делать на самом деле, — задача Вильгельмштрассе. Лучше всего это можно сделать через легкий флирт с дочерью Черчилля. Но наш МИД и особенно его обладающие хорошими манерами дипломаты считают использование таких методов ниже своих достоинств, и они не готовы пойти на такую приятную жертву, даже если успех может спасти бесчисленные жизни германских офицеров и солдат!

242

29 июня 1942 г., полдень

Белград и Дунай. — Дунай — немецкая река. — Задачи на будущее. — Бисмарк, Хольштейн и Людвиг Баварский

Мои венские соотечественники непрестанно задают мне вопрос: неужели мы опять оставим Белград? «Теперь, когда мы его взяли в третий раз, — говорят они, — мы должны удержать его».

Венцы правы в своем мнении, по крайней мере, в том, что надо проявлять максимальную осторожность, определяя границы в этом углу. Одно должно быть несомненно — ни при каких обстоятельствах мы не откажемся от своих претензий к так называемым Железным воротам.

Дунай — это река, текущая глубоко в сердце континента, и по этой причине в новой Европе, скроенной нами, должна считаться германской рекой и контролироваться Германией. Организация всего движения Восток—Запад на этой огромной территории зависит от того, является Дунай германской рекой или нет. Любое строительство каналов будет излишним, даже глупым, если у нас не будет неограниченного контроля над этим главным каналом.

Разбираясь с проблемами Дуная, нашему поколению следует помнить, что не все возникавшие правовые вопросы успешно разрешались в мирных договорах. Всякий ответственный государственный деятель должен, в самом деле, обязан оставить своему преемнику целый ящик стола, полный каких-то расплывчатых претензий,

чтобы тот был в состоянии, если возникнет на то нужда, вытащить на свет божий эти «священные» права в качестве предлога для любого конфликта, который покажется необходимым.

Гиммлер заметил, что «старый Фриц»¹ основывал свою Силезскую кампанию² на праве наследства, которое было никак не обосновано, и что Людовик XIV вновь и вновь в поддержку своей политики прибегал к юридическим титулам, не важно, каким образом полученным. Гитлер продолжал:

Глава государства не может лучше доказать свою мудрость, чем оставив своему преемнику претензии подобного рода в отношении любого региона, в котором по-человечески можно предусмотреть, что как-то будут затронуты национальные интересы. Если монахи Атоса, на тему морали которых у меня нет желания распространяться, пожелают назвать меня преемником Византийской империи, то их документ следует сохранить самым аккуратнейшим образом!

Не хочу, чтобы архивы такого рода находились в министерстве иностранных дел, где они, вполне возможно, потеряются и забудутся. Их надо хранить в канцелярии как личные бумаги канцлера и доступные в любое время для изучения его преемниками.

Эти мои размышления были порождены собственным опытом на трудном отрезке истории, к которому мне пришлось приложить руку. Поколения, которые последуют за нами, без всякого сомнения, согласятся без комментариев с объединением Европы, которое мы скоро завершим, точно так же, как большинство наших современников рассматривает основание империи Бисмарка как заурядный исторический факт. Огромный труд, который потребовался для того, чтобы сплотить воедино Северную, Западную, Центральную и Восточную Европу, будет быстро позабыт; и вот почему лишь тогда по-настоящему ценишь те детали, которые я только что описал, когда возникает срочная нужда в их использовании.

Есть один пункт, который я должен подчеркнуть в связи с этим (и я не могу подчеркивать слишком часто или слишком сильно): сплочения Европы было возможно достичь не усилиями ряда государственных деятелей, преданных делу объединения, а лишь СИЛОЙ ОРУЖИЯ.

Сплочение Баварии, Вюртемберга, Бадена и т. д. с Пруссией в Германский рейх Бисмарка было выполнено не благодаря возвышенно мыслящим государям, а благодаря мощи прусской винтовки шпилечного воспламенения.

Только подумать о средствах, которые графу Хольштейну пришлось применить, чтобы уговорить короля Людвига Баварского написать то знаменитое письмо Бисмарку, в котором он заявлял,

¹ Фридрих Великий.

² Имеются в виду Силезские войны (1740—1942 и 1744—1945).

что король Пруссии вновь возьмет на себя титул и сан императора, и которое представляло собой последнее звено в цепи дипломатических переговоров! Король Людвиг устраивал самые детские трюки, чтобы только не подписывать это письмо; он даже дошел до того, что слег в постель под предлогом зубной боли! И какая удача, что Хольштейн не оказался одним из этих жалких созданий, которые уважительно падают ниц при виде закрытой королевской двери, а в решающий момент решительно пошел к ней и открыл ее!

243

30 июня 1942 г., за ужином

Война как средство вдохновения в искусстве. — Защита мазилок [плохих художников. — Лер.] — Реформа Академии искусств. — Германский музей искусств

Эта война стимулирует художественное чувство более, чем прошлая война.

Произведения художников, которых я отозвал с фронта после одного-двух лет участия в боевых действиях, носят отпечаток личного опыта и находятся среди самых ценных образцов современного искусства, которое могут показать наши выставки.

Эти военные картины, безусловно, говорят, что художник созрел на своем собственном жизненном опыте, а не путем изучения искусства в какой-нибудь академии художеств. У большинства академических профессоров отсутствуют как способность проникновения в суть, так и мудрость, необходимые для того, чтобы вывести талант в число передовых. Припомните, если вы не против, как Прусская академия отказалась принять прекрасные морские пейзажи фон Бока, хотя по своему охвату только они из современных картин дают истинное представление о северных морях. Та же самая Прусская академия, отвергшая эти картины, однако, не постыдилась украсить свои стены абсолютной мазней. Даже на моей выставке в Доме германского искусства они постоянно пытались отвоевать местечко для мазни своих протеже. Но когда дело доходит до необходимости выбросить эти сиропы вон, я в таких случаях исключительно упрям! Мои взгляды на ценность этих академий хорошо известны. И в нынешних условиях трудно понять, как некий талант, который в практической жизни не способен нарисовать настоящую картину, может попасть в эти художественные школы, которые ныне создаются.

Альтернатива для отбора преподавателей для художественных академий сегодняшнего типа весьма проста. Либо учителями берут

способных художников, тем самым теряя их для творческого искусства, либо заполняют академии ничтожностями и оставляют молодую художественную мысль ни с чем, с чего она могла бы брать пример.

Думая над этой проблемой, задаешься первым и самым главным вопросом: разве не в высших интересах художественного творчества, чтобы все мазилки («штукатуры») были собраны в академиях! Если бы, например, в академии вроде Академии киноискусства у нас был не только господин Вайдман, но также по-настоящему великие кинопродюсеры, не упало бы резко качество нашего кинотворчества?

Для современных академий характерно то, что они неизменно пытаются задушить гения. Не успевает настоящий гений появиться в кругу этих очень посредственных «шишек», как у них от гнева на него все оперение встает дыбом.

Если мы хотим сделать путь для зарождающегося гения в академиях менее тернистым и обеспечить его практическими средствами на жизнь, независимо от академий, тогда надо радикально изменить всю структуру академического мира. Его надо расколоть на ряд отдельных студий, по образу государственных студий. Потом надо обратиться к имеющимся величайшим художникам и спросить их, хотели бы они добровольно возглавить одну из этих студий. Те, кто согласится, получают полную свободу действий, будут сами отбирать себе учеников, кого сочтут подходящими для дальнейшего обучения.

Если мы организуем академии на такой манер, тогда вся ерунда, вздор, показуха и тарабарщина и все это жонглирование с математическими формулами — чушь, которую породили, вероятно, чьи-то воробьиные мозги, — прекратится. А великой задачей академии станет, во-первых и в-последних, учить учеников рисованию.

Я всегда раздражаюсь, когда думаю, как в преподавательских училищах головы будущих школьных учителей набивают какой-то премудростью, когда все, что они призваны делать потом, это учить детей элементарным знаниям. Какие особые знания требуются, ради бога, чтобы научить шестилетних малышей правильно произносить А, Б и В!

Также смешно пытаться напичкать детей в школе всем возможным. Если спросить их через два-три года после окончания школы, то увидите, что они практически все позабыли. Школьное расписание должно составляться с упором на преподавание детям тех вещей, которые помогут им в последующей жизни занять свои места достойных граждан. И как можно больше держать детей на открытом воздухе! Вот тогда у нас будет здоровое подрастающее поколение, способное вынести тяжелую жизнь, не падая на спину.

1 июля 1942 г., полдень

Общая ответственность семьи за каждого отдельного ее члена. — Япония показывает пример. — Предательство Штаремберга¹. — Еврейскую кровь долой. — Смесь с цветными расами. — Рузвельт — архиеврей. — Падение британского господства в Египте. — Последствия для человека с улицы. — Турция и падение Севастополя. — Два знаменитых посла. — Искусная японская дипломатия. — Ошибки Франсуа-Понсе

Генерал Боденшац проинформировал фюрера о том, что брат князя Штаремберга служит в германской военной авиации. Другой брат, добавил он, воевавший в армии, по приказу фюрера был уволен в связи с его прошлым. Люфтваффе не решалось последовать этому прецеденту, созданному без дальнейшей ссылки на фюрера, так как Штаремберг, служивший в авиации, вел себя благородно и заслужил великолепные отзывы. Фюрер ответил следующим образом:

Семьи, оказывающие значительное политическое влияние, несут также и общую семейную политическую ответственность. Если какой-то член семьи злоупотребит семейным влиянием, то совершенно логично, что вся семья должна отвечать за последствия. И семья, прежде всего, свободна в решении отмежеваться от черной овцы в своем стаде.

В Японии принцип общей семейной ответственности укоренился настолько глубоко, что всякая семья, имеющая влияние либо в армии, либо в политике, считает своим долгом не позволить любому своему члену заниматься тем, что противоречит национальным интересам. Если ее усилия не приносят результата и члены понимают, что национальная репутация семьи опозорена, тогда все мужчины — члены семьи совершают харакири, чтобы снять позор с чести семьи.

И вот этот принцип общей ответственности должен быть применен в случае братьев предателя Штаремберга, потому что семья князя Штаремберга веками была одной из влиятельнейших семей в Австрии, а поэтому должна полностью осознавать свой долг перед германским сообществом, даже во времена Веймарской республики. Но не будем раздражаться по поводу Штаремберга; давайте лучше порадуемся по случаю падения Севастополя.

Фрайхер фон Либиг всегда считался пылким националистом, и как такового мне его представили. Однако, когда я встретил его, меня оттолкнула его неоспоримо еврейская внешность. Тем не ме-

¹ Штаремберг Эрнст (1899—1956) — австрийский политический деятель, сторонник нацизма. Незадолго до аншлюса выступил за независимость Австрии. В 1939—1940 гг. служил в ВВС Франции, в 1940—1942 гг. сражался в рядах союзников. Жил в Южной Америке (1942—1955).

нее, меня неоднократно заверяли, что в его семейном древе Фрайхеров, уходящем очень далеко в глубь времен, не было и мизерной частицы неарийской наследственности. И вот по чистой случайности мы выяснили, что один из предков Фрайхера, родившийся в 1616 г. во Франкфурте-на-Майне, был настоящим стопроцентным евреем! И вот, хотя более трехсот лет отделяет нынешнего Фрайхера от его еврейского предка и хотя кроме него все остальные были чистыми арийцами, он, тем не менее, имеет все безошибочные расовые признаки еврея.

Это подтверждает мнение, которое я уже выражал, говоря об англичанах, Криппсе, что все полукровные семьи — даже если в их венах есть мизерное количество еврейской крови — регулярно производят поколение за поколением, как минимум, одного чистого еврея. Рузвельт представляет самое лучшее доказательство истинности этого утверждения.

Рузвельт, который и в ведении политических дел, и в своем общем поведении показывает себя неискренним, мелочным евреем, сам недавно хвастался, что в его венах течет «благородная» еврейская кровь. Совершенно негроидная внешность его жены — также явное указание, что она тоже полукровка.

Такие примеры должны открыть глаза всем здравомыслящим людям и стать предупреждением угрозы, какую могут нести полукровки. Совершенная ассимиляция чуждой крови невозможна, и черты чуждой расы неизбежно продолжают проявляться.

Поэтому наш народ только наносит себе вред, принимая в вермахт полукровок и тем самым ставя их в равную с чистокровными немцами позицию. Мы не можем взять на себя ответственность отягощения нашей крови чужеродными элементами. Посему исключения в пользу полукровок должны быть сведены до минимума.

Вернейшим признаком крушения британского господства в Египте является данная британским министерством информации в печать инструкция преуменьшить важность Александрии для Британской империи¹; дело в том, что британская пресса настолько хорошо информирована и тщательно скоординирована, что лишь когда, по мнению правительства, уже нельзя удержать какой-то доминион или иную часть империи, тогда начинаются подобные трюки для привлечения внимания общественности к какой-то другой части Содружества.

В случае с Египтом история в печати должна звучать убедительно, потому что если потеря Гонконга и Сингапура ударила лишь по зажиточным классам, то Египет для человека с улицы представляет одну из самых важных опор британского процветания. Поэтому

¹ Тобрук, взятый войсками фельдмаршала Роммеля, находится в 100 км от Александрии.

для Черчилля и его сторонников потеря неизбежно должна породить страх существенного усиления народной оппозиции.

Не стоит упускать из виду тот факт, что сегодня есть уже двадцать один член парламента, открыто противостоящий Черчиллю; и даже хотя и дисциплина системы голосования призывает их молчать, тем не менее, не такими методами Черчилль удержится в своем кресле. Только если ему удастся искусно манипулировать общественным мнением, отвлекая внимание от Египта, скажем, на Индию, тогда он сможет устоять против громадной оппозиции с каким-то шансом на успех.

Фюрер заявил, что Герере, турецкий посол в Берлине, был отозван в Анкару для консультации с министром иностранных дел¹. В связи с этим фюрер продолжил:

Падение Севастополя вызвало величайшее ликование в Анкаре, и во время этого веселья сорвалась с цепи ненависть турок к русским. У нас не будет повода для жалоб, если Герере в итоге будет назначен министром иностранных дел. Он, вообще-то, не такой военный дипломат, как Осима, но это человек, абсолютно убежденный, что Германия и Турция должны идти вперед рука об руку.

Без сомнения, Герере и Осима — два самых достойных на данный момент дипломата в Берлине. Осима более уверен в себе, потому что за своей спиной он имеет вооруженные силы Японии, у которых есть и знания, и сила, чтобы контролировать политическую ситуацию с максимальной для страны выгодой. У Герере такой сильной поддержки нет; турецкие вооруженные силы в политике не участвуют, а поэтому он обязан продвигать интересы своей страны скорее с нежностью фальги, чем с мощью сабли.

Если министром иностранных дел будет назначен Герере, проблема Ближнего Востока, с нашей точки зрения, обретет совершенно иной аспект. Другой основной игрок в этой части света, великий муфтий, там, где речь идет о политике, также скорее реалист, чем мечтатель. Своими светлыми волосами и голубыми глазами он создает впечатление, что, невзирая на его острое, чем-то похожее на мышинное лицо, у него в роду был не один ариец и что он вполне может оказаться потомком одной из лучших римских семей. В разговоре с ним видно, что он, старая лиса, значительно превосходит остальных в хитрости. Чтобы выиграть время на размышления, он нередко заставляет сделать для него перевод вначале на французский, потом — на арабский. А иногда в своей осторожности он доходит до того, что просит, чтобы некоторые вопросы фиксировались прямо на бумаге. Когда он говорит, то взвешивает каждое слово. Совершенно исключительная мудрость этого человека ставит его чуть ли не на один уровень с японцами.

¹ Герере 13 июля получил последнюю аудиенцию у Гитлера перед отъездом из Берлина.

А какие хитроумные дипломаты японцы, видно на одном маленьком эпизоде, в ходе которого я сам, должен признаться, чуть не попал в ловушку. Кто-то когда-то выдвинул теорию о том, что из-за своей излишней чувствительности к нарушению чувства равновесия японцы никогда не станут первоклассными летчиками. Когда важные государственные деятели Японии обнаружили, что ерунду проглотили целиком легковверные генеральные штабы ряда стран, они стали делать все возможное, чтоб укрепить их в этом мнении. А под прикрытием этого камуфляжа приступили к созданию военной авиации, чьи успехи поразили весь мир.

Если представители какой-нибудь иностранной державы приходили к заключению, ложному по своей сути, но в наших интересах было, чтобы оно считалось верным, я сам часто применял принцип — «пусть так и будет».

Когда после прихода к власти я приступил к нашей программе перевооружений, мне пришлось считаться с вероятностью контрмер со стороны Запада. В этой весьма рискованной ситуации мне здорово помогли распускавшиеся слухи о разногласиях между СС и рейхсвером. Французский посол Франсуа-Понсе с жадностью поглощал эти слухи, и чем больше мы их ему скармливали, тем более впечатляюще докладывал он в Париж, что любое военное вмешательство Франции было бы весьма неуместным, потому что напряженность между СС и рейхсвером, несомненно, разовьется в свое время в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Точно так же путч Рема преподносился в отчетах Франсуа-Понсе как разрушительный и смертоносный, разбивающий немецкие головы на священный манер Средневековья, что позволит Франции таскать каштаны из огня тогда, когда ей это возжелается. Так что путч Рема оказал нам огромную помощь, достаточно надолго отложив принятие каких-либо военных мер либо Францией, либо Британией, не мешая нашему прогрессу в перевооружении, после чего какое-либо вмешательство этих держав стало невозможным.

245

2 июля 1942 г., за ужином

Тирольцы в Крыму. — Борьба между государством и церковью. — Жанна д'Арк, ведьма. — Патриотизм и династические интересы

Я только что прочел доклад гаулейтера Фрауенфельда¹ о Южном Тироле. В нем он предлагает провести массовое переселение южнотирольцев в Крым, и мне эта идея представляется отличной.

¹ Ф р а у е н ф е л ь д Альфред (1898—1972) — сотрудник министерства Восточных территорий, генеральный комиссар Крыма (1943—1944).

Мало есть таких мест на земле, в которых раса могла бы лучше сохранять веками свою целостность, как в Крыму. Татары и готы — живое доказательство этих слов. Я также считаю, что Крым будет и климатически, и географически идеален для южных тирольцев, а в сравнении с их нынешними местами проживания это будет вообще настоящий край молока и меда.

Их переселение в Крым не составит ни физических, ни психологических трудностей. Все, что им надо сделать, это поплыть вниз по германской водной магистрали, Дунаю, и они будут на месте.

Потом фюрер обратился к Борману по поводу некоторых книг, которые последний давал ему почитать. Фюрер сказал следующее:

Пассажи, отмеченные вами, меня в самом деле заинтересовали. Было бы действительно ценнее всего, если бы эти книги оказались в распоряжении каждого немца, а конкретно у руководителей, таких, как генералы и адмиралы. Потому что они показывают, что я, вовсе не отличаясь только тем, что несу еретические идеи, но и, напротив, нахожусь в великолепной компании многих из лучших немцев.

Когда читаешь книгу, посвященную государству и церкви, неприятно видеть, как часто правительства с излишней готовностью приносят истинные интересы народа в жертву какой-то идеологии или клике со своекорыстными интересами. Только этим можно объяснить судьбу такой великой героини за дело свободы, как Жанна д'Арк (которую, кстати, Шоу изобразил более точно, чем Шиллер), которая была предана, заметьте, по-настоящему влиятельными французскими кругами того времени и была похоронена как ведьма.

Позиция, которую в таких случаях занимают судебные органы, восхитительно обобщена Эрнстом Хауггом в его диссертации «Германский национальный гимн». В ней он показывает, как германские суды, находясь в плену мелочных интересов своих собственных мелких государств и будучи слепы к жизненным интересам германской нации в целом, имели наглость заклеить как «непатриотичные» песни свободы, написанные великим немцем — Гофманом фон Фаллерслебеном¹.

Имея на руках такие факты, следует считать высочайшим достижением то, что монархия Габсбургов твердо поддерживала пангерманский идеал даже в тот период, когда Германия была расколота на ряд мелких государств и разорвана на части конфликтующими династическими проблемами.

¹ Фаллерслебен Гофман фон (1789—1874) — немецкий поэт, автор «Песни о Германии» (1841), ставшей после Франко-прусской войны государственным гимном.

2 июля 1942 г., после ужина

Британская пресса раздает свои приказы. — Час освобождения Египта

Д-р Дитрих представил доклад, который показывал, что британское правительство, фактически, издало для британской прессы инструкции в точном соответствии с тем, что предсказывал фюрер день назад за обедом. Была избрана следующая линия: поскольку потеря Индии повлечет неизбежный распад империи, оставление Египта увеличит трудности скорее германского Верховного командования, нежели британского. Подчеркивалось, что уничтожение гаваней и дорог в совокупности с минированием Суэцкого канала так осложнит жизненно важные линии коммуникаций и снабжения, что Египет вполне может стать смертельной ловушкой для германского Африканского корпуса. Фюрер заметил следующее:

Я определенно не ожидал, что Британия спишет Египет с такой стремительностью! Сейчас очень важно, чтобы наша собственная пропагандистская машина была быстро приведена в действие и протрубила на весь мир со все нарастающей резкостью, что наконец-то забрезжил день свободы для Египта. Если умело обращаться с этим лозунгом, его эффект на другие страны, находящиеся под британским владычеством, особенно на Ближнем Востоке, будет огромен.

Также колоссально важно попросить короля Египта как можно быстрее уйти из-под британской «защиты», укрыться где-нибудь и дожидаться, когда мы торжественно пригласим его вернуться и восстановим для него трон. Задачей МИДа является намекнуть королю, чтоб он придерживался этого курса.

3 июля 1942 г., за ужином

Перевозки судами и самолетами. — Будущее принадлежит авиации

Когда фюрер подошел к столу, капитан (авиации) Баур и адмирал Кранке¹ вели дискуссию об относительных выгодах при воздушных и морских перевозках. Фюрер заявил:

¹ К р а н к е Теодор (1893—1973) — адмирал, представитель командующего ВМФ (Э. Редер) в ставке Гитлера.

В авиации уже обеспечен рост скоростей, и, по моему мнению, рост прибылей в авиации может быть достигнут только через внедрение дизельного двигателя.

Баур заметил, что пассажирский самолет требует загрузки от шестидесяти до ста пассажиров. Фюрер продолжал:

Вам не стоит об этом волноваться. В очень короткий срок у нас будут самолеты достаточно большие, чтобы в них можно было оборудовать даже ваннные комнаты.

Адмирал Кранке сказал, что, несмотря на все эти ожидающиеся прогрессивные сдвиги в авиации, морским перевозкам нечего опасаться конкуренции со стороны авиации. «Я не могу поверить, — сказал он, — что когда-нибудь будет возможно построить такой самолет, который смог бы заменить грузовой корабль при перевозках угля, леса, железной руды и т. д.». На это Баур возразил: «Не обязательно! И так уже железные дороги оставили на долю кораблей перевозку черепицы». Фюрер подвел итог:

Надо смотреть на эти вещи в свете всеобщего прогресса. Птица на одну ступень выше летающей рыбы, которая сама на ступеньку выше обычной рыбы; точно так же самолет — это прогресс по отношению к кораблю, — будущее принадлежит авиации.

248

4 июля 1942 г., за ужином

Германское посольство в Ватикане. — Интерпретация конкордата. — Мои отношения с папским нунцием. — Американцы не позволяют церкви шутить с собой. — Миллиард в год в карманы попов! — С конкордатом пора покончить. — Ошибочные маневры Вильгельмштрассе. — Я отказываюсь от открытой войны с церковью. — Свести счеты с епископом фон Галеном. — Скоро епископы будут лебезить перед государством

Если мы решим отозвать нашего нынешнего представителя из Ватикана, я не вижу достойной причины для посылки любого нового священника в это посольство. Отношения между Германией и Ватиканом базируются на конкордате. Но тот же самый конкордат — не более чем пережиток от соглашений, достигнутых между Ватиканом и различными германскими государствами, а с исчезновением последних и их слиянием в Германский рейх он стал просто не нужен. Да, в его основе лежат эти различные соглашения, но он скорее подтверждение прошлых соглашений, чем действующее нынешнее соглашение. Поэтому я придерживаюсь

продуманного мнения, что юридические последствия исчезновения суверенитета отдельных германских государств и их объединение под суверенитетом рейха делают продолжение дипломатических отношений с Ватиканом излишним.

По причинам, связанным с войной, я пока воздерживаюсь от перевода этой концепции в факт. Однако точно так же я воздерживался от ответа на попытки Ватикана расширить положения конкордата так, чтобы охватить недавно обретенные территории рейха. Саар, Судеты, Богемия и Моравия, рейхсгау Данциг—Восточная Пруссия, Вартегау, большая часть Силезии и Эльзаса—Лотарингии фактически не имеют отношений с Римской католической церковью, которые поддерживались бы формальным международным соглашением. Поэтому на этих территориях церковные проблемы должны решаться местными силами.

Если папский нунций попытается вдруг добиться аудиенции в МИДе и попробует через этот канал получить какой-то вес в ведении религиозных дел на новых территориях, его заигрывания следует отвергать. Ему надо четко заявить, что в отсутствие какого-либо конкретного конкордата урегулирование дел церкви на этих территориях ведется исключительно между соответствующим представителем государства — т. е. рейхсштатгальтером — и главой местного церковного органа.

Конечно, я предпочел бы, чтобы министр Ламмерс передал эту информацию папскому нунцию. К сожалению, Вильгельмштрассе при всей ее обычной жадности к областям новой власти позволила папскому легату обмануть себя. Что ж, мне будет интересно посмотреть, как эти джентльмены выпутаются из этого клубка!

Правила, предполагаемые для охвата всего рейха, только затруднят выяснение отношений между государством и церковью, к чему мы сейчас стремимся, потому что католическая церковь всегда стремится получить выгоду там, где мы слабее, требуя применения ко всему рейху тех из различных конкордатов, которые наиболее близки их желаниям.

Поэтому, что касается будущих отношений между государством и церковью, для нас весьма удовлетворительно то, что около половины переговоров в рейхе сейчас могут вести соответствующие рейхсштатгальтеры, не стесненные условностями центрального конкордата. А это означает, что в каждом районе гаулейтер может согласно степени эмансипации, полученной населением его гау, вести народ вперед шаг за шагом в том направлении, в котором нам нужно.

Хотя, вообще-то, я не выступаю в суде в защиту американцев, в этом отношении я должен снять перед ними шляпу. Американские государственные деятели, распространяя на церковь те же правила, которыми руководствуются все другие ассоциации, ограничили

поле ее деятельности до разумных пределов; и, поскольку государство не дает церкви из своих фондов ни единого цента, все духовенство раболепствует и поет гимны во славу правительства. И это неудивительно! Пастор, как и всякий другой человек, должен жить; на церковные пожертвования здорово не разживешься, и поэтому он так или иначе зависит от милосердия государства. Так как у него нет юридических прав что-либо требовать от государства, он из всех сил старается, чтобы его поведение хорошо выглядело в глазах государства и посему заслуживало того, чтоб ему достались крохи со стола.

Как только мы перестанем выдавать церкви миллиард марок в год, наши проклятые попы очень быстро сменят свою песню и вместо того, чтобы нагло поносить нас и нападать в самой что ни на есть позорной манере, они очень скоро станут есть из наших рук. Мы совершенно легко заставим эту поповскую банду идти туда, куда надо нам, — и это обойдется куда дешевле, чем сейчас. Церковные взносы должны даваться только отдельным избранным священникам. Если дадим какому-нибудь епископу — для него и его подчиненных — примерно миллион, он первые триста тысяч положит себе в карман для своих нужд, — а иначе он не настоящий поп! Раздел тощего остатка между священниками всей его епархии вызовет симпатичный маленький скандал среди всего этого выводка, — а мы будем хохотать до упаду!

Однако в одном отношении нам надо оставаться абсолютно жесткими. Любые мольбы с просьбой вмешаться государством должны отвергаться немедленно. Оправдание для такого отказа очевидно. Церковь показывает сама и хорошо знает, что никакая светская натура не в состоянии так хорошо разобраться в церковных проблемах, как сама церковь. Как можно ожидать, что какой-нибудь несчастный высокомерный правительственный чиновник вроде меня, на которого не снизошел свет, сможет найти решение такой важной и сложной проблемы!

Договоренность о том, как должны распределяться эти фонды, как и другие соглашения, надо предоставить решать рейхсштатгальтеру. Не думаю, что нам придется опасаться, что они войдут в сговор между собой, направленный против государства или его интересов. Прежде всего гаулейтеры находятся под нашим твердым контролем, а во-вторых, большинство рейхсштатгальтеров в этих делах много строже, чем я сам.

Как только кончится война, мы быстро положим конец этому конкордату. Мне доставит огромное личное удовольствие перечислить церкви все те случаи, в которых она нарушала его условия. Достаточно только припомнить тесное сотрудничество между церковью и убийцами Гейдриха. Католические священники не только позволили им спрятаться в церкви на окраине Праги, но даже разрешили им окопаться в святилище алтаря.

Развитие отношений между государством и церковью представляет очень поучительный пример того, как беспечность одного государственного деятеля может дать последствия, сказывающиеся веками. Когда Шарлемань встал на колени в молитве в соборе Святого Петра в Риме на Рождество 800 г., папа, не дав ему времени поразмыслить над возможными последствиями такого символического действия, вдруг наклонился и presto! нахлобучил ему на голову золотую корону! Допустив это, император отдал себя и своих преемников в руки власти, которая подвергала германское правительство и германский народ пяти векам жертв.

Сегодня, как всегда, можно найти безответственных людей, которые достаточно беспечны, чтоб позволить надевать на свою голову золотую корону, и невозможно преувеличить огромные последствия такого действия, тогда казавшегося таким пустячным, которые оно может породить.

Во многом того же класса и такой же глупости идея Вильгельмштрассе, где полагают, что на каждую ноту Ватикана надо отвечать. Сам факт ответа равносителен признанию права Ватикана вмешиваться в германские внутренние дела (если бы только в церковные) и поддерживать с нами официальную переписку.

Не только история прошлого, но и нынешние времена дают бесчисленные примеры того, как прожженные дипломаты оказываются на службе католической церкви, и того, как надо быть крайне осторожным, имея дела с ней.

Сразу по своем приезде в Вену я услышал жуткий свист и приветствия под своим окном, и мне сказали, что это в адрес кардинала архиепископа Иннитцера¹, который подъезжает ко мне с визитом. Я ожидал встретить какого-нибудь жалкого маленького попа с потупленным взором и обремененного тяжестью своих грехов. Вместо этого появился мужчина, обратившийся ко мне с самоуверенностью и хладнокровием на лице, как будто за весь период существования Австрийской республики он никогда ни разу не коснулся волоска на голове хотя бы одного национал-социалиста! Позвольте добавить, однако, что, как только вступаешь в контакт с джентльменом такого типа, скоро начинаешь узнавать их с первого взгляда.

Папский нунций, на которого, как на дуайена дипломатического корпуса, падает обязанность представления поздравительных адресов на новогодней церемонии, раз за разом пытался воспользоваться этим случаем, чтобы повернуть разговор на тему о положении католиков в Германии. Но мне всегда удавалось уклониться от его атаки, задавая ему самым дружеским и настойчивым

¹ И н н и т ц е р Теодор — кардинал, архиепископ Австрии.

тоном вопросы о здоровье его святейшества, а когда с этой увлекательной темой покончено, я поспешно отворачивался, чтобы поприветствовать остальных членов дипломатического корпуса. Кроме этого приема, я принципиально отказывался встречаться с папским нунцием и навязывал его Ламмерсу. Таким образом, мне удалось отойти от всяких личных контактов с Ватиканом.

Однажды в годы нашей борьбы Розенберг прислал мне черновик редакционной статьи, которую он предлагал опубликовать в ответ на нападки католической церкви. Я запретил ему печатать ее и по-прежнему считаю, что это была огромная ошибка со стороны Розенберга, позволившего втянуть себя в полемику с церковью. Он абсолютно ничего от этого не выиграл; колеблющиеся католики сами по себе будут критически оценивать церковь, а от истинно верующего нельзя не только ожидать, что он объективно прислушается к его (Розенберга) «еретическим излияниям», но ему также следует понять, что оппозиционная пропаганда осудит его за вмешательство в вопросы веры и будет тыкать в него перстом как в человека, повинного в смертном грехе.

То, что я хранил на публике молчание в связи с делами церкви, ни в коей мере не ввело в заблуждение пронырливых лис католической церкви, и я совершенно уверен, что люди типа епископа фон Галена отлично знают, что после войны я потребую воздаяния до последнего фартинга. А если он тем временем не сумеет перевестись в Коллегиум Германикум в Риме, он может быть уверен, что, сводя наши счета, будут поставлены все точки над «i»!

Поведение епископа фон Галена дает всего лишь еще один аргумент в пользу прекращения после войны этого конкордата и замены его региональными правилами, а также немедленного прекращения финансовой поддержки церкви, которая на данный момент гарантирована этим договором.

Я уверен, моим рейхштатгальтерам доставит огромное удовольствие сообщить какому-нибудь епископу, который с государственной точки зрения уклонился от прямого пути, что рейхсгау, к несчастью и его личному глубокому сожалению, ввиду временного отсутствия средств вынуждено временно прекратить выплату взносов, как это до сих пор делалось время от времени!

Когда только конкордат и его финансовые обязательства будут отвергнуты, а церковь станет зависеть от пожертвований, она будет получать несчастные 3% от тех денег, которые она сейчас получает от государства, а все епископы будут пресмыкаться и кланчить у рейхштатгальтера.

Обязанностью рейхштатгальтера после войны будет лишь дать ясно понять, что он будет вести дела с церковью в том же ключе, что и со всеми другими национальными ассоциациями. И что он не потерпит какого-либо иностранного вмешательства. Тогда папский

нунций сможет благополучно возвратиться в Рим, мы избавимся от расходов на посольство при Ватикане, и единственно, кто будет проливать слезы из-за потери работы, это министерство иностранных дел!

249

4 июля 1942 г., за ужином

Двое, опередившие свое время. — Присвоение имен линкорам. — Более прочное сотрудничество с Чехословакией. — Кто не за меня, те против меня

Для меня очень удивительно, что люди вроде Ульриха фон Гуттена и Геца фон Берлихингена¹ смогли так далеко опередить свое время и быть такими прогрессивными в идеях, и также очень жаль, что в своей борьбе за спиной они не имели мощной и конкретной доктрины, которая дала бы им необходимый моральный натиск и упорство. Их абсолютно немецкий кругозор, однако, отводит им высокое место в уважении немецкого народа. По этой причине я предлагал назвать их именами линкоры и другие крупные боевые корабли, находящиеся в постройке.

Я отверг предложение назвать линкор своим именем, потому что, если такому кораблю не повезет, суверенные станут считать это неблагоприятным предзнаменованием для моей собственной деятельности. Представьте себе линкор, названный моим именем, который проводит в сухом доке шесть месяцев! Посмотрите, например, какой негативный эффект на моральное состояние русских произвело сообщение об уничтожении форта Сталин в Севастополе.

При крещении кораблей в государстве, основанном на конкретной политической философии, надо проявлять осторожность. Я имею в виду такие названия, как «Октябрьская революция», «Марат» и «Парижская коммуна» в советском военно-морском флоте. Поэтому я приказал переименовать линейный крейсер «Дойчланд»², так как потеря корабля под таким названием вызовет больший ужас, чем потеря любого другого корабля. По той же причине я не позволю, чтобы какие-либо имена, связанные с национал-социалистическим движением или философией, использовались для названий каких-либо кораблей. Вот, например, именем вроде Гец фон Берлихинген

¹ Гуттен Ульрих фон (1488—1523) — немецкий писатель, гуманист, политический деятель; Берлихинген Гец фон (1480—1526) — немецкий имперский рыцарь, участник Крестьянской войны 1524—1526 гг. Поддержал сначала повстанцев во главе с Томасом Мюнцером, а затем перешел на сторону правительственных войск. Автор мемуаров.

² «Дойчланд» — головной корабль серии. Переименован в «Лютцов».

можно назвать сколько угодно кораблей, потому что его популярность в народе так велика, что пусть будут тонуть сколько угодно кораблей под этим именем, крещение любого нового под таким же именем будет встречено с аплодисментами.

Фюрер заявил, что, согласно полученной телеграмме, власти Богемии и Моравии организовали гигантский массовый митинг чешского народа, на котором прозвучал призыв к всестороннему сотрудничеству с Великим Германским рейхом, на котором также было заявлено, что те, кто в будущем станет избегать такого сотрудничества, будут заклеены как предатели чешского народа. По этому поводу фюрер сделал следующие ремарки:

Эта акция зародилась во время моих переговоров с президентом Гахой в рейхсканцелярии по случаю мемориальной службы в честь обергруппенфюрера Гейдриха. Я сказал Гахе и членам чешского правительства, что мы больше не потерпим таких угрожающих актов в протекторате, наносящих ущерб интересам рейха, и что, если впредь случится что-либо подобное, мы без размышлений депортируем все чешское население. Я добавил также, что, поскольку мы уже осуществили миграцию нескольких миллионов немцев, такая акция не представит для нас трудности. И тут Гаха упал духом, как проколотый воздушный шарик, и его коллеги — тоже.

После паузы они задали мне вопрос, могут ли они — по крайней мере, частично и с должной осмотрительностью — обнаружить это заявление в своей стране. Поскольку я считал чехов трудолюбивыми и смысленными работниками и поскольку более всего волновался за политическую стабильность в их стране, особенно по причине нахождения там двух огромных и самых важных германских оборонных заводов, я согласился с их просьбой.

То, что правительство протектората выполнило свою задачу в только что описанном ключе, можно поставить в заслугу государственному министру Мейснеру. После совещания он совершил с чехами прогулку по саду канцелярии, во время которой в ответ на их встревоженные вопросы о массовой депортации чешского населения сумел убедить чехов, что я имел в виду как раз то, что сказал.

У чешских господ осталось столь мало сомнений, что они тотчас же решили принять мое требование за основу своей будущей политики, что все интриги Бенеша и всех пробенешевских личностей должны быть пресечены и что в будущей борьбе за выживание чешского народа не будет места нейтралам и всяким равнодушным.

Очевидно, и чешское правительство также ободрилось оттого, что может, наконец, дать чешскому народу логичные причины для действий против партии Бенеша. Гаха и его коллеги никогда не имели такой благоприятной платформы, над которой возвышал-

ся лозунг: «КТО НЕ ЗА МЕНЯ, ТОТ ПРОТИВ МЕНЯ», и тем самым могли избавиться от своих оппонентов.

В любом случае, когда они уезжали, у меня было твердое впечатление, что Гаха и его друзья вздохнули с облегчением, получив разрешение дать понять своему народу, каковы будут последствия такого враждебного интересам рейха поведения.

250

5 июля 1942 г., полдень

Экономность итальянцев. — Профессиональные безработные. — Морской ил и химические удобрения. — Амбиции Франко. — Глупость королей

Традиции бережливости у итальянцев юга совершенно экстраординарны. Наверняка миллион из них живет на фруктах, рыбе и т. п. и буквально еле-еле сводит концы с концами. Города в Южной Италии — по крайней мере, возле побережья — точно никогда не знали, что такое голод, потому что море снабжает их не только рыбой, но и всевозможными устрицами и еще бог знает чем, в количествах, удовлетворяющих потребности этого бережливого народа.

Однако подобная бережливость — не без потенциально опасных последствий. Большинство человеческих созданий имеют склонность к невмешательству, и они быстро утрачивают вкус к поиску, когда замечают, что могут и так жить совсем неплохо.

Десять—пятнадцать тысяч тунейдцев, бездельничавших в Германии на момент нашего прихода к власти, которые не проявили стремления приняться за регулярную работу, когда германская индустрия стала функционировать вновь, были отправлены в концентрационные лагеря. Потому что смешно пробовать обращаться нормальными методами с такого рода мерзостью. Страх оказаться в концентрационном лагере имел самый положительный эффект и значительно облегчил управление гигантской экономической деятельностью, которой требовала наша программа перевооружения.

То, что Германия преуспела в решении этой проблемы, как и во многих других, было достигнуто благодаря тому факту, что государство по нарастающей забирало в свои руки контроль. Только таким путем можно было победить частные интересы и довести до триумфа национальные интересы.

После войны точно так же мы не должны упускать из своих рук контроля над экономикой. Если мы это сделаем, тогда опять всевозможные частные интересы сконцентрируются на решении своих личных задач. Прибрежное население, например, со своей точки зрения, все еще рассматривает мелиорацию земель через строитель-

ство дамб как самую большую глупость; и действительно, освоение земель таким методом является чистейшим недомыслием, потому что нужная нам земля находится на востоке. С другой стороны, все еще важно вносить удобрения в землю, и тут интересы индустрии не должны мешать. Как только мы убедимся, что ил с морского дна из-за более высокого содержания водорода является лучшим удобрением, чем любой искусственный навоз, мы должны перевозить его поездами, не обращая внимания на протесты со стороны химической промышленности.

Поскольку большинство людей в душе эгоцентристы, никакое эффективное функционирование национальной экономики невозможно без государственного управления и контроля. Венецианская республика дает яркий пример того, насколько успешной может быть управляемая государством экономика. За пятьсот лет цена на хлеб ни разу не менялась, и только евреям с их хищническим лозунгом свободной торговли удалось разрушить эту стабильность.

Было высказано мнение, что сильные промонархические тенденции, проявившиеся недавно в Испании, могли быть отнесены на счет амбиций Франко заполучить, в случае восстановления монархии, небольшую корону и для себя самого. Фюрер с этим не согласился:

Я целиком не согласен. У Франко, я полагаю, достаточно ума, чтобы понять, что любой король — если он это выберет — тут же, как минимум, уволит его и его сторонников, возложив ответственность за гражданскую войну. Нет никого, кто был бы так же монументально глуп, как король; это я знаю по своему личному опыту. Примерно через год после победы нашей партии один из наших бывших потентатов, Рупрехт Баварский¹, послал ко мне эмиссара, чтобы сообщить, что он уверен, что я признаю необходимость восстановления монархии. Эмиссар, следуя данным ему инструкциям, дошел до того, что совершенно открыто заявил, что, конечно, я не смогу оставаться рейхсканцлером в восстановленной монархии, потому что мое присутствие явится препятствием для объединения германского народа. Однако со мной будут очень любезно обращаться, и меня наградят — герцогством!

Этот парень был настолько туп, что даже не видел, что это он сам и его друзья-князья всегда были причиной раскола немецкого народа во всей его истории и что никогда не было более монолитного единства немецких рас, чем то, которое было достигнуто под моим руководством.

И этот идиот вообразил, что какой-то явный дурак сможет соблазнить меня отказаться от руководства этим великим народом, сделав меня герцогом!

¹ Рупрехт Баварский (1869—1955) — военный и политический деятель, кронпринц Баварии.

5 июля 1942 г., вечер

Фальсификация военных коммюнике. — Швейцария верит еврейской лжи. — Ни один враг в Европе не сравнится с британцами. — Но в конечном итоге национал-социалистическая Германия их разобьет. — Британия в руках евреев. — Сохранение нашей расовой цельности. — Смехотворный успех св. Павла

Комментируя совершенно лживую советскую сводку военных новостей, которая была опубликована в шведской и швейцарской печати, а также в Британии и Америке, фюрер сказал:

Эти коммюнике — типичные еврейские фабрикации. Хотя в них не даются географические наименования, их, тем не менее, публикуют агентства новостей по всему миру; а объяснение, конечно, в том, что все эти агентства сами большей частью находятся в руках евреев.

К сожалению, эта еврейская писанина без вопросов принимается не только в Британии и Америке, но также и в Швеции и Швейцарии. Причина, по которой евреи и их фабрикации пользуются таким доверием, станет очевидной, если взглянуть на страну вроде Швейцарии. В этой стране у Тома — молочные интересы, Дик следит за ценами на рынке зерна, а Гарри экспортирует часы. В этих обстоятельствах даже сам старик Вильгельм Телль не сумел бы поддержать военный дух на каком-то высоком уровне. И в результате военные знания настолько ограничены, что любой швейцарский офицер, показавший правильную оценку событий этой войны, тут же освобождается от своего командного поста.

В Германии одной из важнейших услуг, оказанных НСДАП, является ее успех в возрождении в народе четкого убеждения, что должна непрерывно вестись постоянная военная подготовка подрастающих поколений.

Чтобы поддерживать этот дух, надо, чтобы в качестве образцов для подражания и преподавателей для подрастающего поколения использовались те, кто отличился сам либо большими успехами на поле боя, либо обширным военным опытом. Надо тщательно готовить офицеров запаса, ибо в области военного обучения офицеры запаса, это живое олицетворение воинственного духа нашей расы, имеют несравнимый военный долг перед всем народом. Помимо этого школы и другие центры подготовки обязаны поддерживать этот интерес — интерес, кстати, оставшийся активным даже во времена Веймарской республики, — который немцы всегда проявляли во взаимоотношениях между наукой и военным искусством.

Я всегда был пылким сторонником веры в то, что в борьбе между народами всегда должен выйти победителем народ с более высоким уровнем боевого духа. По моему мнению, в утверждении, что низший по развитию народ одержит верх над высшим, содержится отрицание закона природы.

Британцы триста лет удерживали свое мировое господство благодаря лишь тому, что в этот период не было ничего на континенте, что могло бы с ними сравниться по расе или по разуму. Даже Наполеон не представлял для них реальной угрозы, потому что в безумии Французской революции у него не нашлось солидной базы, на которой можно было бы построить новый порядок в Европе. И кроме него, со времени распада старой Германской империи не было ни одного государства, которое в смысле количества или качества могло бы сравниться с британским.

Благодаря развитию национал-социалистической Германии я твердо верю, что только по чисто биологическим причинам мы превзойдем британцев до такой степени, что со ста пятьюдесятью—двумястами миллионами немцев мы станем бесспорными хозяевами всей Европы. Рецидив проблемы Рима и Карфагена в виде Германии и Великобритании, я думаю, невозможен. Потому что результатом этой войны станет то, что, поскольку в Британии каждый лишний миллион населения будет дополнительным бременем для самого острова, растущая мощь нашей расы откроет для них безграничные горизонты для политической и этнической экспансии.

Далее, в Британии невозможно никакое снижение перенаселенности городов путем возвращения к земле, потому что это вызовет немедленную революцию всей социальной системы королевства, которая, в свою очередь, приведет к развалу остальной части империи.

Эти очень важные факты были в большей степени упущены из виду в Британии, потому что этой страной управляют не люди с разумом, а евреи, что видно из того факта, как еврейские интриги в Палестине принимаются в Британии без вопросов или возражений.

Одной из наших самых важных задач должно стать спасение наших будущих поколений от подобной политической судьбы, и мы должны всегда поддерживать в них понимание угрозы, исходящей от евреев. Одного этого достаточно, чтобы спектакль «Страсти» продолжали ставить в Оберамергау; потому что никогда угроза еврейства не была так убедительно показана, как в этой постановке о том, что случилось во времена Рима. В Понтии Пилате виден римлянин, настолько расово и умственно превосходящий их, что он похож на твердый и чистый утес посреди всего еврейского дерьма и грязи.

Сохранения нашей расовой чистоты можно достичь лишь знанием расовых проблем, поэтому наши законы должны быть построены с единственной целью — защитить наш народ не только от евреев, но и от всякой иной расовой инфекции.

Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы поддерживать эту расовую информированность, пока она не достигнет такого же стандарта, как это было в Риме в дни его славы. В те времена римлянин подсознательно защищал себя от всякого расового подмешивания. То же самое происходило в Греции в зените ее могущества; как свидетельствуют дошедшие до нас материалы, сама рыночная площадь в Афинах тряслась от смеха, когда св. Павел выступал там в защиту евреев. Если сегодня мы не ощущаем в себе такой же великолепной гордости за свою расу, которой отличались греческая и римская эры, то это потому, что в IV веке иудохристиане систематически уничтожали все монументы тех древних цивилизаций. И библиотеку в Александрии тоже они уничтожили.

252

6 июля 1942 г., за ужином

Отношения с иностранной прессой. — Ограниченный кругозор нашего руководителя печати. — Нюрнбергский съезд. — Четыре тысячи специальных поездов

Приезжая в Берлин до того, как мы пришли к власти, я обычно останавливался в «Кайзерхоф»¹; и, так как меня всегда сопровождал Генеральный штаб в полном составе, мне, как правило, приходилось снимать целый этаж, а наш счет за проживание и питание обычно доходил до десяти тысяч марок в неделю. Я зарабатывал достаточно, чтобы покрыть эти расходы, главным образом с помощью платных интервью и статей для иностранной печати. К концу периода борьбы мне платили ни много ни мало две-три тысячи долларов сразу за такую работу.

При размещении этих статей и организации интервью у меня часто возникали ссоры с моим руководителем по иностранной печати Ганфштенглем², потому что, будучи скорее бизнесменом, чем политиком, он обо всем судил по полученным деньгам. Однажды, например, когда я сказал ему, что надо как можно быстрее опубликовать в мировой прессе такую-то статью, он потерял уйму драгоценного времени, пререкаясь по поводу наилучшей оплаты.

По другому случаю он три раза приходил ко мне, пытаясь добиться моего согласия на продажу какой-то статьи в одно агентство новостей, в конце концов понадеявшись уговорить меня, соблазняя предложением об уплате тысячи фунтов стерлингов. Когда я набро-

¹ «К а й з е р х о ф» — отель в Берлине.

² Г а н ф ш т е н г л ь Эрнст (1887—1975) — пресс-секретарь НСДАП (1933—1937). После 1937 г. в эмиграции.

сился на него в бешенстве и заорал: «Пошел к черту отсюда, ты, проклятый жмот! Ты не можешь понять, что деньги не имеют значения, если я хочу, чтобы статья появилась в определенное время по всему миру?» — он просто в удивлении покачал головой, не в состоянии понять, как это я могу позволить себе, чтобы целая тысяча ускользнула из моих рук.

С ним было невозможно работать из-за его ненасытности и алчности. Как-то в какой-то маленькой крестьянской таверне он выставил на посмешище целую компанию, затеяв жуткий спор из-за счета за суп, за который, заметьте, ему не надо было платить лично и на который накинули каких-то три пфеннига! Он в огромных количествах поглощал овощи — но никогда не заказывал их для себя, — и это было очень типично для него. Он острым глазом следил за всей компанией, ходил вокруг стола, собирая всякие остатки за другими, и бормотал в оправдание: «Овощи — самая полезная для здоровья пища в мире!» Вечерами точно так же, заявляя, что сыр «так питателен», он ходил кругами, выпрашивая кусочки сыра у всей компании.

Однажды, когда нам понадобилось отправиться в путь в большой спешке, я сказал Ганфштенглю подготовить до отъезда еду для каждого на дорогу. Отлично зная, что большинство из нас не любит сыр, он возвратился с двумя корзинами, полными сандвичей с сыром, — а потом с величайшим апломбом и удовольствием забрал домой все остатки еды!

Потом рейхслейтер Борман и генерал Боденшац рассказали анекдоты про Ганфштенгля и его скарденность, которые подтвердили справедливость его описания, которое сделал фюрер.

В ходе моих многих предвыборных поездок мне и моим компаньонам пришлось узнать и полюбить весь рейх от Берлина до самых до окраин. Поскольку меня большей частью приглашали за семейные столы, я также близко познакомился с немцами по всей Германии. Я, как правило, встречался с целыми семьями, в которых отец обычно работал где-нибудь в нашей политической секции, мать являлась членом Женской ассоциации, один брат был в СС, другой — в гитлерюгенде, а дочь была в Союзе немецких девушек¹. И вот когда все мы из года в год встречались на съезде партии в Нюрнберге, у меня всегда возникало ощущение, что это просто огромная семейная встреча.

Партийный съезд, однако, был не только уникальным событием в жизни НСДАП, но также во многих отношениях — ценной подготовкой к войне. Каждый съезд требовал организации не менее чем четырех тысяч специальных поездов. Поскольку эти поез-

¹ С о ю з н е м е ц к и х д е в у ш е к — массовая организация в составе гитлерюгенда.

да растягивались до Мюнхена и Галле, железнодорожная администрация получала первоклассную репетицию руководства массовыми перевозками войск в военное время.

А съезды не потеряют своего значения и в будущем. Я отдал распоряжение расширить место проведения съездов так, чтобы оно вмещало в будущем минимум два миллиона человек — сегодня это на миллион-полтора. Германский стадион, построенный в Нюрнберге, а Горта¹ нарисовал две его великолепные картины, вмещает четыреста тысяч человек и достигает таких размеров, у которых нет аналогов в мире.

253

7 июля 1942 г., полдень

Наши мечтатели-археологи. — Вырубка леса — предвестник декадентства. — Античность наших городов

Люди раздувают ужасный ажиотаж вокруг раскопок, ведущихся в районах, населявшихся нашими предками в дохристианскую эру. Боюсь, не смогу разделить их энтузиазма, потому что постоянно вспоминаю, что, пока наши предки делали эти сосуды из камня и глины, над которыми сейчас безумствуют наши археологи, греки уже построили Акрополь.

Также надо проявлять осторожность в отношении всяких детальных утверждений относительно стандартов культуры, достигнутых нашими предками за первое христианское тысячелетие. Если, например, в Восточной Пруссии обнаружен какой-нибудь самый древний школьный букварь, не стоит немедленно делать вывод, что он тут же и был создан. По всей вероятности, он попал сюда с юга в обмен на кусок янтаря.

Настоящими поборниками и носителями культуры, как тысячи лет до Христа, так и тысячу лет после Христа, были народы Средиземноморья. Для нас это может показаться невероятным, потому что мы склонны судить этих людей по тому, что они есть сегодня. Но это величайшая ошибка.

Когда-то Северная Африка была покрыта густыми лесами, а в Греции, Италии и Испании тоже во время греко-римской эры было много лесов. Вынося суждение по истории Египта, тоже позвольте мне проявить осторожность. Как Греция и Италия, Египет в период своей славы был самой населенной страной с самым умеренным климатом. Поэтому, когда люди начали рубить леса, не заботясь

¹ Архитектор и художник Виктор Горта. Автор «народного дома» в Брюсселе (1899).

о восстановлении порубок и тем самым лишая мудрую природную систему орошения ее главного элемента, можете быть уверены, что это признак начала их культурного вырождения.

Многие ложные представления о культурном развитии наших предков, бытующие в нашем народе, в немалой степени базируются на ошибочных предположениях о возрасте наших городов. Я сам был поражен, например, узнав, что Нюрнбергу всего лишь семьсот лет. Хорошо известную античность Нюрнберга можно в некоторой степени приписать хитрости самих жителей Нюрнберга. Обербург-гомистр Либель, как он сам признался мне, в семисотлетний юбилей города позволил обойтись без празднований, потому что он не хотел привлекать внимание к событию людей, полагавших, что город значительно древнее.

Тем не менее достаточно твердо установлено, что Нюрнберг начался со старой салической крепости, вокруг которой мало-помалу выросла деревня. Большинство средневековых городов возникло тем же путем; и таким образом зародилось много городов в Восточной Германии в Средние века. Эти дворцы-крепости имели огромное значение для защиты крестьянства. Без них деревенский люд никогда не смог бы устоять против восточных орд, которые даже в те времена беспрестанно нападали на наши границы, а иногда и совершали набеги на наши территории. В Трансильвании, где этих крепостей не так много, строились оборонительные укрепления против турок и других агрессоров, и этим объясняется, почему часто видишь, что даже церкви проектировались так, чтобы устоять перед налетами.

254

7 июля 1942 г., за ужином

Изменяющаяся испанская сцена. — Серрано Суньер и церковь. — В чем политика Франко отличается от национал-социализма или фашизма. — Испанские красные — не вассалы русских. — Идиот — не герой. — Вмешательство небес в войну. — Первая Фаланга. — Генерал Муньос Гранде¹ — отличный солдат. — Антиобщественные элементы, женщины-коммунистки

Генерал Йодль рассказал фюреру об инциденте, происшедшем на испанской границе при возвращении домой нескольких раненых воинов из «Голубой дивизии». Этим солдатам было отказано в местах в «Южном экспрессе», а когда они попытались сесть в вагон карательной службы, по приказу военного губернатора вмешалась пехот-

¹ Гранде Муньос — командир Голубой дивизии.

ная рота и выбросила их из вагона. Фельдмаршал Кейтель предположил, что «Голубая дивизия» имеет плохую репутацию из-за своего названия, т. к. голубой цвет напоминает о старой первоначальной Фаланге, которой не было среди сторонников церкви. В новую Фалангу можно вступить лишь с согласия местного священника. Фюрер заявил следующее:

Испанская ситуация развивается прискорбным образом. Очевидно, Франко не имеет личных данных, чтобы быть готовым встретиться с политическими проблемами страны. Даже в этом случае он начинал со значительно лучшей позиции, чем дуче или я сам, потому что нам не только надо было взять власть, но также и завоевать на свою сторону вооруженные силы. Однако в руках у Франко есть и политическая власть, и военная сила. Видно, что он не способен освободиться от влияния Серрано Суньера, несмотря на то, что тот — просто олицетворение проповедника в политике и явно ведет нечестную игру с державами оси.

Эти проповедники слишком глупы, чтобы их можно было убедить. Они пытаются через Серрано Суньера придать испанской политике реакционный импульс и восстановить монархию; все, чего они этим добьются, однако, это разожгут еще одну гражданскую войну, в которой наверняка не уцелеют.

Генерал Йодль предположил, что за сценой вполне может быть британский фунт и что таким путем британцы надеются создать второй фронт. Фюрер продолжил:

Надо быть внимательным и не ставить режим Франко на одну доску с национал-социализмом или фашизмом. Тотт, который на своих заводах использовал многих так называемых «красных» испанцев, не раз говорил мне, что эти красные — не красные в нашем понимании этого слова. Они считают себя настоящими революционерами и, как прилежные и квалифицированные работники, очень отличились. Лучшее, что мы можем сделать для них, это удерживать их как можно больше, начиная с сорока тысяч, уже сидящих в наших лагерях, и держать их в резерве на случай, если разразится вторая гражданская война. Вместе с выжившими старыми фалангистами они создадут самую надежную силу в нашем распоряжении.

Потом посол Гевель сказал, что видел солдат без оружия и знаков отличия, работающих под охраной на улицах Мадрида. Он предположил, что это старые солдаты Красной армии, и подумал, что, уж если они используются таким образом, то им надо было бы выдать хотя бы другую одежду. Фельдмаршал Кейтель сказал, что при оценке испанской армии немецкие критерии не подходят. «Когда фюрер встречался с Франко, — продолжал он, — испанский почетный кара-

ул был в плачевном состоянии, а их винтовки были настолько ржавыми, что вряд ли были пригодны для использования. Когда готовилась эта встреча, адмирал Канарис предупреждал меня, что фюрер будет разочарован, встретив во Франко не героя, а мелкого туфтушника». Фюрер продолжал:

Франко и компания могут считать, им здорово повезло, что в своей первой Гражданской войне они получили помощь фашистской Италии и национал-социалистической Германии. Потому что, как красные испанцы постоянно объясняли, они не входили в сотрудничество с Советами по идеологическим причинам, но скорее были вынуждены сделать это — и так оказались втянутыми в политический поток не по своему выбору — просто из-за отсутствия иной поддержки.

Одно тут несомненно. Люди говорят о вмешательстве небес, которое решило исход Гражданской войны в пользу Франко. Возможно, и так — но это было вмешательство не со стороны дамы, именовавшей себя Матерь Божья, которую недавно почтили жезлом фельдмаршала, а вмешательство германского генерала фон Рихтхофена¹ и бомб его эскадрилий, обрушившихся дождем с неба и тем самым решивших исход.

Посол Гевель сказал, что высшие классы в Испании одновременно и паразиты, и совершенно невосприимчивы к критике. Гитлер продолжил:

Да, слава богу, дисциплина и красных, и фалангистов, работающих в организации Тодта, — первоклассная, и чем больше сможем мы набрать их, тем лучше.

Но отыскание людей, способных расчистить испанскую политическую ситуацию, будет куда труднее. Тут проблема скорее внутриполитического, чем военного характера; и первейшая из них, продовольственный кризис ввиду вошедшего в поговорку безделья населения, является чуть ли не самой трудной.

Только будущее сможет показать, обладает ли генерал политической сообразительностью, необходимой для достижения успеха. Но в любом случае мы должны всеми силами поддерживать популярность генерала Муньоса Гранде, этого энергичного человека; как таковой, он, скорее всего, справится с ситуацией. Я очень рад, в самом деле, что интриги клики Серрано Суньера с целью добиться отстранения этого генерала от командования Голубой дивизией провалились в последний момент; но Голубая дивизия еще вполне может сыграть решающую роль, когда придет час свержения этого пропитанного попами режима.

¹ Р и х т х о ф е н Вольфрам фон (1895—1945) — начальник штаба, а затем командир легиона «Кондор» в Испании.

В докладе о беспорядках в Сербии было отмечено, что 95% взятых в плен бунтовщиков были прежде преступниками. Фюрер заявил:

Я ни в коей мере не удивлен, что слышу это, потому что это только подтверждает мои собственные представления о революционных, основанные на опыте 1918—1919 гг.

Если думаете предотвратить революцию выжиданием, первое, что надо сделать, как только ситуация станет критической, это перебить антиобщественный сброд; а сделать это можно, только если их уже благополучно собрали в концентрационном лагере.

Теория о том, что, сажая их таким путем, вы лишаете эту антисоциальную толпу выгоды влияния на них семейной жизни, — чистейшая болтовня. Если позволить им пользоваться благами семейной жизни, все, чего вы добьетесь, это создадите главные клетки для нового выводка преступников. Дети, растущие в компании пагубно мыслящих родителей, сами становятся негодями, потому что их матери неизменно того же вредного сорта, что и их мерзавцы отцы.

Наш период борьбы подарил мне ценный опыт в этом роде. На митингах СС самыми презренными были женщины-коммунистки. Эти ведьмы забрасывали наших людей всем, что попадало им под руку, а когда наши ребята начинали защищаться, те хватали своих детей, не обращая внимания на опасность, чтобы защититься, как щитом. Какое может быть лучшее доказательство их безразличия к безопасности и здоровью своих детей, когда они своими преступными, антиобщественными инстинктами показывали себя полным антитезисом нормальным родителям и верным сторонникам?

255

8 июля 1942 г., полдень

Уничтожение британского конвоя, направлявшегося в Архангельск¹

К моему огромному восторгу, наша авиация уже сумела потопить не менее тридцати двух судов из тридцати восьми в британском конвое на пути в Архангельск. Даже вчера, когда только две трети было потоплено, я предложил поместить в «Kladderadatsch» карикатуру на

¹ Имеется в виду конвой PQ-17 (вышел 27 июня 1942 г.), из 35 транспортов которого 22 были уничтожены авиацией и флотом противника в ходе операции «Россельшпрунг».

Рузвельта. Большая часть военных материалов в этом конвое шла из Америки, и я предложил нарисовать Рузвельта сидящим на высокой платформе и со смехом выбрасывающим в море все танки, самолеты и другие материалы, которые ему передали американские рабочие. А подпись я предложил такую: «Мы воюем не ради наживы или золота, а за лучший мир». А при нынешнем состоянии дел хозяева судостроительных верфей в Америке владеют настоящими золотыми рудниками!

256

8 июля 1942 г., за ужином

Мой пес — вегетарианец. — Кошка и мышь. — Результаты мясной диеты

Во многих отношениях моя овчарка Блонди — вегетарианка. Есть много трав, которые она поедает с очевидным удовольствием, и интересно смотреть, как она прибегает к ним, если у нее расстроен желудок. Удивительно, насколько мудры животные и как хорошо они разбираются в том, что для них хорошо.

Однажды я наблюдал, как кошка готовилась съесть мышь. Она не стала сразу набрасываться на нее, а вначале поиграла с ней, как бы давая шанс убежать. И только когда мышь стала обливаться потом от беготни туда-сюда, кошка нанесла ей смертельный удар и съела. Вероятно, в этом состоянии мышь кажется ей самой аппетитной и привлекательной.

Кейтель сказал, что обычно человек не ест сырое мясо, что гунны, как правило, клали мясо под седло, чтобы оно стало нежнее. Фюрер продолжал:

Вы имеете в виду, чтобы, так сказать, потушить мясо в своем собственном соку? Человек тоже подвергается значительным изменениям в результате обильного потения, вызванного активными физическими усилиями. Когда мне надо произнести очень важную речь, я всегда к концу обливаюсь потом и обнаруживаю, что потерял от четырех до пяти фунтов веса. А в Баварии, где кроме моей обычной минеральной воды местные обычаи требуют, чтобы я выпивал две-три бутылки пива, я терял целых восемь фунтов. Я думаю, эта потеря веса не губительна для здоровья. Единственное, что всегда меня тревожило, это то, что моя единственная униформа была голубого цвета, и от нее постоянно оставались пятна на нижнем белье!

Когда позднее я прекратил употреблять мясо, я тут же стал намного лучше дышать, а через две недели практически перестал

потеть. Также заметно уменьшилась жажда, и все, что мне требовалось, это глоток воды. Поэтому вегетарианская диета имеет некоторые очевидные преимущества. Интересно будет увидеть, станет ли моя собака полным и твердым вегетарианцем.

257

9 июля 1942 г., полдень

Украинский урожай. — Продовольственная проблема — это проблема транспорта

Нота для прессы, опубликованная министерством по восточным территориям по поводу инспекции на Украине, неудачна. Какой смысл предупреждать население о ложных надеждах на более высокий рацион, основанный на украинском урожае?

В народе всегда больше пессимистов, чем оптимистов, и, по моему мнению, эта нота показывает безответственное отсутствие рассудительности в этот момент, чтобы перечеркнуть надежды на улучшение ситуации и тем самым сделать жизнь народа еще тяжелей, чем надо.

В любом случае всякое заявление по этому поводу в данный момент преждевременно. По тому, как обстоят дела, невозможно сказать, извлечет ли население рейха какие-то материальные выгоды из украинского урожая. Проблема лежит не в том, хорош или плох этот урожай, а в транспорте. Если сможем решить транспортную проблему, сможем увеличить рацион. Но даже если будет сделано все для урожая, а он окажется плохим, публичные заявления на этот счет просто увеличивают неоправданный пессимизм.

Что надо сделать, это ускорить меры, уже имеющиеся в наличии, по увеличению производства на соответствующих сельскохозяйственных площадях и этим путем найти выход из этого тупика.

Далее, нам надо любой ценой избегать всяких предложений, что военные части виновны в данной ситуации, потому что накапливают запасы продовольствия и тем самым уменьшают количество, подлежащее распределению внутри страны. «Лейбштандарт»¹, например, по моему мнению, действует совершенно правильно, собрав для себя стадо из пятисот свиней и устроив свой колхоз; или фельдмаршал Клюге, который многие месяцы копил запасы продовольствия для своей 8-й армии. Если наши войска на Восточном фронте застрянут в грязи, рационы нельзя будет отправить, нам надо быть им благодарными за то, что они сумели заранее позаботиться о самих себе.

¹ Имеется в виду дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

9 июля 1942 г., за ужином

**События в Египте. — Итальянская чувствительность. —
 Похвалы Черчилля в адрес Роммеля. — Будущий статус
 Египта. — Германские колонисты на Восточных территориях. —
 Роль итальянских колонистов. — Строительство дорог —
 прежде всего**

Когда мы зайдем Александрию или Каир, нашему МИДУ не понадобится даже предлагать кандидатуру на пост резидента в Египте. В Роммеле у нас есть главнокомандующий, который покрыл себя нетленной славой и которого надо считать одной из самых выдающихся личностей этой войны; а допускать вмешательство Форин Офис в его дела — явный абсурд.

Кроме того, я придерживаюсь мнения, что Египет, по сути, относится к итальянской сфере влияния. Для нас египетский сфинкс обладает особой привлекательностью, но для Итальянской империи он имеет жизненно важное значение. Назначение резидента могло бы создать тревожный прецедент и оправдание, в случае, если, скажем, итальянцы послали бы представителя на Кавказ, район, в котором мы одни жизненно заинтересованы. Будет достаточным, если аккредитовать при итальянском резиденте в Египте какую-нибудь подходящую персону в качестве представителя Роммеля, действующего главнокомандующего.

Люди часто задают вопрос, как так получилось, что Роммель пользуется такой всемирной репутацией. В немалой степени благодаря речам Черчилля в палате общин, в которых ради тактических соображений политики британский премьер-министр всегда изображает Роммеля военным гением. Причина, по которой Черчилль это делает, конечно, в том, что ему не хочется признаться, что британцы получают чертовски добрую порку от итальянцев в Египте и Ливии. Он также может надеяться, что, подчеркивая суперпревосходство Роммеля, он может посеять семена раздора между итальянцами и нами. Дуче, однако, слишком умен, чтобы пойматься на такую уловку. В самом деле, он сам часто пел похвалы Роммелю на весь свет.

Черчилль и дуче сами довели до того, что имя Роммеля стало почитаемым среди примитивных рас Северной Африки и Ближнего Востока до степени, которую невозможно преувеличить.

Это показывает, как опасно для важного человека изображать своего противника в манере, в какой Черчилль описывает Роммеля. Какое-то простое имя начинает обретать ценность, равную нескольким дивизиям. Вообразите, что случилось бы, если бы мы стали превозносить Тимошенко до небес; в конце концов наши солдаты стали бы считать его суперменом. А когда имеешь дело с

примитивными людьми, эти утверждения возымеют даже еще больший вес. Фраза, которую произнес наш генерал Крювель¹, когда его взяли в плен англичане, словно молния пронеслась по всему исламскому миру и долетела аж до Анкары; когда его спросили, как ему нравится роскошный отель «Шеферд» в Каире, тот ответил: «Из него получится отличный штаб для Роммеля!»

Что касается будущего статуса Египта, ясно, что Италия должна удерживать в нем жизненные интересы. Их владения только в Эритрее и Абиссинии делают для них важным получение Суэцкого канала; а безопасность Суэцкого канала они могут гарантировать только сохранением гарнизонов в Египте. Если итальянцы намереваются твердо укрепиться в Египте, как политически, так и в военном отношении, им надо оберегаться от опасности вызвать среди местного населения чувство неполноценности. В этом они вполне могли бы поучиться у британцев, которые за столетия колониального опыта научились искусству быть хозяевами и, тем не менее, держать в руках поводья так, что коренные жители даже не замечают узды.

Итальянцам следует также оберегаться от излишней легкости в адаптации ко всем местным обычаям. Тут Роммель даст им хороший пример. Всю кампанию Роммель ни разу не прокатился на верблюде, потому что знает, во-первых, что не сможет управлять верблюдом так, как это делают местные жители, и, во-вторых, постоянно передвигаясь в бронеавтомашине, он всегда производит гигантское впечатление на них².

Нам также надо избегать излишнего энтузиазма на наших Восточных территориях; не стоит рьяно стараться внедрить местным жителям наши немецкие идеи о личной гигиене и ежедневно надоедать им расческой и кремом для обуви. Для нас действительно не имеет значения, умываются ли они, убирают ли свое жилище каждый день; мы не их надзиратели, и находимся мы там только для содействия своим интересам.

А посему немецкие колонисты должны жить как можно дальше от местного населения. Недопустимо появляться немцам в пивных, где в каждом углу наплевано. У немцев должны быть свои пивные, в которые не будет доступа местным жителям. И тогда аборигены могут плевать сколько их душе угодно.

Предоставляя местных жителей самим себе и не вмешиваясь в их местные обычаи, мы создадим самую благоприятную атмосферу для создания чисто и исключительно немецких селтльментов; и

¹ К р ю в е л ь Людвиг (1892—1954) — генерал танковых войск в армии Роммеля. Через 9 дней после своего 50-летия он был взят в плен.

² Верблюдам и продукции немецких автомобильных заводов фельдмаршал Роммель предпочитал трофейный броневик «мамонт». Во избежание «дружеского огня» немецких и итальянских самолетов на его капоте был прикреплен германский флаг.

наилегчайший путь избежать какого-либо слияния между немцами и местным населением — поощрять его придерживаться своих традиций и не позволять ему копировать наши.

Возвращаясь к Египту, надеюсь, итальянцы, которые до сих пор показывали заметное искусство в отношениях с мусульманами, не подмочат свою заслуженно заработанную репутацию. Им следует избегать погружения в мелкие детали. В вопросах, имеющих значение (ирригация, строительство дорог и т. п.), я совершенно уверен, итальянские колонисты, работающие как пчелы, совершат чудеса под руководством дуче. Если бы им дали десять лет в Эфиопии, итальянские дорожные строители превратили бы ее в образцовую колонию. В Египте у итальянцев много более легкая задача, потому что, кроме отсутствия угля и железной руды, страна полностью самостоятельна в экономическом отношении.

Не могу чересчур часто повторять, что как в Египте, так и на наших Восточных территориях дорожное строительство является одной из самых важных задач. Поскольку в зимнее время сохранение дорог практически невозможно, новые дороги должны быть так расположены и построены, чтобы не подвергаться опасностям снежных заносов. Их надо строить большей частью на насыпях, которые расчищаются ветрами от снега в зимнее время; а основание насыпей должно быть особенно прочным, имея в виду мощные разрушительные силы в период таяния. Там, где можно, надо использовать гранит; в остальных случаях — камень, которого полным-полно в руслах рек.

259

17 июля 1942 г., полдень

Радиоконтроль в России. — Геббельс терпит неудачу

В окрестностях нашей ставки «Вервольф» мы установили, что почти в каждом доме есть радиоприемник. Это говорит о том, что русские заблаговременно оценили опасность наличия радиоприемника. Во-первых, радиоприемник имеет огромное преимущество, исключая всякое вмешательство, а во-вторых, позволяет властям передавать те программы, которые они сочтут подходящими. В России комиссар выбирает программы, а потому слушатели полностью изолированы от влияния иностранной пропаганды.

Перед войной я сам приказал министерству пропаганды ввести радиовещание в Германии. Таким образом, немецкие слушатели смогли бы принимать только наши национальные станции и те зарубежные, которые мы решим ретранслировать. Я очень сожалею, что мы не смогли осуществить эти меры до начала вой-

ны. Это дефектный образец работы министерства пропаганды, потому что, хотя д-р Геббельс пытался переложить вину на другие службы, в провале виноват именно он. Когда исполнение приказа требует сотрудничества ряда служб, тот, кто получает первоначальный приказ, должен взять на себя ответственность за его полное исполнение.

Желательность внедрения радиоприемников неоспорима. Никакое правительство не может позволить своему населению подвергнуться отраве вражеской пропаганды; иначе вполне можно пригласить к себе тысячу вражеских пропагандистов открыто заниматься своим делом. Все меры такого рода следует изучать в мирное время на предмет их возможного влияния в военное время, поскольку война — это борьба не на жизнь, а на смерть, имеющая свои правила и игнорирующая обыденности мирного времени. Народ, который готовится принять обязательную воинскую повинность на три-четыре года в качестве подготовки к возможной войне, не будет сетовать на мелкие неудобства при смене телеграфа на радиоприемник.

260

17 июля 1942 г., за ужином

Самоудовлетворение итальянцев

У итальянцев есть замечательная способность приписывать себе без всяких оснований всевозможные заслуги, хотя в действительности они не совершили никаких подвигов, из которых бы проистекали эти заслуги.

Это особенно заметно по манере, в которой они в своей «Истории фашизма» описывают последние этапы Первой мировой войны. Если верить этой книге, победа союзников в 1918 г. была достигнута благодаря доблестным действиям итальянцев. Та же мысль пробивается, когда речь идет о нашей кампании 1940 г., во время которой их политика «невмешательства» связала руки по крайней мере шестидесяти французским дивизиям! Теперь, когда французские официальные источники сообщили о том, что итальянскую границу во время Западной кампании прикрывали не шестьдесят, а семь дивизий и что из этих семи три без всяких трудностей были переброшены в другое место, итальянцы чувствуют себя соразмерно опозоренными. Но они быстро это пережили. Они могут получать порку за поркой три года подряд, а потом, если в какой-то день им вдруг удается достичь какого-то маленького успеха, все пощечины тут же позабыты, и весь полуостров разражается песнями триумфа!

18 июля 1942 г., за ужином

Автодороги, идущие на Восток. — Автомагистраль и кино. — Автомагистраль и сокращение расстояний. — Железные дороги и национальное единство. — Экономика автомагистралей. — Ллойд Джордж, человек системы

Как только с помощью строительства автодорог мы обеспечим твердый контроль над Восточными территориями, немного волнующая нас сегодня проблема расстояний перестанет существовать. Какое важное значение обретет отрезок в тысячу километров до Крыма, когда мы сможем покрывать его по автобану со скоростью восемьдесят километров в час и преодолевать всю дистанцию за каких-то два дня!

Я категорически намерен связать все Восточные территории за Восточной стеной сетью автобанов, лучами исходящих из Берлина. Однако обычной 7,5-метровой дороги будет для этой цели недостаточно. Вместо этого я сразу же построю 11-метровую дорогу, которая вместит три полосы непрерывного движения, справа будут двигаться медленные грузовики, в центре — обычный транспорт, а слева — скоростной транспорт.

Когда вспоминаю, что в довоенной Германии мы построили более двух тысяч километров скоростных магистралей, я удивляюсь, что киноиндустрия до сих пор не создала великого фильма об этой истории. Однако, к сожалению, мы, в отличие от британцев или французов, не ставим фильмы о своих великих достижениях. Единственное исключение — Вена, и Вена так часто фигурирует в фильмах, что меня тошнит от одного вида этого города!

Мне известен лишь один фильм, в котором автобан является фоном, — какой-то фарс, в котором двое любовников гоняются друг за другом по этому шоссе; но даже там, не говоря о том, что сама история и постановка фильма до крайности убогие, они не сумели даже выбрать подходящий участок этого шоссе, на котором снимался фильм. Кстати, этот фильм имел огромный успех в Верхней Баварии!

Когда мы сможем доехать по рейхсавтобану из Клагенфурта до Тронхейма и из Гамбурга до Крыма, у нас появится система коммуникаций, которая сократит расстояния до такой же степени, как в свое время это совершили дороги для карет.

Автодороги доказали свою огромную важность как с политической точки зрения, так и в плане перевозок. Одним из их величайших достижений стало то, что они смели все внутренние границы рейха, и сейчас проезжаешь из одной провинции в другую, просто не замечая этого. Во времена старых шоссе, благодаря шлагбаумам и различию в покрытии, границы между провинциями

слишком хорошо запоминались; как только, например, переезжаешь границу Мекленбурга, выбоины в покрытии снижают скорость до десяти—пятнадцати километров в час — и тебе еще повезло, если обойдется без поломанных рессор!

Конечно, государственные железные дороги тоже внесли свой вклад в процесс объединения германских народов. Но в противоположность автобанам, на которых даже маленький «фольксваген» может в три счета домчаться от Альп до Северного моря, поезд с его бесчисленными остановками все еще привлекает внимание к старым границам. Все тут стремится напомнить, что когда-то существовали Королевские Баварские железные дороги, Королевские Вюртембергские железные дороги и даже, как только что Борман мне напомнил, железнодорожная компания великого герцога Фридриха-Франца фон Мекленбурга!¹ Династические интересы оказались чересчур прочными для железных дорог.

Это просто еще одно подтверждение факта, что никогда не было бы возможно создать единый Германский рейх, если бы не были отброшены принцы и государи. Каждый из них строил и развивал свою железнодорожную систему как ему заблагорассудится. Автобаны, с другой стороны, где ведущим принципом является согласованность во всех аспектах, позволяют всем путешествовать туда, куда угодно, и тем не менее чувствовать себя как дома. Только после пересечения границы рейха — и это я сознательно подчеркиваю — можно ожидать, что налетишь на какую-нибудь первую выбоину.

То, что никто до меня не задумывался о строительстве этих автомагистралей, вызвано, возможно, тем, что центральная администрация никогда не подходила к финансированию проекта с научных позиций. В строительстве дорог превалировала система, при которой местные власти в каждой маленькой местности, где должна пролегать дорога, были обязаны покрывать расходы на строительство в пределах территории, находящейся в их юрисдикции. Неудивительно, что с такими идеями по такой схеме много не сделаешь!

Изучив финансовую сторону этого проекта, я пришел к выводу, что каждый год надо строить одну тысячу километров шоссе и что центральное правительство должно ежегодно вкладывать в это дело миллиард марок.

Как-то я объяснял Ллойд Джорджу, как я предполагал найти эти деньги: во-первых, я хотел набрать рабочую силу, мобилизовав всех безработных и дав им работу, тем самым экономя около шестисот миллионов марок на пособиях по безработице; во-вторых, я намеревался поднять подоходный налог и налог на бензин до таких размеров, чтобы получить доход примерно четыреста миллионов

¹ Имеется в виду Фридрих-Франц Мекленбург-Шверинский III (1851—1897), великий герцог (1883—1897).

марок. И таким образом, мой автобан для государства не будет ничего стоить.

Во время нашего разговора старый лис Ллойд Джордж спросил у меня, какой толщины бетонное покрытие я намереваюсь применить. На американских шоссе кладут пять-шесть сантиметров бетона, и Ллойд Джордж вряд ли мне поверил, когда я сказал ему, что наши будут иметь от двадцати пяти до тридцати сантиметров. И действительно, Кемпке позднее мне рассказывал, что однажды Ллойд Джордж остановил его машину, вынул из кармана мерную ленту и проверил правдивость того, что я ему говорил.

Война показывает, насколько я был прав. Даже прямое попадание бомб вызывает лишь незначительные повреждения дорожного полотна. Но война, увы, вынудила нас изменить вид наших шоссе и выкрасить их в черный цвет, чтобы сделать невидимыми для вражеской авиации. Тот, кто знает, как близки моему сердцу автобаны, сможет понять, как меня ранит то, что я уже не могу прокатиться вдоль этих симпатичных белых полос.

262

18 июля 1942 г., вечер

Интервью о войне на Восточном фронте. — Что я скажу о втором фронте

Чтобы иметь возможность хоть как-то возразить на постоянные намеки о втором фронте в британской печати, я поручил д-ру Дитриху устроить мое интервью с каким-нибудь иностранным журналистом по поводу второго фронта.

Поскольку каждое из такого рода интервью выбирает то, что ему кажется наиболее важным, я надеюсь, смогу коснуться вопроса второго фронта косвенным образом. Я предполагаю развить мысль о том, что, поскольку британцы — дети в военных вопросах, мы, конечно, должны быть готовы ко всему, как бы это сумасбродно ни выглядело, и что по этой причине мы не можем не обращать внимания на всю ерунду, которую пишет англо-еврейская печать; но так же, как наши заблаговременные приготовления позволили нам отразить атаку русских, мы сейчас принимаем все необходимые меры для достойной встречи столь несчастных британских солдат, которых могут повести в атаку эти военные ничтожества, командующие ими, в попытке высадиться на побережье Европы.

Я отнесусь к вопросу второго фронта так, что это станет ледяным душем для британцев. Я не стану говорить, что не верю в возможность второго фронта, потому что в этом случае пострадал бы весь смысл интервью. Напротив, я подчеркну, что германская во-

енная точность и аккуратность гарантируют, что мы готовы к любой и всякой неожиданности, включая и сам второй фронт.

В соответствии с рекомендациями д-ра Дитриха я согласился, что интервью будет дано какому-нибудь иностранному журналисту, уже оценившему достойно немецкую прессу и ее работу. Будет ли он представителем великой или малой страны, нейтральной или дружественной, роли не играет, потому что, как справедливо замечает глава прессы рейха, это интервью наверняка будет воспроизведено во всей мировой печати.

Конечно, свое мнение о втором фронте я мог бы изложить в какой-нибудь публичной речи; но произнесенная речь без особой на то причины всегда производит плохое впечатление. Человек с интеллектом быстро увидит здесь уловку и поймет истинную цель речи; а если эта цель уж слишком очевидна, желаемый эффект будет полностью испорчен.

С другой стороны, если вопрос второго фронта затронуть косвенно в ходе какого-нибудь интервью на тему Восточного театра военных действий, я смогу, уверен в этом, создать как раз нужное мне впечатление с помощью нескольких случайных фраз.

263

19 июля 1942 г., полдень

Война на море. — Преимущества небольших кораблей. — Море и суеверие

Когда тонет линкор, потери в человеческих жизнях могут доходить до двух тысяч душ. Но если б нам удалось построить множество маленьких судов, каждое оснащенное торпедным аппаратом и управляемое единственным человеком, тогда наши потери составляли бы малую часть, а успехи с боевой точки зрения могли бы быть значительно весомее.

Много лет назад я как-то спросил графа Люкнера¹, почему для своих плаваний по океанам он всегда использует сравнительно небольшие суда? Люкнер дал мне примечательный ответ, сказав, что, если что-нибудь случается с большим кораблем, люди спасаются, пересаживаясь в маленькие лодки, — так, может быть, лучше сразу начать с последних и обойтись ими!

Конечно, Люкнер — изумительный рассказчик, и я мог слушать его часами. Однажды кто-то объяснил мне, что некоторые утверж-

¹ Л ю к н е р Феликс, граф (1881—1966) — морской офицер, участник Первой мировой войны. Знаменитый корсар — за 9 месяцев рейдерства (1916—1917) не погиб ни один из атакующих, равно как и ни один из моряков из числа 16 захваченных или потопленных судов.

дения Люкнера — сушая чушь, — и я рассердился на моего сказителя, как ребенок, которого лишили его рождественской елки!

Затем фюрер спросил адмирала Кранке, может ли тот объяснить происхождение термина «матросская пряжа» и «прясть пряжу». Адмирал отвечал, что в старые времена в долгих плаваниях матросы, уставшие от одной и той же пищи и вечного моря, к тому же имея лишь несколько книг для чтения, проводили свободное время, рассказывая друг другу истории, которые становились все более неправдоподобными, а в это же время плели сеть для рыбной ловли. Отсюда и выражение. Фюрер продолжал:

Однажды у меня прислугой был один бывший матрос. Целыми днями и ночами этот парень пытался «навесить мне лапшу на уши» своими историями, в которых только дурак не смог бы распознать сущего бреда. В конце концов мне пришлось сказать ему, что я — такой же лгун, как и он, и ему лучше не искушать меня стать еще лучше! Так как даже это не остановило его, мы были вынуждены расстаться.

Что более всего меня поражает в матросских байках, это какую огромную роль в них играют суеверия. Моряки, видимо, хорошие актеры в этом плане. В жизни обеих категорий случаются неожиданные события, которые невозможно предвидеть и с которыми невозможно справиться. Моряк никогда не знает, когда на него обрушится шторм или даже ураган, а актер не может предсказать, примет ли его зрительный зал с аплодисментами или освистает; и поэтому и те и те крайне суеверны.

Суеверие, я считаю, — это фактор, который надо принимать во внимание, оценивая человеческое поведение, хотя можно и подняться над ним и высмеивать его. Чтобы дать вам наглядный пример, расскажу, как однажды по этой причине я посоветовал дуче не начинать некую акцию тринадцатого числа того месяца. По той же причине я думаю, что плохо кораблю уходить в плавание в пятницу, потому что все морские волки знают, что отплытие в пятницу несет несчастье. Такие вещи — это мелочи жизни, которыми нельзя пренебрегать, потому что те, кто в них верит, вполне способны в критический момент вызвать величайший испуг.

Как раз тогда, когда трудности Восточной зимней кампании достигали апогея, какой-то идиот отметил, что Наполеон, как и мы, начал свою Русскую кампанию 22 июня. Слава богу, я смог отбить этот наскок с помощью авторитетного заявления уважаемых историков, что кампания Наполеона не начиналась до 23 июня!

Гороскоп, в который особенно верят англосаксонцы, — еще одно надувательство, важность которого нельзя недооценивать. Только подумайте, какую проблему получил британский Генеральный штаб после публикации хорошо известным астрологом гороскопа, предсказывавшего Германии конечную победу в этой войне!

Всем газетам Британии пришлось откапывать все несбывшиеся предсказания, опубликованные этим выдающимся шарлатаном, и перепечатывать их, пока не удалось успокоить встревоженную публику!

Давая оценку любому вопросу, связанному с суеверием, надо помнить, что, хотя и предсказания оракула могут быть сто раз ошибочными (когда их быстро забывают), достаточно, чтобы одно пророчество случайно подтвердилось последующими событиями, и в это предсказание будут верить, воодушевляться им и передавать его из поколения в поколение.

264

21 июля 1942 г., за ужином

Общество во Франции. — Правящий класс, удерживающий власть

Для французов характерно, что каждый зажиточный гражданин — будь это бизнесмен, офицер, известный артист или выдающийся политик — всегда покупает для себя, главным образом, там, где родился, маленький домик с аккуратным садиком. В результате почти в каждой деревне среди массы неопределенного вида коттеджей увидишь одну или несколько симпатичных вилл, принадлежащих адвокату, художнику, владельцу хлопкопрядильной фабрики и т. п.

Французская аристократия обычно два-три месяца проводит в деревне и поэтому обретает привязанность к земле, политическую важность которой нельзя не учитывать. Постепенно они знакомятся со всеми жителями деревни и очень быстро становятся причастными ко всем радостям и печалям, большим или малым, самого простого, но в то же время самого прочного класса населения.

И так в государственном смысле нет лучшего способа связать крупную буржуазию с интересами страны.

265

22 июля 1942 г., полдень

Король Англии и герцог Нормандский. — Нормандские острова и Фризские острова. — Те, кто трудятся, и те, кто пожинают

Жители Нормандских островов, которые мы оккупируем, считают себя скорее частью Британской империи, чем подданными короля, которого они по-прежнему считают не королем, а герцогом Нормандским. Если наши оккупационные войска правильно разыграют свои карты, у нас там не будет никаких трудностей.

Я не поддерживаю сделанное мне предложение колонизовать эти острова выходцами из Фризии и Эмса; дело в том, что они являются преимущественно жителями болот и скотоводами, а население островов, в первую очередь, — мелкие фермеры.

Если бы британцы продолжали удерживать эти острова, укрепляя их и сооружая там аэродромы, они могли бы стать настоящей занозой у нас в заднице. Ну а так мы сейчас прочно обосновались сами, и с теми укреплениями, что мы построили, и постоянным гарнизоном из целой дивизии мы гарантированы от всякой возможности возврата островов в руки британцев.

После войны их можно будет передать на попечение Лею, потому что при таком чудесном климате там будет настоящий курорт для организации «Сила через радость». На островах полно отелей, поэтому понадобится всего лишь незначительная реконструкция, чтобы превратить их в идеальные центры отдыха.

Итальянцы могли бы завоевать похожий призыв, если бы, вступая в войну, они оккупировали Кипр. К сожалению, однако, они ограничили свои военные действия объявлением, что отныне считают себя в состоянии войны! И это после того, если вам нравится, как мы показали им в Норвегии, как делаются дела. Сегодня средний итальянец — это могучий едок за столом, но хилый воин на поле боя. Как от них отличаются мужчины из кавказских племен, которые, пожалуй, самые превосходные и гордые люди из тех, кто живет между Европой и Азией.

266

22 июля 1942 г., за ужином

Адвокатам вход воспрещен! — Жулик жулика не ограбит. — Крокодилы слезы на продажу, за плату!

Позвольте мне произнести предупреждение в адрес наших законников: воздержитесь от попыток навязать администрации наших Восточных территорий свою манию к регулированию.

Для законников типично, что, согласно их доктрине, несмотря на то что я обладаю абсолютными правами как рейхсканцлер подписывать и провозглашать законы и декреты, касающиеся сотен миллионов марок, мне юридически не дозволено подписывать завещание на, скажем, десять марок без удостоверения моей подписи юристом. Мне пришлось издать специальный закон, чтобы избавиться от этого педантизма.

Пока я на этом месте, нет особой причины опасаться законников; когда понадобится, я избавлюсь от всех их формальностей. Но меня заботит будущее.

Совсем недавно я предпринял меры, которые позволяют мне положить конец их низким играм, когда они станут по-настоящему вредоносными. Я был вынужден это сделать, потому что до сих пор эти мошенники за свое поведение отвечали только перед собственным юридическим трибуналом, что автоматически означало, что ворон ворону глаз не выклюет. Но скоро я положу конец и этому.

В период нашей борьбы я накопил огромный опыт, общаясь с этими господами. Иногда мне говорили, что я путаю юристов, процветавших во время Веймарской республики, с их сегодняшними преемниками, которые совсем другие. Я абсолютно не согласен с этим; само расписание занятий адвокатов предполагает, что и подрастающее поколение будет состоять из точно таких же претенциозных хлыщей, как и их предшественники. Как можно считать честной профессию, которая с начала и до конца занята защитой преступников? И в которой пыл красноречия находитесь в прямой пропорции от платежеспособности их клиента! Посмотрите на Лютгебруна! Он может устроить наводнение из слез — при условии, что в прорезь для денег будет положено достаточно пфеннигов! Как могут они осмеливаться утверждать, что продвигают вперед дело справедливости, когда на ухо преступникам шепчут советы и ведут расследования самым сомнительным образом! Когда я присутствую при таком отвратительном представлении, я всегда знаю — вот перед нами мастер-лис, обучающий лисенка, как себя вести.

В старые времена бродячих картежников хоронили в общественных отходах; сегодня там место для юристов.

Никто не стоит по менталитету ближе к преступнику, чем адвокат; и если вы видите между ними большую разницу, то я ее не вижу.

Единственный способ очистить эту профессию — это национализировать ее; и я думаю, кстати, что это форменный скандал, что эти люди имеют право именовать себя «докторами».

267

22 июля 1942 г., за ужином

Два основных средства борьбы у русских. — Мы побеждаем время. — Давайте отдадим должное Сталину. — Взрослые и дети на Украине. — Надо поощрять использование противозачаточных средств. — Опасность расового давления на Восточных территориях. — Местное население, правильная политика. — Германская администрация и охотники за майскими жуками

Советы могли бы стать смертельной опасностью для нас, если бы сумели подорвать моральный дух наших солдат лозунгом Германской коммунистической партии: «Нет войне!» Потому что в то са-

мое время, когда они подвергались терроризму компартии, забастовкам, нападкам в ее печати и всем другим средствам воздействия коммунистов с целью добиться триумфа пацифизма в нашей стране, русские создавали огромную армию. Несмотря на сентиментальные высказывания о гуманизме, которые они так старательно распространяли в Германии, в своей собственной стране они доводили своих рабочих до поразительного состояния, и советского рабочего обучали через стахановскую систему работать тяжелее и дольше, чем его коллега в Германии или в капиталистических странах. Чем больше узнаем мы об условиях в России, тем больше мы должны радоваться тому, что ударили вовремя. Через десять лет в России появилась бы масса промышленных центров, недостижимых для нападения, которые непрерывно производили бы оружие, пока остальная часть Европы дегенерировала бы в беззащитную игрушку в руках советской политики.

Очень глупо насмехаться над стахановской системой. Оружие и оборудование русских армий — лучшее доказательство ее эффективности в использовании рабочей силы. Сталин тоже может потребовать нашего безусловного уважения. Он же по-своему чертовский парень! Он отлично знает свои примеры для подражания вроде Чингисхана и других, а размах его индустриального планирования уступает только нашему четырехлетнему плану. И нет сомнения, что он твердо намерен покончить с безработицей в России, которая существует в такой капиталистической стране, как Соединенные Штаты Америки...

Борман, только что вернувшийся из инспекционной поездки в колхоз в окрестностях Генерального штаба, поделился своими впечатлениями:

«Когда смотришь на детей, трудно представить, что рано или поздно они также унаследуют плоские славянские лица своих родителей. Как и жители Балтийских государств, они светловолосы, с голубыми глазами, пышущие здоровьем и круглолицы. В самом деле, чудно думать, что эти дети станут взрослыми украинцами с их вульгарными, невыразительными лицами. Меня весьма поразил факт, что на этих обширных территориях встречается так много детей и так мало мужчин. Такое изобильное размножение в один прекрасный день может создать для нас массу проблем, потому что их раса по природе более вынослива, чем наша. У людей изумительные зубы, и редко увидишь человека в очках. Они хорошо питаются и пышут отличным здоровьем во всех возрастах. Трудные условия, в которых эти люди жили столетиями, привели в движение беспощадный процесс отбора. Если кто-нибудь из нас попробует глоток их воды, он просто умрет. А они живут в грязи, пьют мутную застойную воду из своих прудов и процветают. Мы пичкаем себя хинином, чтобы уберечься от малярии, а украинцы настолько иммунны не только к малярии, но и к скарла-

тине, так что могут безнаказанно жить в местах, кишящих блохами и клещами.

Если этим людям дать под германским надзором — т. е. в значительно-но лучших условиях — размножаться слишком быстро, это будет не в наших интересах, потому что расовое давление, которое будут порождать эти проклятые украинцы, создаст реальную опасность. Наши интересы требуют как раз противоположного, а именно: чтобы эти территории, русские до настоящего времени, со временем были заселены германскими колонистами, численно превышающими местное население».

Гитлер дал на это следующий комментарий:

Недавно я прочел статью, принадлежащую перу некоего господина доктора, выступавшего за запрещение продажи контрацептивов на оккупированных территориях. Если какой-нибудь преступный идиот на самом деле попытается ввести эту меру, я снесу ему голову! По причине чрезвычайной рождаемости среди местного населения нам надо всеми силами убеждать женщин и девушек в необходимости постоянного использования презервативов. Поэтому надо вовсе не запрещать продажу презервативов, а, наоборот, поощрять ее. И за помощью надо обратиться к евреям! С их непревзойденным духом коммерции они — это как раз те самые люди для этого дела!

Однако, говоря со всей серьезностью, отмечу, что существует очень серьезная опасность, что местное население под нашей заботой и под нашим господством будет размножаться слишком быстро. Под нашей властью их жизненные условия неизбежно улучшатся, и надо принять все необходимые меры, чтобы негерманское население не росло в излишней степени. В этих обстоятельствах было бы крайней глупостью распространять на него услуги здравоохранения, которыми мы пользуемся в Германии; а посему — никаких прививок и прочих предохранительных мер для коренных жителей! Надо стараться задушить всякое желание такого рода вещей, убеждая их, что вакцинация и прочее — на самом деле самые опасные вещи!

Кроме того, очень важно избежать каких-либо действий, которые могут давать коренному населению повод для ощущения превосходства или расовой гордости. Это имеет исключительную важность, потому что только через создание противоположного состояния ума мы сможем подготовить почву для осуществления наших планов.

По этим причинам местному населению не должно даваться никаких возможностей для получения высшего образования. Неудача в этом отношении просто посеет семена будущего сопротивления нашему правлению. Конечно, у них должны быть школы — и за обучение они должны платить. Но нет никакой необходимости

учить их больше, чем, скажем, пониманию смысла различных дорожных знаков. Обучение географии должно ограничиться одним-единственным предложением: «Столицей рейха является Берлин — город, который каждый должен попытаться увидеть хотя бы раз в жизни». Наконец, элементарные основы чтения и письма на немецком языке завершат весь курс. Математика и т. п. — совсем ненужные вещи.

При создании системы образования одни и те же принципы должны применяться и для Восточных территорий, и для других колоний. Нам не нужно ничего из этой просветительской чепухи, распространяемой передовыми отрядами попов! Какой смысл говорить о прогрессе с такого рода людьми? Йодль совершенно прав, когда говорит, что знаки на украинском языке «Берегись поезда» излишни; какая разница, если еще один или два местных попадут под поезд?

Я в пользу преподавания немецкого в школах в небольшом объеме просто потому, что это облегчит нам управление. Иначе всякий раз, когда не будут исполняться немецкие приказания, местный житель будет пользоваться оправданием, что он «не понял». По той же причине русский шрифт должен быть заменен на латинский. Будет самой большой ошибкой, если местное население окажется под слишком большой опекой государства; и во избежание опасности того, что наш собственный народ станет чересчур мягкосердечным и чересчур к ним гуманным, германские колонии необходимо строго изолировать от местных жителей.

Ни при каких обстоятельствах немцы не будут жить в украинских городах. Если надо, так будет лучше разместить немцев в бараках за пределами городов, чем позволить им жить в городах. А иначе рано или поздно неизбежно начнется процесс чистки и улучшения города; а русские или украинские города ни при каких обстоятельствах не должны благоустраиваться или делаться более пригодными для жизни. Это не наша задача — вести местных жителей к более высоким жизненным стандартам; и нашей конечной целью должно быть строительство городов и сел исключительно для немцев и абсолютно отдельно от русских или украинских городов. Дома, которые будут строиться для немцев, ни в каком отношении не должны быть похожи на русские, и не должны использоваться известковая штукатурка и соломенные крыши.

В довоенной Германии все было слишком шепетильно и слишком стилизовано. Одна причина этого в том, что мы, немцы, вынуждены тесниться в такой близости, что у полиции не было иного выбора, кроме как время от времени издавать правила поведения в совместной жизни. Эта мания к регламентации, однако, несет с собой ту опасность, что, когда какой-нибудь немец устраивается жить за рубежом — например, в британском доминионе, — он испускает вздох облегчения при виде свободы дей-

ствий и движений и очень скоро становится оторванным от своего немецкого отечества.

Ни при каких обстоятельствах мы не должны повторять ошибок излишней регламентации на Восточных территориях. Если мы хотим избежать враждебности местного населения, нам надо ограничить свое вмешательство в их внутренние привычки и обычаи до минимума, совместимого с нашими интересами.

В довоенной Германии дело доходило до того, что Берлин совал свой нос даже в выборы мэра какого-нибудь города. Даже хотели запретить разведение собак, и мне пришлось лично вмешаться, чтобы вернуть разрешение любителям собак. Несчастную Ассоциацию майских жуков захлестнул поток распоряжений из Берлина с указаниями, как управлять, расходовать средства, вести аудит и бог знает что еще, а президент ассоциации должен лично отвечать за выполнение правил! Поэтому, что касается Восточных территорий, я хочу, чтобы из Берлина исходили только указания общего содержания; решение повседневных вопросов можно благополучно оставить на усмотрение соответствующих региональных комиссаров.

Кроме того, я предлагаю уменьшить опасность регламентации на Восточных территориях через сокращение до минимума германского административного аппарата и через то, чтобы региональный комиссар действовал через местных мэров. Конечно, я не желаю, чтобы из всего этого проросло что-нибудь вроде украинского государственного аппарата!

268

24 июля 1942 г., за ужином

Чего можно ожидать от голландцев. — Бедный народ, терпевший Вильгельма II. — Мужья Вильгельмины и Юлианы. — Популярность дуче. — Притязания на благодарность Европы. — Италия, страна внутренней борьбы. — Саботаж действий дуче

Когда люди говорят мне, что не станут хорошими воинами СС, я всегда вспоминаю карикатуры Шпицвега¹, который изображал германских солдат южногерманских государств сидящими и вяжущими носки. Но двадцать лет обучения наложили на эту проблему совсем другой отпечаток. Народ вроде голландцев, проявивших свою способность в организации великолепной службы авиапере-

¹ Ш п и ц в е г Карл (1808—1885) — немецкий живописец, график, школа бидермейера.

возок на Дальний Восток и давших миру целую кучу первоклассных мореходов, легко может научиться усваивать военный дух. Нельзя терять веру в присущую этой расе твердость, ибо она воистину твердая.

Хорошо помню, как я был совершенно ошеломлен, когда такой промышленник, как Кирддорф¹, обещая мне полную поддержку для нашего движения, заявил, что я не должен требовать от него лишь одного: а именно веры в успех нашего дела. Народ, который покорно мирился с кайзерами вроде Вильгельма II, был, по его мнению, слишком ленив и не способен к какому-либо возрождению.

То, что Кирддорф был слишком пессимистичен в своих оценках нашего народа, показывает факт, что бывшие монархи и члены бывших царствующих домов уже в течение своей жизни были полностью позабыты их народом. Кого, например, интересует сейчас Рупрехт Баварский! Королевский сан располагает всем, кроме мудрости, а граница, отделяющая трон от сумасшедшего дома, слишком нечеткая.

Я буду искренне рад, если нам удастся избавиться от короля Бельгии, предоставив ему пенсию в полмиллиона или вроде этого и обеспечив ему тем самым позолоченное изгнание.

В Голландии, слава богу, дела идут много проще, потому что в принце фон Липпе-Бистерфельде² перед нами абсолютно слабоумный ребенок на троне. Он даже вскоре после нашего прихода к власти имел дерзость обратиться ко мне с просьбой дать в кредит семь с половиной миллионов гульденов в обмен на его заверение, что он будет делать все, что в его власти, чтобы увеличить германское влияние в Голландии!

Тупость и гордыня стали притчей во языцех не только среди коронованных голов, но и среди так называемых высших кругов. Вновь и вновь мне приходится защищать дуче в определенных кругах общества, обращая их внимание на то, что без него Италия наверняка стала бы коммунистическим государством. И вновь и вновь те же самые круги отвергают его как объявленного вне закона и как отработанный пар.

Совершенно прав Борман, когда на основании своей коллекции фотографий заявляет, что дуче пользуется огромной популярностью. Я сам в дюжине различных эпизодов в Италии видел, как очень популярен дуче у большинства народа; и тут никак нельзя отрицать беспрецедентные достижения этого человека и фашизма: бесчисленные новые заводы, строительство новых жилых домов, школ и госпиталей, великое колониальное предприятие и многое

¹ К и р д о р ф Эмиль (1847—1938) — немецкий промышленник, финансировал НСДАП.

² П р и н ц ф о н Л и п п е - Б и с т е р ф е л ь д — супруг (с 1937) королевы Нидерландов Юлианы.

другое; если вспомнить ужасное состояние Италии ко времени прихода дуче к власти, то можно понять размеры его достижений. А самое главное — он победил большевизм, и не военной силой, а превосходством интеллекта, и это его мы должны благодарить за то, что своей решительной победой над внутренней мощью большевизма он впервые показал, что даже в XX веке можно пробудить в народе чувство истинно национальной гордости. И тут он всем нам оказал великую услугу — точно так же, как и в предстоящие годы моей величайшей услугой человечеству будет считаться мой успех в спасении Европы от азиатского нашествия.

Политической активности дуче серьезно мешает королевская прерогатива; например, практически невозможно брать на себя руководство страной, если ее вооруженные силы дали клятву верности другому лицу. Никакой директор не сможет эффективно управлять фирмой, если какой-нибудь другой акционер владеет большинством акций, а потому в состоянии как угодно изменить или отменить все распоряжения менеджера. Если законодательная и исполнительная власть не находятся в одних руках, возникнут бесконечные проблемы.

Когда мы, немцы, судим о дуче, мы должны учитывать все, не забывая, что в конечном итоге это дуче, кого мы должны благодарить за то, что Италия в этой войне не на стороне союзников. Если некоторые аспекты нашего сотрудничества с Италией кажутся нам раздражающими, давайте не забывать, что король и его двор имеют куда большие полномочия для вмешательства как в военные вопросы, так и в дела государства. Даже префекты назначаются короной. Дуче, я знаю, утверждает, что это его не волнует, потому что он защищается от опасности в случае, если некоторые префекты начнут интриговать против него, позаботившись о том, что некоторые из его самых отважных и верных фашистов всегда находятся в списке кандидатов на пост префекта. Но ему приходится действовать быстро как молния и быть готовым со своими рекомендациями в любую секунду, когда освобождается место префекта; если он хоть чуть-чуть опоздает, этот пост будет немедленно занят каким-нибудь сикофантом двора, а что это означает, я сам видел в Риме.

Я едва мог поверить своим глазам, когда увидел, как бесстыдно ведет себя королева по отношению к дуче, как дворцовая клика рвется вперед. Никогда ранее я не видывал лучшего примера того, как необходима милиция. Когда я сказал об этом дуче, тот засмеялся и ответил, что в нынешних условиях он не может справиться с единственной исполнительной властью полиции за своей спиной.

Высшие аристократы Италии вместо того, чтобы понять, что победа коммунизма означала бы их немедленное уничтожение, и вместо того, чтобы оказать ему всевозможную поддержку, создают

одну за другой трудности на его пути в борьбе с большевиками. Они не соображают, какую огромную помощь оказывают большевикам, уподобляясь глупому теленку, про которого говорят: «Глупый теленок сам выбирает своего мясника».

269

26 июля 1942 г., полдень

**Нефтяные месторождения на Кавказе и в других местах. —
Русские методы. — Цена газового топлива**

Наличие нефти на Кавказе, в окрестностях Вены и в Гарце позволяет подозревать о существовании какого-то нефтяного месторождения, о размерах и важности которого ни у кого нет ни малейшего представления. И в этом нет ничего удивительного. Как и в случае с минеральными ресурсами, тресты немедленно скупили бы любые только что открытые нефтесодержащие территории с намерением ограничить их разработку до степени, отвечающей их интересам; в этом их главной целью было бы не дать другим заниматься эксплуатацией. Надо отдать должное русским и признаться, что в этом отношении им удалось ограничить власть монополий и исключить частные интересы. В результате они сейчас могут на всей своей территории вести разведку на нефть, чье местонахождение и возможные размеры изучаются специалистами с использованием карт очень крупного масштаба. Таким путем они в состоянии не только проследить направление нефтяных жил, но и проверить достоверность этих фактов и расширить свои знания с помощью разведочного бурения за счет государства. Мы у них можем многому поучиться.

Нет пределов тому, что можно было бы извлечь из залежей вблизи Вены, если бы государство вовремя провело необходимые исследования. Это вместе с нефтяными резервуарами Кавказа и Румынии избавило бы нас от всех забот в будущем. Однако нельзя забывать, что нефтяные запасы не бездонны; и вот поэтому я все еще стою за общественный транспорт с газовыми двигателями, и особенно за то, чтобы газовые автомобили были у партии.

Я выступаю за это не только ради будущего, но и вижу в этом средство снижения расходов на транспортировку. За двенадцать пфеннигов на газовом автомобиле можно проехать такое же расстояние, как с одним литром бензина на обычной автомашине, а литр бензина стоит сорок пфеннигов. В северных странах, и особенно в Финляндии, полным-полно угля; в Германии изобилие лигнита, а на Украине есть брикеты из соломы, запасы которой безграничны и которая иначе сгниет.

26 июля 1942 г., после ужина

**«Можно» и «нельзя» для государственных служащих. —
Искушение коррупцией. — Жена Цезаря... — Старый
госслужащий и частный бизнес. — Некоторые мошенники**

Фюрер спросил Бормана, предприняты ли какие-то меры, чтобы сделать незаконным для любого члена рейхстага пребывание в совете директоров какого-либо частного концерна. Борман ответил, что решение вопроса отложено до окончания войны, и предложил задать вопрос Ламмерсу для детального освещения в его следующем докладе. Фюрер был шокирован этим ответом и заявил:

Никакой слуга государства не может быть акционером. Никакой гаулейтер, никакой член рейхстага и вообще никакой партийный лидер не должен быть членом какого-либо совета директоров, невзирая на то, почетное это назначение или оплачиваемое; потому что даже если бы этот индивидуум был движим только интересами государства и даже если бы он обладал честностью самого Катона¹, общество потеряло бы веру в него. В капиталистических странах само собой разумеется, что крупная фирма держит у себя на службе влиятельных людей — отсюда и большое число членов парламента и высокопоставленных чиновников, которые фигурируют в советах директоров. Деньги, истраченные на этих людей в виде директорской зарплаты, доли прибылей и т. д., более чем окупаются одним-двумя выгодными правительственными контрактами, которые эти люди в состоянии обеспечить для своей компании.

Дунайская судоходная компания, например, платила восемьдесят тысяч крон в год каждому из дюжины членов парламента, сидевших в ее совете директоров. Но она во много раз окупила свои затраты через влияние, которое эти люди оказывали в ее пользу. Всякая конкуренция была исключена, уступив место практической монополии, — и все это в ущерб государству или, иными словами, обществу. Поэтому необходимо принять за абсолютный принцип, что никакой член рейхстага, никакой государственный служащий и никакой партийный руководитель ни в коем случае не должны иметь связей с бизнесом этого рода.

У простолюдинов исключительное чутье на такие вещи. Когда я решил купить недвижимость, мой выбор лежал между Бергхофом и Штайнгаденом. К счастью, я выбрал Бергхоф. Если бы я выбрал Штайнгаден, я был бы вынужден стать производителем этого знаменитого штайнгаденского сыра, чтобы содержать в порядке это

¹ К а т о н Старший Марк Порций (234—149) — писатель и консул.

место. И каждый бы немедленно воскликнул: «А как же! Фюрер лично заинтересован в цене на сыр».

Эту точку зрения поддержал фельдмаршал Кейтель, который рассказал следующую историю. Бывший министр продовольствия Хугенберг энергично поддерживал кампанию, предпринятую штатом для того, чтобы увеличить потребление молока. Когда его собственные грузовики с молоком его собственных предприятий проезжали по улицам, заклеенные плакатами официальной кампании, все говорили, что настоящей целью этой акции является содействие молочному бизнесу министра! Фюрер продолжал:

Когда какой-нибудь чиновник уходит на пенсию с государственной службы, ему нельзя разрешать заниматься бизнесом, к которому он только что имел официальное отношение. Потому что можно быть уверенным, что любая фирма с радостью возьмет его — не ради услуг, которые он может оказать, а ради связей, которые у него, несомненно, имеются. Если б это было не так, то тогда директора не зарабатывали бы до тридцати шести тысяч марок и более в год. Кроме того, это просто скандал, что люди такого типа будут узурпировать позиции, на которые претендуют более достойные люди, а именно те, кто провел всю жизнь на службе данному предприятию и шаг за шагом поднимался по служебной лестнице. Одного этого достаточно, чтобы продемонстрировать аморальность всей системы. Большой бизнес так же охотится за такими связями, как дьявол — за душой еврея.

Если хоть раз позволить гаулейтеру стать акционером или директором какого-нибудь промышленного предприятия, уже невозможно будет помешать крайслейтеру, или мэру, или другому мелкому чиновнику сделать то же самое; и это будет означать начало коррупции.

По всем этим причинам мы должны заботиться, чтобы любой государственный чиновник, вложивший все свои деньги в акции, вкладывал бы их вместо этого в государственные займы. Такова, как справедливо заметил фельдмаршал, была практика в старой армии; в старой императорской армии офицеру не разрешалось вкладывать в частные промышленные предприятия ни свое состояние, ни приданое его жены, а ему полагалось подписываться на государственные займы, рекомендуемые и гарантированные государством. Это была хорошая система, потому что она гарантировала, что частные интересы этого офицера, как и интересы госчиновника, будут неразрывно связаны с интересами государства. В конечном итоге, государство существует не для того, чтобы поднять кого-то до высокого уровня и дать ему все лучшее лишь для того, чтобы впоследствии этот человек ускользнул из-под его покровительства.

Адмирал Кранке спросил, каково отношение государства к работнику, сделавшему какое-нибудь изобретение. Фюрер на это ответил:

Если изобретение имеет эпохальное значение, оно будет передано государству, а изобретатель получит соответствующее вознаграждение в государственных облигациях.

Адмирал затем спросил, запрещается ли офицеру, добровольно ушедшему в отставку, заниматься частным предпринимательством. Ответ фюрера был следующим:

Я весьма сомневаюсь, чтобы отставной майор был способен заполнить какую-либо вакансию в бизнесе, пусть даже бухгалтера. У нас было достаточно проблем в конце Первой мировой войны при трудоустройстве демобилизованных офицеров. Надо провести четкую разграничительную черту между теми, кто уходит с государственной службы с целью занятия бизнесом, и теми, кому разрешается уйти в отставку по причине их несоответствия.

Чтобы госчиновники не рассчитывали в уме на возможность переключения на частный бизнес, государство должно обеспечить положение, при котором во всех договорах с крупными предприятиями оно никогда не отдавало им монополию. Когда встает вопрос о крупном заказе, его всегда надо делить между тремя-четырьмя конкурирующими фирмами. Только таким путем можно помешать коммерчески мыслящим слугам государства строить для себя в уме «золотые мосты» в некоторые фирмы. Кроме того, предоставление крупных заказов должно решаться комитетом, члены которого постоянно меняются. Скупочные комиссии от имени армии всегда должны состоять из отобранных офицеров, отозванных с фронта для этой цели и не имеющих связей с затрагиваемыми производствами. Если появится хоть малейший признак, что их искушают, — их надо немедленно освобождать. Я выступаю против охоты, потому что стрельба и охота оказывают на офицеров такое же влияние, как драгоценности — на женщин.

Промышленники — это эксперты в искусстве коррупции, а их мастерство — это результат многих лет опыта! Этим объясняется хладнокровная смелость, с которой они преследуют свои цели. В одном случае даже обращались ко мне и пытались заручиться моей поддержкой в том или ином деле, в котором подпись фюрера принесла бы им кучу денег (и передо мной размахивали пачкой акций), которые, естественно, пошли бы в любой благотворительный фонд по моему выбору!!

Алхимик Таузенд, искусно пользуясь именем Людендорфа (попавшего в ловушку), добыл вымогательством четыре миллиона марок из одной группы промышленников — девятьсот тысяч от одного только Маннесмана, — чтобы финансировать свои дальнейшие эксперименты.

Если офицер Людендорфа с его высокими качествами может стать жертвой мошенника, тем больше причин позаботиться, чтобы запретить другим, более заурядным людям, вроде офицеров, уволенных по причине неспособности, заниматься частным бизнесом. То, что

эти офицеры не подходят для деловой активности, показано в провале попытки Людендорфа, когда он попробовал вместе с капитаном Вайсом основать газету.

Даже самый способный бизнесмен может иногда попасться на удочку мошенника. Я вспоминаю Розелиуса¹, который извлекал кофеин из кофе и продавал его как лекарство по высокой цене, а потом продавал свой переработанный кофе по цене выше, чем обычный кофе. Но даже этот хитроумный Розелиус поймался на приманку какого-то мошенника, который заявлял, что может превращать грязную воду в чистую. Вскоре после того, как я пришел к власти, Розелиус уговорил меня, и я согласился принять эту выдающуюся персону. Мне было достаточно несколько мгновений послушать этого великого «изобретателя», чтобы понять, что это законченный жулик.

Потом министр по делам церкви² попал в лапы так называемого изобретателя, который утверждал, что может добывать бензин из угля с помощью воды! Даже Кеплер позволял этому шулеру водить себя за нос около года, а тот действительно производил бензин и давал для инспекции своей жертве — но вот бензин этот получался из других источников! Когда дело стало слишком горячим для этого мошенника, он попытался было благополучно улизнуть из страны. Но Гиммлер, который поначалу ему поверил, выдал ему вместо этого *carte d'entrée* [декларацию на въезд. — Пер.] в один из концентрационных лагерей, где он смог в тишине продолжать свои эксперименты!

«Если такие мошенники возможны в нашей стране, — произнес Борман, — что же тогда происходит в такой стране, как Соединенные Штаты!» Фюрер продолжал:

Сила Германии лежит в том факте, что люди партии, государства и армии не участвуют в бизнесе; а те из них, кто все-таки имеет какую-то связь с бизнесом, должны теперь принять окончательное решение: либо они должны порвать все подобные связи, либо должны отказаться от своих официальных должностей.

271

27 июля 1942 г., за ужином

**Мигрирующее население России. — Притягательность юга. —
Германская бюрократия и номады**

Посол Гевель сообщил, как комиссар соседнего города рассказывал ему, что большое число русских обратилось за пропусками, вероятно для поездки в Крым. Большинство из заявителей прибыли вместе с женами и семьями из Ленинграда. Фюрер сказал:

¹ Р о з е л и у с Людвиг — бременский коммерсант.

² Ханс Керрл (1897—1941) — министр по делам церкви (1935—1941).

Но это же смешно! Я тут пытаюсь очистить Крым, чтобы дать место нашим колонистам, а наши командные пункты выдают пропуски любому и всякому русскому, который обращается с заявлением! И я об этом узнал лишь случайно!

Неужели никто не может взять на себя труд подумать, почему эти русские хотят эмигрировать? Во-первых, конечно, из-за притягательности юга; они все знают, что климат Крыма более умеренный, запасы теплой одежды у них подходят к концу, а последняя зима была особенно суровой. У русских нет той тяги к родному очагу, какая характерна для немецкого крестьянина; даже в царское время миллионы обычно переезжали, и не последней причиной была надежда избежать налогов, потому что период массовой миграции обычно совпадал с приходом имперских сборщиков налогов.

Чтобы точно разобраться в менталитете этих людей, надо понять, что они — кочевники. Страсть к путешествиям свойственна им так же, как и стаду животных; опустошив один район, они пускаются в дорогу в поисках свежих пастбищ. Этим объясняется, почему русские всегда готовы бросить даже такую ценность, как повозка, если она мешает им двигаться вперед.

Не могу сдерживать усмешку, когда вспоминаю, какое благословенное поле для деятельности представляют собой эти люди для наших бюрократов! Я уже представляю себе, какие меры они могут ввести: прежде всего, нечто вроде журнала поездок, в котором аккуратно ставится штамп при отбытии с каждого пастбища; потом запрет на использование некоторых дорог — а не запрещенные дороги обязательны для использования! И лакомым кусочком станет сражение бюрократов за право командовать этими цыганами. То ли это будет компетенцией военных властей, то ли министерства внутренних дел? А почему бы и не министерства иностранных дел? Они наверняка могут требовать этого на том основании, что некоторые из этих кочевников в один прекрасный день пожелают отправиться даже за широко раскинувшиеся пределы Германского рейха будущего!

272

28 июля 1942 г., полдень

Перевозки зерна

Обсуждался вопрос, перевозить ли в Германию захваченные в Морозовской сто тысяч тонн зерна. Это составляло два миллиона мешков, или сорок миллионов семифунтовых буханок хлеба. Фюрер изложил следующее мнение:

Сто тысяч тонн! Это звучит колоколом в моей памяти. Как раз такое количество я разыскивал, сражаясь как лев, чтобы швабы не

остались без своих любимых клецок. Я не верю в теорию, что все продукты следует разделить равномерно на всю территорию рейха. Здравый смысл подсказывает, что швабам надо дать их клецки, мюнхенцам — пиво, венцам — чуть больше кофе и белого хлеба, а берлинцам — дополнительный рацион колбасы! И тут нет никаких сомнений, что моральный дух народа в значительной степени зависит от сочувствия и обслуживания, этих мелочей, от которых жизнь для людей становится приятней.

Я считаю, это зерно надо отправить в Германию и распределить среди рабочих тяжелой промышленности.

273

29 июля 1942 г., полдень

Люди и машины

В Первую мировую войну нам пришлось дожидаться до 1918 г., пока армия не согласилась высвободить сорок тысяч рабочих, срочно требовавшихся для строительства субмарин. В 1917 г. военные власти отказались предоставить людей, нужных для производства танков. В этом Верховное командование допустило фатальную ошибку, ради сохранения численности войск пожертвовав потенциально гигантским выигрышем в качестве военного оборудования. Ибо в любой войне решающим фактором является обладание технически превосходящим вооружением.

Сегодня нашей основной заботой должно стать сохранение ведущих позиций, уже завоеванных нами в этом отношении, которые стали фундаментом наших великих побед на сегодня. Если мы будем этого придерживаться, то сможем воевать — и выигрывать — в этой войне, неся потери в живой силе в три раза меньшие по сравнению с теми, что несет противник.

Поэтому было бы верхом глупости настаивать на удержании в армии специалистов в строительстве подводных лодок. Чистым результатом такой тактики станет то, что британцы смогут пробить себе дорогу к Архангельску с конвоями, несущими тысячу танков и столько же самолетов. А потом армии и авиации придется их уничтожать в кровопролитных одиночных боях с потерями во много раз большими, чем то количество людей, которое требуется от вермахта для строительства подлодок.

Если бы во время Первой мировой войны из армии в нужный момент — скажем, после сражения при Камбре¹ — было высвобо-

¹ Сражение при Камбре (20 ноября — 6 декабря 1917 г.) между 3-й армией генерала Джелиена Бинга и 2-й армией генерала Георга фон дер Марвица. Первое массовое применение танков (англичанами). Ни одна из сторон не добила целей.

дено пятьсот тысяч технических специалистов для строительства бронированных боевых машин, а особенно танков, тогда бы мы потеряли не два миллиона человек, а наверняка меньше миллиона. В этой связи также следует помнить, что смерть приходит в одно мгновение, а техник может затратить триста шестьдесят дней в году, улучшая самое совершенное оружие века и спасая немыслимое количество солдатских жизней.

Такую же важность имеет строительство минных тральщиков, ибо без них прекратятся поставки железной руды из Швеции, потому как британцы с дьявольским упорством минируют фарватер. Последствия отсутствия тральщиков многократны; во-первых, из-за отсутствия железной руды упадет производство вооружений, а из-за отсутствия оружия вырастут потери на фронте; во-вторых, отсутствие тральщиков позволит британцам минировать фарватеры, нужные нашим субмаринам, тем самым снижая их эффективность и увеличивая их потери.

Поэтому строительство подводных лодок и минных тральщиков и высвобождение для этого из вооруженных сил специалистов, требуемых для решения этой задачи, имеют первостепенное и равное значение.

Чем больше в строю у нас будет субмарин, тем выше будут потребности в уходе за ними и ремонте; и это тоже надо держать в уме, решая, сколько специалистов надо высвободить.

274

29 июля 1942 г., за ужином

Скульптор Крайз¹. — Германское искусство и евреи. — Тысяча двести шедевров в Мюнхене. — Дилемма, стоящая перед художником

Воздвигнутый в Лабо монумент в честь подводников с искорененными носовыми частями — просто претенциозный образчик искусства. Я поэтому только благодарен, что в профессоре Крайзе мы имеем художника в камне, способного на осуществление самых великолепных проектов для будущих военных мемориалов.

Затем Борман показал Фюреру несколько фотографий картин с выставки — биеннале в Венеции. Фюрер комментировал их следующим образом:

По моему разумению, полное отсутствие техники на этой невероятной мазне представляет собой окончательное проституиро-

¹ Крайз Вильгельм (1873—1955) — немецкий скульптор и архитектор. Автор мемориала Неизвестному солдату.

вание искусства. Восприятие общественностью, как мне докладывали, проливает существенный свет на ценность этой выставки; увидев эти картины, публика просто разразилась хохотом. Такое не могло случиться на выставке в Доме германского искусства в Мюнхене.

Одна тысяча двести работ, отобранных для Мюнхенской выставки из примерно десяти—двенадцати тысяч присланных, были без исключения первоклассными работами. Тщательность отбора была гарантирована, потому что велась не самими художниками, а людьми калибра профессора Гофмана и директора Кольба. Художники, как селекционеры, как-то склонны отбирать для выставки некое количество посредственных произведений, которые потом служат великолепным фоном для их собственных работ.

Ценность Мюнхенской выставки двукратна. Она гарантирует, что покупатель любой картины может спокойно и с гордостью повесить ее у себя дома, а также существенно помогает образованию и воспитанию художника.

Я всегда придерживался такого принципа: если какой-нибудь самозванный художник шлет на Мюнхенскую выставку мусор, то он либо мошенник (но тогда его место в тюрьме), либо сумасшедший (в таком случае его надо поместить в психиатрическую больницу), либо он дегенерат, тогда его надо отправить в концентрационный лагерь на «перевоспитание» и для того, чтобы научить, как достойно трудиться. Таким способом я гарантировал, что бездари будут бояться Мюнхенской выставки как чумы.

То, что немецкий народ одобряет мою точку зрения, выражено тем, что выставку посетили миллионы, и это является источником моего глубочайшего удовлетворения.

275

1 августа 1942 г., вечер¹

Американское легковерие. — Немногословность британского общественного мнения. — Британское вранье. — Сравнение с Америкой. — Свинья в образцовом свинарнике. — Коварная мудрость церкви. — Эволюция знаний и добросовестности. — Уход папы. — Ненависть к клерикалам в Испании. — Серрано Суньер, могильщик современной Испании

Разговор коснулся книги, озаглавленной «Хуан в Америке», которую Борман недавно давал фюреру. В ней автор изображает картину невероятных условий, которые царили в интеллектуальных и политических кругах Соединенных Штатов, и удивительную доверчивость аме-

¹ Текст за этот день очень разрознен и неразборчив.

риканского гражданина. Гевель заявил, что такая доверчивость не является чисто американской характеристикой, но и в Британии также есть люди, верящие всему, что слышат. Гитлер заявил следующее:

Это напоминает мне совещание Хауссера, которое я посещал в Штутгарте, где произошло точно то же самое. Один парень, то ли идиот, то ли сумасшедший, то ли первоклассный жулик, обрушил на слушателей шквал оскорблений, называя присутствующих свиньями, рогатым скотом, животными и т. д., хотя там, вообще-то, в большинстве были очень уважаемые люди. Когда-то на выборах в Мюнхене этот друг Хауссер получил двадцать девять тысяч голосов, потому что избиратели перепутали имя, думая, что партия Хауссера представляет интересы домовладельцев! На тех же выборах Штреземан, рейхсканцлер, получил только двадцать семь тысяч голосов!

Фельдмаршал Кейтель выразил мнение, что ту же ситуацию мы имеем сейчас с молодыми исследователями Библии. Фюрер ответил:

Такие вещи надо искоренять. Если общество поддастся такого рода антисоциальным тенденциям, оно разрушится. Мы не можем это терпеть. Даже по закону джунглей антиобщественные элементы среди животного мира подлежат уничтожению. А если этого не произойдет, мы вполне можем получить повторение нашего опыта 1918 г. и увидим, как эти элементы узурпируют власть в моменты национальной слабости!

Во время Первой мировой войны крупные операции в основном заканчивались в конце ноября или в начале декабря, и на фронте наступало сравнительное затишье. Я хорошо помню, что в конце октября 1918 г. шли очень тяжелые бои, а потом 27-го числа началась дожди, и все размыло.

Однако с тех пор мы в настоящей войне обрели некоторый суворовый опыт на Восточном фронте, о котором наши западные враги не имеют понятия. Зачем, удивляюсь я, британцы провели весь март в разговорах о «весеннем наступлении»? Ведь март в Англии — это весна.

Благодаря богатствам своей колониальной империи Британия, естественно, стала нацией правителей — и, боже мой, красоты их загородных замков и величия их поместий!

Это совершенная правда, что британец верит всему, что ему говорят. Но сейчас, однако, замечается легкий ропот по поводу ложных сообщений. Чтобы оправдать свой обман, те, кто заправляют делами, доходят до того, что говорят недовольным, что ложные сообщения распространяются для того, чтобы ввести в заблуждение врага. Большая часть британцев заявляет: «Мы ведем войну с помощью блефа, и только так мы можем вести ее!»

Уже другое дело, верят ли они тому, что реально вводят нас в заблуждение. Осенью 1939 г. они объявили, что во Франции уже миллион британских солдат! Даже я оценивал их мощь в диапазоне между тридцатью пятью — сорока дивизиями, когда в действительности их было от двенадцати до пятнадцати — каких-то 350 000 человек! Не могу себе представить публикацию намеренной лжи в германском официальном коммюнике; но они даже не обращают внимания, сколько раз печатали ложь в своих сообщениях, и теперь понятны масштабы, в которых они одурачивают свой собственный народ.

Как утверждают сами американцы, у них все самое лучшее, большое и самое эффективное во всем мире; а когда прочтешь такую книгу о них, то видишь, что у них куриные мозги! Естественно, разочарование будет тем более жестоким, а ужас, когда рушится этот карточный домик, огромен. Такое уже было в результате событий на Дальнем Востоке. Зачем таким людям воевать — ведь у них уже все есть! Тем не менее, боевой порыв скоро пойдет на убыль, когда англичанина призовут еще более уменьшить прелести жизни!

С американцами очень трудно спорить. Они тут же начинают кричать: «Слушай! Посмотри, сколько зарабатывает наш рабочий!» Да, это так, но давайте взглянем на обратную сторону вопроса. Промышленный рабочий зарабатывает свои восемьдесят долларов; но человек в промышленности не занятый не зарабатывает абсолютно ничего. Одно время у них было не менее тринадцати миллионов безработных. Я видел фотографии прибежищ, построенных из старых жестянок из-под керосина, которые соорудили для себя безработные, и это напоминает мне лачуги, которые можно найти в большевистских индустриальных городах. Я допускаю, что наш уровень жизни ниже. Но в Германском рейхе есть двести семьдесят оперных театров — уровень культурного существования, о котором они не имеют представления. Да, у них есть одежда, продукты, машины и плохо построенные дома — но с холодильником! Такие вещи на нас не производят впечатления. Я могу, имея на это серьезные основания, судить о культурном уровне XVII века по внешнему виду туалетов [уборных. — *Пер.*], которым тогда большого значения не придавалось!

Несколько дней назад я читал другую книгу — об Испании. Испанцы и американцы просто не в состоянии понять друг друга. То, перед чем испанцы благоговеют, для американцев ничего не значит, а американский образ жизни для испанцев — закрытая книга. Суммируя все это, можно сказать, что американцы живут как свиньи — но в самом роскошном свиномоду!

Рейхслейтер Борман привлек внимание к подаркам, которые Франция почти каждый день делала для церкви и на которых мощь церкви пышно процветает. Фюрер продолжил мысль:

То же самое было в Баварии! Гельд¹ вернул церкви лесные массивы стоимостью от тридцати до сорока миллионов марок, земли, которые по конфискации принадлежали государству!

Церкви удалось добиться выгодного баланса между жизнью на земле и в загробном мире. На земле, как они говорят, бедный должен оставаться бедным и блаженным, потому что на небесах земной богач не будет иметь ничего; и несчастные бедняки верят этому!

Существующий порядок вещей может сохраняться только с помощью удержания человеческих масс в неведении; в глазах верующих в этом состоит оправдание верховной папской власти. Однажды Крамер-Клетт² сказал мне, что стал католиком, потому что до него дошло, что Лютер своей Реформацией совершенно уничтожил власть как таковую.

Может быть — но меня не покидает мысль, что человек был наделен мозгами, чтобы пользоваться ими, и что все, что основано на предположении, неприемлемо для человеческого интеллекта, не может существовать вечно. Невозможно слишком долго твердо придерживаться убеждений, ложность которых доказывается прогрессом познания. Я бы ошибся, если бы назвал лжецом человека, который твердо верил в мир Аристотеля или Птолемея, когда у него не было другой альтернативы для выбора. Но человек, все еще верящий сегодня в эту старую концепцию мира, определенно лгун. Никакая наука не стоит на месте. В моих глазах способность человечества отвергать доказанную ложь есть одно из его достоинств. Церковь описывает и объясняет в деталях неведомое, и если она прогрессирует со временем, то неизбежно надо выбить почву из-под ее ног. Из-за этого она противостоит всякому прогрессу. К нашему знанию о Создателе немного добавится, если какой-нибудь поп представит нам равнодушную копию человека как свое понимание божества. В этом отношении мусульманин, по крайней мере, более просвещен, когда заявляет: для формирования понятия об Аллахе не надо снисходить до человека.

Самая серьезная опасность, как мне видится, состоит в том, что христианство, держась за концепцию загробного мира, которая постоянно подвергается атакам непрерывного прогресса, и так прочно связывая себя со многими тривиальностями жизни, которые в любой момент могут рухнуть, готовит человечество к обращению в материалистический большевизм. А это страшная трагедия. Человек потеряет всякое чувство меры, и, как только он сочтет себя хозяином вселенной, это будет конец всему. И если церковь Испании будет продолжать идти по нынешнему пути, она кончит его на мусорной свалке.

Одним из самых замечательных сюжетов в истории является быстрота, с которой Мустафа Кемаль Ататюрк избавился от своих

¹ Г е л ь д Матфей (1500—1563) — императорский советник, организатор католического съезда в Нюрнберге 1538 г.

² Возможно, речь идет об одном из руководителей машиностроительной фирмы MAN.

проповедников. Он тут же повесил тридцать девять, а остальных изгнал, и теперь Святая София в Константинополе — музей!

В испанском народе налицо смешение готской, франкской и мавританской крови. Об испанце можно говорить как о смелом анархисте. Арабская эпоха — а арабы смотрели на турок как на собак — была самой культурной, самой интеллектуальной и во всех отношениях наилучшей и счастливейшей эпохой в испанской истории. А за ней последовал период гонений с его бесконечными зверствами.

Русские не питают ненависти к священнику; его просто презирают как паразита, который любой ценой цепляется за свое место ради тех благ, что оно ему приносит. Русские цари, в отличие от германских и испанских, никогда не были рабами церкви. В Испании ненавидят духовенство и скоро его истребят!

Все, кто следили за прогрессом Франко, утверждают, что он движется к новой революции. Остальной мир не может отгородиться от Испании китайской стеной. Рано или поздно должен произойти взрыв. И тут тоже видна фундаментальная истина: паразиты в своей алчности не понимают, что уничтожают саму основу своего существования. Церковь сегодня — не что иное, как наследственное акционерное общество для эксплуатации человеческой глупости. Франко никогда бы не выжил, если бы в 1936 г. я не решил послать ему наши первые самолеты Юнкерса. А сегодня его спасение приписывают святой Изабелле! Изабелла Католическая¹ — величайшая шлюха в истории, которую папа наградил Розой Доблести² примерно в то же время, когда нашего Людвига Баварского чуть ли не распинали из-за Лолиты Монтеc! Смерть Мола была для Испании настоящей трагедией; вот это настоящий ум, настоящий лидер. Франко поднялся наверх, как Понтий в символе веры. Несомненно, самая дьявольская натура — это Серрано Суньер, в чью задачу входит подготовить путь для Латинского союза. А в действительности он — могильщик современной Испании!

276

3 августа 1942 г., вечер

Пчелы и муравьи. — Интеллект и инстинкт. — Слабый и сильный

Вот одна из наиболее забавных вещей в природе. Есть некоторые виды муравьев, у которых весь род умирает, если умирает муравьиная королева. Если пчелиная матка заболевает, весь рой в

¹ Имеется в виду Изабелла (1451—1504), объединившая Испанию (1479), завершившая Реконквисту и финансировавшая экспедиции Колумба. До настоящего времени не беатифицирована.

² В Ватикане не существует такой награды.

тревоге. Есть еще один вид муравьев, который выращивает грибы, на которых эти муравьи разводят тлю. Муравьи ухаживают за тлей, переносят ее на солнечный свет, а потом обратно в тело гриба. А потом они готовят особый напиток из тли, которым постоянно кормят муравьиную королеву.

У меня возник вопрос: где кончается природный инстинкт и начинается человеческий разум? Необходимо установить различие между ними. У суки есть щенки. Суки нигде не обучаются, но все они с одинаковым успехом заботятся о своих детенышах. Это врожденный инстинкт, который не следует путать с разумом, принимающим свои решения в соответствии с определенными обстоятельствами. Самые примитивные из инстинктов, которым отвечают все формы жизни, — это питание и воспроизведение вида.

В молодости у меня были все возможности заниматься изучением пчел, потому что мой старый отец был заядлым пчеловодом. К сожалению, они меня часто так жестоко кусали, что я однажды чуть не умер! В нашей семье пчелиные укусы было заурядным, ежедневным делом. Моей матери приходилось не раз вытаскивать по сорок пять — пятьдесят жал из старика, когда он возвращался после уборки ульев. Он никогда и никак не предохранялся от пчел; все, что он делал, это все время курил — другими словами, имел хороший предлог, чтобы выкурить еще одну сигару!

Слабовольный человек в истории всегда собирает вокруг себя меньше всего сторонников. Так было в России. Последний царь, который не был личностью, не имел сторонников. Народ идет за кровожадными лидерами. Запад ничем не отличался. Достичь цели можно только с помощью беспощадного и непоколебимого упорства. Это противоречит мнению многих из верхушки общества, которые всегда есть, так сказать, телефонные провода, предвестники слабости. Как часто приходилось мне слышать возражение: своими жестокими методами вы ничего не достигнете! Вот любыми другими методами я определенно ничего не достигну. Солдат тоже в основном предан тому лидеру, который суров, но справедлив. Если человек — настоящий лидер, народ пойдет за ним.

277

4 августа 1942 г., полдень

**Воспоминания о Первой мировой войне. — Кружевницы
Бельгии. — Ипр и Любек**

Когда мы шли занимать оборонительные рубежи в 1916 г. к югу от Бапома, стояла невыносимая жара. Пока мы шли маршем по улицам, не было видно ни одного дома, ни одного дерева; все было

уничтожено, и даже трава была выжжена. Это была настоящая пустыня.

В нынешней войне я был очень удивлен, посетив Аррас. В прежние времена там был просто холм. А сейчас — ! Кругом поля цветущих и волнуемых ветром зерновых, а на гребне горы Вими такие же, как и раньше, шрамы войны, воронки от снарядов и т. п. Думаю, во многом похожая картина в Шампани.

Солдат безгранично привязан к земле, на которой он проливал свою кровь. Если б можно было организовать перевозки, у нас миллион человек потоком устремился бы во Францию, чтобы снова побывать в местах былых боев.

Шагать по дорогам было просто мучением для нас, несчастных пехотинцев; вновь и вновь нас сгоняли с дороги проклятые артиллеристы, и вновь и вновь нам приходилось, чтобы спасти свою шкуру, нырять в болота! И вместо благодарностей на нас лился поток проклятий — «Поганые такие-то и такие-то!» было самым мягким выражением из летевших в нас.

Мое первое впечатление об Ипре было — башни, и так близко, что я чуть ли не мог коснуться их. Но несчастному пехотинцу из его ямы в земле видно очень мало.

Людей, кому поручено восстановить Любек, до начала работ я отправлю в Ипр. Пятьдесят разных оттенков черепицы, от оранжево-розового до золотого и темно-фиолетового! Новый Ипр — это город из сказочной страны!

В те времена девушки, занятые кружевами, всегда сидели за работой возле своего дома, окруженные, понятно, ордой солдатни. Но, по крайней мере, они могли купить и послать домой настоящие фламандские кружева и брабантскую вышивку.

Если солдат во Франции купит шоколад или пару чулок своей жене, я абсолютно согласен с рейхсмаршалом: войну начали не мы, а если у населения Франции ничего нет, то какое нам до этого дело!

Как бы мне хотелось, чтоб мы могли купить здесь что-нибудь. Но тут нет ничего, кроме грязи.

278

4 августа 1942 г., вечер

Американские военные суды в Британии. — Вторжение с Запада

Разговаривая с д-ром Дитрихом, фюрер заявил:

Если б я был на вашем месте, я бы рассматривал этот вопрос (введение американских судов для американских солдат в Британии) следующим образом: турки упразднили экстерриториальность, а Британия пошла по их пути; стремительное падение Британии в категорию второразрядных стран!

Высадку на Западе они могут произвести, лишь бросив в бой свои лучшие части — а в ином случае нечего и надеяться на успех. Но это будет означать, что им все придется поставить на одну карту.

Что касается авиации, возможно, их эксперты подумают про себя: «Германия может в любой момент нарастить свои силы со скоростью молнии и атаковать одновременно в трех-четырех местах. А у нас просто нет необходимых сил!»

Я знаю, что солдаты будут сражаться зубами и ногтями, чтобы избежать ответственности, в особенности когда они хорошо знают, какими осторожными могут быть политики! Поэтому генералы пишут докладные записки, чтобы показать, что это предприятие невозможно; политики возражают, что, с другой стороны, шансы на успех могут иметь только военные операции, задуманные в самом широком масштабе, — но они изложат это на бумаге таким образом, который позволит им, в случае неудачи, повернуться и воскликнуть: «Ага! А что я говорил!» А солдат может лишь ответить: «Пути назад нет! Если произойдет неудача, все пропало!»

И даже в таком случае — вспомните объявление войны в 1939 г.! Тогда у них вообще не было оружия — и все-таки они объявили войну! В то время у них было, я полагаю, шесть дивизий. Весьма возможно, что они опять позволят одурачить себя красивыми сказками эмигрантов. Солдаты, я знаю, были против войны. Но там есть люди, которым до лампочки, если Британия рухнет, — да, я говорю о евреях! А другие заявляют: «Если русских разобьют, тогда военными преступниками станем мы — будут судебные процессы, а мы кончим свои дни в Тауэре». Солдаты станут защищаться, утверждая, что они, как только можно, предупреждали об опасности, с которой столкнется Британия, взяв на себя риск вторжения. Но у политиков, объявивших войну, и евреев, которые подталкивали их к этому, нет никакой защиты! И евреи способны рискнуть во второй раз. С другой стороны, они могут подумать: мы бросаем вызов противнику, который до сих пор вышибал зубы всякому, кто с ним сталкивался.

В 1940 г. у них, кроме своих, было сто тридцать восемь французских дивизий, восемнадцать голландских и тридцать три или тридцать четыре бельгийские дивизии. Да с десятью дивизиями, которые у них сейчас, они ничего не смогут сделать! Если, благодаря принимаемым нами мерам, мы сумеем увеличить их нежелание связываться в столь огромное предприятие, тем лучше! К следующей весне создание наших оборонительных укреплений достигнет такой точки, когда станет бессмысленно атаковать даже одну из наших баз подводных лодок. Мало-помалу Атлантический океан обретает все качества Западного вала.

Я хорошо себе представляю лихорадочную закулисную деятельность противников Рузвельта!

5 августа 1942 г., полдень

Важность поставок продовольствия. — Жульнический клан поваров. — Обжорство швейцарцев. — Героический период германской колонизации. — Переживания принца фон Аренберга

Число блюд, подаваемых на официальных банкетах, просто чудовищно! Я думаю, есть нечто оскорбительное в предложении такого изобилия продуктов. А самое неприятное, это то, что такие банкеты длятся часами, и всегда сидишь рядом с кем-нибудь, не имеющим с тобой ничего общего. Моя особенная трагедия состоит в том, что у меня, как у главы государства, партнерами за столом всегда оказываются самые достойные дамы! Я бы с большим удовольствием отправился на борт «Robert Ley»¹ и выбрал себе партнершей какую-нибудь симпатичную машинистку или продавщицу!

По сути своей это банкетное дело — вымогательство, придуманное мошеннической бандой поваров! Эти короли кастрюль — все позорные идиоты, гипнотизирующие публику и отравляющие себя массой бессмысленных фраз и загадочных имен, которые никто ни капельки не понимает. Куда делась старая добрая еда из одного блюда — густого супа? Ничего столь простого уже нет — она исчезла, как и добрый старый суп! Все сейчас так прекрасно смешано — и еда, и фразеология, — что в наше время уже не имеешь ни малейшего представления о том, что ешь.

То же самое было перед войной: всякое празднество требовало банкета на двенадцать блюд!

В 1923 г. я был в Швейцарии и помню еду в Цюрихе, когда меня поразило количество блюд. Пожалуйста, скажите, что за рассудок у этого маленького народа? В Австрии мы заполучили горную страну такой удивительной красоты, что никто и не мечтает ехать в Швейцарию до тех пор, пока швейцарцы сами не приползут на коленях и не попросят взять их под крыло Третьего рейха!

Обращаясь к д-ру Дитриху:

Похоже, из содержания их прессы, что швейцарцы стали менее напыщенными? Они стали менее противными, чем раньше. Во время нашей оккупации Югославии они достигли высот постыдного поведения, обнажили всю мелочную сущность своих презренных мелких душ! Они кричали на наших пограничников: «Грабители! Похитители чужих стран!»

¹ Имеется в виду один из двух туристических лайнеров организации «Сила через радость».

Недавно я был весьма удивлен, узнав, сколько спиртного поглощают финны; кажется, чем дальше на север, тем больше люди могут выпить.

Я думаю, Аден — самый адский кипящий котел на земле. Я твердо для себя решил, что ничто не сможет убедить меня путешествовать по Красному морю — я просто умру от разрыва сердца!

Один из наших самых первых сторонников принц Аренберг рассказал мне много интересных историй о первых днях наших колоний. Однажды его приговорили к двенадцати годам каторжных работ — и он отбыл шесть из них — за то, что убил какого-то негра, напавшего на него! Отвечая тем, кто утверждает, что мы были плохими колонизаторами, он говорит, что теми методами, которые мы пытались применить, вообще невозможно было получить никаких колоний! И мнение его базируется на очень долгих раздумьях.

Аренберг обычно ездил на одном из самых старых «бенцев», которые мне доводилось видеть; и вот раз, когда я ехал в Швейцарию, он настоял на том, что отвезет меня в Кемптен. По равнине старая машина бежала достаточно нормально; но при мельчайшем признаке горки она надрывалась изо всех сил, и мы были в серьезной опасности застрять. Ему все время приходилось переключать передачи, и так мы дергались час за часом. Наконец, добрались до того места, где дорога пошла под гору, и тут машина полетела со скоростью по крайней мере тридцать миль в час! И этот человек был мультимиллионером; но в этом отношении он был упрям как мул!

На Востоке все будет закончено, как только мы перережем их коммуникации на юг и в Мурманск. Без нефти они кончены!

На Западе все будет кончено, когда мы сможем перевести хотя бы половину наших сил во Францию. А это мы сможем сделать, как только уничтожим оборонные и продовольственные центры в России.

280

5 августа 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ФЕЛЬДМАРШАЛ КЕССЕЛЬРИНГ

**Трагическая смерть Бальбо. — Национал-социализм и фашизм. —
Вред монархии. — Британия заслуживает уважения**

Итальянцы — первоклассные колонизаторы. За десять лет итальянского правления Аддис-Абеба станет самым красивым городом. Смерть Бальбо¹ стала великой трагедией; это был достойный на-

¹ Б а л ь б о Итало (1896—1942) — маршал авиации, губернатор Ливии. Погиб в авиакатастрофе.

следник дуче, человек, в котором было что-то от кондотьера, что-то от Ренессанса! Человек, одно имя которого уже чего-то стоило!

Должен признать, что итальянцы приводят меня в ярость своими постоянными увертками, но чисто с точки зрения мировой философии, они — единственные люди на земле, с кем можно видеться с глазу на глаз. Читая историю фашизма, я чувствую, что читаю историю нашего движения; та же самая трусливая и ленивая буржуазия, которая ни во что не верит, избегает любого конфликта и живет в постоянном страхе рассердить красных! Первый раз, когда я захотел поехать в Ингольштадт, мне сказали, что здесь пятнадцать лет не было такого митинга и что пролетариат наверняка будет рассматривать это как провокацию!

Главное различие между Италией и Германией в том, что там дуче не сделали верховным диктатором государства; в результате всегда находятся пути и способы обойти его распоряжения. Если, например, он призывает к особенной смелости, офицерский корпус немедленно апеллирует к королю! Такое состояние дел должно бесить человека такого масштаба, как дуче. Но я должен, однако, совершенно искренне признаться, что в 1920 г., если бы монархия была восстановлена после капповского путча, мы бы ее поддержали. Только позже мы постепенно поняли, что монархия отжила свое. Шенерер¹ — это лишь один из тех, кто нападал на монархию, и с невиданной беспощадностью, — но его атака была направлена против дома Габсбургов; и это не помешало ему поддерживать дом Пруссии.

Дуче не осмеливается надолго покидать Рим. Если он сделает это, немедленно примется за работу гнездо интриг.

У Бальбо было огромное преимущество в том, что он обладал одинаковым влиянием и на партию, и на вооруженные силы, и ирония судьбы в том, что он был сбит огнем итальянских зенитных орудий.

До тех пор пока плавают корабли, летают самолеты и маршируют солдаты, будет существовать проблема идеальной формы командования. То ли это должно быть централизованное, единое командование, то ли каждый род войск в вооруженных силах должен иметь свою отдельную командную организацию? Во многих случаях объединенное командование предпочтительней.

Мы обретаем полный контроль над Норвегией лишь тогда, когда железная дорога дойдет до Киркенеса. В Северной Африке британцы были невероятно глупы; они ни на момент не верили, что итальянцы завладеют их железнодорожной системой. Если мы желаем нанести им реальный удар ниже пояса, надо распространить слух, что Роммель отложил свое наступление до тех пор,

¹ Ш е н е р е р Георг фон (1842—1921) — лидер австрийских националистов.

пока британцы не закончат строительство своей линии аж до Тобрука!

Мы любой ценой должны продвинуться до равнин Месопотамии и отобрать у британцев нефтяные месторождения Мосула. Если там мы добьемся успеха, вся война скоро закончится, потому что сейчас у британцев есть единственный порт для загрузки танкеров — в Хайфе.

Что касается нефти, статистика показывает, что совсем до недавних пор русские получали с Кавказа 92% своей нефти.

Население в окрестностях этого штаба великолепно питается. Не могу избавиться от ощущения, что крестьяне всюду дурачили советское государство, несмотря на самые энергичные усилия со стороны последнего. Но условия в районах Урала и в Сибири должны быть ужасными — такими же они должны быть и в больших городах.

Будем надеяться, что министерство по делам Восточных территорий не станет вместе с министерством внутренних дел вводить там наши законы против контрацепции. Есть масса других вещей, на которые могут истратить свое время наши назойливые чиновники; и, слава богу, я не доживу до этого времени. Если б дожил, то мог бы только сожалеть, что мы вообще захватили эту страну!

В этом отношении британцы нас превосходят. Они также самые страшные бюрократы; но, по крайней мере, у них есть понимание, что не следует использовать свою бюрократию на оккупированной территории на благо местного жителя и в ущерб своей стране! У них есть дар умения держать остальных на дистанции, дар завоевания и сохранения уважения к себе. Тут, вероятно, уместно привести наихудший пример наших методов — вычесывание блох так же раздражает местных жителей, как и наше фанатическое желание цивилизовать их. В итоге они подумают: «Эти люди — не настоящие правители, они только прикидываются ими!»

281

6 августа 1942 г., полдень

Величие открытых пространств. — Фламандские и голландские крестьяне. — Украинские рынки

Какой маленькой выглядит отсюда Германия! Британцы, да и русские обладают этой самоуверенностью, которую порождают обширные пространства. Надеюсь, что со временем мы тоже обретем ее.

Кто-то должен немедленно написать книгу: «Идеальное государство будущего — проблема диеты и образования». И в ней пропа-

гандировать идею, что для увеличения послушания и склонности к дисциплине граждане должны питаться травой.

Ведь это факт, что туберкулез более распространен среди скота, который содержится в стойлах, чем тот, что находится на пастбище. В моей части света крестьяне утверждают, что большие окна и избыток света снижают надой молока. В Северной Германии, где скот почти весь находится на открытом воздухе, практически нет туберкулеза. В лесистой местности, с другой стороны, скот содержится в стойлах почти весь год, и только недавно хирурги-ветеринары обнаружили, насколько опасным это может быть. Большинство угодий так мало по размерам, что люди не могут себе позволить держать быков и поэтому запрягают в телеги коров.

В Германии есть районы, где ситуация ужасна, — это часть баварских лесных угодий, западная часть гор Гессена, Вальдвертель и районы Швабского Альба. Крестьянская жизнь в этих местах — настоящий ад на земле. Если приложить сюда весь труд и старание, можно увеличить производство в пять раз.

Когда я был еще совсем ребенком, в моих родных местах все было загромождено валунами; должно быть, здесь когда-то был ледник, который был напичкан камнями морен. Постепенно крестьяне повзрывали эти валуны. Но такая же картина сохраняется в Нижней Австрии. И почему-то это придает пейзажу приветливый и привлекательный вид.

У нас в Германском рейхе есть только один район, который может сравниться с Украиной, — Моравская равнина к северу от Вены, к востоку от Брюнна и юго-востоку от Оломоуца; и это земля невероятного плодородия.

Одна из вещей, больше всего удививших меня в начале Первой мировой войны, — удивительное трудолюбие фламандского фермера. Вы с трудом поверите тому, что я видел! Когда мимо проходила конная колонна, дети были наготове, и, как только она прошла, все высыпали и набросились на навоз, упавший на дорогу. Точно так же, как и в Голландии, используется каждый квадратный метр земли. Такие люди склонны к утрате широты взглядов, которая, вообще-то, самая важная вещь. Человек, владеющий обширными пространствами, должен проявлять себя хозяином остальных, даже если он ограничен в своей деятельности колонизацией своей собственной земли.

Когда остальной мир был занят захватом открытых пространств, Германия переживала муки религиозных войн.

Фатальным событием в истории Европы стало основание Санкт-Петербурга Петром Великим; и поэтому Санкт-Петербург должен совершенно исчезнуть с лица земли. Москва — тоже. И тогда русские отступят в Сибирь.

Хозяевами на Востоке мы станем не только после взятия несчастных русских лачуг. Германские колонии должны быть организованы на совершенно высочайшем уровне.

Раньше мы никогда не стремились к пустым пространствам. Германский народ вобрал в себя Северную и Южную Австрию, а коренные жители все еще там; но они были вендами, членами основной европейской породы, не имеющими ничего общего со славянами.

Что до этих смехотворных ста миллионов славян, лучших из них мы вылепим в такой форме, какая нам подходит, а остальных изолируем в их свинарниках; а всякий, кто заговорит о том, что надо беречь и лелеять местных жителей, прямым ходом отправится в концентрационный лагерь!

Во время урожая мы развернем рынки во всех мало-мальски важных центрах. Там будем скупать все зерновые и фрукты, а продавать всякую дрянь нашего производства. Таким образом, за свои товары мы получим значительно большую прибыль, чем стоит товар на самом деле. Прибыль пойдет в распоряжение рейха, чтобы покрыть расходы на войну. Наши заводы сельскохозяйственного машиностроения, транспортные компании, производители хозяйственных товаров и т. д. найдут там огромный рынок для своей продукции. Там также будет великолепный рынок для дешевых хлопковых изделий — чем ярче раскрашенных, тем лучше. Зачем нам препятствовать страсти этих людей по ярким предметам?

Единственное, чего я боюсь, так это того, что министерство по делам Восточных территорий попытается цивилизовать украинских женщин. Эти пышущие здоровьем девушки добавят нашей расе приятную нагрузку, потому что многие из них явно здорового немецкого происхождения — а иначе откуда эти белокурые голубоглазые дети? Лучших из них мы постепенно ассимилируем и возьмем к себе в рейх; остальные останутся там.

282

6 августа 1942 г., вечер

Подходящий налог и крестьянин. — Налогообложение подобным образом. — Крестьянин и красоты природы

Нашим крестьянам всегда недоставало наличных денег, потому имевшейся земли им не хватало. Я часто удивлялся, не лучше ли было бы снова ввести нечто вроде десятины, при которой крестьянин мог бы платить налоги натурой. Ныне посредник, например, получает за свой картофель в три-четыре раза больше, чем сам платит за него крестьянину. Поэтому крестьянину было бы выгоднее платить налоги картофелем, чем деньгами. Прибыли, достигающиеся государству, компенсировали бы потерю дохода при налогообложении.

В большинстве профессий доход можно оценивать в деньгах, но это не имеет смысла в случае мелкого фермера. Германское сельское хозяйство много бы выиграло, если бы мы ввели новые правила для руководства им на базе потенциального дохода с собственности.

Особенно плохое положение в Вюртемберге и Бадене. Имения в результате непрекращающегося процесса дележа между наследниками становятся все меньше и меньше. Я совсем не буду возражать, если меня вынудят выселить четыре-пять тысяч крестьян из Эльзаса; с огромной легкостью я заменю их выходцами из Бадена и Вюртемберга. В Средние века было достаточно ста акров земли. Но сейчас с введением системы трех урожаев требуется куда большая площадь.

Сегодня наша страна перенаселена, а число эмигрировавших в Америку просто невероятно. Как жаль, что с нами нет немецких американцев! Если и есть в Америке достойные люди, то все они немецкого происхождения.

В Британии есть разумный закон, по которому только самый старший сын может наследовать титул. У нас в стране — множество дворян, которые не могут заработать на жизнь и которые не умирают. Поэтому на будущее понадобятся реформы. Вся социальная структура государства должна строиться на холодном логическом расчете.

Большинство наших проблем исчезнет, как только мы сможем приступить к колонизации на Востоке. Когда хорошо устроятся первые несколько сотен, вскоре за ними последуют остальные. Из Зальцбурга и Верхней Австрии в Восточную Пруссию эмигрировало несколько сотен тысяч человек. Это только на картинах придворных художников можно увидеть крестьян, глазеющих на звезды в небесах. Взгляд настоящего крестьянина твердо прикован к земле, и он живет своим плугом. Красоты лесов были открыты не крестьянином, а профессором. Там, где найдется участок земли хорошего качества, там также и найдется лучший тип крестьянина. Однако крестьянскую породу улучшает не хорошая земля, а скорее то, что лучший тип крестьянина всегда находит и берет в свои руки лучший участок.

Поэтому крестьянство является стеновым хребтом нации, так как земледелие — самое рискованное занятие на земле. Подумать только, что бы случилось, если бы работа городского рабочего или чиновника зависела от случая? Труд на земле — это школа, которая учит энергии, уверенности в себе и готовности принять быстрое решение; городской житель, напротив, должен иметь для себя все распланированным и делает все, что можно, чтобы избежать малейшего шанса для риска. В качестве последней меры он западается страховым полисом — а страховая компания, которая ему этот полис выдает, сама, кстати, страхуется!

Франция, в которой 59% населения имеют отношение к земле, все еще фундаментально прочна. Это великая трагедия, когда нация теряет твердое основание в виде своего крестьянства. Крупные британские землевладельцы не имели ни малейшего представления о практическом сельском хозяйстве — кроме времени и денег, которые они тратили на своих знаменитых газонах!

У итальянцев есть прекрасная основа — их крестьянство. Однажды, когда я ехал во Флоренцию, то по пути мне пришла в голову мысль, что за райская земля в Южной Франции! Но когда я доехал до Италии — вот тут я понял, каким может быть на самом деле рай на земле! И тут лежит один из главных источников силы дуче. Он как-то сказал мне: «Фюрер, слава богу, только очень маленький процент моего населения живет в городах!»

283

7 августа 1942 г., вечер

Осушение Понтинских болот¹. — Тонкое искусство переговоров

Сейчас можно приступить к культивации Понтинских болот благодаря исключительно хинину. Все предыдущие попытки их осушения потерпели неудачу из-за малярии, а сейчас малярия, в свою очередь, была побеждена хинином. Сама по себе работа была простой; все, что требовалось, это строительство каналов, ведущих к морю. Точно такую же схему наметил в общих чертах Юлий Цезарь, а многие папы пытались реализовать на практике. Города в болотистых местах строились по трезвым колониальным правилам, но были исключительного качества. Как только закончится война, дуче сможет за десять—пятнадцать лет развить в этих регионах огромную колониальную активность.

Русский колосс погибает из-за собственной неподвижности. Британская империя умирает из-за малого размера своей родины. Кроме того, британцы упорно придерживаются неизменной политики, несмотря на совершенную революцию в условиях.

Если Черчилль поедет к Сталину, то тот дерет с него три шкуры! Он скажет Черчиллю: «Из-за вашего господина Криппса я потерял десять миллионов солдат! Если б он держал язык за зубами, немцы никогда бы не напали!»

Разрешить ведение переговоров человеку, наделенному правами принятия решения, — всегда серьезная ошибка, потому что это в огромной степени увеличивает трудности для отказа, если он пона-

¹ Понтинские болота — низменная равнина в 40 км к юго-востоку от Рима.

добится. Такую ошибку я никогда не совершаю. Я всегда посылаю представителя с точными инструкциями остановиться, как только появятся проблемы, и вернуться домой для консультации со мной. Дуче следует тому же самому принципу.

284

8 августа 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: РЕЙХСАРБЕЙТСФЮРЕР ГЕРЛЬ

Готы в Крыму. — Наведение порядка на Востоке. —
Золотой миф

Готам удалось продержаться в Крыму дольше всех. Еще в XVIII веке было как-то судебное дело, в котором одна из сторон могла говорить только по-готски!

Никакая сила на земле не изгонит нас оттуда! Некоторые из наших групп армий уже организовались в полностью самообеспечивающиеся во всех отношениях единицы.

Борьба, которую мы там ведем с партизанами, очень похожа на войну в Северной Америке против краснокожих. Победа достанется сильному, а сила — на нашей стороне. Любой ценой мы там установим закон и порядок.

Я придерживаюсь мнения, что в ближайшем будущем надо прекратить хождение нынешней валюты в этих районах и заменить ее новой валютой. Этой осенью надо организовать рынки — по подобию больших немецких ярмарок — вблизи от железнодорожных узлов, а кроме этого надо построить зерновые элеваторы для приема зерна. На этих рынках надо выставить на продажу всю мелочь, которую выпускает наша промышленность. Саксония, например, испытает беспрецедентный торговый бум, а мы создадим для нее самый прибыльный рынок для экспорта, развитие которого будет зависеть от саксонского гения изобретательности. В прежние времена именно Саксония поставляла в колонии стеклянные бусы, брелки и прочие безделушки, а Тюрингия снабжала игрушками, и обе провинции делали заметный вклад в наш торговый баланс.

В болгарях мы имеем союзника, на которого сможем положиться в борьбе с турками.

У финнов есть только одно желание — удержать Восточную Карелию и видеть, что Ленинград стерт с лица земли. Тот, кто занимает Санкт-Петербург, контролирует Балтику. Для нас было бы нетерпимо присутствие на Балтике второй великой державы, к тому же это бы ей позволило засыпать все море минами. В этом случае надо вернуться к практике древних времен, а Санкт-Пе-

тербург должен быть снесен до основания. Я был взбешен, когда авиация проявила нежелание атаковать этот город со своих баз в Киеве. Когда-то это должно быть сделано, иначе русские вернутся и попытаются создать там правительство.

Мы скоро полностью завоюем крестьянство на свою сторону. Крестьянам уже стало легче дышать, и впервые кто-то заплатил им что-то за их товары! Большею частью эти крестьяне — первоклассной породы. Остатки старых готов все еще сохранились, потому что хотя язык и мог исчезнуть, но кровь остается!

Американцы счастливы до тех пор, пока могут копить золото; кажется, они не понимают, что эта дрянь вообще не имеет своей цены.

Можно что угодно говорить о наших ресторанных стратегах, но в сравнении с британскими ораторами по военным вопросам они — настоящие фон Мольтке! Они меня полностью убедили в одном: в колониях нельзя прожить без шотландского виски!

285

9 августа 1942 г., полдень

**ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСМИНИСТРЫ ФОН РИББЕНТРОП
И Д-Р ЛАММЕРС, РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР,
ГАУЛЕЙТЕРЫ БЮРКЕЛЬ, СИМОН, РОБЕРТ ВАГНЕР¹**

**Британцы не имеют прав в Европе. — Великий Германский
рейх. — Житница Востока**

Британцы — всего лишь веточка от германского дерева. Они не имеют никаких прав на долю ответственности за безопасность Европы. Для этого Германия готова взять полную и единственную ответственность. Суровым правлением мы должны принести на континент закон и порядок. На некоторое время мы оставим в покое Балканы, но так, чтобы туда можно было продолжать поставки оружия.

Если венгры затеют войну с румынами, тогда, если я не ошибаюсь, Антонеску вышибет из них дух!

Настанет день, когда венская идея докажет свою правоту. Вот как рассматривается венгерская проблема в десяти тысячах кафе Вены: «Венгрия принадлежит нам, а люди в Берлине ничего об этом не знают. Ведь это мы освободили венгров от турок, и в Венгрии порядка не будет до тех пор, пока мы опять не освободим эту страну. Так почему, черт возьми, не заберем мы ее и не

¹ С и м о н Густав (1900—1945?) — гаулейтер Мозеля (1942—1945); В а г н е р Р о б е р т (1895—1946) — гаулейтер Бадена (1925—1945).

покончим с этим! А словенцы? Несомненно, это великолепно, что они должны быть независимыми; но, в конце концов, они тоже принадлежат нам!»

Вена становится более пангерманистской, чем сами немцы! Их вдохновляет чувство возложенной на них миссии — а мы должны немного их провоцировать.

Белград обычно был сборищем жалких лачуг; это принц Евгений принес городу известность.

С Востока мы будем ежегодно получать от десяти до пятнадцати миллионов тонн зерна; я думаю, надо на месте построить фабрики по выпуску спагетти; для этого там есть все предпосылки. Это позволит нам передать небольшую добавку тем западным территориям, где развитая промышленность, но не хватает продуктов.

Есть одна вещь, в чем мы должны быть совершенно откровенны: надо безжалостно критиковать всякого, в чьей голове есть мысли, уходящие за пределы его участка и его фермы.

286

9 августа 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ГАУЛЕЙТЕРЫ БЮРКЕЛЬ, РОБЕРТ ВАГНЕР И СИМОН

Богатства Украины. — Гигант Сталин

С прошлогоднего урожая тут все еще есть миллион тонн зерна в резерве. Только подумать, на что это будет похоже, когда мы все нормально организуем, да еще и нефтяные скважины в нашем распоряжении! Эта Украина производит тринадцать—четырнадцать миллионов тонн зерна в год. Даже если в качестве организаторов мы проявим себя в два раза хуже, чем русские, — все равно у нас добрые шесть миллионов! На следующий год после следующего урожая надо тщательно организовать и работать на полной скорости! Мы не принимали во внимание одну вещь — каждые три дня здесь гроза. Эта страна — настоящая пыточная камера; то пятьдесят градусов жары, то шквальный дождь, а потом опять жара!

Если бы не грязь и не дожди в октябре прошлого года, мы бы в любой момент были в Москве. Сейчас мы поняли, что, как только начинаются дожди, надо все останавливать.

Когда закончится война, немецкому народу не придется ломать голову, что ему делать следующие пятьдесят лет!

Мы станем самой самостоятельной страной в мире в любом отношении, включая хлопок. Единственное, чего у нас не будет, это кофейных плантаций, — но мы найдем где-нибудь колонию, где

выращивают кофе! Дровесины у нас будет в изобилии, железа в неограниченных количествах, самые большие в мире марганцевые рудники, нефть — мы в ней будем просто купаться! И чтобы справиться со всем этим — вся мощь всей немецкой рабочей силы! Боже мой! Как прав крестьянин, который доверяет лишь земле! Какой смысл толковать о живописной красоте, когда земля просто сочтена богатством! В будущем работать будет просто удовольствие!

Сталин — наполовину животное, наполовину гигант. К общественной стороне жизни он исключительно безразличен. Пусть люди гниют, ему нет дела до этого. Если б мы дали ему еще десяток лет, Европа была бы стерта с лица земли, как это случилось во времена гуннов. Без германского вермахта уже сейчас не было бы Европы. Из-за идиотизма масс двери на континент были для него широко раскрыты.

Худшая из наших зим уже позади.

Через сто лет здесь будут жить миллионы немецких крестьян.

287

11 августа 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСМИНИСТР ШПЕЕР, ГЕНЕРАЛ РЕЙНЕКЕ¹

Рейхсмарка и остмарка. — Мир с Британией. — Лучшая колония в мире. — Сказочные изобретения банды евреев-эпилептиков

Надо сделать германскую рейхсмарку недоступной, и она должна стать самой стабильной валютой в мире.

Здесь, на Востоке, в реальности существует только одна валюта — сельскохозяйственная продукция. Для местного пользования создадим остмарку. Обменный курс будет таков: пять остмарок за одну рейхсмарку. Но приезжающим сюда туристам будем выдавать только сто остмарок за их сто рейхсмарок, потому что на эти деньги здесь они смогут приобрести столько же, что и на сто рейхсмарок в Германии. А разница будет уходить государству.

Цены здесь и дома весьма различаются, и они и должны такими оставаться ради блага рейха; это даст нам необходимые средства для ведения этой войны. Наша цель — снизить военный долг на десять—двадцать миллиардов марок в год и тем самым стать единственной воюющей страной, которая за десять лет освободится от военных долгов и будет в состоянии сконцентрироваться, в широком смысле,

¹ Р е й н е к е Герман (1889—1973) — генерал пехоты, почетный член народного трибунала (с 1942).

на колонизации обретенных территорий. Я думаю, мы не сможем получить никакой контрибуции от наших врагов. От британцев мы наверняка ничего не получим. Если бы завтра британцы пришли ко мне и сказали, что хотели бы заключить мир на том условии, что каждый остается при своих затратах, я бы, скорей всего, согласился. Фактически нам уже уплатили. Кто нажился на этой войне, так это мы, и из-за этой наживы мы просто лопнем от жира! Мы ничего не вернем и заберем все, что может принести нам пользу. А если кто-то будет протестовать, меня это абсолютно не волнует! У нас самые богатые и самые лучшие колонии во всем мире; во-первых, они рядом с нами; во-вторых, там проживает здоровое население; и в-третьих, они в избытке производят все, что нам нужно, кроме кофе. За десять лет колонии других стран утратят свою ценность. Величайшим благом для нас был бы скорейший мир.

Величайшие амбиции поповской клики состоят и всегда состояли в подрыве мощи государства. И то, что мы терпим этих попов в своей среде, играет нам на руку! Каждая страна имеет такой тип священников, какой заслуживает, пока я ничего с этим не могу поделаться и не буду мешать быть им счастливыми. Но в один из дней я приведу этот старый, как сама история Германии, конфликт к внезапному и решительному концу. Я заставлю этих проклятых попов почувствовать мощь государства так, как им и не снилось! В данный момент я просто не спускаю с них глаз; если у меня появится хотя бы малейшее подозрение о том, что они становятся опасными, я расстреляю многих из них. Эта грязная рептилия поднимает свою голову, когда появляются признаки слабости государства, а поэтому ее надо уничтожить, как только она себе позволит зашевелиться. Нам ни к чему эта выдуманная евреями сказка. Судьба нескольких грязных вшивых евреев и эпилептиков не стоит того, чтоб о ней беспокоиться. Самые грязные из отбросов — это те, кто приходят, одетые в мантию смирения, а самый грязный из грязных — граф Прайзинг!¹ Что за чудовище! В сравнении с ним папский инквизитор — это человеческое существо. Подлость и лицемерие идут рука об руку; и то и другое необходимо вырвать с корнем. Бесплезность проповедников лучше всего проявилась на фронте. Тут враги, умирающие миллионами, — и хотя бы один из этих лжецов. У католической церкви есть лишь одно желание — видеть, что мы уничтожены.

Когда Экарт сидел в Ландсберге, к нему пришел тюремный священник и сказал: «Экарт, если с вами что-то случится, — не дай бог! — вы подумали о своем будущем?»

«Вопросу о загробном мире я придаю куда более серьезное значение, чем вы, мой дорогой господин, — ответил Экарт. — И если

¹ П р а й з и н г Конрад (1880—1950) — епископ Берлина, впоследствии кардинал.

загробный мир существует, тогда заберите его себе, а я смогу оказать для вас более полезен, чем вы — для меня».

Жуткое лицемерие, скрывающее быструю отравленную стрелу!

288

12 августа 1942 г., полдень

**Свадебные обычаи. — Германские националисты в 1921 г. —
Адмирал Шредер. — Морская пехота**

Мне никогда не доводилось присутствовать на свадьбе, которая велась бы с подобающей торжественностью. Брак — это святой акт, соединение в одно целое двух человеческих существ разного пола; возможно, менее трогательное для мужчины, чем для женщины, но все равно самое торжественное событие. И чем занимается большинство гостей, это обмениваются язвительными шутками по адресу жениха и невесты! Я был на одной свадьбе, у Тьерш, — на которой каждый гость произносил короткий и непристойный тост; и все это считалось вершиной мудрости! Не понимаю, в чем дело?

Что касается внешней стороны дела, то мы — дети по сравнению с британцами. Уму непостижимо, как могут жить в Британии бок о бок показная мишура и хороший вкус. Как-то мне попала в руки книга о британских шедеврах архитектуры — какие изумительные идеи были в ней! В Лондоне здания правительства могут благоухать историей, но история творится огромными замками в сельской местности.

Вот Национальный клуб в Берлине! Однажды в 1921 г. меня повел туда Ганссер. Народ абсолютно не имел представления о том, как следовало решать германскую проблему. Один из добропорядочных джентльменов торжественно заявил мне, что Германия все надежды возлагает на Кара!¹ Чем дальше от Баварии, тем величественнее в глазах людей становится образ Кара! И на это ничтожество они возлагали надежды на спасение! И вот там я встретил старого адмирала Шредера, нашего первого сторонника.

На следующий день я поехал в Офицерский клуб на Паризерплац. Из всех там бывших наилучшее впечатление на меня произвел Шредер. Величественный старый буйвол, заряженный энергией! Моя программа 1921—1922 гг. привела в ужас большинство граждан. Люди даже опасались, как бы кто-то не узнал, что они о ней слышали! Чистка всех иностранных элементов в Германии, введение обязательной воинской службы, возрождение германской армии, отмена свободы печати, подавление провинциальных правительств! О боже! Это же чистое богохульство! Люди давали

¹ Имеется в виду Густав фон Кар.

торжественные клятвы, что никогда больше не будут и слушать подобные вещи! Но старый Шредер, этот самый энергичный мужчина, этот бескомпромиссный фанатик, согласился со всем заявленным без всякой суеты. Для флота он был тем же, чем Лютцов¹ был для армии. Гутьер² тоже был фигурой национального масштаба, и какой изумительной фигурой! Но в нем, я думаю, была тоненькая католическая жилка. Когда я обнаружил такого человека, как Шредер, я тут же ухватился за него.

Шредер уже был в отставке, когда во время войны он получил приказ прибыть и собрать корпус морской пехоты. То, что мы делаем сегодня, это детская игра по сравнению с усилиями, которые от нас требовались тогда. У Шредера абсолютно ничего не было! Но за кратчайшее время он повел корпус в бой. Я сам видел этих морпехов в деле в сражении на Сомме; по сравнению с ними мы чувствовали себя самыми зелеными салагами.

Потом пришел приказ идти на Остенде на перегруппировку. Полк пришел туда в самом плачевном состоянии. Любой русский полк после пятисотмильного отхода в сравнении с нами выглядел бы гвардейской бригадой. Находясь в Остенде, я получил шанс отправиться в короткое плавание на субмарине, и матросы, умные, умелые, всегда наряженные, как на смотр, были великолепны! Было просто стыдно находиться в их компании.

Обращаясь к адмиралу Кранке:

Я полагаю, это за счет легкого комплекса неполноценности, который испытывают армейцы в присутствии моряков. Чтобы сделать себе краги, нам пришлось обрезать наши шинели, и мы были похожи на банду оборванцев в балете! Они же, с другой стороны, выглядели жутко элегантно со своими поясами и гетрами; и мы не очень сожалели, когда опять удрали в скромную темноту своих окопов.

289

12 августа 1942 г., отдельные замечания

Жиры. — Танцы и художественный вкус. — Баварский национальный костюм

Этим мылом военного времени я могу мыть руки сколько захочу без опасения получить трещины на коже. Я часто мою руки, из-за собаки. Но от старого, мирного времени мыла у меня болели руки. Почему это?

¹ Л ю т ц о в Адольф фон (1782—1834) — прусский военачальник, генерал-лейтенант (1830).

² Г у т ь е р Оскар фон (1857—1934) — генерал пехоты.

Опыты по извлечению жиров из угля не имели успеха. Этих экспериментов требовал рейхсмаршал; сам я был против этого. Да и абсурдно использовать растительное масло для производства мыла — и поедать жиры, извлеченные из угля!

В будущем стрелковое оружие должно состоять только из автоматов и автоматических винтовок; а если каждое огнестрельное оружие будет оснащено телескопическим прицелом, то точность его будет смертельной.

Танец стал первым способом художественного выражения, которым воспользовался человек. Самый красивый в мире танец, несомненно, вальс, совершенная гармония движения и музыки. После него я бы поставил танец шухплаттер из Верхней Баварии, который из-за своего строгого и благородного стиля никогда не сделает человека смешным. Но сегодняшние бальные танцы!.. Это просто чередование обезьяньих поз! Иногда в кино видишь людей, танцующих без музыки. Это одна из самых смешных вещей, которые я видел!

Позвольте мне сделать весьма забавное замечание. Актер и офицер — это две профессии, в которых легче всего достичь зрелого пожилого возраста. И это неудивительно, потому что люди этих двух профессий остаются в постоянном контакте с молодежью.

Неверно говорить, что жизнь в горах полезна для всякого. Я вспоминаю фрау Эндрес и свою сестру Элли, которая приезжала к нам из Австрии. Если Элли проводит шесть месяцев подряд в Оберзальцберге, ей приходится ехать в Наухайм на лечение!

Есть некоторые люди, которые взберутся на вершину Гель в ботинках, а если случится дождь, завернутся в теплую куртку. Мне это кажется просто удивительным! Ботинки сами по себе — нездоровая вещь, потому что не допускают вентиляцию. Мокасины — совсем другое дело. Самая полезная одежда, без всяких сомнений, — это кожаные шорты, туфли и чулки. Для меня всегда было мучением надевать длинные брюки. Даже при температуре минус десять градусов я ходил в кожаных шортах. Ощущение свободы, которое они дают, просто чудесно. Отказ от моих шорт был одной из самых больших жертв, которые мне пришлось совершить. Я сделал это только ради Северной Германии. Я даже не замечал, когда температура падала до минус пяти. Совсем немало молодежи сегодня носит шорты круглый год; это просто дело привычки. В будущем я одену Горную бригаду СС в кожаные шорты!

Мы сделали униформу для вермахта много более удобной и практичной. Инженеры, например, сейчас работают в купальных шортах. Внимание к мелким деталям дает людям ощущение, что ими командуют мудрые люди. Все обернется очень плохо, если у подчиненных появится мысль, что у вышестоящих нет интел-

лекта. В наши дни офицеры и рядовые объединены в одно целое.

В России все еще можно увидеть немало приятных костюмов. Должно быть, их владельцы держали эту одежду в тайниках.

По моему мнению, нам надо превратить Балтику в германское Средиземное море.

290

16 августа 1942 г., полдень

Царь Фердинанд. — И некоторые дипломаты. — Пути и возможности между Россией и Великобританией

Я всегда надеялся на лучшее и готовился к худшему.

Драганов¹ до совершенства скопировал черты и жесты Фердинанда! Любой мог бы принять его за старика, если б только он чуть больше ел, нарастил бы животик и оделся соответственно. Он говорил мне: «Я не имею понятия, что делать, когда поеду в Мадрид. Но сделаю для Германии все, что смогу».

История — самый обманчивый гид. Сейчас болгары ведут себя, как будто события на Балканах были целиком результатом их собственных решительных действий. Но в действительности Борис, оказавшись между собственными алчностью и трусостью, был настолько нерешителен, что понадобилось наше активнейшее вмешательство, чтобы заставить его что-то делать вообще. Старый Фердинанд написал несколько очень прямолинейных писем, указывая, что пробил час судьбы Болгарии. Эти балканские народы весьма необычны, и у них удивительный дар к языкам.

Среди дипломатов, аккредитованных в Берлине, есть несколько забавных личностей. Голландец, у которого молодая и красивая жена, озабочен, главным образом, ажиотажем вокруг нее и присмотром за своей овечкой и приходит в ярость, когда кто-нибудь заговорит о ней! Румын, со своей стороны, был, по крайней мере, наиболее объективен в этом отношении! Похоже, он избрал линию, что один мелкий грешок не делает большой разницы. Его жена спала по шестнадцать часов в день и сохраняла удивительно молодую внешность. Она представила меня какой-то женщине средних лет — оказалось, своей дочери! Потом было еще и королевское высочество, принцесса из Ирана; эта была настоящей проституткой! Она брала уроки живописи и каждую неделю меняла учителя!

¹ Драганов Прван (1890—1945) — болгарский дипломат. В 1938—1942 гг. посол в Германии, в 1942—1944 гг. — в Испании.

Если кто-то и вызывал у меня отвращение, так это бельгиец. Это был действительно упрямый наглец и коварный, хитрый лис. Слава богу, сейчас он как раз там, куда мы и хотели его определить; но в то время, в 1940 г., мы совершили большую ошибку, в которой виновна моя собственная личная глупость. Конечно, нам следовало бы обращаться с ним как с военнопленным. С другой стороны, надо помнить, что его сестра — наследная принцесса Италии — очаровательная и восхитительная женщина при всем итальянском дворе, с которой весьма плохо там обращаются с психологической точки зрения!

Сталин — это анархист, учившийся в семинарии! Наши газеты должны задать вопрос, не поют ли они вместе с Черчиллем псалмы в Москве! Не могу не связать в уме визит Черчилля в Москву с историей последнего конвоя. Думаю, Черчилль ожидал какого-то важного события и поехал в Москву, надеясь вернуться с престижем совершенного великого подвига. Я убежден, что у них был намерен какой-то крупный план; а иначе почему тогда отправили в плавание средиземноморский флот? Если б они захватили Крит, это было бы серьезным ударом, потому что владение Критом жизненно важно для удержания побережья Северной Африки — как они сами это признают. Их проект, каким бы он ни был, им пришлось отложить, я думаю, из-за небольших повреждений, полученных тремя авианосцами, потому что без надежного прикрытия с воздуха никакая большая операция не имеет смысла. Я совсем не уверен, что это было бы плохой идеей — опубликовать сообщение о том, что они намеревались атаковать Крит! Я интуитивно чувствую, что таково было намерение. Если они везли войска, мы могли быть в этом уверены, потому что на Мальте им войска не нужны. Если правда, что они потеряли линкор, то этим объясняется их неуверенность. В Северной Норвегии мы не имели понятия об их истинных намерениях. Еще до Норвежской кампании — во время возмутительного случая с «Altmark»¹ — дорогой старик Чемберлен сказал мне, что я опоздал на поезд!

Сегодня в Британии много суеверных людей, которые считают, что дело герцога Виндзорского² стало плохим предзнаменованием; ведь король олицетворяет империю.

¹ 17 февраля 1940 г. британский эсминец «Косак» («Казак») (серия «Трайбл» («Племя») захватил в норвежских территориальных водах немецкий вспомогательный корабль «Альтмарк» с находящимися на нем 300 пленными английскими моряками. Акция британцев стала причиной начала немецкой агрессии против Норвегии («защита суверенитета») — операция «Везерюбунг».

² Имеется в виду отречение короля Эдуарда VIII (1894—1972) (правил 20 января — 11 декабря 1936 г.) в результате его брака с гражданкой США Уоллис Симпсон. Эдуард сохранил титул герцога Виндзорского.

16 августа 1942 г., вечер

Британия готовится к войне. — Шляпы долой перед французским рабочим. — Вермахт рассчитывает. — Моя борьба за успех. — Обструкция со стороны руководителей вермахта и Шахта. — Поглощение безработных. — Новый военный призыв. — Германия может вытерпеть даже меня!

Черчилль и его друзья решились на войну с нами за несколько лет до 1939 г. У меня эта информация от леди Митфорд; она и ее сестра — знающие люди, благодаря связям с влиятельными личностями. Как-то вдруг воскликнула, что на весь Лондон имеется всего лишь три зенитных орудия! Присутствовавшая при этом ее сестра посмотрела на нее с каменным выражением лица, а потом медленно произнесла: «Не знаю, тот ли человек Мосли и вообще в состоянии ли он предотвратить войну между Британией и Германией».

Как только в Британии была введена воинская повинность, жребий был брошен — и не в нашу пользу. К счастью, у этих плутов не хватило терпения ждать. Продержись они еще три-четыре года, и смогли бы иметь армию в тридцать—сорок дивизий, которую отправили бы в Европу.

Французский рабочий — исключительно искусный работник. Их заводы и фабрики определенно устарели, но квалификация работников — первый класс, а ремонт они выполняют с невероятной быстротой. Мы, мне кажется, теряем массу времени, так медленно ремонтируя поврежденную технику.

Что касается перевооружения, моим принципом всегда было составлять план сразу на год, потому что человек всегда старается перебороть возникающие обстоятельства. На 1933—1934 гг. я выделил для вермахта три миллиарда марок, в 1934—1935 гг. эта сумма увеличилась до пяти миллиардов, а ко времени объявления войны на вооруженные силы было затрачено девяносто два миллиарда марок. Такие цифры просто не имеют прецедента. Перед Первой мировой войной бюджет на оборону был всего лишь около одного миллиарда!

Никто не сможет заявить, что не выполнил свою задачу национальной важности из-за отсутствия финансирования! Вопрос денег никогда не обсуждался в рейхстаге; решение о том, что следует делать и что не следует, принималось мной, и одним мной. С того момента, как я отказался от золотого стандарта и пока у меня все еще было огромное число безработных, я не имел финансовых проблем. Мне пришлось поддерживать семь миллионов полностью и четыре миллиона частично занятых. Это потребовало от бюджета пяти миллиардов. Мы бы сэкономили много миллиардов зарубежных затрат, если бы вермахт с самого начала согласился довольствоваться отечественными синтетическими и сырьевыми материалами вместо

того, чтобы настаивать на импорте из-за границы. Я заявил, что мы должны поставить нашу экономику на военные рельсы, но вермахт отказался следовать моему примеру, пока ему не пришлось это сделать под тяжестью войны. Вы можете не поверить, до чего они доходили, чтобы расстроить мои планы! Когда я требовал приступить к строительству боевых кораблей, мне возражали, требуя меди в количестве одной восьмой всей мировой продукции!

Когда началась Первая мировая война, в нашем распоряжении было запасов на тридцать лет. Но в 1939 г. у нас не было ничего. Не могу описать, с каким бешенством и злостью мне пришлось работать, чтобы получить то, что я хотел. Даже со старым добрым Фричем у меня была шумная ссора в день, когда я вновь ввел воинскую повинность. «Будет сформировано тридцать шесть дивизий, — приказал я, — и не думай, что сможешь переубедить меня, утверждая, что у нас недостаточно оружия и техники!»

Фюрер оборачивается к Йодлю:

Говорите, что вам пришлось сражаться за каждый пункт и что часто приходилось уменьшать заявку на 40, 60 и даже 80%. Да, можете сказать спасибо за это Бломбергу! Я к этому не имел никакого отношения. Вермахту я выделил денег и материалов больше, чем он мог бы использовать. Вновь и вновь мне приходилось указывать, что такой-то и такой-то приказ не был передан, и ссоры по этому поводу шли неделями. Я слышал один и тот же ответ: «Вермахт этого не желает». За моей спиной масса народу работала против меня, систематически саботируя мои распоряжения. И все-таки — какое это имеет значение, что расходы превышают бюджетные прикидки? В военно-воздушных силах каждый год был перерасход примерно на два миллиарда.

Кризис мог возникнуть лишь после того, как были бы задействованы все безработные, а этого не произошло до конца 1937-го или начала 1938 г. До того времени нашей единственной проблемой был валютный обмен. Шахт говорил мне, что в нашем распоряжении есть кредит в полтора миллиарда марок за рубежом, и именно на этой основе я и составлял свой четырехлетний план, который никогда не вызывал у меня ни малейшей тревоги. Герингу, кстати, в этой области были даны очень широкие полномочия. И до сегодняшнего дня у нас никогда не было узких мест из-за отсутствия денег.

Я всегда возражал против гомеопатических количеств, которые запрашивал вермахт! Промышленники постоянно жаловались мне на эту скаредность — сегодня заказ на десять гаубиц, завтра — на два миномета и т. д. И это в ситуации, когда каждый понимает, что требуется от четырех до восьми месяцев, чтобы запустить конвейер! В конце концов мне пришлось вмешаться и приказать начать массовое производство — и массовое производство без предела. Если бы не было этих ограничительных мер, наш флот сегодня имел бы еще че-

тыре линкора; мастера, сталь — все, что надо, было в нашем распоряжении. Моя политическая экономия всегда была нацелена на получение максимальной прибыли на затраченные средства. И я постоянно боролся с такими методами, как, например, финансирование завода, предназначенного для выпуска материалов для вермахта. Четырехлетний план сделал такую практику невозможной, ибо с нею деньги, выделенные вермахту, полагалось израсходовать исключительно на закупку материалов. Дать заказ на пятьсот тысяч рюкзаков, потом дать промышленности аванс на строительство завода для их изготовления — это же откровенный бред!

Флот никогда не делал заявок сам; всегда за них это делал я, а потом, если вам нравится, флотские сами же сводили на нет программу, которую я им предлагал! Армия была не лучше; и тут снова я надоедал с принятием проекта о реальном расширении, а вот армия встречала его с колебаниями и увертками. Я был так расстроен, что в конце концов был вынужден отобрать эти прерогативы у армии и присвоить их себе. Могу привести десятки примеров; лучший из них — сам Западный вал. Затем Гельголанд; флот заявил, что оборонительные сооружения там совсем не нужны, и вот только когда в самом деле была объявлена война, моряки согласились с укреплениями на острове. Мне говорили, что танки имеют ценность только в случае, если они легкие и быстрые; и снова после упорной борьбы я навязал свою волю и приказал приступить к производству тяжелых танков. Я приказал установить по всей Германии подслушивающие устройства; министерство пропаганды уклонялось от выполнения моего приказа на том основании, что министерство почты и телеграфа заявило, что проект технически недоработан. Но министерство никогда не страдало от отсутствия фондов на то, чтобы совершенствовать эту аппаратуру!

Перед войной, когда я увидел, что армию невозможно заставить принять какие-либо меры в отношении моторизации войск, я сам поехал к Круппам и договорился, что части СС будут оснащены танком Т-IV¹. Едва была объявлена война, как армия стала визжать до потери слуха, чтобы эти танки были отданы ей!

Сразу же после введения воинской повинности в 1936 г. я потребовал, чтобы впредь вся страна начала готовиться к обороне. Но в результате — настоящее ребячество. Армия, правда, представила схему, разбитую на несколько лет (с завершением в 1952 г.), чистый результат которой состоял бы в строительстве немногих оборонительных пунктов. Об отсутствии средств не могло быть и речи; просто Генеральному штабу так этого хотелось. И вот поэтому мне всегда приходилось пользоваться своими основными правами, чтобы добиться своего. Во многом такая же картина и сейчас; но теперь уже

¹ Т-IV — средний танк. Различные модификации участвовали в боевых действиях в 1939—1944 гг.

нет оправданий. У нас есть военный министр рейха, чья единственная обязанность состоит в том, чтобы прийти ко мне и сказать: «Нам надо то-то и то-то». Только для этого он и был назначен!

Все эти годы я никогда не позволял себе ни малейшей дискуссии с финансистами. Я никогда не совещался с Шахтом, чтобы выяснить, какие средства есть в нашем распоряжении. Я ограничил себя до простого: «Вот что мне надо, и вот что я должен иметь». Я бы добавил: «Пострадала ли марка? Она не сохраняет свою цену из-за власти государства и его экономических принципов? Вы здесь не для того, чтобы рассказывать мне, что такой-то проект нецелесообразен; ваша задача — обеспечить меня средствами, чтобы он стал осуществимым!»

Шахт всегда противостоял мне в принципе. Его отрицательное отношение производило такой разрушительный эффект на слушателей, что однажды в конце совещания Штюльпнагель¹ воскликнул: «Бедная старая Германия!» Но для меня г-н Шахт не соперник. Эти финансисты, похоже, не имеют понятия о реальной эффективности наших экономических принципов. Однажды, когда ко мне подошел Крозиг, полный возражений, я сказал ему: «Мой дорогой господин Крозиг, вы совершенно не правы. Это должно быть сделано. Ни одно государство еще не обанкротилось по экономическим причинам — а только в результате проигрыша в войне!»

Самым способным из финансистов был мой коллега по партии Рейнхардт². Его расчеты нашего дохода от подоходного налога были самыми точными, и благодаря ему мы смогли поднять наш доход из этого источника с пяти миллиардов до восьмидесяти миллиардов без удорожания стоимости жизни и без страданий от девальвации, которую можно увидеть в других странах.

Недавно мое внимание было привлечено к тому факту, что все законы, посылаемые нами, систематически отвергаются тремя министрами: Шахтом, Станислаусом и Нейратом. Остальные всегда в согласии с нами. И возмутительно, что большинство из этих законов не касается упомянутых министров, которые к тому же не являются членами кабинета!

Лучшим методом всегда было урегулировать вопрос напрямую с самим министром и тем самым избежать скучных дискуссий, в которых один стоит на юридической точке зрения, а другой цитирует принципы финансовой ортодоксальности. Такого рода вещи приводят меня в бешенство. Однажды я заявил одному из этих господ: «Германская нация пережила период великих миграций, войны с римлянами, нашествие гуннов, мадьяр и монголов, Тридцатилетнюю войну, кампании Фридриха Великого и Наполеона — и она, несомненно, переживет даже мое правление!»

¹ Ш т ю л ь п н а г е л ь Карл фон (1886—1944) — генерал, командующий оккупационными силами во Франции.

² Р е й н х а р д т Фриц (1895—1969) — член НСДАП с 1928 г., статс-секретарь министерства финансов (1933—1945).

16 августа 1942 г.

Изобретение законников. — Саботирование национального духа

Майор Энгель доложил, что в аэропорту Кенигсберга один из портовых чиновников конфисковал с самолета продукты, привезенные летчиками и предназначенные для черного рынка. Фюрер был очень зол и заявил следующее:

Такие выходы можно ожидать от врагов государства, и это беспрельдно возмутит наших солдат, если они об этом узнают. Вот такую благодарность им следует ожидать у себя дома! Это же подрыв воли народа к сопротивлению! Я лично досконально разберусь в этом деле; мне безразлично, будет ли виновный из вермахта или из таможи, но я посажу его в тюрьму и буду использовать крайнюю жестокость, чтобы положить конец этой практике. Что можно привезти с собой с Востока? Произведения искусства? Их там нет. Только всякая всячина из продуктов, и лучше не сделаешь, чем распределишь их между немецкими семьями. Это совершенная правда, что солдат на фронте живет лучше, чем дома в отпуске. Наверняка подстрекатель таких выходов — какой-нибудь юрист. Может быть, сам министр финансов! Как жаль, что там не было Бормана!

20 августа 1942 г., полдень

ОСОБЫЕ ГОСТИ: Д-Р ЛАММЕРС, Д-Р ТИРАХ¹ И Д-Р РОТЕНБЕРГЕР

Преступления большие и мелкие. — Наказание соответствует преступлению. — Судьи и национальный дух. — По натуре я не жестокий человек. — Никакой пощады предателям. — Еврей-антисемит. — Герой ста убийств. — Законодатели и судьи. — Образование судей. — Юрист — это государственный чиновник

Я только что прочел, что одного человека приговорили к трем месяцам тюремного заключения за плохое обращение с животным; вероятно, он ударил курицу, забредшую в его сад. Ну, я с этим не согласен. По моему мнению, стрельба по зайцам — куда большее проявление жестокости. Всякий спортсмен, который стреляет по животным, не убивая их, должен, я думаю, получить, как минимум, такой же приговор. В народе не должно быть мыслей, что одному

¹ Т и р а х Отто (1889—1946) — доктор права, министр юстиции (1942—1945).

типу садистов аплодируют, а другого сажают в тюрьму. Спортсмен стреляет по дичи для того, чтобы удовлетворить свою жажду к убийству. Человек, ударивший курицу, сделал так, чтобы просто защитить свой сад от ущерба, и не имел намерений убить. Знаю, как это может раздражать, когда курица забирается в твой сад, и, как ты ее ни гоняешь, она все равно возвращается! Когда я был мальчишкой, у моих родителей был маленький садик в Леондинге. Наш сосед настаивал, чтобы мы разрешили его курам питаться у нас в саду. Однажды я зарядил дробовик и всех их перестрелял. Вот тогда я узнал, что судебная защита от кур — это конфисковать их и возвращать лишь после возмещения ущерба. И вся эта болтовня из-за курицы, копающейся в соседском саду!

Совсем другое дело, если закоренелый браконьер украдет курицу. Тут, я бы сказал, его поступок является преступлением против общественной морали в военное время.

Я полагаю, в такого рода делах юстиция должна учитывать мотивы преступления, которые отнюдь не постоянны. Я много раз имел дело с законом и какое-то время провел за решеткой. В Ландсберге Великий Эксперт однажды достаточно торжественно заявил мне, что не может прийти к выводу, то ли наказание должно применяться как месть, как средство предотвращения или как метод исправления! Я ему резко возразил, сказав, что, насколько это касается получателя наказания, для него нет абсолютно никакой разницы!

Серьезно, я не думаю, что можно установить какие-то непреложные правила в этих вопросах. Например, если бы в мирное время какой-нибудь восемнадцатилетний юнец выхватил у женщины сумку из рук, я бы не стал приговаривать его к смертной казни. Но сейчас мы воюем; мы ввели затемнение. Огромное большинство женщин заняты трудом в промышленности, и мы вынуждены принять суровые меры предосторожности для их защиты. В Берлине в какой-то момент преступники настолько обнаглели, что женщины не осмеливаются выходить на улицу в одиночку после наступления темноты. Поэтому очень нужно своевременное вмешательство; искру надо потушить до того, как разгорится пламя.

Возьмем, например, ограбления погребов. Они очень серьезны, особенно в такое время, когда мы вынуждены проламывать стены между подвалами различных жилищ. Когда воры начнут пользоваться в своих интересах таким состоянием дел, мы должны принимать против них активные меры, иначе вся система противоздушных убежищ, а вместе с ней и дух нации окажутся под угрозой. Одна-единственная бомба, попавшая в гущу домов, может вызвать гибель двух тысяч человек, а человек, рискующий жизнью на фронте, справедливо может обозлиться на государство, которое ждет от него жертв, а само в то же самое время не беспокоится о защите его семьи и дома. Посему должны быть выработаны жесткие и суровые линии разграничения. Если кто-то ударит курицу по голове, это не

преступление, способное породить волну преступлений; но когда какой-нибудь мерзавец систематически грабит сады и уносит скромный урожай овощей, которые хозяин пытается вырастить, тогда я заявляю, что это преступник самого позорного типа, для которого никакое наказание не будет слишком жестоким. Такого рода преступления надо давить в зародыше.

Должны быть приняты меры — и это должно быть ясно всем, — чтобы обеспечить подавление любого нарушения общественного закона и порядка, а также гарантировать, чтобы неизбежное удешевление жизни на фронте не уравновешивалось пропорциональным удорожанием жизни менее ценных элементов на внутреннем фронте.

Дух народа в большой степени зависит от работы его судей. Каждая война дает повод для обратного отбора; наилучшие и найдостойнейшие гибнут тысячами. Даже среди храбрецов выбор рода войск представляет собой нечто вроде суперселекции, самые смелые из смелых идут в авиацию и на подводный флот. А потом непрерывный призыв во всех родах войск: «Кто пойдет добровольцем?..» И всегда вперед выходят самые доблестные — и умирают. Со временем потом остаются только подонки, живущие в мире и безопасности. Человек, отправленный в тюрьму, имеет уверенность, что ничего больше с ним не случится. Если дать этому процессу длиться еще три-четыре года, этим будет нарушено все равновесие нации.

Тюрьма перестала быть мучением; на Волховском фронте солдаты лежали не на койке в тюрьме, а в ледяной воде, не защищенные от ветра, без сна, часто без пищи или надежды на спасение.

Народ, взятый в своей массе, не бывает целиком хорошим или целиком плохим. У него нет ни мужества, достойного восхищения, ни слабости, чтобы считаться абсолютно зловредным. Есть крайности в каждом конце шкалы, определяющей средний уровень. Если доброе гибнет, в то время как злое сохраняется, тогда совершенно возможно то, что произошло в Германии в 1918 г., когда кучка из нескольких сотен мерзавцев творила насилие над целой нацией.

В самом Берлине на одного погибшего беспартийного приходится восемь погибших членов партии; и, к несчастью, всегда первым гибнет цвет партии — мои руководители СА, мои лидеры групп и регионов. Я своей жизнью рисковал тысячу раз, а тем, что жив, обязан просто своей удаче. Поэтому я заявляю, что в таких вопросах сантиментам не должно быть места; мы должны применять беспощадный закон и не допускать никаких исключений. Это часто причиняет мне боль и вполне может привести к ошибкам, которые потом будешь с сожалением признавать. Но никакой иной курс тут немислим.

В конце Первой мировой войны я был куда более пропитан гуманными идеалами, чем наша тогдашняя система правосудия. Обстоятельства меняют дела. Главное — быть честным и логичным с самим собой. В военное время слабость недопустима. В случае, если дело

касается предателя, величина причиненного им ущерба имеет малое значение; важен сам по себе факт. Есть такие преступления, которые без всякой тени сомнения ставят человека, их совершившего, за рамки общества. В Третьем рейхе ни один предатель не совершит преступления и останется при этом живым. Это минимум, который мы можем сделать для тех, кто оставил свои дома и жен, чтобы воевать на фронте. В таких вопросах я беспощаден. И закон должен быть также беспощаден; и он также должен прислушиваться к общественному мнению. А пока браконьер убивает зайца и отправляется на три месяца в тюрьму! Я бы сам взял этого типа да отдал бы в одну из партизанских групп СС. Я не поклонник браконьеров, особенно потому что я вегетарианец; но в нем я вижу единственный элемент романтизма в так называемой спортивной стрельбе. Кстати, нет сомнений, что среди самых стойких сторонников партии не так много браконьеров. Когда я рассказываю все это, не воображайте, что я одобряю то мародерство, которое браконьеры производят среди живой природы лесов. Напротив, мои симпатии целиком на стороне егерей.

Интереснее всего отметить, как мудро люди начиная с детского возраста реагируют на меры, применяемые для общего блага. Если женщина отправляет посылку своему мужу на фронт, а ее по пути воруют, первоначальная реакция такова: «Проклятая свинья! Да его убить надо!» Таков примитивный человеческий инстинкт. Женщина лишает себя чего-то, чтобы послать это мужу; а эта сволочь ворует у нее! Убить его! Тут нет места никаким сантиментам. Это просто обыкновенный, здоровый стадный инстинкт.

Общество во всем своем объеме не получает никакой выгоды или поддержки от вырождающихся в своей среде дегенератов. Тем не менее, любопытно видеть, как эти выродки при определенных обстоятельствах реагируют во многом так же, как и обычные люди. Я знаю одного комедианта по имени Палленберг¹, который является типичным еврейским интеллектуалом. Он припрятал свои деньги в каком-то еврейском банке в Голландии; и вот теперь, когда он, естественно, все потерял, он стал ярым антисемитом!

В случае Зеефельда я говорил Гюртнеру, что если этот парень действительно совершил тридцать шесть убийств, то очень важно будет выяснить, как он это сделал. (В тот момент было доказано только двенадцать, к которым он был причастен.) Гюртнер очень колебался, а потому я предложил ему дать разрешение гестапо попробовать свои силы, добавив, что с парнем ничего не случится, что в лучшем случае он получит хорошую порку, что если бы я сам получил одним махом всю взбучку, которую я заслужил (и заслуживал) в своей жизни, то я уже умер бы! А в результате этот мерзавец признался в ста семи убийствах, о которых Гюртнер и не узнал бы,

¹ Возможно, речь идет об австрийском актере Максе Палленберге (1877—1934).

но не гестапо. По его признанию, он использовал свои собственные методы. Я привожу этот пример для того, чтобы доказать, что бывают случаи, в которых суровость необходима.

Закон — не самоцель. Его назначение — поддерживать общественный порядок, без которого не может быть ни цивилизации, ни прогресса. И для этой цели все средства оправданы. Закон не должен быть ни жестоким, ни мягким. Но он должен приспособливаться к целям, для которых был создан.

Законодатель не может каталогизировать и предписывать законы для каждого мыслимого преступления. Когда совершается преступление, для которого нет положения в существующем законе, обязанностью судьи становится вынесение приговора по заслугам; потому что, очевидно, отсутствие конкретного преступления в своде законов не предполагает, что законодательство должно оставлять его безнаказанным. Квалифицированный судья найдет адекватные средства, чтобы наказать преступника и оградить интересы общества.

Органы юстиции должны комплектоваться из лучших элементов нации. Судья должен обладать острой чувствительностью, которая позволит ему понять намерения законодателей, чтобы воплотить их как по духу, так и по букве, и усилить там, где это необходимо. Очень важно, чтобы судья имел максимально ясную картину намерений законодательства и цель, которую она преследует. По общему признанию, в мирное время можно допустить влияние гуманизма. Тот факт, что сегодня исполнительная власть до некоторой степени вмешивается в применение закона, ни в коей мере не должен рассматриваться как нарушение юридической прерогативы; также нельзя считать это вмешательство нетерпимым. Это скорее попытка скоординировать желания законодательства и обязанности юридических органов, у которых одна и та же задача. Но идея, что судья существует для того, чтобы вынести абсолютно окончательное и бесповоротное решение, даже если в результате этого весь мир полетит в тартарары, — совершенная чушь. Напротив, первичная обязанность судьи — обеспечить закон и порядок в обществе.

Служители закона должны быть самыми высокооплачиваемыми чиновниками в государстве, элитным корпусом, образование которых постоянно должно быть нацелено на то, чтобы не прятаться за буквой закона, а иметь мужество действовать на свою ответственность. Могут возразить, что это равносильно превращению закона в служанку политической власти. Не обязательно; власти предрержащие сами подвластны закону! Никакой юридический орган, зная о своих обязанностях и стремясь исполнять их, не одобрит какого-либо позорного акта. Но если правительство поступает недостойно, закон не в состоянии этому помешать. Ни римское право, ни средневековое право, ни наш нынешний уголовный кодекс ничего не могут с этим поделать. Если правительство состоит из безразличных личностей, то юридический орган не в состоянии исправить ошибки законодате-

лей; но когда бразды правления — в руках честного и знающего юриста, тогда закон может искренне и чистосердечно поддержать его в борьбе за укрепление связей в национальном сообществе и, тем самым, в заложении идеального фундамента, на котором можно будет построить здоровую и достойную конституцию.

Задача судьи громадна по объему. Он должен быть готов взять на себя ответственность, как и сам законодатель; он должен сотрудничать с юристом в теснейшем контакте, чтобы вместе они смогли защитить общество от деструктивных элементов и поддерживать интересы общества такими средствами, которые могут быть продиктованы временем и конкретными обстоятельствами.

Если такая степень сотрудничества достигнута, легислатура освободится от необходимости постоянно провозглашать новые законы; и к ней не надо будет апеллировать за предписанием точного наказания, расположенного в диапазоне между тюремным заключением и каторжными работами, между каторжными работами и смертной казнью. Ее задача будет ограничена составлением уголовного кодекса, по которому только судья будет нести ответственность в определении нужного наказания — от простого заключения до смертного приговора. А сейчас, когда суд выносит смертный приговор и в то же самое время рекомендует объявить пощаду, это ставит меня в неловкое положение. Это не та ситуация, в которой легислатуру призывают вмешаться. Если уголовный кодекс здравый и судья досконально с ним знаком, тогда он в случае сомнений перед вынесением приговора обязательно обратится за помощью к своим советникам. Должно быть тесное сотрудничество между представителями государства и юридических органов.

Необходимо решительно пересмотреть систему обучения в юридических учебных заведениях. По моему мнению, очень важно, чтобы судья обрел значительный жизненный опыт перед тем, как к нему обратятся с предложением принять на себя обязанности, полагающиеся на этой должности. Например, никто не может быть назначен на должность судьи, если он не имел до этого опыта административной работы в партии.

Судья должен обладать глубоким личным опытом в вопросах, по которым ему предстоит выносить приговор. Настоящие условия не дают ему возможности обретения проницательности, которая есть необходимое условие для успешного выполнения им своих обязанностей. Другое необходимое условие — он должен быть сведущ в различных областях деятельности общества (в индустрии и др.). Мне известно одно автомобильное дело, в котором председательствующий судья полагал, что спидометр приводится в действие газом! Все, что он знал о двигателе, то это что-то такое, куда заливаются вода, масло и бензин. Конечно, нечего ожидать разумного приговора от человека в таком положении. Эксперт, которого он может призвать на помощь, может оказать-

ся старым жуликом, который заинтересован в том, чтобы как можно дольше оставаться на этой должности благодаря потоку технических терминов и фразеологии.

Мне представляется очень желательным, чтобы куча мелких дел слушалась не профессиональными судьями, а почетными мировыми судьями, уже опытными в обыденной жизни. Очень многие дела могут рассматриваться внутри самой партии, и было бы несложно найти людей, наделенных достаточной мудростью, чтобы разобраться в этих мелких делах.

Я думаю, адвокат, как и судья, должен быть государственным чиновником. Я весьма удовлетворен тем, что судья взвешивает представленные ему факты самым добросовестным образом, и я не вижу причины, почему адвокат, давая советы своему клиенту в отношении наилучшей линии защиты, не может поступать таким же образом. У меня накоплен значительный опыт общения с судами. В суд обращаются два человека; оба одновременно правы быть не могут, и дело выигрывает тот, кто имеет лучшего и более знающего адвоката. Когда я оказался в суде в первый раз, я думал, что адвокаты — это порядочные люди. Когда мой адвокат предложил мне заявить, что я понес тяжелый ущерб, я по своей невинности согласился с ним; только потом, когда я получил его отчет, я осознал последствия моего легкого согласия. И разве я не прав, говоря, что он действовал нечестно? Я знаю случаи, в которых крестьянина бессовестно эксплуатировали адвокаты, которые этого несчастного человека выжали как лимон, до последней капли; а когда из него все выжали, дело кончилось! Таким противозаконным действиям надо положить конец. В будущем адвокат, как и судья, и врач, должен быть государственным служащим. Потому что вся задача правосудия состоит в постижении истины.

Как-то у меня был адвокат, который был настолько скромным, что за сорок восемь часов у меня сложилось впечатление, что я — подсудимый, а не истец! Самая худшая черта юридической системы — суд присяжных. Раньше он рассматривался как идеальный, и до 1918 г. я сам считал жюри при рассмотрении дела группой объективных людей. Вообще, в то время я ко всем чиновникам относился с подобным уважением. Я напоминаю себе, что мой отец был человеком чести, председателем суда присяжных и советником юстиции. Я не имел понятия, что юрист — частное лицо, которое зарабатывает на жизнь, защищая негодяев!

По одному случаю меня вызвали свидетелем в деле против одного дезертира из армии — первоклассной свиньи по имени Заупер. Поднялся адвокат и задал мне несколько вопросов, на которые я, как дурак, ответил вполне искренне. «Вы только что вернулись с фронта? Я вижу, у вас нашивка ранения и знак Железного креста 1-го класса, — что вы думаете об этом дезертире?» Я сказал без экивоков,

что я думаю об этой свинье. Адвокат улыбнулся. «Я возражаю против этого свидетеля на почве его личной предвзятости», — торжественно заявил он. Возражение было принято, и грязный Заупер ускользнул невредимым! Когда дело закончилось, офицер, находившийся на галерее для публики, подошел ко мне с протянутой рукой. «Ради бога, давайте уйдем отсюда!» — воскликнул он.

У меня есть репутация, что я слишком медленно езжу через районы застройки. Однажды мой водитель получил повестку за то, что проезжал через деревню возле Нюрнберга. Я лично пошел в суд, и там состоялся такой диалог.

Судья. Но, господин Гитлер, какие у вас претензии к защите в этом деле?

Я. Я возражаю, потому что это неправда, что мы ехали со скоростью, превышающей тридцать километров в час.

Судья. В этом суде каждый, кто обвиняется в превышении скорости, неизбежно подвергается штрафу; я сожалею, но боюсь, что в вашем конкретном случае не смогу сделать исключения!!

Я нанял адвоката, рекомендованного мне страховой компанией, которой наша ассоциация ежегодно платила тысячи марок; чтобы уберечь человека от нервозности, я возил адвоката в суд и из суда на своей машине. Благодаря ему судебный штраф был снижен с тридцати до десяти марок. Три недели спустя я получил от адвоката счет на сумму более четырехсот марок!

Тот же самый юрист, по-моему, должен иметься для обязанностей либо судьи, либо адвоката. Как государственный служащий, он может исполнять обе роли. Он должен иметь право, защищая не исправимого преступника, ссылаться на смягчающие вину обстоятельства, но не отстаивать невиновность того с помощью вдохновенной речи о каком-то ангеле!

В нашей юридической системе требуются очень далеко идущие реформы, но их надо проводить постепенно и одновременно с постепенной реорганизацией всей юридической профессии.

294

20 августа 1944 г., вечер

Опасности чрезмерной механизации армии. — Бог любит большие батальоны. — Фридрих Великий, исключительный случай. — Американская цивилизация. — Бисмарк и Вильгельм II. — Недостойное поведение кайзера. — Незначительность германских правителей. — Муссолини-летчик

То и дело выражается мнение, что война в идеальном виде должна вестись высокотренированными войсками с максимумом механизации и минимумом людской силы. Однако эти теории поразительно

ошибочны, потому что практика показала, что любой род войск обретает максимум своей эффективности, лишь если применяется в комплексе с другими родами войск. Различные виды оружия на самом деле так взаимозависимы, что успех в войне достигается искусным и комбинированным использованием их всех. Даже в древние времена война никогда не выигрывалась только одним родом войск.

Пословица, что «Бог на стороне больших батальонов», не без смысла. Без достаточных сил ничего не достигнешь. Думать иначе — значит пытаться сотворить добродетель из необходимости; если бы так было, малые народы мира не становились бы жертвами угнетения через всю историю. Только потому, что ожидали войны на Западе, которая дала бы им шанс быстро захватить страны Балтики, русские прекратили войну с Финляндией. История войн может представить не один пример, в котором победа доставалась заметно более слабому из соперников. Самый близкий по времени пример — Фридрих Великий, которому везло побеждать с помощью большого умения противников, которые численно несколько его превосходили.

У меня вызывает смех мысль о том, какой ужас охватил бы нас, человечество, если бы вдруг пришла новость, что в Америке приземлился межпланетный корабль! Все наши мелкие земные войны немедленно бы прекратились!

Американская цивилизация имеет чисто механическую природу. Без механизации Америка развалилась бы быстрее, чем Индия. В Америке европеец фактически превратился в кочевника. Как жаль, что фильм «Император Америки» не заканчивается полезной моралью! Тренкер¹ сделал два фильма, ставшие шедеврами в своем роде, — «Горы в пламени» и «Повстанец». За них он никому не должен; но в других фильмах его финансировали католические объединения.

Мне часто задают такой вопрос: будем ли мы ставить фильм «Бисмарк»? Я не знаю более острой критики кайзера, чем в третьем томе мемуаров Бисмарка. Я был шокирован, читая это. Но даже критика Бисмарком не так убийственна, как речи самого кайзера. Бисмарк показывает, что взгляды всего общества были устремлены на кайзера и великие дела могли бы быть совершены, если бы этот монарх был наделен большим тактом, большим человеческим милосердием и большей готовностью взять на себя ответственность за свое высокое положение. А вместо этого последний из кайзеров делал все возможное речами, столь же бестактными, сколь и глупыми, чтобы расколоть немецких князей, совершенно не думая о последствиях. С его стороны это была квинтэссенция тупости, когда он, будучи молодым монархом, обращался с другими государями как просто с вассалами; я бы мог избрать такую же линию

¹ Т р е н к е р Луис (1892—1990) — немецкий актер, режиссер, сценарист, альпинист.

поведения по отношению к Хорти или Тисо!¹ Не довольствуясь этим, молодой идиот пишет «Правителю Тихого океана» и подписывается «Правитель Атлантики!» Поступки придурка! Можете ли вы представить, как я подписываюсь «Правитель Европы!»

Если б Вильгельм II был монархом — личностью, притом дальновидной, если б он обладал достоинствами своего деда, он бы приблизил к себе Бисмарка, он бы завоевал народную любовь, а социал-демократия никогда бы не стала той силой, какой она стала в Германии. Отстранение Бисмарка, несомненно, потрясло нацию, и не только сам факт, но и то, как это было сделано; потому что Бисмарк, прежде всего, был символом национального единства. Безответственность этого молодого человека просто непостижима. В день, когда он уволил Бисмарка, он давал бал; во всем его поведении наследственность его еврейских предков выступает в совершенно циничной форме отсутствия самоконтроля, что было для него характерно. Могучий специалист по напыщенной фразе, но трус в делах; машет саблей, но никогда не вынул меча из ножен — хотя господь свидетель, сколько возможностей для этого у него имелось! И такой же пустой и глупый в придачу, как самый пустой и глупый павлин!

Когда я вспоминаю германских потентатов, мне они представляются один тупее другого. Могу сделать лишь одно исключение — царь Болгарии. Это был человек бесконечной мудрости, неистощимого такта и уникальной силы характера. Если б у нас на троне Германии был человек вроде Фердинанда, Первой мировой войны никогда бы не было.

Я никогда в своей жизни никому не дарил самолета. Самолет есть самолет, и я терпеть не могу людей, которые вдруг ударяются в занятия спортом! Нормальный человек не станет вдруг залезать на сцену и петь! Дуче в этом отношении ведет себя очень глупо — но он не подходит для демонстрации напускной храбрости! Меня иногда спрашивают, почему я не играю ни в какие игры. Ответ простой — я не силен в играх и не хочу выглядеть дураком! Однажды Адольф Мюллер научил меня водить машину. Потом я стал заниматься политикой и оказался в тюрьме, где баварское правительство было бы радо держать меня постоянно. В любом случае не представляю, как бы я мог вести машину двенадцать часов, а потом произносить речь. Это было бы просто глупым эксгибиционизмом! Мне достаточно посмотреть на господ моего круга знакомых — обязательно у кого-нибудь синяк под глазом или сломанная нога! Фюртвенглеру¹, например, в голову вдруг пришла блестящая идея заняться лыжами! Человек с дирижерским гением сводит с ума тысячи женщин, и вдруг возжелал блеснуть как лыжник! И его удовлетворит не менее чем

¹ Т и с о Йозеф (1887—1947) — глава словацкого коллаборационистского правительства (1939—1945).

¹ Ф ю р т в е н г л е р Вильгельм (1886—1954) — немецкий дирижер.

трасса слалома; и вот он стартует, а потом — удар! и он лежит в жалкой куче дерьма! Знаменитые люди обязаны остерегаться перспективы выглядеть смешными там, где они не знамениты. Когда Бисмарка пригласили поплавать, он ответил: «Я думаю, что я могу поплыть, но от меня люди обычно ожидают чего-то такого, на что я не способен. Я лучше не пойду!» Возможно, дуче примет это близко к сердцу. Он всегда меня нервирует, когда пилотирует самолет; его дело руководить итальянским государственным кораблем. Только подумать, сколько человек погибло таким неожиданным образом! Если каждый и всякий может вести самолет, то тогда круглые дураки те, кто избрал это своей профессией на всю жизнь!

*Обращаясь к Белову*¹: Скажите, Кессельринг сам летает?

Белов. Только на «шторьхе» — это небольшой самолет.

Фюрер. Лучше б он оставил это дело настоящим пилотам.

295

21 августа 1942 г., полдень

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГЕНЕРАЛ ГЕРКЕ

«Фёлькише беобахтер». — Балтийские бароны. —
Генеалогические маньяки. — Принцы и конюхи. — Свадьба
в деревне. — Девушки из Трудовой повинности. —
Широкомыслящие баварцы

События показали, что журнализм требует собственного стиля. Настоящий журналистский жаргон появился, я думаю, в «Фёлькише беобахтер» во время нашей избирательной кампании в 1932 г. Розенберг опасался провала. Я полностью уверен, что в те времена он отчаялся в человечестве, а его презрение к людям лишь возросло, когда он обнаружил, что чем больше он опускал интеллектуальный уровень газеты, тем больше ее раскупали! Ему и вправду следовало озаглавить газету так: «*Мюнхенер беобахтер*» — балтийский выпуск!»²

Вначале «Фёлькише беобахтер» взяла такую высокую интеллектуальную планку, что мне самому было трудно в ней разобраться, и я не знаю ни одной женщины, которая смогла бы понять, где голова, а где ноги! Но Розенберг настаивал на этом крайне высоком уровне; в то время там, где сейчас помещается передовая статья, он давал нам глубоко философские трактаты, написанные профессорами, и, главным образом, по Центральной Азии и Дальнему Востоку.

¹ Белов Николаус фон — личный адъютант Гитлера.

² Розенберг был выходцем из Прибалтики, как и некоторые из его сотрудников.

Во время пожара рейхстага я заехал посреди ночи в редакцию «Фёлькише беобахтер». Понадобилось полчаса, пока я смог найти того, кто впустил меня внутрь. Там сидели без дела несколько наборщиков, и, наконец, появился какой-то заспанный помощник редактора. Он совершенно не мог уловить, что я ему втолковывал, и то и дело повторял: «Но в самом деле! в это время ночи здесь никого нет; я должен вас попросить прийти в рабочее время!» — «Вы сошли с ума! — заорал я. — Вы понимаете, что сейчас происходит событие непредсказуемой важности!» В конце концов я сумел отыскать Геббельса, и мы проработали до рассвета, готовя завтрашний выпуск.

Мне часто трудно ужиться с нашими балтийскими семьями; как будто у них какое-то отрицательное качество, и в то же время они держатся с таким превосходством, какого мне не доводилось встречать нигде. Тем не менее, я очень обрадовался, когда в 1941 г. мы получили список немецких семей в Балтийских государствах и обнаружили в нем всех наших старых друзей по двадцатым годам. Очень приятная черта в них — изумительное чувство солидарности. Поскольку столетиями они были повелителями низшей расы, вполне понятно, что они вели себя, как будто остальная часть человечества состоит из латышей. Будучи меньшинством, они все были близко знакомы друг с другом и строго соблюдали дистанцию по отношению к другим.

Со своей стороны, я ничего не знал вообще об их семейных историях. Я даже о своих семейных отношениях узнал только тогда, когда стал рейхсканцлером. Я совершенно не семейный человек и не обладаю клановым чувством; я принадлежу единственно обществу моего народа. Прибалты имеют обыкновение измерять интеллект всякого, с кем встретятся, по тому, является ли он племянником графа такого-то или принцессы такой-то. Мне, с другой стороны, приходится дважды подумать, прежде чем смогу вспомнить своих кузин или тетюшек; все эти вещи для меня неинтересны и пусты. Один из наших членов партии изо всех сил старался заинтересовать меня результатами своих сложных исследований, проведенных им касательно истории своей семьи. Я оборвал его «Пфеффер¹, — сказал я, — меня это просто не интересует. Все эти вещи — дело чистой случайности; некоторые семьи ведут такие записи, другие — нет». Пфеффер был шокирован этим отсутствием понимания; а есть люди, которые три четверти жизни проводят в такого рода исследованиях. Пфеффер, однако, был очень настойчив в своем желании показать мне, что его жена по крайней мере — потомок Шарлеманя. «Это, — возразил я, — должно быть, результат прегрешения! если *faux-pas* [проступок. — *Пер.*] можно проследить до Наполеона, то было великолепно; все остальное — чем меньше говорить, тем лучше!» По правде, знаете, только женщины,

¹ П ф е ф ф е р фон Саломон Франц (1888—1968) — руководитель СА, в 1941 г. исключен из НСДАП.

переходящие границы, заслуживают похвалы; потому что многие великие и древние семьи обязаны своим выживанием нежному грешку женщины! Первоначально греху, конечно, скромно не придается значения, тем более что его мотивом было не стремление влить свежую кровь, а обычно это результат животного влечения к мужественному существу, которое весьма кстати стало средством для возврата нового здоровья в вены вымирающей семьи. Подумать только, что случилось бы с германскими князьями, если бы не происходили такие маленькие делишки!

Заукель рассказал мне об очень интересном факте. Все девушки, которых он вывез из Восточных территорий, проверяются врачами; и 25% из них оказались девственницами. В Верхней Баварии такого быть не могло! В противоположность народному верованию, ошибочно предполагать, что девственность — особо желательное качество; нельзя удержаться от подозрений, что тем, кого пощадили, было нечего предложить со своей стороны! И я не решаюсь повторить, что говорится в народе по поводу христианских дев. Когда на свадебной церемонии священник упоминает о девственности и священных супружеских узах, всегда видишь, как некоторые парни скалят зубы и подталкивают локтями друг друга; возможно, немало из них знают эту «христианскую деву» изнутри!

По существу, в этом нет большого вреда, и этим объясняется деревенский обычай пробного брака. Сельские районы настолько бедны, что наем каких-либо слуг немислим, а если еще и нет детей, то это просто беда; с двенадцати—тринадцати лет мальчикам приходится трудиться весь день. И вот так появился обычай пробного брака. И только если парень слишком надолго затянет этот испытательный период, на него начинают косо посматривать, и ожидается, что он женится на этой девушке. Вообще говоря, надо признать, что нет более примитивного инстинкта, чем любовь; и это несчастье, когда результаты этого обычая не приносят удовлетворения. Лучшую кровь можно найти в маленьких городках, потому что там люди ведут здоровый образ жизни. В деревне крестьяне гнутся от работы и отягощены системой гигиены, которая ужасна во всех отношениях. Но в деревне, по крайней мере, они дышат свежим воздухом; и он дует, когда на фермы в качестве добровольцев приезжают девушки из Трудовой повинности, одетые в легкие спортивные костюмы. Все это вызывает огромное возмущение у господ из духовенства. Раньше деревенские девушки, и особенно из зажиточных семей, надевали не менее шести юбок — чем больше, тем лучше — как символ состоятельности девушки.

Мюнхен — это город особенно терпимый в этой отношении. Когда я приехал сюда из Вены, я был поражен, увидев, как офицеры в коротких шортах принимают участие в эстафете. Такие вещи никогда бы не потерпели в Вене. Кстати, я слышал об одном священнике в Баварии, которого упрекали в амурном дельце со своей служанкой.

Напротив, вся община обнимала друг друга в веселье. «Наш священник — молодой парень, — говорили со смешком, — не будет же он заниматься этим делом в одиночку!» И мы совершили бы большую политическую ошибку, если бы использовали эту нормальную связь между священником и служанкой в качестве оружия против попов. Народ в этом не видит ничего плохого — совсем наоборот!

296

21 августа 1942 г., вечер

Необходимость и принятие решений. — Патуа и верхненемецкий язык. — Немецкий заменяет латинский в качестве официального языка. — Наши машинистки-стенографистки

Если начинаешь военную операцию с внутренними оговорками: «Осторожно! так может не получиться», тогда можешь быть уверенным, что операция *провалится*. Чтобы вынудить решение, необходимо вступать в бой с убежденностью в победе и намерением добиться ее, невзирая на опасности. Только представьте себе, что бы случилось, если бы проводили Критскую операцию с мыслью: «Ладно, начнем операцию; если получится, тем лучше; если провалимся, надо будет отходить!»

Мой соотечественник Штельзаммер писал удивительные стихи, но, к сожалению, на своем диалекте; а так он мог бы стать литературным соперником Брукнера. Если бы его современник тоже писал на диалекте, у него бы тоже было не более десяти тысяч читателей. А какая это потеря!

Точно так же я всегда думал о том, что это очень печальный факт, когда первоклассный комедиант целиком зависит от диалекта для своего юмора; тем самым он ограничивает свою аудиторию. Например, Валентина по-настоящему могут оценить только в Верхней Баварии; даже в остальной части самой Баварии половина его шуток не имеет спроса, а в Берлине, если он там появляется, его ждет полное фиаско. Если бы он выучился выступать еще и на верхнегерманском, он был бы повсюду знаменит задолго до появления великих американских комедиантов.

Во всем этом присутствует более серьезный аспект. Иностранец для освоения немецкого языка тратит два-три года, а потом он приезжает в Мюнхен. Первое, что его встречает, это шквал непонятного диалекта; как только мюнхенский бюргер понимает, что перед ним иностранец, он тут же, как чумы, старается избегать верхненемецкого. «Этот парень, — думает он про себя, — может быть пруссаком — я ему покажу что почем!» И он настойчиво продолжает говорить на чистейшем диалекте, какой только может выдать, пока его бедная жертва не будет полностью сбита с толку и удалится. Я изо всех сил

стараюсь донести хороший немецкий до слуха датчан, шведов и финнов, а радио в цветистой манере прославляет диалект! Я поконтчил с готическим шрифтом, потому что считал его препятствием, а люди продолжают извергать потоками диалект! Это не имеет смысла.

Вспоминаю, как один из моих фронтовых товарищей приехал из Алгау; первые несколько дней он мог бы считаться просто китайцем. Все это может быть очень смешно. Фритци Ройтер — действительно великий писатель, но читать его может незначительное меньшинство. Где бы мы были, если бы Гофман фон Фаллерслебен написал национальный гимн на диалекте? Каждый должен испытывать привязанность к месту своего рождения, но одного этого недостаточно; его клятва верности должна простираться за пределы своего прихода.

Вам не стыдно, когда вы слышите, как хорошо образованный чех говорит по-немецки лучше, чем многие немцы?

Чтобы создать имперское правительство, потребовалось совершить насилие над целым рядом диалектов и ввести официальный немецкий язык. До того как это было сделано, официальным языком был латинский; и, вероятно, он был бы до сих пор, но пришлось принять эту жесткую меру. Существует целый мир различий между пением мессы на латинском и получением ордера на уплату подоходного налога на том же языке. Старая пословица «Мы скоро научим тебя говорить на правильном немецком» относится к тем героическим дням. В те времена Габсбурги вели себя как будто были истинными императорами Германии.

Часами я пытался втолковать Крозигу, что машинистка в офисе Ламмерса — не обычная стенографистка, а секретарь. Поначалу Крозиг упорно отказывался включить этих девушек в список государственных служащих, несмотря на то что самые секретные документы постоянно проходили через их руки. В той же лодке сидят клерки в вермахте — а они самые низкооплачиваемые у нас работницы. По моему мнению, в классификации должностей определяющим фактором должна быть важность поручаемых обязанностей. Лучший секретарь в мире вряд в состоянии выполнить гигантский перечень обязанностей, возлагаемых на нее; она должна быть быстрой как молния и молчаливой как могила, — и все, что она получает, это восемьдесят или сто марок в месяц!

Меня всегда бесит от мысли о судебной секретарше, медленно царапающей каракули, а рядом с ней кусок засаленной бумаги, в которой был завернут сыр. Она шевелится только тогда, когда исправляет ошибки или что-то вычеркивает.

Когда я диктую фрейлейн Гербек, я знаю, что она не понимает слово в том смысле, в каком его пишет. Фрейлейн Шталь, прежде работавшая в министерстве пропаганды, была совсем другая. Как только она совершила малейшую ошибку в диктовке, она останавливается, сидит смиренно и ждет исправления.

22 августа 1942 г., вечер

Венгерский блеф. — Индия — школа для британцев. — Методы колонизации. — Кустарь за работой. — Уважение к местным обычаям. — Будапешт

Венгры всегда были позерами. В войне они похожи на британцев и поляков; для них война — дело, которое касается правительства и на которое они идут, как быки на бойню. Все они носят мечи, но не имеют ни капли рыцарства, которого требует ношение меча.

В прочитанной мной недавно книге об Индии говорится, что Индия воспитывает британцев и дает им чувство превосходства. Урок начинается прямо на улице; всякий, кто проявит хотя бы минутное сочувствие к нищему, будет буквально разорван на части ордами нищих; всякий, кто проявит признаки человеческих чувств, осужден навсегда. Вот отсюда происходит это подавляющее презрение ко всему, что не британское, что характерно для британской расы. Отсюда причина, почему типичный британец шагает вперед, высокомерный, презрительный и не обращающий внимания ни на что вокруг него. Если британцев когда-нибудь выкинут из Африки, последствия будут быстрыми и ужасными. В конечном счете Россия будет пожирать урожай. Как бы ни нищенски жили индусы при англичанах, им наверняка не будет лучше, если британцы уйдут.

Ежегодно британская казна получает двадцать два с половиной миллиона стерлингов от опиума и алкоголя. Всякий, кто поднимет голос в знак протеста, рассматривается как враг государства и получает соответствующее отношение. Мы, немцы, напротив, будем продолжать курить свои трубки, в то же время заставляя аборигенов в наших колониях отказаться от ужасов никотина!

Британия не желает перенаселения Индии; это не в ее интересах. Напротив, ей бы хотелось видеть более редкое население. Если бы мы оккупировали Индию, самой первой заботой наших администраторов было бы создание бесчисленных комиссий для исследования всех сторон человеческой деятельности с целью их улучшения; наши университеты, полные заботы о благосостоянии коренных жителей, немедленно открыли бы филиалы по всей стране; а кончили бы мы тем, что быстро бы доказали, что в Индии цивилизация старше, чем наша собственная!

Европейцы все вакцинированы, а поэтому обладают иммунитетом против опасностей различных эпидемий. Владелец плантации знает, что в его собственных интересах предотвратить вспышку заболевания среди своих кули, но, может быть, лучше удовольствоваться чуть меньшей прибылью и не мешать природе делать свое дело!

Я только что прочел несколько книг, которые надо заставить прочесть каждого немца, отправляющегося за границу. Первая из

них — книга Альсдорфа, которую следует прочесть каждому дипломату. Как в ней говорится, дурным вещам индусов научили не англичане; когда первые белые люди высадились в стране, они обнаружили, что стены, окружающие многие города, сооружены из человеческих черепов; точно так же не Кортес принес мексиканцам жестокость — она уже там была до его прихода. Мексиканцы действительно не отказывали себе в многочисленных человеческих жертвоприношениях, а когда ими двигал какой-нибудь дух, могли пожертвовать ни много ни мало, а целых двадцать тысяч человек сразу! По сравнению с ними Кортес был скромным человеком. Поэтому нет необходимости бродить вокруг света, делая аборигенов счастливее, чем белый человек. Некоторые, я знаю, возмущаются продажей низкопробных товаров из хлопка коренным жителям; что, скажите мне, они предлагают — чтобы мы продавали им чистый шелк?

В России мы должны построить центры для сбора зерна поблизости от всех железнодорожных станций, чтобы облегчить перевозки на Запад. Украинскую марку также надо привязать к рейхсмарке по курсу, который будет установлен позже.

Розенберг намерен поднять культурный уровень местных жителей, поощряя их склонность к резьбе по дереву. Я не согласен. Мне хотелось бы, чтобы Розенберг посмотрел, какого рода барахло продают в моей родной сельской глубинке пилигримам! И нельзя сказать: «Что за дрянь!» Саксонские производства тоже должны существовать. Когда-то я знал одну саксонскую женщину, которая продавала набивные носовые платки. В каждом уголке — изображение известного человека: в одном углу Гинденбург, в другом Людендорф, я — в третьем, а в четвертом — ее собственный муж!

Каждый раз, когда я бываю на постоянной выставке немецких ремесел, я злюсь. Во-первых, выставочная мебель — просто дурная штука; таков же и способ обозначения цен. Например, видишь бирку с надписью RM800 и полагаешь, естественно, что она относится ко всему комплекту. Потом обнаруживаешь, что скамья, картина и занавес в цену не входят; и последней соломинкой стало то, что эти дрянные предметы претендуют на право представлять какую-то форму искусства, именуемого народным, — искусства наших мелких независимых ремесленников. В реальности публика ей не интересуется. Если обыватель платит за что-то двенадцать тысяч марок, он ожидает за эти деньги ценность, и его ничуть не заботит, были ли гвозди забиты вручную или машиной. Честно говоря, что мы имеем в виду, говоря о труде ремесленника? Зачем покупать мебель из нелакированного дерева, если за те же самые деньги мебельная промышленность поставит вам прекрасную мебель, отполированную до блеска? В магазине Шторца, например, я видел прекрасную мебель, которую скромные люди хотели бы иметь. Прикладное искусство? Вздор!

Если какой-то ниггер счастлив, имея пару наручников, и ничего более, зачем мы будем ему мешать?

Я читал истории о сжигании тел в Бенаресе. Если б мы были там, наши эксперты по гигиене поднялись бы во гневе и организовали крестовый поход при поддержке самых жестоких наказаний, чтобы искоренить эту зловредную практику! Каждый день приходили бы государственные химики и анализировали речную воду, и моментально было бы создано новое и гигантское министерство здравоохранения! Британцы, с другой стороны, ограничились тем, что запретили сожжение вдов. Индусы могут считать себя счастливыми, что не мы правим Индией. Мы бы сделали их несчастными! Только подумайте! Двести метров вниз по течению от места, где сбрасывают полусожженные тела своих мертвецов в Ганг, — а они пьют речную воду! И никому от этого никакого вреда. Но мы бы вынесли такое?

Жители Будапешта остаются верными своей реке и справедливо гордятся двумя вещами: красивыми монументами и зданиями, украшающими окружающие склоны холмов, и чудесными мостами, соединяющими берега Дуная. Это чудесный город и неизмеримо богатый. Его истоки связаны с Хорватией, Словакией, Боснией и Герцеговиной; все магнаты-плутократы приносили свои сокровища в Будапешт. После революции 1848 г. были перестроены все главные артерии города, которые в два раза шире, чем в Вене.

Я посылал всех берлинских архитекторов в Париж, чтобы поискать вдохновения для облагораживания своего собственного города. Три моста всегда дешевле, чем сорок пять улиц. Я только сожалею, что никогда не видел новый мост в Кельне. Он должен быть изумителен!

298

22 августа 1942 г., вечер

ОСОБЫЕ ГОСТИ: ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА БАКЕ И КАПИТАН ТОПП¹

**Большевизация Европы. — Ллойд Джордж, великий британец. —
Беспощадная война**

Если б ему дали время, Сталин сделал бы из России супериндустриального монстра, в совершенном противоречии с интересами масс, но оправданного демагогическим педантизмом и предназна-

¹ Б а к е Герберт (1896—1947) — статс-секретарь министерства продовольствия; Т о п п Эрих (1914—?) — фрегатен-капитан, ас номер 3 (после Отто Кречмера и Вольфганга Люта) подводной войны, потопивший 36 (по другим сведениям — 34) корабля.

ченного для подъема уровня жизни своих собственных сторонников. Его конечной целью было бы поглощение всей Европы в большевистское кольцо. Это чудовище, но чудовище гигантского масштаба. Он использовал евреев для уничтожения интеллигенции на Украине, а потом отправил евреев в товарных вагонах в Сибирь. Я думаю, вполне возможно, что он сбежит в Китай, если увидит, что нет другого пути для бегства.

Британец, произведший на меня самое глубокое впечатление, — Ллойд Джордж. Иден говорит на отвратительном, жеманном английском, но Ллойд Джордж был прирожденным оратором и человеком огромной широты обзора. То, что он написал о Версальском договоре, будет актуально на века. Он был первым, кто объявил, что этот договор неизбежно приведет к другой войне. Он заявил, что идея о том, что народ вроде немецкого может быть уничтожен, — безумие. Британия, добавил он, не имеет другой альтернативы, кроме как жить в дружбе с Германией.

В том, что события стали развиваться в другом направлении, вина Центра (католической партии). Социал-демократы были против этой политики, и у Шейдемана были связаны руки.

Мы должны благодарить самих себя, что британцы быстро поняли в Первую мировую войну, что война — это дело, которое идет без перерыва днем и ночью; мы сами научили их этому. Если б все зависело только от них, британцы приказали бы, чтобы вся стрельба прекратилась точно в пять часов. Но тут, к их возмущению, наши проклятые батареи продолжали стрелять! А какие батареи были у нас! В один прекрасный день им даже удалось отомстить, заставив британца отказаться от его любимого чая, а потом постепенно вечерний мир канул в вечность! Потом у нас появились другие батареи, которые стреляли всю ночь, и опять они были вынуждены сделать то же самое, и так война скоро стала тухлой игрой, и конечно, тут полностью наша вина!

Если в воскресенье в Берлине выбросить пятьсот тысяч окурков, один из них где-нибудь начнет пожар. Мы в изобилии бросали зажигательные бомбы на Вестерплатте¹, а там не было ни одного пожара. В рейхсканцелярии я нашел следы курения везде на коврах и на всей мебели.

Хотелось бы знать, почему британцы вдруг прекратили использовать зажигательные бомбы?

¹ Гарнизон Вестерплатте (район Гданьска/Данцига) сражался с 1 по 7 сентября 1939 г.

25 августа 1942 г.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГАУЛЕЙТЕР ЛАУТЕРБАХЕР¹

Работа Шахта. — Провал британской блокады. — Скряги и монстры

Возвращение нашего экспорта в нормальное русло было самой ценной услугой Шахта, оказанной нам. Когда встает вопрос о практической деятельности, тут Шахт — бесценная жемчужина. Но если от него требуется проявить силу характера, он всегда не оправдывает ожиданий. В такого рода делах один масон обжулит другого. Когда я распустил масонскую ложу в Германии, Шахт немедленно стал обструкционистом.

Из-за того, что наши солдаты посылают домой утварь, которую они насобирали на оккупированных территориях, вермахт превратился в отличное транспортное агентство.

Если нам удастся в октябре увеличить рацион, британцы могут отказаться от всякой надежды на то, что заморят нас голодом. Они всегда лелеяли надежду, что без особых трудностей, как и в Первую мировую войну, отрежут нас от остального мира. Но сейчас, после Норвегии, Нормандских островов и со своими проблемами на Дальнем Востоке, им приходится петь другую песню.

Военный лидер, отказывающийся рисковать, не одержит победы.

В годы сразу после нашего взятия власти многие думали, что инфляция неизбежна. Только рабочие одобряли нашу политику. Годами я говорил им: ваши заработки могут вырасти только пропорционально росту вашей производительности труда.

Чем меньше у человека денег, тем более здравый смысл он проявляет. Самые богатые люди — менее всего рассудительны, а некоторые настолько тупы, что становятся скупцами! Эту тенденцию, в общем, исправляют сыновья, которые проматывают эти денежки обеими руками. По этой причине надо позаботиться, чтобы продолжали существовать игровые столы; казино — это отличные заведения, и надо сказать каждому, у кого слишком много денег: давайте, ребята, приходите и играйте!

Вся жизнь — это вечная опасность, а рождение — самая большая опасность из всех. Каждый родитель уже через неделю знает, что его сын — самый умный мальчик: об этом судят, конечно, по везу ребенка.

¹ Л а у т е р б а х е р Хартман — гаулейтер Южного Ганновера — Брунсвика.

26 августа 1942 г., вечер

ОСОБЫЙ ГОСТЬ: ГРОСС-АДМИРАЛ РЕДЕР

Неугомонные бюрократы. — Италия истощает свое моральное мужество. — Швейцария — прыщик на лице Европы. — Шведские паразиты. — Средства от высокого кровяного давления. — Индустриализация России. — Вестфальский мир и современная Германия. — Гордыня без силы. — Налет на Дьепп. — Линии связи в России

Бюрократы часто склонны отнимать у народа все радости жизни. Когда солдаты привозят что-нибудь домой с Восточного фронта, это означает дополнительных двести пятьдесят — триста тысяч посылок — очень желанное прибавление в доме. Абсурдно говорить, что это надо прекратить. Напротив, я думаю, каждого солдата надо поощрять, чтобы он каждый раз, приезжая домой, привозил с собой что-нибудь.

Я недавно имел длинный разговор на тему о нашей системе правосудия и о реформах, которые надо провести в отношении подготовки и деятельности законодателей. Надо индивидууму дать больше самостоятельности, надо его научить воспитать в себе чувство ответственности и готовности взять ее на себя.

Сегодня нет достаточных причин для заключения мира с Францией. Нам никогда не удастся вернуть их армию к тому уровню, с которого через три года они не смогут разгромить итальянцев; на это способна одна парижская полиция сама по себе! А потому мы всегда должны быть под рукой, чтобы помочь итальянцам.

То, чего не смогли достичь ни кампания в Польше или Норвегии, Франции, России, ни в пустыне, итальянцы вот-вот сделают — они портят нервы нашим солдатам.

Величайшие победы в истории мира всегда были результатом мощных усилий. Жизнь состоит из преодоления серии испытаний, в которых один человек выживает, а другой — нет. В 1918 г. победа была совсем рядом как для нас, так и для противника. Никто не имел монополии на успех. Фридрих Великий — это почти исключение. Чему можно приписывать его успех — отчаянности или чему-то еще? Честно говоря, я не знаю. Карты складывались против него, а Пруссия была жутко нищей страной. Тем не менее, он рвался вперед с безрассудной смелостью; на чем, я спрашиваю, основывал он свою веру в победу? Если сравнить нашу нынешнюю ситуацию с той, что была у него, нам будет стыдно — даже если сочтем итальянцев как половину союзника. Война 1866 г. была исключительно смелым предприятием¹. Против Пруссии выступили в

¹ Имеются в виду австро-прусская война 1866 г. и австро-итальянская война 1866 г.

одном строю не только другие немецкие государства, но и Франция, и Австрия в придачу — одна Австрия в то время была значительно сильнее, чем Пруссия! Тут есть одна забавная особенность: сторона, на которой выступает Италия, неизменно побеждает!

Государству вроде Швейцарии, которое ничего больше чем прыщик на лице Европы, нельзя позволить существовать.

Повышенная чувствительность итальянцев происходит от какого-то комплекса неполноценности; это нестойкость народа с больной совестью.

Географически мы никогда не будем господствовать в Средиземноморье. Но французам никогда не будет дан шанс на это — особенно после мирного договора, который мы им навяжем. Будем надеяться, что когда-нибудь мы достигнем полного господства в Европе.

Что касается шведских паразитов, то их надо вышвырнуть так же, как это было сделано с датскими паразитами в 1848 г.!

Мы не обязаны брать все на свои плечи; если мы сделаем это, нашим преемникам останется лишь спать. Надо и им оставить кое-какие проблемы для решения и средства, которыми их решать, — а именно могучую армию и могучую авиацию; а армию надо обучать таким образом, чтобы если к власти вдруг придет какая-нибудь трусливая кучка политиканов, то обязанностью армии станет вмешаться в это — как сделала армия в Японии.

В качестве главного принципа я считаю, что мир, который длится более двадцати пяти лет, вреден для нации. Люди, как индивидуумы, иногда нуждаются в регенерации путем небольшого кровопускания. Наши предки сражались на дуэлях. Потом появились цирюльники и их банки — а теперь у нас есть безопасная бритва!

В Средние века никто не страдал от высокого кровяного давления — их постоянные драки были достаточной защитой от этого явления; а в Верхней Баварии практиковали обычай воскресного кровопускания. Сейчас, благодаря безопасной бритве, всемирное кровяное давление растет. Меня охватывает стыд при мысли о том, что я потерял больше крови за бритьем, чем на поле брани.

Если бы Сталину дали еще десять—пятнадцать лет, Россия стала бы самым мощным государством в мире, и потребовалось бы два или три столетия, чтобы изменить состояние вещей. Это уникальный феномен! Он поднял уровень жизни — и в этом нет сомнения; никто в России уже не голодает. Построены заводы там, где пару лет назад существовали только неизвестные деревушки, — а заводы, заметьте, такие же большие, как заводы Германа Геринга. Они построили железные дороги, которых еще нет на наших картах. В Германии мы начинаем спорить о стоимости проезда еще до того, как начинаем строить железную дорогу! Я читал одну книгу про Сталина; должен признать, это гигантская личность, аскет, который взял железной хваткой эту гигантскую страну. Но он лжет, когда заявляет, что Россия — социалистическое государство! Россия — это

само олицетворение капиталистического государства, и нет другого такого же капиталистического государства в мире: население двести миллионов, железо, марганец, никель, нефть, бензин — все, что хочешь, в неограниченном количестве, и все принадлежит государству; а во главе всего этого — человек, который говорит: «Вы считаете, что тринадцать миллионов — слишком большая цена за воплощение великой идеи?» Польша была бы захвачена и Германия тоже с ее сотысячной армией в мгновение ока. В самом Париже они поднимали красный флаг. Европа просто чудом избавилась от этого — и с синяком под глазом!

И ранее Европа пережила такое же счастливое спасение; в сражении под Легницей, где венгры — как, один бог ведает — остановили монголов. Мы никогда не узнаем, что вынудило монголов отступить: то ли тяжелые потери в бою, то ли смерть Чингисхана в Монголии.

Британская стратегия основана на нерешительности и страхе. Если б эти тупицы не продолжали воевать, когда их выкинули из Греции¹, они могли бы топтать прямо до Триполи и там окопаться. Вместо этого, они предпочли каждый раз объявлять привал без малейшей на то причины. Вот классический пример отсутствия воображения и упорядоченного мышления. И к чему это отчаянное желание взять Салоники?² Может быть, потому, что им меньше хотелось бомбить нас, а больше — совершать каждую ночь налеты на некоторые итальянские города?

Для нас эти вещи выглядят много проще, потому что в большинстве случаев у нас нет выбора. На Востоке, если бы мы не напали, русские бы завоевали инициативу. Мы постоянно находимся под угрозой уничтожения. На третий день Русской кампании исход висел на волоске. Если бы мы не решились на самый отчаянный риск, даже выбрасывая парашютный десант еще до того, как наша артиллерия прекратила обстрел плацдармов, на которые им надо было приземляться, вся кампания вполне могла оказаться под угрозой. Когда знаешь, что нет альтернативы, кроме как идти вперед, проблема здорово упрощается. В любом случае мы не можем уйти из Европы, не так ли? Чтобы удержать труса на правильном пути, я был вынужден сказать ему: «Если ты отступишь, будешь расстрелян. Если пойдешь вперед, по крайней мере, у тебя есть шанс на спасение». Нам пришлось расстрелять несколько сот человек, отказывавшихся от прохождения военной службы по религиозным мотивам, и после этого примеров таких уже больше не было.

В 1914 г. британцы противостояли могучей Германии и выстояли. На этот раз они столкнулись, как они считали, наслушавшись сказок эмигрантов, с Германией веймарской импотенции.

¹ Операция по оккупации Греции «Марита» проходила с 6 апреля по 2 июня 1941 г.

² Бои под Салониками между частями вермахта и британским экспедиционным корпусом 6—9 апреля 1941 г. завершились отступлением англичан.

Немцы тоже когда-то обладали этим чувством островной безопасности, которая является источником такой силы для британцев. В одно время они справедливо могли утверждать, что вся Европа отождествляет себя с Германским государством. Это было при Вестфальском мире¹, который стал фундаментом для постоянной слабости современной Германии. Я всегда говорил своим сторонникам: «Мы должны уничтожить не Версальский договор, а Вестфальский!» Конечно, французы рассматривали Версальский договор как продолжение Вестфальского.

Чувство собственного достоинства в общем — источник силы. Но часто гордыня предшествует падению. В Испании кастильцы горды, как короли, даже если ходят в одних лохмотьях. Это совершенно извращенный вид чувства собственного достоинства, который мыслящие испанцы веками рассматривали как нелепый. Кастилец соизволит стрелять из своей винтовки, но считает ниже своего достоинства почистить ее!

Все эти громкие разговоры об американских запасах — просто чушь! Единственные запасы, которые создает всякое капиталистическое государство, состоят лишь из того, что требуется на текущий год.

Как я это понимаю, самый важный результат налета на Дьепп², с нашей точки зрения, — это оглушительный щелчок по носу, который получило наше чувство безопасности; он показал нам, прежде всего, что опасность существует, но мы в состоянии отразить ее. Возможно, менее важно, но также приятно, это подарок, который нам дали англичане в виде первоклассной коллекции их новейшего оружия; никогда прежде, я полагаю, никто не брал на себя хлопоты пересечь океан для того, чтобы подарить своему противнику образцы своего самого современного вооружения! Всегда легче принимать решения о параметрах, например, нового танка, если заранее знаешь оружие, которому он будет противостоять!

Британия обладает одним огромным природным преимуществом: она полностью окружена гигантским противотанковым рвом. Ее колонии далеко от родины, а поэтому не могут отколоться от нее, не попав под угрозу оказаться в чьих-то других лапах.

Если мы не желаем оставаться в зависимости от речного транспорта со всеми присущими ему недостатками, мы должны построить на Восточных территориях обширную систему железных дорог. Мы были не правы, считая, что система каналов может соперничать с железными дорогами; этого никогда не было и никогда не будет.

¹ Вестфальский мир (24 октября 1648 г.) завершил Тридцатилетнюю войну и эпоху религиозных войн в Европе.

² Операция британских и канадских войск «Юбилей» (19 августа 1942 г.), являвшаяся по сути масштабной разведкой боем. Проводилась против судостроительных доков Дьеппа и береговых батарей под общим командованием генерал-майора Джона Робертса. Завершилась поражением войск союзников.

Однако огромную важность будет иметь действительно первоклассная система каналов, соединяющая нас с Доном. Но даже у нее будет тот недостаток, что шесть месяцев в году она большей частью будет покрыта льдом. В конечном счете нет сомнений — особенно если учесть огромную стоимость строительных работ на канале, — что по-настоящему всесторонняя железнодорожная система имеет куда больше преимуществ.

Но Дунай когда-нибудь станет одной из наших величайших водных артерий; если связать его с Майном и Одером, он будет нести грузы прямо в сердце страны. Через Черное море и вверх по Дунаю будут поступать железо, марганец, уголь, нефть, зерно — и все нескончаемым потоком.

Территории на Черном море открывают огромный потенциал для будущего. Мы должны поставить дело так, чтобы быть не постоянными стражами мира в бассейне Дуная, а скорее постоянными арбитрами. И за каждое наше решение мы должны получать свою маленькую мзду!

Венцы рассматривают Белград как нечто вроде отдаленного пригорода. «Каждое столетие, — говорят они, — нам приходится его захватывать не менее трех раз — и каждый раз мы отдаем его назад».

301

27 августа 1942 г., полдень

Угроза вторжения. — Испания и латинский блок. — Война на море

Важно иметь четкое понимание как экономической задачи, которая побуждает начать наступление, так и экономического эффекта, который оно даст в случае успеха. Моей главной тревогой была возможность наступления на Рур, которое могло бы иметь для нас катастрофические последствия. В то время я опасался оккупации Норвегии; сегодня это имело бы менее серьезные последствия, потому что у нас есть альтернативные источники поставок — в нашем распоряжении минеральные ресурсы Лотарингии и Востока, и называется только проблема перевозок. На Востоке мы можем снять часть нагрузки на домашнем фронте с помощью налаживания производства боеприпасов в Донецком бассейне. Точно так же можем передоверить производство многих технически несложных по природе объектов. В нашем распоряжении сталелитейные заводы Мариуполя. В октябре будут отремонтированы электростанции в Запорожье, а к 1 декабря они будут работать на полную мощность.

В Испании есть два момента: паписты желают восстановления монархии и возобновления старых тесных связей с Великобританией. У Франко есть зловещие планы в отношении французских вла-

дений в Северной Африке; фалангисты мечтают о Гибралтаре и добром куске провинции Оран¹. Из-за огромных претензий, которые панлатинский блок будет иметь к Франции при своем появлении, он распадется. Перед лицом этих претензий Франция обратится к нам за защитой. Я должен дать понять дуче, что, столкнувшись с возможной попыткой вторжения со стороны британцев, я бы предпочел иметь спокойную и довольную Францию. Если бы эта попытка вторжения стала знаком для общего восстания во Франции, это бы очень осложнило для нас ситуацию.

В данный момент возможности итальянского наступления с какими бы то ни было шансами на успех не существует. Весь их офицерский корпус слишком стар, а их пехота не пойдет в атаку. Огромная ценность Италии в том, что она производит танки, самолеты и артиллерию, — и лучше бы она этим и занималась!

Обернувшись с усмешкой к адмиралу Кранке:

За всю войну не было ни одного морского сражения! В мою голову никогда не приходило дать флоту боевые задачи на берегу; я хотел взять Вестерплатте с помощью саперов и тем самым, вероятно, весьма оскорбил моряков; и тогда сформировал несколько морских бригад и возложил на флот ответственность за охрану занимаемых им островов. Флот всерьез должен взять на себя Крит; это позволило бы мне снять сухопутные войска, которым бы я нашел достойное применение в других местах!

302

28 августа 1942 г., полдень

Итальянская впечатлительность. — Германия сталкивается с азиатскими ордами. — Если бы Карл Мартелл потерпел поражение. — Хорти и Габсбурги. — Будапешт и Вена. — Новая столица рейха

Как я вижу, Чиано опять пригласили к нам пострелять. Мне придется наложить ограничения на выражение своих взглядов на спорт! Что за легкомысленный, счастливый народец эти итальянцы! Получив взбучку, они забывают о ней через пару дней; но, достигнув какого-то успеха, они никогда о нем не забудут. Такому великолепному расположению духа можно только позавидовать — забывать все неудачи и превозносить все успехи! Чиано все еще не говорит по-немецки, но дуче делает прогресс.

Если бы мы написали хотя бы одну статью в том же стиле, как американцы пишут об англичанах, то подлили бы масла в огонь!

¹ О р а н — французская провинция, часть современного Алжира.

Американцы — совершенно непредсказуемая толпа. Загнанные в угол, британцы бесконечно смелее, чем те, — тут нет никакого сравнения! Как у них хватает наглости лить клевету на британцев — выше моего понимания.

Что касается русских, их способности к сопротивлению неподражаемы, как они это доказали в Русско-японской войне. Это не какая-то новая, только что возникшая черта. Если что-нибудь случится со Сталиным, эта великая азиатская страна рухнет. Как она возникла, так и развалится.

В германской истории рейх под руководством Габсбургов вел невероятно ожесточенную войну с турками. Она продолжалась чуть ли не триста лет, и, если бы не вмешательство русских, турки были бы вышвырнуты из Европы. Это было в славные дни принца Евгения.

И тут урок, который нам надо хорошо усвоить: если мы не завершим завоевание Европы окончательно и бесповоротно, каждому последующему поколению придется вести свою войну в большой или малой степени. Даже тупые расы могут чего-то достичь, если имеют хорошее руководство. Организационный гений Чингисхана — это нечто уникальное.

Только в Римской империи и в Испании при арабском владычестве культура была мощным фактором. При арабах достигнутый в то время уровень цивилизации был просто изумителен; в Испанию толпами устремились величайшие ученые, мыслители, астрономы и математики всего мира; и бок о бок процветали дух доброй человеческой терпимости и чувство чистейшего рыцарства. Потом с приходом христианства появились варвары. Кастильцы унаследовали дух рыцарства от арабов. Если бы Карл Мартелл не победил при Пуатье¹ — видите, мир уже попал в руки евреев, такой бесхарактерной вещью было христианство! — тогда мы, по всей вероятности, были бы обращены в магометанство, в этот культ, прославляющий героизм и открывающий седьмое небо лишь для отважных воинов. А потом германские племена завоевали бы мир. Только христианство помешало им это сделать.

Я только что прочел статью, согласно которой Крым — самая богатая в мире страна по запасам полезных ископаемых. Ее фундамент сложен из первозданных пород, гнейсов и гранитов, и я не знал, что там есть также никелевые рудники. Русские завершили завоевание Крыма только в середине прошлого века.

Как же румыны и венгры ненавидят друг друга! У Хорти есть удивительные идеи! Как и все венгры, он ненавидит Габсбургов. Будучи полностью беспристрастным, я считаю, очень жаль, что сын Хорти был убит. Внутренняя стабильность страны была бы

¹ К а р л Мартелл (688—741) — майордом Франкского государства. В битве при Пуатье (732) разгромил арабов.

много прочнее, если б он выжил. Сам старик живет только фанатическим желанием уберечь свое богатство. Это настоящий буйвол, и, без сомнения, он был одним из храбрейших в австрийском флоте. В жилах венгерской аристократии течет преимущественно немецкая кровь; все старинные аристократии Европы принадлежат в основном одной-единственной интернациональной общности. Я не был бы удивлен, увидев, что Хорти пытается, из своей ненависти к Габсбургам, восстановить контакты с Веной.

Для старого возраста характерно, что в то время, как воспоминания о событиях прошлого остаются феноменальными, люди постепенно теряют способность к творческим действиям.

Настолько тесно смешение между Венгрией и Австрией, что все барокко, которое найдешь в первой, точно так же подошло бы и для второй.

Рудольф фон Габсбург¹ был настоящим германским императором. Ему пришлось удерживать территорию как необходимую базу для обоснования своей власти. Только двадцать пять лет назад Венгрия перестала быть частью восточной окраины Австро-Венгерской империи; до этого она всегда была ее неотъемлемой частью.

У рейха должна быть достойная его столица. На сегодня Будапешт — самый красивый город мира, и во всей Германской империи нет ни одного города, который мог бы сравниться с Будапештом. Здания парламента, цитадели, кафедрального собора и мосты в мерцании заходящего солнца представляют зрелище, по красоте непревзойденное в мире. Вена тоже впечатляет, но она не на реке. И все эти красоты были созданы германскими архитекторами.

Отсюда видно, каким важным может быть строительство столицы. В старые дни Буда и Пешт были сосредоточением крестьянских лачуг. За одно столетие Будапешт вырос из города в сорок тысяч жителей в великую столицу с миллионом с четвертью жителей. За исключением ратуши, все здания в Будапеште в два раза больше своих аналогов в Вене.

Берлин должен следовать этому примеру, и я знаю, мы создадим из него величественный город. Как только мы избавимся от мерзких водных пространств, которые обезображивают северную часть города, у нас появится величественная перспектива, протягивающаяся от Зюдбанхофа до Триумфальной арки с куполом Дворца народов в отдалении.

Мадрид тоже, как мне говорили, изумительно расположен.

¹ Рудольф Габсбург (1218—1291) — император Священной Римской империи (1273—1291).

28 августа 1942 г., вечер

Небоскребы. — Их уязвимость для воздушных атак. — Противовоздушная оборона. — Новые артиллерийские системы. — Учиться, когда сталкиваешься с врагом

Некоторые германские города необходимо защитить любой ценой — Веймар, Нюрнберг, Штутгарт. Заводы можно всегда построить вновь, а произведения искусства восстановить нельзя.

Многэтажные дома по логике не опасны для прямого попадания бомбы, но не могут устоять от последующего взрыва. Достаточно небольшого ветерка, чтобы заставить небоскреб раскачиваться с амплитудой от сорока до восьмидесяти сантиметров. Глубина фундамента некоторых небоскребов в Нью-Йорке ни много ни мало семьдесят метров, а чтобы загнать бетонный фундамент в грунт, надо приложить давление в восемь тысяч центнеров. Воздушные налеты вроде тех, которые совершались на Лондон, произвели бы на Нью-Йорк опустошительный эффект. Было бы физически невозможно расчистить завалы и невозможно построить противовоздушные убежища.

В Америке капиталистическая идея, основанная на золотом стандарте, ведет ко многим абсурдным вещам.

Если эта война будет идти десять лет, вся авиация станет летать на высоте сорока тысяч футов, океанский транспорт будет весь подводный, а весь мир будет свободен вести приятную жизнь. Сражения будут происходить, но они будут невидимы; Британия будет лежать в руинах; в Германии каждый мужчина и каждая женщина будут состоять в зенитных командах. При годовом производстве шести тысяч зенитных орудий каждая небольшая деревушка в Германии скоро обзаведется собственной батареей и собственным прожекторным подразделением, а весь рейх станет единым оборонительным подразделением. Слепленные отражениями от зеркал, вражеские летчики ничего не смогут увидеть; если зеркала разместить в каждом углу квадрата со стороной пятьсот метров, желаемый эффект будет достигнут. Интересно, что бы люди подумали, если бы я назвал эти цифры до войны!

Флот имеет самую эффективную противовоздушную оборону. Я ее видел, и стрельба была великолепная. Тринадцать попаданий на каждые сто выстрелов! Это в основном приписывается тому факту, что моряки обучены точно стрелять с непрерывно движущихся платформ. И в результате они сбили колоссальное количество самолетов лучшей зенитной пушкой — калибра 8,8. Калибр 10,5 имеет тот недостаток, что потребляет слишком много боеприпасов, а жизнь оружейного ствола очень коротка. Рейхсмаршал Геринг более всего беспокоится о продолжении производства калибра 12,8. У этой дву-

ствольной пушки фантастический внешний вид. Когда смотришь на 8,8 глазами специалиста, понимаешь, что это самое красивое оружие, созданное до сих пор, за исключением 12,8.

При новом типе оружия часто многое зависит от того, в чьи руки оно впервые попадет. Если вначале оно окажется в неуклюжих руках, нам, скорее всего, придется его списать.

Гранатометы, переданные саперам, бывшие абсолютно бесшумными, отвергались раз за разом то по одной причине, то по другой; и я должен сказать, что каждый раз, когда я совал свой нос в доклад по этому поводу, причины отказа представлялись мне по меньшей мере очень незначительными.

Если ограничить инструктаж до необходимого минимума, можно за три месяца обучить солдата всему, что он хотел бы знать. Остальное он узнает постепенно, оно придет с опытом. В условиях войны солдат узнает больше за три месяца, чем он выучит за год мирного времени. Ничего нет лучше учебы тогда, когда противостоишь врагу.

304

29 августа 1942 г., вечер

Трудности сохранения организованного общества. — Мои двадцать протестантских епископов. — Удержим ли мы Бельгию, Францию и Норвегию? — Всеобщее избирательное право приговорило к смерти Австрийскую империю. — Война с партизанами. — Мы должны усвоить наглость Британии. — Образование и набитые ерундой головы. — Предохранительный клапан военной службы. — Подходящая работа для женщины

Никогда не было партии, которой бы так плохо руководили, как социал-демократами; и все-таки массы вступали в нее толпами и поддерживали ее. Тут могут мне возразить, что у людей не было альтернативы, но это не так.

Человек не наделен от природы стадным инстинктом, и только самыми суровыми методами можно заставить его присоединиться к стаду. Он испытывает те же позывы, что и собака, кролик и заяц, соединиться с другим человеческим существом в отдельную общность. Социальное государство, как таковое, можно сохранить лишь железным законом; уберите законы — и ткань немедленно рассыплется на кусочки.

Легче всего завоевать тех людей, которые более всего непостоянны. Швабы? Годами мои митинги в Аугсбурге кончались позорным провалом; но однажды я их завоевал, и мои трудности исчезли навсегда. В других районах у меня бывал немедленный первоначальный успех, но неделю спустя мне приходилось все начинать

сначала. Мне пришлось отчаянно бороться, чтобы завоевать власть; а сегодня есть лишь несколько незначительных групп интеллектуалов, упрямо сопротивляющихся мне. Это люди, лишенные логики, а их мнение не имеет никакого значения. Вообще-то говоря, народ никогда не подвергает сомнению установившийся режим; они рады принять вещи такими, какие они есть.

История являет нам три примера, когда захватившим власть удавалось завоевать доверие людей, — Римская империя, Священная Римская империя и Британская империя.

В Индии британцы начали с деления страны; одна часть составила колонии короны, другая была создана из независимых княжеств, чьи правители стали вассалами британской короны.

На Восточных территориях наша политика должна состоять в поддержке и сохранении как можно большего числа религиозных сект и обществ. Если кто-нибудь попытается объединить их в единое корпоративное целое, у меня найдется многое ему сказать; я бы хотел, чтобы каждый маленький район имел своего собственного папу. Только раз в своей жизни я был достаточно глуп, попытавшись объединить около двадцати различных сект под одним началом; и, слава богу, он наделил моих двадцать протестантских епископов такой тупостью, что я спасся от своего безумия. Если бы мне удалось сделать так, как я хотел, сейчас на моей спине сидели бы два папы! И два шантажиста! Я легко могу справиться со все еще существующими семнадцатью протестантскими епископами — но только потому, что имею абсолютную власть.

В этом отношении Священная Римская империя не имела успеха; и все-таки она еще долго продолжала существовать в глазах мира уже после того, как фактически прекратила представлять какую-либо власть вообще.

Никогда не следует забывать тот принцип, что конфедерацию государств можно сохранить только продолжением методов, использовавшихся для их завоевания и вовлечения в конфедерацию.

В принципе Бельгия, Франция и Норвегия не являются нашими естественными врагами. У меня нет желания инкорпорировать всех французов в рейх; те, кто живут на наших границах и с кем мы имеем контакты, четыреста лет назад все были немцами. Согласен, что, если б мне надо было следовать примеру старой Германии и полностью игнорировать их происхождение и окружение, мне пришлось бы навязать им волю государства без каких-либо рассуждений и пощады. Но надо задать себе такой вопрос: а можем ли мы поглотить их с пользой для себя — принадлежат ли они по крови к нашей расе? А потом надо поступать в соответствии с ответом, который дашь себе.

Возможно, есть и четвертый пример — Австрийская империя. Какая мозаика, какой удивительный конгломерат! И все-таки он держался вместе! Однако в таком случае, как этот, власти предержажие, введя всеобщее голосование, подписали свой собственный смертный

приговор. До того момента германское меньшинство удерживало в своих руках власть так надежно, что никто не имел права заявить, что правительство меньшинства — монополия британского гения. Потом, тем не менее, возникло всеобщее мнение, что этому государству, по существу немецкому государству, нельзя существовать далее, потому что это может привести к полному германскому господству и в конечном итоге к единой пангерманской империи. Больше всех недовольны были венгры. Потом наступил 1848 г.; венгры восстали, но это восстание было подавлено, к огромному сожалению, с помощью русских. И все же, несмотря на это, упоминание в Венгрии о монархии до сегодняшнего дня возбуждает глубочайшие чувства, ибо венгры до сих пор считают себя последними оставшимися в живых наследниками славной эпохи имперского величия.

С нашими восьмьюдесятью пятью миллионами немцев мы в самом рейхе составляем большинство населения германских рас. Никакая другая нация не имеет подобной доли этих элементов. И станет большим позором, если, имея в своем распоряжении такую мощь, мы не сумеем установить в старой Европе закон и порядок. Может быть, впереди у нас сто лет борьбы; тем лучше, если так, — это не даст нам заснуть!

Мне иногда говорят: «Осторожней! Тебе придется двадцать лет воевать с партизанами!» Да я в восторге от этой перспективы! С несколькими небольшими армиями мы сможем господствовать над многими народами. В будущем наши дивизии не будут стоять в надоевших гарнизонных городах вроде Лехфельда и Гомербурга, а будут отправлены на Кавказ! Наши парни всегда кричат от радости при перспективе службы за границей, и я позабочусь, чтобы в будущем они попутешествовали по всем четырем странам света. Германия останется в состоянии постоянной боевой готовности.

Мы усвоим британскую наглую позу. Во времена старых германских императоров, не надо забывать, короли Англии считались чуть выше, чем король Дании сегодня. В Первую мировую войну, просматривая платежные книжки военнопленных, мы обнаружили, что многие из них принимали участие в южноафриканской войне¹. Они побывали везде по свету, и для них отечеством был их полк! С такими солдатами нет ничего невозможного!

В будущем, я полагаю, станет очень важным ввести трехлетний срок военной службы; только так мы сможем обеспечить эффективность в освоении новых технически видов оружия. Трехлетний срок даст огромное преимущество тем, кто позднее захочет остаться с полученной профессией, потому что это даст ему массу времени, чтобы позабыть всю чушь, которой была забита его голова в школе; у солдат будет куча времени, чтобы выбросить все, что не понадобится им в будущем, и это — самое важное. Каждый, напри-

¹ Англо-бурская война 1899—1902 гг.

мер, учит два-три иностранных языка, что есть совершенная трата времени. Мелочи, которые человек заучивает, не будут иметь никакой пользы, когда отправляешься за границу. Да, согласен, каждый должен получить основы образования. Но весь метод обучения в средней и высшей школе — просто такая чушь. Вместо получения разумного основного образования у студента голова забита массой бесполезного материала, и все равно он остается плохо подготовленным для столкновения с жизнью. Счастливы те, кто сумел забыть наибольшую часть того, чему его учили. Те, кто не сумел забыть, созрели для того, чтобы стать профессорами, — о расе не говорим. И это вовсе не комплимент!

В 1933 г. в высших учебных заведениях преподавались вещи, которые наукой были признаны ложными еще в 1899 г. Поэтому молодой человек, желающий идти в ногу со временем, должен принять на свой несчастный мозг двойную нагрузку. Через сто лет количество людей, носящих очки, а также размер человеческого мозга значительно увеличатся; но люди ничуть не станут более разумными. Лучше даже не пытаться представить себе, на что они будут похожи со своими огромными разбухшими головами; они, может быть, будут довольны своей внешностью, но, если развитие пойдет по пути, предсказанному учеными, я думаю, мы можем считать себя счастливыми, что не доживем и не увидим их!

Когда я был школьником, я делал все, что мог, чтобы побольше времени проводить на открытом воздухе, — мои табели успеваемости свидетельствуют об этом! Несмотря на это, я вырос и стал сравнительно разумным молодым человеком, я развивался вполне нормально, и я узнал многое, о чем мои одноклассники понятия не имели. Короче говоря, наша система обучения — точная противоположность той, которая применялась в гимназиях в древности. Греки золотого века стремились к гармоничному образованию; мы преуспели лишь в создании интеллектуальных монстров. Без введения воинской повинности мы бы оказались в полнейшем упадке, и лишь благодаря этой всеобщей военной службе данный фатальный процесс был остановлен. Когда я вспоминаю своих старых учителей по школе, понимаю, что половина из них — ненормальные люди; и чем большее время отдаляет меня, тем сильнее мое убеждение, что я совершенно прав.

Главная задача обучения — натренировать мозг молодого человека. Абсолютно невозможно распознать потенциальные склонности десятилетнего ребенка. В старые времена учителя всегда старались выявить слабое место каждого ученика, и, выставляя их напоказ и пользуясь ими, они успешно убивали уверенность ребенка в себе. Если бы они, напротив, попытались определить направление, в котором находится талант каждого ученика, а потом бы сосредоточились на развитии этих талантов, они бы продвинули дело просвещения в нужном русле. А вместо этого они стремятся к

массовому производству с помощью бесконечного обобщения. Они утверждают, что ребенок, не способный решить математическое уравнение, будет бесполезен в жизни. Удивительно, что они еще не предсказывают, что он позорно и бесславно кончит!

Интересно, многое ли изменилось сегодня? Не уверен, и многое, что я вижу вокруг себя, склоняет меня ко мнению, что изменений нет. Мне показали вопросник, составленный министерством внутренних дел, который предназначен для того, чтобы давать лицам, которые считаются подлежащими стерилизации. По меньшей мере три четверти задаваемых вопросов поразили бы мою добрую мамушку. Припоминается один из них: «Почему корабль, сделанный из стали, плавает по воде?» Если бы эта система была внедрена до того, как я родился, я почти уверен, что вообще бы не родился!

Давайте, ради бога, распахнем окна, и пусть свежий воздух унесет всю эту чушь! Пусть молодежь идет в армию, откуда она вернется посвежевшей и очищенной от восьми лет схоластической мути!

В старые времена мы были энергичными людьми; но постепенно мы превратились в народ поэтов и мыслителей. Поэты — не так важно, потому что никто их не принимает всерьез; но мир значительно перегружен «мыслителями». У себя на столе я держу бюст Шарнхорста; это он начал возвращать наш народ на путь здравомыслия. Мир всецело приветствовал эту Германию поэтов и мыслителей, потому что знал, как они подорвали нашу мужественность.

Одним из самых худших учеников, известных мне, была маленькая фрейлейн Вагнер, которая была просто бедой для своих учителей, и ее в конце концов выгнали из школы. Работая на фронте медсестрой, она была охвачена желанием стать доктором. Она вернулась в школу, легко прошла все экзамены, а сейчас учится в медицинском институте. Это — прекрасный пример настойчивости, подкрепленной упорством. Ошибочно утверждать, что молодежь глупа; молодежь следует своему инстинкту, и всякий маленький мальчишка лучше знает своего учителя, чем тот — своего ученика! Моя собака великолепно понимает все, что я ей говорю; это я — тот, кто не понимает.

И все-таки мы достигли прогресса в области просвещения, несмотря на то что во главе министерства просвещения стоит педант. Если бы руководил другой, прогресс был бы значительней.

Человек, достойный своего имени, не станет торжественно перечислять алфавит каждый год. Другое дело — женщина; она следует законам природы и выполняет свою природную функцию, когда, имея ребенка, зачинает другого. Но нет профессора, который, насколько я знаю, проявил бы творческий гений. Да! Феликс Дан — но ведь он не был настоящим профессором. Человек, который провел тридцать лет за изучением рудиментов французского языка, в конце концов начинает верить, что его преподавание — основа всех знаний.

Только подумать, что в старые времена какой-то клочок бумаги был способен изменить ход всей чьей-то жизни! Посмотрите на мои школьные табели успеваемости — у меня по немецкому были плохие оценки! Моему отвратительному учителю удалось привить мне ярую нелюбовь к родному языку! Он считал, что я никогда не смогу написать приличное письмо! Если бы это неумелое ничтожество поставило бы мне «пять», это помешало бы мне стать специалистом! Теперь у нас, слава богу, есть гитлерюгенд, где ребенка оценивают по всем его качествам, а не только по успехам в учебе; учитывается и характер, поощряется способность руководить, и каждый ребенок имеет законное право показать, на что он способен.

305

30 августа 1942 г., вечер

**Разбойники вчера и сегодня. — Русские и проституция. —
Необычная погода**

После Тридцатилетней войны многие декады процветал бандитизм, а почту приходилось сопровождать эскадрону кавалеристов.

Именно в России коммунизм показал свое истинное лицо. Необходимо провести кампанию чистки, квадратный метр за метром, и это вынудит нас прибегнуть к упрощенному судопроизводству. С террористами у нас будет самая настоящая дикая война. В Эстонии и Латвии эти банды практически прекратили действовать; но до тех пор, пока еврейство, которое является своего рода Интеллидженс сервис бандитов, не будет уничтожено, задача наша не будет выполнена.

Интересно отметить способ, которым этот маленький католический поп, называющий себя Тисо¹, посылает евреев в наши руки.

По существу, стоит извлечь определенную мораль из отношения русских к борделям — это просто ниже человеческого достоинства оформлять эти места в законодательном порядке. В нашей собственной стране, однако, проституция до некоторой степени освящена фактом, что как раз архиепископы и епископы ввели взимание десятины со шлюх. Благородный епископ Майнцский извлекал из этого источника большую часть своих доходов. То, что большевики признают для женщины законным иметь детей от разных мужчин, вызвано, я думаю, их стремлением осуществить смешение их различных рас. Забавно, но, тем не менее, факт, что наши медицинские освидетельствования показывают, что от 80 до 90% их незамужних девушек сохраняют девственность до возраста двадцати пяти лет и имеют чистое карантинное свидетельство.

¹ Имеется в виду Йозеф Тисо, бывший в молодости католическим священником, профессором богословия.

То, что неделя за неделей стоит отличная погода, нехарактерно для этих мест. В прошлом году в это время наше продвижение на юг было ужасно медленным, потому что каждые два-три дня случались грозы. После страшной зимы 1929 г. у нас было несколько отличных урожаев. Надеюсь, то же самое произойдет и сейчас.

То, что нам удалось переделать русскую железнодорожную сеть и сделать пригодной для себя, можно назвать одним из самых поразительных достижений всех времен.

306

31 августа 1942 г., вечер

Ллойд Джордж и Версальский договор. — Ошибка Альмерии¹. — Британия, Германия и герцог Виндзорский. — Евреи подстрекают поджигателей войны к их смертоносной работе. — Болдуин и Чемберлен. — Черчилль подбирает немного крошек

Ошибочно считать, что все британцы наглы. Совершенная правда, что во главе их стоит горстка дегенератов, и я должен признать, что наши лидеры 1917—1918 гг. просто блистали в сравнении с ними.

Я спросил Ллойд Джорджа, почему он не смог отстоять свою точку зрения, когда шли переговоры о мирном договоре? (Он выступал за великодушный мирный договор.) Он объяснил, что Вильсон с самого начала был настроен против него и что французы ни на миг не прекращали своей охоты на ведьм; и не его в этом вина, он сделал все, что было в его силах.

Когда германское правительство объявило, что никогда не подпишет такой договор, был подготовлен второй проект, по которому союзники отказывались от коридора², мы удерживали Камерун, а германскому военно-морскому флоту разрешалось сохранить четыре линкора и восемь других крупных боевых кораблей; требования репараций снижались примерно до двадцати пяти миллиардов. Ллойд Джордж напомнил мне, что в то время французы ненавидели британцев и в Париже вновь стал популярным вопль «Предательский Альбион!». Он также сказал мне, что был удивлен и полностью ошеломлен, когда в последнюю минуту германская делегация объявила о своей готовности подписать договор. Когда они вышли, Клемансо прошептал ему на ухо: «Voilà!» [«Вот так!» — *Пер.*]

Когда нация так позорно себя ведет, она теряет все права на уважение. В 1919 г. ни Британия, ни Франция не были в состоянии продолжать войну. Но летом 1919 г. немецкий народ уже решил

¹ А л ь м е р и я — порт в Испании, который в годы гражданской войны подвергался бомбардировкам в 1936—1937 гг.

² Имеется в виду Данцигский коридор.

продолжать борьбу. В результате бомбардировки Альмерии волна симпатии к Германии прокатилась по Британии, и банде Идена—Ванситарта¹ пришлось несколько лет трудиться, пока они сумели ее подавить.

Недавно было объявлено об интернировании одиннадцати тысяч фашистских сторонников Мосли. Истинной причиной падения герцога Виндзорского, я думаю, была его речь на митинге ветеранов в Берлине, на котором он объявил, что целью своей жизни сделает воплощение в жизнь идеи примирения между Британией и Германией. Это собрание в Берлине носило отпечаток искреннего и взаимного уважения, и последующее обращение с герцогом Виндзорским стало зловещим предзнаменованием; потопить столь прекрасный столп силы и безнравственно, и глупо.

Кампания антагонизма против Германии была организована Черчиллем по приказу его еврейских казначеев и при содействии Идена, Ванситарта и компании. Евреи уже сумели шаг за шагом завоевать полный контроль над прессой. Чтобы противостоять Роттермеру, евреи полностью отрезали ему поступление доходов от рекламы, и сам Роттермер рассказал мне историю о том, как он был вынужден подчиниться требованиям. Каждая и всякая нация, которая не сумеет уничтожить евреев в своей среде, рано или поздно кончит тем, что евреи пожрут ее. В ретроспективе совершенно невозможно понять, как все это произошло. Разложение началось со старого Болдуина; у него самого были огромные интересы в военной промышленности, а перевооружение наверняка добавило в его карман многие сотни миллионов. Точно такие же интересы были у Чемберлена. Черчилль, эта клейменная старая проститутка журнализма, подобрал немного крошек. Черчилль — это беспринципная свинья. Это доказывает внимательное чтение его мемуаров; в них он обнажается перед публикой. Боже, помоги нации, которая соглашается быть ведомой членом вроде этого!

307

1 сентября 1942 г., вечер

Ширах и прелести Вены. — Вена до 1918 г. и после. — Вена, Мюнхен и Берлин. — Визит Черчилля в Москву. — Гете о курении

Те два года, пока Ширах находился в Вене, он все более и более подпадал под влияние этого города. Я сам никогда не поддавался магии Вены, потому что был твердо верен своим германским сантиментам.

¹ В а н с и т а р т Роберт — заместитель министра иностранных дел.

До 1914 г. Вена была невероятно богатой, и не была она отягощена этими надутыми выскочками, украшавшими ее в то время. Венская кухня была восхитительной; на завтрак — ничего, в полдень — маленькие мидинетки [молодая парижская швея, простушка? — *Пер.*] с чашкой кофе и двумя круассанами, а кофе в этих небольших кофейнях был так же хорош, как и в знаменитых ресторанах. На обед даже в фешенебельных местах подавали только суп, второе блюдо и десерт никогда не подавали. Французским в меню не пользовались. Когда я в первый раз приехал в Берлин, мне принесли меню, написанное на французском; тому же обычаю, как я обнаружил, следовали до 1933 г. в канцелярии. Но я быстро это прекратил, когда там появился.

После 1918 г. рядовой венец очутился в состоянии крайней бедности. Но до войны там было чудесно; никогда не забуду грациозного зрелища Венской оперы, где женщины блистали в диадемах и прекрасных нарядах. В 1922 г. я снова оказался в Опере — какой контраст! На тех местах, где раньше сидело культурное общество, сейчас обосновались еврейские подонки; женщины вскидывали руки, чтобы продемонстрировать свои украшения, — какое горестное зрелище! И теперь никогда не видел никого в императорской ложе. Думаю, император Франц-Иосиф не питал пристрастия к музыке. Я — непримиримый враг Габсбургов, но вид этой толпы, расплзшейся до самой императорской ложи, был отвратителен и невероятно раздражал меня.

Совсем недавно я опять побывал в Вене. Сейчас уже не было этой омерзительной толпы, но Вена — нищий город. В старые времена доставляло удовольствие наблюдать красивые кареты, катящиеся по дорогам, которые большей частью были вымощены деревом. Отношения между хозяином и работником в старой Вене были очаровательны в смысле взаимной верности и симпатий, которые их характеризовали. В Германии есть только один город, Мюнхен, в котором социальные различия так малозаметны. Не могу укорить венцев за то, что они с печальной тоской оглядываются назад на старую Вену; моя младшая сестра полна этой ностальгии.

Конечно, Берлин — это город, кипящий энергией; в нем есть все ошибки молодости, но он скоро повзрослеет. В прежние времена Берлин был простым и величественным городом. Потом наступила эпоха ужинов из девятнадцати блюд, излишек плохой, равнодушно приготовленной еды, эра Вильгельма II и дурного вкуса, который был ее отличительной чертой! Счастливый охотничий заказник для выскочки, порочное и дегенеративное общество и придворная жизнь, которая была и смешной, и недостойной. Такая женщина, как жена генерала Литцмана¹, не имела доступа ко двору, но лю-

¹ Л и т ц м а н Карл (1850—1936) — генерал пехоты. Отличился при взятии Воьны (1915) и спасении 4-й австрийской армии (1916).

бая старая богатая еврейка или дочь какого-нибудь старого чикагского свиного короля были самыми желанными гостями.

Старый Вильгельм был важной персоной, но Вильгельм II был бесхарактерной марионеткой. Самое незначительное письмо Бисмарка имеет большую ценность, чем труд всей жизни этого кайзера. Парламент был украшен изумительно, но кругом дранка и штукатурка; Большой зал — опять планка и штукатурка и триестский мрамор! Наш долг сделать так, чтобы Берлин будущего был достоин звания столицы мира; не города банкетов и пиров, а чтобы был городом красивым и изящным, в котором можно жить.

Визит Черчилля нанес ему много вреда не только в глазах лейбористской партии, но и консервативной. Это была самая бесполезная глупость, которую он мог совершить, и по возвращении его встречали с подчеркнутой холодностью. Он никому не угодил — для одной стороны он зашел слишком далеко, а для другой — недостаточно далеко.

Сегодня я понимаю, что имел в виду Гете, когда говорил, что нет более отвратительной привычки, чем курение. По общему признанию, это приемлемо для честного старого бюргера, и курит ли он изредка свою сигару или нет, не играет никакой роли. Но это совсем другое дело для нас с вами, чьи мозги днем и ночью загружены бременем ответственности. Говоря о себе, должен отметить, что особенно ночи для меня мучительны; я знаю, что не доживу до преклонного возраста рядового гражданина. Но что бы стало со мной, если бы я вел такую же жизнь, как и он, прокуривая и пропивая все свое время?..

308

2 сентября 1942 г., полдень

Справедливость и несправедливость. — Аномалии и неразбериха. — Дело браконьеров. — Война с преступниками. — Обычай и привычки горцев. — Гаулейтер Каринтии

У одного мясника была злая собака, которая однажды намеренно напала на маленького ребенка. Дитя было сильно покалечено и умерло; государственный прокурор потребовал нескольких лет каторжных работ, а суд приговорил человека к двум с половиной годам обычного заключения. Вот вам один случай; а в другом человек получил три месяца за то, что ударил цыпленка!

Еще одно дело меня очень заняло. Некий мерзавец утверждал, что всю войну я служил коком, что я потом дезертировал и что лишь благодаря революции меня помиловали. Естественно, я подал на него в суд, где он был оштрафован на пятьдесят марок! Через короткое время после этого тот же самый судья оштрафовал нашего друга Цапера на восемьдесят марок за то, что его собака лаяла на еврея!

Пришло время для наших судов принять некоторые меры для придания последовательности своим приговорам; на сегодня судья куда более заинтересован в душе преступника, чем его жертвы.

Я замечаю, что со времени революции смертный приговор так и не был вынесен одному подлецу, убившему девушку, потому что она собиралась родить от него ребенка. Мне говорят, что надо учитывать его душевное состояние; сам Мейснер объяснял мне это таким тоном, как будто это было самым главным. Я всегда говорил Гюртнеру: «Вы что, сошли с ума, что рекомендуете пощаду в таких делах? Здесь возможно лишь одно — привести приговор в исполнение!»

Позвольте мне сказать вам, что для закоренелого преступника в самое ближайшее время настанут очень тяжелые времена в Германии; конечно, юнцы, с другой стороны, виновные в некоторых грубостях, будут арестовываться; но их будут быстро отпускать, чтобы не дать войти в контакт с профессиональными преступниками и попасть под их разлагающее влияние.

Но такие несуразности, как осуждение человека на два с половиной года тюрьмы за то, что его собака убила ребенка, или давать браконьеру три года за убийство зайца, — это нетерпимо. С браконьерами пусть наказание соответствует преступлению — зачислите их в передовые части и отправьте на борьбу с партизанами!

То, что браконьера могут иногда схватить на месте за стрельбой, — наследие старого времени, когда крестьянина подвергали пыткам за убийство зайца, бегавшего по его посевам. Лично я не вижу, какое удовольствие можно извлечь из стрельбы. Только подумать об этой грандиозной церемонии, сопровождающей убийство оленя. А зайцев стреляют не сидящих, а бегущих, чтобы сделать их конец более впечатляющим. Общество по борьбе с жестоким обращением с животными наверняка должно обратить свое внимание на самих спортсменов. Одной из главных причин крестьянских восстаний против их сеньоров было недовольство ущербом, наносимым урожаю и полям, пока феодалы предавались своим утехам. Не подумайте, что я защищаю браконьера, потому что я сам такой! Я ни разу в жизни не стрелял в зайца. Я ни браконьер, ни спортсмен.

Стрельба стала страстью среди горцев. Какой-нибудь юнец готов проползти ночью через десяток холмов в надежде добыть свою серну, особенно самца. Конечно, не надо забывать, что мясо в горах — большая редкость, а добытая дичь очень часто — единственное мясо, которое горец может найти.

Конечно, надо положить конец браконьерству. Но, как я уже говорил, давайте сделаем наказание соразмерным преступлению — отправим их на борьбу с партизанами, сделаем из них элитный снайперский корпус! Ведь в конечном счете лучшие егеря — это бывшие браконьеры!

В таких районах, как Штирия, Зальцбург и Тироль, если бы я исключил браконьеров из партии, мы бы потеряли поддержку целых районов.

Девушки редки в горах, как и олени. Должен сказать, восхищаюсь теми парнями, которые часами бродят по ночам, таская с собой тяжелую лестницу и рискуя быть серьезно покусанными сторожевыми собаками или заработать за все свои усилия ведро холодной воды на свою голову! Они мне куда более симпатичны, чем те, что шатаются по улицам больших городов, гремя несколькими медяками в кармане! С другой стороны, бывает так, что село имеет свои преимущества, хотя только смелый достоин награды. Удивительны деревенские ночи в мае, месяце празднования Святой Девы, — и они дают чудесные возможности для нежных свиданий, не говоря уже о различных путешествиях, которые преподносят удобное оправдание для того, чтобы провести где-нибудь ночь. В Австрии такие добрые обычаи наиболее распространены в Каринтии, и именно там можно найти самых красивых девушек!

Я очень рад, что отправил Райнера в Каринтию: он — выходец из тех мест. В принципе все гаулейтеры в Австрии — хорошие люди. Мне было очень печально узнать, что бывший гаулейтер Нижнего Дуная погиб в бою. Леопольд был человеком выдающихся качеств; со своей группой он обычно охранял наши митинги в Австрии с максимальной надежностью. Он был капитаном в армии республики и в то же время — руководителем местной партийной секции. Нельзя сказать, что он был хорошим оратором, но это был человек исключительного идеализма. Я даже не знал, что он находится на фронте; если б я знал о его намерениях, я бы определенно не дал ему уехать.

309

2 сентября 1942 г., вечер

«Музей охоты». — Политическая эволюция в Британии. — Возможность *volte-face* Черчилля. — Тори противостоят Черчиллю. — Американская скупость. — Мои контакты с лордом Ротермером

Какое абсурдное уродство этот «Музей охоты» Кристиана Вебера! В Мюнхене есть Альпийский музей, но горцы в него не ходят — они все в горах. Я говорил Веберу: «Ты же во многих отношениях умный парень, но в одном ты ничего не понимаешь. Это в искусстве. Ни одна душа в Мюнхене не ступит ногой в твой музей — стрелки-спортсмены не придут, а другие — тем более».

Я не против того, чтобы спорт занимал подобающее ему место. Пусть юноши сколько угодно занимаются лыжами. Но Господь оградил меня от старого глупого гаулейтера или рейхслейтера, который пытается соперничать с ними.

Не верю, что Британия смещается влево; если б так произошло, это было бы катастрофой! Черчилль останется, пока идет война. Но

я не считаю абсолютно невозможным, что некоторые события, скажем падение Сталинграда, могут их вынудить совершить полный volte-face [резко изменить взгляды. — Пер.]. Конечно, ведущий государственный деятель не упускает из поля зрения возможные уголовные преследования, которые государство может предпринять против него, когда игра будет проиграна, и это может действовать отрезвляюще. Как только будут обнародованы условия, которые мы предложили Великобритании, по всему королевству начнутся волнения. Если произойдет смена руководства, то первое, что должен сделать новый лидер, это освободить всех тех, кого Черчилль посадил за решетку. Они уже три года пробыли в тюрьме, и лучшего средства для создания революционного духа не существует. Эти люди скоро рассчитаются с евреями! Возможно, Москва использует Черчилля как марионетку. Британцы ненавидят и презирают большевиков, и однажды, поверьте мне, должен произойти разрыв. Сталин — шантажист высочайшего класса — посмотрите, как он пытался вымогать все у нас!

Американцы наверняка заберут Канаду, и они вполне могут предъявить Британии и другие требования, которые та не потерпит; в результате будет непрерывная и интенсивная напряженность. Они обречены на поражение. Даже если они и сумеют победить Германию, то все равно остается Россия там, к югу от Кавказа, а против России они не смогут абсолютно ничего сделать.

В консервативной партии существует мнение против Черчилля. Я думаю, роль руководителя вполне мог бы сыграть Бивербрук¹. Он, по крайней мере, может сказать: «Я же вам говорил!» Самая чувствительная часть человека — не его кожа, а кошелек. Люди видят, что игра кончена, а самое главное — перед ними перспектива потери Индии. Если вдруг Индия восстанет и разразится гражданская война, британцы ужаснутся не меньше, чем если вдруг японцы захватят плацдарм в стране.

Когда была объявлена война, едва ли 40% членов парламента были на своих местах; сразу после этого по другому случаю двести пятьдесят четыре парламентария нарочито отказались от голосования. Никогда Британия не вела войну, которая была бы таким оскорблением для интеллекта и которая была навязана ей небольшой кликой. Конечно, и Исландию американцы никогда не отдадут. Американцы и британцы — братские народы? Ну и что? Германское братство народов веками вело самые жестокие междоусобные войны. Если б только Британия поддержала южные штаты в американской Гражданской войне! А какая трагедия в том, что Господь позволил немцам твердо усадить Линкольна в седло!

Когда меня принцесса <...> посетила в первый раз, она принесла с собой письмо от Ротермера. Я спросил Нейрата, советует

¹ Б и в е р б р у к Уильям (1879—1964) — английский государственный и политический деятель (консерватор), дипломат. Создатель газетного концерна (выпускающего «Дейли экспресс», «Ивнинг стандарт» и др.).

ли он мне принять ее. В ответ он сказал, что, если бы мы могли заполучить Ротермера на свою сторону, это было бы огромным достижением и что любой ценой я должен узнать, что она имеет мне сказать. Когда появилось это пугало, я пробормотал «за Бога и Отечество» и заставил себя принять ее.

В своем письме Ротермер говорил, что он бы с удовольствием использовал свою прессу для дальнейшего сближения между Британией и Германией. Впоследствии мы обменялись несколькими письмами, одно из которых было очень важным. Я писал Ротермеру, что не имею оснований для враждебности по отношению к Италии и что считаю Муссолини выдающейся личностью; что если британцы полагают, что могут навязывать свою волю такому человеку, как Муссолини, то они глубоко ошибаются; что он — само воплощение духа итальянского народа (в те дни я все еще питал иллюзии в отношении итальянцев); что попытки задушить Италию бесполезны и что Италия, как это сделала Германия раньше, побеспокоится за себя сама; и, наконец, что Германия не примет участия ни в какой акции, направленной против Италии или итальянских интересов.

После этого Ротермер в сопровождении принцессы приехал ко мне с визитом. Должен признаться, что любой политически мыслящей леди я предпочитаю приятную маленькую кухарку! Тем не менее, факт остается — отношение «Daily Mail» в период нашей реокупации Рейнланда оказало нам огромную помощь, как это было и в вопросе нашей военно-морской программы. Все британцы из кругов, близких к Бивербруку и Ротермеру, приезжали ко мне и заявляли: «В последней войне мы были не на той стороне». Ротермер сказал мне, что он и Бивербрук были едины во мнении, что впредь никогда не должно быть войны между Британией и Германией.

Позднее принцесса попыталась через придворные связи воспользоваться этой корреспонденцией в своих целях. Она сделала светоконии всех писем и добивалась разрешения двора опубликовать их. Судья — и это показывает, что, несмотря ни на что, судьи — достойные люди — заявил, что прочел все письма, в которых отражается огромное уважение обеих сторон друг к другу, но он не видит в этом убедительной причины для их публикации.

310

3 сентября 1942 г., полдень

Собственность на землю и ее продукты. — Глупцы на верхушке дерева. — Пресса и парламентский иммунитет

Земля принадлежит народу, а индивидуум имеет только право на суду земли и на ее плоды. Поэтому долг каждого — извлечь максимум из плодородной земли. Когда профессор Гофман утверждает

ет, что его участок — самый продуктивный в регионе, то я думаю, что это является хорошим оправданием для его владения землей. Чем больше он вкладывает в землю, тем больше получает от нее.

Я только что прочел в «Hoheisträger» утверждение, что земля на Украине не более плодородна, чем в Германии. Все, что я могу сказать по этому поводу, — скорее всего, эта статья написана человеком, абсолютно не смыслящим в сельском хозяйстве. Если б здесь, на Украине, вкладывалось бы столько же труда, сколько это делает фермер Верхней Баварии, богатые украинские черноземы дали бы куда больший урожай. Кабинетные теоретики — всегда те, кто не имел практического успеха в жизни. Господин Вагнер, гордый обладатель почетных степеней, был назначен советником партии по сельскому хозяйству — а потом мы обнаружили, что он проваливал каждое дело, за которое брался! То же самое творится во всех узлах государственной машины, но особенно в сельском хозяйстве, в котором болваны поставлены руководить специалистами. Когда кто-то пишет анонимно, я сразу же думаю: судя по тупости написанного, это, может быть, еще одна статья Кранца!

Под каждой статьей должна быть подпись автора. В период борьбы во всех газетах были постоянные редакторы. Это были либо люди ненормальные — в этом случае такие проводили в тюрьме столько же времени, сколько и на свободе, — либо члены рейхстага! И тут эта проклятая Германская националистская партия выступила и проголосовала против парламентского иммунитета, и в результате, когда рейхстаг был распущен, детективы снаружи уже поджидали своих жертв. Нашим сторонникам пришлось пережить удивительные приключения, удирая из их когтей.

311

3 сентября 1942 г., вечер

Памятник, который Франко должен воздвигнуть. — Никогда не уступать Британии ни пяди. — Война не против британцев, а против правящей ими клики. — Воспитание художественного вкуса. — Мало художников

Франко обязан воздвигнуть памятник во славу «Юнкерса-52»¹. Этот самолет Испания должна благодарить за свою победу. Просто повезло, что наши самолеты могли летать напрямую из Штутгарта до Испании.

В одном можно быть уверенным — мы никогда и нигде не могли бы сладить с британцами, если бы я хоть один раз уступил им.

¹ Входили в немецкий легион «Кондор», сражавшийся на стороне Франко в годы гражданской войны.

Сегодня они считают меня способным на все; отсюда и удовлетворительный ответ на наше требование немедленно отменить приказ о содержании военнопленных в кандалах.

Мы должны упорно стоять на том, что ведем войну не против британского народа, а против небольшой клики, правящей им. Этот лозунг обещает хорошие результаты. Если мы заявим, что сражаемся насмерть с Британской империей, тогда, очевидно, мы заставим их всех до последнего взяться за оружие; и не надо забывать, что среди них очень много людей, которые не хотели этой войны. Если я дам Черчиллю основание для заявления, что Британия борется за свое выживание, то я немедленно сплочу для него ряды — ряды, которые сейчас самым безнадежным образом разорваны на части. Чего добилась Британия своим заявлением, что уничтожит немецкий народ? Я вам скажу, чего она достигла: она спаяла весь немецкий народ в единое, мощное, охваченное боевым порывом целое. В одном я уверен; находящиеся сейчас у руля люди будут продолжать войну до тех пор, пока не увидят, что ее уже не выиграть, и — и это важно — в то же время будут удовлетворены тем, что прекращение военных действий не приведет к уничтожению Британской империи. Поэтому я считаю, что мы психологически правы, продолжая заявлять, ныне и впредь, что мы боремся не с британским народом, а с его правящей кликой.

Памятуя, что в стародавние дни германские курфюрсты сами желали быть коронованы французами, нынешний претендент на французский престол обратился ко мне сразу же после перемирия, заявив, что готов во всем соответствовать германскому закону. Что за беспозвоночный идиот!

Эти картины глаз крестьянской девушки не способен оценить, точно так же, как не способны оценить их и крестьянские парни, которых бесполезно вести прямо сразу на постановку «Тристана». Один из великих источников силы Британии в том, что она без колебаний дает людям то, что они понимают и любят. В Германии грязным евреям удалось забраковать чуть ли не все, что было здоровым в искусстве. Последние полотна Макарта¹ не имеют большой цены, потому что к тому времени он уже был душевнобольным. Евреи забраковали их, но это не помешало им вознести до небес точно такие же невзрачные работы — по той же самой причине, что их создатели были умственно расстроены. Эти разбойники высмеивали Пилоти, Каульбаха² и Келлера! Первый Беркель, которого я купил, стоил мне около трехсот марок за каждую картину; но, конечно, Беркель был

¹ М а к а р т Ганс (1840—1884) — австрийский живописец, портретист. Картины Макарта характеризуют яркие цветовые решения.

² П и л о т и Карл фон (1826—1886) — немецкий живописец, школа позднего академического романтизма, картины главным образом исторического содержания; К а у л ь б а х Вильгельм фон (1805—1874) — немецкий живописец, книжный график, мюнхенская историческая школа. Возможно, впрочем, речь идет о его племяннике и ученике Фридрихе (1822—1903) — портретисте.

плодовитым художником, чье существование зависело от его кисти. Единственно, кому проклятые евреи отдавали должное, — это Шлефог и Трюбнер своего последнего периода и, конечно, Лейбль¹. У меня лучшая в мире коллекция работ Шпицвега, и они стоят от шестидесяти до восьмидесяти тысяч марок каждая. Я также заплатил восемьдесят тысяч марок за Дефрегера. С одной точки зрения, это куча денег, но когда вспомнишь, что это были единственные картины своей эпохи, которая иначе никогда не повторяется в картинах, то это нормально. Вспомните, в то время не было фотографии. Кампанию рисовали немецкие художники, а не итальянские; так же было и во времена Гете, и так это всегда напоминает.

Мы должны учить британцев ценить Германию не только эпохи Гете, но и могущественную сегодняшнюю Германию!

312

4 сентября 1942 г., полдень

Интеллигентность и знание иностранных языков. — Исповедь полезна для души. — Народные танцы. — Акробатка. — Люди путешествуют. — Нелепый дом Грока². — Некоторые архитектурные особенности

Умение говорить на нескольких языках вовсе не является доказательством интеллекта. Для ребенка говорить на двух-трех языках из-за того, что у него есть английская или французская гувернантка, привычное дело.

Испанские женщины, хоть они и говорят на нескольких языках, исключительно тупы. Жена Франко³, например, всю свою жизнь каждый день ходит в церковь. Я признаю, что исповедь имеет полезные стороны; женщина получает удовлетворение от отпущения грехов и разрешение продолжать свои любовные игры, а поп испытывает удовольствие от всего услышанного! Но конечно, за все надо платить!

У венгерских девушек необычайный темперамент! Табоди — это сущий бес, дьявол его побери! Венгерский чардаш — отличный танец, сравнимый с нашим шухплаттером и достойный любого мужчины. Наши бальные танцы, с другой стороны, — это, по-моему, средоточие женоподобия.

Несколько лет назад ко мне в канцелярию пришла одна из наших самых молодых художников, маленькая Ендрес, которая в то

¹ Лейбль Вильгельм (1844—1900) — немецкий живописец, ученик Пилоти, реалистические полотна, посвященные патриархальному баварскому крестьянству.

² Грок (наст. имя Адриен Веттах) (1880—1959) — немецкий клоун.

³ Кармен Поло (1902—?) — супруга (с 1933) Франсиско Франко.

время была все еще маленькой девочкой. Она приходила ко мне по какому-то поводу — кажется, с просьбой уменьшить затраты на перевозку ее багажа. А сейчас я слышу, она — одна из самых выдающихся в Германии женщин-канатоходцев. Недавно она подавала прошение на освобождение от призыва в армию ее брата, которого она хотела бы иметь своим партнером в поездке по войсковым соединениям вермахта. Она не смогла найти ни одного подходящего партнера и, как мне показалось, была бы для нас много ценнее, если бы развлекала солдат, чем сражалась на фронте. Когда я видел ее до войны, это была угловатая, неуклюжая маленькая девушка, но даже тогда ей предсказывалось великое будущее артистки.

Недавно я читал о том, что целая семья акробатов разбилась до смерти, и поэтому немедленно приказал, чтобы при отсутствии страховочной сетки не разрешалось выполнять никаких опасных акробатических вращений. Несправедливо, когда некоторые блестящие артисты гибнут из-за какого-то мелкого просчета; а присутствие страховочной сети вовсе не уменьшает интереса публики к выступлению.

Однажды я сам присутствовал при одном смертельном случае, и я решил, что никогда больше не рискну. Моим нервам уже и так пришлось много перенести без этих неожиданных добавок. Главное — это дать артисту шанс доказать свое мастерство; неудача в специальном трюке не может быть причиной, по которой он должен расстаться с жизнью. На следующий раз он сделает это лучше! Но в номерах эстрадного представления публика ждет от артистов все большего и большего риска.

С величайшим удовольствием я наблюдаю за клоунами вроде Грока. Такие люди — это просто резонатор человеческой души. Дом Грока на Ривьере настолько удивителен, что любая индусская пагода в сравнении с ним — это строгий прусский жилой дом! Только буйный помешанный из Саксонии мог сотворить нечто подобное.

На дороге из Фрайберга в Дрезден я однажды заметил сооружение такого же рода, настоящий шедевр дурного вкуса. Мы остановились, чтобы перекусить в соседнем ресторане, и нам рассказали, что хозяин того дома сколотил кучу денег на Дальнем Востоке. И именно в этом доме алхимик Таунсенд проводил свои опыты.

В Берхтесгадене нам удалось сохранить единство стиля. Не думаю, что в Грюнвальде мы должны строить швейцарские шале [сельские домики. — *Пер.*]; но в такой местности необходима широкая односкатная крыша, а иначе под ветром будет заливать дождь, и вода промочит всю обшивку, и дерево в конце концов сгниет. Ветру нельзя давать попадать внутрь дома, а верхний этаж надо уберечь от воды. В Эрцгебирге лучше сохранить черепицу темного цвета. В Рейнланде, к сожалению, отсутствует однообразие. Но вблизи Альп и на всем пути в Аллгау можно увидеть самые красивые фермерские дома с ярко раскрашенными фасадами.

5 сентября 1942 г., полдень

Монастырь в Маульбронне. — Испанию нельзя не любить

Монастырь в Маульбронне — один из самых прекрасных из числа ныне существующих, главным образом благодаря тому, что в Средние века он перестал быть монастырем и не был перестроен или модернизирован, как это случилось со многими другими монастырями. Правила ордена, которые я читал, были крайне суровы. Зимой у монахов была лишь одна отапливаемая комната; эта общая комната была построена над погребом, в котором разводились костры и от которого трубы вели горячий воздух в находившуюся выше комнату. Две тысячи лет назад римляне использовали такую же систему, а остатки их установок подогрева до сих пор видны в крепости в Заальбурге.

Испания — это страна, к которой невозможно не испытывать чувства привязанности. Испанцы полны *grandeza* [величия. — *Пер.*], а во время войны — мужества. Не думаю, что найдется немец, который со мной не согласится. Один из наших основных районных лидеров только недавно возвратился из Испании, и он мечтает вернуться туда. Мне не встречался еще человек, который бы не был полон восхищения по отношению к испанцам.

5 сентября 1942 г.

Я помог избавиться от Серрано Суньера. — Личность Альфонса XIII¹. — Порода правителей. — Процесс отбора наоборот. — Свита эрцгерцога Отто. — Искусство выращивания идолов. — Серрано Суньер и Латинский союз

Эпп только что прислал мне статью о колониальных проблемах. Должен сказать, никакие колонии, которые мы могли бы получить где-либо в мире, не сравнятся с теми, которыми мы владеем на Востоке.

Серрано Суньер, если б у него был шанс, постепенно устроил бы уничтожение Фаланги и восстановление монархии. Его опала определенно была ускорена моим недавним заявлением о том, что он — абсолютная свинья!

Альфонс XIII наверняка был человеком, который сам себя уничтожил. Зачем, спрашивается, он не удержал Примо де Ри-

¹ Альфонс XIII (1886—1941) — король Испании (1902—1931).

веру?¹ Я могу понять многое, но никогда не пойму, почему, если уж захватил власть, не удерживаешь ее изо всех сил!

Правители составляют породу, уникальную во всем мире по своей тупости; они представляют собой классический пример действия закона отбора наоборот. Если бы Габсбурги вернулись в Венгрию, то по причине их тупости присутствие их послужило бы импульсом для беспрецедентного кризиса. Есть обстоятельства, в которых пассивная позиция совершенно неприемлема. С каждым новым поколением государи Европы становятся все более дегенератами. В Баварии этот процесс развился до масштабов трагедии, потому что они в конце концов становились сумасшедшими. Ведь все европейские королевские семьи произошли от древнего франкского дворянства, которое было создано Шарлеманем и с того времени выродилось из-за межродственных браков. Австрийские государи имели большой шанс на выживание, потому что им разрешалось искать себе жен среди людей незнатного происхождения.

Могу лишь восхищаться терпением народа, который выдерживал таких пустышек! Обычай кланяться членам королевской семьи имел, по крайней мере, ту пользу, что не давал подданным возможности лицезреть идиотские лица их правителей!

Никогда не прекращалась работа по улучшению пород скота, но в случае аристократии получались обратные результаты. Гогенцоллерны не стали исключением из этого правила; у всех у них идиосинкрязия, не исключая нашего дорогого А.-В.² Нужен закон, запрещающий принцам половые связи с кем-либо, кроме шоферов и конюхов.

Если бы испанскому претенденту предложили корону Бразилии, он бы ее принял без колебаний. С таким же энтузиазмом он стал бы и королем Швеции! Его абсолютно не волнует, что это за страна, поскольку он ее король! Имеют ли подобные люди какую-нибудь цену? Копание в архивах этих семей дает поучительный опыт; Виттельсбахи хотели обменять Зальцах на Бельгию, но дело не выгорело из-за распрей по поводу шестидесяти восьми акров земли, а также, в некоторой степени, благодаря вмешательству Фридриха Великого, который не желал расширения влияния Габсбургов на запад. Переговоры вел министр Крейтмайер³, почему и наш друг Ганфштенгль настаивал на уничтожении памятника Крейтмайеру в Мюнхене. Я был против этого. Люди того времени не обладали национальным чувством, как оно нами

¹ П р и м о д е Р и в е р а - и - О р б а н е р х а Мигель (1870—1930) — испанский государственный деятель, генерал. В 1923—1930 гг. возглавлял правительство.

² Август-Вильгельм, принц (1887—1949), сын императора Вильгельма II, член НСДАП (с 1930), член СА (с 1931), входил в Прусский государственный совет (с 1933).

³ К р е й т м а й е р — баварский министр юстиции.

понимается сегодня. Людвиг I Баварский был первым монархом, который мыслил категориями всего рейха. А для других династические интересы были превыше всего.

Описание поездки Отто, сына Циты, в Будапешт читается как роман. Его свита состояла из венгерской знати — и взгромоздившегося на мотор герольда, который время от времени чуть ли не разрывал свои легкие, подавая трубные звуки! Хорти даже не соизволил его принять. Вся эта буффонада была организована Цитой; а ее неприятие — работой мадам Хорти. Оставляю вашему воображению разгадку этого грандиозного мероприятия! Единственный, в чью голову пришла мысль поприветствовать этих героев, был брат Франца Легара. В Вене для Отто самое место было бы где-нибудь служить метрдотелем. Если б у Габсбургов было характера хоть на унцию, они бы либо защищали свое наследство, либо умерли; а тут они послушно отказываются от своих прав — а потом пытаются силой вернуть их!

Человечество не может существовать без идола. Американцам, например, обязательно надо вознести своего президента на пьедестал — пока он остается президентом. Монархии подобным же образом показали себя специалистами по созданию этого особого типа идола, и тут нет сомнений, что все представление имеет определенный смысл. Оно отлично проходит, но при всегдашнем условии, что имеет поддержку силы и власти. Церковь, например, не имеет ничего, кроме внешних ловушек; ее войска состоят из безобидных лучников, приятных парней со сломанными стрелами! Но стоит только взглянуть, как они маршируют в праздничной процессии Тела Христова, чтобы понять, почему революционеры 1918 г. оставили их в покое!

Когда Франко появляется на публике, он всегда окружен своей мавританской гвардией. Он усвоил всю изысканность королевского достоинства, а когда вернется король, он станет идеальным стреляющим!

Я вполне уверен, что Серрано Суньером понукало духовенство. Его план состоял в создании Латинского союза с участием Франции, Италии и Испании с последующим переходом на сторону Британии — и все это с благословения архиепископа Кентерберийского, — и придать немного пикантности в виде коммунизма для полноты счастья!

Я думаю, одним из лучших наших решений за все время было то, что мы разрешили Испанскому легиону¹ сражаться на нашей стороне. При первой же возможности я награжу Муньоса Гранде Железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это воздастся сторицей. Солдаты, какими бы они ни были, всегда полны энергии, имея храброго командира. Когда для легиона придет вре-

¹ Имеется в виду «Голубая дивизия», которой командовал генерал Августин Муньос Гранде.

мя возвратиться в Испанию, надо будет его переоснастить в королевских масштабах, дать им кучу трофеев и горстку русских генералов в качестве трофеев. И потом легион триумфально войдет в Мадрид, а его престиж будет недосягаем.

Вообще-то испанская пресса — самая лучшая в мире!

315

6 сентября 1942 г., полдень

Тоненькая ниточка судьбы. — Ошибки русских в Сталинграде. — Расовое смещение. — Матросы в отпуске

Грустно думать о том, как тонка нить, на которой иногда висит история мира! Мы проиграли войну 1914—1918 гг.; но мы не имеем права утверждать, что произошло это потому, что нас подвел тыл. У наших врагов в то время были солдаты высочайшего качества. Танки впервые появились в сражении на Сомме в 1916 г.; но лишь в 1917 г. наша промышленность приступила к их производству, имея заказ на первоначальную квоту в шестьсот танков. В то же самое время Фуллер¹, имея поддержку Ллойд Джорджа и Черчилля, сумел добиться того, чтобы был снят запрет на их производство, наложенный Хейгом².

Становилось все более очевидно, что раскол в общественном мнении Британии постепенно ширится и каждый примыкает к правым или левым в зависимости от личных симпатий.

Из всех наших союзников Антонеску обладает наиболее широким кругозором. Это в полном смысле слова личность, и к тому же он осознал, что эта война дает Румынии шанс завладеть господством на Балканах, но при этом другие Балканские страны создадут враждебный альянс против нее.

Концентрация усилий на обороне Сталинграда — серьезная ошибка со стороны русских. Победителем в этой войне станет тот, кто совершит меньше ошибок и у кого к тому же слепая вера в победу. Если бы русские не решили отстаивать Сталинград, они бы сделали это где-нибудь еще; но это доказывает факт, что имя может придать географическому месту значимость, которая не имеет отношения к первоначальной ценности этого места. Для большевиков потерять Сталинград было бы зловещим предзнаменованием — и поэтому они удерживают Ленинград! По этой причине я всегда отказывался позволять присваивать мое имя (или кого-нибудь из моих коллег) любому объекту, подверженному опасностям войны, будь это

¹ Фуллер Джон (1878—1966) — английский военный теоретик, генерал-майор, историк. Один из создателей концепции танковых войн.

² Хейг Дуглас, граф (1861—1928) — английский фельдмаршал, командовал войсками метрополии (1919—1920).

город или линкор. Как раз во время войны люди становятся наиболее суеверными. Римляне, включая и Юлия Цезаря, были суеверны; хотя вполне возможно, что Цезарь не был суеверным на самом деле, а просто склонялся перед общественным мнением. Я сам никогда не начну никакое наступление тринадцатого числа не потому, что я суеверен, а потому, что другие верят в приметы. Даты в моей жизни не играли никакой роли. Меня часто постигали неудачи в дни, считавшиеся благоприятными, и успехи приходили в дни, осужденные быть несчастливыми.

Прорыв в Аббевиле¹ — это продвижение на какие-то триста пятьдесят километров, которое ничего не значит в сравнении с расстояниями на Востоке. Там необходимо преследовать безостановочно, не давая им никакой передышки.

Что за прекрасный народ голландцы! Девушки изумительны и во многом отвечают моему вкусу. Физические дефекты у голландцев вызваны межрасовыми связями с малайцами, а это, в свою очередь, результат сексуальных побуждений и отсутствия в их колониях белых женщин в достаточном количестве. У нас было во многом то же самое в наших собственных колониях; немец имел право жениться на негритянке при условии, что она была католичкой, но не на немецкой девушке, если ей довелось быть протестанткой. Даже сегодня католический священник месяцами занимается словоблудием, если кто-то из его паствы вдруг пожелает вступить в брак с протестантом. Не так давно в сельской местности брак между католиком и протестантом клеймился как оскорбление святому алтарю; но никто не ломал себе голову о цвете внебрачных детей! В Британской империи совсем другое дело; но англиканская церковь — это скорее политическая, чем духовная организация.

Вновь и вновь ко мне обращаются с просьбой санкционировать брак между кем-то из наших солдат и иностранной девушкой; и не так редко этот солдат — красивый парень, а девица — мелкая шлюха. Из такого союза не выйдет ничего, кроме катастрофы. Наиболее подвержены этой опасности флот и войска ПВО, потому что они стоят в одном месте дольше, чем другие рода войск. То же самое было в Первую мировую войну. Фламандские девушки были самыми симпатичными, и, если бы война нормально завершилась, многие из них наверняка вышли бы замуж за немецких солдат.

Фюрер в шутку спрашивает у адмирала Кранке:

В распоряжении ваших матросов каждый день только три свободных часа на берегу; не могли бы вы немного добавить им? Если уж они должны околачиваться в порту, так лучше всего их использовать в беготне за девушками!

¹ Имеется в виду взятие города англо-французскими войсками во время сражения на реке Сомме.

6 сентября 1942 г., вечер

Германская эмиграция и использование химических удобрений. — Между нами и британцами. — Возмездие. — Британия начала воздушные бомбежки

В прошлом экономические тяготы вынуждали немцев покидать страну в массовом порядке; это давление внезапно прекратилось — можно сказать, почти сразу же — с внедрением искусственных химических удобрений, которое имело глубокий эффект на наши продовольственные проблемы. К этому надо добавить индустриализацию нашей страны как результат изобретений начала XVIII века.

Веками война ограничивалась конфликтами между государствами внутри рейха. Британцы, со своей стороны, всегда вели войны против иностранцев и, как следствие этого, не имели идеи рыцарского поведения в войне. Многие годы нас высмеивала мировая пресса как *der deutsche Michel* [немецкого Михеля. — *Пер.*]; но сейчас британская пресса с нами обращается более любезно. Постепенно они стали нас рассматривать как социально приемлемых, потому что мы показали, что идем своим путем, ни на кого не обращая внимания.

Важно отметить, что британцам мы спуска не дадим, глаз — за глаз, зуб — за зуб. Мы должны открыто заявить, что с данного момента пилоты, спускающиеся на парашютах, будут расстреливаться в воздухе, что подводные лодки будут обстреливать людей, оставшихся в живых после торпедных атак их кораблей, будь это солдаты или гражданские лица, женщины или дети! Заодно эти хамы поймут, что держатся за грязный конец палки, и станут действовать соответственно. Я не делаю секрета из факта, что в моих глазах жизнь одного-единственного немца дороже, чем жизнь двадцати британцев, и в этом отношении у нас преимущество. В наших руках военнопленных неизмеримо больше, чем у них — наших, и очень важно захватывать как можно больше знати. Заключение в кандалы ста тридцати офицеров после рейда на Дьепп имело великолепный эффект. Они полностью безразличны к участи рядового солдата, но повешение полдюжины британских генералов потрясет британское общество до основания. Сейчас, когда г-жа Черчилль ходит под ручку с мадам Майской, британские военнопленные не могут пожаловаться, что их заставляют жить вместе с русскими пленными. Это было бы великолепной мерой, на которую они смогли бы ответить лишь тем, что заставили бы наших пленных жить вместе с итальянцами! Если они станут угрожать более жестокими мерами, мы ответим тем, что будем вешать капитанов всех потопленных кораблей! Торговый флот тогда поведет себя совсем по-другому. Пока мы развлекаем их кофе с коньяком, японцы это делают. Британцы — реалисты, лишённые всякой щепетильности и

холодные как лед; но как только мы покажем наши зубы, они станут благожелательными и чуть ли не дружественными!

Это Британия начала воздушные налеты. Четыре месяца мы терпеливо — и, возможно, ошибочно — сидели сложа руки. Немец всегда придерживается моральных устоев, что для британца ничего не значит; для него такое поведение — просто признак слабости и тупости. В прошлом мы восстанавливали баланс, отвечая самым жестоким и даже варварским образом.

Наши завоевания на Западе могут добавить некоторый шарм нашим владениям и представить какой-то вклад в нашу общую безопасность, но наши восточные завоевания бесконечно более ценны, потому что являются фундаментом самого нашего существования.

317

7 сентября 1942 г., полдень

**ОСОБЫЕ ГОСТИ: РЕЙХСМИНИСТР ШПЕЕР,
РЕЙХСКОМИССАР КОХ, ФЕЛЬДМАРШАЛ МИЛЬХ**

**Воспоминания школьных дней. — К испытанной системе
образования**

Мы, ученики старой Австрии, воспитывались в духе уважения к старым людям и женщинам. Но к своим учителям не имели никакой пощады; они были нашими природными врагами. Большинство из них были в некоторой степени умственно расстроены, а кое-кто, честное слово, кончил свои дни лунатиком! К тем из них, кто были хорошими парнями, мы относились с исключительной привязанностью; но таких среди общей массы было слишком мало.

Информация о личных слабостях различных преподавателей передавалась из класса в класс и от поколения к поколению. В третьем классе у нас был учитель физики по имени Кениг. Каждый класс знал, что в начале нового учебного года ученики делятся на две группы — почему, не имею понятия. И Кениг отдавал следующее указание: «Ученики, стоящие ближе к окну, соберись у окна; те, кто стоят около печи, соберись у печи!» Ученики немедленно бросались делать противоположное. Бедный мужчина прыгал от негодования, восклицая, что ученики с каждым годом становятся все тупее; ему никогда не приходило в голову, что настоящим дураком был он сам!

Священник, преподававший нам Закон Божий, был пузатым человеком небольшого роста. Перед его приходом мы ставили скамьи поперек прохода, через который ему предстояло прошеествовать, делая его все уже и уже. Этот тупица никогда не догадывался о трюке;

он торжественно двигался до тех пор, пока, наконец, на полпути к своему столу вдруг не застревал между скамьями!

Перед уроком естествознания мы посыпали пол в классе травой и скорлупой и невинно объясняли, что изучаем ботанику.

У нас был методический план, согласно времени года, для разжигания буйства и хаоса в классной комнате. Весной успешно работал трюк с роем майских жуков, которых мы выпускали в классе, а потом хором кричали: «О-о, господин учитель! как можно учиться, когда в классе столько жуков!»

Как вы можете себе представить, я был у учителей в особой немилости. Я не проявлял ни малейшей способности в иностранных языках — хотя я преуспевал бы, не будь учитель природным идиотом. Кроме того, я не мог выносить его вида, и, по чести, должен признаться, что чувства были взаимными. За нечесаной бородой виднелся засаленный, желтый от грязи воротник, и это было отвратительное во всех отношениях создание; он очень бесился, потому что я не знал ни слова по-французски. Одаренный мальчишка тринадцати—четырнадцати лет всегда может взять верх над учителем, оступившим от мельницы многих лет преподавания.

Наши учителя были абсолютными тиранами. Они не испытывали к подросткам никакой симпатии; их единственной целью было напичкать наши мозги и превратить нас в эрудированных обезьян наподобие их самих. Если какой-нибудь ученик показывал слабые следы оригинальности, они неутомимо его преследовали, а образцовые ученики, которых я знал, все по жизни оказались неудачниками.

Хорошее преподавание должно признавать и развивать личность отдельного ученика. В этом отношении в современный период создание учительского корпуса и пересмотр методов преподавания привели к огромному улучшению состояния дел.

Среди наших учителей только один прилично одевался; и интересно, что, как-то посещая Клагенфурт, я там встретил его — в войсках СС! Старик, тогда уже находившийся на пенсии, был, кажется, членом подпольных СС до аншлюса. Меня очень тронула встреча с ним.

Я легко пойму, почему молодежь Древней Греции иногда отправлялась далеко от дома, чтобы учиться у преподавателя на свой выбор. И кстати, объединялась вокруг своих учителей, когда шла в бой. Не бывает большего энтузиазма, чем в тринадцать—семнадцать лет. Ребята с радостью дадут изрезать себя на кусочки ради своего учителя, если это настоящий человек. Я бы очень хотел видеть нашу молодежь, ведомую в бой своими учителями!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1943 год

13 июня — 24 июня

318

13 июня 1943 г., вечер

Опасности сверхцентрализации культурной жизни. — Будущее технологии. — Французские художники. — Великие достижения в живописи XX столетия совершены немцами. — Архитектура в Берлине и Мюнхене

Меня очень волнует, как бы, когда меня уже не будет, кому-то в голову не пришла идея централизации в Берлине ряда музеев для художественных шедевров рейха, для военных трофеев и оружия и для образцов германского индустриального и научного гения. Это бы создало совершенно ложную концепцию объединенного государства, и хуже всего будет то, что инициатор наверняка станет утверждать, что, поступая таким образом, он следует идеям «нашего покойного фюрера». Ведь, по сути, мы, напротив, должны вести политику разумной децентрализации. Немецкий музей в Мюнхене с его двадцатью тремя километрами экспонатов вполне удовлетворяет чисто национальную потребность, и было бы ужасно, если бы кто-то заявил, что нам нужен музей в Берлине с сорока пятью километрами экспонатов!

В Военном музее, который я собираюсь заложить в Линце, один раздел я хочу посвятить науке фортификации с самых ранних времен до дней линии Мажино и Западного вала. Для того чтобы возбудить интерес у молодежи, понадобятся точные модели. Одной из наибольших достопримечательностей Немецкого музея в Мюнхене является наличие большого количества отлично сделанных действующих моделей, которыми посетители сами могут управлять. Не случайно так много молодежи из удаленного от моря города Мюнхена откликнулось на зов моря.

Мы должны исходить из того, что сегодня технические науки стоят на пороге своего развития. Моторизация совершает свои первые робкие шаги. Прошли многие столетия, пока человеческую энергию заменила энергия животных, и также пройдет много веков, пока моторизация достигнет своего полного совершенства.

Никак не могу заставить себя купить какую-либо картину, написанную французским художником, потому что не уверен, где проходит разграничительная линия между тем, что я понимаю, и тем, чего не понимаю. То же ощущение владело мной, когда я смотрел на картины Коринта¹ и Трюбнера — достаточно упомянуть двух наших немецких художников. Эти мастера начали с достойных картин, а потом, движимые гордыней, начали выдавать самые удивительные и экстраординарные произведения. В литературе евреи уже оставили свой пагубный след, а художники наподобие Коринта и Трюбнера последовали за ними. И в результате — жуткая мазня, которой они нас огорчают.

В живописи итальянцы были действительно велики с XIV по XVII столетие; в XVIII веке они почили на лаврах, в XIX их свет начал тускнеть, а сегодня итальянская живопись полностью выродилась. Все это мне кажется невысказанным, но я полагаю, что тут действует закон средних величин. В XIX веке величайшие шедевры в каждом виде были созданы нами, немцами. В тот же самый период у французов тоже было несколько хороших художников, но со временем все они увяли.

Когда я думаю о здании Парижской оперы, не могу удержаться от мысли, что Оперы в Дрездене и Вене относятся к другой категории. Сам дизайн Парижской оперы — работа гения, но исполнение, с художественной точки зрения, очень заурядное: и интерьер вычурный, перегружен украшениями и лишен всякого художественного вкуса. Мы должны добиться, чтобы новое здание Оперы, которое собираемся построить в Мюнхене, превзошло во всех отношениях все, что было до него построено.

Мюнхен XIX века имеет много общего с Берлином времен Фридриха Великого. Идеи были изумительно широки, но строительство не поспевало за ними просто потому, что не было нужных денег. В Берлине Фридриха Великого так не хватало денег, что считалось возможным устанавливать статуи только на основной постамент памятника. В Мюнхене открыто соглашались, что дома того периода строились низкокачественно. При строительстве «Prinzregenten-Theater» сэкономили буквально на всем, а стоимость строительства, не считая внутренних декораций, составила менее миллиона трехсот тысяч марок. В Берлине в то же самое время масштабы были более щедрые. Рейхстаг — как ни чудови-

¹ К о р и н т Ловис (1858—1925) — немецкий живописец, график, импрессионист. В последние годы тяготел к экспрессионизму.

щен он был — стоил в общей сложности двадцать восемь миллионов марок. Но то, что он был добротнo построен, было доказано во время великого пожара.

Дворец правосудия в Мюнхене, возможно, наикрасивейший образец позднего барокко. Типичным для эпохи либерализма является Дворец правосудия в Брюсселе. Это какой-то циклоп, который доминирует над всем городом; а забавно, когда суд господствует над всем!

Я вполне уверен, что никогда человек не будет сражаться за свою страну с большей самоотверженностью, нежели защищая художественное и интеллектуальное наследие своей нации. Сегодня мы имеем свежие доказательства этому. Уничтожение национального монумента оказывает на общество большее влияние, чем уничтожение какого-нибудь завода.

319

14 июня 1943 г., вечер

В защиту Меттерниха¹. — Меттерних и Бисмарк, параллель между ними

О Меттернихе часто неверно судят. Он сделал все возможное, чтобы вселить новую жизнь в труп. Являясь канцлером Австрии, а также с точки зрения Габсбургской династии, он не мог действовать иначе. Он служил Габсбургам, воодушевленный стремлением вернуть им их славу прошлых дней. И именно это вдохновляло его на сверхчеловеческие усилия для возврата к Ренессансу старой империи. Неоспоримо то, что он был неразборчив в средствах для достижения этой цели. Но о его действиях надо судить в свете превалявавших в то время условий. Никто, скажем, не мог в 1830-м или 1840 г. предвидеть методы, использовавшиеся Бисмарком. Поэтому тут скорее проблема не Бисмарка или Меттерниха, а проблема имперской канцелярии или того разнородного конгломерата, именовавшегося Германской конфедерацией. Во Франкфурте ничто не было сделано и ничто не могло быть сделано; и все-таки можно правильно заявить, что каждый по-своему преследовал одну и ту же цель. Меттерних надеялся достичь ее через восстановление авторитета Габсбургов; Бисмарк — через провозглашение господства Пруссии. Оба избегали какого-либо парламентского решения. Бисмарк добился успеха, Меттерниха же ожидала неудача. Но это не может быть причиной для его осуждения.

¹ Меттерних-Виннебург Клеменс, князь (1773—1859) — австрийский государственный деятель, дипломат. Один из создателей Священного союза (1815).

Без резко революционного шага в войне 1866 г. Бисмарк не победил бы. А если б его постигла неудача, его бы наверняка распяли. Когда Меттерних был у руля власти, еще не созрело время для принятия судьбоносного решения. По той же причине Бисмарка нельзя обвинять за то, что не создал сегодняшнего Великого Германского рейха.

В борьбе с Наполеоном Меттерних был так же полон энергии, как и самые преданные германские патриоты. То, насколько было нерешительным общественное мнение даже после 1866 г. на тему, какая гегемония должна превалировать, австрийская или прусская, ясно видно по тому факту, что в 1867 г. прусские консерваторы заняли позицию, враждебную Бисмарку, и потребовали его отставки. Очевидно, очень трудно ретроспективно вершить правосудие над таким человеком, как Меттерних.

320

15 июня 1943 г., полдень

Интеллектуальная и художественная бедность. — Безделушки и хромированный фотошаблон. — Только декадентское искусство вредно. — Тевтонская ностальгия. — Необходимость открытого пространства

Индустриализация страны неизбежно вызывает обратную реакцию и дает начало рецидиву в некоторой степени романтизма, который нередко находит выражение в мании коллекционирования безделушек и отчасти дрянных предметов искусства. Это феномен, который повторяется с каждой новой волной миграции из деревни в город. Пришельцев интересуют не музеи и картинные галереи, а склепы, которые поощряют склонность к загадочному, вроде голубого грота, где живут нимфы. Процесс исправления занимает от пятидесяти до ста лет.

К сожалению, период экономического и индустриального прогресса в Германии совпал с периодом колебаний и нищеты в живописи. Нельзя, по справедливости, винить в этом массы, если вспомнить тот художественный хлам, которым заваливали свои дома крупные промышленники. Но это были люди с интеллектом, и на них я возлагаю большую вину.

Массы все еще привлекает несколько испорченное искусство, но в этом нет ничего общего с художественным вырождением. Если б меня спросили, готов ли я одобрить это, моим ответом будет: я одобряю все, что не ведет к художественной безнравственности. Не всегда ошибочно восхищение, которое мы испытываем при виде так называемой «красоты шоколадной коробки»; это, по крайней мере,

свидетельствует о наличии художественного восприятия, которое впоследствии может стать основой для настоящего вкуса.

Абсолютно верно, что мы — народ романтиков, совсем отличный, например, от американцев, которые ничего не видят дальше своих небоскребов. Наш романтизм происходит от глубокого понимания природы, которое присуще нам, немцам. Чтобы правильно оценить таких художников, как Вебер, Людвиг Рихтер¹ и другие романтики, надо знать горы Франконии, потому что здесь находятся истоки, рождающие романтизм как в музыке, так и в живописи; и, конечно, мощный вклад вносят истории и легенды нашего фольклора.

Американцев волнуют только романы о краснокожих; но интересно заметить, что писатель, создавший самые яркие романы об индейцах, — немец. Единственное, что есть у американцев, а у нас — нет, это чувство открытых пространств. Отсюда и особая черта нашей формы ностальгии. Наступает время, когда это стремление к экспансии уже нельзя сдержать, и оно должно воплотиться в действие. Бесспорный факт, что голландцев, например, занимавших самые плотно заселенные районы немецких земель, несколько столетий назад погнало в путь это неодолимое стремление к экспансии, к обширным завоеваниям за рубежом.

Что, хотел бы я знать, случилось бы с нами, если б в нашем распоряжении не было иллюзий огромных просторов? По мне, одной из прелестей Шпессарта является то, что там можно ехать часами и не встретить ни души. Наши автобаны дарят мне такое же ощущение; даже в самом густонаселенном районе они воспроизводят атмосферу широких просторов.

321

17 июня 1943 г., вечер

Великие природные катаклизмы. — Страх неизвестности

Я не могу поверить, что различные периоды истории Земли длились так долго, как хотят нас заставить верить специалисты. В любом случае у них нет доказательств в пользу своих гипотез. У меня есть ощущение, что в их оценках сыграл свою роль страх перед неизвестным и страх природной катастрофы. Во время недавнего землетрясения в Вюртемберге основным занятием печати было внести успокоение в публику, настаивая, что серьезной опасности не существует и что нет никаких признаков ухудшения ситуации.

¹ Р и х т е р Адриан Людвиг (1803—1884) — немецкий художник и график, романтик.

Совершенно невероятно, как много есть людей, неспособных смотреть реалиям в лицо и которые, сталкиваясь с опасностью, не могут спокойно рассчитать свои действия в этом случае. Такие люди, в большей своей части, трусы, страх неизвестности неискоренимо живет в них.

322

19 июня 1943 г., за столом

Большие линкоры. — Морская пехота

Прежде я планировал построить самую мощную эскадру линкоров в мире и хотел назвать два самых могучих из них «Ульрих фон Гуттен» и «Гец фон Берлихинген». Сейчас я очень рад, что отказался от этой идеи. Дело в том, что, если бы у нас была такая эскадра, мы бы были морально обязаны использовать ее. А какую практическую пользу может принести такая эскадра сегодня? Она была бы осуждена играть роль «последнего рыцаря в доспехах».

В наши дни эволюция происходит так быстро, что основное значение сегодня обрела морская пехота. Помимо подводных лодок, мы крайне нуждаемся в небольших кораблях — могучих корветах, эсминцах и т. п. — вот какие классы ведут бой сегодня.

Сейчас японцы располагают самым мощным флотом линкоров в мире, но их очень трудно использовать в бою. Им самая большая опасность грозит с воздуха. Помните «Bismark»!¹

323

24 июня 1943 г., вечер

**Энергичный пульс Берлина. — Вена — родина музыки. —
Моцарт. — Славянская кровь и германская кровь. —
Бетховен. — За и против Вены. — Новая столица рейха. —
Верность Линцу. — Замечание о Трайшке. — Интересы
рейха — превыше всего**

Я думаю, в Берлине трудятся упорнее, чем где-либо еще. Я не знаю другого города, в котором можно было бы завершить строительство рейхсканцелярии за девять месяцев. Берлинский рабочий как скорый и искусный мастер не имеет себе равных. Нет ничего

¹ Гитлер использует пропагандистское клише американцев, предшествовавшее испано-американской войне 1898 г., — «Помни «Мэн»!». Оно было связано с подрывом испанскими военными американского линкора в гаванской бухте в День независимости США (4 июля). Гибель корабля явилась поводом к началу войны.

похожего на него ни в Мюнхене, ни в Вене, где примесь чужой крови — польской, чешской, славянской, итальянской — все еще оказывает свое влияние.

Когда говорят о Вене и музыке и провозглашают Вену самым музыкальным городом в мире, нельзя забывать, что во времена наших великих композиторов Вена была имперским городом. Она служила привлечением для всего мира и была поэтому городом, который предлагал артистам величайший простор и возможности. Несмотря на это, как подло обращались там с музыкантами! Неправда, что и Бетховен и Гайдн имели успех при жизни. Там потерпела неудачу опера Моцарта «Дон Жуан». Почему же тогда Моцарт поехал в Вену? А просто потому, что надеялся получить от императора пособие, которого так и не получил. Семья Моцарта, как это было установлено, была из Аугсбурга; поэтому он был не австрийцем, а швабом. Всем расцветом в Вене наша музыка не обязана этому городу; такие вещи не произрастают из своего окружения, а появляются благодаря гению расы.

Поистине творческая музыка создается частично по вдохновению, а частично — благодаря дару композиции. Вдохновение имеет славянское происхождение, а искусство композиции — германское. И вот когда эти две вещи собираются в одном человеке, тогда появляется гений. В музыке Баха композиция изумительна, а вот наверняка в его венах не было ни капли славянской крови. Что касается Бетховена, с одной стороны, одного взгляда на его голову достаточно, чтобы увидеть, что он — выходец из другой расы. Не случайно британцы никогда не давали миру гениальных композиторов; это потому, что они — чисто германская раса.

Не думайте ни на секунду, что я враждебен к Вене. Я с такой же энергией критикую в Берлине все, что мне не нравится. Моя задача куда более велика, и я не мыслю категориями Вены или Берлина. Мое историческое чутье подсказывает мне, что ситуация в будущем изменится, а поэтому мне необходимо думать о том, что случится, когда меня уже не будет. Опасность возникнет для всего рейха, если Вена вдруг станет единственным центром притяжения для австрийской части наших территорий. По этой причине я чувствую себя вынужденным принять меры противодействия любой такой возможности; и также поэтому я стараюсь создать в Австрии другие культурные центры. Монополия Вены на культурную привлекательность имела бы серьезные последствия. А это такие последствия (если мы усвоим уроки, которым нас научит история), которые для нас нетерпимы.

Мюнхен не представляет такой опасности, потому что радиус его культурного влияния не выходит за пределы Баварии.

В мою обязанность входит гарантировать, чтобы не произошло никаких изменений, которые могли бы неизбежно привести к катастрофе.

Я вполне могу оценить сентиментальную притягательность Вены, но, когда наступает время принятия больших политических решений, их надо делать в рамках логики и холодного рассудка. Поэтому все, что Вена выкачала из соседних провинций, должно вернуться назад в округа.

Далее, я не потерплю никакого соперничества между Веной и Берлином. Берлин — столица рейха и останется столицей рейха. Как-то я забавлялся идеей перенесения столицы и думал о перенесении ее на озеро Мюриц в Мекленбурге. Но Шпеер убедил меня отказаться от этой мысли, потому что там такой же плохой со строительной точки зрения грунт, как и в Берлине. Я позабочусь о том, чтобы Берлин обрел все черты великой столицы. Но никакая из них не будет основана на эмоциональных предпочтениях. Я люблю берлинцев не более чем венцев. Я одинаково чувствую себя дома повсюду в рейхе, а моя любовь ко всем немцам одинакова, если они не причиняют вреда интересам рейха, на страже которых я стою. В этом отношении я веду себя так, как будто нахожусь в своей семье. Но если я вижу, что какая-то провинция или город выдвигают необоснованные требования индивидуальных привилегий, тогда я тут же хватаю оружие в руки.

Не надо мне говорить, что Вена принесла большие жертвы в этой войне и что ее сыновья доблестно погибают на полях сражений. То же самое можно сказать обо всех городах и их сыновьях по всей Германии. Это лишь выражение четкого осознания долга, а не причина для слез. Я был бы плохим сыном своей страны, если бы не ставил ее в этом отношении бок о бок с Германией.

Ни один гаулейтер не вправе ожидать от меня бóльшей финансовой или иной поддержки, чем это диктуется интересами рейха. Если я сделаю какому-нибудь округу или городу подарок в виде здания, то это будет не личный подарок — потому что я сам человек бедный, — а это будет дар от всего немецкого народа. Ответьте этот факт, потому что в этом лежит моя огромная ответственность.

Кто может заявить, что я не ценю высоко Вену? Разве я не послал туда человека, которого считаю самым подходящим и самым способным для ведения дел в этом округе? Венцы настолько обидчивы, что того простого факта, что я начал некоторое строительство в Линце, было достаточно, чтобы огорчить их. Но меня это не волнует, и я остаюсь весьма беспристрастным ко всем округам. Тем не менее, я должен сказать, что в Вене я вижу источник потенциальной опасности, если вдруг этому городу будут даны особые привилегии.

Это истинная правда, что меня в Вене встречали с радостью и ликованием. Но то же происходило в Линце, Клагенфурте, Гамбурге, Кельне и везде. И в любом случае я надеюсь, что от меня не будут ожидать какого-либо предпочтения какому-то городу из-за

пыла, с каким он меня встретил. Эти приветствия, само собой разумеется, не имеют личного адреса, а обращены к вождю Германского государства. Конечно, теплый прием в Вене доставил мне большое удовольствие; но это не помешает мне исполнять мои обязанности так, как я их понимаю, в интересах всего государства. В таких вещах сантименты не играют роли.

Я говорил Гайгруберу: «Линц всем, чем владеет и будет владеть, обязан рейху. Поэтому Линц должен стать олицетворением рейха, а на фасаде каждого здания в городе должна быть надпись: «Дар Германского рейха». Линц это осознает, и это видно на таком примере. Я прочел в «Linzer Tagespost», что какой-то артист кабаре злонамеренно нападал на берлинцев. Газета дошла до того, что возмущенно заявила, что такое поведение по отношению к столице рейха недопустимо в Линце. Право на критику принадлежит всем; но не право очернять. Мелочное соперничество между городами, районами все еще отнюдь не искоренено; и эта опасность может опять возникнуть после войны. Поэтому сейчас самое время устранить все причины для соперничества. Возможно, нет худа без добра, что я так долго был человеком без страны, потому что это научило меня понимать огромную ценность объединенной Германии.

Однажды Трайшке¹ сказал: «У Германии есть города, но у нее нет столицы». К этому я мог бы добавить, что она должна и будет ее иметь. Я позабочусь о том, чтобы ни один город в рейхе не мог соперничать со столицей.

Я изучил некоторые проекты для Вены, но они требуют финансовой поддержки рейха, которую я не считаю, что она может быть оказана другому городу, кроме столицы рейха. Любое иное решение будет неверным. Конечно, Вену надо очистить и избавиться от трущоб; и это будет сделано. Я уже очистил город от евреев, но хотел бы, чтобы и чехи убрались оттуда. Какое бы новое строительство ни начиналось в Вене, было бы глупым для нее стараться превзойти существующие славы памятники имперской столицы.

С моей стороны было преступным использовать деньги рейха на создание ситуации, которая однажды может перерасти в угрозу самому рейху. Мое чувство истории и мой политический инстинкт совместно запрещают мне действовать иначе, чем я поступаю.

Ширах, это ваша обязанность позаботиться о том, чтобы Вена сохраняла свой высокий культурный уровень. Мой долг — оберегать интересы рейха, и я рассчитываю, что каждый гаулейтер ясно это понимает. Чтобы достичь великого, надо сжечь позади многие корабли — особенно те, которые загружены личными предрассудками. Только за разумом должно оставаться последнее слово.

¹ Возможно, речь идет об историке-консерваторе Генрихе фон Трайшке.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1944 год

13 марта — 29—30 ноября

324

13 марта 1944 г., полдень

Питомник для киноактеров. — Тщетность критиков искусства. — «Волшебный стрелок» Вебера и «Кармен» Бизе

Часто говорят, что среди наших киноактеров никто не способен сыграть некоторые роли — например, роль героя. Говорят, такой тип актера не существует. Я никогда не слышал подобной чепухи. Но для того, чтобы их найти, конечно, надо их искать. Продюсеры делают ошибку, всегда ограничивая поиски старым кругом лиц — сценой и театральными агентствами. Если б они искали в других местах, то скоро бы отыскали то, что ищут. Только подумать, какие прекрасные образцы мужественности можно найти даже сейчас, после пяти лет войны, в наших полках.

Несколько лет назад, перед войной, я проезжал через лагерь Трудовой повинности в Бергдорфе. Моя машина немедленно была окружена толпой загорелых и смеющихся молодых людей. Я помню, что сказал одному из своих спутников: «Почему бы нашим кинорежиссерам не приезжать в поисках талантов в такие места, как это? Через год или два можно было бы превратить одного из этих парней в законченного актера, даже хотя бы для одной роли, на которую они ищут какую-то звезду». В этом отношении Лени Рифеншталь имеет правильную мысль: она прочесывает деревни в поисках нужных ей крестьянских типов.

По природе вещей мнение критика-искусствоведа не должно приниматься как безоговорочная и недоступная истина. Его критика, прежде всего, это выражение его собственного мнения. Когда в десяти различных газетах десять разных критиков излагают свое мнение по одному и тому же произведению, возникает ряд разных личных мнений — если только они заранее не полу-

чили инструкций от заинтересованных сторон. Имеет ли такое мнение какую-то ценность? Я сомневаюсь. Мы слишком склонны забывать, что древние не признавали критиков-искусствоведов. Они судили о произведении по его достоинствам, как они им представлялись, что, вообще-то, и есть естественный метод отбора. Критика искусства, какой она стала с начала XIX века, означает либо смерть произведению искусства, т. к. критики никогда не перестают рвать его на куски; либо смерть прессы, поскольку публика не может верить прессе, в которой критик каждой отдельной газеты излагает совершенно другую историю об одном и том же произведении. Мы бы не очень много потеряли, если бы у нас не было критиков-искусствоведов!

Одно-единственное критическое высказывание, подписанное хорошо известным именем, может уничтожить порывы художника, как минимум, на двадцать лет. Примеры этому имеются. Сколько художников, которыми мы сегодня восхищаемся, ранее подвергались осуждению оракулов всех времен! Что относится к художникам, также можно отнести и к деятелям искусства в других областях. Не забывайте, что единственного негативного высказывания Э.Т.А. Гофмана было достаточно, чтобы нанести ущерб шансам на успех «Волшебного стрелка». И все же это произведение при своей глубокой гармонии имело все ингредиенты, которые относятся к романтизму в Гофмане. Подумать только, как критики десять лет рвали Вагнера на куски! Если бы не было никого из тех, кто ценил его труд, весьма сомнительно, чтобы он смог продолжать свою работу. То же самое произошло с «Кармен». А сейчас те критики, что рвали эти шедевры на куски, полностью и окончательно забыты, а произведения живут.

325

23 марта 1944 г., полдень

**Очарование Рейнланда. — И о других частях Германии. —
Изумительная сельская местность в Богемии и Моравии**

Впервые я увидел Рейн в 1914 г. по пути на Западный фронт. В моем сердце навсегда запечатлелись те ощущения, которые возбуждал во мне вид этого исторического потока. Доброта и непосредственность рейнландцев также произвели на меня глубокое впечатление; везде они принимали нас и чествовали в самой трогательной форме. Вечером мы добрались до Ахена, я помню, что подумал, что никогда не забуду этот день моей жизни; и действительно, память о нем до сих пор жива, и каждый раз, когда я оказываюсь на берегах Рейна, я вновь оживляю поразительные

ощущения моего первого взгляда на реку. Это, несомненно, одна из главных причин — помимо несравнимой красоты сельской местности, — что вынуждают меня каждый год приезжать в Рейнланд.

Кроме Рейнланда, в Германии есть и другие места, которые мне очень приятно посещать, — Кифхаузер, леса Тюрингии, Гарц и Черный Лес. Так приятно ехать милями через леса и рощи, находясь вдали от толпы.

Всегда одним из моих величайших наслаждений было устроить пикник в тишине на обочине дороги; это не всегда легко сделать, потому что нашу колонну машин преследуют толпы водителей, желающих видеть своего фюрера на отдыхе, и нам приходится использовать все уловки и ухищрения, чтобы отделаться от этих дружественных и исполненных благих намерений преследователей; иногда, например, сворачивал на боковую дорогу, а колонна продолжала ехать по главной дороге. Тогда наши преследователи начинали обгонять одну за другой машины в колонне и, не найдя меня, мчатся вперед с еще большей скоростью, рассчитывая догнать меня впереди. Таким образом нам удавалось временами урвать несколько часов мира и спокойствия. В одном случае я припоминаю, как семья, собиравшая грибы, вдруг подошла к нашей отдыхавшей группе. Через несколько минут эти любезные люди переполошили соседнюю деревню, и все население ринулось к нам, наполнив воздух криками «Хайль!».

Очень жаль, что немцы так мало знают о собственной стране. С 1938 г. число красивых мест в пределах границ рейха значительно увеличилось. Вдобавок к Австрии у нас есть чудесные сельские пейзажи в Богемии и Моравии, которые являются закрытой книгой для всех, кроме немногих немцев. Возможно, кое-кто слышал о девственных лесах Богемии, но как много людей видело их? У меня есть коллекция фотографий, снятых в Богемии, и они напоминают мне огромные леса тропиков. Немцу сегодня, чтобы посетить все красивые места своей страны, понадобится остальную часть жизни проводить отпуск каждый год в различных районах.

326

17 мая 1944 г., вечер

Наша политика в отношении религии. — Государство упускает возможность. — Модернизм

В ходе германской истории редко государству выпадала возможность оказать какое-либо влияние на внутреннюю эволюцию церкви. Возможно, наибольшая возможность представлялась в период

модернизма примерно в 1907—1909 гг. Действительно, модернистское движение во многих отношениях было не более чем рецидив старого католического образа жизни; но во многих других отношениях это было нечто новое. Если бы тогда у государства хватило ума воспользоваться этими устремлениями в свою пользу, то оно, весьма возможно, смогло бы основать германскую национальную церковь, целиком независимую от Рима. Не следует забывать, что модернисты были искренни до предела в своем желании достичь соглашения с евангелической церковью; тогда у государства была золотая возможность для наведения мостов между двумя христианскими верами. Но государство было слишком слабым и упустило свой шанс. Не нашлось никого с необходимой дальновидностью, чтобы ухватиться за эту возможность и по максимуму использовать ее; а так инициативу легко перехватила существовавшая церковь, которой только оставалось продолжать свои угрозы и отлучения. Потому что священник в пятьдесят лет, лишенный духовного сана, не имеет никакого веса.

Сами модернисты так мучились от угроз, что в конце концов были вынуждены подчиниться. Гнев церкви являет в жизни нештучную угрозу; перед лицом настоящего кризиса церковь не ограничивается угрозами геенны огненной или чистилища в загробной жизни, но и имеет осязаемые средства сделать жизнь своих жертв ужасной и на земле. Постепенно модернистское движение распалось, а введение клятвы абсолютного повиновения церковным доктринам, наложенное на всех вновь посвящаемых священников, нанесло ему последний смертельный удар.

327

16 мая 1944 г., вечер

Исследования и обучение. — Государственная поддержка свободных исследований. — Две задачи научно-исследовательского работника и преподавателя. — Кант, Шопенгауэр, Ницше. — Обучение должно быть под контролем государства. — Мои отношения с экономистами. — Экономисты меняют свои взгляды

Ложна та теория, которая утверждает, что независимые исследования и обучение должны быть неразрывно связанными областями деятельности. Каждая из них имеет совершенно разные функции, каждая нуждается в работниках разного типа, и государство к каждой из них должно подходить с разных углов зрения.

Исследовательская работа должна оставаться свободной и освобожденной от каких-либо ограничений со стороны государства.

Факты, которые она устанавливает, представляют истину, а истина никогда не бывает злом. Долг государства — оказывать поддержку и содействовать во всех отношениях усилиям в исследованиях, даже если эти работы не обещают немедленных или даже ранних выгод с материальной или экономической точки зрения. Вполне может случиться так, что эти результаты будут ценны или дадут гигантский прогресс только в будущем поколении.

Обучение, с другой стороны, не должно, как я думаю, пользоваться подобной свободой действий. Его свобода ограничивается интересами государства, а поэтому никогда не может быть полностью неограниченной; оно не имеет права требовать той же самой степени независимости, которую я с огромной охотой признаю за исследовательской работой.

Фундаментально отличны свойства, требуемые от успешного преподавателя и научно-исследовательского работника, и их редко можно найти в одном и том же индивидууме. Человек-исследователь по природе должен быть крайне осторожен; он никогда не прекращает работать, размышлять, взвешивать и сомневаться, и его подозрительная натура порождает в нем склонность к одиночеству и самой решительной самокритике.

Совершенно другого типа идеальный учитель. Его лишь чуть-чуть или вообще не волнуют загадки бесконечности — т. е. того, что бесконечно больше, чем он сам. Это человек, в чью задачу входит передавать знания и понимание тем, кто ими не обладает и которые поэтому, в общем, уступают ему по уровню интеллекта; а следовательно, он часто склонен быть педантично догматичным.

Есть много людей, наделенных гением исследований, которые как учителя бесполезны, точно так же, как есть блестящие преподаватели, не имеющие дара к научно-исследовательской и творческой работе; и все же все они в своих соответствующих областях делают выдающийся вклад в сумму человеческих знаний.

Я не согласен с идеей необходимости ограничить свободу исследований только областями естествознания. Изыскания должны также охватывать сферу мышления и философии, которые, по сути, сами по себе всего лишь логическое продолжение научных исследований. Принимая данные, предоставленные наукой, и помещая их под микроскоп разума, философия дает нам логическую концепцию вселенной, каковой она является. Граница между исследованиями и философией расплывчата и постоянно перемещается.

В Большом зале библиотеки в Линце стоят бюсты Канта, Шопенгауэра и Ницше, величайших наших мыслителей, в сравнении с которыми британцы, французы и американцы ничего не могут предложить. Полное отвержение Кантом учений, унаследованных со времен Средневековья, и догматической философии церкви стало его величайшей услугой для нас. Ведь на основании кантовской

теории знаний Шопенгауэр построил здание своей философии, и это Шопенгауэр уничтожил прагматизм Гегеля. Всю Первую мировую войну я носил с собой труды Шопенгауэра. От него я узнал очень многое. Ницше значительно превзошел пессимизм Шопенгауэра, который, я думаю, частично происходил из его собственной линии философской мысли, а частично — из субъективного ощущения и опыта личной жизни.

В Германии есть традиция, по которой студенты в ходе учебы переходят из одного университета в другой, — традиция, которой, кстати, нет ни в какой другой стране. Но было бы ошибочным полагать, что это разнообразие в обучении предохраняет от однообразия мировоззрения, потому что хоть профессора различных университетов дерутся между собой, но в душе и в принципе они все заодно. До меня это дошло через мои встречи с экономистами. Это было, должно быть, где-то в 1929 г. В то время мы опубликовали какую-то статью о некоторых аспектах одной экономической проблемы. Тут же вся компания национальных экономистов всех мастей и из множества университетов объединила силы и подписала заявление, в котором она единодушно осуждала наши экономические предложения. Я сделал попытку серьезной дискуссии с одним наиболее знаменитым из них и тем, кто считался своими коллегами революционером в экономической мысли, — Цвединком. Результат был ужасный!

В то время государство предлагало кредит на два миллиарда семьсот миллионов марок для строительства какой-то дороги. Я сказал Цвединку, что считаю такой способ финансирования абсурдным до крайности. Срок жизни этой дороги составит около пятнадцати лет; но амортизация предоставляемого капитала будет насчитываться восемьдесят лет. Фактически государство намеревалось избежать немедленных финансовых обязательств, перекладывая расходы на плечи следующего поколения и даже второго. Я настаивал на том, что ничто не может быть столь неумным и что правительству на самом деле надо просто принять радикальные меры для снижения учетной ставки, сделав тем самым капитал более подвижным.

Далее я заявил, что золотой стандарт, фиксирование курсов обмена и т. д. были пережитками прошлого, которые я никогда не считал и не буду считать весомыми и непреложными принципами экономики. Деньги для меня — просто символ обмена за сделанную работу, а их цена зависит исключительно от стоимости выполненной работы. Я настаивал, что, если деньги не отражают оказанных услуг, они вообще не имеют цены.

Цвединек был шокирован и очень возбужден. Такие идеи, заявил он, разрушат принятые экономические принципы всего мира, а внедрение их в практику вызовет развал мировой политической экономики.

Когда впоследствии после нашего прихода к власти я воплотил свои теории в жизнь, экономисты ни в малейшей степени не были разочарованы, а спокойно уселись за работу, чтобы доказать научный аргумент, что мои теории на самом деле представляют разумную экономику!

328

Ночь с 29 на 30 ноября 1944 г.

**Иисус и святой Павел. — Христианство, еврейский маневр. —
Христианство и коммунизм. — Национал-социализм,
непримиримый враг всего еврейского**

Скорее всего, Иисус не был евреем. Евреи никогда бы не отдали одного из своих в руки римского суда; они бы осудили его сами. Вполне возможно, что в Галилее жило большое число потомков римских легионеров, а Иисус, возможно, был одним из них. Его мать вполне могла быть еврейкой.

Иисус боролся против материализма своего века, а поэтому и против евреев.

Павел из Тарса, вначале бывший одним из самых непреклонных врагов христианства, вдруг осознал огромные возможности в умном использовании, пригодном и для других целей, идеи, которая проявляла такую огромную мощь воображения. Он понял, что благоразумная эксплуатация этой идеи среди неевреев даст ему куда большую власть над миром, чем обещание материальных выгод самим евреям. И вот тогда будущий святой Павел с дьявольским мастерством исказил христианскую идею. Из этой идеи, которая стала объявлением войны золотому тельцу, эгоизму и материализму евреев, он создал объединяющий лозунг для рабов всех мастей в борьбе против элиты, хозяев и господ. Сфабрикованная Павлом из Тарса религия, которую позднее назовут христианством, не что иное, как коммунизм сегодня.

Вмешался Борман. Еврейские методы, заявил он, никогда не менялись в своей сути. Везде они подстрекали плебеев против правящих классов. Везде они разжигали недовольство установленной властью. Ибо это — семена, которые дадут урожай, который они надеялись позднее пожать. Везде они раздували пламя ненависти между народами одной и той же крови. И это они придумали классовую борьбу, и поэтому отрицание этой теории всегда будет антиеврейским действием. Точно так же любая доктрина, по сути антикоммунистическая и антихристианская, ipso facto [в силу самого факта. — Пер.], будет также и антиеврейской. Поэтому национал-социалистическая доктрина — антиеврейская in excelsis (в высшем проявлении (букв. «в

вышину»), потому что она и антикоммунистическая и антихристианская. Национал-социализм прочен до своего ядра, и вся его мощь сконцентрирована против евреев, даже в тех вопросах, которые внешне имеют чисто социальный аспект и предназначены для прогресса социальных удобств нашего собственного народа. Фюрер в заключение произнес:

Только что Бургдорф¹ дал мне статью, в которой идет речь об отношениях между коммунизмом и христианством. Приятно видеть, как даже в наше время фатальная связь между этими двумя с каждым днем становится все ясней для человеческого разума.

¹ Б у р г д о р ф Вильгельм (1895—1945) — генерал-лейтенант, шеф-адъютант вермахта при Гитлере, начальник управления личного состава сухопутных войск (1944). Именно Бургдорф передал ультиматум Гитлера Роммелю, в котором тот настаивал на самоубийстве фельдмаршала в связи с его связью с заговором полковника Штауффенберга.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Х. Тревор-Ропер. Образ мыслей Адольфа Гитлера</i>	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
1941 год. 5 июля — 31 декабря	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
1942 год. 1 января — 5 февраля	173
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
1942 год. 6 февраля — 7 сентября	291
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
1943 год. 13 июня — 24 июня	638
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	
1944 год. 13 марта — 29—30 ноября	647

Тревор-Ропер Хью
ЗАСТОЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ ГИТЛЕРА
1941—1944

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.2004
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,0. Уч.-изд. л. 43,0
Тираж 7 000 экз. Заказ № 5524

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Хью Тревор-Ропер

застольные
беседы
ГИТЛера

1941—1944

В узком кругу соратников Адольф Гитлер касался таких тем, как арийцы и русские, еврейство и гражданские войны. Он высказывался о философии, женщинах, браке, об искусстве и животных. Весь спектр его мнений от чудовищных амбиций до примитивных инстинктов обнажается с отвратительными подробностями. Книга включает в себя стенограммы, которые велись в то время, когда фюрер, не прикрываясь идеологическими штампами, излагал мотивы своих поступков, откровенно делился видением перспектив своих свершений и разрабатывал механизм превращения их в действительность.

Особый интерес к этому исследованию привлекает дословное цитирование огромного количества фактического материала. В комментариях автор обосновывает выбор темы желанием понять, как одинокий невзрачный плебей смог овладеть всеми темными силами человеческого сознания, сконцентрировать и мобилизовать их для достижения власти над миром.

ЦЕНТРОЛИГРАФ®